

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ВТОРОЙ
№ 5¹⁷. МАЙ 1907

ПЕТЕРБУРГЪ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиовская ул., 44, кв. 22.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже **20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятые рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. Неизданная глава изъ „Былого и думъ“ А. И. Герцена	1
2. Эмигрантъ Иванъ Головинъ (<i>По неизданнымъ матеріаламъ</i>). М. К. Лемке	24
3. Земское движеніе до образованія партіи «Народной Свободы» (<i>Продолженіе</i>). И. П. Бѣлоконскаго	54
4. Маленькое дѣло. В. С. Ефремова	81
5. Воспоминанія. (<i>Продолженіе</i>). М. Ю. Ашенбреннера	106
6. Красные дни въ Нижнемъ-Новгородѣ. Платона Лебедева	124
7. Изъ исторіи социалдемократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году. (<i>Окончаніе</i>). С. И. Сомова	152
8. Григорій Анфимовичъ Попко. Р. А. Стеблина-Каменскаго	179
9. Западные друзья Герцена. (<i>Окончаніе</i>). М. О. Гершензона	205
10. Изъ „Обзора важнѣйшихъ дознаній по дѣламъ о государ- ственныхъ преступленіяхъ за 1894 годъ“	228
11. Отрывки изъ воспоминаній. С. А. Жебунева	253
12. Изъ моего революціоннаго прошлаго. Очеркъ первый. М. Р. Попова	269
13. „Добролюбовская“ демонстрація 1886 года. (<i>По личнымъ воспоминаніямъ</i>). М. А. Брагинскаго	306
14. Письмо въ редакцію. Старика	310
15. Историческая библіографія:—Записки кн. С. П. Трубецкаго,— М. В. Довнаръ-Запольскій . Тайное общество декабристовъ. Н. П. Сильванскаго . Т. Шевченко . Кобзарь . В. Бату- ринскаго	312

16. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію	320
17. Матеріалы, документы и мелкія замѣтки. (Неизданное письмо Пушкина. Сообщилъ Вл. Каллашъ —53. Документъ къ дѣлу Валеріана Лукасинскаго—101. Общество литературныхъ преній въ Петербургѣ въ 1837 году—149. Замѣтка Л. Ф. Пантелѣва —310.)	
Объявленія	324

Къ этой книгѣ приложены портреты Д. А. Лизогуба, И. Г. Голovina, М. Ю. Ашенбреннера и Г. А. Попко.

При этой книгѣ иногороднимъ подписчикамъ разсылается объявленіе объ изданіи „Историко-революціонный альманахъ“.

Мартовская и апрѣльская книги „Былого“, конфискованныя Цензурнымъ Комитетомъ, нынѣ отъ ареста Судебной Палатой освобождены и разсылаются подписчикамъ, не получившимъ этихъ книгъ.

Дмитрій Андреевичъ
ЛИЗОГУБЪ.

Неизданная глава изъ „Былого и думъ“ А. И. Герцена.

Въ пятой части классическихъ мемуаровъ Герцена—«Былое и думы», въ главѣ «Нѣмцы въ эмиграціи», послѣ перваго упоминанія имени эмигранта Головина сказано: «объ этомъ субъектѣ будетъ особая глава» ¹⁾. Но ея не было и нѣтъ до сихъ поръ въ изданіяхъ сочиненій Герцена.

Подготовляя свою работу о Головинѣ, начало которой читатели найдутъ дальше, я обратился къ М. О. Гершензону съ просьбой разыскать, нѣтъ ли чего нибудь объ этой личности среди бумагъ и рукописей, переданныхъ въ Румянцевскій музей недавно умершимъ А. А. Герценомъ. Г. Гершензонъ былъ настолько любезенъ, что, снесшись съ наслѣдниками Герцена, снялъ точную копію съ дѣйствительно написанной главы о Головинѣ и почему-то никогда нигдѣ не опубликованной. Рукопись писана начерно, чрезвычайно, даже и для Герцена, быстрымъ почеркомъ (письма и копіи писемъ вклеены между листами), и потому вполне понятны нѣкоторыя шероховатости въ изложеніи и переходахъ отъ одного факта къ другому. Но я увѣренъ, что читатель признаетъ даже и въ такомъ видѣ эту главу одной изъ блестящихъ главъ знаменитыхъ мемуаровъ.

Не желая ставить что бы то ни было между Герценомъ и читателемъ, я не дѣлаю въ текстѣ никакихъ примѣчаній, строго сохраняя такимъ образомъ подлинникъ. Но такъ какъ читателю безусловно необходимы нѣкоторыя разъясненія, то я и дѣлаю ихъ вслѣдъ за статью Герцена.

Мих. Лемке.

¹⁾ Стр. 293 тома III „Сочиненій“ въ изданіи Павленкова.

ГЛАВА

Русскіе въ Парижѣ.

11.

И. Головинъ.

Нѣсколько дней послѣ обыска у меня и захвата моихъ бумагъ, во время Іюньской битвы, явился ко мнѣ въ первый разъ *И. Головинъ*—до того извѣстный мнѣ по бездарнымъ сочиненіямъ своимъ и по чрезвычайно дурной репутаціи сварливаго и дерзкаго человѣка, которую онъ себѣ сдѣлалъ. Онъ былъ у Ламорисіера, хлопоталъ безъ малѣйшей просьбы съ моей стороны о моихъ бумагахъ, ничего не сдѣлалъ, и пришелъ ко мнѣ пожать скромные лавры благодарности и, пользуясь тѣмъ, втѣснить мнѣ свое знакомство.

— «Я сказалъ Ламорисіеру: генераль, стыдно надоѣдать русскимъ республиканцамъ и оставлять въ покоѣ агентовъ русскаго правительства.

— «А вы знаете ихъ?—спросилъ меня Ламорисіеръ.

— «Кто ихъ не знаетъ!

— «Nommez les, Nommez les.

— «Ну, да Яковъ Толстой и генераль Жомини.

— «Завтра же велю у нихъ сдѣлать обыскъ.

— Да будто Жомини русскій агентъ?—спросилъ я.

— Ха, ха, ха—это мы увидимъ теперь.

Вотъ вамъ человѣкъ.

Рубиконъ былъ перейденъ, и что я ни дѣлалъ, чтобы воздержать дружбу Головина, а главное его посѣщенія, все было тщетно. Онъ раза два въ недѣлю приходилъ къ намъ, и нравственный уровень нашего уголка тотчасъ понижался,—начинались ссоры, сплетни, личности. Лѣтъ пять спустя, когда Головинъ хотѣлъ меня подразнить до драки, онъ говорилъ, что *я его боюсь*; говоря это, онъ, конечно, не подозревалъ, какъ давно я его боялся—до Лондонской ссоры.

Еще въ Россіи я слышалъ объ его безтактности, о нецеремонности въ денежныхъ отношеніяхъ. Шевыревъ, возвратившись изъ Парижа, рассказывалъ о процессѣ Головина съ лакеемъ, съ которымъ онъ подрался,—и ставилъ это на счетъ насъ, западниковъ, къ числу

которыхъ причислялъ Головина. Я Шевыреву замѣтилъ, что Западъ слѣдуетъ винить только въ томъ, что они *дрались*, потому что на *Востокъ* Головинъ просто бы *поколотилъ* слугу и никто не говорилъ бы объ этомъ.

Забытое теперь содержаніе его сочиненій о Россіи еще менѣе располагало къ знакомству съ нимъ. Французская риторика, либерализмъ Роттековой школы, *pêle-mêle* разбросанные анекдоты, сентенціи, постоянныя личности, никакой логики, никакого взгляда, никакой связи. Погодинъ писалъ рубленной прозой, а Головинъ думалъ рубленными мыслями.

Я миновалъ его знакомство до нельзя. Ссора его съ Бакунинымъ помогла мнѣ. Головинъ помѣстилъ въ какомъ-то журналѣ дворянски-либеральную статейку, въ которой помянулъ его. Бакунинъ объявилъ, что ни съ русскимъ дворянствомъ, ни съ Головинымъ ничего общаго не имѣетъ.

Мы видѣли, что далѣе Іюньскихъ дней я не пролаживалъ въ моемъ почетномъ незнакомствѣ.

Каждый день доказывалъ мнѣ, какъ я былъ правъ. Въ Головинѣ соединилось все ненавистное намъ въ русскомъ офицерѣ, въ русскомъ помѣщикѣ, съ бездною мелкихъ западныхъ недостатковъ, и это безъ всякаго примиренія, смягченія, безъ выкупа, безъ какой-нибудь эксцентричности, какихъ-нибудь талантовъ или комизмовъ. Его наружность *vulgar*, провокантная и оскорбительная, принадлежитъ, какъ чеканъ, цѣлому слою людей, кочующихъ съ картами и безъ картъ по минеральнымъ водамъ и большимъ столицамъ, вѣчно хорошо обѣдающихъ, которыхъ всѣ знаютъ, о которыхъ все знаютъ, кромѣ двухъ вещей: чѣмъ они живутъ и зачѣмъ они живутъ. Головинъ—русскій офицеръ, французскій *broilleur*, *hableur*, англійскій свиндлеръ, нѣмецкій юнкеръ и нашъ отечественный Ноздревъ, Хлестаковъ *in partibus infidelium*.

Зачѣмъ онъ покинулъ Россію, что онъ дѣлалъ на Западѣ—*онъ*, такъ хорошо шедшій въ офицерское общество своихъ братьевъ, имъ же самымъ описанныхъ? Сорвавшись съ родныхъ полей, онъ не нашелъ центра тяжести. Кончивъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, Головинъ былъ записанъ въ канцелярію Нессельроде. Нессельроде ему замѣтилъ, что у него почеркъ плохъ, Головинъ обидѣлся и уѣхалъ въ Парижъ. Когда его потребовали оттуда, онъ отвѣчалъ, что не можетъ еще возвратиться, потому что не кончилъ своего «каллиграфическаго образованія». Потомъ онъ издалъ свою компиляцію «*La Russie sous Nicolas*», въ которой обидѣлъ пуще всего Николая тѣмъ, что сказалъ, что онъ *нѣтъ* пишетъ съ *е*. Ему велѣли ѣхать въ Россію—онъ не поѣхалъ. Братья ¹⁾ его воспользовались этимъ, чтобы посадить его на Антоніеву пищу—они посылали ему гораздо меньше деньгами, чѣмъ слѣдовало. Вотъ и вся драма.

¹⁾ А propos его братьевъ. Одинъ изъ нихъ, кавалерійскій генералъ, бывшій въ особой милости Николая, потому что *отличился* 14 декабря офицеромъ,—пріѣхалъ къ Дубельту со слѣдующимъ вопросомъ: „Умирающая мать,—говорилъ онъ,—написала нѣсколько словъ на прощанье сыну Ивану тому... несчастному; вотъ письмо... я, право, не знаю, что мнѣ дѣлать?“—Снести на почту...—сказалъ любовно улыбаясь Дубельтъ.

У этого человѣка не было ни тѣни художественнаго такта, ни тѣни эстетической потребности, никакого научнаго запроса, никакого серьезнаго занятія. Его поэзія была обращена на него самого, онъ любилъ позировать, хранить *arrangé*; привычки дурно воспитаннаго барича средней руки остались въ немъ на всю жизнь, спокойно сжились съ кочевымъ фуражированіемъ полуизгнанника и полубогемы.

Разъ въ Туринѣ я засталъ его въ воротахъ *Hôtel Feder* съ хлыстикомъ въ рукѣ... передъ нимъ стоялъ Савояръ—полунагой и босой мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Головинъ бросалъ ему гроши, и за всякій грошъ стегалъ его по ногамъ; Савояръ подпрыгивалъ, показывая, что очень больно, и просилъ еще. Головинъ хохоталъ и бросалъ грошъ. Я не думаю, чтобъ онъ больно стегалъ, но все же стегалъ, и это могло его забавлять?

Послѣ Парижа мы встрѣтились сначала въ Женевѣ, потомъ въ Ниццѣ. Онъ былъ тоже высланъ изъ Франціи и находился въ очень незавидномъ положеніи ¹⁾. Ему рѣшительно нечѣмъ было жить, несмотря на тогдашнюю баснословную дешевизну въ Ниццѣ. Какъ часто и горячо я желалъ, чтобы Головинъ получилъ наслѣдство или женился бы на богатой... Это бы мнѣ развязало руки.

Изъ Ниццы онъ уѣхалъ въ Бельгію, оттуда его прогнали, онъ отправился въ Лондонъ и тамъ натурализировался, смѣло прибавивъ къ своей фамиліи титулъ *князь Ховра*, на который не имѣлъ права. Англійскимъ подданнымъ онъ возвратился въ Туринъ и сталъ издавать какой-то журналъ. Въ немъ онъ подразнилъ министровъ до того, что они выслали его. Головинъ сталъ подъ покровительство англійскаго посольства. Посолъ отказалъ ему, и онъ снова поплылъ въ Лондонъ. Здѣсь въ роли *рыцаря индустріи*, числящагося по революціи, онъ безъ успѣха старался примкнуть къ разнымъ политическимъ кругамъ, знакомился со всѣми на свѣтѣ и печаталъ невообразимый вздоръ.

Въ концѣ ноября 1853 г. Ворцель зашелъ ко мнѣ съ приглашеніемъ сказать что-нибудь на польской годовщинѣ. Взошелъ Головинъ и, смекая въ чемъ дѣло, тотчасъ атаковалъ Ворцеля вопросомъ: «Можетъ ли онъ сказать рѣчь?»

Ворцелю было неприятно, мнѣ вдвое, но тѣмъ не меньше онъ ему отвѣтилъ: «Мы приглашаемъ всѣхъ, и будемъ очень рады; но чтобъ митингъ имѣлъ единство, надобно намъ знать а *peu près*, кто что хочетъ сказать. Мы собираемся тогда-то, приходите къ намъ потолковать». Головинъ, разумѣется, принялъ предложеніе. А Ворцель, уходя, сказалъ мнѣ, качая головой, въ передней: «что за нелегкая принесла его?»

¹⁾ Французская полиція не могла ему простить одну продѣлку. Въ началѣ 1849 была небольшая демонстрація. Президентъ, т. е. Наполеонъ III, объѣзжалъ верхомъ бульвары. Вдругъ Головинъ пробрался къ нему и закричалъ: „Vive la République“ и „A bas les Ministres“.—„Vive la République!“—пробормоталъ Наполеонъ—„Et les ministres?“—„On les changera!“ Головинъ протянулъ ему руку. Прошло дней пять, министры остались, и Головинъ напечаталъ въ *Reform*ъ свою встрѣчу, съ прибавленіемъ, что такъ какъ президентъ не исполнилъ обѣщанія, то онъ беретъ назадъ свое рукожатіе (*il retire sa poignée de main*). Полиція промолчала и выслала его нѣсколько мѣсяцевъ спустя, придравшись къ 13 іюля.

Съ тяжелымъ сердцемъ пошелъ я на приуготовительное собраніе. Я предчувствовалъ, что дѣло не обойдется безъ скандала. Мы не были тамъ пяти минутъ, какъ мое предчувствіе оправдалось. Послѣ двухъ-трехъ отрывистыхъ генеральныхъ словъ, Головинъ вдругъ обратился къ Ледрю-Роллену, сначала напомнилъ, что они гдѣ-то встрѣчались, чего Ледрю-Ролленъ все-таки не вспомнилъ, потомъ ни къ селу, ни къ городу сталъ ему доказывать, что постоянно раздражать Наполеона ошибка, что политичнѣе было бы его щадить для польскаго дѣла. Ледрю-Ролленъ измѣнился въ лицѣ, но Головинъ продолжалъ, что Наполеонъ одинъ можетъ выручить Польшу, и что «это,—добавилъ онъ,—не только мое личное мнѣніе, теперь Маццини и Кошутъ это поняли и всѣми силами стараются сблизиться съ Наполеономъ».

— Какъ же вы можете вѣрить такимъ нелѣпостямъ?—спросилъ его Ледрю-Ролленъ внѣ себя отъ волненія.

— Я слышалъ.

— Отъ кого? Отъ какихъ-нибудь шпионовъ; честный человѣкъ не могъ вамъ этого говорить. Господа,—я Кошута лично не знаю—но все же увѣренъ, что это не такъ—что же касается до моего друга Маццини, я смѣло беру на себя отвѣчать за него, что онъ никогда не думалъ о такой уступкѣ, которая была бы страшнымъ бѣдствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣною всей религіи его.

— Да, да—само собой разумѣется,—говорили съ разныхъ сторонъ. Ясно было, что слова Головина разсердили всѣхъ. Ледрю-Ролленъ вдругъ повернулся къ Ворцелю и сказалъ ему: вогъ видите, мои опасенія были не напрасны; составъ вашего митинга слишкомъ разнообразенъ, чтобы въ немъ не заявили мнѣнія, которыя я не могу ни принять, ни даже слушать. Позвольте мнѣ удалиться и отказаться отъ чести говорить 29 числа рѣчь.

Онъ всталъ. Но Ворцель, останавливая его, замѣтилъ, что комитетъ, предпринявшій дѣло митинга, избралъ его своимъ предсѣдателемъ и что въ этомъ качествѣ онъ долженъ просить Ледрю-Роллена остаться, пока онъ спроситъ своихъ товарищей, хотятъ ли они послѣ сказаннаго допустить рѣчь Головина и потерять содѣйствіе Ледрю-Роллена или наоборотъ.

Затѣмъ Ворцель обратился къ членамъ централизаціи. Результатъ былъ несомнѣненъ. Головинъ его очень хорошо предвидѣлъ и поэтому, не дожидаясь отвѣта, всталъ и высокомерно бросилъ Ледрю-Роллену: «я уступаю вамъ честь и мѣсто и самъ отказываюсь отъ своего намѣренія сказать рѣчь 29 ноября». Послѣ чего онъ доблестно и тяжело ступая вышелъ вонъ.

Чтобъ разомъ кончить дѣло—Ворцель предложилъ мнѣ прочесть или сказать, въ чемъ будетъ состоять моя рѣчь.

На другой день былъ митингъ, одинъ изъ послѣднихъ блестящихъ польскихъ митинговъ. Онъ удался, народу была бездна, я пришелъ часовъ въ 8—все уже было занято и я съ трудомъ пробирался на эстраду, приготовленную для бюро.

— Я васъ вездѣ ищу—сказалъ мнѣ D-r Дарашъ—васъ ждетъ въ боковой комнатѣ Ледрю-Ролленъ и непременно хочетъ съ вами поговорить до митинга.

— «Что случилось?»—«Да все этотъ шелопаѣ Г.».

Я пошелъ къ Ледрю-Роллену—онъ былъ разсерженъ, и былъ правъ.—«Посмотрите,—сказалъ онъ мнѣ, что этотъ негодѣй прислалъ мнѣ за записку четверть часа до того, какъ мнѣ ѣхать сюда».

— Я за него не отвѣчаю—сказалъ я, развертывая записку.

— Безъ сомнѣнія, но я хочу, чтобы вы знали, кто онъ такой.

Записка была груба, глупа. Онъ и тутъ фанфаронствовалъ, хотѣлъ покрыть фіаско. Онъ писалъ Ледрю-Роллену, что если у него нѣтъ французской учтивости, то пусть онъ покажетъ, что не лишень французской храбрости.

— Я его всегда зналъ за безпокойнаго и дерзкаго человѣка—но этого я не ожидалъ, сказалъ я, отдавая записку. Что же вы намѣрены дѣлать?

— Дать ему такой урокъ, котораго онъ долго не забудетъ. Я здѣсь всенародно на митингѣ сорву маску съ этого aventurier, я расскажу о нашемъ разговорѣ—сошлюсь на васъ, какъ на свидѣтеля, и притомъ *русскою*—и прочту его записку. А потомъ увидимъ—я не привыкъ глотать такія конфеты.

Дѣло скверное—подумалъ я—Головинъ, со своей весьма подозрительной репутаціей окончательно погибнетъ. Ему одинъ путь спасенія будетъ—дуэль. Этой дуэли нельзя допустить, потому что Ледрю-Релленъ совершенно правъ и ничего обиднаго не сдѣлалъ. Въ его положеніи нельзя же было драться съ всякимъ встрѣчнымъ. И что за безобразіе: на польскомъ митингѣ одного русскаго эмигранта затопчутъ въ грязь, а другой поможетъ.

— Да нельзя ли отложить?

— Чтобъ потерять такой случай?

Я еще постарался остановить дѣло, ввернувши предложеніе суда, jury d'honneur—все удавалось плохо.

... Затѣмъ мы вышли на эстраду—и были встрѣчены френетическимъ рукоплесканіемъ. Рукоплесканія и шумъ толпы, какъ извѣстно, пьянятъ—я забылъ о Головинѣ и думалъ о своей рѣчи. Объ рѣчи я говорилъ въ другомъ мѣстѣ. Самое появленіе мое на трибунѣ было встрѣчено съ величайшимъ сочувствіемъ поляками, французами и итальянцами. Когда я кончилъ, Ворцель—предсѣдатель митинга—подошелъ ко мнѣ и, обнимая меня, повторялъ глубоко тронутый: «О, благодарю, благодарю!» Рукоплесканія и шумъ удесятерились, и я подъ ихъ громомъ отправился на свое мѣсто... Тутъ мнѣ пришелъ въ голову Гол. и я испугался близости той минуты, когда трибунъ 1848 года сомнетъ въ своихъ тискахъ этого шута. Я вынулъ карандашъ и написалъ на клочкѣ бумаги: «Бога ради, устройте, чтобъ гнусное дѣло Гол. не испортило вашего митинга». Эстрада была амфитеатромъ, я записочку отдалъ сидѣвшему передо мной Пьянчани, чтобъ онъ ее передалъ Ворцелю. Ворцель прочиталъ, черкнулъ что-то карандашомъ и отдалъ въ другую сторону, т. е. отправилъ къ Ледрю-Роллену, который сидѣлъ выше. Ледрю-Ролленъ досталъ меня рукой за плечо и, весело кивая, сказалъ: «За вашу рѣчь и для васъ я оставляю дѣло до завтра»—и я, довольный какъ нельзя больше, отправился ужинать съ Pyre и Копингамомъ въ American Storey.

Не успѣлъ я на другой день встать, какъ комнаты мои наполнились поляками. Они пришли меня благодарить, но, вѣроятно, благодарность они принесли бы и попозже. Главное, имъ не терпѣлось покончить споръ—Головинское дѣло. Бѣшенство на него распахнулось во всей силѣ. Они составили актъ, въ которомъ Головинъ былъ обруганъ, адресъ Ледрю-Роллену, которому объявляли, что рѣшительно не допускать его до дуэли. Десять человѣкъ готовы были драться съ нимъ. Требовали, чтобы я подписалъ и актъ, и адресъ.

Я видѣлъ, что изъ одной исторіи выйдутъ пять, и, пользуясь вчерашнимъ успѣхомъ, т. е. авторитетомъ, который онъ мнѣ далъ, сказалъ имъ: «Въ чемъ цѣль?—Кончить ли это дѣло такъ, чтобъ Ледрю-Ролленъ былъ удовлетворенъ и несчастный инцидентъ, чуть не испортившій вашъ митингъ, былъ стертъ, или наказать Головина во что бы ни стало? Въ послѣднемъ случаѣ, господа, я не участвую и дѣлайте какъ знаете.

— Конечно, главная цѣль—кончить дѣло.

— Хорошо, имѣете вы ко мнѣ довѣріе?..

— Да, да, еще бы.

— Я поѣду одинъ къ Головину... и если улажу дѣло такъ, что Ледрю-Ролленъ будетъ доволенъ, то и конецъ.

— Хорошо, а если не уладите?

— Тогда я подпишу вашъ протестъ и адресъ.

— Ладно.

Головина я засталъ мрачнымъ и сконфуженнымъ, онъ явно ждалъ грозы и врядъ ли былъ доволенъ, что вызвалъ ее.

Объясненіе наше было недолго. Я сказалъ ему, что спасъ его отъ двухъ непріятностей, и предложилъ мои услуги устранить третью, а именно, примирить его съ Ледрю-Ролленомъ. Ему хотѣлось окончить дѣло, но надменная натура его не допускала до сознанія своей вины, а еще больше до признанія ея.

— «Я соглашаюсь только для васъ»,—пробормоталъ онъ, наконецъ. Для меня или для кого другого,—дѣло пошло на ладъ. Я поѣхалъ къ Ледрю-Роллену, прождалъ его часа два въ холодной комнатѣ и простудился, наконецъ, онъ пріѣхалъ любезенъ и веселъ. Я рассказалъ ему всю исторію отъ появленія повсехнаго вооруженія Писполитой Рѣчи до ломаній нашего матадора, и Ледрю-Ролленъ со смѣхомъ согласился предать дѣло забвенію и принять раскаявагося грѣшника. Я отправился за нимъ.

Головинъ ждалъ въ сильномъ волненіи. Узнавъ, что все обстоитъ благополучно, онъ покраснѣлъ и, набивши всѣ карманы пальто какими-то бумагами, поѣхалъ со мной.

Ледрю-Ролленъ принялъ настоящимъ gentleman'омъ и тотчасъ сталъ говорить о постороннихъ дѣлахъ. «Я пріѣхалъ къ вамъ,—сказалъ Головинъ,—сказать, что мнѣ очень жаль»... Ледрю-Ролленъ его перебилъ словами:—«N'en parlons plus... вотъ ваша записка, бросьте ее въ огонь»... и безъ запятой сталъ продолжать начатый разговоръ. Когда мы встали, чтобъ ѣхать, Головинъ выгрузилъ изъ кармановъ кипу брошюръ и, подавая ихъ Ледрю-Роллену, прибавилъ, что это

его послѣднія брошюры и что онъ проситъ его принять ихъ въ знакъ его особеннаго уваженія. Ледрю-Ролленъ, разсыпаясь въ благодарности, съ почтеніемъ уложилъ кипу, до которой, вѣроятно, никогда не дотрогивался.

— «Вотъ нашъ литературный вѣкъ»,—сказалъ я Головину, садясь въ карету.—Слыхалъ я, что умные люди берутъ съ собой на дуэли штопоръ, но чтобъ вооружались брошюрами—это ново!»

Зачѣмъ я спасъ этого человѣка отъ позора? Право, не знаю и просто раскаиваюсь. Всѣ эти пощады, великодушія, закрашиванія, спасенія падаютъ на нашу голову по тому великому правилу, постановленному Бѣлинскимъ, «что мошенники тѣмъ сильны, что они съ честными людьми поступаютъ, какъ съ мошенниками, а честные люди съ мошенниками, какъ съ честными людьми». Бандиты журнальнаго и политическаго міра опасны и непріятны по своему безсмысленному и затруднительному положенію. Терять имъ нечего, выиграть они могутъ все. Спасая такихъ людей, вы ихъ только снова приводите въ прежній (слово не разобрано—М. Л.).

Въ разсказѣ моемъ нѣтъ слова преувеличеннаго. Подумайте же, каково было мое удивленіе, когда Головинъ напечаталъ въ Германіи черезъ *десять лѣтъ*, что Ледрю-Ролленъ *извинялся передъ нимъ*... зная, что и онъ, и я, слава Богу, живы и здоровы... Развѣ это не геніально?

Митингъ былъ 29 ноября 1853 года. Въ мартѣ 1854 я напечаталъ небольшое воззваніе къ русскимъ солдатамъ въ Польшѣ отъ имени «русской вольной общины въ Лондонѣ». Головина это оскорбило, и онъ принесъ мнѣ для напечатанія слѣдующій протестъ.

«Я прочелъ вашу «благовѣсть», писанную въ день Благовѣщенія. Она надписана: «вольная русская община въ Лондонѣ», а между тѣмъ встрѣчаются слова: «Не помню, въ какой губерніи.

«Слѣдовательно, для меня загадка, состоитъ ли эта община изъ васъ и Энгельсона, или изъ васъ одного?

«Здѣсь не мѣсто разбирать содержаніе, мнѣ не бывшее показанное въ рукописи. Чтобы упомянуть только о томъ, я бы не подписывалъ общаніе не оставить безъ совѣта людей, которые меня не просятъ объ этомъ. Ни скромность, ни совѣсть не позволяютъ мнѣ сказать, что я примирилъ имя народа русскаго съ народами Запада.

«По сему почитаю должнымъ просить Васъ объявить при слѣдующемъ и наискорѣйшемъ случаѣ, что я до сихъ поръ не участвовалъ ни въ какихъ воззваніяхъ, печатанныхъ вашею типографіей порусски.

«Надѣясь, что вы не заставите меня прибѣгнуть къ другаго рода гласности,

я пребываю Вамъ покорный

Иванъ Головинъ.

Лондонъ, 25 марта 1854.

Г. Герцену—Искандеру.

«Р. S. Поставляю на ваше усмотрѣніе напечатать мое письмо въ настоящемъ его видѣ, или объявить содержаніе онаго въ кратцѣ».

Протесту я несказанно обрадовался, въ немъ я видѣлъ начало разрыва съ этимъ невыносимо тяжелымъ человѣкомъ и публичное заявленіе нашего разногласія. Европа и сами поляки такъ поверхностно смотрятъ на Россію—особенно въ промежутки, когда она не бьетъ сосѣдей или не присоединяетъ цѣлыя государства въ Азіи,—что я долженъ былъ работать десять лѣтъ, чтобъ меня не смѣшивали съ пресловутымъ Ivan Golovin.

Вслѣдъ за протестомъ Головинъ прислалъ письмо—длинное, безсвязное, которое заключилъ словами: «можетъ быть отдѣльно мы еще будемъ полезнѣе общему дѣлу, если не станемъ тратить наши силы на борьбу другъ съ другомъ».

На это я отвѣчалъ ему:

30 марта. Четвергъ.

«Я считаю себя обязаннымъ поблагодарить васъ за письмо ваше, полученное вчера и котораго добрую цѣль—смягчить печатное объявленіе—я вполне оцѣнилъ.

«Я совершенно согласенъ, что отдѣльно мы принесемъ больше пользы. На счетъ борьбы, о которой вы пишете,—она не входила въ мою голову. Я не возьму никакой инициативы, не имѣя ничего противъ васъ, особенно, когда каждый пойдетъ своей дорогой.

«Вспомните, какъ давно и сколько разъ я говорилъ вамъ келейно то, что вы сказали теперь публично. Наши нравы, мнѣнія, симпатіи и антипатіи—все розно. Позвольте мнѣ остаться съ уваженіемъ къ вамъ, но принять нашу раздѣльность за *fait accompli*, и вы, и я—мы будемъ отъ этого свободнѣе.

«Письмо мое отвѣтъ, вопросовъ въ немъ нѣтъ, я васъ прошу не длить этой переписки, и полагаюсь на Вашу деликатность, что окончательное разставаніе наше не будетъ сопровождено ни жесткимъ словомъ, ни враждебнымъ дѣйствіемъ.

«Желаю вамъ всего лучшаго».

Что Головину вовсе не хотѣлось разорвать сношеніе со мной—это было очевидно; ему хотѣлось сорвать сердце за то, что мы печатали воззваніе безъ него, и потомъ примириться, но я ужъ не хотѣлъ упустить изъ рукъ этого горячо желаннаго случая.

Недѣли двѣ—три послѣ моего письма, я получилъ отъ него пакетъ. Раскрываю — бумага съ траурнымъ ободкомъ... Смотрю — это половина погребальнаго приглашенія, разосланнаго 2 мая 1852 года. Въ отвѣтъ на его письмо изъ Турина, я ему его послалъ и приписалъ: «Письмо ваше тронуло меня, я никогда не сомнѣвался въ добромъ сердцѣ вашемъ...» На этомъ-то письмѣ онъ написалъ, что просить у меня свиданья, давалъ новый адресъ и прибавлялъ: «*Il ne s'agit pas d'argent*».

Я отвѣчалъ, что идти къ нему не могу, потому что не я имѣю къ нему дѣла, а онъ ко мнѣ, потому что онъ началъ, а не я, разрывъ,

наконецъ, потому, что онъ довелъ о томъ до постороннихъ. Но что я готовъ его принять у себя, когда ему угодно.

Онъ явился на другое утро—смирный и шелковый. Я увѣрялъ его еще и еще, что никакого враждебнаго шага съ моей стороны сдѣлано не будетъ, но что наши мнѣнія, нравы до такой степени не сходны, что видаться намъ незачѣмъ.

— Да какъ же вы это только теперь замѣтили?..

Я промолчалъ.

Мы разстались холодно, но учтиво.

Казалось бы, чего же еще. Нѣтъ! на другой же день Головинъ наградилъ меня слѣдующимъ письмомъ ¹⁾.

(Ad usum proprium)

«Послѣ сегодняшняго разговора, не могу я вамъ отказать въ сатисфакціи имѣть общинку, имѣйте! Полемики же вести я никакой не намѣренъ, слѣдовательно, избѣгайте все то, что можетъ дать поводъ къ ней.

«Когда ваши новые друзья передъ вами согрѣшатъ, вы найдете во мнѣ вамъ всегда преданнаго.

«Мой совѣтъ написать въ «M. Adv.», что вы процесса не заводите съ ними потому только, что презираете невѣжество, которое не знаетъ отличить патріота и друга свободы отъ агента, хвалить Брунова и клеветать на Бакунина.

«Я къ вамъ ходить не буду, покуда буду занятъ дѣлами болѣе важными, нежели снискивать симпатіи.

«Когда же меня захотите посѣтить, всегда обрадуете, тѣмъ болѣе, что имѣя кое-что общее, имѣется также кое что и переговорить.

26 апрѣля 54 г.

Головинъ».

Къ лѣту я уѣхалъ въ Ричмондъ и нѣкоторое время ничего не слышалъ о Головинѣ. Вдругъ отъ него письмо. Онъ, не называя никого, говорилъ, что до него дошло, что «я смѣялся надъ нимъ», у себя дома... и требовалъ (какъ у любовницы), чтобъ я возвратилъ ему портретъ его, подаренный въ Ниццѣ. Какъ я ни хлопоталъ, какъ ни рылся въ бумагахъ, портрета найти не могъ.

Досадно было... но пришлось передать ему, что портретъ пропалъ. Я просилъ нашего общаго знакомаго — Савича — сказать ему, какъ я искалъ, и повторить, что я ни малѣйшаго зла ему не желаю и прошу его оставить меня въ покоѣ.

Въ отвѣтъ на это—слѣдующее письмо:

«Почтенный Александръ Ивановичъ.

«Вы говорили Савичу, что если я вамъ напишу письмо, то вы

¹⁾ „Morning Advertiser“, тогда именно попавшійся въ руки К. Блинда и имѣвшихъ демократовъ Марковского толка, помѣстивъ глумливую статью, въ которой доказывалъ единство видовъ моей пропаганды съ русскимъ правительствомъ. Головинъ, дающій такіе хорошіе совѣты, самъ въслѣдствіи прибѣгнулъ къ тѣмъ же средствамъ и въ томъ же „Morning Advertiser“.

мнѣ возвратите 10 фунт. стерл. Мое распоряженіе было дать вамъ 20 фунт. стерл. изъ послѣднихъ денегъ, да и вы сами писали, что вы изъ 100 возьмете только 20. Я надѣялся вывернуться скоро, вышло иначе. Но черезъ недѣлю, много двѣ, я бы могъ вамъ возвратить эти 10 ф. с. Вы говорите, что вы мнѣ не врагъ, и я прошу объ этомъ, не какъ объ одолженіи отъ пріятеля, а какъ объ справедливости. Если вамъ это кажется иначе, то откажите, не барабана объ этомъ вашимъ поклонникамъ.

Августъ 16.

И. Головинъ».

На это письмо я ничего не отвѣчалъ. Не нужно и говорить, что я Савичу никакихъ денежныхъ порученій не давалъ. Онъ нарочно спуталъ два дѣла, чтобъ придать видъ какой-то *сдѣлки* простой просьбѣ. О самомъ Савичѣ — одномъ изъ забавнѣйшихъ полевыхъ цвѣтковъ нашей родины, занесенныхъ на чужбину, — мы поговоримъ еще когда-нибудь.

Вслѣдъ за тѣмъ второе письмо. Онъ догадался, что отсутствіе отвѣта—отказъ, и разумѣется, вымѣрилъ всю неосторожность своего поступка.

Испугавшись, онъ рѣшился взять дѣло приступомъ; онъ мнѣ писалъ, что я «нѣмецъ или жидъ» ¹⁾, отослалъ назадъ мое письмо, С— надписавъ на немъ: «вы трусите». Затѣмъ два письма съ поддѣль-

¹⁾ Здѣсь у Герцена вклеены между листами копіи двухъ его писемъ къ Головину:

В.

22 августа. 1854.

Ричмондъ.

„Милостивый Государь,

„Вы писали мнѣ, что хотите прекратить всякое воспоминаніе нашего знакомства. Черезъ нѣсколько дней вы просили въ займы 10 ливровъ.

„На первое письмо я вамъ отвѣчалъ искренно и вѣжливо, не обращая вниманія на тонъ вашего письма.

„На второе я ничего не отвѣчалъ.

„Переписка между нами невозможна. Я возвращаю вамъ письмо и не приму слѣдующихъ. Въ полномъ сознаніи моей правоты въ отношеніи къ вамъ — я буду упорно молчать, пока это возможно, надѣясь на здравый смыслъ всякаго безпристрастнаго человѣка.

А. Герценъ».

С.

23 августа. 1854.

„Вы хотите меня заставить съ вами драться, такъ, какъ заставляютъ мальчишковъ. Мнѣ совершенно все равно, считаете ли вы меня трусомъ или храбрымъ, воромъ или фальшивымъ монетчикомъ.

„Почему вы хотите драться теперь, потому что вамъ совѣстно, что попросили десять ливровъ у человѣка, съ которымъ грубо прервали всѣ сношенія? Если бы я вамъ ихъ далъ, у васъ не было бы *rescendence*.

„Я не буду съ вами драться, потому что это глупо, потому что я ничего не сдѣлалъ, за что обязанъ вамъ репараціей, и потому, наконецъ, что стою самобытно на своихъ ногахъ и не покоряюсь чужой волѣ или ругательнымъ словамъ, диктованнымъ какимъ-то помѣшательствомъ.

„Не думайте, что я изъ этого письма дѣлаю тайну—вы можете его читать, не читать. — Вообще дѣлайте, что хотите, только не пишите ко мнѣ.

„Я со своей стороны и говорить не буду, не только писать, такъ мнѣ это надоѣло.

А. Герценъ».

ной надписью и съ бранью внутри въ родѣ *D.* ¹⁾ Жалѣю, что часть ихъ утратилась,—впрочемъ, тонъ одинъ во всѣхъ.

Онъ ждалъ, что вслѣдъ за его письмомъ, въ которомъ онъ говоритъ о трусости, я пришлю секундантовъ. Мои понятія о чести были, дѣйствительно, странны и не совпадали съ его понятіями. Что за милость убить кандидата въ Бисетръ, въ смиренный домъ, или быть имъ убитымъ, искалѣченнымъ и навѣрное попасть подъ судъ, бросить свои занятія,—и все это для того, чтобы доказать, что я его не боюсь... Какъ будто однѣ бѣшенныя собаки имѣютъ привиллегію вселять ужасъ, не лишая чести боящагося?

Опять пауза.—Головинъ не показывается въ нашихъ паражахъ, кутитъ на чей то *другой* счетъ, говоритъ дерзости кому-то *другому*, у кого-то другого беретъ деньги въ займы. Между тѣмъ послѣднія свѣтлыя точки репутаціи тускнутъ, старые знакомые отрекаются отъ него, новые бѣгутъ. Луи Бланъ извиняется передъ друзьями, встрѣтившими его съ Головинымъ на Regent Street; домъ Мильнеръ Гибсона окончательно запираютъ для него и только вдали англійскіе «симплетоны»—глупѣйшіе изъ всего міра догадываются, что онъ не князь и не политическій человѣкъ, и вообще не человѣкъ; одни нѣмцы, знающіе людей по книгопродавческимъ каталогамъ, считаютъ его чѣмъ-то «бергомтомъ».

Въ февралѣ 1855—приготовлялся народный сходъ С.-Мартинсъ-Галя; торжественный, но не удавшійся опытъ соединенія социалистовъ всѣхъ эмиграцій съ Чартистами. Подробности и схода, и Марксовскихъ интригъ противъ моего избранія я разсказалъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь о Головинѣ.

Я не хотѣлъ произносить рѣчи и пошелъ въ засѣданіе комитета, чтобы поблагодарить за честь и отказаться. Дѣло было вечеромъ—и когда я выходилъ, я встрѣтилъ одного Чартиста на лѣстницѣ, который меня спросилъ, читалъ ли я письмо Головина въ «Morning Advertiser'ъ». Я не читалъ. Внизу былъ кафе и Public-house. «Morning Advertiser'ъ» есть во всѣхъ кабакахъ—мы вошли и Финлейнъ показалъ мнѣ письмо Головина, въ которомъ онъ писалъ, что до его свѣдѣнія дошло, что международный Комитетъ меня избралъ членомъ и просилъ — какъ русскаго — произнести рѣчь на митингѣ, а потому онъ, *побуждаемый одной любовью къ истинѣ*, предупреждаетъ, что я не русскій, а нѣмецкій жидъ, родившійся въ Россіи, — «раса находящаяся подъ особымъ покровительствомъ Николая».

Прочитавъ эту шалость, я возвратился въ Комитетъ и сказалъ председателю (Э. Джонсу), что беру назадъ мой отказъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я показалъ ему и членамъ «Morning Adv.» и прибавилъ, что Головинъ очень хорошо знаетъ мое происхожденіе и «лжетъ изъ любви къ истинѣ». Да и къ тому же еврейское происхожденіе врядъ могло ли бы служить препятствіемъ, — прибавилъ я, — взявъ во вни-

D.

¹⁾ «Отослать письмо, не читая — есть дерзость, достойная храбрыхъ. Отослать письмо, полагая, что оно содержитъ запросъ денежный, между тѣмъ какъ ничего такого въ немъ нѣту, надо быть жидомъ. Отослать письмо, не зная, нѣтъ ли въ немъ чего, касающагося для чести, надо имѣть объ ней странныя понятія».

маніе, что первые изгнанники послѣ сотворенія міра были евреи именно Адамъ и Ева.

Комитетъ расхохотался и, съ предсѣдателя начиная, принялъ мое новое рѣшеніе съ рукоплесканіемъ. «Что касается до вашего выбора меня въ члены — я обязанъ васъ благодарить, но защищать вашъ выборъ — ваше дѣло».

— Да! да! закричали со всѣхъ сторонъ.

Джонсъ на другой день напечаталъ нѣсколько строкъ въ своемъ «The People» и послалъ письмо въ «Daily News» — Головинъ умолкъ и уѣхалъ въ Америку.

Alexander Herzen, the Russian exile.

Some sham democrat has written in the Morning Advertiser a libel with reference to M. Herzen, with a view to damage, if possible, the approaching demonstration in St. Martin's Hall. The effort is puerile, because that demonstration is one of peoples and principles, and does not in any way depend on the personality of any individuals. But in justice to M. Herzen, we are bound to say that the ridiculous statement about his not being a Russian and an exile is a downright falsehood, and that the statement that he belongs to the same race as Joshua ad Josephus is utterly without foundation; not that it is not just as honourable to belong to that once mighty and ever consistent people, as to any other. He was five years a captive in the Ural mountains, and liberated thence only to be banished from Russia, his native clime.

M. Herzen is at the head of Russian democratic literature, and the most distinguished exile of his country; as such, the representative of its proletarian millions. He will be at the demonstration in St. Martin's Hall, and will, we trust, receive a welcome, that will show the world that the English can sympathise with the Russian people, while they desire to strike at the Russian tyrant.

M. Herzen.

To the editor of the Daily News.

Sir,—A letter inserted in one of your contemporaries denies M. Herzen, the well known Russian exile, the right of representing, in the International Committee, Russian democracy, and even the Russian birth-right.

M. Herzen already has disposed of the second allegation. Allow us on behalf of the International Committee, to add to M. Herzen's reply a few facts respecting the first one, which very likely his modesty has prevented him alluding to.

At twenty years of age, condemned for a conspiracy against the despotism of the Czar, he was sent to the frontier of Siberia, where he remained, an exile, for a period of seven years.

Pardoned a first time, he knew very soon how to deserve a second condemnation.

In the meantime, political pamphlets, philosophical writings, and novels secured him one of the most distinguished places in Russian literature.

However, for the literary and political part played by M. Herzen in his own country, we can do no better than to refer to an article published on the 6 th inst. in the Athenoeum, of which nobody will suspect the impartiality.

Arrived in Europe in 1847, M. Herzen occupied an important rank amongst the distinguished men who attached their names to the great revolutionary movement of 1848. Since that time he has started in London the first Russian free press, wherein he prosecutes against the Czar Nicolas and Russian despotism a deadly and most useful war.

In consequence of these facts, anxious as we were to unite the whole democracy in a common manifestation, we neither hoped, nor wished to find in England or in Europe a nobler and truer representative of the revolutionary party in Russia. Yours, &c.

(Signed on behalf of the International Committee).

The President

Secretaries

Robert Chapman.

Conrad Dombrowski.

Alfred Talandier.

Наконецъ, думалъ я, мы освободились отъ него. Онъ пропадетъ въ этомъ океанѣ всякихъ свиндлеровъ и искателей богатствъ и приключеній, сдѣлается тамъ піонеромъ или диггеромъ, шулеромъ или слевольдеромъ, разбогатѣетъ ли онъ тамъ, или будетъ повѣшенъ по lynch law—все равно, лишь бы не возвратился. Ничуть не бывало—всплылъ мой Головинъ черезъ годъ въ томъ же Лондонѣ и встрѣтилъ на улицѣ Огарева, который ему не кланялся, подошелъ и спросилъ его: «А что это вамъ не велѣли, что-ли, кланяться?» и ушелъ. Огаревъ нагналъ его и, сказавъ: «Нѣтъ, я по собственному желанію не кланяюсь съ вами»—пошелъ своей дорогой. Само собою разумѣется, это тотчасъ вызвало слѣдующую ноту (письмо къ Огареву):

«Приступая къ изданію *Кнута*, я не ишу быть въ ладу съ моими врагами, но я не хочу, чтобы они думали обо мнѣ всякой вздоръ.

«Въ двухъ словахъ я вамъ скажу, что было у меня съ Герценомъ. Я былъ у него на квартирѣ и просилъ не ссориться. «Не могу, говорить,—не симпатизирую съ вами, давайте полемику вести». Я ее не велъ, но когда онъ отослалъ мнѣ письмо не распечатанное, тогда я его назвалъ нѣмцемъ. Это Брискорнъ, называвшій Долгорукаго нѣмцемъ на смѣхъ солдатамъ. Но Герцену угодно было отвѣчать и рассказать свою исторію, а потомъ разгнѣваться не на себя, а на меня. Но и въ исторіи въ этой ничего не было обиднаго. Допустимъ, что мое поведеніе съ нимъ было дурно, а ваше со мной хорошо, хотя вы и не близнецы, все еще не за что становиться на дыбы, не лезя въ драку.

Янв. 12/57.

Головинъ.

Мы рѣшились безусловно молчать. Нѣтъ досаднѣе наказанья крикунамъ и *hableur*’амъ, какъ молчаніе, какъ нѣмое, холодное пренебреженіе. Головинъ еще раза два сдѣлалъ опытъ написать къ Огареву колкія и остроумныя записки въ родѣ приложенной второй миссивы, уже совершенно лишенной смысла и смахивающей на дѣйствительное сумашествіе.

«Берлинъ, 20-го августа.

«Я видѣлъ
Бога Цензуры Русской
и не смолчалъ ему.

«Съ Будбергомъ мы грызлись два часа; онъ рыдалъ, какъ теленокъ.

«*Vous voulez la guerre, vous l’aurez.*

«Мы были врагами съ Герценомъ два-три года. Что изъ этого произошло? Пользы никому! Хочетъ онъ стрѣляться? У меня *Стрѣла* готова! Но для пользы общей гораздо лучше подать руку!

Victoria Hôtel.

«Вы издаете ваши полныя сочиненія. Пахнетъ ли въ нихъ мертвымъ, какъ въ Даніи?»

Ни слова отвѣта.

А, впрочемъ, съ ума сойти было отъ чего. Мало-по-малу всѣ матеріальныя и моральныя средства изсякли. Литературныя аферы, подерживавшія его, кредиту—нигдѣ, онъ предпринималъ всякаго рода—полу-свѣтлыя и полу-темныя дѣла,—все падало на его голову или валилось изъ его рукъ. На средства онъ не былъ разборчивъ.

Однимъ добрымъ утромъ—вѣроятно, не зная, гдѣ бы на чужой счетъ хорошенько пообѣдать—а хорошо обѣдать онъ очень любилъ—Головинъ написалъ Пальмерстону письмо и предложилъ себя, это было въ концѣ Крымской войны—тайнымъ агентомъ англійскому правительству, обѣщая быть очень полезнымъ по прежнимъ связямъ своимъ въ Петербургѣ и по отличному знанію Россіи. Пальмерстону стало гадко, и онъ велѣлъ отвѣчать секретарю, что Вискоунтъ благодарить г. Головина за предложеніе—но въ настоящую минуту его услуги не нуждаются. Это письмо въ пакетѣ съ печатью Пальмерстона Головинъ долго носилъ въ карманѣ и *самъ показывалъ его*.

Послѣ смерти Николая онъ помѣстилъ въ какомъ-то журналѣ ругательную статью противъ новой императрицы, подписавъ ее псевдонимомъ, и черезъ день помѣстилъ въ томъ журналѣ возраженіе за своей подписью. Нашъ пріятель Кауфманъ, редакторъ литографированной корреспонденціи, обличилъ эту продѣлку, и объ ней прокричали десятки журналовъ. Затѣмъ онъ предложилъ русскому посольству въ Лондонѣ издавать *правительственную* газету. Но и Бруновъ, какъ Пальмерстонъ, еще не чувствовалъ настоящей потребности въ его услугахъ.

Тогда онъ просто попросилъ амністію—и тотчасъ получилъ ее, съ условіемъ поступить на службу. Онъ испугался, сталъ торговаться о мѣстѣ служенія, просилъ, чтобъ его взялъ къ себѣ Суворовъ, бывшій тогда генераль-губернаторомъ остзейскихъ провинцій. Суворовъ согласился, Головинъ не поѣхалъ, а написалъ князю Горчакову письмо

о своемъ сновидѣніи; онъ видѣлъ—государь призываетъ его въ свой совѣтъ и что онъ съ рвеніемъ ему благія дѣла совѣтуетъ.

Сны не всегда сбываются, и вмѣсто мѣста въ царской думѣ нашъ посѣдѣвшій шалунъ чуть не попалъ въ исправительный домъ. Встрѣтившись съ какимъ-то коммерческимъ фактотумомъ Стерномъ, Головинъ, безъ гроша денегъ, поднялся на всякія спекуляціи, забывая, что еще въ 1846 имя его было выставлено въ Парижѣ на биржѣ, какъ человѣка, нечисто играющаго. Онъ хотѣлъ надуть Стерна — Стернъ надулъ его, Головинъ прибѣгнулъ къ своей методѣ: онъ помѣстилъ въ журналахъ статью о Стернѣ, въ которой коснулся его семейной жизни. Стернъ взбѣсился и потребовалъ его къ суду. Головинъ явился растерянный, испуганный къ Соллиситору, онъ боялся тюрьмы, сильнаго штрафа, огласки. Соллиситоръ предложилъ ему подписать какой то документъ на мировую, полное отреченіе отъ сказаннаго. Соллиситоръ скрѣпилъ, а Стернъ, вылитографировавши документъ и снабдивши facsimil'емъ, разослалъ ко всѣмъ своимъ и Головинскимъ знакомымъ. Одинъ экземпляръ получилъ и я.

4 Egremont Place. London

29 May 1857.

«Dear Sir.

Our having commenced an action for Libel against me in respect of certain statements I have made both verbally and in writing reflecting upon your character and you having through the intervention of mutual friends consented to forego further proceedings therein upon my paying the costs thereof and retracting such statements and also expressing my regret at having made use of them, I thus gladly avail myself of those terms and beg to assure you that if anything that I may have written or said has tended in the most remote degree to injure you I can only say that such was not my intention and that I am very sorry for having adopted the course I did which shall never be repeated by

your's truly

I. Golovin.

E. Stern Esq.

Witness H. Empson, Solicitor. 61 Moorgate Steer. London».

Затѣмъ—Лондонъ оказался рѣшительно невозможнымъ... Головинъ оставилъ его, увозя съ собой цѣлую портфель незаплаченныхъ счетовъ—портныхъ, сапожниковъ, трактирщиковъ, домохозяевъ... Онъ уѣхалъ въ Германію и вдругъ какъ-то скоропостижно женился. Замѣчательное событіе это онъ телеграфировалъ въ тотъ же день Императору Александру II.

Года черезъ два, пропивши приданое жены, онъ напечаталъ въ фельетонѣ какой-то газеты о несчастіи гениальнаго человѣка, женатаго на простой женщинѣ, которая не можетъ его понимать.

Затѣмъ я не слышалъ объ немъ больше пяти лѣтъ.

Въ началѣ польскаго возстанія — новый опытъ примириться— «Польскіе и русскіе друзья очень требуютъ, ждуть!» — Я промолчалъ.

... Въ началѣ 1865 я встрѣтилъ въ Парижѣ какого-то сгорбившагося старика, съ осунувшимся лицомъ, въ поношенной шляпѣ, въ поношенномъ пальто... было вѣтрено и очень холодно... я шелъ на чтеніе къ А. Дюма... которое тоже было вѣтрено и вяло. Старикъ прятался въ воротникъ; проходя онъ, не глядя на меня, пробормоталъ: «Отзвонилъ!»—и пошелъ далѣе. Я пріостановился... Головинъ шелъ прежней тяжелой ступней, не оборачивался, — пошелъ и я. Остановился я затѣмъ, что раза два онъ встрѣчался со мной на лондонскихъ улицахъ, разъ онъ пробормоталъ: «Экой злой!»—другой сказалъ себѣ что то подъ носъ, вѣроятно, обругалъ, но я не слыхалъ, и ко мнѣ онъ не обращался, а начинать съ нимъ уличную исторію мнѣ не хотѣлось. Онъ разсказалъ впослѣдствіи Савичу и Савашкевичу, что встрѣтившись—обругалъ меня, а я промолчалъ.

— Что же Головинъ здѣсь дѣлаетъ? — спросилъ я того же Голынского, о которомъ упомянулъ.

— Плохо ему, онъ сдѣлался брокантеромъ, мѣнялой, покупаетъ скверныя картины, надуваетъ ими дураковъ, а большей частью самъ бываетъ надутъ... Старѣетъ, брюзжитъ, пишетъ иногда статьи, которыя никто не печатаетъ, не можетъ вамъ простить ваши успѣхи... и ругаетъ васъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

... Сношеній между нами не было съ тѣхъ поръ. Но черезъ годы, когда всего менѣе ждешь—получается письмо... то съ предложеніемъ примириться по просьбѣ какихъ-то поляковъ, то съ какой-нибудь бранью. Съ нашей ни слова отвѣта.

Я вздумалъ—какъ ни скучно—записать наши походы и для этого развернулъ уцѣлѣвшія письма его. Въ то время, какъ я взялся за перо и написалъ первыя строки, мнѣ подали письмо руки Головина. Вотъ оно, какъ достойный эпилогъ:

«Александръ Ивановичъ!

«Напоминаю я вамъ о себѣ рѣдко, но разнесся слухъ, что вы «умываете себѣ руки» и сходите съ колокольни.

«По моему не берись за лушъ, а взявшись за лушъ, не говори, что дожъ.

«Ваши средства вамъ позволяютъ издавать Колокольъ и при потерѣ. Если можно помѣстите письмо, при семъ приложенное.

Головинъ».

Г-ну Каткову, Редактору

«Московскихъ Вѣдомостей».

Милостивый Государи!

Извините меня если я не знаю васъ ни по имени, ни по отчеству, знаю васъ только за вашу слѣпую ненависть къ Полякамъ, въ которыхъ вы не признаете ни людей, ни Славянъ, знаю также за ваше незнаніе Европейскихъ вопросовъ.

«Мнѣ говорятъ, что въ вашемъ журналѣ была фраза: «Дерптское перо сожалѣетъ объ Россіи и утѣшаетъ въ ничтожествѣ», или нѣчто подобное. Я жалѣю Россію, жалѣю *опричничество* и неурядицу

ея, жалѣю дворянство, которое принуждено дѣлать фальшивыя ассигнаціи и фальшивыя билеты лотерейныя, такъ что въ настоящую минуту представлено три билета выигравшихъ 100 т. руб. и никто не можетъ отличить, который настоящій, жалѣю упивающихся крестьянъ, ворующихъ чиновниковъ и священниковъ врущихъ вздоръ; но я знаю, что *на Руси не красно жить*.

Угодно было Его Величеству не велѣть мнѣ прописать въ паспортъ глупый чинъ, добытый мною въ Университетѣ, и я записалъ въ Его формулярный списокъ титулъ *Благодѣтельную*, который ему и остается, такъ что написанное перомъ не вырубается и топоромъ.

Украли у меня отечество за политическую экономію; я вспомнилъ, что я человѣкъ прежде нежели Русскій и служу человѣчеству—поприще гораздо большее, нежели служба Государственная, которую мнѣ возлагали въ обязанность.

Въ моихъ глазахъ я не упалъ, а поднялся. Слышалъ я, что, еслибъ пріѣхалъ, то заперли бы меня въ домъ умалишенныхъ; но надо было бы выпустить много крови, чтобъ ослабѣлъ мой мозгъ,—операція извѣстная подъ 53⁰ градусомъ сѣверной широты противъ людей, которымъ есть съ чего сходить.

Имѣю честь быть вашъ покорнѣйшій

Ив. Головинъ.

Парижъ февр. 1/66.

А. И. Герценъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

1. Головинъ въ своихъ «Запискахъ» категорически утверждаетъ, что отправился къ Ламорисіеру *по просьбѣ Герцена*. Между тѣмъ, правъ Герценъ, утверждая, что онъ вовсе и не просилъ его.

2. Объ инцидентѣ съ Бакунинымъ я расскажу подробнѣе въ концѣ своей работы.

3. Относительно митинга 1853 года рассказъ Герцена совершенно справедливъ, потому что подтверждается другими. А вотъ какъ рассказываетъ о немъ самъ Головинъ:

«Въ 1853 г. былъ въ Лондонѣ митингъ за Польшу отъ «Централизации». Было подготовительное засѣданіе, чтобъ условиться, какъ говорить. Ледрю-Ролленъ важно сидѣлъ въ креслахъ; я подошелъ пречтливо спросить объ его здоровьи, зная, что онъ недавно былъ передъ тѣмъ боленъ. Онъ что-то проворчалъ сквозь зубы.

«Завязались споры. Я сдѣлалъ предложеніе, чтобъ Наполеона оставить въ покоѣ, и спрашиваю Ледрю-Роллена объ его мнѣніи.

— Какъ вы можете меня объ этомъ спрашивать? Развѣ я могу пактизировать съ Наполеономъ!?

— Да, говорятъ, что онъ дѣлаетъ уступки.

— Это говорятъ французскіе агенты. Господа, я отказываюсь отъ рѣчи.

— Господа, я не останусь въ долгу, и я не буду говорить.

«Я взялъ шляпу и ушелъ. Въ тотъ же день написалъ я Ледрю-Роллену записку, говоря, что мнѣ было бы очень интересно знать, исправляетъ ли онъ обиды съ тою же легкостью, съ которою онъ ихъ наноситъ.

«Приходитъ ко мнѣ Герценъ, говоритъ, что Ледрю-Ролленъ предлагаетъ повторить передо всѣми, что онъ сказалъ, а слова его объ агентахъ ко мнѣ не относились.

«Въ такомъ случаѣ, если хотите, мы поѣдемъ къ нему сами.

«Ледрю-Ролленъ насъ принялъ какъ нельзя лучше, и былъ вѣжливъ, какъ порядочному французу слѣдуетъ быть» ¹⁾.

Въ позднѣйшемъ рассказѣ, уже послѣ смерти Герцена, Головинъ представилъ дѣло иначе: «Герценъ такъ подружился со мной въ Лондонѣ, что мы приняли участіе въ приготовленіяхъ къ годовому

¹⁾ „Записки“, 144—146.

празднику польской централизованной организации, въ которой находился Ледрю-Ролленъ. Французскій эксъ-министръ держалъ себя такъ вызывающе, что я вступилъ съ нимъ въ споръ и, придя домой, написалъ ему письмо, которое носило характеръ вызова. Герценъ пришелъ ко мнѣ съ предложеніемъ сходить къ Ледрю-Роллену, и дѣло кончилось къ взаимному удовольствію» ¹⁾).

4. Протестъ Головина по поводу выпуска прокламаціи «Русскому воинству въ Польшѣ» за подписью «Вольная русская община въ Лондонѣ» Герценъ напечаталъ отдѣльнымъ листкомъ въ собственной вольной русской книгопечатнѣ», предпославъ ему слѣдующія слова: «По желанію г. Головина я печатаю немедленно письмо его, полученное мною 26 марта. А. Герценъ».

Герценъ забылъ, что еще раньше онъ далъ Головину понять его непринадлежность къ лондонской русской общинѣ, когда Головинъ вручилъ ему какую-то статейку и просилъ ее напечатать. Герценъ отвѣтилъ, что не считаетъ это возможнымъ, и предложилъ обратиться въ какую-нибудь другую типографію.

Инцидентъ съ своимъ протестомъ Головинъ рассказываетъ тоже невѣрно. Вотъ его показаніе:

«Откуда ни возьмись, вдругъ Русская печатня отъ русскаго вольнаго общества въ Лондонѣ издаетъ воззваніе къ русскимъ войскамъ въ Польшѣ не драться. Меня не спрашивали, а полку нашего прибылъ только одинъ Энгельсонъ, который уже и въ мертвыхъ. Я почелъ долгомъ протестовать, и Герценъ издалъ мой протестъ.

— Что же, спрашиваетъ онъ меня,—надо быть полковникомъ, чтобы относиться къ войскамъ?

— Надо проливать не одни чернила, надо не бояться пороха.

«Ссора была неминуема, но я таки попробовалъ ее отклонить, пошелъ къ Герцену и говорю, что ссора, мнѣ кажется, не нужна для общаго дѣла.

— Я къ вамъ не чувствую симпатіи, возражаетъ онъ.

— Тогда бы я чувствовалъ къ вамъ антипатію, которой не ощущаю.

— Я не могу позволить, чтобы иногда меня волили, а иногда не жаловали.

— Вамъ никто не позволить выдавать себя за представителя Россіи. Этого не дѣлалъ и Бакунинъ.

— Будемте вести полемику, вѣдь мы же другъ друга звать агентами не будемъ» ²⁾).

5. О соединенномъ митингѣ всѣхъ эмигрантовъ съ чартистами Головинъ рассказываетъ такъ:

«Полемики я съ нимъ не велъ, но когда мнѣ случилось отписать къ нему объ чемъ то, а онъ воротилъ письмо мое нераспечатанное, тогда я написалъ въ «Морнингъ Адвертейзеръ» по случаю митинга, на которомъ нѣкто г. Таландье имѣлъ представлять Францію, а Герценъ—Россію, что желательно было бы, чтобы нѣмцы не

¹⁾ „Meine Beziehungen zu Herzen und Bakunin“, Leipzig, 1880.

²⁾ „Записки“, 146—147.

представляли Россію въ эмиграціи. На это Герценъ отвѣтилъ, что онъ родился въ Москвѣ и былъ воспитанъ въ Москвѣ; но развѣ у насъ мало остзейцевъ въ томъ же самомъ положеніи? A la guerre comme á la guerre, и съ моей стороны, разумѣется, было это придирка и Герценъ оказалъ мало тактики, рассказавъ свою генеалогію; никто его въ ней упрекать не думалъ. Но замѣсто того, чтобы разсердиться на себя, онъ еще пуще разсердился на меня. «Зачѣмъ, говорилъ я ему, не начинаете вы революціи съ себя и не назоветесь Сердцевымъ или Яковлевымъ?»

Головинъ думалъ, что кололъ Герцена, предлагая ему фамилію Яковлева—его незаконнаго отца, и воображалъ, что очень остроумень, когда не разъ въ полемикѣ называлъ Герцена Сердцевымъ, дѣлая этимъ переводъ его фамиліи (Herzen).

6. Переводъ двухъ документовъ, приведенныхъ Герценомъ по англійски.

Русскій изгнанникъ Александръ Герценъ.

Нѣкій квази-демократъ написалъ въ Morning Advertiser на г. Герцена пасквилъ, имѣющій цѣлю набросить тѣнь, если это только возможно, на предстоящую демонстрацію въ St. Martin's Hall. Попытка мальчишеская, ибо предстоящая демонстрація является демонстраціей народовъ и принциповъ и не находится ни въ какой зависимости отъ свойствъ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ личностей. Но во имя справедливости мы обязаны заявить, что утвержденіе смѣхотворной статьи, будто г. Герценъ не русскій и не изгнанникъ, гнусная ложь и что указаніе на принадлежность Герцена къ тому племени, къ которому принадлежать Іисусъ Навинъ и Іосифъ, лишено рѣшительно всякаго основанія. Говоримъ мы это, однако, вовсе не потому, чтобы считали принадлежность къ племени, нѣкогда могущественному и дожившему до нашего времени, менѣе почетной, чѣмъ къ какому бы то ни было другому. Г. Герценъ былъ въ теченіе 5 лѣтъ въ ссылкѣ на Уральскихъ горахъ и вернулся оттуда лишь затѣмъ, чтобы быть изгнаннымъ изъ Россіи, его родной страны.

Г. Герценъ сталъ во главѣ русской демокритической литературы и является самымъ выдающимся изгнанникомъ его страны, а потому и представителемъ милліоновъ ея пролетаріата. Онъ будетъ на демонстраціи въ St. Martin's Hall и будетъ,—мы увѣрены въ томъ,—лицомъ тамъ пріивѣтствуемымъ, что докажетъ всему міру умѣніе Англии симпатизировать тѣмъ изъ русскихъ, которые желаютъ бороться съ русскимъ тираномъ.

Издателю Daily News.

М. Г.! Въ одномъ изъ номеровъ Вашего изданія помѣщено письмо, отрицающее за извѣстнымъ русскимъ изгнанникомъ г. Герценомъ не только право на представительствованіе русской демократіи въ Интернаціональномъ Комитетѣ, но даже право на принадлежность къ русской національности.

Г. Герценъ уже отвѣчалъ на второе обвиненіе. Позвольте намъ отъ имени Интернаціональнаго Комитета присоединить къ отвѣту

г. Герцена нѣсколько фактовъ касательно обвиненія перваго, фактовъ, сослаться на которые г. Герцену, по всей вѣроятности, не позволила лишь его скромность.

Осужденный, имѣя отъ роду 30 лѣтъ, за заговоръ противъ царскаго деспотизма, г. Герценъ былъ сосланъ на границу Сибири, гдѣ и проживалъ въ качествѣ ссыльнаго въ теченіе 7 лѣтъ.

Амнистированный въ первый разъ, онъ очень скоро сумѣлъ за-служить и вторую ссылку.

Въ то же самое время его политическіе памфлеты, философскія статьи и беллетристическія произведенія доставили ему одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ въ русской литературѣ.

Чтобы показать, какое мѣсто принадлежитъ г. Герцену въ политической и литературной жизни его родины, мы не можемъ сдѣлать ничего другого, какъ сослаться на статью, напечатанную въ «Атенеумѣ», журналѣ, который никто не заподозритъ въ пристрастіи.

Прибывши въ Европу въ 1847 г., г. Герценъ занялъ видное мѣсто въ ряду тѣхъ выдающихся людей, имена которыхъ тѣсно связаны съ революціоннымъ движеніемъ 1848 г. Затѣмъ онъ основалъ въ Лондонѣ первое свободное русское изданіе, цѣлью котораго стала смертельная и многополезная война противъ царя Николая и русскаго деспотизма.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, задавшіеся цѣлью объединенія всей демократіи въ общемъ проявленіи ея дѣятельности, мы и не надѣялись, да и не ждали найти ни въ Англіи, ни во всей Европѣ болѣе достойнаго и болѣе истиннаго представителя революціонной партіи въ Россіи, чѣмъ г. Герцена.

Съ почтеніемъ

Подписи:

Предсѣд. Интерн. К-та (имя не проставлено).

Секретариатъ	Робертъ Чапмэнъ.
	Конрадъ Домбровскій.
	Альфредъ Таландье.

7. О встрѣчѣ съ Огаревымъ находимъ въ «Запискахъ» Головина слѣдующій рассказъ.

«По возвращеніи моемъ въ Лондонъ я встрѣтилъ г. Огарева, съ которымъ я нѣкоторое время былъ на пріятельской ногѣ въ Парижѣ и который пріѣхалъ къ шапошному разбору эмиграціи (все это сущій вздоръ—М. Л.). Онъ притворился, какъ будто меня не знаетъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ: «Когда я повздорилъ съ Николаемъ Павловичемъ, то его адъютанты перестали мнѣ кланяться, и это казалось мнѣ странно; но когда я поссорился съ Герценомъ, то учителя его дѣтей также перестали мнѣ кланяться; но что всего кажется страннѣе это то, что онъ самъ вамъ, видно, приказалъ меня не узнавать и со мною не говорить». Повернувшись къ нему, я было продолжалъ свой путь, но онъ подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ:

— Головинъ, это не изъ за того, а за то, что вы поступили дурно съ Герценомъ.

— Онъ вамъ такъ разсказалъ, а такъ какъ вы ему должны сто тысячъ, то вы и повѣрили.

«Поэтъ нашъ остолбенѣлъ передъ такимъ фактомъ, точно онъ крѣпостной Герцена и долженъ дуться на кого баринъ гнѣвается».

8. Переводъ письма Головина на стр. 16-й:

Милостивый Государь!

«Такъ какъ Вы возбудили противъ меня дѣло о клеветѣ по поводу нѣкоторыхъ моихъ устныхъ и письменныхъ заявленій, бросающихъ тѣнь на Вашъ характеръ, и такъ какъ Вы при посредничествѣ общихъ друзей согласились прекратить это дѣло въ томъ случаѣ, если я заплачу судебныя издержки и откажусь отъ упомянутыхъ заявленій, а также выражу сожалѣніе, что сдѣлалъ ихъ,—то я съ радостью принимаю эти условія и прошу Васъ вѣрить, что если что-либо изъ сказаннаго или написаннаго мною хотя бы въ малѣйшей степени повредило Вамъ, я не имѣлъ такого намѣренія и крайне сожалѣю о томъ, что сдѣлалъ и чего болѣе никогда не повторить

Вашъ покорный слуга

И. Головинъ».

9. Головинъ и самъ сознается, что, встрѣтивъ Герцена въ 1865 г., сказалъ ему вслѣдъ: «отзвонилъ да и съ колокольни долой». При этомъ будто бы Герценъ такъ былъ смущенъ, что не нашелся отвѣтить.

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ принести мою искреннюю благодарность какъ М. О. Гершензону, такъ и наслѣдникамъ А. А. Герцена.

М. Л.

Эмигрантъ Иванъ Головинъ.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

Въ славномъ ряду русскихъ эмигрантовъ стараго времени есть одна фигура до того непохожая на всѣ другія, до того уродливая, до того, можно сказать, отрицательно выдающаяся, что съ ней нельзя не познакомить всѣхъ, интересующихся русскими эмигрантами вообще. Это тотъ самый Иванъ Гавриловичъ Головинъ, который такъ блестяще охарактеризованъ въ только что всѣми прочтенной статьѣ Герцена. Уже изъ нея читатель видитъ, кѣмъ былъ мѣтко прозванный великимъ публицистомъ «Хлестаковъ». Любопытно, что ко всему сказанному Герценомъ присоединяются голоса и многихъ другихъ, знавшихъ Головина, несмотря на громадную ихъ разницу въ темпераментахъ, характерахъ и наблюдательности. Такъ, напримѣръ, сухой, холодный оппортунистъ П. В. Анненковъ такъ отзывался о Головинѣ: «Я, кажется, и не встрѣчалъ на вѣку моемъ писателя, менѣе заслуживающаго вниманія, какъ этотъ Головинъ, въ одно время игравшій на биржѣ и въ оппозицію, пробиравшійся въ жокей-клубъ, въ міръ лоретокъ, и въ демократическія консилибулы—наглый и ребячески-трусливый, но онъ остался въ Парижѣ, несмотря на вызовъ, и сдѣлался прежде всего русскимъ «политическимъ» эмигрантомъ, и при томъ изъ особеннаго начала,—изъ страха: ему мерещились всевозможные ужасы, которые по отношеніи къ нему просто были немыслимы» ¹⁾).

Не иначе относились къ Головину и лица, стоявшія во главѣ правительствъ, русскаго и другихъ. Его умственное и нравственное убожество сразу и рѣзко бросалось въ глаза всякому, даже самому посредственному бюрократу.

Въ моемъ распоряженіи находятся копіи съ нѣкоторыхъ дѣлъ изъ архива III Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи и министерства народнаго просвѣщенія. Онѣ даютъ возможность хорошо детализировать блестящій герценовскій набросокъ и такимъ образомъ познакомить читателя съ весьма оригинальной фигурой.

¹⁾ „Воспоминанія и критическіе очерки“, стр. 155. При жизни Головина Анненковъ не называлъ его полнымъ именемъ.

I.

Головинъ родился въ 1816 году и, такимъ образомъ, былъ на четыре года моложе Герцена. Родина его—сельцо Архангельское, Старицкаго уѣзда, Тверской губерніи. На второмъ мѣсяцѣ онъ остался безъ отца, съ матерью и шестью братьями. Онъ самъ сознается, что «росъ однимъ и потому вышелъ какимъ-то медвѣдемъ». Семи лѣтъ его отдали въ Петербургъ, въ частный пансіонъ Курнанда, гдѣ уже учился братъ Михаилъ. Оттуда вскорѣ Головина перевели въ пансіонъ Журдана, гдѣ онъ пробылъ пять лѣтъ. Затѣмъ надо было рѣшить, что дѣлать съ юношей дальше. Братья не нашли для этого лучшаго совѣтника, какъ пресловутаго Николая Ивановича Греча, а этотъ послѣдній направилъ ихъ къ извѣстному всѣмъ Фаддею Венедиктовичу Булгарину. Такимъ образомъ, сама судьба связала имя Головина съ этими двумя «почетными» именами... Булгаринъ посоветовалъ отправить Головина въ свой собственный пансіонъ въ Дерптъ... Вскорѣ, по неизвѣстной причинѣ, Головинъ перешелъ въ пансіонъ Эриксона. Затѣмъ 16 лѣтъ онъ поступилъ на дипломатическое отдѣленіе дерптскаго университета. Тамъ Головинъ сдѣлался типичнымъ буршемъ, дрался на дуэляхъ, пьянствовалъ, развратничалъ и ничѣмъ серьезнымъ не занимался. Въ 1835 году онъ взялъ заграничный паспортъ и поѣхалъ въ Германію, чтобы въ Берлинѣ записаться на лекціи Ранке, Риттера, Ганса, Раумера и другихъ извѣстныхъ ученыхъ. Въ мартѣ 1837 г. онъ вернулся въ Петербургъ кандидатомъ, получивъ эту степень въ Дерптѣ. Врядъ ли есть основаніе вѣрить хвастливому утвержденію Головина, что онъ былъ первымъ русскимъ, получившимъ эту степень въ Дерптѣ¹⁾.

Лѣтомъ 1838 года Головинъ отправился въ Швецію; путешествіе это было описано имъ въ книгѣ «Поѣздка въ Швецію въ 1839 году», изданной въ Петербургѣ въ 1840 г.

Книжка, всего въ 100 страницъ, написана очень жидко и блѣдно, не даетъ ровно ничего для знакомства съ страной, въ которой авторъ, не понимая языка, пробылъ три мѣсяца.

Издавъ «Поѣздку», Головинъ отправился въ Дерптъ, чтобы получить тамъ магистерскій дипломъ. Онъ написалъ диссертацию по политической экономіи, напечатанную спустя два года въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ «Vom Wesen des Geldes» подъ псевдонимомъ «Russischen Schriftsteller», но, въ силу какихъ то непонятныхъ обстоятельствъ, не получилъ желаемой степени. По всей вѣроятности, просто потому, что совершенно не былъ къ ней готовъ.

Вернувшись въ Петербургъ, Головинъ рѣшилъ поступить на государственную службу, безъ которой при Николаѣ I въ Россіи не могъ жить никто, если не обладалъ громадными средствами и не желалъ никакого общественнаго положенія. Онъ представился министру ино-

¹⁾ Пока всѣ біографическія свѣдѣнія я заимствую изъ собственныхъ „Записокъ“ Головина, изданныхъ имъ въ 1859 г. въ Лейпцигѣ, дѣлая, разумѣется, соотвѣтствующія исправленія.

странныхъ дѣлъ, Нессельроде, и былъ опредѣленъ во французское отдѣленіе...

Курьезно, что лишенный какого бы то ни было политическаго образа мыслей, совершенно равнодушный къ скрывавшему Россію капральскому самовластью, Головинъ говорить въ этомъ мѣстѣ своихъ «Записокъ»: «Я очутился на разводѣ. Принцъ Павелъ Дармштадтскій казался такимъ маленькимъ возлѣ государя. Драгунскій ординарецъ упалъ съ лошадыю. Государь вскрикнулъ: «встань и садись!» Это былъ голосъ, выходящій изъ-подъ земли. Какой чудесный Бертранъ. Я ушелъ подальше отъ этихъ сценъ, достойныхъ Данте. Другой разъ я всмотрѣлся пристально въ государя въ дворянскомъ собраніи и сказалъ себѣ: «мы съ тобой недолго будемъ друзьями»... Разумѣется все это приписано къ дѣйствительности, чтобы приготовить въ глазахъ читателя почву для «политической» эмиграціи...

На службѣ Головина погубилъ его плохой почеркъ. Когда онъ сталъ хлопотать о повышеніи, Нессельроде отвѣтилъ: «я согласенъ дать Головину лучшее мѣсто, но съ условіемъ, чтобы онъ бралъ уроки каллиграфіи въ теченіе шести недѣль»... Головинъ рѣшилъ подать въ отставку. Въ «Запискахъ» по этому поводу находимъ разсказъ о тридцати тысячахъ курьеровъ... «Но я былъ рожденъ писателемъ, а не писаремъ и никогда не сожалѣлъ, что простился съ карьерой, гдѣ требуется столько же лакейства, сколько чванства, а всего болѣе обмана».

Съ чиномъ коллежскаго секретаря Головинъ остался безъ всякихъ занятій, ровно ни къ чему не способный, прослуживъ ровно 11 мѣсяцевъ.

Тогда онъ снова отправился путешествовать по Европѣ, надѣясь найти что-нибудь для прокормленія.

II.

Осенью 1842 г. Головинъ рѣшилъ напечатать по-французски свою только что законченную книгу «Духъ политической экономіи» («Der Geist der politischen Oekonomie», придавая ей очень большое научное значеніе, котораго она, разумѣется, не имѣла. Для личной безопасности онъ обратился къ Якову Толстому, который, какъ я уже общалъ въ статьѣ о Долгоруковѣ ¹⁾, состоялъ заграничными глазами и ушами III Отдѣленія. Отвѣтъ оберъ-патріота Головинъ передаетъ въ такихъ выраженіяхъ: «Мнѣ во время оно было препоручено снести съ Демидовымъ по случаю статей, которыя онъ писалъ въ «Journal des Débats», и пригласить его прекратить такого рода публикаціи ²⁾. Если ваша книга будетъ противъ Россіи, васъ станутъ преслѣдовать; коли ни то, ни се—будутъ смотрѣть сквозь пальцы, а если она будетъ въ пользу Россіи—то васъ могутъ и наградить. На вопросъ

¹⁾ „Былое“ 1907 г., II.

²⁾ Рѣчь идетъ о сочиненіи Анатолія Демидова—„Lettres sur la Russie“, напечатанномъ сначала въ указанномъ журналѣ въ 1838—1839 гг., а потомъ изданномъ въ Парижѣ въ 1840 г.

Головина, можетъ ли онъ считать этотъ отвѣтъ достаточно официальнымъ, Толстой отвѣтилъ: «Вы можете принять мои слова за официальные» ¹⁾.

Видя, что родственникъ генераль-адъютанта Чернышева—Глинка издалъ въ Парижѣ «Философію права» и не только не былъ подвергнутъ репрессіямъ, но даже пользовался вниманіемъ, и придавая значеніе словамъ Толстого, Головинъ принялся за печатаніе своей книги. Между тѣмъ въ Петербургъ уже летѣлъ доносъ.

22-го января 1843 г. Толстой писалъ Бенкендорфу по-французски ²⁾: «Одинъ русскій, Головинъ, готовится издать книгу по политической экономіи. Отрывки изъ нея онъ читалъ уже нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ одному литератору, лично мнѣ извѣстному, и тотъ увѣрялъ меня, что это произведеніе заключаетъ въ себѣ доктрины, подрывающія наши государственные устои. Онъ даже привелъ мнѣ одну фразу приблизительно такого содержанія: «государи неспособны сдѣлать никакой уступки въ интересахъ своихъ подданныхъ, если она стоитъ имъ хоть малѣйшей жертвы, и, наоборотъ—охотно жертвуютъ благосостояніемъ тысячъ своихъ подданныхъ, ради удовлетворенія своихъ страстей и капризовъ». Этотъ отрывокъ доказываетъ, что трудъ, который собирается издать Головинъ, въ ненадлежащемъ духѣ... ³⁾.

Шефъ жандармовъ немедленно доложилъ о подозрительномъ «ученомъ» государю и получилъ повелѣніе поручить повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ объявить лично Головину, чтобъ немедленно возвращался въ Россію, иначе же съ нимъ будетъ поступлено по всей строгости законовъ. Грозное приказаніе было выполнено точно. Головинъ трусливо заявилъ, что радъ бы исполнить волю царя, но не можетъ этого сдѣлать по нездоровью. На другой день онъ письменно сообщилъ то же самое, прибавивъ, что какъ только можно будетъ двинуться вмѣсто вредной ему кареты на пароходѣ, такъ онъ сейчасъ же вернется въ родину.

Рѣшено было ограничиться этимъ обѣщаніемъ и ждать.

Головинъ, однако, зондировалъ обстоятельства и съ этой цѣлью въ августѣ (1845 г.) написалъ Бенкендорфу, что мѣсяца два тому назадъ послалъ въ Петербургъ брату Федору два экземпляра своего послѣдняго сочиненія, прося одинъ вручить ему, а другой поднести государю; что видитъ неисполненіе своего порученія, проситъ Бенкендорфа затребовать книги и очень сожалѣетъ, что, благодаря затянувшейся болѣзни, все еще не можетъ воспользоваться услугами навигаціи.

Дубельтъ запросилъ конногвардейскаго ротмистра Федора Головина, почему онъ не представилъ книгъ по назначенію. Тотъ отвѣтилъ, что никакихъ книгъ не получалъ, а что касается брата Ивана, то можетъ сообщить, что онъ въ настоящее время пользуется минеральными водами въ Пиринейскихъ горахъ и по выздоровленіи вернется.

¹⁾ „Записки“, стр. 78—79.

²⁾ Приношу глубокую благодарность за переводъ бумагъ З. Н. Журавской.

³⁾ Архивъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, 1843 г., I экспед., № 50, ч. I-я.

Послѣднее сочиненіе, два экземпляра котораго Головинъ послалъ брату Федору для передачи Бенкендорфу и государю, было написано наспѣхъ, съ цѣлью задобрить русское правительство, недовольное «Духомъ политической экономіи». Озаглавленное «Discours sur Pierre le Grand». Refutati on du livre de M. de Custine: «La Russie en 1839» (Paris, 1843)—оно было разсчитано на смягченіе Николая, который, какъ было извѣстно уже тогда всѣмъ его знавшимъ, очень высоко ставилъ Петра I,—разумѣется, не за его реформаторскую дѣятельность, а за тѣ неудержные деспотизмъ и произволъ, съ которыми проводились всѣ реформы—и полезныя и вредныя для государства. То, что книга отвѣчала на сочиненіе Кюстина, такъ взбѣсившее Николая, должно было, по мнѣнію Головина, достичь еще большихъ результатовъ въ видѣ награды, о которой ему говорилъ Яковъ Толстой... Надежды не оправдались, книга не дошла по назначенію.

Дубельтъ просилъ ротмистра написать брату, что если онъ немедленно не исполнить высочайшаго повелѣнія о возвращеніи въ Россію, то подвергнетъ себя весьма строгой отвѣтственности. Но письмо не было доставлено по назначенію, потому что за нѣсколько дней до этого Федоръ Головинъ уѣхалъ за-границу. Тогда 1 сентября было написано министру иностранныхъ дѣлъ, чтобы онъ немедленно узналъ о мѣстѣ жительства Головина въ Пиринеяхъ и передалъ ему прилагаемый пакетъ. Въ послѣднемъ заключалось предписаніе вернуться въ Россію въ самомъ непродолжительномъ времени.

Пока шла вся эта переписка, Головину было сообщено разными путями нѣсколько фактовъ, побудившихъ его собраться и ѣхать въ Россію. Такъ ему рассказали, что государь, увидавъ брата Федора, сказалъ ему: «Я все знаю, напиши брату, что ему бояться нечего, но что воротиться надо». На самомъ же дѣлѣ государь, проходя мимо Головина, спросилъ его только: «Что у тебя за братъ въ Парижѣ?» Но истина стала извѣстна лишь спустя нѣкоторое время. Въ бесѣдѣ съ конногвардейцемъ Бенкендорфомъ будто бы сказалъ ему: «Коли вашъ братъ добръ, то напишите ему, что я его буду защищать, и что послушаніе будетъ ему зачтено». Вернувшійся изъ Петербурга племянникъ Бенкендорфа сказалъ Головину въ Парижѣ, что говорилъ о немъ съ Дубельтомъ и на вопросъ, можетъ ли онъ дать ему честное слово, что онъ не подвергнется въ Россіи непріятностямъ, получилъ въ отвѣтъ, что разборъ его книги не далъ противъ него никакихъ обвиненій. Онъ же увѣрилъ Головина, что его карьера въ Россіи уже обезпечена, особенно благодаря Гумбольдту, писавшему Николаю I, что книга молодого экономиста хороша и не заслуживаетъ преслѣдованія...

Головинъ укладывался, какъ вдругъ ему вручаютъ письмо, о которомъ я сказалъ выше. Хлестаковъ былъ испуганъ. Кстати онъ узналъ отъ книгопродавцевъ, что на родинѣ его книга запрещена, несмотря на французскій текстъ. Еще черезъ нѣсколько дней Яковъ Толстой, желая прикинуться его защитникомъ, сообщилъ, что получилъ отъ Бенкендорфа выговоръ за «защиту» его книги... Головинъ рѣшаетъ не исполнить высочайшаго повелѣнія и пишетъ Бенкендорфу французское письмо отъ 24 ноября (1843 г.):

„Графъ,

„Что мнѣ отвѣтить вамъ на письмо, которое вы сдѣлали честь адресовать ко мнѣ отъ 1 сентября и переданное мнѣ только третьяго дня? Если я стану говорить о своей нуждѣ и своихъ долгахъ, которые удерживаютъ меня здѣсь и которые я не могу заплатить, то заранѣе предвижу вашъ отвѣтъ: вы не хотите слышать никакихъ возраженій. Моя болѣзнь, мое леченіе вызываютъ въ васъ только неудовольствіе, которое конечно, не успокаиваетъ меня относительно будущаго, ожидающаго меня по возвращеніи. Могу ли я говорить о невинности, благодаря которой ко мнѣ адресованъ вызовъ на родину? Вы убѣждены въ ней не меньше меня. И развѣ я не могу видѣть въ вашихъ словахъ, что противъ меня нѣтъ уликъ и дѣло кончится безъ послѣдствій разрѣшенія вѣхать куда вздумается. Надо ли мнѣ заявлять о преданности своему государю. Исторія на лицо: она скажетъ, что мы служимъ трону, какъ никто, и не я первый составляю исключеніе изъ этого правила. Свободой печати я пользовался только для того, чтобы упрочить славу нашего повелителя. Легко служить ему въ благоденствіи, но въ бѣдѣ труднѣе. Если бы я попросилъ субсидіи, вы истолковали бы это въ дурную сторону, а между тѣмъ у меня нѣтъ другого достоянія, кромѣ моего пера. Мои преступленія суть мой умъ, моя болѣзнь и моя нищета. А вы въ возмѣщеніе не хотите предоставить мнѣ право свободнаго передвиженія, которымъ пользуется послѣдній изъ подданныхъ. Поэтому, графъ, мнѣ остается только завѣрить васъ въ моемъ почтеніи и положиться на милосердіе и справедливость моего государя“.

Бенкендорфъ былъ боленъ, письмо получилъ Дубельтъ. Очень любопытна резолюція положенная имъ для канцеляріи, которой предстояло написать отвѣтъ вполне ей соотвѣтствовавшій. Вотъ она: «Останавливаюсь еще докладомъ, но Государь спроситъ—и тогда худо. Теперь самъ сдѣлается виноватъ, что не хочетъ отв., ибо онъ дѣлается виноватъ. Никто не говоритъ, что мы виноваты, а теперь по добротѣ души подождемъ въ Россіи; что касается до вашего ума, то правительство знаетъ, кому давать деньги»... Официальный отвѣтъ однако, не содержалъ всего этого. Тамъ было написано, что правительство и не обвиняло Головина въ какомъ бы то ни было преступленіи, но что не исполняя его волю, онъ уже дѣлается виновенъ; что по добротѣ души Бенкендорфъ удерживался и удерживается еще отъ всеподданнѣйшаго доклада, а если государь спроситъ, то разумѣется, расскажетъ все подробно; поэтому предлагалось, но уже въ *последній* разъ—немедленно вернуться, несмотря ни на какія личныя обстоятельства.

Головинъ отвѣчалъ Бенкендорфу 3 января 1844 г.:

«Ваше сіятельство!

«Въ письмѣ Вашемъ отъ 25 ноября Вы сознаетесь въ моей невинности и говорите о добротѣ души вашей. Я никогда не сомнѣвался въ первой, вторую же не могу усмотрѣть изъ письма вашего. Доброта души и справедливость требуютъ вознагражденія невинно преслѣдованныхъ, а не продолженія преслѣдованій. Въ дополненіе Вы изволите мнѣ объявлять, что за замедленіе мое въ возвратѣ будетъ

поступлено со мною, какъ за преступленіе, со всею строгостью законовъ. Трудно, графъ, приказывать и отнимать вмѣстѣ возможность къ послушанію, лучше этого.

«Въ чувствѣ правоты моего дѣла я возлагаю мои надежды на правосудіе Государя Императора и прошу Ваше Сіятельство не замедлить долѣе докладомъ вашимъ о причинахъ, лишающихъ меня средствъ къ скорому возвращенію, изложенныхъ мною въ письмахъ отъ 15—(3) августа изъ Парижа и отъ 24 —(12) ноября изъ Парижа, и состоящихъ въ разстроенномъ положеніи моего здоровья и моего состоянія.

«Съ чувствомъ искренней преданности имѣю честь быть Ваше Сіятельство! покорный слуга

Иванъ Головинъ.»

Бенкендорфъ все медлилъ, однако, и вновь просилъ министра иностранныхъ дѣлъ сдѣлать представленіе Головину о немедленномъ возвращеніи въ Россію. Одновременно Дубельтъ написалъ самому Головину, что шефъ жандармовъ еще откладываетъ свой докладъ на четыре недѣли...

Получивъ предписаніе изъ посольства, Головинъ отвѣтилъ французскимъ письмомъ на имя Нессельроде (22 февраля 1844 г.): «Графъ, я думалъ что въ своихъ письмахъ отъ 15 августа, 24 ноября 1843 г. и 3 января 1844 г. я высказался достаточно категорически на счетъ моего возвращенія въ Россію. Но такъ какъ ваше сіятельство удостоиваете вмѣшаться въ эту мѣру высшей полиціи, то я считаю долгомъ признаться вамъ, что покинулъ службу и родину, чтобы брать уроки каллиграфіи, согласно вашему предписанію. Протекціи у меня не было и вамъ, конечно, незачѣмъ было помнить, что первый русскій министръ иностранныхъ дѣлъ носилъ одинаковое со мною имя ¹⁾. Надѣюсь, что вы не воспользуетесь всей вашей властью, чтобы заставить заговорить, что Бенкендорфы и Нессельроды довели Головина до роли изгнанника».

Одновременно Головинъ писалъ и Дубельту: «Ваше Превосходительство, Милостивый государь, Леонтій Васильевичъ! Предписаніе г. генераль-адъютанта графа Бенкендорфа отъ 8 января ст. стиля имѣлъ я честь получить изъ рукъ посольства 8 февраля того же стиля, ровно по истеченіи мѣсячнаго срока, назначеннаго мнѣ на возвращеніе. Наканунѣ же сообщено мнѣ было предписаніе гр. Нессельроде совершенно другого содержанія, на которое я имѣлъ честь ему отвѣтить. А по сему предлагаю Вашему Превосходительству испросить у г. вице-канцлера сообщеніе моего къ нему письма».

Возмущенный Нессельроде отправилъ это письмо Бенкендорфу, тотъ доложилъ государю и получилъ приказаніе: «объявить Головину, что объ его поступкѣ сдѣлано законное распоряженіе, о послѣдствіяхъ коего онъ своевременно узнаетъ»... Кромѣ такой загадочной

¹⁾ Слабостью нашего Хлестакова была собственная геральдика. Происходя отъ Головина, жалованнаго помѣстьями въ 1667 г., онъ при всякомъ удобномъ случаѣ указываетъ на графа Ф. А. Головина, перваго министра Петра Великаго, на князя Ховру, какъ родоначальника графовъ Головиныхъ.

резолуции, Бенкендорфъ сообщилъ министру юстиціи, Панину, чтобы съ Головинымъ было поступлено по всей строгости законовъ.

Такимъ образомъ дѣло переходило въ судъ.

Между тѣмъ, надежда на свиданіе съ Головинымъ въ казематѣ Петропавловки все еще не оставляла русскую жандармерію. Увидавъ брата его, Бенкендорфъ сказалъ ему: «Напишите вашему брату, что государь привыкъ, чтобы его слушались, и не любить, чтобы съ нимъ шутили, что достаточно одного его слова, чтобы онъ получилъ приказаніе отъ Луи Филиппа выѣхать изъ Франціи въ 24 часа.» Получивъ такое извѣщеніе, Головинъ отправился въ французское министерство внутреннихъ дѣлъ и спросилъ, можетъ ли онъ считать себя подъ защитой наполеоновскаго правительства? Его увѣрили, что одного слова Николая еще далеко недостаточно, и что они не склонны заниматься пустяками.¹⁾

Въ концѣ октября 1844 г. въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ, получавшихся въ III Отдѣленіи, прочли то, что прозѣвали своевременно въ «Revue de Paris», а именно, что въ скоромъ времени въ Парижѣ появится новый журналъ, который будетъ заниматься исключительно внѣшней политикой Европы и Россіи. Въ числѣ редакторовъ называли Головина, Гервега и Фази, при чемъ первый долженъ былъ редактировать русскій отдѣлъ, второй—германскій, третій—швейцарскій. Какъ только прочли эту замѣтку, такъ сейчасъ же стали наводить справки путемъ безчисленныхъ агентовъ, охранявшихъ цѣлость и спокойствіе николаевской державы. Оказалось, что якобы въ Москвѣ и Петербургѣ собираютъ уже матеріалъ для этого журнала, и что занимается этимъ, главнымъ образомъ, нѣкій Золотаревъ, сынъ бывшаго биржевого маклера, окончившій дерптскій университетъ и жившій четыре года въ Парижѣ въ большой дружбѣ съ Головинымъ. Тогда московскимъ жандармамъ было предписано провѣрить это сообщеніе и обо всемъ донести. Изъ Москвы сообщили, что Иванъ Федоровичъ Золотаревъ дѣйствительно жилъ тамъ по пріѣздѣ изъ-за границы, но что вскорѣ поступилъ къ новороссійскому и бессарабскому военному генералъ-губернатору графу Воронцову; кромѣ того, онъ аттестовывался, какъ человѣкъ въполнѣ благонамѣренный. Новый шефъ жандармовъ, графъ Орловъ просилъ Воронцова послѣдить за его подчиненнымъ. Воронцовъ рѣшилъ поступить проще и прямо высказалъ Золотареву падавшія на него подозрѣнія. Золотаревъ отрекся отъ всякихъ сношеній съ Головинымъ съ момента его выѣзда изъ Россіи.

Въ іюлѣ 1844 г. Орловъ просилъ Панина ускорить дѣло въ судѣ. Панинъ принялъ мѣры, и 21 іюля оно уже было въ сенатѣ, 26-го докладывалось, а потомъ сразу взялись за составленіе опредѣленія. Затѣмъ опредѣленіе было передано въ государственный совѣтъ и мнѣніемъ послѣдняго было положено: «лишивъ Головина чиновъ и дворянства, сослать его, въ случаѣ, явки въ Россію, въ Сибирь въ каторжную работу, а имѣніе его, ежели какое окажется гдѣ-либо собственному ему принадлежащимъ, взять, на основаніи законовъ, въ секвестръ». 12 декабря опредѣленіе это было утверждено Николаемъ I.

¹⁾ „Записки“, 85-86.

Такимъ образомъ съ этого времени Головинъ вступилъ въ число государственныхъ преступниковъ—эмигрантовъ.

III.

Головину очень хотѣлось отвѣтить Николаю и его правительству. Онъ жаждалъ мщенія и въ удовлетвореніе его написалъ книженку «*La Russie sous Nicolas I*» (Paris, 1845). Работа эта до того незначительна по своему содержанію, до того блѣдна по языку и краскамъ, что когда услужливый Яковъ Толстой предложилъ Бенкендорфу написать немедленно возраженіе, какъ онъ это дѣлалъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, Бенкендорфъ не счелъ нужнымъ тратить деньги и приказалъ пренебречь... Горше этой обиды, разумѣется, ничего быть не могло. Воспользовавшись смертью поэта Баратынского, Головинъ написалъ въ «*Journal des Débats*» статью, смыслъ которой былъ хотя и совершенно справедливъ, но не въ отношеніи самого автора, какъ онъ старался это показать: страданіе—участь способныхъ людей въ Россіи.

Курьезно, какъ описываетъ самъ Головинъ встрѣчу своей «необыкновенной легкости въ мысляхъ»...

«Въ маѣ 1845 г. вышла «Россія подъ Николаемъ». Кюстинъ побѣждалъ съ нею въ «*Débats*», говоря: «Вотъ русскій, который меня оправдываетъ во всемъ». Женудъ писалъ: «Вы не любите жужжаніе мухи вотъ вамъ кулакъ по лбу». «*Journal de Commerce*» говорилъ: «Мы любимъ стрѣлка, который надписалъ на своей стрѣлѣ: въ правый глазъ короля Филиппа. Книга передъ нами бьетъ Николая въ сердце». «*Revue Indépendante*» писала: «Мы не скроемъ нашей симпатіи къ автору». «*Corsaire - Satan*» говорилъ: «Надо, чтобъ авторъ много перенесъ въ Россіи, чтобы адресовать противъ нея такой протестъ Европѣ. Г...ий сказалъ: «Черезъ пятьдесятъ лѣтъ русскіе оцѣнятъ эту книгу». Гречъ сказалъ: «Что не выдуманно, то переврано,» а Шатобрианъ: — «*Cette preface est touchée de main de maître.*» Киселевъ пробовалъ распути слухъ, что я у него просилъ мѣсто — вѣрно швейцара посольства. Книгу мою перевели на шведскій и на испанскій, на венгерскій и на греческій языки». ¹⁾

Надо ли говорить о томъ, какъ не только тогда, но еще и теперь происходитъ за границу выборъ литературы о Россіи для переводовъ? Фигура Николая была тогда такъ антипатична многимъ въ Европѣ, что они пользовались всякимъ случаемъ для пропаганды ненависти къ русскому правительству. Сплошь да рядомъ никому не было дѣла до достоинствъ книги, была бы она написана хлестко и съ кое какими фактами, неизвѣстными широкому европейскому обществу... Кромѣ того, неизвѣстно, не приложилъ ли самъ Головинъ, драпировавшійся въ торжественную тогу политическаго эмигранта, руку къ этимъ переводамъ...

¹⁾ „Записки“ 90—91. Дѣйствительно, вотъ еще другія изданія той же книги: „*Russland unter Nicolas dem Ersten*“ Leipzig, 1845 и 1846., „*Russia under the Autocrat Nicholas the First*“. London, 1846, „*Russland unter Kejsar Nicolaus den I-te*“ Stockholm, 1846.

Mr. Pivovarov

Далѣ Головинъ разсказываетъ, какъ Николай, будучи въ Прагѣ, послалъ своего адъютанта купить его книгу и, запершись въ вагонѣ, четыре часа, до Вѣны, читалъ ее не отрываясь... Можно утверждать, что царь не сдѣлалъ Головину этого удовольствія, потому что былъ въ Прагѣ ровно за годъ до выхода ея въ свѣтъ...

Не понимая истиннаго значенія своей книги, трусливый Головинъ спѣшилъ гарантировать себя отъ поползновеній петербургскаго правительства и для этого рѣшилъ принять французское подданство. Французскій министръ юстиціи отказалъ въ этомъ, не видя разрѣшенія Николая.

Въ это время Головинъ получилъ отъ братьевъ въ окончательный раздѣлъ ихъ наслѣдства около 40.000 франковъ. Игрокъ по натурѣ, онъ не могъ удержаться отъ покупки желѣзнодорожныхъ акцій, въ теченіе нѣсколькихъ дней потерялъ половину присланнаго капитала, а такъ какъ изъ другой половины вынужденъ былъ подъ всякими угрозами заплатить свои долги, то и остался снова почти безъ ничего.

Надо было добывать на пропитаніе. Къ услугамъ его оказалась газета «Corsaire-Satan», предложившая Головину вести русскій отдѣлъ. Разумѣется, замѣтки Головина не отличались ни правдивостію, ни содержаніемъ, и могли смѣшить (и то по словамъ самого Головина) только Луи-Филиппа, всегда, какъ извѣстно, искавшаго повода публично посмѣяться надъ Николаемъ, такъ оскорбительно отнесшимся къ его воцаренію послѣ іюльской революціи 1830 года...

Однако, вопросъ о натурализаціи все больше и больше беспокоилъ Головина. Онъ рѣшилъ попытать счастья въ Англіи, и лѣтомъ 1846 г. отправился туда вмѣстѣ съ пріятелемъ Герцена—Сазоновымъ. Тамъ онъ обратился къ лорду Стюарту, члену торрійской оппозиціи въ парламентъ, совершившему въ 1837 г. путешествіе по Россіи и Востоку. Лордъ въ шесть недѣль натурализовалъ Головина въ качествѣ англичанина. Головинъ разсказываетъ, что «Siecle» воспользовался этимъ случаемъ для укора своему правительству, а графъ Нессельроде, прочитавъ статью, отмѣтилъ ее и послалъ къ государю; что англійскому правительству былъ сдѣланъ выговоръ... Разумѣется, все это вздоръ, потому что иначе въ дѣлѣ архива остался бы слѣдъ отъ всего разсказаннаго. Больше—натурализація Головина осталась совершенно неизвѣстной русскому правительству, и оно узнало о ней гораздо позже и при томъ отъ самого Головина.

Затѣмъ Головинъ вернулся въ Парижъ и продолжалъ тамъ жизнь игрока, кутили на чужой счетъ и бульварнаго «публициста».

Замѣчательно характерно поведеніе его во время парижской революціи 1848 года. Передадимъ его собственнымъ разсказомъ героя.

«Когда я взошелъ въ Тюльери, огонь еще горѣлъ въ каминѣ голубой гостиной, и я зажегъ у него сигаретку. Люди съ пиками и ружьями сидѣли на шелковыхъ креслахъ и ничего не портили. Луи Филиппъ бѣжалъ постыдно, а Гизо и Дюшатель бѣжали переодѣтыми въ лакеи. Еслибы герцогъ д'Омальской воротился изъ Африки, его бы еще приняли въ короли. Мнѣ подали во дворцѣ книгу, говоря, что это реестръ королевскихъ милостей; но это была опись дома коро-

левскаго. Я написалъ: «Народъ парижскій видѣлъ списокъ лакеевъ и объявляетъ, что онъ никогда не будетъ къ нему принадлежать». Эти слова подписали многія тысячи, но куда дѣвалась книга, до сихъ поръ не знаю. Я вынесъ съ собою бутылку дурного Макаона, чтобъ выпить ее на здоровье народа.

«Я оставался зрителемъ событій и видѣлъ, что, кромѣ глупостей, ничего не происходило до того дня, когда Ламартина потрепали въ отель де Виллѣ за воротникъ. Онъ послалъ за мною.

— Вы намъ можете оказать, сказалъ онъ, большія услуги въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Угодно вамъ?

— Французскіе эмигранты служили противъ Франціи не за свободу, я могу вамъ служить за свободу.

— Давайте мнѣ меморіи о Польшѣ и Россіи. Вотъ вамъ пропускъ, а такъ какъ время автора—его состояніе, то вы позволите мнѣ платить за вашъ трудъ по товарищески.

«Я ему подаль ноту о состояніи русской арміи; она была грозна на бумагѣ. Онъ сейчасъ съ этой нотой побѣжалъ въ Люксембургъ и увѣрилъ провизуарное правительство, что объ войнѣ и думать нельзя. Ламорисьеръ еще болѣе укрѣпилъ это мнѣніе, объявивъ, что Франція не можетъ поставить болѣе 30,000 'человѣкъ».

«Я на это представилъ серію нотъ, говорившихъ: «Вы не хотите войну за границу, вы будете имѣть войну дома», «одной дивизіи съ трехцвѣтнымъ знаменемъ довольно, чтобъ сдѣлать много великихъ дѣлъ» и пр. У Ламартина я видалъ и Моле, и Ротшильда, и Хонскаго, и Островскаго, ихъ роли были совершенно различны.

«Манифестаціи, депутаціи не переставали. Образовались многіе клубы. Я участвовалъ при составленіи клуба литераторовъ, при разогнаніи клуба Cité d'Antin, гдѣ мы основали клубъ «братства народовъ». Бюро состояло изъ девяти президентовъ девяти комитетовъ различныхъ народовъ. Меня выбрали президентомъ клуба. Когда я извѣстилъ о составленіи его въ клубѣ Барбеса, рукоплесканія были громки и долги.

«15 мая я былъ въ трибунѣ журналистовъ въ народномъ собраніи. Когда пришла національная гвардія, я стоялъ на террасѣ и дюкъ де Гиши, бывшій офицеромъ въ первомъ легіонѣ, сталъ со мной говорить, какъ вдругъ два офицера подходятъ меня арестовать за то, что я бунтую ихъ солдатъ, но я имъ показалъ билетъ и они меня оставили въ покоѣ» ¹⁾).

И такъ далѣе безъ конца... Всякій, кто понимаетъ громадное историческое значеніе февральскихъ дней 1848 года и знаетъ главныя ихъ событія, разумѣется, будетъ отъ души смѣяться надъ рассказомъ Хлестакова, съ сигареткой закуренной на пламени тюльерійскаго камина и съ стаканомъ макаона во здравіе французскаго народа писавшаго ноты о возможности встать за Польшу...

Революціи всегда даютъ возможность выплывать на поверхность такимъ людямъ, которые въ обыкновенное время тонутъ въ грязь житейской тины. Такъ было и съ Головинымъ. Онъ пыжился, чтобы

¹⁾ „Записки“, 107—109.

придать себѣ хоть какое нибудь значеніе, и нельзя сказать, чтобъ совсѣмъ не успѣвалъ. Кое кого ему удавалось мистифицировать въ бульварной прессѣ и за это получать иногда довольно щедрыя подачки... Впрочемъ, рассказы его самого идутъ гораздо дальше. Опыаненный гостепріимной закуской городничаго Хлестаковъ вралъ безъ мѣры. Головинъ говоритъ, что къ нему приходили два агента Бонапарта просить его поддержки въ печати идеи о возвращеніи ихъ принцепала во Францію. Чтобы доказать свою революціонность, Головинъ, между прочимъ, утверждаетъ, что «имѣть на душѣ эмиграцію графа Браницкаго». Дѣло, видите ли, было такъ: русское правительство затребовало графа домой. Узнавъ объ этомъ, Головинъ поспѣшилъ сообщить въ двухъ газетахъ, что Браницкій отказывается исполнить высочайшее повелѣніе, и потомъ убѣдилъ изумленного этимъ вмѣшательствомъ графа послѣдовать его совѣту... Надо ли говорить, что все это просто выдумки...

Когда 10 декабря 1848 г. президентомъ французской республики былъ избранъ Наполеонъ, Головина не испугала близость реакціи, онъ хорошо понималъ возможность приспособиться къ новому курсу.

28 января Наполеонъ объѣзжалъ верхомъ съ небольшою свитою парижскіе бульвары. Головинъ пробрался къ нему и крикнулъ: «Да здравствуетъ демократическая республика». Возлѣ президента ѣхали два гусарскіе офицера и мужчина во фракъ съ красной ленточкой въ петлицѣ, послѣдній отвѣтилъ ему: «Гражданинъ, этого то и хочеть президентъ, онъ уже уволилъ министерство». «Это дѣло другое,— воскликнулъ Головинъ и, обратясь къ Наполеону, сказалъ: «гражданинъ Бонапартъ, подайте мнѣ руку». Наполеонъ подалъ руку... Головинъ почтительно ее пожалъ... Неожиданно для Хлестакова эта его выходка стала извѣстна знакомымъ и вовсе не одобрялась. Надо было поправиться, чтобы не потерять и послѣдней доли довѣрія. Кстати въ официальныхъ газетахъ не было объявлено объ исполненномъ якобы увольненіи кабинета. Тогда Головинъ въ торжественной позѣ опубликовалъ въ «Reforme» и въ прудоновской Le Voix du Peuple», что онъ беретъ назадъ пожатіе руки президента... Вскорѣ его выслали изъ Франціи, онъ поѣхалъ въ Женеву, а оттуда въ Брюссель. Средства его въ это время были особенно не блестящи. Головинъ написалъ брату въ Россію, чтобы тотъ помогъ ему и писалъ, но письмо было перлюстрировано, а конногвардейцу Головину предписано ни въ какую переписку съ Иваномъ не входить... Затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Хлестаковъ мечется изъ страны въ страну по континенту, оттуда въ Англію, потомъ назадъ. Несмотря на это, никакой работы онъ найти не могъ и снова рѣшилъ вернуться въ Женеву.

Здѣсь необходимо остановиться на изданіи Головинымъ въ Женевѣ очень небольшою брошюрки на русскомъ языкѣ—«Катихизисъ русскаго народа» съ обозначеніемъ на ней Петербурга и типографіи Павловича. «Катихизисъ» всегда былъ предметомъ гордости Головина, хвастливо утверждавшаго, что опытъ печатанія за границей прокламацій для Россіи принадлежитъ ему, а не Герцену, пошедшему якобы уже по его пути. Сохраняя объективность, нельзя не сказать, что

прокламація составлена по тому времени недурно. Въ виду ея большой библиографической цѣнности, приведу что можно въ выдержкахъ.

Сначала идетъ предисловіе, озаглавленное: «Къ нашимъ». «Мы отрѣзанный авангардъ вашего просвѣщенія. Намъ выслали за границу, а когда мы возвратились къ вамъ съ запасомъ учености, ваши управители открыли по намъ огонь преслѣдованія. Нѣмцы по знанію, мы остались русскіе по сердцу, потому то ваши властелины вмѣсто снисхожденія показали намъ неистовую вражду. Не нашедши помощи въ васъ и будучи не въ силахъ сносить зрѣлище народнаго униженія, мы унесли наши ропоты въ тѣ земли, въ которыхъ узнали мы мѣру вашихъ страданій и нашли средства имъ помочь. Безъ злобы, но не безъ негодованія изложили мы наши мученія передъ судомъ просвѣщенной Европы. Бодро сносили мы ненависти, клеветы и крамолы, которыя мы возбудили, ибо мы знали, что правда встрѣчаетъ неистовыхъ враговъ въ тѣхъ, которые живутъ неправдою, удерживая другихъ въ невѣжествѣ. Нынѣ во первыхъ предстоимъ мы передъ вами, говоримъ вамъ на языкѣ отечественномъ. На насъ смотрятъ, какъ на умершихъ для Россіи: внимлите же намъ, ибо умирающіе гласятъ правду».

Затѣмъ шли главы: первая «о царѣ», вторая «о дворянствѣ», третья «о солдатѣ» и четвертая «о правительствѣ». Вся прокламація изложена въ видѣ діалога между «убѣжденнымъ» и «просвѣщающимся» катихизисомъ.

Вотъ первая глава.

Убѣжденный. Сколько въ Россіи царей? *Просвѣщаемыйся.* Одинъ, какъ одно солнце, какъ одинъ Богъ на небеси. *У.* Солнце въ много, а если Богъ одинъ, то онъ премудръ, а нашъ царь есть ли премудръ? *И.* Нѣтъ, ибо онъ человѣкъ. *У.* Но онъ самодержавенъ. Всемогущество принадлежитъ одному Богу, потому что онъ не можетъ творить зла. Неограниченная же власть человѣка отъ природы слабого вредить только его уму. Какъ зовутъ вашего царя? *И.* Николай Павловичъ Романовъ. *У.* Чей онъ сынъ? *И.* Павла. *У.* А Павелъ? *И.* Петра. *У.* Котораго? *И.* Третьяго. *У.* Романова? . . .

У. Вѣруетъ ли онъ въ Бога? *И.* Онъ ходитъ въ церковь. *И.* Но губитъ праведныхъ, а ворами потакаетъ. *И.* Да ему не сладить со взяточниками. *У.* Петръ же сладилъ съ ворами. *И.* Да его бы сломили. *У.* И Петра разбойники задержали, но онъ не страшился съ ними въ бой входить. *И.* Петромъ ему не бывать. *У.* Плохо, что и говорить. Что ворами потакать, что съ ними дѣлиться, есть одно и то же. *И.* Видно, что такъ ужъ свыше устроено. *У.* Свыше идетъ дождикъ или свѣтъ, свѣтитъ солнце, а судьба наша отъ людей зависитъ, но люди то глупы. Намъ, какъ стадо овецъ, гонять, бьютъ и губятъ. Вѣчно ли будемъ мы овцами? *И.* Человѣку суждено мучиться на этомъ свѣтѣ. *У.* Да мученіе это не для всѣхъ одинаково. Одинъ мучится, муча другихъ, тотъ страдаетъ отъ несваренія желудка, а другой отъ голода. *И.* Зато на томъ свѣтѣ будетъ наоборотъ. *У.* Это выдумали счастливыя для простяковъ, попы для людей суевѣрныхъ. *И.* Но вѣра упрочиваетъ наше спокойствіе. *У.* Вѣра стѣнная только сохраняетъ наше невѣжество, которое составляетъ счастье утѣшителей и несчастье утѣшаемыхъ. *И.* Кажись, что представитель шестидесяти

милліоновъ долженъ быть великодушенъ, благороденъ. У. А выходитъ наоборотъ: и благо народное, и собственную славу подчиняетъ онъ своенравію. П. Что же изъ этого заключить должно? У. А то, что когда народъ лучше своихъ правителей, то имъ не уцѣлѣть. Народъ русскій добръ отъ природы, а царь жестокосердъ, мстителенъ, народъ великъ, а Николай человѣкъ млочной. П. А все-таки народъ его любитъ. У. Боятся, а не любитъ. Ну, спрашиваю тебя, годится ли милліонамъ людей бояться одного? П. Но Наслѣдникъ будетъ лучше. У. Авось. Авось да ничего управляютъ Россіей. Сильна матушка, выноситъ всѣ обиды; ей все ничего, авось, будетъ лучше. По моему, на Бога уповай, а самъ не плошай. Пора приложить умъ умѣрить произволъ судьбы и людей. П. Итакъ, теперешній порядокъ вещей не удержится? У. Скажи лучше бозпорядокъ, нарушеніе святѣйшихъ законовъ природы. Уважается ли у насъ личность? цѣнится ли достоинство? Нѣтъ, у насъ почитается чинъ и хранился рабство. Этотъ порядокъ есть обида Богу. Чѣмъ человѣкъ походить на Творца? Умомъ, а у насъ право мыслить попрано, сообщать свои *мысли* воспрещено.

Опуская вторую и третью главы, какъ болѣе слабыя и водянистыя, приведу нѣсколько выдержекъ изъ четвертой, о правительствѣ, написанной подъ *явнымъ* впечатлѣніемъ только что разразившихся тогда европейскихъ событій.

П. Какое же будетъ у насъ правительство, если когда-нибудь Богъ дастъ намъ выгнать бусурманъ? У. Народное. П. Поясни. У. Не будетъ царя, ни подцариковъ. Царемъ станетъ самъ народъ. Будетъ, какъ было вѣкогда въ Новгородѣ, будетъ вѣче, будутъ думы. Не станетъ притѣсненій, всѣ будутъ равны передъ закономъ, прекратится постыдный торгъ въ судопроизводствѣ. Народъ будетъ избирать законодателей, а они будутъ его представителями; судей, большихъ и малыхъ, правителей, отъ низкаго до высокаго. Все будетъ рѣшаться большинствомъ голосовъ въ земской думѣ: миръ или война, налоги и пр. . . .

П. Говорятъ, что когда ввели республику заграницей, то дѣло не идетъ на ладъ. У. Тамъ совсѣмъ другое. Жить узко, земли мало, одинъ у другого отнимаетъ кусокъ хлѣба. Безъ добродѣтели, безъ самоотверженія спасенія нѣтъ. А матушка Русь растянута на просторѣ, всего вдоволь, не пужно орошать хлѣба кровью. Дай намъ волюшку,—и какъ яхонтъ заблеститъ Русь въ вѣнцѣ народовъ. А теперь она тускнѣетъ въ невѣжествѣ, склоняетъ выю въ рабствѣ.

П. Но мы еще не зрѣлы. У. Полно, не гнили ли мы? Да и какъ же намъ созрѣть подъ палкой и въ невѣжествѣ, въ которомъ удерживаетъ насъ правительство? Добро дѣлать никогда не рано. Цари хуже безсовѣстныхъ опекуновъ, для нихъ нѣтъ совершеннолѣтія народовъ. . . .

П. Какимъ же образомъ избавимся мы отъ теперешняго правительства сильнаго ябедю, штыками, деньгами? У. Ябеда его обезсиливаетъ, ибо вызываетъ ненависть и презрѣніе, противъ которыхъ никакое правительство устоять не можетъ. Штыкъ оправдываетъ свое названіе молодца, солдатъ вспомнить свое происхожденіе и грянетъ съ Богомъ за народъ на утѣснителей онаго. Правительство беретъ деньги съ насъ, но оно такъ мотаешь, что скоро ихъ не достанетъ, мы же вольны ему отказать. П. Но кто покусится на возстаніе? У. Кто любитъ отчизну болѣе самого себя. П. А если не удастся? У. Велика слава

мучениковъ свободы. II. Но велико и мученіе. У. Семи смертямъ не бывать, одной не миновать.

II. Какъ же дѣлають завалы? У. Разбирають мостовую, накладываютъ камни грудой, загораживаютъ въ томъ мѣстѣ улицу телѣгами, каретами, мѣшками съ пескомъ и, однимъ словомъ, всѣмъ, что въ ту пору находятъ, усыпають улицу разбитыми бутылками, чтобъ кавалерія не могла двигаться, засаживаются за окопами, на чердакахъ, въ погребахъ, и когда непріатели останавливаются передъ заваломъ, стрѣляютъ въ нихъ, какъ въ куръ, чтобы отучить отъ охоты сражаться противъ своихъ“.

Къ сожалѣнію, мнѣ не приходилось встрѣчать указаній въ литературѣ на распространенность хоть гдѣ-нибудь въ Россіи этого «катихизиса», написаннаго человѣкомъ, отнюдь не сочувствовавшимъ революціи ни раньше, ни потомъ.

Вскорѣ (въ октябрѣ 1850 г.) Головинъ переѣхалъ въ Ниццу, гдѣ основалъ на лѣтній сезонъ журналчикъ «Carillon» и помѣщалъ въ немъ фельетоны подъ общимъ заглавіемъ «Les prussiens es russiens et les autres chiens à Nice». Журналъ выходилъ по субботамъ и имѣлъ успѣхъ среди пріѣзжихъ, насколько вообще имѣеть успѣхъ всякая сплетня... Въ концѣ концовъ Головина выслали изъ Ниццы и онъ перебрался въ Туринъ. Тамъ онъ основалъ «Journal de Tourin», въ которомъ печаталъ фельетоны подъ общимъ заглавіемъ «Portraits et esquisses russes». Но и здѣсь Головину не пришлось пожить. Онъ перевелъ на французскій языкъ статью Максима Азегліо—«Честь Италіи и Австріи», написанную тѣмъ еще до вступленія на постъ сардинскаго министра внутреннихъ дѣлъ, напечаталъ ее въ своемъ журналѣ и былъ привлеченъ къ отвѣтственности, такъ какъ статья не понравилась австрійскому министру въ Туринѣ, графу Апени, состоявшему на высылкѣ Головина.

Русское правительство всегда слѣдило за Головинымъ и знало о его дѣятельности. Въ апрѣлѣ 1852 г. одинъ изъ редакторовъ какой-то петербургской газеты, вѣроятно «Сѣверной Пчелы», представилъ въ III отдѣленіе первый номеръ «Journal de Tourin» и получилъ за это милостивую благодарность, а министерству народнаго просвѣщенія было предписано немедленно обязать подпискою всѣхъ русскіихъ редакторовъ представлять всѣ подобныя изданія въ III отдѣленіе.

Замѣчу кстати, что Головинъ приглашалъ къ сотрудничеству въ туринской газетѣ Кавура и получилъ отъ него весьма сухой отвѣтъ, такъ и оставшійся ему неизвѣстнымъ, потому что былъ конфискованъ на почтѣ. Привожу его въ переводѣ: «Милостивый Государь, благодарю Васъ за любезное предложеніе въ Вашемъ письмѣ отъ 3 числа тек. мѣсяца открыть мнѣ столбцы «Journal de Tourin». Поспѣшу воспользоваться имъ какъ только сочту это полезнымъ для дѣла, которому служу, возстановить правду въ лжи-

выхъ розказняхъ обо мнѣ и моихъ политическихъ друзьяхъ. Не думаю, однако, чтобы я злоупотребилъ вашимъ разрѣшеніемъ, такъ какъ давно уже взялъ себѣ за правило отвѣчать молчаніемъ на всякія обиды и клеветы».

IV.

Головинъ снова пріѣхалъ въ Лондонъ, куда немного раньше перебрался и Герценъ. Здѣсь у него обнаружился особенный приступъ графоманіи. По этому поводу любопытно привести его собственное признаніе, напоминающее розказъ Хлестакова объ игрѣ въ вистъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и видными посланниками.

«Надо имѣть познанія, чтобы васъ читать,—говорилъ мнѣ Гауманъ,—вы не пишете для толпы.—На одной строкѣ у васъ нѣсколько мыслей,—говорилъ мнѣ Піори въ Парижѣ.—Головинъ пишетъ не перомъ, а шпагой,—говорилъ при мнѣ женевецъ, который платилъ 300 фр. за мой автографъ, не зная, что я его слушалъ, изъ чего я заключилъ, что мой слогъ слишкомъ рубленъ. Одна изъ моихъ книгъ вытекала изъ другой, одна была послѣдствіемъ другой и послѣдующая дополняла предыдущую. Надо искать автора во всѣхъ его сочиненіяхъ, а не судить его по отрывкамъ. Я не писалъ для того, чтобы писать, а всегда поставлялъ себѣ какую-нибудь цѣль блага общаго, которой я хотѣлъ достигнуть. Популярнымъ авторомъ можно только быть на родинѣ, а посему на чужбинѣ я адресовался къ извѣстному только классу просвѣщенныхъ читателей. Но писать была большая потребность, такъ что за неимѣніемъ бумаги и печатни, я писалъ бы на древесной корѣ или на камнѣ. Слѣдовательно, пріѣхавъ этотъ разъ въ Лондонъ, я рѣшился сдѣлаться англійскимъ писателемъ, едва зная довольно, чтобы спросить свою дорогу на улицѣ» ¹⁾.

Съ такимъ багажемъ Головинъ шелъ на поприще, гдѣ было столько силъ и ума. Взять хотя бы только одного Герцена...

Обыкновенно такія бездарности прежде всего рабски слѣдуютъ по чьимъ-нибудь пятамъ, мало заботясь о степени своего заимствованія. У Головина передъ глазами было новое громадное литературное явленіе, имѣвшее совершенно до тѣхъ поръ неслыханный и въ Европѣ успѣхъ: романъ Бичеръ-Стоу «Хижина дяди Тома». Что до того, что на русской почвѣ романъ въ сущности былъ написанъ Тургеневымъ въ его «Запискахъ охотника». Головинъ рѣшилъ написать своего Тома и дѣйствительно написалъ по-французски. Спасибо, отъ срама его спасъ какой-то благодѣтель Нельсонъ изъ Эдинбурга, заплатившій графоману за рукопись 80 ф. стерлинговъ и никогда не издавшій романъ въ свѣтъ... Головинъ былъ доволенъ: въ его положеніи это были огромныя деньги.. Но, всетаки, хотѣлось внѣшняго успѣха, въ которомъ онъ былъ увѣренъ, и потому онъ обратился къ Кобдену

¹⁾ „Записки“, 140—141.

съ просьбой разрѣшить ему организовать нѣсколько митинговъ въ пользу освобожденія русскаго народа, но получилъ отказъ... ¹⁾).

Въ Лондонѣ Головинъ сразу попалъ въ соотвѣтствовавшій ему кругъ всевозможныхъ шантажистовъ-репортеровъ и пр., работалъ въ грязномъ именно въ то время листкѣ «Morning Advertiser», потомъ, въ виду Крымской войны, выпускаетъ анонимно «Письма русскаго дипломата». Какъ разъ въ это время умираетъ его братъ Михаилъ, завѣдовавшій дѣлами Ивана, и послѣдній остается безъ всякихъ средствъ, принужденный заложить все до послѣдней нитки. Потомъ онъ получилъ изъ Россіи 9000 рублей, но, какъ и при полученіи раньше 70,000 франковъ, не утерпѣлъ, чтобы не пуститься въ аферы, и опять потерялъ все присланное. Нищета въ родствѣ съ графоманіей дали романъ «Выходецъ» («Der Flüchtling»), купленный лейпцигскимъ издателемъ за 26 фунтовъ стерлинговъ и изданный подъ псевдонимомъ Годвинъ, что было сдѣлано по совѣту людей, дорожившихъ успѣхомъ литературы русскихъ эмигрантовъ и понимавшихъ, какъ нежелательно смѣшеніе ихъ именъ съ именемъ Головина.

Но вотъ умеръ Николай I...

Россія начала протягивать свои закороченные члены... Европа съ любопытствомъ смотрѣла на Петербургъ, не зная хорошо, чего можно ожидать отъ новаго царя...

Черезъ двѣ недѣли (18 марта н. ст. 1855 г.) Головинъ строчить письмо къ Александру II:

«Ваше Императорское Величество,
Государь Всемиловѣйшій!

«Священнымъ долгомъ своимъ полагаю поставить себя на распоряженіе Вашего Императорскаго Величества. Я буду гордъ имѣть Государемъ моимъ добрѣйшаго изъ монарховъ, если только В. И. В. благоугодно имѣть меня своимъ подданнымъ. Надежды всей жизни моей были основаны на Васъ. Исполните живѣйшую изъ нихъ: возвращеніе меня на родину. Распространяя до меня Всемиловѣйшую амнистію Вашу и возвращая мнѣ права мои, В. И. В. дасть мнѣ возможность быть полезнымъ моей родинѣ».

Отвѣта не было... Головинъ ждалъ его терпѣливо, больше года. За это время онъ подвергся даже обвиненію въ шпионствѣ и агентурѣ. Въ пріютившей его «Morning Advertiser» появилась статья, обвинявшая Александра II въ несочувствіи освобожденію Россіи отъ прежняго ига. Головинъ отвѣчалъ очень рѣзко, что время докажетъ, какъ былъ правъ Жуковский, предсказывая государю великое будущее, что Александръ II вовсе не сочувствовалъ политикѣ своего отца и т. п. А когда черезъ нѣсколько номеровъ Головинъ замѣтилъ, что если русскіе стремятся въ Индію, то путь туда долженъ лежать черезъ Персію, то на него посыпались обвиненія, что онъ агентъ русскаго правительства... Потомъ время убѣдило англичанъ, что послѣднее, выбирая агентовъ, поступало, всетаки, съ болѣе-шей осмотрительностью и расчетливостью.

¹⁾ „Записки“, 141—142.

Однако, Головинъ рѣшилъ потушить слухъ поѣздкой въ Америку, гдѣ онъ рассчитывалъ найти себѣ какое-нибудь занятіе и тогда совершенно уже покинуть Англію. Но кромѣ неудачнаго открытія винной лавки, съ которой Хлестаковъ прогорѣлъ, благодаря своему компаньону, Америка ничего не дала. Правда, онъ работалъ въ уличныхъ листкахъ Нью-Йорка и Вашингтона, но для американцевъ не показался подходящимъ журналистомъ. Въ началѣ 1856 г., наживъ себѣ горячку, Головинъ отправился лѣчить ее въ Гаванну, тамъ тоже не нашелъ ничего и вынужденъ былъ вернуться въ Лондонъ. Здѣсь онъ принялся за изданіе журнала «Россія» на трехъ языкахъ (французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ), но на пятнадцатомъ номерѣ вынужденъ былъ прекратить его за полнымъ отсутствіемъ какого бы то ни было успѣха, котораго странно было и ожидать въ то время даже безотносительно къ личности редактора.

Наконецъ, не получая отвѣта на свое письмо къ Александру II, Головинъ адресовался съ французскимъ посланіемъ къ кн. Горчакову.

„Ваше Сіятельство, еслибы это не было непростительной дерзостью съ моей стороны, и бы явился уже на русскихъ границахъ для того, чтобы доказать мое желаніе жить подъ законами нашего молодого государя. Обращаясь къ вамъ, князь, я убѣжденъ, что вы, какъ добрый патріотъ, сдѣлаете все зависящее отъ васъ, чтобы облегчить мое возвращеніе на родину. Я не замыслилъ и не поднималъ никогда оружія противъ Россіи, возлагалъ всегда надежды на восшествіе на престолъ Его Величества Государя Императора. Я знаю, чувствительность молодого государя велика въ отношеніи того, что пишутъ на его счетъ за границей, но вы, безъ сомнѣнія, очень хорошо знаете человеческое сердце, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что любовь къ отечеству не можетъ угаснуть въ сердцахъ изгнанника и писателя самаго бѣднаго и желчнаго. Самые отъявленные мои враги должны будутъ сознаться въ томъ, что я никогда не сомнѣвался въ тѣхъ благахъ, которыя Россія приобрѣтетъ отъ царствованія государя, доброта сердца котораго служить въ томъ самымъ вѣрнымъ ручательствомъ. Великія идеи, говорятъ издавна, исходятъ отъ сердца, и слѣдуя указаніямъ этого надежнаго путеводителя болѣе, нежели умозрѣніямъ такъ называемой высшей политики, Александръ II внесетъ свое имя на высшую степень сравнительно съ той, на которой сіяло имя Александра, завоевателя Македоніи“.

30 іюля 1856 г. III Отдѣленіе вошло съ обширнымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ (утвержденнымъ въ день коронаціи 26 августа) объ облегченіи участи государственныхъ преступниковъ и въ томъ числѣ Головина. Относительно его состоялось повелѣніе: помиловать, дозволивъ пользоваться прежними правами и возвратиться въ Россію, но съ тѣмъ, чтобы онъ былъ немедленно опредѣленъ на службу, гдѣ пожелаетъ, кромѣ столицъ, съ утвержденіемъ за нимъ строгаго надзора.

Въ концѣ августа Горчаковъ увѣдомилъ объ этомъ лондонскаго посланника гр. Хрептовича. Тотъ призвалъ Головина и объявилъ ему высочайшую «милость». На другой день Головинъ, растрогавшись, написалъ Хрептовичу по-французски: «Графъ, удостойте принять мою

последнюю книгу, почтительную дань моей признательности. Лъшу себя надеждой, что она составлена въ такомъ духѣ, который не будетъ непріятенъ Вашему Превосходительству. Не смѣя докучать своимъ письмомъ кн. Горчакову, покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать ему мою глубокую признательность. Надѣюсь вскорѣ получить указаніе того мѣста, гдѣ я могу пригодиться, чтобы рѣшить, черезъ какую границу и какимъ маршрутомъ мнѣ ѣхать на родину» ¹⁾).

Самъ Головинъ рассказываетъ, что когда онъ получилъ приглашеніе Хрептовича, у него капнули слезы при мысли, что ему возвращена родина. Этому можно повѣрить — слишкомъ безрадостно жилось ему въ эмиграціи.

Хрептовичъ запрашивалъ, въ свою очередь, Горчакова, сообщивъ, что Головинъ выслушалъ высочайшее прошеніе съ глубочайшею благодарностью. Тотъ адресовался въ III Отдѣленіе, а князь В. А. Долгоруковъ спросилъ государя и получилъ приказаніе назначить его подъ начальство такого губернатора, который бы дѣйствительно зорко за нимъ слѣдилъ. Тогда запросили о такомъ губернаторѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ разъ въ это время братъ Головина, уже генераль, хлопоталъ объ опредѣленіи Ивана къ Н. Н. Муравьеву-Амурскому и получилъ согласіе. Самъ же Головинъ просился у кн. А. А. Суворова, генераль-губернатора рижскаго, лифляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго. Очевидно, на точномъ основаніи повелѣнія, слѣдовало предпочесть личное желаніе «помилованнаго» и потому не нашли препятствій къ исполненію его просьбы объ опредѣленіи къ Суворову.

Но затѣмъ Головину вдругъ пришла мысль не ѣхать въ Россію, а пристроиться какъ-нибудь на русскую службу за-границей. Для этого, съ одной стороны, онъ поспѣшилъ просить Суворова разрѣшить остаться въ Лондонѣ до приведенія въ порядокъ своихъ домашнихъ дѣлъ, съ другой—написалъ министру народнаго просвѣщенія Норову о своемъ желаніи быть корреспондентомъ его министерства, т. е. фактически III Отдѣленія, какъ было и съ Яковымъ Толстымъ... А чтобы заручиться его расположеніемъ и признаніемъ собственной серьезности, Головинъ передъ этимъ (16 декабря 1856 г.) послалъ Норову еще особое посланіе, весьма любопытное для его характеристики.

Бросаясь изъ стороны въ сторону, изъ одной области въ другую, переходя съ необыкновенною, чисто хлестаковскою легкостью въ мысляхъ отъ предмета къ предмету, мѣняя политическую экономію на исторію, исторію на публицистику, публицистику на этнографію и т. п., Головинъ добрался, наконецъ, и до френологіи. Она давала ему возможность хлестаковствовать безъ всякаго удержу и надѣяться выдвинуться хоть въ этой области. Позже, въ 1858 г., въ Лейпцигѣ Головинъ издалъ даже по-русски весьма жидкія «Лекціи о френологіи»

Вотъ что онъ писалъ министру просвѣщенія Норову:

„Ваше Высокопревосходительство! Наука френологіи сдѣлала такіе успѣхи въ последнее время, что ея примѣненіе къ государственнѣмъ предметамъ

¹⁾ Приложенная книга носила заглавіе: „The nations of Russia and Turkey and their destiny“, London, 1854.

необходимо. Мы съ точностью можемъ сказать, изслѣдуя черепъ челоѵѵка, военный ли онъ или не военный, будетъ ли онъ хорошимъ солдатомъ или нѣтъ. При рекрутскихъ наборахъ, слѣдовательно, желательно, чтобы медики изслѣдовали черепъ прежде другихъ частей тѣла. Съ такою же точностью говоримъ мы „вотъ черепъ убійцы“, или „вотъ черепъ челоѵѵка, который убилъ только случайно“, и заключаемъ, что отъ перваго надо оборонить общество навсегда, а что втораго надо было поставить въ другую среду жизни. Уголовное право было бы преступно, не обращая вниманія на эти законы природы.

„Но болѣе всѣхъ другихъ частей народное просвѣщеніе должно извлечь пользу изъ этихъ данныхъ. Напрасно опредѣлимъ мы земледѣльческій черепъ въ торговую школу, изъ него никогда не будетъ хорошаго купца. Не дай Богъ, чтобы дѣлали священниковъ съ черепами, у которыхъ любострастіе развито болѣе благоговѣнія. Родители, понимая недостатки устройства своихъ дѣтей, могутъ противодѣйствовать имъ умнымъ направленіемъ ихъ образованія. Уже начали смѣяться надъ тѣми, которые смѣются надъ френологіей, и время близко, когда будутъ удивляться легкомысленному недовѣрію, съ которымъ встрѣчали эту науку. На свѣтѣ учать такъ много наукъ безъ примѣненія, что хорошо было бы ввести преподаваніе столь богатой отрасли новыхъ изысканій. Снимки замѣчательныхъ череповъ необходимы, и одна изъ самыхъ великихъ реформъ непременно истечетъ изъ этого предмета, до сихъ поръ столь пренебреженнаго. „Познаніе людей составляетъ главное достоинство тѣхъ, которые призваны употреблять ихъ по ихъ способностямъ. Творецъ, въ неизмѣримой своей мудрости, сотворяетъ людей для всѣхъ возможныхъ занятій. Горе тѣмъ, которые нарушаютъ Его законы. Тамъ, гдѣ много различныхъ народовъ, френологія озаряетъ этнологію, подавая руку антропологіи и сравнительной анатоміи. Я встрѣчалъ черепа негровъ съ удивительнымъ ораторскимъ расположеніемъ, между тѣмъ, какъ отвращеніе отъ всякой работы замѣчательная черта индѣйскихъ череповъ.“

„Я почти себя счастливымъ, если В. В. приметъ сіи мои наброски съ сроднымъ себѣ благорасположеніемъ, и имѣю честь быть вашимъ покорный слуга

Иванъ Головинъ.“

Норовъ отвѣтилъ Долгорукову, что «не имѣетъ никакихъ побужденій желать, чтобы г. Головинъ былъ наименованъ корреспондентомъ Высочайше ввѣреннаго ему министерства», т. е. III-му Отдѣленію предоставлялось увѣнчать Головина званіемъ корреспондента другаго министерства.

III Отдѣленіе тоже воздержалось отъ дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи, разсудивъ, что перо и знанія Головина врядъ ли могутъ быть полезны правительству. Наоборотъ, было предписано по министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ уже числился Головинъ, вытребовать его немедленно въ Россію безъ какихъ бы то ни было отсрочекъ... Такимъ образомъ «милость» обращалась уже въ прямое насиліе.

Головинъ отвѣчалъ Хрептовичу (7 марта 1857 г. по-французски):

„Въ отвѣтъ на сдѣланное мнѣ сообщеніе императорскимъ посольствомъ, имѣю честь съ сожалѣніемъ объявить, что 16 лѣтъ изгнаннической жизни за границей сдѣлали меня неспособнымъ для такой же изгнаннической жизни

въ Россіи, и потому я предлагаю императорскому правительству взять назадъ милость, которая такъ великодушно была мнѣ предложена. Я утѣшаю себя мыслью, что услуги мои при моихъ званіи и лѣтахъ принесли бы весьма мало пользы его величеству, такъ какъ г. Норовъ находить, что мои познанія не имѣютъ никакой цѣны для его министерства. При самыхъ искреннихъ желаніяхъ счастья царствованію императора Александра я окончу дни свои на чужой землѣ.

„Не всѣмъ дано жертвовать жизнь за своего монарха, но мнѣ это было дано. Да не пройдетъ незамѣченнымъ то обстоятельство, что я испортилъ свою репутацію, разрушилъ будущность свою въ Англіи, открыто принявъ защиту того, кому Богъ ввѣрилъ судьбы Россіи.

„Я знаю, что его величество, будучи во всемъ отцомъ отечества, есть въ то же время самый вѣжливый и послушный сынъ: его величество не можетъ, слѣдовательно, забыть того, что сдѣлалъ; но я желаю, чтобы его величество убѣдился, что бы я не пожертвовалъ собою для борьбы съ простымъ человѣкомъ.

„Мнѣ остается предложить императорскому правительству взять назадъ свою щедрую милость, а васъ графъ, просить извиненія за причиненныя мною безпокойства.

„Но всякій заблудшійся смертный питаетъ надежду увидѣть землю, на которой онъ родился, и какой бы я ни былъ дурной дипломатъ, я хотѣлъ употребить всѣ средства, чтобы сдѣлать свою амнистію полною прежде, чѣмъ я отказался отъ нея“¹⁾.

10 марта 1857 г. кн. Долгоруковъ извѣстилъ товарища министра иностранных дѣлъ о высочайшей резолюціи, послѣдовавшей на рапортѣ лондонскаго посла: «не предоставляя Головину правъ, всемілостивѣйше предназначенныхъ ему въ день священнаго коронованія, оставить его въ прежнемъ положеніи. Пусть посольство паспортовъ въ Россію ему не выдается».

V.

Такимъ образомъ «милость» была взята обратно, и Головинъ навсегда лишился права возвращенія въ Россію... На него это сильно подѣйствовало. Онъ, повидимому, не думалъ о такомъ оборотѣ дѣла. 7 апрѣля 1857 г. Головинъ пишетъ Долгорукову по-французски:

„Ваше сіятельство“.

„Предокъ Вашъ, обнаживъ свою грудь, сказалъ Петру Великому: „будь Александромъ, я буду Клитомъ!“ Это было въ сенатѣ, когда начальникъ адмиралтейства, Иванъ Головинъ, разорвалъ указъ его величества и замѣнилъ его другимъ рѣшеніемъ. Князь Юрій Долгорукій былъ нашимъ лучшимъ министромъ правосудія.

„Мельнику въ Сентъ-Суси дозволено же было сказать безъ опасенія возбудить гнѣвъ великаго Фридриха: „есть судьи въ Берлинѣ“. Дозволено ли мнѣ будетъ сказать, что петербургскіе юрисконсульты подрываютъ монархическія начала, думая, что его величество можетъ обратно взять то, что имъ уже дано.

¹⁾ На стр. 182—183 „Записокъ“ письмо это приведено не вѣрно и неполно.

Полагать, что милость можетъ быть безъ суда взята обратно, значитъ ошибочно истолковывать самое лучшее преимущество царской власти: право оказывать милость. Впрочемъ, я не думаю, чтобъ судъ осудилъ меня за то, что я ходатайствовалъ о полномъ всепрощеніи. Правда, что я самъ предлагалъ отнять его обратно у себя, но не думаю, чтобы отѣкли голову или посадили въ тюрьму того, кто самъ бы просилъ объ этомъ. Я прошу позволенія въ рѣшеніи его величества сослаться на самого его величество. Я того мнѣнія, что даже и народное бѣдствіе не можетъ допустить отнятія милости, дарованной въ такой день всеобщей радости, какимъ былъ день священнаго коронованія. Недавно Наполеонъ III даровалъ прощеніе Варби, и всѣ настоянія сего послѣдняго о переводѣ его въ тюрьму были тщетны.

„Между тѣмъ я отказался отъ англійскаго подданства. Оставьте мнѣ, по крайней мѣрѣ, надежду, что когда будетъ приготовляться сводъ законовъ императора Александра, я уже не буду больше въ числѣ изгнанниковъ“.

Письмо это было доложено Александру II 4 апрѣля ст. стиля. Не получивъ отвѣта, Головинъ пишетъ еще разъ (и тоже по-французски) Долгорукову 28 апрѣля:

„Ваше сіятельство! Въ минувшее царствованіе я былъ осужденъ за то, что говорилъ дурно, хотя это осужденіе послѣдовало прежде, чѣмъ я началъ писать. Нынѣ же я вижу себя осужденнымъ за то, что говорилъ хорошо объ его величествѣ. Говоря, что государь нашъ съ титуломъ отца отечества соединилъ титулъ вѣчнаго и почтительнаго сына, я призываю въ свидѣтели Бога, что этимъ не хотѣлъ сказать ничего непріятнаго. Какимъ бы я ни былъ крестьяниномъ Дуная, какъ я ни долженъ быть мало привыченъ къ похваламъ, я слишкомъ окровлененъ, чтобы скрывать свои мысли, и какова бы ни была участь, меня ожидающая, я прошу Васъ, Ваше Сіятельство, удостоить меня милостивымъ Вашимъ представителемъ въ моихъ чувствахъ передъ нашимъ августѣйшимъ монархомъ“.

И это письмо было доложено государю, но вторично отвѣта не послѣдовало.

Тогда Головинъ написалъ (по-французски) своему знакомому по Петербургу И. М. Толстому, товарищу министра иностранныхъ дѣлъ:

„Я такъ часто въ жизни своей злоупотреблялъ вашей добротой, что уже хотѣлъ послать прилагаемые документы гр. Адлербергу, но опасеніе игнорировать васъ этимъ, заставило меня еще разъ докучать вамъ. Прошу вѣрить, что я былъ столь же тронутъ вашими двумя строчками, какъ и дружба людей власти, почтившихъ меня ею за время моего долгаго изгнанія. Не хочу также подчеркивать разницы пріемовъ при аналогичныхъ обстоятельствахъ. Хочу только показать, что и лучшіе люди въ мірѣ больше спѣшатъ иногда передавать дурныя вѣсти, чѣмъ хорошія. Императорскимъ манифестомъ предложено лицамъ, проживающимъ за границей, годъ срока для того, чтобы воспользоваться милостью его величества. Но напрасно я требовалъ для себя благодѣтельныхъ преимуществъ этого предусмотрительнаго распоряженія. Мнѣ только смягчили наказаніе. Я ошибся, думая, что государь не отниметъ того, что самъ далъ. Позвольте мнѣ рассказать вамъ и о томъ и о другомъ, приводя историческія данныя.“

„Филиппъ II, обращаясь къ одному изъ своихъ подданныхъ, называетъ

его графомъ. Тотъ немедленно надѣваетъ шляпу. Что вы дѣлаете? спрашиваетъ король. Ваше величество, пожаловали меня испанскимъ грандомъ. Король хотѣлъ взять назадъ эту милость, но по настоянію министровъ не сдѣлалъ этого.

„Бѣднякъ останавливаетъ въ Парижѣ полицейскаго сержанта и говорить ему: сдѣлайте мнѣ удовольствіе, посадите меня въ тюрьму. Чего ради? Мнѣ негдѣ жить и нечего ѣсть. Этого мало, надо еще, чтобы вы совершили какое нибудь преступленіе. Что же я долженъ сдѣлать?—Ну вотъ, напримѣръ, если вы начнете просить милостыню, я могу васъ арестовать.—Г. Сержанъ, подайте милостыню Христа ради... Сержанъ повелѣ бѣдняка въ тюрьму“.

„Должно быть и мое преступленіе въ томъ, что я просилъ милости его величества. Но развѣ за такое преступленіе наказываютъ пожизненнымъ изгнаніемъ...“

Немного спустя (28 августа 1857 г.) Головинъ пишетъ князю Долгорукову:

«Ваше Сіятельство! Высочайшимъ предписаніемъ повелѣно мнѣ оставаться въ прежнемъ положеніи, между тѣмъ, какъ обстоятельства совершенно измѣнились. Прежде были два министра нѣмца, а нынѣ стали русскіе; прежде былъ царь Грозный, а нынѣ государь милосердный. Россія тронулась: изъ военнаго диктаторства она становится чистою монархією; протранства исчезаютъ при возникаемыхъ удобныхъ средствахъ сообщенія; храмъ Януса запертъ, торговля расцвѣтаетъ и литература пробудится скоро тоже. Уваженіе къ Аристотелю, Пиндару, Гомеру составили славу Александра Македонскаго, болѣе нежели побѣда его при Арбелахъ. Какъ ни ничтожны мои достоинства, казалось, лучше было бы мнѣ быть авторомъ русскимъ, нежели англійскимъ, и я надѣюсь, князь, что вы прекратите мою опалу, которая не нужна для славы новаго царствованія».

Письмо это тоже было доложено государю и оставлено, по его приказанію, безъ послѣдствій.

Головинъ узналъ объ этомъ и рѣшилъ просить надъ собой формальнаго суда. Для этого онъ адресовался къ министру юстиціи Панину, которому писалъ, между прочимъ: «полагая, что права русскаго дворянина не отнимаются безъ суда, я прошу В. С. какъ блюстителя закона, разобрать мое дѣло и дать ему судебный ходъ». Одновременно Головинъ обратился въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ просьбой выдать ему паспортъ для вѣзда въ Россію, чтобы тамъ подвергнуться суду. Панинъ отвѣчалъ Горчакову, прося свой отвѣтъ довести до свѣдѣнія Головина, что разъ онъ самъ отказался отъ царской милости, то и не имѣетъ никакого права на судебную реабилитацію. Головинъ возражалъ Панину, но разумѣется, письмо его не имѣло никакихъ послѣдствій.

Еще не дождавшись панинскаго отвѣта, Головинъ обратился къ Долгорукову снова по-французски: «Моя мать имѣла пятерыхъ сыновей, служившихъ въ гвардіи. Неужели она можетъ быть лишена права видѣть меня и неужели мнѣ не будетъ дозволено закрыть ей глаза? Генрихъ IV говорилъ, что удовлетвореніе мщенія продолжается не

долѣе минуты, а удовлетвореніе милосердія вѣчно. Полагая границы милосердію нашего монарха, стѣсняють наилучшее украшеніе императорской власти. Вы такъ великодушны къ врагамъ отечества, что, вѣроятно, захотите быть таковымъ же и къ своимъ друзьямъ. Ваше милостивое предстательство уже открыло разъ предо мною входъ въ Россію, кромѣ Петербурга и Москвы. Можетъ быть на этотъ разъ вы можете снять ограниченіе хотя бы съ Москвы. Въ Россіи столько хорошихъ головъ, что одну дурную, какова моя, вы стерпите».

Долгоруковъ, дѣйствительно, готовъ былъ, повидимому, если не просить за Головина, то хоть основательно познакомиться съ его дѣломъ. Онъ приказалъ доложить себѣ его со справкой.

Одновременно, пользуясь пребываніемъ русской императрицы въ Дармштадтѣ, Головинъ написалъ и ей. Указавъ на свою половинчатую амнистію, онъ говорилъ, что навѣрное государыня знаетъ изъ отечественной исторіи, что мать патріарха Филарета была изъ рода Головиныхъ, что въ царствованіе Петра Великаго Головины засѣдали въ сенатѣ, что при Іоаннѣ Грозномъ они проливали кровь на эшафотѣ, а при Годуновѣ были изгнаны, и спрашивалъ, неужели и онъ будетъ изгнанникомъ?

Кромѣ того, какъ англійскій подданный, Головинъ обратился къ лордъ Кларендону, чтобы тотъ далъ ему возможность съѣздить въ Россію въ качествѣ англичанина, для свиданія съ родными и съ правомъ возврата въ Англію. Министерство иностранныхъ дѣлъ отказало въ хлопотахъ англійскаго посла въ Петербургѣ.

Потерпѣвъ и здѣсь неудачу, Головинъ понялъ, что съ Россіей связь уже не возстановится, и потому рѣшился на отчаянное средство только для того, чтобы поддержать свое существованіе. Онъ обратился къ лорду Пальмерстону съ предложеніемъ быть тайнымъ англійскимъ агентомъ, указывая при этомъ на свои якобы широкія знакомства въ Россіи... Пальмерстонъ отвѣтилъ, конечно, отрицательно...

Что было дѣлать?

Возвращаться на родину, во что бы то ни стало возстановить въ ней свои права. Для этого Головинъ пробуетъ втереться въ русскую журналистику и 24 ноября обращается къ Красовскому съ просьбой дать ему работу въ «Отечественныхъ Запискахъ» или «СПБургскихъ Вѣдомостяхъ». Затѣмъ, чтобы гарантировать себѣ право печатать въ Россіи, онъ пишетъ Тимашеву:

«Ваше превосходительство! Князь Долгоруковъ говорилъ Петру Великому, что молодые люди, которыхъ посылають воспитываться за границу, принимаютъ направленіе чужестранное. «Мы его исправимъ», возразилъ царь, и опять, проведя по бумагѣ знакъ ногтемъ, сказалъ: «какъ ни слабъ этотъ знакъ, а со всѣмъ вашимъ могуществомъ вы его не изгладите». Великій монархъ не полагалъ, что надо лишать живота, имущества или правъ піонеровъ русскаго просвѣщенія.

«Карамзину, звавшему государя Александра Павловича «аркадскимъ пастухомъ», давали пенсіи, а меня, называвшаго государя Александра Николаевича «ангеломъ на престолѣ», лишили правъ мо-

ихъ. Не моя вина, что 1000 лѣтъ разстояніе въ просвѣщеніи между Россіей и Европой. Я васъ прошу, генераль, не запрещать моимъ роднымъ переписываться со мною и дозволить мнѣ писать въ русскихъ журналахъ, соображаясь съ цензурными установленіями».

Отвѣта и разрѣшенія не было дано.

А на слѣдующій день Головинъ пишетъ совѣтнику лондонскаго посольства, барону Николаи:

„Баронъ, при нашихъ прежнихъ свиданіяхъ мы не имѣли удовольствія сговориться. Вы говорили, что не знаете о той статьѣ въ манифестѣ, которая даетъ годъ сроку лицамъ, живущимъ за границей, чтобы воспользоваться дарованной имъ амнистіей. ¹⁾ Распоряженіе мудрое, предусмотрительное, и оно должно быть распространено на всѣхъ, потому что при долгомъ пребываніи гдѣ бы то ни было создаются различные интересы, которые нельзя порвать сразу. Называю имена: Савичъ, Яблонскій и такъ много другихъ могли воспользоваться этой привилегіей, въ которой было отказано мнѣ. Повидимому, вы невѣрно представляете мою вину. Я былъ осужденъ заочно, потому что отсутствовалъ,—случай столь рѣдкій въ судебной практикѣ, что покойный государь отдать потомъ приказъ не предавать больше суду за отказъ вернуться въ Россію. ²⁾ Слѣдовательно, съ того момента, какъ я предлагалъ загладить свое отсутствіе, наказаніе мое падало само собой. Думаю, что министръ юстиціи такъ и доложилъ правительствующему сенату. Съ того момента, какъ я рѣшилъ вернуться добровольно, незачѣмъ было меня торопить, и разъ на меня возложили извѣстныя обязанности, несправедливо было отказывать въ дорожныхъ издержкахъ. Князя Суворова все равно на мѣстѣ не было, а прибалтійскія провинціи отнюдь мнѣ не родина. Министръ иностранныхъ дѣлъ по традиціи злобствуетъ на меня. Если я отказался брать уроки каллиграфіи, то долженъ признаться, только потому, что съ этой просьбой обратились не ко мнѣ, а къ государственному контролеру и комитету министровъ. Когда я обратился за инструкціями къ тѣмъ, кто руководилъ моею карьерой, мнѣ сказали, что послѣ этого меня заставляютъ брать уроки тапцевъ и все приписали давнишнему соперничеству между Гурьевыми и Мусинъ-Пушкиными. Наказываютъ не меня, а мою мать, не позволяя мнѣ пріѣхать закрыть ей глаза и не принимая во вниманіе того, что у нея пять сыновей служатъ въ гвардіи. А потому позвольте мнѣ отклонить предлагаемое вами вчерашней запискѣ свиданіе, и просить васъ передать копію прилагаемаго письма г. Мальцову. ³⁾“

„Очень хотѣлъ бы, чтобы г. Толстой вернулъ мнѣ письмо графа Кавура. Отъ меня имѣли жестокость скрыть, что онъ провѣждалъ черезъ Лондонъ, гдѣ я счастливъ былъ бы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе“.

Письмо Мальцову было отправлено по назначенію вмѣстѣ съ рапортомъ графа Хрептовича, сообщавшаго, что у Головина съ Николаи не было никакихъ столкновеній; онъ поручилъ только барону передать Головину послѣдній отвѣтъ правительства. При этомъ

¹⁾ Головинъ относилъ къ себѣ ст. XXXV манифеста 26 августа 1856 года, гдѣ годовой срокъ давался находящимся подъ слѣдствіемъ и судомъ и освобожденнымъ отъ отвѣтственности, если они желали оправдаться по суду. Разумѣется, эта статья не могла быть примѣнена къ нему.

²⁾ Ничего подобнаго Николай не приказывалъ.

³⁾ Исполнялъ тогда должность министра иностранныхъ дѣлъ.

Хрептовичъ писалъ, что Головину «все мерещится систематическое преслѣдованіе со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ, и если онъ занялся френологіей, то, по его мнѣнію, съ цѣлью доказать, что всѣмъ намъ недостаетъ шишекъ доброты, а я все больше и больше убѣждаюсь, что самому Головину недостаетъ шишки здраваго смысла». Хрептовичъ писалъ при этомъ, что выгоднѣе было пустить Головина въ Россію, гдѣ за нимъ былъ бы постоянный надзоръ, чѣмъ оставлять его влачить такое жалкое существованіе за границей, гдѣ онъ дѣлаетъ массу всевозможныхъ хлопотъ и непріятностей посольству и правительству.

Пока бумага эта шла въ Петербургъ, 15 ноября Головинъ обратился къ Хрептовичу съ просьбой выдать ему паспортъ для вѣзда въ Россію со всѣми положенными коронаціоннымъ манифестомъ ограниченіями, такъ какъ онъ не можетъ оставаться празднымъ зрителемъ новой эры, которую вводитъ въ Россіи государь императоръ рядомъ такихъ мѣръ, какъ возстановленіе Польши, предстоящее освобожденіе крѣпостныхъ и т. п.

Черезъ десять дней Головинъ написалъ Александру II французское письмо:

„Я не зналъ, что письмо, адресованное мною 7 марта 1857 г. графу Хрептовичу, должно было попасть на глаза вашему величеству. Еслибы я зналъ это, я бы привелъ слѣдующую выдержку изъ завѣщанія вашего августѣйшаго батюшки: „благодарю всѣхъ, кто любилъ меня и служилъ мнѣ, прощаю всѣхъ, кто ненавидѣлъ меня, и прошу всѣхъ тѣхъ, кого я оскорбилъ безъ намѣренія, простить меня“. Я позволилъ бы себѣ прибавить, что, наслѣдовавъ дружбу, вы не наслѣдовали ненависти, которую могли питать къ вашему предшественнику.

„Прощеніе не должно быть случайно; въ такомъ сердцѣ, какъ ваше, источники милости не должны изсякать. Къ тому же прощеніе не дается здѣсь на 15 дней, тамъ на годъ, а навсегда. Тѣмъ хуже или тѣмъ лучше для тѣхъ, кто имъ не пользуется или кто хочетъ воспользоваться.

„Благодаря этому власть не имѣетъ возможности отнять разъ данное, подданные не имѣютъ искушенія отказаться отъ предложеннаго. Государь, вашъ отецъ все далъ вамъ, у меня все отнялъ. Поэтому вы не можете быть ко мнѣ слишкомъ снисходительны. Имперія, которую вы наслѣдовали, достаточно обширна, чтобы въ ней не нашлось мѣсто для свободныхъ людей, не подчиняя ихъ надзору, не запирая ихъ въ изгнаніе. Недовѣріе вызываетъ недовѣріе. Всѣхъ народныхъ дарованій не будетъ слишкомъ много, чтобы помочь вамъ въ славномъ дѣлѣ реформъ. Но самолюбіе и даровитость неразумны. Изнужать одно, значить давать ложное направленіе другому. Служба—это такая милость, которую никогда нельзя налагать, какъ наказаніе. Но отечество—благо, котораго не слѣдуетъ лишать тѣхъ, кто вѣрять въ васъ, какъ я всегда вѣрилъ.

„Вотъ, государь, что я сказалъ бы вамъ, и если мои рѣчи заслуживаютъ наказанія, ваше величество останетесь при своемъ рѣшеніи и не раскроете руку щедротъ своихъ для того, кто будетъ вѣчно преданъ вамъ“.

Дѣло было снова передано въ III отдѣленіе, гдѣ, какъ помнитъ читатель, о Головинѣ уже составлялась особая записка. Управляющій

отдѣленіемъ, помощникъ Долгорукова, Тимашевъ написалъ свое заключеніе: «Мнѣніе графа Хрептовича я, признаюсь, вовсе не раздѣляю. Въ чемъ опасность оставить Головина за границую? Онъ всюду презираемъ, и какъ человѣкъ, и какъ писатель. Если по возвращеніи въ Россію онъ впадетъ въ новые проступки, что очень вѣроятно, и будетъ подвергнутъ законной отвѣтственности, то враги наши неминуемо назовутъ помилованіе его коварствомъ, оставить же его безнаказаннымъ было бы несправедливо въ отношеніи ко всѣмъ преслѣдуемымъ закономъ, и, наконецъ, съ пріѣзда его въ Россію какое будетъ его положеніе. Если въ обществѣ ему будетъ выражено вполне заслуженное презрѣніе, то онъ снова уѣдетъ за границу, болѣе чѣмъ когда-нибудь озлобленный, если же, напротивъ того, онъ найдетъ сочувствіе, то можетъ за собой увлечь нѣсколько несчастныхъ жертвъ. Опасеніе это, по мнѣ, тѣмъ основательнѣе, что изъ его писемъ видно намѣреніе быть *дѣятелемъ* на поприщѣ реформъ. Считаю долгомъ совѣсти представить все это на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства».

Долгоруковъ совершенно не согласился съ Тимашевымъ и самъ написалъ бумагу, (датированную декабремъ 1857 г.) назвавъ ее «соображеніемъ».

«Мнѣніе гр. Хрептовича, что опаснѣе оставлять бывшаго кол. секр. Головина за границую, нежели дозволить ему возвратиться въ Россію, вполне справедливо: ибо здѣсь въ случаѣ новыхъ проступковъ всегда можно удержатъ его или подвергнуть законной отвѣтственности, тогда какъ если за границую отъ ожесточенія онъ вовлечется въ новыя, еще болѣе вредныя для насъ дѣйствія, то къ остановленію его правительство наше не будетъ имѣть никакихъ средствъ. Поэтому, чтобы, съ одной стороны, предотвратить означенныя послѣдствія, а съ другой—лишить Головина поводовъ безпрерывно просить и жаловаться на ожидаемая имъ въ Россіи стѣсненія и принужденіе къ службѣ, было бы можно дозволить ему возвратиться въ отечество и жить гдѣ пожелаетъ, не исключая столицъ, предоставивъ ему на волю, вступить или не вступать на службу, но съ учрежденіемъ за нимъ секретнаго надзора.

«Если это удостоится утвержденія, то не будетъ ли признано нужнымъ объявить Головину, что распоряженіе объ оставленіи его въ прежнемъ положеніи сдѣлано было вслѣдствіе собственнаго его отзыва о нежеланіи возвратиться въ Россію, что въ день св. коронаванія Высочайшая воля о дарованіи ему прежнихъ правъ объявлена была въ той силѣ, что ему дозволено будетъ пользоваться имъ по возвращеніи въ отечество; что и нынѣ распоряженіе о предоставленіи ему означенныхъ правъ, безъ права однако же, на прежнее имущество, сдѣлано будетъ не прежде, какъ по прибытіи его въ Россію. Само собою разумѣется, что о предполагаемомъ секретномъ надзорѣ ему объявлять не слѣдуетъ».

Это «соображеніе» было доложено государю одновременно съ письмами Головина къ парижскому послу, гр. П. Д. Киселеву, и къ кн. А. Ѳ. Орлову. Въ первомъ Головинъ писалъ, что, строго соблюдая повелѣніе государя служить правительству, онъ не считаетъ воз-

можнымъ молчать при видѣ унижительной политики Россіи въ отношеніи Франціи. Орлову онъ высказалъ, между прочимъ, свою готовность «представлять о предметахъ общаго интереса», но чтобы не черезъ III отдѣленіе.

Александръ II разрѣшилъ дозволить Головину возвратиться въ Россію безъ всякихъ ограниченій, но, видя изъ его писемъ, что онъ хочетъ быть здѣсь въ дѣлахъ государственныхъ, приказалъ: «дабы Головину предварительно объявлено было, что правительство наше ни мало не нуждается въ его участіи, и что пріѣздъ разрѣшается ему вовсе не въ тѣхъ видахъ, а единственно по снисхожденію къ его раскаянію, и чтобы все это объявлено ему было обстоятельно, дабы онъ впослѣдствіи не имѣлъ повода жаловаться на неисполненіе надеждъ его, которыя не могутъ осуществиться». Кромѣ того, Долгоруковъ просилъ министра иностр. дѣлъ объявить Головину, что правительство не будетъ платить ему ничего, а братъ общаетъ самое большое 1000 рублей сер. въ годъ.

За отсутствіемъ графа Хрептовича, бывшаго въ Петербургѣ и тамъ замолвившаго слово въ пользу Головина, замѣщавшій его баронъ Николаи объявилъ Головину царскую милость, на что услышалъ цѣлый панегирикъ императору. Поинтересовавшись, чѣмъ будетъ заниматься онъ въ Россіи и на какія средства жить, баронъ получилъ въ отвѣтъ, что Хлестаковъ намѣренъ заняться приготовленіемъ матеріаловъ для исторіи крѣпостного права, а жить будетъ на литературный заработокъ, въ которомъ совершенно увѣренъ. Николаи сообщилъ объ этомъ министру иностранныхъ дѣлъ и прибавилъ отъ себя, что возвращеніе въ Россію Головина «благопріятно подѣйствуетъ на его натуру, которая теперь находится въ аномальномъ состояніи. Съ нимъ надо обходиться, какъ съ больнымъ, и всѣ его письма, даже слова и писанія, достаточно указываютъ, что у него родъ моральнаго безпокойства, лихорадочнаго возбужденія, которыя происходятъ отъ нѣсколько разстроеннаго разсудка»...

Когда за границу дошли слухи о поркѣ крестьянъ, говорившихъ о близкомъ пришествіи свободы, Головинъ рѣшилъ написать министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому, чтобы имѣть случай опубликовать это письмо за границей, какъ въ доказательство своей неприкосновенности къ правительству, такъ и для того, чтобы хвастнуть кажушимся ему остроуміемъ. Вотъ оно: «Ваше Превосходительство! Въ минуту счастливую Его Величество назначилъ васъ министромъ, и на памятникъ, который народъ воздвигнетъ за освобожденіе мужиковъ, ваше имя будетъ стоять высоко. Но у меня до васъ просьба, не отъ крестьянъ, а отъ лѣсовъ. Ихъ бѣдныхъ скоро лишатъ всѣхъ вѣтвей. Временные генераль-губернаторы, какъ военные, вѣроятно, также будутъ часто прибѣгать къ этому православному цѣлителью всѣхъ золъ. Предложите Его Величеству уничтожить тѣлесныя наказанія, и вы увидите, что проступки значительно уменьшатся. Русскій человѣкъ какъ-то свыкъ съ розгами; онъ, раздирая кожу, раздражаютъ мозгъ и располагаютъ его къ шалостямъ. Ими мы не просвѣтимъ Россію, а просвѣтимъ ее возвышая нравственное достоинство жителей. Помѣщикамъ и исправникамъ нельзя будетъ грѣшить,

когда не будетъ розогъ, порядокъ воцарится самъ собою и русскій будетъ равень пруссаку или французу. Тюремное же наказаніе пугаетъ русскаго и должно дѣйствовать на него исправительно. Какою радостью озарится свѣтъ, когда государь грянетъ этимъ указомъ!»

17 марта 1858 г. Головину, наконецъ, былъ выданъ паспортъ для проѣзда до русской границы. Въ Берлинѣ его слѣдовало обмѣнять на другой, для вѣзда уже въ Россію. Затѣмъ ему былъ переданъ посольствомъ денежный переводъ отъ брата и сообщено вмѣстѣ съ тѣмъ, что послѣ значительныхъ жертвъ, уже сдѣланныхъ семействомъ, оно не въ состояніи давать ему что бы то ни было. Головина не смутило это обстоятельство и онъ отвѣтилъ, что выѣдетъ въ началѣ апрѣля.

Однако, и на этотъ разъ онъ все откладывалъ отъѣздъ, рассчитывая быть въ Россіи болѣе желаннымъ гостемъ и даже питая отдаленную надежду на субсидію для расчета съ лондонскими кредиторами.

Надежда эта поддерживалась по мѣрѣ отправки въ Петербургъ политическихъ рецептовъ и особенно усилилась послѣ изданія книги объ Александрѣ I.

Мих. Лемне.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Неизданное письмо Пушкина.

Послѣ І. М. Пеньковскаго, Нижегородскаго управляющаго Пушкиныхъ, остался небольшой архивъ, который разбрелся по рукамъ его наслѣдниковъ. Часть его была передана одною изъ дочерей І. М. Труворову, который напечаталъ находившіяся въ немъ Пушкинскія письма (они перепечатаны въ послѣднихъ изданіяхъ гг. Морозова и Ефремова), и съ его смертью куда-то безслѣдно исчезла. Одно письмо А. С. Пушкина, документы по исторіи Нижегородскихъ имѣній Пушкиныхъ и письма Л. С. Пушкина, до сихъ поръ не опубликованные, достались пасынку одного изъ сыновей Пеньковского, д-ру Н. Н. Оболонскому. Печатаемое ниже письмо только датировано и подписано Пушкинымъ; по семейнымъ преданіямъ Пеньковскихъ, текстъ его написанъ рукою І. М. (Н. Н. Оболонскій говорилъ намъ, что и другія видѣнныя имъ письма А. С. къ Пеньковскому были только подписаны великимъ поэтомъ, текстъ же былъ написанъ другою рукою). Преданіе это подтверждается нѣкоторыми особенностями правописанія текста (Пеньковский—бѣлорусскій шляхтичъ). Письмо было, повидимому, переслано или передано Пушкину для подписи. Текстъ его съ сохраненіемъ орфографіи таковъ:

«1834 году октября 30-го дня мною ниже подписавшимся назначается управителю по данной мною довѣренности на село Болдино и сельцо Кистенево Іосифу Матвѣеву Пеньковскому жалованья въ годъ одну тысячу рублей ходячей монетой дозволяется держать пару лошадей собственныхъ и для оныхъ сѣно и овса двадцать четыре четверти — *ординарій* — ржи четыре четверти, ячменью три четверти, гороху четыре четверика, гречки одна четверть четыре четверика, муки крупичетой шесть пудовъ, крупъ рисовыхъ десять фунтовъ, манныхъ пятнадцать фунтовъ; соли три пуда, говядины восемь пудовъ, свинины три пуда, коровьяго масла три пуда, индѣекъ десять, гусей пятнадцать, утокъ двадцать, куръ тридцать, телятъ четыре, барановъ пять, поросятъ десять, яицъ четыреста, свечей сальныхъ два пуда двадцать фунтовъ, вина пѣннаго шесть ведеръ. Въ разѣздахъ расходы мой если по собственному моему дѣлу, если же по какимъ другимъ дѣламъ касающихся лично однихъ крестьянъ, тогда на шеть вотчины, угощеніи приѣзжихъ по должности чиновникамъ дѣлать умѣренные. 30 октября 1834. Александръ Пушкинъ» (дата и подпись рукою Пушкина). Послѣдняя, очень характерная фраза письма была, вѣроятно, подсказана самимъ великимъ поэтомъ.

Вл. Калашъ.

Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы.

(Продолженіе ¹⁾).

Хотя созданное Государственнымъ Совѣтомъ Положеніе 12 іюня 1890 года далеко отличалось отъ проекта гр. Толстого, но придавъ сословную дворянскую окраску, усиливъ опеку губернаторовъ и сдѣлавъ предсѣдателей и членовъ управъ чиновниками, правительство помнило, что тѣмъ самымъ оно введетъ земскія учрежденія въ желательное для него русло—превратитъ въ совѣщательные органы по мѣстнымъ дѣламъ и спаяетъ, такъ сказать, земство съ администраціей, отдавъ всѣ преимущества послѣдней. Но лишь бюрократическое недомысліе, полное непониманіе законовъ человѣческой жизни, незнаніе исторіи могло внушить самодержавному чиновничеству такую нелѣпую мысль, чтобы оно могло пріостановить движеніе впередъ великаго многомилліоннаго народа, прекратить бѣшеніе его сердца, умертвить его душу, усыпить мысли. Раздумье общества послѣ 1 марта 1881 года, исканіе новыхъ путей, сопровождавшееся временнымъ затишьемъ на поверхности общественной жизни, бюрократія приняла въ полное и вѣчное «успокоеніе». Мы говоримъ «затишье на поверхности общественной жизни» потому, что въ глубинѣ ея шла дѣятельная работа, сильно бился пульсъ, но правительство не знало этого и не могло знать. Оно имѣло дѣло лишь съ типами Чехова, который также не проникъ въ глубину жизни населенія и не видѣлъ, что подъ пошлою поверхностью ключемъ бьетъ иное теченіе, которое, вскорѣ послѣ смерти его, проявилось наружу и быстро снесло сѣрую пошлую накипь, образовавшуюся въ царствованіе Александра III-го, такъ художественно изображенную въ произведеніяхъ Чехова.

Никакія гоненія и репрессіи на самомъ дѣлѣ не могли убить душу-живу: вынося невѣроятный гнетъ, люди все же жили и думали, думали и жили.

Энергичная освободительная работа шла и въ земствѣ.

Является вопросъ, какимъ образомъ она могла тамъ проявиться при Положеніи 12 іюня 1890 года.

Самую существенную и важную роль въ земскомъ движеніи

¹⁾ См. „Былое“, апрѣль.

сыграла безусловная, внѣклассовая русская интеллигенція, которая вообще была основнымъ и, пожалуй, единственнымъ элементомъ жизнедѣятельности страны до самаго того момента, когда на арену русской жизни не выступили широкія массы населенія.

Русская интеллигенція представляетъ въ своемъ родѣ исключительное явленіе въ міровой исторіи. Выдѣленная въ первой фазѣ своего развитія, главнымъ образомъ, изъ среды землевладѣльческихъ и чиновныхъ классовъ, частью изъ купечества, духовенства и другихъ сословій, она, вырываясь изъ семьи и попадая въ учебное заведеніе, не только теряла всякую связь со своею средою, но вступала съ нею въ борьбу, во имя демократическихъ идеаловъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Долгое время не встрѣчая поддержки въ населеніи, русская интеллигенція, дѣйствительно, была «безпочвенна», какъ ее характеризовали реакціонные элементы, но это не мѣшало ей мужественно и самоотверженно стремиться къ лучшему будущему, будить общество и при всякомъ удобномъ случаѣ отвоевывать шагъ за шагомъ права человѣка и гражданина.

Первое учрежденіе, которое дало пріютъ этой разночинной интеллигенціи, а впослѣдствіи, въ лицѣ выдающихся дѣятелей, вступило съ нею въ тѣсную связь—это было земство. Наиболѣе оппозиціоннымъ и энергичнымъ элементомъ изъ земской интеллигенціи, долгое время были земскіе статистики. Первыми статистиками были, въ сущности говоря, народники-пропагандисты. Основнымъ требованіемъ земской статистики было мѣстное подворное изслѣдованіе, т. е. собираніе свѣдѣній непремѣнно отъ самого населенія, въ мѣстѣ его жительства, въ присущей ему обстановкѣ. Нужно ли говорить, что такое занятіе, позволявшее имѣть непосредственную связь съ народомъ, легально изучать его нужды и, по мѣрѣ возможности, удовлетворять эти нужды самостоятельно или при посредства земства, такое, повторяемъ, занятіе привлекало къ статистикѣ большой процентъ лучшей мыслящей интеллигенціи. При наступленіи реакціи въ какомъ либо земствѣ она прежде всего отражалась конечно на статистикахъ, на которыхъ тогда же начиналось гоненіе. Тогда статистики перекочевывали въ другія земства, гдѣ условія были имъ благопріятны, а затѣмъ нерѣдко обратно возвращались въ мѣсто перваго служенія, когда реакція прекращалась. Словомъ, это былъ настолько приспособленный къ тяжелымъ условіямъ русской жизни элементъ, настолько «обстрѣленный», самоотверженный и неприхотливый въ своихъ требованіяхъ, что съ нимъ трудно было бороться. Его гоняли съ мѣста на мѣсто, но уничтожить не могли. Не мало было земскихъ статистиковъ, которые не разъ исколесили земскую Россію, перебивали чуть не во всѣхъ земствахъ, хладнокровно относясь къ ударамъ судьбы, чувствуя себя какъ дома, въ каждомъ новомъ земствѣ.

Помимо описанныхъ качествъ, громадный процентъ статистиковъ, особенно въ первое время существованія земской статистики, обладали широкимъ образованіемъ, всестороннимъ развитіемъ и превосходнымъ знаніемъ земскаго дѣла и жизни населенія. Они являлись правою рукою земскихъ управъ, безъ которыхъ послѣднія просто иногда не могли обойтись. Въ виду этого лучшія земства, въ большинствѣ слу-

чаевъ, горою стояли за статистику и статистиковъ, мужественно защищая отъ администраціи, которая не выносила земскую статистику, терпя ее, какъ допущенное зло и пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы избавиться отъ него.

Съ развитіемъ земскаго дѣла, увеличивался въ земствѣ и другой контингентъ интеллигенціи. Расширеніе медицины повлекло за собой увеличеніе числа врачей, заботы объ улучшеніи сельскаго хозяйства и скотоводства заставили привлечь агрономовъ и ветеринаровъ, наконецъ, развитіе школьнаго дѣла потребовало цѣлой арміи учителей и учительницъ. А такъ какъ земская служба не представляла ни особенныхъ матеріальныхъ выгодъ, ни, тѣмъ болѣе, привилегій, въ смыслѣ карьеры, а, наоборотъ, губила эту карьеру, — такъ какъ власти болѣе, чѣмъ подозрительно, смотрѣли на земскую службу, — то на послѣднюю шли, въ большинствѣ случаевъ, лица, демократически настроенныя и проникнутыя искреннимъ стремленіемъ принести пользу населенію.

Вся эта земская интеллигенція, этотъ «третій элементъ», постоянно сталкивался на поприщѣ земскаго дѣла, вслѣдствіе чего, мало по малу, образовалась довольно тѣсная связь всѣхъ интеллигентныхъ земскихъ профессій. Кромѣ того, при посредствѣ земской интеллигенціи, земство сближалось съ лучшими представителями науки и литературы. Земскіе агрономы, статистики, врачи пользовались большимъ вниманіемъ выдающихся профессоровъ, которые, симпатизируя земскому дѣлу, готовно оказывали всяческую помощь своимъ бывшимъ воспитанникамъ и нерѣдко принимали горячее участіе въ ихъ работахъ. Затѣмъ, лучшая пресса охотно открывала свои столбцы и страницы для земской интеллигенціи, которая давала богатѣйшій и жизненный матеріалъ для науки и литературы. Въ этомъ отношеніи, — скажемъ здѣсь къ слову, — особенную, можно сказать — историческую, роль сыграли «*Русскія Вѣдомости*», сослужившія великую незабвенную службу земскому дѣлу.¹⁾

Такимъ образомъ, вокругъ земства сгруппировалась почти вся лучшая, наиболѣе энергичная, демократически настроенная интеллигенція, которая, съ одной стороны, въ лицѣ, напримѣръ, сельскихъ учителей и врачей и т. д., связывала земство непосредственно съ народомъ, а съ другой — съ высшими интеллектуальными сферами, съ наукой и литературой, съ различными обществами, какъ, напримѣръ, Московское Юридическое или Импер. Вольно-Экон. Общество. Получилась громадная сила, прочная организація, если не связанная никакою программой, то проникнутая единымъ стремленіемъ — вывести народъ изъ тьмы, невѣжества, бѣдности и произвола къ свѣту, свободѣ и матеріальному обезпеченію.

Къ моменту введенія «новаго» земскаго Положенія 12 іюня 1890 года земскія интеллигентныя силы были уже въ полномъ рас-

¹⁾ Это быть, можно сказать, по преимуществу земскій органъ, но въ общемъ и вся прогрессивная печать поддерживала земскую интеллигенцію. Нельзя, напримѣръ, не отмѣтить такихъ органовъ, какъ „Право“, „Русское Богатство“, „Вѣстникъ Европы“, „Русская Мысль“ и нѣкотор. другіе.

цвѣтѣ. Гоненія въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ Царствованія Александра III-го, съ 1881 по 1890 годъ включительно, не только не разгромили эту силу, а, какъ разъ наоборотъ, сплотили ее, какъ сплачиваютъ всякія гоненія. Земскія «реформы» 1890 г., въ сущности говоря, непосредственно не трогали «третьяго элемента», Положеніе 1890 года стремилось, главнымъ образомъ, отдать земство въ руки дворянства и администраціи, т. е. изъ всесословнаго земства сдѣлать сословное, дворянско-бюрократическое, но оно не уничтожило земскихъ функцій, немислимыхъ безъ помощи интеллигенціи. Остались статистика, агрономія, школы, больницы и т. д. Мало этого, «реформа» 1890 года, пожалуй, даже способствовала упрочненію земской интеллигенціи, расширила сферу ея дѣятельности. И вотъ почему, когда введено было Положеніе 12 іюня 1890 года, то въ земствѣ произошла такая дифференціація. Съ одной стороны, въ него влилось крупное старое дворянство съ крѣпостническими тенденціями и тяготѣніемъ къ правительству, но совершенно неработоспособное и абсолютно бездѣятельное. Въ то время, какъ при всесословномъ земствѣ, по Положенію 1864 года, значительную часть земской работы исполняли сами земцы, въ лицѣ управы и гласныхъ, дворянское земство да еще при расширеніи земскаго хозяйства, совершенно не могло уже справиться съ работою и охотно взвалило ее на чужія плечи, то есть готово было, покуда не затрагивались его личные, шкурные интересы, предоставить трудиться всякому, кто пожелаетъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались лучшія земскія силы изъ сохранившихся дѣятелей старого земства, новаго поколѣнія земцевъ, и, наконецъ, — всесословной разночинной земской интеллигенціи. При этомъ лучшіе земцы протянули руку «третьему элементу» и пошли съ нимъ по пути, который долгое время былъ для нихъ одинъ. И вотъ, получилось удивительное явленіе: земство, какъ широкое самоуправленіе, было почти упразднено Положеніемъ 12 іюня 1890 года, а между тѣмъ земская дѣятельность процвѣтала не меньше, если даже не больше, чѣмъ въ періодъ дѣйствія Положенія 1864 года. Вдругъ, неожиданно для правительства, «новое» земство стало, съ мѣста въ карьеръ, въ непримиримую оппозицію съ бюрократіей; въ то же время рѣкою полились широкіе земскіе проекты: всеобщее обученіе, санитарная организація, продовольственная организація, учительскіе съѣзды, агрономическіе съѣзды, статистическіе съѣзды, а затѣмъ невѣроятное количество комиссій при обоюдномъ участіи земцевъ и земской интеллигенціи и т. д., и т. п.

Уже въ 1891—1892 годы стали проявляться и открытая связь земской служилой интеллигенціи съ выборнымъ земствомъ, и стремленіе земствъ къ единенію, и совершенно оппозиціонное отношеніе земскихъ учрежденій къ правительству. Выяснилось это на вопросѣ о народномъ продовольствіи, обострившемся, вслѣдствіе сильнаго въ эти годы неурожая, повлекшаго за собою голодъ и холеру.

Земство проявило въ это время большую энергію, предоставивъ во многихъ губерніяхъ главную роль земской интеллигенціи и преимущественно, статистикамъ. Этотъ еле терпимый правительствомъ элементъ сталъ разъѣзжать по деревнямъ, собирать свѣдѣнія о раз-

мѣрахъ продовольственной нужды, опровергать данныя, представляемыя земскими начальниками и даже, какъ эта было, напимѣръ, въ нижегородскомъ земствѣ,—закупать хлѣбъ для голодающихъ. Въ то же время земскіе врачи, учителя, приглашенные студенты и интеллигенція вообще стали устраивать столовые, продовольственные пункты и т. д.

Правительство выходило изъ себя. Только что стало дѣйствовать «новое» положеніе, задачи котораго сводились къ подчиненію земства администраціи, и вдругъ это земство выступаетъ передъ населеніемъ въ первой роли, да еще выдвигаетъ и третій элементъ, способный, по мнѣнію бюрократіи, лишь къ производству смуты. И вотъ министерство внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ тогда статсъ-секретарь П. Н. Дурново, входитъ въ Государственный Совѣтъ съ объяснительною запискою, въ которой доказываетъ всю несостоятельность земства въ дѣлѣ народнаго продовольствія. Министерство доказываетъ, что за земскими собраніями невозможно оставить распорядительную власть въ дѣлѣ продовольствія, а слѣдуетъ на ряду съ земскими управами привлечь административные органы, подчинивъ тѣ и другіе власти губернаторовъ. Для этого проектируется при хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ образовать особый продовольственный отдѣлъ, а въ губерніяхъ учредить должности непрѣмѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій и усилить личный составъ земскихъ начальниковъ. Для этого министерскаго избобрѣтенія требовалось увеличеніе государственной смѣты на 300.000 руб., помимо содержанія новаго штата земскихъ начальниковъ.

Въ самомъ началѣ 1892 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ на эту тему разосланъ циркуляръ, чтобы выслушать мнѣніе продовольственныхъ комиссій.

Объ одной изъ такихъ комиссій, именно Нижегородской, мы и сообщимъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Замѣчательна эта комиссія тѣмъ, что во главѣ ея стоялъ умный и честолюбивый тогдашній Нижегородскій губернаторъ извѣстный Н. М. Барановъ, употреблявшій всѣ усилія скомпрометтировать земство и передать народное продовольствіе въ руки правительства, а на сторонѣ земства стояли такіе лица, какъ извѣстный статистикъ, завѣдывавшій тогда Нижегородскимъ статистическимъ бюро Н. Ф. Анненскій и извѣстный писатель В. Г. Короленко ¹⁾.

¹⁾ Какъ извѣстно изъ талантливой книги „Въ голодный годъ“, В. Г. Короленко принималъ большое участіе въ дѣлѣ продовольствія населенія въ Лукояновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ. въ 1891—1892 г. Онъ работалъ какъ частный благотворитель, причемъ Нижегородское губернское земство отпустило въ его распоряженіе 1000 пудовъ хлѣба, и какъ членъ благотворительнаго комитета и губернской продовольственной комиссій. Последнюю организовалъ губернаторъ Барановъ съ цѣлью вырвать дѣло продовольствія изъ рукъ губернской земской управы. Сначала Влад. Галакт. посѣтилъ Барановскую комиссію въ качествѣ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“, причемъ Барановъ всегда записывалъ его, какъ „участника“, но впоследствии, возвратившись изъ Лукояновскаго уѣзда, В. Г., подъ впечатліемъ безобразій, которыя творили въ названномъ уѣздѣ земскіе начальники надъ голоднымъ народомъ, рѣшилъ слѣвать въ этой комиссій докладъ, который въ свое время и былъ напечатанъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Нападая на губернскую земскую управу, Барановъ пытался Короленко и Анненскаго увѣрить, что онъ, Барановъ, вскорѣ раскроетъ земскую панаму съ голоднымъ хлѣбомъ и просилъ поддержки ему со стороны ихъ. Но Влад. Гал. отвѣчалъ всегда на это, что

Засѣданіе нижегородской продовольственной комиссіи, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, происходило 27-го мая 1892 года. Предсѣдатель ея, губернаторъ Н. М. Барановъ, открывая засѣданіе, сказалъ, что, «приступая къ исполненіи данной министромъ внутреннихъ дѣлъ задачи—выработать отвѣты на вопросы, поставленные его превосходительствомъ,—комиссія наша постановила: помощью печати и отдѣльныхъ писемъ, постараться, какъ можно болѣе огласить распоряженіе министра, съ цѣлью вызвать наибольшее количество отвѣтовъ и мнѣній. Затѣмъ была образована особая подкомиссія для разсмотрѣнія, группировки этихъ мнѣній и составленія по нимъ проекта доклада собранію губернской комиссіи». Сообщивъ далѣе о работахъ подкомиссіи, Барановъ въ концѣ рѣчи своей сказалъ: «Къ сожалѣнію В. Г. Короленко, членъ подкомиссіи, не участвовалъ въ ея занятіяхъ, былъ въ это время въ уѣздѣ. Передать его отдѣльное мнѣніе на предварительное обсужденіе подкомиссіи, въ виду краткости срока, остающагося до представленія въ министерство нашего мнѣнія, мы не можемъ, и потому я просилъ бы собраніе, игнорировать постановленіе подкомиссіи, полностью обсудить вопросъ, поднимаемый В. Г. Короленко».

Послѣдній послѣ этого прочелъ свой замѣчательный по обстоятельности и глубокому анализу докладъ, слѣдующаго содержанія: «Къ проекту, выработанному подкомиссіей, я имѣю сдѣлать нѣсколько замѣчаній, касающихся самыхъ началъ, на которыхъ строится продовольственное дѣло, такъ какъ мнѣ кажется, что критикѣ должны подлежать нынѣ не только подробности, но прежде всего самые принципы, изъ которыхъ эти подробности истекаютъ. Никто уже, кажется, не оспариваетъ положеніе, что нынѣшнее бѣдствіе является результатомъ не однѣхъ стихійныхъ случайностей послѣдняго года. Случайности эти встрѣтились съ условіями хозяйства, глубоко подорваннаго цѣлымъ рядомъ предшествующихъ лѣтъ, и оно не нашло въ себѣ силы для стойкаго сопротивленія. Еще одинъ такой годъ, и трудно сказать, каковы были бы послѣдствія для всей страны. А если это такъ, то ясно также, что рациональная система, направленная на борьбу съ этимъ явленіемъ, не можетъ ограничиться мѣрами, рассчитанными на новое такое же бѣдствіе, принимаемыми тогда, когда оно уже разразится. Необходимо прежде всего предупредить возможность въ будущемъ такой же катастрофы, необходимо устранить условія, которыя истощали и обезсиливали земледѣльческое хозяйство страны, необходимо помогать крестьянскому хозяйству постоянно, чтобы не быть вынужденными дѣлать все это сразу и спѣшно, какъ это пришлось нынѣ. Не дай Богъ встрѣтить еще въ будущемъ такіе годы, а это непременно должно случиться, если прежнія условія останутся въ силѣ, и не дай Богъ, чтобы намъ пришлось бороться тѣми же средствами, потому что это

онъ можетъ писать и говорить только о фактахъ, что онъ хорошо знаетъ лицъ, стоящихъ во главѣ земскаго дѣла, какъ людей глубоко честныхъ. Н. Ф. Анненскій, въ свою очередь, горячо защищалъ земство. Въ главѣ VIII „Въ голодный годъ“ отчасти изображена эта исторія, какъ и то, что было бы, если бы Барановъ восторжествовалъ. Но даже въ смяченномъ видѣ эта глава не была сначала пропущена, а между тѣмъ тогда уже, въ 1892 г. въ Нижегородской губ. было нѣчто, весьма напоминавшее Андваль-Фридерикса.

значило бы, что мы ничему не научились. Мы слышали нерѣдко въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, что помощь, оказываемая нынѣ населенію, производитъ деморализующее вліяніе. Можетъ быть, это и не-ожиданно, но изъ всего, что мнѣ пришлось видѣть и продумать за это время, я вынесъ именно это прискорбное убѣжденіе. И не потому помощь оказывала такое вліяніе, что располагала къ безопасности, лѣни и пьянству, какъ это утверждаютъ многіе. Эти соображенія кажутся мнѣ совершенно неосновательными: въ народѣ привычка къ труду создалась вѣками и, конечно, не исчезнетъ въ одну зиму. Я имѣю въ виду другую сторону дѣла. Насъ не унижаетъ только то, что мы получаемъ по праву. Не унижаетъ плата за трудъ, не унижаетъ кредитъ, истекающій изъ кредитоспособности берушаго, или страховая премія, выдаваемая въ случаѣ несчастія. Имѣло ли наше крестьянство, постигнутое неурожаемъ, право на помощь? Несомнѣнно. Государственная необходимость и государственная польза требовали поддержки населенію, несущему главную массу повинностей и тяготы. Но дѣйствительно ли на практикѣ нынѣшняго года пособіе выдавалось русскому крестьянину такъ, какъ выдается оно человѣку, имѣющему право на то, чего онъ проситъ, какъ выдается банковская ссуда кредитоспособному заемщику или страховая премія давнему плательщику? Несомнѣнно—нѣтъ! Достаточно вникнуть въ смыслъ такъ называемой «провѣрки списковъ на мѣстахъ»,—явленія, получившаго какъ бы право гражданства и составляющаго почти логическую необходимость при нынѣшней постановкѣ дѣла, достаточно вдуматься въ значеніе этихъ обысковъ въ амбарахъ, избахъ, подпольяхъ и даже въ печкахъ, чтобы понять истинный характеръ этой ссуды. Крестьянинъ разсматривается не какъ полноправный хозяинъ, приходящій, чтобы заключить извѣстную, хотя бы и льготную, кредитную сдѣлку, а какъ попрошайка, который прежде всего подлежитъ подозрѣнію въ утайкѣ имущества съ цѣлью вымогательства. Съ момента просьбы, а часто и ранѣе ея, всякій крестьянинъ оказывался въ положеніи подозрѣваемаго и обыскиваемаго, а то, чѣмъ онъ законно владѣетъ, обращалось въ поличное, сообразно взгляду ближайшаго начальства на «необходимое» и «излишнее» имущество. Несомнѣнно, что отношенія, возникающія на этой почвѣ, недостойны ни русскаго крестьянства, основного зерна нашего народа, которое только клевета можетъ обвинять въ огульной порочности, ни представителей ближайшей власти. Несомнѣнно, что такая постановка глубоко симпатичнаго и необходимаго дѣла помощи деморализуетъ тѣхъ и другихъ, создавая самыя нежелательныя взаимныя чувства. А между тѣмъ нельзя отрицать также многочисленныхъ фактовъ утайки и неправильныхъ показаній объ имуществѣ. Происходятъ они не отъ порочности и лживости русскаго народа, а отъ неправильной постановки дѣла. Кому прежде всего выдается ссуда? Тому, кто докажетъ, что онъ совершенно разоренъ, т. е. вполне некредитоспособенъ. А съ кого мы брали всегда и впередъ будемъ взыскивать выданное за круговой порукой? Съ болѣе кредитоспособныхъ, со средняго, еще не окончательно разорившагося хозяина. Совершенно понятно, что тѣ, кто всегда платилъ, кто будетъ платить впередъ, считаютъ себя вправѣ и брать прежде другихъ. Въ этомъ есть

внутренняя справедливость, и если для ея осуществленія приходится дать неправильную отмѣтку о наличномъ (скудномъ, во всякомъ случаѣ) имуществѣ, то ложь считается лишь формальной, что легко встрѣтитъ во всѣхъ, даже наиболѣе развитыхъ классахъ общества (вспомнимъ хотя-бы оцѣнки городскихъ и иныхъ имуществъ, подлежащихъ сборамъ). Что же нужно, чтобы устранить этотъ глубоко прискорбный характеръ въ будущемъ? Прежде всего, ясное и точное разграниченіе помощи государственной и земско-хозяйственной, поддерживающей *плательщика*, и филантропической (хотя бы тоже съ помощью государства), оказываемой *нищему*. Послѣднему нужна даровая милостыня, первому—раціональный кредитъ и страховая премія, которые бы осуществляли и укрѣпляли его кредитоспособность. Отсюда мое первое положеніе, что въ основаніе для организаціи продовольственного дѣла должны лечь: начало широкаго земледѣльческаго кредита и принципъ страхованія въ той или другой формѣ. Подъ кредитомъ же, въ широкомъ смыслѣ, я разумѣю и тѣ производительныя затраты государства на улучшеніе крестьянскаго хозяйства, которыя подлежатъ возврату косвенному, въ видѣ подъема платежныхъ силъ населенія. Все это, конечно, не легко, но и положеніе нашего отечества также трудное, и было бы прискорбной ошибкой думать, что мы выйдемъ изъ него безъ напряженныхъ усилій. Нужно искать не того пути, который легче, а того, которой дѣйствительно ведетъ къ цѣли. Второй вопросъ, подлежащій принципіальному рѣшенію, состоитъ въ томъ, *кто* долженъ вести продовольственное дѣло, въ случаѣ бѣдствія, подобнаго нынѣшнему. Согласно обсуждаемому проекту—въ обычное время продовольственное хозяйство остается въ рукахъ земства. Иначе, конечно, и быть не можетъ, такъ какъ иначе не было бы и самого земства, которое, какъ извѣстно, преобразовано, но не упразднено. Но, въ случаяхъ «обостренія продовольственныхъ обстоятельствъ»,—проектъ изымаетъ дѣло изъ рукъ обычныхъ хозяевъ и передаетъ въ особое смѣшанное учрежденіе, состоящее подъ предсѣдательствомъ губернатора. Прежде всего я нахожу не совсѣмъ яснымъ выраженіе «обостреніе продовольственныхъ обстоятельствъ», опредѣляющее моментъ этого изыятія. Если мы признали, что бѣдствіе, подобное нынѣшнему, есть результатъ взаимодействія стихійныхъ случайностей и органическаго разстройства, то, очевидно также, что характеръ явленія, прежде всего,—постепенное возрастаніе. И, дѣйствительно, голодъ подкрадывался къ намъ годами, и уже прошлой весной 1891 года губернія дала кое-гдѣ картины бѣдствія, болѣе остраго, чѣмъ нынѣшнее, смягченное правительственной помощью. Но въ такомъ случаѣ,—когда же уловить моментъ изыятія продовольственнаго дѣла изъ однѣхъ рукъ и передачи его въ другія? Голодъ въ одной волости, въ 2-хъ, 3-хъ, въ уѣздѣ, въ двухъ уѣздахъ, въ губерніи? Достаточно ли этого для отнятія продовольственнаго дѣла изъ рукъ земства? Съ одной стороны, сплошного голода во всей губерніи не было даже и нынѣ, съ другой—для существа дѣла, для его губернской организаціи почти безразлично, есть такое же обостреніе въ сосѣднихъ губерніяхъ, или нѣтъ. Это вопросъ, касающійся государственнаго казначейства, для данной же губерніи достаточно того, что *она* поражена неурожаемъ, независимо

отъ другихъ. Итакъ, если земство ведетъ дѣло продовольствія, когда неурожаи постигаетъ *его* губернію, то дѣло, очевидно, не должно мѣняться отъ того, что и въ другихъ губерніяхъ земства вынуждены дѣлать то же. Измѣнятся подробности, сущность дѣла останется та же. Между тѣмъ проектъ предполагаетъ, повидимому, какой-то рѣзкій поворотной пунктъ, вродѣ формальнаго объявленія войны, съ котораго начинается мобилизація военныхъ силъ страны.

Въ дѣйствительности такого пункта быть не должно, если только дѣло будетъ поставлено правильно. Если уже брать это сравненіе—неурожая съ войной, то изъ примѣра военно-продовольственнаго учрежденія, интендантства, мы не должны упускать изъ виду одну очень существенную черту: интендантство есть учрежденіе, продовольствующее армію въ мирное, обычное время. Единственное, сколько мнѣ извѣстно, измѣненіе по существу въ его организаціи состоитъ въ выдѣленіи полевого интендантства. Но и это измѣненіе вызвано такимъ условіемъ, какого нѣтъ въ нашемъ случаѣ: армія передвигается, губернія же остается на мѣстѣ. Итакъ, оставляя въ сторонѣ вопросы о достоинствахъ или недостаткахъ интендантства по существу, мы должны взять изъ него основной и несомнѣнно правильный принципъ: то самое учрежденіе, которое ведетъ обычное продовольственное дѣло въ губерніи, должно вести его и въ случаѣ «обостренія затрудненій». Ломка и перемѣны въ виду надвигающейся грозы могутъ повлечь только потрясенія, замедленія и ошибки. Учрежденіе должно лишь быть настолько эластично, чтобы могло расширить сферу своихъ дѣйствій по требованію обстоятельствъ. А для этого земскія учрежденія имѣютъ законное средство въ усиленіи состава управъ во время неурожая. Затѣмъ гласность, составляющая въ земствѣ укоренившуюся традицію, и живая связь съ населеніемъ, съ обществомъ, которое, какъ это видно изъ нынѣшняго опыта, должно быть непременно привлекаемо къ дѣлу распредѣленія помощи, являются важными добавочными соображеніями въ пользу защищаемого мною мнѣнія. Оба высказанные нами принципа связываются въ одно цѣлое слѣдующимъ образомъ: земство, какъ органъ государственной хозяйственной жизни, должно взять на себя проведеніе широкихъ мѣръ сельско-хозяйственной жизни, должно взять на себя проведеніе широкихъ мѣръ сельско-хозяйственной помощи, въ видѣ кредита страхового и сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Эта работа трудная, но необходимая, составляющая жизненный узелъ нашего благосостоянія, должна быть ведома и въ нормальное время. Неурожаи, хотя бы частичные,—есть всегда, нужда въ помощи никогда не прекращается. Нужно только не запускать, а расширять эту работу. Необходимо *опредѣлять* и *подымать* постепенно кредитоспособность русскаго крестьянина. Разъ это будетъ сдѣлано занѣмѣ, —нѣтъ надобности въ экстренныхъ мѣрахъ, въ обыскахъ и провѣркѣ списковъ. Земская статистика даетъ общую картину неурожая и недорода, учрежденія, которыя еще должны быть созданы, —имѣютъ наготовѣ списки кредитоспособности. Общее же руководство должно находиться въ привычныхъ рукахъ, и работа только усиливается съ неурожаемъ, или, вѣрнѣе,—только мѣняетъ формы... Администраціи же должно принадлежать широкое право контроля.

Это отдѣленіе власти исполнительной въ дѣлѣ продовольствія и власти *контролирующей* я считаю необходимѣйшей гарантіей успѣха дѣла, гарантіей, которая совершенно исчезаетъ съ соединеніемъ обѣихъ функций въ одномъ, хотя бы и смѣшанномъ, учрежденіи».

Н. Ф. Анненскій въ чисто дѣловыхъ вѣскахъ замѣчанійхъ талантливо защищалъ земство и разбивалъ вдребезги всѣ бюрократическія поползновенія. Трудно было болѣе ясно и подробно изложить сущность продовольственного дѣла, чѣмъ это сдѣлали оба выдающіеся представители русской интеллигенціи, но въ то же время ихъ взгляды совершенно расходились съ вожденіями бюрократіи, стремившейся, во что бы то ни стало, изъять продовольствіе изъ рукъ земства.

Поэтому предложеніе Короленко и Анненскаго даже не баллотировали, а просто «приложили» къ журналу.

Фактически съ 1892 г. народное продовольствіе, при большомъ содѣйствіи Баранова, перешло въ руки бюрократіи, а въ результатѣ въ наши дни явились Гурко—Лидваль—Фридериксъ, какъ наглядное доказательство «преимущества» чиновничьяго управленія надъ земскимъ¹⁾.

Земство, конечно, энергично протестовало противъ захвата дѣла народного продовольствія, но правительство упорно стояло на своемъ, задавшись цѣлью, какъ увидимъ ниже, путемъ «частичныхъ измѣненій» низвести положеніе 1890 года до уровня проекта графа Толстого, т. е., иными словами,—раздѣлаться съ земскимъ самоуправленіемъ окончательно.

Въ 1893 году бюрократія сдѣлала покушеніе и на земскую статистику, и на медицину. 8 іюня 1893 года появились Высочайше утвержденныя правила объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, а 10 іюня Высочайше утвержденный лечебный уставъ. «Правила» стремились изъять изъ рукъ земства одну изъ важнѣйшихъ его функций—обложеніе имуществъ, а цѣлью «устава» было—подчиненіе врачебнаго персонала правительству. Однако, послѣднему ни то, ни другое не удалось: путемъ то открытаго протеста, то обструкціи земство дало такой отпоръ бюрократіи, что отъ введенія лечебнаго устава министерство внутреннихъ дѣлъ должно было отказаться, а «правила» объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ хотя и были осуществлены, но они дали какъ разъ обратные результаты тому, что ожидало правительство. Послѣднее, вводя «Правила», думало, во-первыхъ, изъять обложеніе имуществъ изъ рукъ земства, во-вторыхъ—превратить земскую статистику въ официальное учрежденіе, содержащее на средства правительства и всецѣло подчиненное губернскимъ и уѣзднымъ комитетамъ, и въ третьихъ, наконецъ,—прекратить мѣстныя подворныя изслѣдованія, которыми статистики, по мнѣнію бюрократіи, пользовались исключительно для цѣли пропаганды. Но громадное боль-

¹⁾ Скажемъ къ слову, что въ 1892 году для борьбы съ голодомъ былъ учрежденъ особый комитетъ для помощи нуждающимся, подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича, и особое совѣщаніе изъ трехъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ А. А. Абазы, для организаціи общественныхъ работъ.

шинство земствъ высказались за веденіе оцѣночныхъ работъ старымъ статистическимъ бюро при управѣ и за экспедиціонный способъ изслѣдованія, т. е.—за разѣзды статистиковъ. Кромѣ того, правительственныя ассигновки на оцѣночныя работы повлекли за собою то, что статистическія работы возникли и тамъ, гдѣ раньше ихъ не было или онѣ были прекращены. Словомъ спросъ на статистиковъ возросъ до громаднхъ размѣровъ. Тогда правительство вооружилось циркуляромъ бывшаго министра Толстого отъ 7 декабря 1887 года, ко торый ставилъ утвержденіе лицъ въ должности статистиковъ въ непосредственной зависимости отъ усмотрѣнія мѣстной администраціи. И послѣдняя употребляла всѣ усилія не утверждать новыхъ статистиковъ и удалять старыхъ. Но изъ этого толку не вышло, и далѣе мы увидимъ, что впослѣдствіи фонъ-Плеве пришлось предпринять противъ статистики форменный походъ. Въ этѣй борьбѣ вмѣстѣ съ земствомъ дѣятельное участіе принималъ и «третій элементъ». Приблизительно, начиная съ 1894 года, онъ уже открыто выступаетъ на сцену, какъ сила самостоятельная.

За первое открытое выступленіе земской интеллигенціи въ полномъ ея составѣ, включая и статистиковъ, которые до этого времени не выступали, слѣдуетъ, кажется, считать IX-й сѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ въ 1894 году. Съ большимъ трудомъ удалось тогда втиснуть земскихъ статистиковъ въ число членовъ этого сѣзда, создавъ въ секціи географіи подсекцію статистики. Насколько помнится, главную роль въ этомъ дѣлѣ игралъ профессоръ А. И. Чупровъ. Немало надо было усилій, чтобы открыто легализовать совершенно «неблагонадежныхъ» въ глазахъ администраціи людей, особенно, принимая во вниманіе, что генераль-губернаторомъ въ Москвѣ былъ тогда великій князь Сергѣй Александровичъ, не терпѣвшій никакой «крамолы». При переговорахъ съ нимъ вовсе, кажется, о земскихъ статистикахъ и не упоминали, а лишь докладывали, что статистика вообще—неотъемлемая часть географіи, такъ что, соглашаясь на эту подсекцію, великій князь, повидимому, не догадывался, кто будетъ ея членами. У меня до сихъ поръ сохранился отвѣтъ Александра Ивановича Чупрова на мой запросъ. Изъ этого отвѣта видно, что я, какъ, несомнѣнно, и многіе другіе, видѣли въ подсекціи статистики нѣчто нелегальное, о чемъ открыто и говорить было нельзя. А. И., между прочимъ, писалъ мнѣ: «письмо мое (приглашеніе со стороны А. И. участвовать въ сѣздѣ) какого-либо оффициальнаго характера не имѣетъ, но на существованіе подсекціи статистики при IX сѣздѣ естествоиспытателей Вы можете ссылаться совершенно свободно, потому что тутъ нѣтъ никакого секрета и объ этомъ объявлено формально». Но дѣло-то въ томъ, что я, какъ и значительный % земскихъ статистиковъ, не имѣлъ права жить въ Москвѣ. Въ концѣ концовъ, однако, «нелегальные» «обошли», что называется, администрацію. Большинство изъ нихъ, а въ томъ числѣ и я, жили въ Москвѣ у добрыхъ знакомыхъ «зайцами», безъ прописки паспортовъ, и спокойно посѣщали происходившія въ университетѣ засѣданія сѣзда, стараясь лишь не особенно выдаваться и поменьше говорить. Кто же рѣшался выступить, тотъ принималъ

особыя мѣры. Помню я, напримѣръ, что В. И. Яковенко, прочитавъ докладъ, тотчасъ же поспѣшилъ со сѣзда на поѣздъ. Нѣкоторые изъ неимѣвшихъ права жительства въ Москвѣ прописались, и черезъ нѣсколько дней ихъ, кажется, попросили оставить Москву. Вообще администрація, узнавъ, что это за «подсекція статистики», спохватилась, но было уже поздно: единеніе третьяго элемента и между собою, и съ другими сферами, произошло, и все, что по тагдашнему времени надо было сдѣлать, — сдѣлано; мы даже сняться успѣли ¹⁾. Немало земскаго «третьяго элемента» было и въ другихъ секціяхъ, какъ, напримѣръ, въ агрономической, медицинской. Помимо единенія въ секціяхъ и подсекціяхъ, «третій элементъ» имѣлъ частыя совѣщанія и собранія на квартирахъ, а также на устраиваемыхъ дешевыхъ обѣдахъ и ужинахъ, на которыхъ участвовали и профессора, и выборные земцы, причемъ всякія правительственныя дѣянія въ сферѣ самоуправленія осуждались безъ стѣсненія, и сплошь да рядомъ указывалось на необходимость новаго строя для Россіи. На одномъ изъ ужиновъ въ Большомъ Московскомъ трактирѣ покойный В. А. Гольцевъ произнесъ рѣчь, въ которой прямо заявилъ, о необходимости конституціи. Если не отказываетъ мнѣ память, то кажется, за эту рѣчь В. А. постигла какая-то непріятность, хотя, впрочемъ, не ругаюсь за это.

Съ этого же, приблизительно, года выборная и служилая земская интеллигенція нашла себѣ арену для открытыхъ выступленій въ старѣйшемъ изъ научныхъ учреждений въ Россіи—въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ ²⁾, но объ этомъ мы будемъ говорить ниже, такъ какъ наиболѣе дѣятельное участіе въ работахъ Общества земскій элементъ принялъ съ 1895 года, когда во главѣ Общества, въ качествѣ президента его, сталъ извѣстный земскій и общественный дѣятель графъ Петръ Александровичъ Гейденъ.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго ясно видно, что правительство за 30 лѣтъ, въ сущности говоря, не только не могло справиться съ земскимъ политическомъ движеніемъ (съ 1864 по 1894 годъ), но выходило какъ разъ наоборотъ: чѣмъ сильнѣе проявлялись репрессіи

¹⁾ На этой фотографической группѣ подсекціи статистики фигурируютъ, между прочимъ, слѣдующія лица: профессоръ—А. И. Чупровъ, Ф. Ф. Эрисманъ, Н. А. Каблуковъ, А. Ф. Фортунатовъ, К. А. Вернеръ; затѣмъ: В. Ю. Скалонъ (бывшій редакторъ газеты „Земство“ и одинъ изъ редакторовъ „Русскихъ Вѣдомостей“), М. А. Саблинъ (членъ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“), А. А. Кауфманъ, Д. И. Рихтеръ, В. И. Воронцовъ, В. И. Чарновскій, Г. А. Фальборгъ, В. А. Косинскій; изъ земскихъ дѣятелей на группѣ сняты: А. П. Шликевичъ (бывшій членъ Черниговской губ. земской управы), кн. Д. И. Шаховской, В. И. Колубакинъ (бывшій предсѣдатель Воронежской губ. земской управы), Г. Р. Килевейнъ (членъ Нижегород. г. управы); доктора: В. И. Долженковъ, Н. И. Долгополовъ, М. С. Уваровъ; изъ земскихъ статистиковъ на группѣ отмѣнены тѣхъ, которые извѣстны, какъ писатели, ученые или общественные дѣятели: Н. Ф. Анненскій, В. И. Покровскій, Ф. А. Щербина, Л. К. Чермакъ, В. И. Яковенко, В. П. Григорьевъ, И. А. Вернеръ, Н. А. Каблуковъ, И. П. Боголѣновъ, С. Ф. Рудневъ, С. М. Блекловъ, К. Я. Воробьевъ, Л. Н. Маресь, П. И. Неволинъ, М. А. Плотноковъ, Д. В. Добровольскій, Н. С. Кисляковъ, Ю. А. Вунинъ, Н. Т. Кулябко-Корецкій, А. В. Пышехоновъ, М. И. Борисовъ, А. С. Бариничъ, Л. Н. Жебуневъ.

²⁾ Впрочемъ, еще ранѣе земскій элементъ получилъ пріютъ въ славномъ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ, при Московскомъ университетѣ.

со стороны бюрократіи, тѣмъ интенсивнѣе было это движеніе. Земство, въ силу роста общественнаго самосознанія, повышенія культуры, стремленія всего населенія къ избавленію отъ гнета правительства, получало все большую и большую популярность, привлекало наиболѣе интеллигентные и дѣятельные элементы и становилось видимымъ центромъ открытаго, легальнаго, такъ сказать, освободительнаго движенія. Въ общемъ въ этомъ движеніи не было ничего революціоннаго. Оно было, если можно такъ выразиться, движеніе земско-парламентарное. Говоримъ *земско-парламентарное*, потому что русское земство, близко соприкасаясь съ населеніемъ, никогда не ограничивалось одними чисто либеральными требованіями въ западно-европейскомъ смыслѣ, и присовокупляло къ нимъ непремѣнно культурныя и социальныя реформы и широкое мѣстное самоуправленіе. Мало-мальски разумное правительство, конечно, воспользовалось бы этимъ движеніемъ для мирнаго перехода отъ полицейско-бюрократическаго строя къ земско-парламентарному. Но недалекая русская самодержавная бюрократія, конечно, этого не сдѣлала: она по искони заведенному порядку и этому движенію соорудила еще одинъ шлюзъ, послѣдній уже.

Шлюзъ этотъ былъ поставленъ въ 1895 году, черезъ три мѣсяца послѣ смерти Императора Александра III, скончавшагося 20 октября 1894 года.

Вліяніе безотвѣтственныхъ совѣтчиковъ проявилось уже въ манифестѣ отъ 20 октября 1894 г. о восшествіи на престолъ молодого императора Николая II ¹⁾. Въ немъ говорилось, между прочимъ, что новой императоръ „ни въ чемъ не уклонится онъ вполнѣ миролюбивой, твердой и прямодушной политики (Александра III-го), столь мощно содѣйствовавшей всеобщему успокоенію“ ²⁾.

Земцы не преминули воспользоваться манифестомъ для проведенія своихъ пожеланій въ адресахъ, составленныхъ по случаю восшествия на престолъ императора Николая II-го. —

Курское, Новгородское, Орловское, Полтавское, Саратовское, Смоленское, Тамбовское, Тверское, Тульское, Уфимское и Черниговское губернскія земскія собранія, по прежнему, указывали на ненормальность существующаго строя и необходимость привлеченія земства къ законодательству, „дабы“, — какъ говорилось въ тверскомъ адресѣ, — „до высоты престола могло достигъ выраженіе потребностей и мысли не только администраціи, но и народа русскаго“. Эти адреса не только не встрѣтили сочувствія въ высшихъ сферахъ, а, наоборотъ, къ нимъ проявлено было явно враждебное отношеніе Тверской, напримѣръ адресъ не былъ принятъ и на докладъ о немъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовала такая резолюція государя: „я чрезвычайно удивленъ

¹⁾ Носились тогда слухи, будто на содержаніе манифеста имѣлъ сильное вліяніе Побѣдоносцевъ.

²⁾ Врядъ ли однако можно согласиться съ мнѣніемъ объ успокоеніи страны въ царствованіе Александра III-го. Достаточно сказать, что съ 1881 по 1888 годъ департаментомъ полиціи было рассмотрѣно 1500 дѣлъ, въ которыхъ фигурировало 3,240 обвиняемыхъ. Изъ нихъ, не включая лицъ, казненныхъ за убійство Александра II-го, было казнено 20 человекъ, сослано на каторгу 128, сослано на поселеніе 46, приговорено къ меньшимъ наказаніямъ 224, выслано административнымъ порядкомъ 2822 лица.

и недоволенъ этой неумѣстной выходкой 35 гласныхъ губернскаго земскаго собранія“. На всеподданнѣйшемъ отчетѣ Уфимскаго губернатора, въ которомъ сообщалось, что Уфимское губернское земство „рѣшилось домогаться, чтобъ въ засѣданія высшихъ правительственныхъ учреждений были допущены представители всѣхъ земствъ Россіи при сужденіи о вопросахъ, касающихся земствъ, и, въ частности,—объ измѣненіи системы народнаго продовольствія“,—была сдѣлана отмѣтка: „къ серьезному вниманію министра внутреннѣхъ дѣлъ“. По этому поводу всѣмъ губернаторамъ былъ разосланъ циркуляръ, напоминающій имъ рамки земской компетенціи. Наконецъ, 17 января 1895 года, когда, по случаю бракосочетанія государя, состоялся пріемъ депутацій отъ дворянствъ, земствъ, городовъ и казачьихъ войскъ, императоръ Николай II, основываясь, несомнѣнно, на превратныхъ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ ему министрами о настроеніи и состояніи страны, въ рѣчи своей къ депутаціямъ, между прочимъ, сказалъ: «Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія; пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель“.

Внушивъ такую рѣчь императору, бюрократія, можно съ увѣренностью сказать, заложила фундаментъ для революціи. Никакія прокламаціи, никакіе агитаторы не могли сдѣлать того, что сдѣлала приведенная рѣчь. Она обухала всѣхъ отчаяніемъ и лишила всякой надежды на мирный переходъ отъ полицейско-бюрократическаго строя къ правовому, парламентарному, безотлагательную необходимость котораго чувствовали всѣ сознательные русскіе граждане.

Послѣ этой рѣчи всѣ участники общественнаго движенія польѣвли, причѣмъ многіе пришли къ убѣжденію, что, при той позиціи, которую заняла бюрократія, нѣтъ надежды на плодотворные результаты отъ оппозиціонной борьбы—она должна быть революціонной, опирающейся на силу народа, безъ чего немислимы уступки со стороны правительства. Въ земскихъ сферахъ, какъ въ выборныхъ, такъ и среди «третьяго элемента», съ этого момента начинается постепенно обнаруживаться великій расколъ. Въ средѣ выборныхъ земцевъ наиболѣе энергичные приходили къ убѣжденію въ необходимости тайной организациі всѣхъ активныхъ земскихъ силъ для систематичной борьбы съ правительствомъ въ тѣсномъ единеніи съ третьимъ элементомъ; другіе же не рѣшались переходить на нелегальную работу и предпочитаютъ прежній путь открытой оппозиціи, *обходя*, такъ сказать, препятствія, устраиваемыя бюрократіей. Что касается третьяго земскаго элемента, то значительный процентъ его, собственно говоря, начинаетъ откалываться отъ выборныхъ земцевъ и переходить мало по малу въ лагерь социалистическихъ, революціонныхъ партій разныхъ направленій. Но, повторяемъ, все это происходило не сразу, а въ извѣстной постепенности.

Въ началѣ царствованія Николая II земскія сферы продолжали открыто высказывать свои взгляды и на собраніяхъ, и, еще больше,

въ другихъ общественныхъ организаціяхъ, которыя, въ концѣ концовъ, были завоеваны земскимъ элементомъ.

Одну изъ главныхъ аренъ проведенія освободительныхъ взглядовъ, какъ мы уже ранѣ говорили, представило Императорское Вольное Экономическое Общество со времени избраніи президентомъ его графа П. А. Гейдена, со стойкостью и мужествомъ защищавшаго свободу и волю этого Общества. Въ этомъ обществѣ, начиная съ 1895 г., обсуждались при активномъ участіи земскихъ сферъ такіе, между прочимъ, вопросы, какъ тѣлесное наказаніе, причемъ возбуждено было ходатайство объ отмѣнѣ его; новая финансовая политика и реформа денежнаго обращенія ¹⁾; законъ 1893 г. объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ и т. п. Послѣдній обсуждался, къ слову сказать, въ III отдѣленіи Общества, въ особой статистической комиссіи, въ которую входили почти всѣ земскіе статистики. Не ограничиваясь вопросами экономическими, земскіе элементы принимали весьма живое участіе въ вопросахъ просвѣщенія и были дѣятельными сотрудниками знаменитаго С.-Петербургскаго Комитета Грамотности при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, который въ 1896 году былъ закрытъ правительствомъ. Этому предшествовало весьма любопытное, кажется, никогда еще не опубликованное нижеслѣдующее конфиденціальное письмо министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, отъ 5 февраля 1895 г. ²⁾ за № 799 къ министру народнаго просвѣщенія Делянову:

Довѣрительно. Копія.

Его Сіятельству графу И. Д. Делянову.

«М. Г.

Графъ Иванъ Давыдовичъ!

«Въ ряду явленій, особенно выдвинувшихся въ минувшемъ году, слѣдуетъ отмѣтить рѣзко проявившееся въ различныхъ слояхъ интеллигентныхъ классовъ стремленіе содѣйствовать поднятію народнаго образованія путемъ организаціи народныхъ чтеній, открытія библіотекъ и читаленъ для фабричнаго и сельскаго населенія, и наконецъ безвозмезднаго распространенія въ народѣ дешевыхъ изданій, книгъ и брошюръ научнаго, нравственнаго и литературнаго содержанія. Заботами столичныхъ комитетовъ грамотности и всякаго рода проивинціальныхъ обществъ, комитетовъ и кружковъ различнаго наименованія, при содѣйствіи мѣстныхъ земствъ, заложено весьма много библіотекъ при народныхъ и приходскихъ училищахъ, а такъ же учреждено въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи значительное число библіотекъ и читаленъ для народа независимо отъ школъ. Большая часть этихъ учрежденій находится подъ нѣкоторымъ надзоромъ мѣстной администраціи; контроль этотъ, конечно, болѣе формальный, чѣмъ дѣйствительный и къ тому же разнообразно примѣняемый въ различныхъ губ., едва ли можетъ обезпечить за этими учрежденіями нормальное

¹⁾ Введенная С. Ю. Витте, который съ 1892 года занялъ постъ министра финансовъ.

²⁾ Въ этомъ же году вмѣсто Дурново министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Горемыкинъ.

развитіе въ тѣхъ случаяхъ, когда учредители, сами завѣдующіе ими, проникнутые противуправительственнымъ образомъ мыслей, усматриваютъ въ этихъ учрежденіяхъ легальное средство проводить свои теоріи въ жизнь и воспитывать народъ въ желательномъ для нихъ направленіи, не всегда согласномъ съ истинными условіями нашего государственнаго строя. Но если библіотеки и читальни подчинены какъ либо хотя и недостаточному надзору, то безвозмездная раздача книгъ ускользаетъ отъ всякаго правительственнаго надзора, и обстоятельство это обращаетъ на себя тѣмъ болѣе серьезное вниманіе, что непосредственнымъ распространеніемъ книгъ въ народѣ занимается главнымъ образомъ интеллигентная и часто еще учащаяся молодежь обоого пола, проникающая въ народную среду къ качествѣ учителей, фельдшеровъ, ветеринаровъ, санитаровъ, завѣдующихъ столовыми и т. д. Неурожай 91 г. и холера 92 и 93 гг. вызвали усиленный наплывъ молодежи въ деревни и въ результатѣ оживили нѣсколько загложшее въ теченіе 80-хъ годовъ стремленіе русской молодежи къ поднятію, по личному почину интеллигенціи, умственнаго уровня народа. Изъ имѣющихся въ Мин. Вн. Дѣлъ свѣдѣній можно заключить, что это движеніе, охватывающее молодежь, развивалось послѣдовательно и носить на себѣ характеръ не случайнаго, временнаго явленія, а какъ бы систематическое осуществленіе программы и представляется однимъ изъ средствъ борьбы съ правительствомъ на легальной почвѣ противуправительственныхъ элементовъ, причемъ лицамъ, распространяющимъ народныя книжки, рекомендуется не ограничиваться одной раздачей таковыхъ, но по возможности и истолковывать ихъ народу въ смыслѣ подготовленія къ воспріятію революціонныхъ идей. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ началѣ 80-хъ гг. хожденіе молодежи въ народъ было основано на исключительномъ стремленіи содѣйствовать скорѣйшему образованію народа, но эта благая цѣль въскорѣ пріобрѣла своеобразную окраску отъ стремленія агитаторовъ развить народъ въ усвоенныхъ ими революц. ученіяхъ. Народившееся движеніе вызвало въ настоящее время усиленіе издательской дѣятельности СПБ-каго комитета грамотности, фирмы «Посредникъ» и нѣкоторыхъ другихъ Петербургскихъ и Московскихъ книгопродавцевъ, причемъ за народную литературу принялись болѣе или менѣе выдающіеся литераторы народники: Михайловскій, Засодимскій, Успенскій и др., не считая гр. Л. Н. Толстого, сочиненія котораго распространяются въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Цензура, поставленная въ опредѣленные закономъ рамки, не всегда можетъ противодѣйствовать искусно маскированной пропагандѣ извѣстныхъ идей и, за отсутствіемъ формальнаго основанія къ запрещенію книги, пропускаетъ въ народъ обращеніе сочиненій не всегда соотвѣтствующихъ народному пониманію и міровоззрѣнію и несогласныхъ съ духомъ православія и русской государственной жизни. Вотъ эти именно произведенія печати и составляютъ главное орудіе легальной пропаганды въ народѣ и рассылаются въ библіотеки и читальни, а также учителямъ, фельдшерамъ, санитарамъ и т. п. молодымъ людямъ обоого пола для безвозмезднаго и безконтрольнаго распространенія въ средѣ сельскаго и фабричнаго населенія.

«Если принять во вниманіе, что во главѣ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ по распространенію народныхъ книгъ учреждений, СПБ. Комитета грамотности,—стоитъ нѣсколько лицъ, политическая благонадежность которыхъ болѣе чѣмъ сомнительна и что въ изданіи и распространеніи народной литературы принимаютъ горячее участіе лица, извѣстные своимъ либеральнымъ направленіемъ, какъ Михайловскій, Гольцевъ, Засодимскій, Успенскій, Рубакинъ и многіе другіе, то представляется вѣроятнымъ, что указанное выше движеніе, вызванное наружу народнымъ бѣдствіемъ послѣднихъ лѣтъ, будетъ развиваться систематически въ духѣ, несогласномъ съ видами правительства и въ недалекомъ будущемъ можетъ повести къ весьма нежелаемымъ результатамъ. Въ виду изложенныхъ соображеній и озабочиваясь охраненіемъ общественной безопасности и порядка, я полагаю бы настоятельнымъ нынѣ же принять серьезныя мѣры къ тому, чтобы общественное содѣйствіе дѣлу народнаго образованія, всегда почтенное и цѣнное по своему принципу, не сдѣлалось, подъ вліяніемъ людей злонамѣренныхъ, и при условіи безконтрольнаго допущенія вмѣшательства частныхъ лицъ и обществъ въ эту важную сферу государственныхъ заботъ, источникомъ извращенія народнаго міровоззрѣнія и отчужденія народа отъ освященныхъ вѣками историческихъ завѣтовъ.

«По моему мнѣнію активное содѣйствіе частныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ дѣлу народнаго образованія можетъ быть полезно и допускаемо только при условіи, чтобы содѣйствіе это согласовалось съ направленіемъ, котораго придерживается правительство въ лицѣ министерства народнаго просвѣщенія, чтобы дѣятельность всѣхъ этихъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ находилась подъ бдительнымъ контролемъ его органовъ.

«Между тѣмъ въ настоящее время положеніе дѣла иное. СПБ. комитетъ грамотности, состоящій въ видѣ временнаго учрежденія при имп. в. экон. об-вѣ (§ 3 устава об-ва), дѣйствуетъ на основаніи правилъ утвержденныхъ мин. гос. имущ. Если при возникновеніи имп. в. экон. о-ва въ 1765 году, учрежденіе это, въ составъ котораго вошли лучшіе люди того времени, могло играть роль разсадника просвѣщенія, и если въ послѣднее время подъ сѣнью этого об-ва могли возникнуть отдѣльныя учрежденія, преслѣдующія просвѣтительныя цѣли, хотя и специально экономическія, то въ настоящую минуту основаніе комитета грам. и его отдѣленій въ вѣдѣніи какого либо иного министерства, кромѣ министерства народ. просв., наблюденію котораго всецѣло подлежитъ по своимъ задачамъ его дѣятельность, представляется лишенымъ правильнаго основанія. Точно также большинство провинціальныхъ обществъ грамотности дѣйствуетъ внѣ надлежащаго нравственнаго контроля, по собственному почину, и слѣдовательно въ направленіи, которое соотвѣтствуетъ взглядамъ ихъ руководителей. Сельскіе книжные склады, библіотеки и читальни, если они состоятъ не при школахъ, находятся также внѣ контроля народныхъ училищъ, а потому доступъ въ оныя книгъ, хотя и дозволенныхъ цензурой, но могущихъ по своей тенденціозности вредно вліять на народное развитіе, открытъ безпрепятственно. Мнѣ не-

извѣстно, существуетъ ли повсемѣстно строгій просмотръ книгъ, жертвуемыхъ разными комитетами, обществами и частными лицами въ народныя библіотеки, состоящія при приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, но было бы очень желательно, чтобы по сему предмету были установлены повсемѣстно точныя правила, подобно введеннымъ въ прошломъ году попечителемъ Виленск. уч. окр. для народныхъ библіотекъ Ковенской губ. Наконецъ безвозмездная раздача книгъ, неподчиненная надзору, которому подвергается по существующимъ законоположеніямъ торговля книгами, требуетъ обязательнаго упорядоченія, тѣмъ болѣе, что какъ это достовѣрно извѣстно департаменту полиціи, этотъ способъ распространенія народныхъ изданій особенно практикуется кружками неблагонамѣренной учащейся молодежи. Но и въ данномъ вопросѣ, относящемся ближе всего къ предметамъ вѣдомства Мин. Внутр. Дѣлъ, я затрудняюсь принять какія либо мѣры безъ согласія съ Мин. Нар. Просв., которое одно не стѣсняется цензурными правилами и можетъ указать съ достаточной компетентностью, какія именно книги изъ числа изданныхъ и издающихся для народа вредно вліяютъ на народное развитіе. Сообщая вышеизложенныя свѣдѣнія и соображенія на усмотрѣніе Вашего Сіятельства, я имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, не признаете ли Вы своевременнымъ и цѣлесообразнымъ нынѣ же возбудить вопросъ о передачѣ въ вѣдѣніе ввѣреннаго Вашему Сіятельству Министерства СПБ. Комитета Грам. и его отдѣленій, а также принять надлежащія мѣры или испросить въ государственномъ порядкѣ надлежащія полномочія для подчиненія Мин. Нар. Просв. всѣхъ частныхъ обществъ, преслѣдующихъ цѣли народнаго образованія и къ учрежденію однообразнаго по всей имперіи надзора со стороны инспекціи народныхъ училищъ за всякаго рода народными библіотеками, читальнями и книжными складами, предназначенными для народа.

«О послѣдующемъ покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство почтить меня въ возможно непродолжительномъ времени извѣщеніемъ, причемъ я буду весьма признателенъ Вашему Сіятельству за указаніе пріемовъ и способовъ содѣйствія, которое потребуется по этому дѣлу со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

«Примите мое Вамъ увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Подписано *И. Дурново*».

Этотъ историческій документъ ясно показываетъ, въ какомъ направленіи въ началѣ царствованія императора Николая II-го пошло освободительное движеніе, какіе пути оно изыскивало для развитія народныхъ массъ и приобщенія ихъ къ государственной жизни. То, что С.-Петербургскій комитетъ и другія центральныя культурно-просвѣтительныя учрежденія дѣлали для всей Россіи,—земства многихъ губерній дѣлали въ своихъ губерніяхъ. Къ этому именно времени относится необыкновенный подъемъ вопроса о всеобщемъ обученіи. При земскихъ управахъ образуются комиссіи по народному образованію, въ которыхъ на равныхъ правахъ участвуютъ лучшіе выборные и служилые земцы и вырабатываютъ планъ возможно скорѣй-

шаго развитія народнаго школьнаго и внѣшкольнаго образованія. Въ то же время земства или способствуютъ учрежденію новыхъ просвѣтительныхъ обществъ, или поддерживаютъ старыя, гдѣ сосредоточиваются въ свою очередь интеллигентныя мѣстныя силы¹⁾. Такой же характеръ носили и другія земскія организациі, какъ то врачевые совѣты, санитарныя организациі, агрономическія и т. д. и т. п. Въ этотъ же періодъ умѣренные земцы стремятся возобновить единеніе земствъ на легальной почвѣ. Любопытнымъ образчикомъ такой попытки является проектъ предсѣдателя Самарской губернской земской управы, г. Племянникова, воспользоваться для начала единенія коронаціею императора Николая II-го, состоявшейся 14 мая 1896 года. Любопытною мы называемъ эту попытку потому, что она съ необыкновенною ясностью показываетъ, какъ русское правительство выковывало, такъ сказать, недовольство; какъ самодержавная бюрократія сѣяла вѣтеръ, чтобы пожать бурю. Она, эта бюрократія, благонадежнѣйшихъ земцевъ, искреннихъ вѣрноподанныхъ, стремившихся эволюционировать самымъ мирнѣйшимъ образомъ, превращала въ оппозицію.

На коронацію, о которой мы говорили, въ числѣ прочихъ представителей, были приглашены и предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ. Съѣздъ ихъ слѣдовательно былъ офиціальный, даже предписанный, причемъ предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ своимъ присутствіемъ должны были увеличивать блескъ коронаціи и, до нѣкоторой степени, являться избранными представителями «народа».

Но земцы на первыхъ же порахъ внесли маленькое, мирное, совершенно вѣрноподданническое новшество въ священное коронованіе, новшество, которое для заскоружлыхъ бюрократовъ показалось диссонансомъ, не соотвѣтствовавшимъ вѣковѣчнымъ традиціямъ абсолютизма, и она этого новшества не разрѣшила. Дѣло въ томъ, что вышеупомянутый предсѣдатель Самарской губернской земской управы, г. Племянниковъ, обратился съ нижеслѣдующимъ предложеніемъ къ предсѣдателю Московской губернской земской управы, г. Шипову, которое послѣдній, присовокупивъ мнѣніе Московской губернской земской управы, разослалъ всѣмъ предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ.

«Милостивый Государь Дмитрій Николаевичъ. Предстоящимъ Губернскимъ Земскимъ Собраніямъ придется обсуждать вопросъ: чѣмъ чествовать имѣющее быть коронованіе ихъ Императорскихъ Величествъ и, вѣроятно, по заведенному изстари обычаю, по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ постановятъ поднести хлѣбъ-соль, для чего необходимо будетъ пріобрѣсти блюда и солонки. Конечно, каждому Губернскому Земству въ отдѣльности на покупку ихъ придется потратить небольшую сумму, но если соединить всѣ суммы, которыя будутъ истрачены Земствами на покупку блюдъ и солонокъ, то составитъ весьма почтенная сумма, на которую, въ память Священнаго Коронованія ихъ Величествъ, можно бы было устроить какое нибудь общепольное дѣло.

¹⁾ Таково, напримѣръ, извѣстное Харьковское общество грамотности, Курское общество содѣйствія начальному народному образованію, Ярославское и т. д.

«Такая мысль родилась у Членовъ Самарской Губернской Земской Управы, но для осуществленія ея необходимо, чтобы кто нибудь принялъ на себя трудъ снести съ всѣми Губернскими Управами Земскихъ губерній. Самарская Губернская Управа считаетъ, что инициативу этого дѣла было бы всего ближе принять на себя Губернской Управѣ первопрестольной столицы нашей, въ которой будетъ происходить и самое Коронованіе, а потому, сообщая Вамъ настоящую мысль нашу, я обращаюсь къ Вамъ, Милостивый Государь, съ покорнѣйшей просьбой, если Вы раздѣлите эту мысль, то примите на себя и трудъ сношеній со всѣми Губернскими Управами.

«Къ этому считаю нужнымъ присовокупить, что какъ я, такъ и товарищи мои полагаютъ, что выборъ учрежденія, которое должно быть устроено на средства всѣхъ Земствъ, а равно и выборъ мѣста, гдѣ таковое должно быть устроено, должны принадлежать Московскому Земскому Собранію.

«Московская Губернская Управа, всецѣло раздѣляя высказанную Самарскою Губернскою Управою мысль, съ своей стороны, признаетъ осуществленіе ея въ высокой степени желательнымъ и полагаетъ, что предложеніе Самарской Губернской Управы, вѣроятно, будетъ встрѣчено сочувственно всѣми Губернскими Земскими Собраніями. Остановливаясь на разрѣшеніи вопроса о томъ, какое общепольное дѣло могло бы быть устроено въ память Священнаго Корованія Ихъ Величествъ, Московская Губернская Управа приходитъ къ заключенію, что созданіе для этой цѣли особаго учрежденія едва ли можетъ представиться возможнымъ. Съ одной стороны, для устройства и содержанія такого рода учрежденія, которое не могло бы не быть грандіознымъ, потребовался бы слишкомъ большой капиталъ; съ другой стороны, подобное учрежденіе должно бы, конечно, по возможности въ равной мѣрѣ служить интересамъ всѣхъ участвующихъ Земствъ, но это не можетъ быть осуществимо, такъ какъ всякое учрежденіе, устроенное въ предѣлахъ той или другой губерніи, будетъ, по преимуществу, служить мѣстному населенію и, во всякомъ случаѣ, не можетъ распространить свое дѣйствіе болѣе, чѣмъ на нѣсколько сосѣднихъ губерній. Вслѣдствіе этихъ соображеній, Московская Губернская Управа полагала бы желательнымъ передать капиталъ, который составитъ изъ взносовъ всѣхъ Губернскихъ Земствъ, въ распоряженіе Установленія, имѣющаго своею цѣлью приходить на помощь всѣмъ нуждающимся, безразлично принадлежности ихъ къ населенію той или другой губерніи.

«1-го сентября настоящаго года Государю Императору благоугодно было, въ заботахъ о всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ, обративъ вниманіе на горестную судьбу тѣхъ изъ нихъ, которые, терпя крайнюю нужду, тщетно ищутъ себѣ заработка и пріюта, учредить особое попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Ея Императорскому Величеству благоугодно было, принявъ упомянутое попечительство подъ непосредственное Свое покровительство, принять на Себя и предсѣдательство въ Комитетѣ Попечительства. По мнѣнію Московской Губернской Управы, представлялось бы вполне отвѣчающимъ намѣченной Самарской Губернской Управой цѣли представить

отъ всѣхъ Губернскихъ Земствъ сумму, имѣющую образоваться изъ ихъ взносовъ, въ состоящее подъ покровительство Государины Императрицы попечительство для употребленія этого капитала по указаніямъ Ея Величества.

«Московская Губернская Управа, имѣя въ виду общій итогъ смѣтъ всѣхъ 34 земскихъ губерній приблизительно въ 15.000.000 р., предполагаетъ, что размѣръ капитала, который можетъ образоваться изъ взносовъ всѣхъ Губернскихъ Земствъ, составитъ сумму въ 300.000 р., если всѣ Губернскія Собранія отчислять для этой цѣли, въ круглыхъ цифрахъ, не менѣе двухъ процентовъ итога своихъ смѣтъ на 1896 г.

«Представляя все вышеизложенное на Ваше, Милостивый Государь, благоусмотрѣніе, я покорнѣйше прошу Васъ доложить, если признаете возможнымъ, настоящее предложеніе предстоящему Губернскому Земскому Собранію и о послѣдующемъ не оставить меня увѣдомленіемъ.

«По полученіи отъ всѣхъ предсѣдателей губернскихъ управъ извѣщеній о постановленіяхъ губернскихъ собраній, московская губернская управа, въ случаѣ принятія губернскими собраніями настоящаго предложенія, испросить надлежащее разрѣшеніе для его осуществленія, о чемъ я не замедлю своевременно Васъ увѣдомить и сообщить Вамъ постановленія всѣхъ собраній».

Мы нарочно привели цѣликомъ изложенное письмо, чтобы показать всю невинность его содержанія и его вѣрноподданическіе цѣли.

Казалось бы, что мало-мальски дальновидные правители обѣими руками должны были ухватиться за такое настроеніе представителей земства. Но не тутъ-то было.

Когда Д. Н. Шиповъ сообщилъ мысль предсѣдателя самарской губернской земской управы московскому генераль-губернатору, Великому Князю Сергѣю Александровичу, послѣдній, повидимому, сочувственно отнесся къ предложенію, но прибавилъ, что объ этомъ надо еще поговорить съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинымъ, который долженъ былъ прибыть въ Москву.

По приѣздѣ министра, Д. Н. Шиповъ вошелъ съ нимъ въ переговоры, которые дали отрицательные результаты. Простому смертному трудно понять, чѣмъ руководствовался Горемыкинъ, не соглашаясь на самарскій проектъ, но стоитъ только направить мысль въ бюрократическое русло, какъ несомнѣннымъ дѣлается, что Горемыкинымъ руководилъ страхъ предъ земскимъ единеніемъ по вопросу о назначеніи коронаціонныхъ суммъ, который долженъ былъ обсуждаться на всѣхъ земскихъ собраніяхъ.

Не нужно было обладать пророческимъ даромъ, чтобы предсказать, что разъ воспрещается такое благонамѣренное земское единеніе, то объединенныя дѣйствія земства по болѣе важнымъ вопросамъ, конечно, встрѣтятъ упорное сопротивленіе бюрократіи.

И факты такого рода не заставили себя долго ждать.

Во время коронаціонныхъ торжествъ, омраченныхъ, къ слову сказать, извѣстною ходынскою катастрофою, Д. Н. Шиповъ предложилъ предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ устраивать

ежегодные съѣзды, для совмѣстнаго обсужденія важныхъ земскихъ вопросовъ.

Мысль председателя московской губернской земской управы была встрѣчена сочувственно, причемъ рѣшено было устроить съѣздъ въ слѣдующемъ 1896 году на всероссійской Нижегородской выставкѣ. Д. Н. Шиповъ сообщилъ объ этомъ намѣреніи председателей Горемыкину, и послѣдній, не давая официального разрѣшенія, фактически далъ свое согласіе на съѣздъ, что можно было замѣтить изъ того, что въ бесѣдѣ съ Шиповымъ, сдѣлавъ ему такіе «совѣты»: 1) ограничить съѣздъ только председателями губернскихъ земскихъ управъ, 2) собираться не въ помѣщеніи Нижегородской губернской земской управы, а въ частныхъ квартирахъ и ресторанахъ и 3) принять мѣры, чтобы печать объ этомъ «не трубила»¹⁾.

Всѣ эти «совѣты» были въ точности соблюдены председателями губернскихъ земскихъ управъ, если не считать за «преступленіе», присутствіе на съѣздѣ единственнаго председателя уѣздной земской управы—князя Петра Дмитріевича Долгорукова, который, начиная съ 1896 г., занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ земскомъ движеніи.

Нижегородскій земскій съѣздъ прошелъ вполне благополучно, причемъ въ немъ принималъ участіе и представитель министерства финансовъ, присланный министромъ Витте, такъ какъ среди вопросовъ, обсуждавшихся на съѣздѣ, были между прочимъ и вопросы объ общеночно-статистическихъ работахъ по закону 1893 года, возникшему по инициативѣ Витте.

Въ виду того, что Нижегородское совѣщаніе установило положеніе для будущихъ съѣздовъ, приведемъ здѣсь вкратцѣ наиболѣе существенныя постановленія его.

При обсужденіи вопроса объ организаціи занятій присутствовавшими были высказаны слѣдующія соображенія. Періодическіе съѣзды председателей управъ должны быть признаны въ высшей степени желательными и могутъ имѣть большое значеніе для цѣлесообразности развитія и направленія земскаго дѣла вообще. Такіе съѣзды даютъ возможность каждому изъ председателей легко знакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ другихъ земствахъ. Дѣятельность земскихъ учреждений, для болѣе успѣшнаго и плодотворнаго направленія и развитія каждой своей отрасли, должна руководиться опредѣленной идеей, твердо установленными принципами. Практическія мѣропріятія каждаго отдѣльнаго земства могутъ быть крайне разнообразны, въ зависимости отъ особенностей мѣстныхъ условій, но конечныя цѣли и главныя руководящія основанія, отвѣчающія существу земскаго дѣла, не могутъ быть различны. Совѣщаніе председателей управъ можетъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовать выясненію и установленію основныхъ положеній земской дѣятельности и въ этомъ должна заключаться главная задача съѣздовъ. Съ другой стороны, на такихъ съѣздахъ

¹⁾ Скажемъ здѣсь кстати, что по окончаніи Нижегородскаго съѣзда съ большимъ трудомъ удалось отлитографировать журналъ совѣщаній председателей. Для этого пришлось прибѣгнуть къ цензору князю Шаховскому и что удивительно, къ тогдашнему главѣ цензурнаго комитета Соловьеву, который при всей своей реакционности, не встрѣтилъ препятствій къ разрѣшенію.

могутъ быть обсуждаемы вопросы, касающіеся дѣятельности земскихъ учреждений, но осуществленіе которыхъ нуждается въ согласіи правительственной власти. Нерѣдко отдѣльные земства возбуждаютъ предъ правительствомъ ходатайства по различнымъ вопросамъ, имѣющимъ по существу своему общее значеніе, и въ большинствѣ случаевъ, такіа ходатайства остаются безъ удовлетворенія на томъ основаніи, что для разрѣшенія ихъ въ положительномъ смыслѣ, представлялась бы необходимость измѣненія нѣкоторыхъ существующихъ законоположеній, но возбужденіе такихъ вопросовъ въ законодательномъ порядкѣ министерство не признаетъ возможнымъ по ходатайству того или другого земства, основанному, быть можетъ, исключительно на мѣстныхъ условіяхъ. Такого рода вопросы могутъ обсуждаться на совѣщаніи предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и по тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ существенное значеніе для всѣхъ или большинства земствъ, предсѣдатели могутъ придти къ соглашенію о внесеніи одновременно въ губернскія собранія предложеній о возбужденіи послѣдними извѣстнаго ходатайства предъ правительствомъ и удовлетвореніе такихъ однообразныхъ и одновременныхъ ходатайствъ всѣхъ или большинства земствъ можетъ быть болѣе вѣроятнымъ. Для того, чтобы заключеніе совѣщанія было опредѣленно и возможно полно обосновано, желательно, чтобы по каждому разсматриваемому на сѣздѣ вопросу были предоставлены и сообщаемы заблаговременно всѣмъ членамъ совѣщанія обстоятельные доклады. Доклады эти должны заключать въ себѣ данныя о положеніи вопроса, по возможности, во всѣхъ земствахъ, общія соображенія и окончательные выводы, изложенные въ формѣ положеній (тезисовъ), которые и будутъ подлежать разсмотрѣнію на сѣздѣ предсѣдателей. Иніціатива возбужденія вопросовъ должна принадлежать всѣмъ членамъ совѣщанія, причемъ желательно, чтобы возбуждающій вопросъ принялъ на себя его предварительную разработку и представленіе соответствующаго доклада. Признавалось даже желательнымъ образовать бюро сѣзда предсѣдателей управъ, которое приняло бы на себя всѣ необходимыя подготовительныя дѣйствія. Въ это бюро могли бы направляться членами сѣзда всѣ заявленія и доклады. Разработка нѣкоторыхъ вопросовъ, признанная совѣщаніемъ желательной, но которая, по сложности своей, не могла бы быть принята на себя кѣмъ либо изъ его членовъ, можетъ быть поручаема бюро приглашеннымъ или постороннимъ лицамъ. Въ этихъ случаяхъ бюро должно выработать программу вопросовъ, по которой и просить предсѣдателей управъ доставить по данному вопросу необходимыя свѣдѣнія.

Приведенныя постановленія нижегородскаго сѣзда предсѣдателей послужили руководствомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ сѣздовъ. На этомъ же сѣздѣ были возбуждены немаловажные вопросы. Такъ, было заявлено, между прочимъ, о желаніи многихъ гласныхъ принимать участіе въ занятіяхъ совѣщанія. Но осторожный Д. Н. Шиповъ указалъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ высказался лишь за предсѣдателей губернскихъ управъ. Затѣмъ, кромѣ вопроса объ оцѣночно-статистическихъ работахъ, на нижегородскомъ совѣщаніи обсуждались еще вопросы: о сельско-хозяйственномъ кризисѣ, о народномъ продо-

вольствіи, о всеобщемъ начальномъ образованіи, о взаимныхъ отношеніяхъ между губернскими и уѣздными земствами. Наконецъ, въ одномъ изъ засѣданій предсѣдателей принялъ участіе графъ П. А. Гейденъ, какъ президентъ вольнаго экономическаго общества. Указавъ на общность задачъ этого общества и земскихъ учреждений, онъ высказалъ пожеланіе организовать связь между ними, путемъ включенія предсѣдателей губернскихъ управъ въ члены вольнаго экономическаго общества, при которомъ слѣдовало бы образовать особый отдѣлъ для разработки вопросовъ земскаго хозяйства. Совѣщаніе выразило благодарность П. А. Гейдену, согласившись тѣмъ самымъ на важное предложеніе послѣдняго, такъ какъ связь земства съ вольнымъ экономическимъ обществомъ играла, какъ мы видимъ, громадную роль въ земскомъ движеніи.

Въ слѣдующій разъ предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ рѣшили съѣзжаться въ 1897 году въ С.-Петербургѣ, о чемъ также былъ увѣдомленъ Горемыкинъ тѣмъ же Д. Н. Шиповымъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, этотъ съѣздъ уже не былъ разрѣшенъ. Высоко-комичныя дѣянія бюрократіи, сопровождавшія это неразрѣшеніе, заставляютъ насъ остановиться на нихъ.

Нижегородскій съѣздъ происходилъ въ августѣ 1896 г. (съ 8 по 11 августа), а въ ноябрѣ Д. Н. Шиповъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для участія въ засѣданіяхъ сельско-хозяйственнаго совѣта министерства земледѣлія.

Горемыкинъ, конечно, могъ видѣться и говорить съ Шиповымъ ежедневно, но онъ избѣгалъ встрѣчи съ предсѣдателемъ московской губернской земской управы, и распоряженіе о недозволеніи Съѣзда въ Петербургѣ послалъ черезъ Московскаго губернатора Булыгина.

Возвратившись изъ С.-Петербурга въ Москву, Д. Н. Шиповъ, къ своему удивленію, получилъ «конфиденціально» отъ Булыгина такое письмо отъ 25 ноября 1896 года:

«Милостивый Государь, Дмитрій Николаевичъ. Г. Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ меня, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, на частномъ совѣщаніи предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, происходившемъ между 8 и 11 августа текущаго года, было, между прочимъ, рѣшено: 1) организовать періодическіе съѣзды предсѣдателей всѣхъ губернскихъ земскихъ управъ, 2) для подготовительныхъ дѣйствій и для разработки подлежащихъ обсужденію съѣздовъ вопросовъ, учредить при Московской Губернской Земской управѣ Бюро совѣщанія предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и 3) слѣдующій Съѣздъ предсѣдателей назначить въ марта 1897 года въ С.-Петербургѣ. Съ своей стороны, г. Министръ внутреннихъ дѣлъ находитъ, что *никакіе съѣзды, и тѣмъ болѣе должностныхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, не могутъ имѣть мѣста безъ особаю каждый разъ разрѣшенія въ установленномъ порядкѣ, и что объединеніе дѣятельности земскихъ учреждений и установленіе общихъ руководящихъ началъ для этой дѣятельности принадлежатъ исключительно вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ*¹⁾.

¹⁾ Курсивъ нашъ.

«По симъ соображеніямъ и имѣя въ виду, что предполагаемая на нижегородскомъ совѣщаніи предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ организація сѣздовъ означенныхъ предсѣдателей не была разрѣшена имъ, министромъ, и *какъ нарушающая строй нашего государственнаго порядка* ¹⁾ и не соответствующая основной задачѣ земскихъ учрежденій — вѣдать только мѣстныя дѣла губерніи и уѣзда — ни въ какомъ случаѣ допущена быть не можетъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ проситъ меня поставить о семъ въ извѣстность ваше превосходительство и предложить вамъ немедленно закрыть учрежденное при Московской губернской земской управѣ бюро предсѣдателей управъ и не принимать въ таковыхъ сѣздахъ никакого участія. Сообщая вамъ о всемъ вышеизложенномъ, для соответствующихъ распоряженій и исполненія, имѣю честь просить ваше превосходительство увѣдомить меня какъ о времени закрытія означеннаго бюро, такъ и о полученіи вами настоящаго сообщенія».

На это Д. Н. Шиповъ отвѣтилъ Булыгину нижеслѣдующимъ письмомъ: «Милостивый Государь, Александръ Григорьевичъ! Письмо вашего пр—ва отъ 25 ноября получено мною только 30-го, по возвращеніи моемъ изъ Петербурга, гдѣ я въ теченіе ноября, какъ вамъ извѣстно, принималъ участіе въ сѣльско-хозяйственномъ совѣтѣ министерства земледѣлія. Ваше пр—во изволите предлагать мнѣ, согласно распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, немедленно закрыть учрежденное при московской губернской земской управѣ бюро сѣзда предсѣдателей губернскихъ управъ, вслѣдствіе чего я имѣю честь представить слѣдующее объясненіе.

«Состоявшееся въ прошломъ августѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ совѣщаніе 19-ти предсѣдателей губернскихъ управъ имѣло совершенно частный характеръ. Присутствовавшіе на этомъ совѣщаніи предсѣдатели управъ пришли, между прочимъ, къ заключенію, что такого рода бесѣды и обмѣнъ мнѣній имѣютъ для лицъ, стоящихъ близко къ земскому дѣлу, большое значеніе, содѣйствуя имъ въ выясненіи и правильномъ освѣщеніи различныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій, и поэтому было признано желательнымъ собираться и въ будущемъ, время отъ времени, для такихъ частныхъ между собою совѣщаній. Для того, чтобы всѣмъ предсѣдателямъ управъ были извѣстны предметы, которые предполагается обсуждать въ частныхъ между собою бесѣдахъ, и для того, чтобы имѣть возможность по намѣченнымъ вопросамъ предварительно ознакомиться съ относящимся къ нимъ матеріаломъ, совѣщаніе нашло полезнымъ избрать изъ своей среды пять лицъ, которые образовали бы бюро совѣщанія. Этому бюро не предполагалось вовсе придать значеніе какого-либо постояннаго учрежденія, а имѣлось только въ виду, что избранныя пять лицъ будутъ иногда собираться, предварительно выяснять—обсужденіе какихъ вопросовъ въ частныхъ совѣщаніяхъ предсѣдателей управъ желательно, какой для того долженъ быть собранъ матеріалъ, и будутъ распределять между собою трудъ по разработкѣ этого матеріала. Пять лицъ, принявшихъ на себя такую предвари-

¹⁾ Курсивъ нашъ.

тельную работу, согласились собираться для намѣченной цѣли въ Москвѣ, какъ въ болѣе центральномъ пунктѣ, о чемъ и было записано въ журналѣ частнаго совѣщанія, но при этомъ случайно вкралась редакціонная ошибка: въ журналѣ было записано, что совѣщаніе пришло къ заключенію организовать бюро при московской управѣ, тогда какъ слѣдовало записать, что избранные совѣщаніемъ члены бюро будутъ собираться въ Москвѣ, какъ это въ дѣйствительности и безусловно понимало совѣщаніе.

«Въ концѣ прошлаго сентября пять лицъ, избранныя совѣщаніемъ, собирались въ Москвѣ, и наши частныя бесѣды происходили отнюдь не въ управѣ, а въ моей частной квартирѣ, и никакого отношенія ни къ управѣ, ни къ нашимъ служебнымъ обязанностямъ не имѣли. Изъ представленныхъ мною объясненій ваше пр—во усмотрѣть изволите, что при московской губернской управѣ не существовало и не существуетъ никакого бюро совѣщанія предсѣдателей губернскихъ управъ, о закрытіи котораго вы предлагаете. Какъ происходившее въ Нижнемъ-Новгородѣ, такъ и предположенное въ будущемъ совѣщаніе могутъ имѣть, несомнѣнно, характеръ лишь исключительно частныхъ бесѣдъ и обмѣна мыслей, и предсѣдатели управъ, принимающіе въ этихъ совѣщаніяхъ участіе, участвуютъ въ нихъ только какъ частныя лица».

Такое разъясненіе, казалось бы, могло успокоить даже турецкаго визиря, самаго фанатическаго представителя восточнаго деспотизма. Со свойственною Д. Н. Шипову искренностью и правдивостью, онъ изложилъ губернатору всѣ подробности земскаго проекта, но бюрократію обуялъ ужасъ при мысли о возможности «объединенія дѣятельности земскихъ учреждений и установленія общихъ руководящихъ началъ», а за этимъ, въ перспективѣ она уже видѣла «нарушеніе строя нашего государственнаго порядка». Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что на свое разъясненіе Д. Н. Шиповъ получилъ отъ того-же Булыгина такого рода «конфиденціальный» отвѣтъ:

Конфиденціально.

«Милостивый Государь,

Дмитрій Николаевичъ!

«Сообщенныя мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ 2 сего Декабря за № 3196, свѣдѣнія по вопросу о Съѣздахъ Предсѣдателей Губернскихъ Земскихъ Управъ были мною представлены по принадлежности и нынѣ Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ меня, что представленныя Вами по означенному вопросу объясненія не могутъ быть признаны удовлетворительными и не убѣждаютъ въ возможности разрѣшенія періодическихъ съѣздовъ Предсѣдателей Управъ. Означенные представители земскаго общественнаго Управленія являются, по закону, лицами должностными, состоящими на государственной службѣ. При такомъ положеніи дѣла, какъ самые съѣзды, такъ и бюро для подготовительныхъ къ онымъ дѣйствій, не могутъ быть признаны исключительно частными собраніями, не требующими разрѣшенія Правительства, а потому и организація ихъ, безъ испрошенія такого разрѣшенія,

представляется нарушеніемъ закона. Вслѣдствіе сего Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ просить меня объявить Вашему Превосходительству, къ исполненію, что онъ, Министръ, *не допускаетъ ни дальнѣйшаго существованія бюро, въ какомъ бы видѣ оно не было учреждено, ни участія Вашего въ вышеупомянутыхъ связяхъ.*¹⁾ Объ этомъ имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству, къ надлежащему исполненію.

№ 2897

Декабря 20 дня 1896 года».

Чего же добилось правительство такими нелѣпыми репрессіями? Единственнымъ результатомъ ихъ было то, что земство, въ лицѣ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей, вынуждено было изыскивать другіе пути для удовлетворенія назрѣвшихъ запросовъ жизни, какъ это было уже въ 70-хъ и 80-хъ годахъ.

И. П. Бѣлоконскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Курсивъ нашъ.

Маленькое Дѣло.

... „Къ смертной казни, родъ которой опредѣленъ ему судомъ черезъ повѣшеніе“, — безстрастнымъ голосомъ прочиталъ ген.-м. Лейхтъ. . . Приговоръ былъ совершенно неожиданный и даже по вынѣшней военно-полевой мѣркѣ безусловно несоотвѣтствовавшій характеру «преступленія». На меня, котораго онъ касался, приговоръ произвелъ ужасное впечатлѣніе и, откровенно говоря, я не желалъ бы вторично пережить его. . . Черезъ нѣсколько минутъ, когда мы, окруженные плотнымъ кольцомъ пѣшихъ и конныхъ войскъ, во дворѣ харьковскаго военно-окружнаго суда разсаживались по каретамъ, на насъ весело смотрѣла нарядная группа военно-судейскихъ дамъ и кавалеровъ.

Прокуроромъ военно-окружнаго былъ Савенковъ. Онъ требовалъ для всѣхъ насъ, шестерыхъ, не исключая и несовершеннолѣтняго Н. В. Яцевича, смертной казни, и если успѣлъ добиться смертнаго приговора только для меня, то это не его вина.

Лѣтомъ 1878 г. подъ Харьковомъ сдѣлана была попытка освободить Войнаральскаго, осужденнаго по Большому процессу на каторгу и перевозившагося жандармами въ харьковскую централку. Меня тогда въ Харьковѣ не было и никакого участія въ дѣлѣ я не принималъ. Детали его мнѣ стали извѣстны только уже на Карѣ отъ нѣкоторыхъ участниковъ въ немъ, но я не буду касаться ихъ, такъ какъ, повидимому, живые еще дѣятели не находятъ возможнымъ оглашать это дѣло, — единственное, о которомъ до сихъ поръ власти почти ничего не знаютъ. Именно съ этимъ дѣломъ судьба и связала нашъ процессъ:

„Дѣло о попыткѣ освобожденія Фомина“.

Фоминъ (дѣйствительная фамилія Медвѣдевъ) — единственный задержанный участникъ освобожденія Войнаральскаго, былъ арестованъ на Харьковскомъ вокзалѣ. Близкая ему группа кружка кievлянъ и одесситовъ имѣла основаніе дорожить имъ и рѣшила во что бы то ни стало освободить его. Въ августѣ того же года Фомину удалось бѣжать вмѣстѣ съ каторжанами. На волѣ знали объ этомъ, приняли мѣры къ тому, чтобы послѣ побѣга встрѣтить его и укрыть, для чѣго по всѣмъ выходамъ отъ туръмы разставлены были свои люди. Иванченко (впослѣдствіи осужденный на каторгу по другому дѣлу), мимо котораго прошелъ

Фомина, не рѣшился его окликнуть, принявъ за уголовного. Фомина былъ арестованъ дня черезъ два за Харьковомъ вмѣстѣ съ уголовнымъ.

Тогда предпринята была другая попытка. Черезъ улицу отъ тюрьмы нанята была квартира, изъ которой начать подкопъ въ тюрьму. Предполагалось провести ходъ подъ угловую башню, въ которой помѣщались на день параша для общаго пользованія, и остававшуюся поэтому безъ всякаго надзора. Соответствующее помѣщеніе внизу было занято подъ складъ зимнихъ рамъ, метель и т. п., такъ что легко было, когда главная работа будетъ окончена, продѣлать небольшой встрѣчный ходъ. Фомина не выпускали изъ камеры, но выбраться было легко. Его одиночка внутренней стѣной какъ разъ примыкала къ отдѣленію съ парашами и, кромѣ того, въ этой стѣнѣ для чего-то была устроена ниша, такъ что толщина стѣны была не болѣе двухъ кирпичей. Разобрать ее и вылѣзть въ отдѣленіе—полчаса работы, а тамъ по свободной винтовой лѣстницѣ въ нижнее отдѣленіе—и дѣлу конецъ.

Но опять неудача. Хозяиномъ квартиры и вмѣстѣ главнымъ распорядителемъ подкопныхъ работъ былъ Сентянинъ—студентъ горнаго института, проживавшій по подложному паспорту и разыскиваемый по другому дѣлу (кажется, по дѣлу о волненіяхъ донскихъ казаковъ). Случилось такъ, что его гимназическій товарищъ служилъ окологочнымъ въ Харьковѣ, встрѣтилъ его, донесъ и Сентянина на улицѣ арестовали.¹⁾ Участники подкопа (Сарандовичъ, Е. Б. Туманова, Иванченко), проживавшіе въ томъ же домѣ, не зная настоящей причины ареста, полагали, что ихъ прослѣдили, и немедленно оставили квартиру, заявивъ хозяину о выѣздѣ по неотложной надобности, но оставивъ квартиру за собой. Только въ декабрѣ квартира была открыта полиціей и то по заявленію хозяина, встревоженнаго долгимъ отсутствіемъ квартирантовъ. Хозяинъ, чтобы избѣжать отвѣтственности, кажется, схитрилъ, указавъ срокъ оставленія квартиры болѣе близкій, и полиція страшно переполошилась (мы тогда уже были въ тюрьмѣ), видя въ этомъ новую, послѣ нашей, попытку освобожденія Фомина. Послѣ этой неудачи рѣшено было еще разъ попытаться. Планъ былъ такой: два лица, переодѣвшись жандармами, явятся въ тюрьму съ приказомъ жандармскаго генерала Ковалинскаго—прислать арестанта Фомина для допроса—и увезутъ его. Дѣло это всецѣло принадлежало кіевлянамъ, но безъ содѣйствія мѣстныхъ силъ обойтись было нельзя. Самой видной въ Харьковѣ группой тогда былъ кружокъ Вуцинскаго²⁾ (умеръ въ Шлиссель-

¹⁾ Сентянинъ умеръ въ Петропавловской крѣпости.

Ред.

²⁾ На югъ его часто называли „кружкомъ полтавцевъ“. Ядро его образовали трое товарищей по Полтавской гимназіи: Р. А. Стебливъ-Каменскій (застрѣлился въ Иркутскѣ), Николай Сажинъ (впоследствии врачъ, умеръ въ Полтавѣ) и Н. В. Яценъ, и трое курянь—бывшихъ семинаристовъ: Д. Т. Буцинскій, А. И. Преображенскій (умеръ въ Иркутскѣ) и Я. Столкнула насъ студенческая среда, объединила революціонное движеніе того времени. Полтавцы были больше известны южанамъ, а по нимъ и весь кружокъ, впоследствии значительно разросшійся, именовали полтавцами.

бургѣ), къ которому принадлежать и я. У насъ были связи съ другими городами, но наиболѣе близкія — съ кіевлянами, съ многими изъ которыхъ мы были лично и хорошо знакомы. Къ намъ и обратились кіевляне.

Не знаю, какъ въ другихъ кружкахъ того времени, а у насъ строжайшимъ образомъ проводилось начало конспиративности и, напр., принято было за правило, если въ какомъ-либо дѣлѣ, предпринятомъ по сторонней инициативѣ, участвуютъ отдѣльные члены кружка, то они не имѣютъ права сообщать объ этомъ кружку безъ крайней необходимости.

Кіевляне обратились именно не къ кружку, а къ отдѣльнымъ лицамъ, и сперва къ Яцевичу для необходимыхъ телеграфныхъ сношеній. Мы объ этомъ ничего не знали. Понадобилась квартира — обратились ко мнѣ. Я тогда проживалъ вдвоемъ съ Адамомъ Ивановичемъ (фамилію не называю, такъ какъ не знаю о его судьбѣ и не увѣренъ, удобно ли теперь будетъ напоминать ему юношескую старину), котораго мнѣ было поручено готовить къ вступленію въ кружокъ, — человекомъ, къ конспираціямъ тогда непричастнымъ, — на углу Примѣрковской и Почтоваго пер., д. Сулиной. Квартира была очень удобная: изолированная отъ хозяевъ, отдѣльный ходъ, двѣ комнатки, уборку производили сами.

Какъ-то заходитъ ко мнѣ Иванъ Ивичевичъ (убить въ 1879 г. при вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ, на Жилинской). Зналъ я его уже около года, зналъ хорошо, — онъ иногда, въ бытность въ Харьковѣ, ночевалъ у меня и каждый разъ предупреждалъ, что если явятся жандармы, онъ будетъ стрѣлять, — но зналъ только какъ Ивана, фамилію узналъ уже потомъ. По силѣ характера и рѣшимости, онъ мнѣ замѣчательно нравился. Это былъ рабочій изъ семьи когда-то сербскихъ выходцевъ. Широкой теоретической подготовкой онъ не обладалъ, но тѣмъ не менѣе мнѣ, студенту, импонировалъ. И когда онъ спросилъ меня, могу-ли я временно помѣстить у себя двухъ человекъ, я безъ всякихъ колебаній согласился. Правда, уже въ то время я былъ на виду у жандармовъ, но такъ какъ я жилъ безъ прописки, то рискъ провала былъ ничтожный. Цѣли Ивичевичъ мнѣ не объяснилъ, я не спрашивалъ, хотя, разумѣется, общую цѣль я отлично понималъ. Нужно было сплавить Адама Ивановича. Онъ уже достаточно былъ освоенъ съ нашими правилами, и потому я только заявилъ, что ему удобнѣе переѣхать въ другое помѣщеніе, такъ какъ квартира нужна для конспираціи, въ которыя его втягивать нѣтъ смысла, и А. И. безъ разспросовъ переѣхалъ. Результаты показали, что «предосторожность» была не лишняя. После моего ареста Адамъ Ивановичъ до того растерялся, что откровенно заявлялъ: если меня арестуютъ, я расскажу все, что знаю. Его сплавили изъ Харькова. Какъ-то ѣдетъ онъ, кажется, съ Каменскимъ по жел. дорогѣ, на одной изъ станцій покупаютъ газету и читаютъ приговоръ по нашему дѣлу. Какъ только Адамъ Ивановичъ дочиталъ до словъ: подсудимый Ефремовъ пригово-

ривается къ смертной казни, — хлопъ въ обморокъ. Стопилась публика, жандармы... А Каменскій скрывался и по близорукости не обратилъ вниманія на то, что перекраска въ брюнета уже начала линять, переходя въ зеленоватый цвѣтъ; къ счастью обморокъ отвлекъ все вниманіе жандармовъ.

Вечеромъ того же дня ко мнѣ переѣхали Рашко и Березнюкъ (Тищенко). Отрекомендовались — одинъ „Американцемъ“, другой — Иваномъ — и дѣлу конецъ. Жили они у меня нѣсколько дней до самаго ареста. Въ квартиру иногда заходили по дѣламъ Николай Сажинъ, Буцинскій и др., видѣли, что что-то готовится, но никакихъ разспросовъ не дѣлали. На другой день послѣ переѣзда моихъ квартирантовъ, Ивичевичъ попросилъ и меня, если можно, не ночевать дома, такъ какъ въ одномъ изъ участниковъ дѣла, которое готовится, они не совѣмъ увѣрены, безъ котораго, однако, какъ типичной жандармской фигуры, обойтись было нельзя; въ случаѣ провала, онъ, пожалуй, и проболтается и впутаетъ меня, если я буду присутствовать на ихъ вечернихъ совѣщаніяхъ. И опять таки я безпрекословно исполнилъ и это, такъ какъ для дѣла именно требовалась моя квартира, а не я. Словомъ, дѣло дѣлалось такъ просто, что ни одинъ прокуроръ не повѣритъ...

Такихъ, какъ Рашко, революціонеровъ я встрѣтилъ въ первый разъ. Это былъ профессиональный разбойникъ, извѣстный въ уголовномъ мірѣ подъ кличкой „Американецъ“, но разбойникъ съ тенденціозной подкладкой. Онъ, между прочимъ, принималъ участіе въ польскомъ движеніи 63 года и даже былъ сосланъ въ Тюмень, откуда бѣжалъ. Изъ его рассказовъ мнѣ запомнились особенно одинъ, когда Рашко съ товарищемъ рѣшили проучить екатеринославскаго богатаго помѣщика за безчеловѣчно-жестокое обращеніе съ прислугой. Они поступили къ нему въ качествѣ кучера и лакея и однажды, по пути въ Екатеринославъ, жестоко избили помѣщика и, расклавъ за руки и ноги, связаннаго бросили въ терновникъ. Деньги 12 тыс. руб. ограбили, карету бросили на постояломъ, четверку лошадей продали и безслѣдно скрылись. Послѣ наводили справки, — баринъ, пролежавъ нѣсколько дней въ терновыхъ кустахъ и случайно спасенный, сталъ шепковымъ... Рассказывалось все это и многія другія исторіи спокойнымъ, эпическимъ слогомъ. Меня эти рассказы въ ужасъ приводили, и я не могъ понять, какъ серьезные революціонеры могли втягивать въ дѣло такихъ людей. Но, оставивъ это въ сторонѣ, Рашко мнѣ, какъ типъ, нравился: умный, бывалый, до безпредѣльности смѣлый и спокойный въ самые критическіе моменты.

Исторія его „обращенія“ такова. По какому-то темному уголовному дѣлу онъ, въ качествѣ бродяги, былъ посаженъ въ Кіевскую тюрьму, гдѣ въ это время сидѣлъ политическій Избицкій (бѣжалъ съ пути слѣдованія въ Сибирь и безъ вѣсти пропалъ. По слухамъ, убитъ бродягами въ сибирской тайгѣ), — человѣкъ увлекающійся. Онъ-то и „открылъ“ Рашко и ознакомилъ его съ

революціоннымъ направлеіемъ Кіевской группы, тогда становившейся на террористическую дорогу. Рашко ухватился за мысль „загладить свое прошлое“ услугами революціи въ доступной и посильной для него формѣ.

Ему удалось легализироваться на чужое имя, — безвѣстно пропавшаго тридцать лѣтъ крестьянскаго сына Рашко. Въ тюрьмѣ всегда такіа свѣдѣнія пмѣются. Въ данномъ случаѣ они были такъ обстоятельны, что Рашко указалъ и домъ дяди Егора, и сверстника, съ которымъ игралъ ребенкомъ, и свой домъ, и мать. Мать признала его за сына, за тридцать лѣтъ только до неузнаваемости измѣнившася, сходя крестьянъ рѣшили: „нашъ“ и выдать удостовѣреніе. Рашко, по отбытіи срока наказанія, выпустили, и онъ по даннымъ Избицкимъ адресамъ вошелъ въ связь съ кіевлянами. Онъ рвался „на дѣло“ и съ неподдѣльнымъ огорченіемъ выражалъ свое неудовольствіе на то, что кіевляне однажды не разрѣшили ему „пришить“ городского, наблюдавшаго за одной квартирой... „А мнѣ бы это плево дѣло“, — пояснял Рашко.

Вотъ его-то и рѣшили взять вторымъ „жандармомъ“ и, какъ человѣка уже пожилого, — ему въ то время было 40 съ хвостомъ лѣтъ, — въ качествѣ унтеръ-офицера.

На третій день Ивичевичъ все же нашелъ нужнымъ ознакомить меня съ дѣломъ.

— Вы, — сказалъ онъ, — должно быть уже догадываетесь въ чемъ дѣло.

— Почти, такъ какъ нѣкоторыя детали очень прозрачны. Жандармскіе мундиры, шапки...

— Такъ какъ возможно, что на худой оборотъ и вась могутъ притянуть, то я считаю себя обязаннымъ познакомить вась съ дѣломъ. Мы хотимъ освободить Фомина при помощи переродѣтыхъ жандармами — вотъ эти двое; — ваша квартира нужна, какъ пріютъ. Мы сами понимаемъ, что нельзя зря впутывать человѣка, но весь городъ обходили, — другой подходящей квартиры не нашли.

— Я ничего не имѣю противъ.

Больше я Ивичевича не видалъ.

На другой день 17 или 18 сентября, точно не помню, — прихожу домой часовъ въ 12, — квартира на замкѣ; вхожу своимъ ключемъ, въ комнатахъ полный хаосъ: дорожныя корзины раскрыты, въ нихъ запасные жандармскіе мундиры, оружіе, цѣлое паспортное бюро и масса патроновъ. Долгое невозвращеніе „жандармовъ“ начинается меня тревожить и я, зайдя въ университетъ и отдавъ на храненіе бывшія при мнѣ конспиративныя мелочи, иду къ тюрьмѣ на рекогносцировку.

Не доходя квартала до тюремной площади, встрѣчаю жандарма, писаря жанд. управленія, съ которымъ я познакомился по первому аресту и умышленно поддерживалъ знакомство. Поздоровались за руку.

— Слыхали новость? Фомина хотѣли выкрасть... Яцевича на

тюремной площади арестовали,—все чего-то терся.. Смотрите и васъ притянуть...

Какъ ни пораженъ я былъ извѣстіемъ, но очевидно критическое положеніе побѣдило даже мою ужасную неврастенію, заставляющую дрожать по сущимъ пустякамъ; я проболталъ съ нимъ еще нѣсколько минутъ, шутилъ и затѣмъ, разставшись, продолжалъ дорогу къ тюрьмѣ, пока жандармъ не завернулъ за уголъ.

Въ тюрьмѣ же происходило вотъ что. Когда наши жандармы предъявили приказъ о выдачѣ арестанта, смотритель отдалъ надзирателю приказъ „привести Фомина“, а имъ предложилъ росписаться въ книгѣ. И когда они заняты были книгой, настоящіе жандармы схватили ихъ за руки, обезоружили и арестовали. Яцевичъ, наблюдавшій за исходомъ попытки, былъ замѣченъ знавшими его въ лицо переодѣтыми жандармами, которыми оцѣнена была вся тюремная площадь, и арестованъ. Онъ имѣлъ неосторожность носить при себѣ конспиративныя мелочи, что и послужило первой причиной его ареста.

Почему случился провалъ? Для поддѣлки приказа о выдачѣ Фомина нужно было имѣть въ рукахъ подлинникъ приказа жандармскаго генерала, его можно достать только изъ дѣлъ тюремной конторы. Въ тюрьмѣ и даже въ тюремной конторѣ (въ качествѣ писца) были безкорыстно и глубоко преданные намъ люди изъ распропагандированныхъ уголовныхъ, черезъ которыхъ на свиданіяхъ подъ видомъ родственниковъ (одинъ разъ ходилъ и я) велись всѣ сношенія. По ихъ указанію рѣшили играть въ открытую съ тюремнымъ письмоводителемъ (фамилію теперь не помню), готовымъ за приличную мзду продать что угодно. Сношенія съ нимъ велъ все тотъ-же Иванъ Ивичевичъ. Соплисъ, кажется, на 500 рубляхъ, половина которыхъ вручена немедленно, другая же должна быть выдана послѣ успѣшнаго окончанія дѣла. Точно до сихъ поръ не знаю, но, кажется, чтобы гарантировать себя отъ измѣны, бумажки были разрѣзаны пополамъ и одна половина была вручена до освобожденія, другая подлежала выдачѣ послѣ. Нужный документъ онъ выдалъ, но въ рѣшительный моментъ выдалъ и все дѣло жандармамъ. За участниками слѣдили, но не совсѣмъ удачно, такъ какъ, повидимому, успѣли узнать только улицу, но не домъ. Все это впрочемъ я узналъ много послѣ суда, а до того и не подозрѣвалъ степени освѣдомленности жандармовъ. Мимоходомъ. Письмоводитель на другой день оставилъ службу въ тюрьмѣ и до того перетрусилъ, что, встрѣтивъ чрезъ нѣсколько дней на улицѣ Ивичевича, упросилъ жандармовъ перевести его въ другой городъ, гдѣ и служилъ по фальшивому паспорту, выданному жандармами.

Счастье жандармовъ, что имъ не удалось прослѣдить квартиры: вечерами здѣсь собиралось „гнѣздо террористовъ“,—часть лицъ, входившихъ въ Исполнительный Комитетъ кievскаго періода. Достаточно пазвать такихъ людей, какъ бр. Ивичевичи (Игнатъ и Иванъ,—оба убиты при вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ),

Владимиръ Свириденко (повѣщенъ въ Кіевѣ подѣ фамиліей Антонова за вооруженное сопротивленіе). Воюясь ошибиться, но, помнится, былъ и Валеріанъ Осинскій (повѣщенъ въ Кіевѣ) и др. Все это народъ безпредѣльно смѣлый, и если бы случилось несчастье жандармамъ накрыть ихъ, то навѣрняка, имъ удалось бы отбиться и скрыться; тогда жандармы еще не носили панцирей, какъ оказалось позже при вооруженномъ сопротивленіи на Жилинской, и такіе идеальныя стрѣлки, какъ Ивичевичи и Свириденко, перещелкали-бы жандармовъ.

Когда я расстался съ знакомымъ жандармомъ, первою мыслью было: очистить квартиру во чтобы то ни стало. Вообще фантазія у меня небогатая, даже скудная, но въ роковыхъ положеніяхъ случается, что на меня иногда находитъ положительно вдохновеніе. 1)

Точно такое-же состояніе я пережилъ послѣ разговора съ жандармомъ. До этого момента я вовсе не думалъ объ очисткѣ, но тутъ мгновенно созрѣлъ планъ. На той-же улицѣ жилъ уволенный за волненія и отбывавшій воинскую повинность кіевскій студентъ Константинъ К-вичъ (опять таки, не зная, пріятно-ли ему будетъ теперь, если онъ живъ, фамиліи не называю). Захожу къ нему и прошу черезъ двадцать минутъ взять извозчика и ѣхать на квартиру Буцинскаго, и тамъ скажутъ, что нужно дѣлать. Самъ на извозчикѣ—же ѣду къ Буцинскому и прошу черезъ пять минутъ ѣхать ко мнѣ, забрать корзины и проч., отлучить затѣмъ извозчика, и когда пріѣдетъ К., все сдать ему.

1) Хотя это къ дѣду и не относится, расскажу одинъ случай. Насъ, цѣлую группу семинаристовъ, заставили за три дня до экзаменовъ, заканчивающихъ образовательный курсъ (нынѣшній четвертый классъ), подать прошеніе объ увольненіи, выдавъ свидѣтельства съ пометкой: „переходнаго экзамена изъ средняго отдѣленія въ высшее не держалъ“, чѣмъ лишили возможности поступленія въ университетъ; кромѣ того поставили по тройкѣ поведенія. Поэтому все мы рѣшили поступить въ Харьковскій ветеринарный институтъ. На рекогносцировку поѣхалъ я, показалъ свой документъ и получилъ отвѣтъ: пріѣзжайте, примемъ. Пріѣхали. Цѣлой группой входимъ къ директору, предъявляемъ документы; тотъ разсматриваетъ и вдругъ огорчивается:

— Все ничего,—отмѣтки у васъ хорошія, недержаніе экзамена—не препятствіе, но вотъ тройка поведенія... Скажите откровенно, за что намъ ее поставили, да еще цѣлой группѣ?

Вопросъ былъ столь несождителенъ послѣ заявленія о неимѣніи препятствій къ поступленію, что поставилъ всѣхъ въ тупикъ. Нѣсколько секундъ колебаній, и вдругъ меня осенила „гениальная ложь“, какъ называли мой отвѣтъ товарищи по несчастью:

— Видите-ли, мы воспитанники семинаріи, готовились быть духовными пастырями и потому обязаны были подчиняться особымъ правиламъ. Мы полиберальничали, съѣли въ постъ скоромное, инспекторъ обревизовалъ печь—и вотъ...

Товарищи невольно поворотили головы ко мнѣ и изумленно смотрѣли. Такіе случаи въ семинаріи дѣйствительно бывали, но не съ нами и мы никогда на одной квартирѣ не жили.

— О если такъ,—прерываетъ меня директоръ,—можете ходить на лекціи. Я немедленно телеграфирую министру (Толстому) и за утвердительный отвѣтъ ручаюсь.

Отвѣтъ дѣйствительно получился въ нашу пользу.

Нѣсколько стыдновато признаваться, но для характеристики времени необходимо. Причина увольненія насъ была такая. Вслѣдствіе мелкаго и довольно глупаго и съ той, и съ другой стороны спора моего съ преподавателемъ философіи Новицкимъ (нынѣ, кажется, ректоръ Курской семинаріи), у котораго я, по невостигимой для меня при-

Немедленно ѣду къ себѣ на квартиру, кое-какъ собираю и укладываю,—какъ разъ подъѣзжаетъ Буцинскій. Для отвода глазъ на виду у хозяйки мы съ Буцинскимъ поцѣловались, я пожелалъ ему счастливаго пути, и хозяйка дѣйствительно потомъ показала, что вещи увезены на вокзалъ. Только что Буцинскій снесъ вещи къ себѣ и отпустилъ извозчика, какъ къ нему приѣзжаетъ К., и увозить вещи къ себѣ. Фокусъ удался блестящее: вещи какъ въ воду канули, хотя за моей квартирой уже наблюдали.

Послѣ ареста «жандармовъ», полиція открыто отправилась по Почтовой ул. и, ходя изъ дома въ домъ, опрашивала, кто квартируетъ. Дойдя до нашего дома, она узнала отъ хозяйки, что квартируютъ какіе-то двое (хозяйка подразумѣвала меня и Адама Ивановича, такъ какъ жандармовъ, къ моему величайшему изумленію, она на судѣ не признала и заявила, что видитъ ихъ въ первый разъ, хотя Рашко и Березнюкъ не стѣсняясь бродили по двору), сейчасъ квартира на замкѣ, но кто-то входилъ въ окно и на вопросъ, кто тамъ, отвѣтилъ успокоительно: свои—свои. Это было Свириденко, забывшій свой револьверъ. Для полиціи было ясно, что здѣсь завязанъ узелъ. Надѣясь открыть всѣхъ сразу, она оставила наблюдательный постъ, но арестовъ дѣлать не велѣла. Наблюдатели видѣли отъѣздъ Буцинскаго, прослѣдили его до квартиры, обрадовавшись, побѣжали докладывать и прозѣвали К—ча. У Буцинскаго сдѣлали обыскъ, но ничего не нашли. На вопросъ, что онъ перевозилъ, онъ показалъ, что я хотѣлъ переѣхать къ нему на квартиру, и онъ часть вещей моихъ и перевезъ. Его оставили въ покоѣ и судился онъ потомъ уже по другому дѣлу.

Очистивъ такимъ образомъ квартиру, я пошелъ къ Буцинскому, куда собралось нѣсколько человѣкъ изъ кружка, и мы обсуждали, стоитъ ли мнѣ бѣжать, или туча морокомъ пройдетъ, когда обыскъ не дастъ результатовъ, что со мною тоже разъ было. Рѣшили рискнуть, благо денегъ въ кружкѣ не было ни копейки. Вечеромъ возвращаюсь въ квартиру, произвожу новую ревизію и дѣлаю важную находку: совершенно открыто у вход-

чищъ, былъ на хорошемъ счету, у меня произошло объясненіе съ ректоромъ о. Матвѣемъ Невскимъ (впослѣдствіи, кажется, петербургскій викарій Мелетій, умеръ), во время котораго онъ почувствовалъ отъ меня запахъ водки. Переполохъ. „Кукушка“, — помощникъ инспектора, — быстро сообразилъ, съ кѣмъ я чаще всего хожу, обнюхалъ и гѣхъ: „пахнетъ“. Въ результатъ—предложеніе всѣмъ подать прошеніе. „Калигула“, инспекторъ Василій Алексѣевичъ Ключаревъ, далъ мнѣ честное слово въ аттестатѣ не марать поведенія и обманулъ...

Передъ подачей прошенія я былъ у ректора, умолялъ дать намъ возможность держать възаменъ и получилъ характернѣйшій отвѣтъ:

— О-о. Тогда вы засвищете въ университетъ... Нѣтъ, нужно, чтобы вы всю жизнь каялись...

Мы были съ глазу на глазъ... Клинуся, у меня было желаніе броситься и задуть этого лицеѣра и стоило величайшихъ усилій сдержаться... Въ числѣ преподавателей были форменные алкоголики, о прошломъ „Калигула“ наши отцы, его сверстники, рассказывали чудеса разгула и разврата... А тутъ самая обыкновенная школьническая иирушка накануне роковаго дня...

нихъ дверей виситъ дорожная сумка, полная патроновъ. На улицѣ уже слышны полицейскіе свистки,—куда дѣвать? Противъ меня жилъ нашъ-же сотоварищъ Николай Сажинъ. Въ темнотѣ перебѣгаю улицу и успѣваю сдать сумку ему. Оказалось потомъ, что и это видѣли: у Сажина сдѣлали обыскъ, но сумка исчезла. Возвращаюсь и еще съ большимъ вниманіемъ обыскиваю квартиру и въ складкѣ между спинкой и сидѣньемъ мягкаго дивана нахожу громаднѣйшій заряженный бульдогъ. Вторично бѣжать черезъ улицу не рѣшаюсь, такъ какъ ясно слышу подъ окнами сдержанный разговоръ. Осторожно выхожу на дворъ, между заборомъ и будкой, «куда царь пѣшкомъ ходитъ», зарываю револьверъ, а чтобы скрыть слѣды свѣжей раскопки, сверху «сажусь»... Хитрость и на этотъ разъ удалась: на другой день жандармы весь дворъ обшарили, рылись въ мусорной кучѣ, рылись въ навозѣ, но это мѣсто осталось для нихъ «табу». Возвращаюсь, заглядываю въ печь, куда сметался комнатный хламъ, перебираю торопливо бумажки и вдругъ нахожу полулистъ почтовой бумаги, весь исписанный фразами: «прислать арестанта для допроса генераль маіоръ Ковалинскій». Упражнялись въ поддѣлкѣ... Въ дверь уже стучать.—Кто тамъ?—Отворите, приставъ... Торопливо сжигаю на свѣчѣ улику, пепель растапываю ногами...

— Что вамъ угодно? — Кто здѣсь живетъ? — Я, студентъ Ефремовъ.—Прописаны?—Нѣтъ.—Пожалуйте въ часть для прописки.

Въ части протестую, требую скорѣйшей прописки и отпуска, но что-то медлятъ. Въ сосѣдней комнатѣ шепотъ: «немедленно доложи генералу, что въ квартирѣ проживаетъ Ефремовъ, задержанъ, какъ поступить.» Ну, теперь крышка, думаю: Ковалинскій меня знаетъ,—всего нѣсколько мѣсяцевъ я изъ собственныхъ его превосходительства рукъ чай пилъ. И дѣйствительно, велѣно задержать до утра... Посадили въ каталажку; окно довольно высоко, но доступно, выходитъ на частный дворъ, кирпичи у рѣшетки предмѣстниками «по пьяному дѣлу» подурачобраны,—бѣжать—сущіе пустяки. Но опять удержали прежнія соображенія. На утро уже честь другая. Явилась масса жандармовъ, городскихъ, самъ полиціймейстеръ; меня одного посадили на извозчика и, окруживъ плотнымъ кольцомъ стражи, шагомъ повезли по городу на квартиру. Начался обыскъ, длившійся съ 9 час. до 5. Результатовъ никакихъ, я уже торжествую. Вдругъ приставъ Флавицкій наклоняется, поднимаетъ кусочекъ сгорѣвшей бумаги, что-то разсматриваетъ... На лицѣ торжество, подзываетъ жандармскаго офицера, прокурора... Я почти догадываюсь, когда, приставивъ ко мнѣ четырехъ здоровеннѣйшихъ жандармовъ, подзываютъ меня:—Прочтите, что вы на это скажете?—По темному полю совершенно сгорѣвшей бумаги бѣлыми буквами отчетливо видны слова: «прис... арес... Ковалинскій». Для меня все понятно: когда въ торопяхъ я сжигалъ и растапывалъ листъ съ упражненіями въ поддѣлкѣ, кусокъ пепла вырвался и отлетѣлъ въ сторону... Тутъ-же на мѣстѣ сдѣлана экспертиза. Составляется по-

становленіе объ арестѣ, и вечеромъ я въ «клубѣ» «жандармовъ» и Яцевича, — одиночки наши выходили другъ надъ другомъ.

Отъ дачи какихъ бы то ни было показаній мы всѣ отказались, на чемъ и покончилось предварительное дознаніе. Система эта превосходная, разъ рѣшено себя не щадить: изъ за насъ не привлеки буквально ни одной души и это было величайшимъ утѣшеніемъ во всѣхъ слѣдующихъ огорченіяхъ. Но на судѣ я чуть-чуть не «промазалъ». Спрашиваютъ: кто съ вами жилъ. — Отвѣчаю: студентъ медикъ, съ нѣмецкой фамиліей, но вспомнить не могу. — Сказалъ я это и остолбѣлъ: фамилія сокавартиранта дѣйствительно нѣмецкая, онъ медикъ-студентъ... Что, если перепутаю всѣхъ медиковъ съ нѣмецкой фамиліей. Ихъ немного и это не такъ трудно. Къ счастью, основной отвѣтъ — забытіе фамиліи — такъ явно ложенъ, что и всему остальному не придали значенія.

Жандармы, однако, понимали, что, захвативъ только меня, они поживились, какъ собака мухою, и потому напрягали всѣ усилія для пополненія «штата». Свидѣтелямъ, напримѣръ, буфетчику гостиницы, въ которой Ивичевичъ устраивалъ свиданія съ писмоводителемъ, квартирной моей хозяйкѣ и др., предъявлялась масса карточекъ, имѣвшихся въ распоряженіи полиціи. Карточку Родина хозяйка признала похожей на то лицо, которое увозило вещи съ моей квартиры, и хотя было извѣстно, что увозилъ Вудинскій и у него именно по этому поводу обыскъ дѣлали, начались поиски Петра Родина, крестьянина-мордвина изъ Самарской губ., раньше уже имѣвшаго дѣло съ жандармами въ Самарѣ. Родинъ былъ знакомъ съ нашимъ кружкомъ, но въ это время проживалъ въ Кубанской области и объ освобожденіи Фомина не зналъ ни сномъ, ни духомъ.

Какъ-то въ тюрьмѣ къ форточкѣ подходитъ надзиратель и презрительно говорить: — «Вамъ въ сосѣди кукку привезли, — сидить да все плачетъ»...

Вызываю сосѣда напротивъ. — Какъ фамилія? Родѣ. — За что арестованы? — Положительно недоумѣваю...

Родѣ держали ровно до того дня, когда къ намъ привезли Родину. Очевидно Родѣ сидѣлъ за Родину, хотя онъ еврей, студентъ и похожъ на Родину, какъ укусъ на колесо... И его счастье, что Родину арестовали, потому что иначе Родѣ съ такимъ же точно основаніемъ послали бы на вѣчную каторгу, какъ осудили Родину.

Меня крайне забавляло неожиданное мое превращеніе изъ сѣренькаго студента-ветеринара въ важнаго государственнаго преступника. Первый мѣсяцъ на прогулку выводили только послѣ вечерней повѣрки, когда всѣ арестанты были уже подъ замкомъ, и не иначе, какъ въ сопровожденіи четырехъ специально командированныхъ жандармовъ. Разаумѣется, помна эта не мѣшала намъ имѣть самыя широкія сношенія съ волей.

Сидимъ нѣсколько мѣсяцевъ, два раза бунтъ устроили, — развезли за это всѣхъ по уѣзднымъ тюрьмамъ, оставивъ въ

Харьковъ меня—въ тюрьмѣ и Яцевича—въ арестантскихъ ротахъ.

Какъ-то посѣщаетъ тюрьму прокуроръ судебной палаты Мечниковъ.—Въ какомъ положеніи наше дѣло?—Не могу васъ утѣшить: направлено въ административномъ порядкѣ,—Архангельской губерніи не миновать...

Досидѣли до апрѣля, когда выстрѣлъ Соловьева перевернулъ все вверхъ дномъ: введены генераль-губернаторства, военные суды; по провинціямъ разъѣзжалъ главный военный прокуроръ (кажется, Философовъ) и давалъ инструкцію направлять все безъ исключенія дѣла по статьямъ, влекущимъ смертную казнь. Перекрикиваясь съ Родинымъ,—насъ только двое и было тогда въ тюрьмѣ,—мы шутили:—А что какъ возьмутъ, да и осудить насъ къ смертной казни?... Ха-ха-ха“.

Прямо съ вѣтянской чумы въ Харьковъ назначенъ быть генераль-губернаторомъ Лорисъ-Меликовъ. По русскому обычаю, одинъ изъ первыхъ административныхъ визитовъ—въ тюрьму. Заходитъ Лорисъ ко мнѣ.—Давно сидите?—10 мѣсяцевъ. Нужно ускорить, нужно ускорить...

Дѣлюсь радостной вѣстью съ Родинымъ. Онъ тоже доволенъ. Въ концѣ іюля вызываютъ въ контору и подъ густымъ конвоемъ сплошной цѣпью черезъ весь почти городъ ведутъ въ военно-окружный судъ вручать обвинительный актъ... Обвиняется по 279 ст. Спрашиваю секретаря: а что это за статья? А вотъ прочтите.—Читаю: за бунтъ противъ власти верховной, за покушеніе испровергнуть и т. д. виновные подвергаются смертной казни. Попустители, укрыватели, пособники и недоносители подвергаются тому же наказанію... Покорно благодарю,—это вмѣсто Архангельской-то губерніи... Но что же было дѣлать «армяшкѣ»? Прислать сокрушать крамолу, а ее, какъ на зло, нѣтъ да нѣтъ въ Харьковѣ. Поневоля приходится выкапывать дѣла изъ архивовъ...

Наше дѣло было все же относительно свѣжо, а вотъ дѣло Ястремскаго, Чугуевца и др. ужъ совсѣмъ архивное. Еще въ 76 году арестованъ былъ по доносу провокатора чисто пропагандистскій кружокъ Ястремскаго, скоро, впрочемъ, выпущенный изъ тюрьмы. Самъ С. В. Ястремскій бѣжалъ за границу, но стосковавшись по родинѣ, въ 1878 г. воротился и объявился въ жандармское правленіе; несмотря на это былъ арестованъ. Съ его появленіемъ ихъ дѣло быстро пошло къ концу, и въ томъ же году часть, въ томъ числѣ и Ястремскаго, отправили въ административную ссылку, другая ничѣмъ не пострадала и, напр., Чугуевецъ, къ тому времени настолько поправѣвшій, что на одной изъ сходовъ публично высмѣивалъ формулу „свобода, равенство и братство“,—спокойно заканчивалъ университетъ. Лорисъ потребовалъ къ себѣ для пересмотра рѣшенное по высочайшему повелѣнію дѣло, воротилъ изъ ссылки обвиняемыхъ, передать военному суду, который приговорилъ четверыхъ на каторгу. Лорисъ утвердилъ каторгу только для Ястремскаго, а прочихъ

великодушно помиловаль... Это тѣ знаменитые „трое нигилистовъ“ (въ числѣ ихъ и Чугуевецъ!), которые съ тѣхъ поръ непремѣнно фигурировали на страницахъ тогдашней русской и иностранной печати, доказывавшей, сколь великодушень Лорисъ-Меликовъ...

Ожидая суда, мы очень сѣтовали, что процессъ будетъ безъ дамы. Дня за три до врученія актовъ надзиратель говоритъ мнѣ: — Барышня просили у васъ прислать чаю, сахару. — Какая барышня? — Да по вашему же дѣлу. — Что вы плетете, никакой барышни у насъ нѣтъ...

Обвинительный актъ все разъяснилъ: оказывается, мы и не знали, что мы, вмѣстѣ съ г-жей Е. И. Савенко, «составили преступное сообщество съ цѣлью ниспровергнуть существующую власть, для чего и пытались освободить Фомина»... Никому изъ насъ тогда неизвѣстная Е. И. Савенко, оказывается, по просьбѣ Свириденко, заказывала въ Кіевѣ портному жандармскіе мундиры, до чего добрались по клеймамъ, забытымъ на мундирахъ.

3 іюля я въ первый въ жизни разъ ѣздивъ въ каретѣ, — не въ тюремной, а настоящей, взятой изъ свадебнаго бюро. Въ нихъ подъ цѣпью донцовъ съ пиками наперевѣсъ, направленными въ окна каретъ, насъ возили въ судъ. У суда (на Старо-Московской) и во дворѣ его — цѣпный лагерь.

Никогда, ни раньше, ни потомъ, я въ жизни не переживалъ такого веселаго времени, какъ три дня суда (съ 3 по 6 іюля). Даже теперь вспоминается оно съ удовольствіемъ. Нѣсколько омрачало мое настроеніе только секретное сообщеніе мнѣ моего защитника, пом. секретаря военно-окружнаго суда Михайловскаго (гражданскихъ защитниковъ не допускали), что одного рѣшено приговорить къ смертной казни. — Кого? — Должно быть, Березнюка; онъ своей фамиліи не открываетъ, и этому придаютъ особое значеніе. Его считаютъ по манерамъ семинаристомъ, а „простоту“ онъ напускаетъ.

Нужно отдать справедливость непроницательности полиціи, — Березнюкъ былъ матросъ черноморскаго флота и выдавалъ себя на каждомъ шагѣ: полъ у него обязательно палуба, лѣстница — трапъ... Онъ былъ ученикъ Виттенберга (повѣшенъ въ Николаевѣ) и вынужденъ былъ скрыться послѣ неосуществившейся попытки Виттенберга взорвать мину при проѣздѣ Александра II изъ Крыма. Ничего этого тогда власти не знали, и потому я утѣшался тѣмъ, что защитникъ преувеличиваетъ.

Защиту свою мы построили на полномъ отрицаніи всякаго участія, кромѣ „жандармовъ“, которые придумали цѣпья, довольно таки нелѣпыя, небылицы; Березнюковская версія, впрочемъ, вся проникнута была такимъ неподражаемымъ хохладскимъ юморомъ, что мы всѣ попались отъ смѣха.

Моя версія задумана была удачно. Передъ форточкой моей камеры каждую недѣлю въ корридорѣ (зимою) формировались партіи пересылаемыхъ въ уѣздныя тюрьмы, въ томъ числѣ въ богодуховскую, куда перевезенъ былъ Рашко. Черезъ пересы-

лаемых и съ нимъ списался, и вотъ Рашко подаетъ заявленіе: въ бытность въ Харьковской тюрьмѣ онъ изъ окна видѣлъ на прогулкѣ человѣка, похожаго на того, къ которому онъ заходилъ до ареста въ квартиру по билету на окнѣ: „передается квартира“. Если этотъ человѣкъ содержится по его дѣлу, то онъ хотѣлъ бы имѣть очную ставку. Рашко привезли въ Харьковъ, очную ставку дали. На допросѣ я подтвердилъ, что квартиру хотѣлъ передать, собираясь поселиться съ Буцинскимъ, почему послѣдній и перевозилъ къ себѣ часть вещей. Въ своихъ показаніяхъ я прибавилъ, что теперь для меня понятно роковое появленіе клочка пепла: Рашко могъ обронить, а сжегъ, конечно, и вмѣстѣ съ другимъ хламомъ при уборкѣ комнаты.

Не знаю, вѣрили ли, или нѣтъ жандармы этой версіи, но имъ она была невыгодна, если бы была сама истина. Они удостили главарей и должны были для зарекомендовки своихъ способностей, создать главаря. Выборъ палъ на меня. Версія моей защиты все таки была вѣроподобна, ее нужно опровергнуть, — и вотъ выдвигается форменный лжесвидѣтель...

До своего суда я много разъ слышалъ рассказы о лжесвидѣтеляхъ, создаваемыхъ жандармами, но, грѣшный человѣкъ, не вѣрилъ, полагая, что это такая же легенда, какъ и рассказы о поркахъ въ третьемъ отдѣленіи. Только послѣ своего суда я твердо узналъ, что, дѣйствительно, бываетъ...

Дѣло наше слушалось безъ предварительнаго слѣдствія, на основаніи данныхъ первоначальнаго дознанія, и потому многое впервые выплывало на судѣ. Въ числѣ ихъ было показаніе пристава Флавицкаго, буквально огорошившее меня. Выступалъ онъ со стороны обвиненія. Онъ показалъ: въ день попытки освобожденія Фомина помощ. пристава Земборскій докладывалъ ему, Флавицкому, что къ нему являлся извозчикъ, который заявилъ, что онъ возилъ изъ квартиры Ефремова жандармовъ.

— Показаніе Земборскаго въ дѣлѣ есть?

— Онъ докладывалъ устно.

— Я желаю допросить самого Земборскаго.

— Онъ переведенъ въ Черниговъ и за дальностью разстоянія на судѣ не могъ явиться.

— Извозчика вы знаете?

— Нѣтъ, не нашли...

Къ удивленію, ни судѣ, ни прокуроръ, ни даже защитникъ не вмѣшались въ допросъ, и пристава побѣдоносно удалили.

Дѣло-то въ томъ, что переодѣванье жандармовъ происходило въ яру, въ университетскомъ саду, совсѣмъ въ другомъ концѣ города. Оттуда же „жандармы“ вышли и поѣхали въ тюрьму. Штатская одежда „жандармовъ“ была оставлена въ томъ же яру, была подобрана полиціей, настолько не сомнѣвавшейся въ происхожденіи этихъ костюмовъ, что тѣ лежали передъ глазами судей на столѣ вещественныхъ доказательствъ. И на это никто, равно никто не обратилъ вниманія. Свидѣтель-лавочникъ, жившій противъ моей квартиры, вызванный обвиненіемъ, торжественно за-

явился, что въ теченіе 15 лѣтъ, какъ онъ живетъ здѣсь, ни разу онъ не видалъ жандармовъ. Это тоже пропустили мимо ушей...

Это былъ козырный ходъ, послѣ котораго игра моя была явно проиграна. Ложная система защиты, принятая „жандармами“, не давала мнѣ возможности указать на то, что переодѣванье и выѣздъ имѣли мѣсто въ университетскомъ саду: это значило бы въ корень опровергнуть ихъ защиту, такъ какъ они указывали мѣстомъ переодѣванья какой-то имъ неизвѣстный домъ. Сами они какъ-то не догадались сдѣлать это, мнѣ стыдно было обращаться на это ихъ вниманіе, такъ какъ тогда мое положеніе улучшалось на ихъ счетъ, а я вѣдь зналъ, что именно одному изъ нихъ грозить казнѣ. . . И я махнулъ рукой.

Петра Родина обвиняли въ томъ, что онъ—Ивичевичъ; буфетчикъ гостиницы, въ которой происходили переговоры съ письмоводителемъ, показалъ, что «будто-бы немного походить»,— въ дѣйствительности между ними сходства никакого. Главнаго свидѣтеля-письмоводителя какъ-бы не существовало; о немъ, какъ и вообще о всей закулисѣ, на судѣ не упоминалось ни слова: суду это было невыгодно, а намъ мѣшала наша система сплошного отрицанія. Родину же приписано было авторство одной телеграммы, почеркъ которой первоначальная экспертиза признала нѣсколько сходнымъ съ почеркомъ Родина. Но на судѣ, послѣ присяги, четыре эксперта признали, что почеркъ не его. Тѣмъ не менѣе обвиненіе осталось. Родинъ доказывалъ свое алиби, его свидѣтелямъ не вѣрили..

Объ обвиненіяхъ противъ другихъ я распространяться не буду, — фактически они близки къ истинѣ.

Прокуроръ Савинковъ —, „честный судья“ подлѣ старость, — тогда безчестно топилъ истину и требовалъ для всѣхъ смертной казни. Особенно краснорѣчиво доказывать онъ, что 19-лѣтняго Яцевича обязательно нужно повѣсить, и ссылаясь на кассационное рѣшеніе сената, по которому въ 60 годахъ былъ казнень въ Тамбовѣ несовершеннолѣтній убійца цѣлой семьи...

Защитниками были все кандидаты на военно-судебныя должности; лучшій изъ нихъ, кажется, былъ мой — пом. секр. Михайловскій, начавшій рѣчь такъ:

— „Подсудимый Ефремовъ дѣйствительно заслуживаетъ смертной казни, но“ и т. д. Такое начало, впрочемъ, сдѣлано съ моего согласія послѣ довода г. Михайловскаго, что ему только послѣ долгихъ лѣтъ удалось добиться назначенія помощникомъ секретаря, и потому прямая защита опасна для его карьеры...

Защитникъ Е. И. Савенко заірировалъ мысль, что прошли тѣ времена, когда колокола сѣкли и отправляли въ ссылку въ Сибирь...

Лучше всѣхъ отличился защитникъ Родина. Онъ, доказывая неспособность Родина участвовать въ политическомъ движеніи, началъ такъ поносить его, что Родинъ не выдержалъ и среди рѣчи попросилъ слова.

— Я, — заявилъ онъ, — не уполномочивалъ на такую систему защиты и отказываюсь отъ защитника.

Вышелъ скандалъ, судъ прервалъ засѣданіе. Въ слезахъ вбѣгаетъ защитникъ Родина въ нашу комнату:

— Г. Родинъ, ради Бога, спасите. Пятнадцать лѣтъ состою кандидатомъ на судебныя должности, председатель говоритъ, что если вы не возьмете своего отказа обратно, онъ меня уволитъ...

Родинъ согласился.

— Подсудимый Ефремовъ, ваше послѣднее слово.

Что я имъ скажу? Не выворачивать же душу на этомъ совѣтѣ нечестивыхъ... И я началъ заполнять пробѣлы рѣчи защитника, упустившего массу защитительнаго матеріала. Я разбиралъ пунктъ за пунктомъ рѣчь прокурора, показалъ, что онъ одно недоказанное обвиненіе подкрѣпляетъ другимъ недоказаннымъ же, а въ итогѣ — висѣлица. Она дѣйствительно имѣла такую структуру. Въ его рѣчи особенно пикантно было слѣдующее: единственное вещественное доказательство, найденное у меня, достаточно изобличаетъ мою преступность; но еще больше изобличаетъ то, что никакихъ другихъ уликъ не оказалось, такъ какъ это только доказываетъ, съ какими опытнымъ и законченнымъ преступникомъ судъ имѣетъ дѣло...

Прокурору казалось, что послѣ моего слова жертва вырывается изъ петли, и онъ постарался затянуть ее потуже. Вопреки судебнымъ традиціямъ, онъ требуетъ себѣ слова, чтобы отвѣтить на мое «послѣднее слово»... Судъ пораженъ, уходитъ въ совѣщательную комнату, — слово прокурору дано... и вновь висѣлица, висѣлица... Отъ вторичнаго «послѣдняго слова» я отказался.

Родинъ выбралъ содержаніе послѣдняго слова неудачно. Умница, широко начитанный, философъ по характеру и по склонностямъ, Родинъ старался доказать, что онъ только либераль и «дальше „Отечественныхъ Записокъ“ не пошелъ». Послѣдняя фраза мнѣ запомнилась буквально, потому что ее подхватила реакціонная печать въ своихъ нападкахъ противъ легальной печати, доказывая тождество ея съ «нигилизмомъ».

Рѣчь Яцевича была блестяща, но я ее рѣшительно теперь не помню.

Приговоръ поразилъ всѣхъ своей несоразмѣрностью съ дѣяніями, даже принимая ихъ въ формулировкѣ обвинительнаго акта: одного къ смертной казни, — этимъ однимъ оказался я; Рашко, Березнюка и Родина — къ безсрочной каторгѣ; Яцевича — на 15 лѣтъ. Е. И. Савенко — къ 12 годамъ съ замѣной поселеніемъ. А передъ судомъ мой защитникъ, между прочимъ, говорилъ: — Счастье ваше, что председательствовать на судѣ будетъ не самъ председатель, находящійся въ отпуску, а его товарищъ (или какъ онъ тамъ назывался) Г. М. Лейхтъ. Это человекъ мягкій...»

Особенно обидно было за Родину, непричастнаго ни въ какомъ смыслѣ къ дѣлу. Его это угнетало и выдержалъ онъ не-

долго. После тифа въ Иркутской тюрьмѣ его разбилъ параличъ. Еще не оправившагося его прислали на каторгу. Здѣсь подъ толчкомъ одной семейной исторіи, которая при другихъ условіяхъ только скользнула-бы по философу, временно выбивъ его изъ колеи, онъ отравился растворомъ спичекъ и умеръ, не выживъ и года Каторы.

Скоро свихнулся и Рашко, но въ другомъ смыслѣ. Еще дорогой въ вагонъ онъ началъ, повидимому, симулировать манію преслѣдованія. По прибытіи въ Иркутскъ онъ подъ тѣмъ же предлогомъ попросился въ одиночку и оттуда написалъ Лорисъ-Меликову, тогда уже начальнику верховной распорядительной комиссіи, прошеніе о помилованіи, открылъ свое настоящее имя, рассказалъ подробно о нашемъ дѣлѣ. Такимъ образомъ третье отдѣленіе уже тогда знало всю закулисную сторону дѣла и степень нашего участія. Родинъ тогда еще живъ былъ и его не освободили...

А Рашко, несомнѣнный уголовный, былъ помилованъ и поселенъ въ Тюмени, гдѣ, впрочемъ, скоро умеръ. Это одно достаточно характеризуетъ пресловутую „гуманность“ Михаила Тареловича¹⁾.

¹⁾ На своемъ вѣку я зналъ нѣсколько распропагандированныхъ уголовныхъ и всѣ они кончили очень скверно.

Иванъ Ципловъ—крупный уголовный; его рѣчь, въ Нижегородскомъ окружномъ судѣ, гдѣ онъ судился подѣ фамиліей Гармановъ (Гарный тожь) отмѣчена Ядринцевымъ въ его книгѣ „Сибирь, какъ колонія“. Въ Западной Сибири онъ сошелся съ политическими ссыльными, нѣсколько разъ ѣздивъ въ Россію съ порученіями, которыя добросовѣстно исполнялъ. Въ послѣднюю поѣздку былъ арестованъ, оказалъ вооруженное сопротивление, присужденъ къ смерти и помилованъ на каторгу. Монотонность режима нашей каторги невыносима для такихъ натуръ, на своей каторгѣ привыкшимъ и къ большому простору, и возможности испытывать сильные ощущенія, хотя бы въ картахъ, попойкахъ, дракахъ. И онъ выдалъ конспиративныя тюремныя мелочи, былъ переведенъ въ уголовные и окончательно опустился.

Овчинниковъ—„золотая ручка“ кievскихъ карманщиковъ. Молодой, подвижной, рѣшительный. Распропагандированъ, кажется, тѣмъ же Избицкимъ. Убилъ шпіона, приговоренъ къ смерти, произнесъ блестящую, вызывающую рѣчь, написанную, впрочемъ, Малавскимъ. Съ нимъ носились, имъ увлекались. На меня произвелъ непріятное впечатлѣніе хищнической лицевой уголъ и горящіе глаза вырожденца. Въ обществѣнн ему скоро нашли настоящую цѣну и, кажется, это-то охлажденіе послужило толчкомъ къ тому, что онъ выдалъ подконы, буръ и кое какое оружіе въ тюрьмѣ, былъ переведенъ въ Александровскую централку, гдѣ и отбылъ срокъ.

Мельниковъ—подобранъ былъ покойнымъ Санковскимъ изъ босяковъ, имъ же привлеченъ къ участію въ покушеніи на Черевина. Осужденъ на каторгу. Скоро подалъ прошеніе о помилованіи и выпущенъ въ вольную команду. Не помню, выдалъ-ли что, но что его жандармы считали на это способнымъ, доказываетъ такой случай: какъ-то жандармъ, ведшій нашу секретную переписку съ волей, въ темнотѣ передалъ почту ему. Замѣтивъ свою ошибку, потребовалъ почту назадъ и пригрозилъ: если ты скажешь коменданту, то я тебя присрѣлю изъ этого вотъ револьвера...

Оссовскій—какъ уголовный сошелся въ Енисейскѣ съ политическими. Паслушавшись всѣхъхъ рѣчей и не переваривъ ихъ, онъ подалъ на высочайшее имя прошеніе о помилованіи въ такихъ сквернословныхъ выраженіяхъ, что его сочли сумасшедшимъ. Назначено было испытаніе умственныхъ способностей. Собралась комиссія и предлагается ему просклонять слово *trapesa*. Оссовскій начинаетъ: дуракъ, дурака, дураку... Онъ—заика и эффектъ получается необычайный. Признанъ здравомыслящимъ и осужденъ на каторгу, гдѣ дѣлалъ попытки вести себя даже заносчиво—въ отношеніи нѣко-

Приговоръ былъ неожиданъ ни для меня, ни для кого другого. Каторгу, хотя-бы и безсрочную, я принять-бы легко,—къ этому я готовился, какъ къ неизбежной судьбѣ русскаго социалиста, съ мыслью о ней я свыкся. Но смертная казнь — о ней мы всѣ думали только въ шутку. Да она и не вытекала изъ существа нашихъ воззрѣній. Нашъ кружокъ возникъ и закончился въ періодѣ безвременья, когда интеллигенція разочаровалась въ хожденіи въ народъ, въ мирной идейной пропагандѣ и нащупывала новыя формы.¹⁾ Въ 1878 г. шли горячіе споры между приверженцами „городской“ и „деревенской“ дѣятельности. Люди самые близкіе раскалывались по этимъ двумъ категоріямъ, но пока теоретически. Не было еще сѣздовъ ни Липецкаго, ни Воронежскаго, когда опредѣлилось теченіе Народной Воли; всего осенью 1878 г. вышли первые номера „Земли и Воли“. Словомъ, мы ни въ какомъ случаѣ не были террористами, отрицательно относились къ царевубійству и съ этой точки зрѣнія оцѣнивали даже выстрѣлы Соловьева. И вдругъ насъ судятъ, какъ террористовъ.

Я пережилъ ужасные моменты въ первыя минуты послѣ приговора: описать это состояніе у меня не хватаетъ словъ. Но мысли о подачѣ прошенія о помилованіи у меня не являлось. Только на другой день, послѣ объявленія приговора въ окончательной формѣ, меня защитникъ вызвалъ въ какую-то комнату окружнаго суда, гдѣ какіе-то судейскіе члены и, кажется, адъютантъ Лориса заявили мнѣ, что если я подамъ прошеніе о помилованіи, то казни не будетъ. Тутъ-же предложили готовое прошеніе, оставалось только подписать. Все это для меня происходило въ какомъ-то туманѣ. Прочитавъ прошеніе, я нашелъ форму рабскихъ выраженій безусловно непріемлемой и отказался. Но мысль была брошена, а я чувствовалъ, что не могъ-бы умереть съ достоинствомъ, и бодро пойти на эшафотъ. Сопроецессники рѣшили облегчить мнѣ выходъ путемъ пожертвованія собственнымъ достоинствомъ: они *все* подали прошеніе о помилованіи, чтобы облегчить такой же шагъ и для меня. Мнѣ показывали ихъ. Написаны они были съ достоинствомъ, въ вѣселихъ пріемлемыхъ выраженіяхъ. Я согласился на такую же форму. Но черезъ защитника мнѣ дали знать, что для меня, приговореннаго къ смерти, такой тонъ

торыхъ. Во время одной изъ такихъ попытокъ, получивъ афронть, угрожавшій разоблаченіемъ нѣкоторыхъ скверныхъ его продѣлокъ, подавъ прошеніе о помилованіи, переведенъ въ команду, но выдавать ему уже почти нечего было, кромѣ, помнится, нѣкоторыхъ бібліотечныхъ тайнъ, да настроенія тюрьмы, въ тяжелое время голодовокъ, порки Н. Сигиды, отравленій...

¹⁾ Первая прокламація Исполнительнаго Комитета „Новое направленіе“ и т. д. (напечатана въ „Виломъ“) была распространена въ августѣ 1878 г. Въ Курскѣ распространить ее было поручено мнѣ. Рѣшено было разослать по почтѣ. Мой почеркъ жандармамъ уже былъ извѣстенъ и потому я обратился къ оканчивавшему гимназисту Р. Дѣло сошло вполне удачно, но за него пошла въ ссылку въ Красноярскъ акушерка-фельдшерца Ширмеръ. Жандармы напомни, что ея почеркъ схожъ съ надписями на конвертахъ. Г-жа Ширмеръ не подозрѣвала о существованіи прокламаціи и съ нею я по сей день незнакомъ. Такова жандармская экспертиза.

прошенія допустить нельзя... Оставалось всего нѣсколько часовъ до вступленія приговора въ силу, защитникъ привезъ новую редакцію готоваго прошенія. Было здѣсь и отреченіе отъ своихъ убѣжденій, и „припадаю къ стопамъ“... Краска жгучаго стыда заливаетъ мое лицо и теперь, спустя 28 лѣтъ послѣ этого... Я подписалъ...

Я нѣсколько распространился объ этомъ потому, что этотъ ужасный шагъ я считаю самымъ постыднымъ въ моей короткой политической жизни и на шестомъ десяткѣ лѣтъ не могу отдѣлаться отъ гнетущаго чувства при воспоминаніи о немъ.

Долженъ сказать къ чести своихъ товарищей по Карѣ и ссылкѣ,—никто никогда ни единымъ намекомъ не дотрагивался до этого большого мѣста и всетаки при всякомъ теоретическомъ спорѣ, при всякихъ экскурсіяхъ въ прошлое неотступно встаетъ упрекъ: а всетаки ты не въ состояніи умереть за свои убѣжденія...

Философъ по склонностямъ и натурѣ Яцевичъ, наоборотъ, видѣлъ въ этомъ исходѣ процесса даже хорошій результатъ: публика изъ массовой подачи прошеній увидитъ, какихъ мало частныхъ къ движенію и неважныхъ людей такъ жестоко осуждаютъ, и тѣмъ больше будетъ ея негодованіе противъ правительства. Негодованіе дѣйствительно было велико: приговоръ былъ тогда безпримѣренъ по своей жестокости и особенно въ сопоставленіи съ тѣмъ, что самъ Фоминъ, участникъ попытки освобожденія Войнаральскаго, окончившій убійствомъ жандарма, приговоренъ былъ судебной палатой къ 20-ти годамъ каторги...

Случается, что ложь, часто повторяемая, заставляетъ вѣрить въ нее самихъ лжецовъ. Такъ было и съ жандармами: умышленно возведя меня въ званіе главаря харьковскихъ революціонеровъ, они стали считать это непререкаемымъ фактомъ и сообразно съ этимъ и воздѣйствовать на меня. Когда мать, прося свиданія со мной, послѣ приговора была у жандармовъ, то ей прямо рекомендовали предложить мнѣ „перемѣнить арестантскій костюмъ на обыкновенный“, если только я скажу, кто такой Фоминъ и кто убилъ харьковскаго губернатора кн. Кропоткина. Мать, видя, какое ужасное впечатлѣніе произвело на меня это предложеніе, явно показывающее, что подъ ножомъ вырванныя выраженія раскаянія понаты были до такой степени за чистую монету, что меня считали способнымъ на предательство, больше не возвращалась къ этому предмету.

Интересно вотъ что: Кропоткинъ былъ убитъ, когда я уже давно сидѣлъ въ тюрьмѣ, и тѣмъ не менѣе меня спрашивали объ убившемъ его,—очевидно въ серьезъ увѣровали, что безъ меня вода не освятится. Я дѣйствительно зналъ кое-что объ убійствѣ Кропоткина, но совершенно случайно. Въ это время въ тюрьмѣ сидѣлъ харьковскій студентъ Ск—нъ, бывшій ранѣе студентомъ кіевскаго университета. Дня за три до убійства Кропоткина наша тайная почта, въ числѣ другихъ, принесла записочку и С—ну, въ которой, между прочимъ, говорилось: „Пріѣхалъ изъ Кіева на

короткое время обдѣлать одно хорошее дѣльцо. Гришка.“ Въ тюрьмѣ дѣлятся всякими мелочами, и Ск—нъ прислалъ мнѣ и эту записочку. Вечеромъ въ разговорѣ черезъ окно онъ сообщилъ мнѣ, что Гришка—это нѣкто Гольденбергъ, его знакомый по кievскимъ кружкамъ, „неважный человѣкъ, но очень смѣлый“. Когда Кропоткина черезъ три дня убили, для меня не было сомнѣнія въ связи между Гольденбергомъ и убійствомъ Кропоткина.

Кто такой Фоминъ, я узналъ въ тюрьмѣ отъ самаго Фомина, но до того никогда его не видѣлъ и не имѣлъ о немъ ровно никакого представленія. Жандармы же до того мало были знакомы съ психологіей революціонера, что не допускали мысли, чтобы можно было освобождать лично совершенно незнакомаго человѣка.

На этомъ не кончились попытки утилизировать меня для сыска. Очевидно, предполагая, что мое „упорство“ зависитъ отъ давленія товарищей, они неожиданно всѣхъ отправляютъ на каторгу, меня же оставляютъ въ Харьковѣ. Разъ среди глубокой ночи отворяется камера, и ко мнѣ садятъ какого-то прилично одѣтаго господина. Совмѣстное помѣщеніе у насъ не практиковалось, и я сразу же насторожился, хотя все время виду не подавалъ. Субъектъ назвался политическимъ пересыльнымъ, казался очень взволнованнымъ. Характеръ выдерживалъ довольно твердо и только на третій день осторожно, мимоходомъ, навелъ разговоръ на то, кто Фоминъ, кто убилъ Кропоткина, много-ли революціонеровъ въ Харьковѣ и т. п. Но если-бы я самъ былъ не догадливъ, то уголовные открыли бы мнѣ глаза. Окно моей камеры выходило на дворъ, гдѣ они гуляли. И вотъ то и дѣло, удучивъ минуту, когда стража на нихъ не смотритъ, они, оборотаясь къ моему окну, показывали языкъ и сдавливали шею. „Языкъ“—на тюремномъ жаргонѣ значитъ шпіонъ, котораго мнѣ и рекомендовали придушить. Я рѣшилъ иначе,—и виду не показавъ, что я знаю, съ кѣмъ дѣло имѣю, развлекался съ нимъ, оказавшимся человѣкомъ бывалымъ, разговорами, но отъ меня онъ не выудилъ ни одного нужнаго ему звука, и черезъ недѣлю его убрали.

Какъ то мать и сестра приходятъ на свиданіе. Ихъ просятъ—обождать, а въ это время меня заковываютъ въ кандалы, обриваютъ половину головы и только тогда ведутъ на свиданіе. Кто не видѣлъ такого преображенія, не пойметъ того ужаснаго впечатлѣнія, которое оно производитъ на свѣжаго человѣка. Это какъ бы половинки двухъ разныхъ лицъ, склеенныя вмѣстѣ. Съ матерью обморокъ, слезы... Лично на меня все это издѣвательство ровно никакого впечатлѣнія не произвело, а кандалы даже нравились: когда ихъ снимаешь, такое хорошее, легкое состояніе, точно у тебя крылья выросли. Но меня глубоко возмущало издѣвательство надъ родными: вѣдь могли-бы продѣлать маскарадъ послѣ свиданія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ безусловно незаконенъ,—такъ какъ надъ привилегированными обрядъ этотъ могъ совершаться только по прибытіи на каторгу. Это понималъ даже архаическій тюменскій приказъ о ссыльныхъ, „возстановившій меня въ правахъ“ разрѣшеніемъ обрить и вторую половину головы.

Но „армяшкѣ“ нуженъ былъ эффектъ, чтобы заставить меня во благо его карьеры совершить подлое дѣло.

6 августа въ 3 часа у меня должно было быть свиданіе съ матерью и сестрой. Около этого времени меня вызываютъ въ каторгу, гдѣ я засталъ жандармскаго офицера Голубя. Онъ смотрѣлъ на меня злыми желтыми глазами.

— Что скажете?—Задастъ онъ вопросъ.

— Вы меня вызывали.

— Вы намъ ничего не скажете?

— Я мой отвѣтъ далъ.

— Смотрите, послѣ будете каяться, но будетъ поздно: черезъ часъ васъ отправляютъ на каторгу.

— Я только этого и хочу.

— Ну, такъ идите,—злобно прошипѣлъ жандармъ.

Но за эту неудачу онъ жестоко отмстилъ.. матери и сестрѣ: когда въ 3 часа онѣ пришли на свиданіе, ихъ попросили придти въ 4. Но когда онѣ снова явились, меня уже поѣздъ уносилъ на каторгу...

Дѣло наше очень мелко и ни въ малой мѣрѣ не вліяло на ходъ событій, какъ и сами мы люди мелкаго калибра—пушечное мясо революціи, статисты. Но мнѣ казалось, что заглянуть за кулисы провинціальной конспираціи и въ душу статиста не безынтересно. Вѣдь подобная намъ масса статистовъ образовала ту канву, на которой черезъ годъ вышивала свои историческіе узоры великая „Народная Воля“...

Впрочемъ, нужно сдѣлать оговорку: изъ „мы“ нужно исключить Н. В. Яцевича. Въ кружкѣ мы его цѣнили, но какъ то не замѣчали его превосходства надъ собой. Оцѣнилъ его сторонній человѣкъ,—С. Н. Южаковъ, встрѣтившійся съ Н. В. въ Мценской центральной пересыльной тюрьмѣ.

Я попалъ въ нее уже по отъѣздѣ моихъ сопропесниковъ. Заговоривъ какъ то о нашемъ дѣлѣ, С. Н. отозвался о Яцевичѣ буквально такъ:

— Какой геніальный юноша!

Фразу эту запомнилъ именно потому, что въ мелочахъ текущихъ конспирацій превосходству Яцевича не на чѣмъ было проявиться и мы не замѣчали этого превосходства. . .

Беззаконный судъ и долгая—долгая каторга съѣли силы и этого исключительнаго человѣка...

В. С. Ефремовъ.

Документъ къ дѣлу Валеріана Лукасинскаго 1).

Министерство Военное. Канцелярія Министерства. По секретной части. Въ Санктпетербургѣ. 5 іюня 1850 года, № 111. О Государственномъ преступникѣ Валеріанѣ *Лукасинскомъ*. Его Сіятельству Графу А. Ѳ. Орлову.

Милостивый Государь, Графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ!

Предписаніемъ моимъ отъ 21-го Декабря 1830 года за № 761, объявлено Шлиссельбургскому Коменданту, Высочайшее повелѣніе, доставленнаго изъ Бобруйска преступника Царства Польскаго *Лукасинскаго*, принять и содержать въ Шлиссельбургской крѣпости, какъ Государственного преступника самымъ тайнымъ образомъ, такъ что бы, кромѣ Коменданта крѣпости, никто не зналъ даже его имени и откуда привезенъ въ заключеніе.

Въ Маѣ сего года, во время отсутствія Вашего Сіятельства изъ Санктпетербурга, Управляющій 3-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, отношеніемъ № 1018, просилъ сообщить ему, о преступленіи *Лукасинскаго* и о состоявшемся надъ нимъ приговорѣ суда.

Въ слѣдствіе сего, имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что во вѣренномъ мнѣ Военномъ Министерствѣ хранятся въ глубокой тайнѣ:

1) Секретное дѣло, о сдѣланныхъ распоряженіяхъ для перевода Государственного преступника *Лукасинскаго* изъ Бобруйска въ Шлиссельбургскую крѣпость.

и 2) Запечатанный конвертъ, заключающій присланныя Генераломъ Фельдмаршаломъ Княземъ Варшавскимъ, о преступникѣ Царства Польскаго *Лукасинскомъ* и сопричастныхъ его заговору лицахъ, нѣкоторыя бумаги и черновые весьма перемаранные отпуски, которые найдены были въ Архивахъ: военнаго Отдѣленія Главнаго Секретаріата покойнаго Цесаревича и Канцеляріи Сенатора Новосильцева и въ описи сего дѣла, имѣется отмѣтка, что другія хранившіяся въ секретномъ Архивѣ дипломатическаго Отдѣленія Секретаріата бумаги о *Лукасинскомъ*, захвачены въ 1830 году Польскими мятежниками.

Изъ оставшихся же въ дѣлостіи бумагъ, имѣются о преступленіи *Лукасинскаго*, слѣдующія свѣдѣнія:

Служавшій въ 4-мъ Линейномъ полку бывшей Польской Арміи, Майоръ Валеріанъ *Лукасинскій*, былъ главнымъ основателемъ въ 1819 году тайнаго общества подъ названіемъ *національнаго Масонства*.

Это общество, учрежденное подъ видомъ взаимной помощи и поддержанія національности, *Лукасинскій* наружно раздѣлитъ на Масонскія ложи, съ

1) Біографію Лукасинскаго см. въ книгѣ „Галлерей Шлиссельбургскихъ узниковъ“.

присвоеніемъ каждой Масонскихъ обрядовъ и украшеній, но въ то же время, распространяя въ нихъ свои мятежническія помысленія постепеннымъ образомъ, приготавлиая нѣкоторыхъ членовъ, раздѣлявшихъ его мысли, къ исполненію своихъ политическихъ замысловъ.

Стремясь къ этой цѣли, *Лукасинскій* учредилъ три степени національнаго Масонства; присвоилъ каждой, особое свойство, а именно: первой, постоянство; второй, мужество; третій, отважность. — Четвертую степень или Капитулъ составляли главные зачинщики подѣ предѣдательствомъ *Лукасинскаго*, присвоившаго себѣ званіе великаго Магистра.

Этотъ капитулъ, сокрытый предъ низшими тремя степенями въ качествѣ верховной невидимой власти, общества, одинъ только зналъ тайную политическую цѣль *Лукасинскаго*, ниспровергнуть законное Правительство и возстановить изъ всѣхъ владѣній древней Польши одно отдѣльное Государство подѣ управленіемъ Короля избираемаго изъ Поляковъ.

Лукасинскій, распредѣлялъ Членовъ въ ту или другую степень масонства по мѣрѣ къ нимъ своей довѣренности и опредѣлялъ для каждой степени отзывъ или познавательное слово; — они были слѣдующіе: первой степени, сперва Стефанъ Ваторій, а потомъ Чарнецкій; второй степени, Болеславъ Храбрый и третьей степени Замоискій и Понятовскій.

Вскорѣ, въ трехъ низшихъ степеняхъ Масонства, произошли между Членами раздоры, они были недовольны самовластными распоряженіями *Лукасинскаго*; возставали за чѣмъ, онъ самъ набиралъ въ Члены, безъ общаго согласія общества и распространялъ въ ихъ ложахъ мятежническія помысленія, а по всему этому, требовали отъ него соблюденія всѣхъ обрядовъ и установленій масонскихъ ложъ.

Лукасинскій, опасаясь дурныхъ послѣдствій отъ обнаружившихся въ обществѣ неудовольствій, призналъ благоразумнѣйшимъ, отдѣлиться отъ Членовъ, не согласныхъ съ его помысленіями и для этого онъ объявилъ тремъ низшимъ степенямъ національнаго Масонства, объ уничтоженіи ихъ общества но, въ то же самое время, *Лукасинскій* сбросилъ маску Масонства съ секретнаго того же общества Капитула, составленнаго, какъ уже объяснено, изъ главныхъ его сообщниковъ и учредилъ изъ него въ 1820 году, другое тайное общество, имѣвшее одну политическую цѣль.

Вмѣстѣ съ тѣмъ основатели новаго тайнаго общества рѣшили распространить оное вездѣ, гдѣ только господствовалъ Польскій языкъ и для сего, послали во всѣ древнія владѣнія Польши, эмиссаровъ подѣ видомъ путешественниковъ, а въ Парижъ, отправленъ нѣкто *Карскій* съ инструкціею написанною *Лукасинскимъ*, для печатанія тамъ, дерзкихъ возраженій, противъ распоряженій высшаго нашего Правительства.

Заговорщики раздѣлились на десятки или гмины; нѣсколько гминъ составляло округъ, а нѣсколько округовъ, образовало Провинцію. — Директоры Провинцій, назывались путеводаителями (Przewodnicy).

Поступившій въ это тайное общество, долженъ былъ присягнуть, принося клятву повиноваться какъ существующимъ ихъ законамъ, такъ и тѣмъ, которые могутъ быть, имъ въ послѣдствіи предписаны для исполненія; предпochсть смерть, но не открывать свою тайну; не шадить кровь, не только измѣнившихъ ихъ обществу, но и тѣхъ которые будутъ дѣйствовать противно ихъ замысламъ и наконецъ не писать ни какихъ бумагъ относящихся до тайнаго общества.

Уставы національнаго Масонства и новаго тайнаго общества, а также конституція, были сочинены *Лукасинскимъ*; эти уставы и всѣ другія бумаги о ихъ замыслахъ, всегда хранились у одного *Лукасинскаго*, который какъ и другіе Члены общества, желая скрыть свои фамиліи, подписывали ихъ древними именами сообразно первоначальнымъ буквамъ своихъ фамилій, такимъ образомъ въ числѣ прочихъ *Лукасинскій* подписывалъ бумаги учрежденныхъ имъ обществъ, не иначе какъ *Ликургъ*.

Наконецъ въ 1822 году, заговоръ ихъ открытъ и виновные арестованы.

При слѣдствіи *Лукасинскій* ни въ чемъ не сознавался, а разными изворотами запутывалъ только дѣло, увѣряя, что общество ихъ составляло обыкновенную масонскую ложу, учрежденную будто бы по внушенію Генерала Рожнецкаго; относительно своихъ бумагъ по дѣламъ общества, давалъ ложныя показанія, сперва, что онъ ихъ сжегъ, потомъ, что онъ зарылъ ихъ въ г. Прагъ, но будучи туда приведенъ, бумагъ своихъ не представилъ слѣдователямъ.

Слѣдственная коммиссія, обнаруживъ всѣ обстоятельства сего дѣла и сообразивъ показанія его сообщниковъ, признала *Лукасинскаго* Государственнымъ преступникомъ и главнымъ основателемъ двухъ тайныхъ обществъ.

1) Въ 1819 году, общества національнаго Масонства, составленнаго преимущественно изъ военныхъ лицъ: капитулъ этого общества знали тайную политическую цѣль *Лукасинскаго*.

2) Въ 1820 году, тайнаго общества имѣвшаго одну политическую цѣль неспровергнуть законное Правительство, произвести всеобщій мятежъ и учредить изъ всѣхъ владѣній древней Польши независимую Польскую республику.

Лукасинскій и главные его сообщники, за изложенныя преступленія, были преданы верховному военному суду, учрежденному подъ предѣлательствомъ Генерала Гауке.

Военный судъ опредѣлилъ: *Лукасинскаго*, за совершенныя имъ Государственныя преступленія, лишить чиновъ, принадлежащихъ ему правъ состоянія и обратить его на десять лѣтъ въ крѣпостныя работы съ заключеніемъ въ кандалы.

Согласно Высочайшей Государя Императора конфирмаціи, послѣдовавшей 12—24 Августа 1824 года, Маіоръ Валеріанъ *Лукасинскій*, въ присутствіи всѣхъ войскъ бывшихъ въ Варшавѣ, лишенъ чиновъ, принадлежащихъ ему правъ состоянія и закованъ въ кандалы, съ назначеніемъ вмѣсто десяти на семь лѣтъ въ крѣпостныя работы, для чего и отправленъ подъ строгимъ карауломъ въ крѣпость Замосць.

Послѣ того, *Лукасинскій* сдѣлалъ новое преступленіе, подговоривъ одного арестанта къ бунту, произведенному въ Замосцѣ слѣдующимъ образомъ:

16—26 Августа 1825 года, при распредѣленіи на Инженерныя работы 208 арестантовъ, одинъ изъ нихъ, поступившій въ крѣпостныя работы изъ простыхъ солдатъ, за неоднократныя побѣги, нѣкто *Суминскій*, вышелъ изъ своего ряда, стремительно бросился на конвойнаго Улана, опрокинулъ его и вырвавъ у него саблю, кричалъ предъ фронтомъ арестантской команды: „Ура! да здравствуетъ честь и свобода, Маіоръ *Лукасинскій*, совершивъ, что рѣшали!“ Послѣ того, *Суминскій*, видя, что арестанты и въ томъ числѣ *Лукасинскій* оставались спокойно на своихъ мѣстахъ, бросился уже на нихъ и ударами сабли, обратилъ ихъ ряды въ безпорядокъ.

Вскорѣ возмущеніе прекращено, къ чему даже способствовали нѣкоторые арестанты.

При слѣдствіи, *Суминскій* показалъ, что *Лукасинскій* убѣдилъ его произвести возмущеніе, увѣряя при томъ, что для сего, стоитъ только ему вырвать у конвойнаго саблю и что за этимъ подвигомъ, *Лукасинскій* самъ слѣдуетъ всѣ распоряженія для общаго ихъ освобожденія. Кромѣ того, *Суминскій* сообщилъ, что *Лукасинскій* предполагалъ въ случаѣ удачнаго возмущенія, выгнать изъ крѣпости весь гарнизонъ и запершись въ Замосцье, просить милости Его Величества, а между тѣмъ, заложить во всѣхъ крѣпостныхъ сооруженіяхъ мины, для взорванія крѣпости, если бы не удалось имъ предположенною мѣрою, получить свободу.

На допросѣ *Лукасинскій*, не подтвердилъ это показаніе, но сознался, что подговорилъ *Суминскаго*, произвести возмущеніе съ намѣреніемъ спастись при этомъ бѣгствомъ.

Военный судъ приговорилъ за это преступленіе *Лукасинскаго* и *Суминскаго* къ смертной казни; но покойный Цесаревичъ, имѣя въ виду, что опредѣленный имъ срокъ наказанія за первыя ихъ преступленія еще не окончился, приказать изволилъ: въ присутствіи всѣхъ арестантовъ, подвергнуть *Лукасинскаго* и *Суминскаго* строгому тѣлесному наказанію и заковать руки и ноги въ кандалы, обратить ихъ на самыя тяжелыя работы, съ тѣмъ, чтобы опредѣленный для нихъ срокъ нахожденія въ крѣпостной работѣ, былъ имъ удовлетворенъ.

Въ 1826 году, по встрѣтившейся надобности для допросовъ по возникшимъ новымъ заговорамъ, *Лукасинскій*, былъ привезенъ въ Варшаву, гдѣ своими тайными показаніями, онъ принудилъ *Добржичскаго* признаться въ такихъ обстоятельствахъ, о которыхъ онъ умалчивалъ и тѣмъ весьма много облегчилъ слѣдственное розысканіе на счетъ заговора Полковника *Кржижановскаго*, бывшаго только продолженіемъ заговора *Лукасинскаго*.

Кржижановскій съ своими сообщниками былъ сужденъ Сенатомъ Царства Польскаго въ 1827 и 1828 годахъ.

Лукасинскій же, съ того времени содержался подъ арестомъ, сначала при пѣшей Гвардейской Артиллеріи въ М. Гуры, а потомъ въ Варшавѣ при Лейбъ Гвардіи Волынскомъ полку. Въ 1830 году, были сняты у него съ ногъ желѣзныя кандалы, а при случившемся въ томъ году мятежѣ въ Варшавѣ, Лейбъ Гвардіи Волынскій полкъ, при выступленіи своемъ съ прочими Россійскими войсками изъ Варшавы, исполняя вѣрно, данное ему приказаніе, взялъ съ собою изъ подъ ареста Государственнаго преступника *Лукасинскаго* и сопровождая его въ пути по Царству Польскому, доставилъ *Лукасинскаго* благополучно въ Высоко-Литовскъ, не смотря на самыя дѣятельныя о немъ розысканія Поляковъ. Потомъ, по волѣ покойнаго Цесаревича, *Лукасинскій*, приставъ былъ къ Командиру 6-го пѣхотнаго корпуса Генераль-Адъютанту Барону Розену, для отправленія въ Вобруйскую крѣпость, откуда, какъ выше объяснено, *Лукасинскій*, по Высочайшему повелѣнію, привезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Генераль Графъ Курута, отъ 23-го Декабря 1831 года отозвался, что блаженныя памяти покойный Цесаревичъ, какъ ему помнится, полагалъ, что *Лукасинскій* за произведенное имъ возмущеніе въ крѣпости Замосцье, долженствовалъ быть осужденнымъ на двадцати лѣтній арестъ, но это свѣдѣніе, не сходно съ собственнымъ Генераль Графа Курута предписаніемъ отъ 4—16 Ок-

тября 1825 года за № 1977, по которому, *Лукасинскому* удвоенъ семилѣтній срокъ заключенія въ крѣпости и сверхъ того, опредѣлено ему тѣлесное наказаніе.

Впрочемъ, по мнѣнію покойнаго Цесаревича, преступленія *Лукасинскаго* столь важны, что Его Императорское Высочество, признавать изволилъ происшедшій въ 1830 году мятежъ въ Царствѣ Польскомъ, только послѣдствіемъ двухъ предшествовавшихъ ему заговоровъ *Лукасинскаго* и *Кржижановскаго*.

Сообщая всѣ эти свѣдѣнія о важныхъ Государственныхъ преступленіяхъ *Лукасинскаго*, Вашему Сіятельству, покорнѣйше прошу, Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности

(подписаль): *Чернышевъ*.

ВОСПОМИНАНІЯ.

Шестидесятые и семидесятые годы.

(Продолженіе ¹⁾).

VI.

И я попалъ въ «неблагодѣтельные». Обыкновенно таковыхъ переводили въ отдаленные гарнизоны, но вѣроятно я былъ очень неблагонамѣренный, потому, что исправительная мѣра, примѣненная ко мнѣ, была оригинальнѣе. Я, какъ вѣчный жидъ въ миниатюрѣ, перекочевывалъ, нигдѣ не задерживаясь, изъ Москвы въ Аккерманъ, оттуда въ Екатеринославъ, потомъ въ Миргородъ и, наконецъ, въ Туркестанъ. Правда, грозное «иди! иди! иди!» въ примѣненіи къ гонимому офицеру принимало обычную форму «предписанія» съ приложеніемъ прогонныхъ денегъ и вовсе не было страшно. Также несомнѣнно, что всюду мнѣ сопутствовала дурная аттестація и командиры старались сбыть меня съ рукъ при первомъ случаѣ; но я былъ очень молодъ и любознателенъ и эти переѣзды мнѣ были пріятны.

Въ Миргородѣ я имѣлъ счастье видѣть декабриста Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола. Тамъ я прожилъ часть осени и зиму 64 года. Д-ръ К. имѣлъ небольшую, но хорошую библіотеку и любилъ молодежь, которая ему отвѣчала тѣмъ-же. Однажды я былъ у доктора и онъ предложилъ мнѣ отправиться на литературный вечеръ съ благотворительной цѣлью къ декабристу Матвѣю Ивановичу Муравьеву-Апостолу, который жилъ тогда въ своемъ имѣніи верстахъ въ 26 отъ города. Я и мой пріятель N. пріѣхали туда задолго до начала. Насъ ввели въ комнату, которая больше была похожа на теплицу, чѣмъ на пріемную. Черезъ нѣсколько минутъ послышались шаги и за цвѣточными горшками мелькнулъ силуэтъ высокаго, плотнаго, сѣдого человѣка. Это былъ хозяинъ. Мы встали; и онъ подошелъ къ намъ, и на нашъ глубокій поклонъ отвѣтилъ рукопожатіемъ. Муравьевъ-Апостолъ мнѣ показался свѣжимъ и здоровымъ старикомъ. Онъ спросилъ гдѣ я учился и давно ли на службѣ, и замѣтивъ мой штабъ-капитанскій чинъ, спросилъ: «не служилъ ли я прежде въ

¹⁾ См. Былое. Апрель.

гвардіи? Мнѣ такъ хотѣлось сказать ему о любви и почтеніи военной молодежи къ нему и его друзьямъ. Вѣроятно, это желаніе отразилось на моемъ лицѣ, въ моихъ взглядахъ и нерѣшительныхъ попыткахъ сказать ему болѣе, чѣмъ нужно было отвѣтить на его вопросы. Но мнѣ показалось, что привѣтливое его лицо стало серьезно; я смутился и замолчалъ. Онъ любезно улыбнулся, протянулъ намъ руку и спросилъ, не играемъ ли мы на билліардѣ, и ушелъ, а насъ провели въ билліардную. Между тѣмъ, концертный залъ наполнился публикой: съѣхались не только изъ ближайшихъ уѣздовъ, но и изъ Полтавы. Въ первомъ ряду сидѣлъ Муравьевъ-Апостолъ съ своими родными и гостями изъ Петербурга; нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ вокальномъ отдѣленіи вечера. Изъ литературнаго чтенія я помню только, что д-ръ К. читалъ поэму Некрасова «Филантропъ»; по окончаніи программы публику пригласили пить чай въ столовую. Кругомъ стѣнъ тянулись мраморные прилавки, уставленные чайной посудой, фруктами, печеніемъ и проч. На обратномъ пути извозчики и кучера не могли достаточно нахвалиться пріемомъ: ихъ сытно накормили, а лошадямъ дали вволю овса и сѣна. Хохоль, который насъ везъ, называлъ Муравьева «нашъ гетманъ».

Въ 70-мъ году поздней зимой, вечеромъ въ какомъ-то большомъ промышленномъ селѣ на Волгѣ, проѣзжая изъ Казани въ Нижній, я вошелъ на почтовую станцію и просилъ смотрителя дать мнѣ поскорѣ лошадей. Смотритель просилъ обождать немного и указалъ на комнату для проѣзжающихъ. Я вошелъ и увидѣлъ сцену, мнѣ непонятную. Человѣкъ пятьдесятъ стояли молча, полукругомъ, нѣсколько шаговъ отступя отъ стола и смотрѣли въ уголъ подъ образами. Въ толпѣ было нѣсколько человѣкъ, очень хорошо одѣтыхъ, гораздо больше было мастеровыхъ, были крестьяне и крестьянки. За столомъ въ красномъ углу сидѣлъ небольшого роста сѣдой старикъ, съ розовымъ лицомъ, въ ситцевой рубашкѣ и мѣщанскомъ сюртукѣ; рядомъ съ нимъ сидѣли дѣвочки лѣтъ 8—10 въ ситцевомъ платьѣ и высокая, молодая женщина въ простомъ сарафанѣ. Толпа, поглощенная какою-то мыслью, затаивъ дыханіе, смотрѣла на нихъ. Не слышно было ни шороха, ни вздоха. Строгое выраженіе лицъ, на которыхъ не было замѣтно ни малѣйшаго слѣда празднаго любопытства, необычайная тишина, разстояніе, на которое толпа почтительно отступила отъ сидящихъ въ красномъ углу, взоры, прикованные къ нимъ, все это меня сразу захватило и я сталъ смотрѣть туда, куда смотрѣли всѣ... Я шепотомъ спросилъ сосѣда: кто онъ? Онъ тихо отвѣтилъ: «изъ Сибири, Бестужевъ».

Такъ мы стояли и смотрѣли на Бестужева, пока смотритель не доложилъ ему, что лошади готовы. Бестужевъ и его спутницы стали одѣваться, и толпа заволновалась... Когда путники двинулись, толпа почтительно разступилась и молча кланялась имъ въ поясъ. И они кланялись. Смотритель подтвердилъ мнѣ, что это былъ Бестужевъ, а если это такъ, то это былъ Михаилъ Бестужевъ, такъ какъ его братьевъ уже не было въ живыхъ.

VII.

Я простился съ родными; повидался въ Москвѣ съ друзьями и отправился въ Ташкентъ. На пути между Нижнимъ и Казанью я познакомился съ семьею А-хъ, которая возвращалась изъ Москвы въ Уфу. Молодая дѣвушка лѣтъ 17 и юноша лѣтъ 18 были такъ милы, такъ простосердечны и дружелюбны, что мы всю дорогу оставались неразлучными и весело проболтали. Мнѣ было 22 года, но я былъ моложавъ и походилъ на игрушечнаго офицера, и они не замедлили со мною подружиться. Къ намъ подходили не разъ отецъ и мать—люди патриархально простодушные и добрые и вступали въ бесѣду. Старшій А—въ пожелалъ узнать куда и зачѣмъ я путешествую и когда я сказалъ, что ѣду не по своей волѣ на войну, въ жаркія туркестанскія пустыни, всѣ они отнеслись ко мнѣ съ глубокимъ состраданіемъ, и съ этого момента я сталъ членомъ этой семьи, обласкавшей и пригрѣвшей меня. Они безъ труда уговорили меня ѣхать съ ними въ Уфу и прогостить у нихъ хоть недѣлку. Тамъ я узналъ, что А. богатый золотопромышленникъ и очень уважаемый человѣкъ и, что молоденькая дочь его уже около года замужемъ. Въ Уфѣ я прожилъ недѣли двѣ, хотя старикъ А. и уговаривалъ меня отложить свой отъѣздъ еще на двѣ недѣли, общаясь со мною самолично доставить въ Оренбургъ черезъ Троицкъ, куда онъ выѣзжалъ по своимъ дѣламъ. Старшіе А—вы говорили мнѣ ты, а молодые называли просто по имени. Старики любовно журили меня, когда я этого заслуживалъ, также какъ и своихъ дѣтей. На ночь, когда они удалялись, мы втроемъ цѣловали руки у А—хъ; они насъ крестили и шептали молитву, а потомъ цѣловались съ нами. Послѣ обѣда когда А—вы уходили отдыхать, мы оставались одни и у насъ начиналась длинная бесѣда. Эти хорошіе, но простосердечные дѣти считали причиною добра и зла въ жизни добрую и злую волю, вложенную въ сердца людей Богомъ и не помышляли о социальномъ происхожденіи морали. Подавленный авторитетомъ любимыхъ писателей, я и мысли свои выражалъ афоризмами, взятыми у нихъ. Такъ я доказывалъ, что «собственность есть кража», что «государство есть заговоръ, имѣющихъ собственность противъ неимущихъ». Они слушали меня съ большимъ удивленіемъ, но признавали мои разсужденія правильными, оговариваясь только, что «нашъ папаша добрый христіанинъ и не обижаетъ своихъ рабочихъ, заботится о нихъ какъ о своихъ домохозяевахъ и они его любятъ». Это такъ и было. Затѣмъ они неожиданно спрашивали меня: «правда ли, что Бога нѣтъ, какъ доказываютъ ученые»? Разрушать ихъ дѣтскую вѣру я считалъ дѣломъ жестокимъ и напраснымъ потому, что вѣра ихъ была глубока, счастливила ихъ, а я поклонникъ Фейербаха, говорилъ имъ вещи въ сущности для нихъ очень темныя: что въ Бога можно вѣрить, или не вѣрить, но доказывать его бытіе невозможно, потому, что положительное и отрицательное рѣшеніе этого вопроса одинаково несостоятельны, что «теологія есть въ сущности антропологія»: «каковы люди, таковы ихъ боги», ибо «Богъ есть обожествленная сущность человѣка» и «Богословіе есть чело-

вѣкословіе»; что религіозная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы преобразовать: «поклонниковъ въ работниковъ», «кандидатовъ загробной жизни въ студентовъ настоящей жизни», «полуангеловъ и полуживотныхъ (по Лютеру) въ людей, полныхъ людей». (Все это изъ Фейербаха). Они удивлялись, вѣрили моимъ словамъ и, какъ это часто бываетъ, принимая повидимому новшество, оставались при своей старой глубиной вѣрѣ. Когда я бесѣдовалъ, я закуривалъ сигару. Дѣло въ томъ, что отправляясь на войну въ невѣдомую страну я предвидѣлъ, что мнѣ предстоятъ испытанія и для душевнаго успокоенія я купилъ себѣ нѣсколько сотенъ сигаръ, слѣдуя указанію Писарева, что «сигара дѣйствуетъ очень благотворно на мыслящаго реалиста». Когда я закуривалъ сигару кто-нибудь изъ моихъ собесѣдниковъ становился на стражѣ у дверей. «Вамъ достанется, если папаша увидитъ, что вы курите: папаша не любитъ табачнаго запаха», говорили мнѣ. Я, старый кадетъ, нашелъ компромисъ, который привелъ моихъ друзей въ восторгъ: поставилъ къ печкѣ стулъ, открылъ трубу и курилъ, стоя на стулѣ, чтобы дымъ уходилъ въ трубу. Эта уловка была для нихъ такъ нова и такъ ихъ заинтересовала, что они сами по очереди стали пускать дымъ въ отдушину. Однажды, въ тотъ моментъ, когда молодая дама курила на стулѣ въ трубу, а мы ожидали своей очереди, дверь отворилась и вошелъ отецъ. «Это что такое?! Поди сюда! Дохни на меня! Ахъ какая гадость! Молоденькая женщина, а отъ нея воняетъ табачищемъ! Какъ тебѣ не стыдно Мих. Юльевичъ, ты старшій и долженъ удерживать ихъ отъ глупостей, а ты учишь молокососовъ курить!» Я извинился и объяснилъ, что только одинъ курилъ, а его дѣти забавлялись пуская струи дыма въ трубу. Онъ успокоился и разсмѣялся, но упросилъ меня бросить курить, по крайней мѣрѣ, до отъѣзда. Передъ отъѣздомъ старикъ А—въ позвалъ меня въ кабинетъ и предложилъ мнѣ денегъ на дорогу. Я горячо благодарилъ его, но отъ денегъ отказался, такъ какъ у меня ихъ было болѣе чѣмъ достаточно. Все же семья осыпала меня подарками и взяла съ меня слово писать имъ съ дороги и съ мѣста, а на возвратномъ пути заѣхать къ нимъ погостить. Мать надѣла на меня серебряное распятіе на цѣпочкѣ и подарила серебряную гребенку, отецъ заставилъ меня взять рублей на 25 гривенниковъ, чтобы платить ямщикамъ на чай; дочь подарила вязанный изъ зеленаго шелка кошелекъ съ серебряными кольцами, а сынъ серебряную спичечницу. Я промчался быстро по прекрасной Башкиріи. Кузовъ повозки—плетеная корзинка былъ поставленъ посерединѣ длинныхъ дрогъ и бѣшеная ѣзда на отличныхъ лошадкахъ была спокойна и пріятна. Въ Оренбургѣ я узналъ, что вновь сформированный Туркестанскій стрѣлковый баталіонъ, куда я былъ назначенъ, уже подходитъ къ форту Перовскаго.

На пути въ Ташкентъ мы съ попутчикомъ гр. Т. заѣхали въ Орскѣ къ пріятелю Т., купцу Мякинькому. Мякинъкій принялъ насъ очень радушно: облобызался съ нами и усадилъ въ бухарскую палатку, поставленную на дворѣ. Мы сѣли на коверъ по-турецки, т. е. поджавъ ноги калачикомъ. У нашего хозяина все было по-азіатски и такъ

странно было видѣть въ азіатскомъ облаченіи обликъ русскаго купца съ энергичными, но чисто купецкими тѣлодвиженіями. Онъ дружелюбно смотрѣлъ то на меня, то на Т., и его живые сѣрые глаза улыбались, а чисто-русская рѣчь сыпалась, какъ горохъ. Потомъ эта маленькая сѣденькая фигурка въ зеленомъ шелковомъ халатѣ, въ шитой золотомъ тибитейкѣ, въ синихъ, расшитыхъ шелкомъ шароварахъ изъ замши быстро вскакивала и энергично отдавала на татарскомъ языкѣ приказанія прислугѣ. Вся прислуга—его же приказчики—были татары, и угостилъ онъ насъ по-азіатски: пловомъ и пельменями съ уксусомъ. Этотъ цвѣтушій старикъ лѣтъ 65 водилъ уже давно свои караваны въ Хиву и Бухару и далъ намъ не мало полезныхъ совѣтовъ. «Вы гг. напрасно взяли съ собой закуски: все это протухнетъ! Вы, ваше сіятельство, охотникъ: возьмите съ собой котелокъ да треногу, да мѣдный чайникъ. Купите здѣсь гречневой крупы и малороссійскаго сала. Поѣдете по Иргизу тамъ дичи видимо-невидимо. Изъ дичи варите бульонъ, а на бульонѣ варите кашицу съ саломъ. Только въ Кара-Кумѣ вамъ будетъ трудно. Запаситесь бутылками, обшитыми кошмою и берите въ дорогу вареной воды, а еще лучше чаю. Вода въ Кара-Кумахъ горько-соленая, да и та встрѣчается на станціяхъ; а станціи длинныя, по ихнему 5—6 ташъ, по нашему верстъ 40—50 а кто ихъ мѣрилъ? А поѣдете берегомъ Дарьи, тамъ опять, въ камышахъ, да въ заросляхъ саксаула, водятся фазаны». Мы сказали, что взяли съ собой нѣсколько бутылокъ коньяку: «это хорошо, одобрилъ онъ, только вы гг. не пейте никогда водки; водка по тому климату нездорова; когда нужно пейте спиртъ: понемножку, наперсточкомъ; Боже васъ сохрани не пейте водки, а спиртъ пейте наперсточкомъ и будете здоровы!» Подъ его диктовку мы записали русскими буквами необходимыя татарскія слова, вопросы, отвѣты и счетъ.

VIII.

Здѣсь на рубежѣ Европы и Азіи, мы вступали въ область чуждой намъ культуры. Русскіе шли завоевывать эту область, вѣроятно, для того, чтобы поднять ее на высшую ступень; но для этого цивилизаторы должны были конечно сами опуститься на нѣкоторую ступень, чтобы подать свою (вооруженную) руку будущимъ собратьямъ. Всѣ условія жизни, службы, передвиженія въ этой странѣ были непохожи на наши русскія. Станціи располагались тамъ, гдѣ были колодцы и были очень удалены одна отъ другой; станціонныхъ домиковъ не было: кой-гдѣ стояли землянки, кой-гдѣ войлочныя юрты. Станціями завѣдывали казаки-урядники, зачастую безграмотные. Ученый Сѣверцевъ рассказывалъ ¹⁾, что на одной станціи смотритель прочитавъ по складамъ вслухъ въ подорожной: «Министру (вмѣсто магистра) зоологіи Сѣверцеву давать и пр.» спросилъ его: «А ты братецъ, кто же бу-

¹⁾ Былъ передъ тѣмъ захваченъ Коканцами въ плѣнъ во время экскурсіи и возвратился изъ плѣна обезображеннымъ; впоследствии погибъ въ Россіи почти такой же смертію, какъ другой ученый Федченко, тоже знакомый туркестанцамъ.

день? Кухня министра зоологіи что-ли?—Да, кухня; а вотъ погоди сейчасъ поѣдетъ самъ министръ зоологіи!» Упомянувъ имя этого замѣчательнаго человѣка, расскажу кстати еще одинъ случай съ Сѣверцевымъ. Онъ былъ большой оригиналъ и не считался ни съ какими свѣчами и обычаями; одѣвался очень небрежно, приходилъ въ гости, когда ему вздумается, иногда часовъ въ 6 утра по холодку, когда хозяева спали и безъ церемоніи снималъ сюртукъ и располагался на диванѣ съ ногами; бралъ книгу и читалъ, не обращая ни на кого вниманія. Однажды, въ Ташкентѣ, я пришелъ часовъ въ 8 утра въ одинъ семейный домъ; хозяева еще почивали, а Сѣверцевъ сидѣлъ безъ сюртука на диванѣ и курилъ трубку-носогрѣйку. Махорка трещала и извергала фонтаны пылающихъ искръ, которыя падали на него и на диванъ. Сѣверцевъ никогда не тратилъ словъ на пустые разговоры. Онъ молчалъ и я молча стоялъ около дивана у окна. Сѣверцевъ бросилъ два или три взгляда на меня, быстро поднялся со словами: «Стойте смирно! Не шевелитесь! Не вертите головой!» И бросившись къ столу схватилъ стаканъ и приложилъ его къ моей груди у борта сюртука: въ стаканъ свалилась сороконожка. «Вамъ наука очень обязана; это очень рѣдкая разновидность полосатой (кажется такъ онъ назвалъ) сороконожки». Продолжаю. Когда къ станціи подъѣзжали путники, оттуда выѣзжали въ разныя стороны верховые съ арканами на поиски табуна. Съ поля приводили иногда дикихъ, иногда малообѣзженныхъ лошадей. Въ упряжкѣ принимали участіе всѣ обитатели станціи. Лошади лягались, кусались, били повозку; ихъ то оглаживали, то колотили чѣмъ попало и неистово ругались. Когда все было готово, пассажиры и ямщикъ осторожно садились; толпа мгновенно разбѣгалась и бѣшеная тройка, не переставая бить повозку, мчалась какъ вихрь куда глаза глядятъ, иногда въ противоположную сторону. Ямщикъ не управлялъ лошадьми, озабоченный какъ бы усидѣть на мѣстѣ, да не уронить возжей. Отчаянная скачка продолжалась верстъ 8—10 и тройка начинала умѣрять аллюръ; тогда ямщикъ пытался направить ее куда слѣдуетъ. Это не всегда удавалось сразу, но въ концѣ концовъ, искусная политика награждалась успѣхомъ: давая волю тройкѣ натѣшиться и умяться, ямщикъ добивался покорности; а затѣмъ не трудно было удержать въ рукахъ бразды правленія. Конечно, если повозка и сбруя были неисправны, а ямщикъ неопытенъ, то катастрофа была неизбѣжна. Къ счастью нашъ путь пролегалъ на 1000 верстъ по равнинѣ, гдѣ встрѣчались только маленькія трещины да кочки. Памятна мнѣ станція Дамды, гдѣ мы потерпѣли крушеніе. Лошади неслись Богъ вѣсть куда; въ это время киргизъ лѣтъ 16 упустилъ одну возжу и, наклоняясь чтобы ее подхватить, упалъ съ повозки, увлекая за собой всѣ возжи. Мы оглянулись назадъ: ямщикъ лежалъ, а черезъ минуту мы были уже далеко. Т. осторожно влѣзъ на передокъ и наклонился, чтобы поднять возжи, а я его крѣпко держалъ; но возжи или волочились, или закручивались въ колесѣ. Закрутившіяся возжи все круче и круче сворачивали тройку направо; лошади топтались, метались, лягались и наконецъ остановились. Нужно было воспользоваться этимъ и мы осторожно вышли изъ повозки. Т. взялъ на себя очень опасное дѣло: распутать возжи около заднихъ ногъ дикой пристяжной; а я сталъ пе-

редь тройкой въ надеждѣ удержать ее на мѣстѣ своимъ присутствіемъ. Но мы потерпѣли неудачу: лошади бросились впередъ, сбивъ меня далеко въ сторону и умчались. Мы видѣли какъ встряхнулась повозка, изъ нея посыпались разныя вещи; а черезъ нѣсколько минутъ она скрылась изъ вида. Посовѣтовавшись, мы приняли ошибочный планъ: мы раздѣлились: Т. пошелъ по слѣдамъ повозки, я пошелъ назадъ провѣдать ямщика. Весьма слабо обозначающаяся колея на твердомъ грунтѣ меня вела очень не долго и пропадала и мнѣ пришлось итти по соображеніямъ на сѣверъ. Было около 5 час. пополудни, и солнце находилось слѣва. На мѣстѣ крушенія я вырылъ большимъ складнымъ ножомъ, который у меня былъ въ карманѣ крестъ, а затѣмъ время отъ времени дѣлалъ кресты на своемъ пути. Жара была страшная и меня стала мучить жажда. Ямщика я не нашелъ: натодкнуться на него случайно было дѣло маловѣроятное, а разыскать его можно было только обладая соколинымъ зрѣніемъ киргиза. Солнце заходило, а я измученный все влачился куда-то на сѣверъ и думалъ только одно: наступитъ ночь, станетъ прохладно; покажутся звѣзды; я буду итти по тому же направленію, пока не выбьюсь изъ силъ, или пока не замѣчу огней на станціи, или въ какомъ нибудь аулѣ. Въ сумерки я неожиданно увидалъ близко передъ собой какую-то квадратную темную фигуру, которая словно изъ земли выросла. Я подошелъ и увидѣлъ малорослаго, но широкоплечаго пастуха киргиза съ длиннымъ посохомъ, конецъ котораго загибался крючкомъ, какъ у библейскихъ пастуховъ; на поясѣ висѣла чашка въ футлярѣ и пшакъ въ ножнахъ (ножъ вродѣ финскаго). Я спросилъ его по-татарски: гдѣ станція Дамды? И объяснилъ какъ умѣлъ, что онъ получить ахча (деньги), если проведетъ меня туда. На мнѣ была красная кумачевая рубаха, воротъ которой застегивался двумя топазовыми запонками. Онъ мнѣ указалъ рукою вправо и назадъ и сказалъ: «якши» (хорошо) и вмѣстѣ съ этимъ оборвалъ эти запонки, пояснивъ свое насиліе словомъ «силау» (подарокъ). Воротъ рубахи откинулся и показался натѣльный крестъ. Онъ схватился за крестъ и сталъ его тянуть съ такой силой, что цѣпочка врѣзалась мнѣ въ шею. Такая наглость возмутила меня и я вынулъ изъ праваго кармана складной ножъ. Ножъ ему показался привлекательнѣе креста; онъ крестъ выпустилъ и хотѣлъ вырвать у меня ножъ; но въ этомъ ножѣ было мое послѣднее спасеніе и я, отступивъ въ сторону, раскрылъ ножъ и, со словомъ: «локъ!» (нѣтъ) сдѣлалъ угрожающее движеніе; тогда онъ полѣзъ въ другой карманъ и вытащилъ оттуда серебряную спичечницу. Я ему объяснилъ, что при себѣ не имѣю ахча и, что на станціи я выкуплю захваченныя имъ вещи. Онъ повернулся и мы пошли; но куда? Это оставалось для меня загадкой. Долго мы шли; стало темно. Онъ вдругъ остановился и сталъ прислушиваться и всматриваться во что-то. Минутъ черезъ 10 со словомъ: «кайсакъ!» (казакъ), онъ повернулъ направо. Скоро и я замѣтилъ, что къ намъ несутся всадники съ разныхъ сторонъ. Это были казаки съ Т. Одинъ казакъ уступилъ мнѣ свою лошадь и мы всѣ отправились на ближайшую станцію. Т. шелъ около часу по слѣдамъ повозки, подбирая то подушку, то сумку, то корзинку и т. д. Онъ не терялъ надежды добраться до станціи засвѣтло, но ему было

Михаилъ Юльевичъ
АШЕНБРЕННЕРЪ.

Съ карточки, снятой въ 1864 году.

тяжело нести подобранныя вещи. Къ счастью, навстрѣчу ему выѣхали урядникъ съ нѣсколькими казаками, которые и рассказали, что отправляясь по службѣ изъ одного укрѣпленія въ другое, они встрѣтили пустую повозку недалеко отъ станціи, перехватили ее и отвезли на станцію и, оставивъ одного казака для охраны вещей, выѣхали на розыски. Розыскавъ Т., они по его указанію поѣхали искать меня. Моихъ крестовъ не видѣли; а отдѣлившись далеко другъ отъ друга, чтобы не терять изъ вида сосѣда и осмотрѣть большое пространство, шли лавой (или облавой) и часа два искали меня. На станціи казаки хотѣли избить киргиза за грабежъ, но мы этого не допустили. Вещи я отобралъ у киргиза и расплатился съ нимъ деньгами. Мы щедро вознаградили казаковъ за ихъ великую услугу намъ, а также послали денегъ ямщику, который сильно расшибся и былъ отвезенъ въ ближайшій аулъ.

IX.

Въ фортѣ Перовскомъ я догналъ свой батальонъ и разстался съ Т. Въ составъ батальона входило нѣсколько человѣкъ такихъ же штрафованныхъ, какъ и я, кто за панихиду, кто за близкія связи съ кружкомъ Арнгольда. Понятно, что такіе офицеры жили съ солдатами хорошо—раздѣляли съ ними труды и опасности, честно и заботливо относились къ ихъ интересамъ, прислушивались къ ихъ голосу, считались съ солдатскими желаніями, не изводили солдатъ формализмомъ; всегда были вѣжливы и человѣчны даже съ провинившимися; а въ силу этого между солдатами и офицерами возникла не уставная, искусственная связь, а естественное дружное сотрудничество для достиженія ближайшей цѣли. Неподавленная самодурствомъ, жестокостью, барскимъ отношеніемъ свысока, солдатская личность сохраняла ту бодрость, которая ей была необходима въ исключительныхъ обстоятельствахъ. Такая постановка дала блестящіе результаты. Батальонъ совершилъ безпримѣрный походъ въ 2500 верстъ по жаркой и почти безводной пустынѣ¹⁾ отъ Самары до Ташкента и пришелъ на мѣсто въ полномъ составѣ: больныхъ и отсталыхъ было менѣ, чѣмъ обыкновенно. Трудности похода я считаю достаточнымъ описать въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ. Большія рѣки Сырь-Дарья, Аму-Дарья и малыя горныя рѣчки въ Туркестанѣ разливаются не весной, а лѣтомъ, когда въ горахъ таетъ снѣгъ. Путь нашъ лежалъ по берегу Сырь-Дарьи. Рѣка выходила изъ береговъ и затопляла дорогу. Интересно, что разливъ и быстрое теченіе размываютъ правый берегъ Дарьи (течетъ въ меридіональномъ направленіи) и укрѣпленія на этомъ берегу приходится переносить все дальше и дальше на востокъ. Переправа въ бродъ черезъ небольшія горныя рѣчки напр., Арысь, Чирчикъ, Зарявшанъ и др. возможна только на разсвѣтѣ: въ полдень прибывала вода и сильное теченіе сносило и опрокидывало не только пѣхотин-

¹⁾ До Дарьи конечно безводной, при чемъ нашъ путь пролегалъ болѣе чѣмъ 400 вер. по Кара-Кумскимъ пескамъ. Отъ форта Перовскаго батальонъ протащилъ на своихъ плечахъ четыре крѣпостныхъ пушки до Ташкента.

цевъ, но всадниковъ и повозки. По разливамъ Сырь-Дарьи нашимъ солдатамъ приходилось волочить на своихъ плечахъ тяжелыя крѣпостныя пушки по поясу въ водѣ. Къ перевозкѣ орудій была приспособлена верблюжья упряжка. Верблюды незамѣнимое вьючное животное, но, какъ упряжное, ниже своей славы можетъ быть и потому, что караванъ баши злоупотребляютъ его выносливостью, полагая, что верблюдъ можетъ обходиться вовсе безъ ѣды и питья. Несчастное измученное и голодное существо ложится, и тутъ уже никакія истязанія не помогаютъ. Поэтому солдатамъ и приходилось всю дорогу тащить пушки на лямкахъ, какъ бурлаки тянутъ барку. Когда же мы вступили въ Ташкентскій оазисъ, стали попадаться крутые подъемы и спуски. Особенно мучительны были походы по безводнымъ мѣстамъ. На большой и прямой дорогѣ между Ташкентомъ и Самаркандомъ лежитъ голодная степь, по которой каждому туркестанцу пришлось прослѣдовать разъ 10, 12. Она тянется 120 верстъ между Чиназомъ на Дарьѣ и Дизакѣ въ горномъ ущельѣ. Воду для людей и животныхъ нужно брать съ собой: чѣмъ больше воды, тѣмъ больше перевозочныхъ средствъ, чѣмъ больше перевозочныхъ средствъ, тѣмъ больше нужно воды. Поэтому воды брали мало и отпускали солдатамъ недостаточныя порціи ея. Пустыню же проходили въ двое сутокъ, дѣлая по 60 верстъ, а такой переходъ тянулся около 20 часовъ. И солдаты, безъ видимого раздраженія, безъ проклятій, мужественно и безмолвно страдали, умирая отъ жажды и усталости. Въ каждой ротѣ есть одинъ, два, иногда нѣсколько героевъ, людей вполне сознательныхъ. Въ большихъ и малыхъ дѣлахъ они увлекаютъ за собою всѣхъ и авторитетъ ихъ для солдатъ выше авторитета офицерскаго. Понять таковыхъ и отнестись къ нимъ съ подобающимъ уваженіемъ обязанъ всякій порядочный и разумный начальникъ. Солдатъ не «святая скотина», а такой же незнакомецъ, такой же сфинксъ для насъ, какъ и мужикъ.

Завоеваніе средней Азіи осуществлялось военными экспедиціями, которыя неизбежно обуславливали одна другую: захватывая область въ ея естественныхъ границахъ, наталкивались на необходимость округленія своихъ новыхъ владѣній, а затѣмъ приходилось искать новыхъ естественныхъ границъ и т. д. Послѣ экспедиціи отряды не всегда возвращались на свои квартиры, напр. передъ взятіемъ Самарканда значительный отрядъ оставался около года на передовой линіи у Яны-Кургана въ Тамерлановомъ ущельѣ. Здѣсь, лѣтомъ офицеры и солдаты жили въ шалашахъ изъ прутьевъ, камыша, циновокъ, а на зиму офицеры строили себѣ домики изъ глиняныхъ комковъ; солдаты, обитали въ землянкахъ. Зимой въ этихъ краяхъ идутъ непрерывные дожди, а по ночамъ снѣгъ и бываютъ небольшіе морозы. Землянки заливались водою и рушились; глиняныя хижины таяли. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ въ отрядѣ свирѣпствовалъ пятнистый тифъ. Въ атирактахъ между экспедиціями солдатамъ отдыхать не приходилось: они возводили укрѣпленія, строили казармы, лазареты, казенныя зданія. Смертность между солдатами была велика, хотя туркестанскія войска пользовались улучшеннымъ довольствіемъ и многіе продукты стоили очень дешево: баранина, пшеничный

хлѣбъ, фрукты, рисъ, пшено, ячмень, клеверъ. Картофеля же, капусты, гречневой крупы, ржи вовсе не было въ первые годы, а сахаръ, свѣчи для солдатъ были недоступны по цѣнѣ и чай они пили съ кишмишемъ. Въ штабъ-квартирахъ службы было очень мало; для офицеровъ это былъ сплошной праздникъ: играли въ карты, кутили, охотились на фазановъ, кабановъ, тигровъ, бывали у знакомыхъ семейныхъ. Библиотекъ и книжныхъ магазиновъ тогда не существовало; читали очень мало. Кажется, въ 69 году впервые открылись любительскіе спектакли.

Всѣмъ извѣстно, какъ беспощадны приговоры военного суда, и какъ рѣдко военные подсудимые получаютъ оправданіе. Можетъ быть поэтому я ничего не слыхалъ о готовности осужденнаго солдата принять кару, какъ возмездіе за содѣянное преступленіе. Кромѣ того, солдата предавали суду за утраченную отвертку, за потерянную пуговицу, за пропавшую портянку. Мало привычный къ обобщенію, къ отнесенію частнаго случая къ общей причинѣ, солдатъ менѣе вооружался противъ военныхъ постановленій и драконовскихъ порядковъ, чѣмъ противъ формалистовъ и безсердечныхъ начальниковъ. Въ Туркестанѣ и, сколько мнѣ извѣстно, на Кавказѣ до покоренія, а также въ турецкую кампанію солдатъ не предавали суду за подобные маловажные, да даже за болѣе важные проступки. Другими словами, когда воинскія части должны были служить той цѣли, для которой ихъ готовили въ мирное время, самыя непререкаемыя, неустранимыя воспитательныя, исправительныя и карательныя максимы естественнымъ путемъ сокращались до нуля. Отсюда неудивительно, что запасные, побывавшіе на войнѣ, являются благодарной почвой для пропаганды и революціонно настроеннымъ элементомъ въ войскахъ, переведенныхъ на мирное положеніе. И такое умаленіе уголовной практики въ военное время нисколько не беспокоило властей. Да и нельзя было судить солдата, напр. за промотаніе отвертки или шомпола потому, что послѣ каждой битвы составлялся актъ объ испорченныхъ и утраченныхъ винтовкахъ, амуниціи, строевыхъ и обозныхъ лошадяхъ и т. д., и нѣкоторые командиры такъ щедро пользовались этимъ правомъ, что у нихъ въ цейхгаузахъ накоплялся второй комплектъ оружія и амуниціи, выведенныхъ въ расходъ, и они сами не знали куда сбыть все это. Отъ другой же, болѣе важной уголовщины, напр. отъ воровства, буйства, частныхъ случаевъ неповиновенія или дерзости, роты и баталіоны иногда огораживались самосудомъ; при этомъ товарищеская расправа отличалась варварской жестокостью,—напр. за воровство назначалась беспощадная порка. Можетъ быть этой жестокостью солдаты афишировали свою ненависть къ узаконенному судилищу.

Большое вліяніе на молодежь имѣли два замѣчательныхъ чело-
вѣка: А. Е. Барановъ и А. В. Пистолькорсъ. Барановъ, герой ми-
нувшей турецкой войны, служилъ въ Нижегородскихъ драгунахъ—
въ первомъ по доблести полку русской арміи. Блестящіе подвиги Ба-
ранова при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ и Кюрюкъ-Дара записаны въ военныхъ

лѣтописяхъ. Въ одной изъ этихъ битвъ нашъ правый флангъ никакъ не могъ сломить турецкія боевыя линіи, за которыми стояли большія массы иррегулярной кавалеріи. За нашимъ правымъ флангомъ стояли два драгунскихъ полка: Нижегородскій и Сѣверскій (кажется, или Тверской) съ конной батареей. Два младшихъ офицера, именно эскадронный командиръ Барановъ и батарейный командиръ, если не ошибаюсь Кульгачевъ, составили отважный планъ и рѣшительнымъ его выполненіемъ содѣйствовали пораженію непріятельской арміи. Кульгачевъ неожиданно заскакалъ съ своей батареей въ тылъ лѣво-фланговымъ турецкимъ баталіонамъ и сталъ ихъ разстрѣливать картечью. Картечь косила турокъ, которымъ некуда было податься: ни впередъ ни назадъ, пока не опомнилась турецкая кавалерія, стоявшая за этой пѣхотой. Всей массой она налетѣла на батарею Кульгачева и въ одинъ мигъ захватила ее, порѣзавъ построики, перебивъ лошадей, изранивъ артиллеристовъ. Въ этотъ моментъ Барановъ, кажется съ двумя эскадронами, ударилъ на турецкую кавалерію: отбилъ батарею обратно и разсѣялъ иррегулярныя турецкія полчища. За это дѣло онъ получилъ георгіевскій крестъ. Барановъ былъ практическимъ воспитателемъ молодежи, ходившей подъ его начальствомъ на штурмы.

Х.

Обособленное военное общество жило своей исключительной жизнью, но видоизмѣнялось въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ развитіемъ русскаго общества, нѣсколько отставая отъ него. Когда въ обществѣ вымиралъ типъ «Героя нашего времени», между военными встрѣчался еще Печоринъ, хотя въ это время уже нарождалась новая разновидность офицера: офицера—гражданина (Арнгольдтъ, Сливицкій 2-й и др.). Печоринъ не уживался въ столицахъ: его тянуло на Кавказъ, гдѣ жизнь кипѣла ключемъ. Военное движеніе 60-хъ годовъ Печоринъ прозѣвалъ можетъ быть потому, что былъ уже въ высокихъ чинахъ. Вѣроятно въ силу специальныхъ условій военной среды, дальнѣйшее превращеніе печоринскаго типа совершилось въ одномъ направленіи: Обломовыхъ встрѣчалось сколько угодно, а о Рудиныхъ никто не слыхалъ. Затѣмъ, въ 70 хъ годахъ въ психическомъ мірѣ военныхъ происходила сложная дифференціація, мало замѣтная близко стоящему наблюдателю. Ясно опредѣленные, рѣзко очерченные характеры въ родѣ Печорина, Обломова исчезали или превращались въ иныя формы. Въ социальномъ мірѣ происходили сложныя перемѣны, которымъ отвѣчало въ мірѣ психическомъ сложное броженіе. Однако, во второй половинѣ 70-хъ годовъ въ русскомъ обществѣ снова народился рѣзко очерченный типъ революціонера и къ началу 80-хъ годовъ, въ военной средѣ снова оживаетъ разновидность офицера-гражданина. Въ нашу критическую эпоху, мнѣ кажется происходитъ тотъ психологическій синтезъ, который строить два рѣзко очерченныхъ типа. Типическія черты какъ бы мобилизуются и выясняются двѣ враждебныя другъ другу группы: революціонеровъ и „патріотовъ“; конечно есть и среднія группы, но онѣ расплывчаты и неустойчивы.

Пистолькорсъ, прослужившій на Кавказѣ около 20 лѣтъ, явился въ Туркестанъ уже въ большихъ чинахъ, украшенный многими боевыми отличіями. Онъ былъ начальникомъ туркестанской кавалеріи. Духовное его родство съ Печоринымъ было несомнѣнно; но тутъ мы имѣемъ дѣло съ представителемъ вымирающаго типа и этимъ объясняется нѣкоторая спутанность его характеристики ¹⁾. Много лѣтъ велъ онъ на Кавказѣ войну на два фронта и съ горцами, и съ начальствомъ. Почему именно враждовалъ онъ съ начальствомъ, я не знаю. Очевидно борьба съ горцами служила ему только развлеченіемъ и не насыщала его мятежную душу: онъ принадлежалъ къ боевому типу вѣчно недовольныхъ и протестующихъ; въ военной средѣ такихъ было не мало, и назывались они «безпокойными». Въ Туркестанѣ своими злыми сарказмами и ядовитыми насмѣшками онъ создалъ себѣ много враговъ, между которыми были и благородные люди, и наконецъ, враги соединеннымъ натискомъ одолѣли его, и только генераль Кауфманъ, цѣнившій его военныя доблести и дарованія, отстоялъ его. Пистолькорсъ уѣхалъ уже въ генеральскихъ чинахъ послѣ Самаркандскаго похода на родину въ Остзейскій край и тамъ скоро умеръ. Эта крупная личность была привлекательна для молодежи, которую онъ окружалъ себя. Жилъ онъ широко и ежедневно у него собирались. Тамъ иногда можно было встрѣтить людей съ громкими именами; но подъ его кровлей исчезали всѣ чиновныя и сословныя неравенства. Блестящій графъ и поручикъ изъ плебеевъ встрѣчались какъ товарищи, и такія отношенія не прекращались за порогомъ его дома. Вечеромъ играли по маленькой въ коммерческія игры, потомъ ужинали. За ужиномъ вина было болѣе чѣмъ достаточно, и начиналась живая общая бесѣда, причемъ центральной фигурой былъ всегда самъ хозяинъ, блиставшій умомъ и парадоксами. Пистолькорсъ былъ очень образованный человѣкъ и у него была хорошая и, въ тѣ времена, единственная въ Ташкентѣ библіотека. Онъ отчасти руководилъ чтеніемъ своихъ молодыхъ друзей: я, напр., зналъ Сень-Симона и Фурье только по наслышкѣ, и онъ заставилъ меня прочитать этихъ авторовъ въ подлинникѣ. Хотя застольныя бесѣды у Пистолькорса протекали прихотливо, но никогда не были банальны: нашъ хозяинъ не терпѣлъ пошлости. Молодежь, склонная къ доктринерству, подымала теоретическіе споры, которымъ онъ придавалъ особенную остроту своими мѣткими замѣчаніями. Словомъ, бесѣды Пистолькорса походили на эпикурейскіе вечера. Замѣчанія Пистолькорса были всегда интересны. Однажды, напр., онъ такъ резюмировалъ предшествовавшій споръ: «Слушай я васъ, NN съ глубокимъ вниманіемъ. Взгляните на него г.г! Сидитъ онъ, поджавъ ноги, какъ китайскій божокъ и, съ дѣтской улыбкой на розовомъ лицѣ, ломаетъ, попираетъ, разрушаетъ и, по его слѣдамъ все трещитъ и валится, какъ за медвѣдемъ въ лѣсу. У васъ женскій складъ ума: вы мыслите не аналитически, а пожалуй, интуитивно. Все, что вы говорили — это слова, слова, слова, которыя намъ приходится принять на вѣру». Ему оставалось только прибавить: «укажите намъ дѣло»! Однако этотъ от-

¹⁾ Говорятъ, Пистолькорсъ былъ героемъ разсказа Л. Н. Толстого „Набѣгъ“.

важный, но усталый человекъ заканчивалъ скептической сентенціей: «Вѣдь разрушать легче, чѣмъ созидать!»..

Особенно любопытны были развлечения этого кружка, имѣвшія также въ виду и боевую подготовку молодежи, пикники безъ дамъ, охота на кабановъ и тигровъ. Поздно вечеромъ кавалькада выѣзжала крупной рысью за городъ. За офицерами ѣхала дежурная полусотня со значкомъ начальника кавалеріи изъ черного шелка съ серебряными кистями, на полотнѣ котораго была вышита мертвая голова и два пистоleta накрестъ. За городомъ лошадей пускали маршъ-маршемъ по прямому направленію, минуя дорогу. Дружная скачка горячила и коней, и всадниковъ, и они рисковали на такіе волтижерскіе подвиги, на которые не рѣшились бы въ другое время: сползали на крупъ лошади съ кручи, прыгали черезъ стѣнки и широкіе арыки, карабкались по едва доступнымъ подъемамъ и, наконецъ выѣзжали на широкую поляну въ рошѣ, гдѣ уже пылали костры. Тамъ спѣшивались и садились на коверъ въ большой, нарядной бухарской палаткѣ, отвѣсныя стѣнки которой были поставлены полукругомъ и, приступали къ приготовленію въ большомъ котлѣ жженки, или глинтвейна. Казаки, которыхъ обильно угощали спиртомъ, садились также полукругомъ по ту сторону палатки. Когда загорался ромъ въ котлѣ, жарился шашлыкъ и хоръ запѣвалъ пѣсню, Пистолькорсъ отдавалъ приказъ казакамъ: «начинай!» И казаки открывали пальбу боевыми патронами въ палатку, пули летѣли надъ нашими головами. Тутъ по примѣру Пистолькорса нѣкоторые удалыцы приподымались подъ какимъ-нибудь предлогомъ, стараясь это сдѣлать также непринужденно, какъ и онъ. Такія удалыя выходки повторялись чаще и чаще по мѣрѣ того, какъ выпивалась жженка, а Пистолькорсъ кричалъ: «цѣлься ниже!» Пули свистали надъ самыми головами, и тогда жгучее удовольствіе становилось весьма опаснымъ.

Охота на кабановъ была безопасна и выгодна. Войсковыя части отправляли охотниковъ командами со всѣмъ необходимымъ для дальняго промысла и оттуда, время отъ времени, высылались на арбахъ въ баталіонные штабы битыя туши для продажи и на улучшеніе ротной кухни. Каждая рота приваживала много собакъ-дворяжекъ. Солдаты, оторванные отъ родины и родныхъ, привязывались къ этимъ вѣрнымъ и полезнымъ животнымъ. Въ походахъ ротныя собаки бѣжали передъ авангардомъ. На аванпостахъ рыскали передъ цѣпью и своей бдительностью и чуткостью чрезвычайно облегчали сторожевую службу. Во время битвы онѣ находились при ротахъ; но какъ только рота вступала въ сферу ружейнаго огня, онѣ, поджавъ хвосты, уносились къ обозамъ. Ротныя собаки дѣлали охоту на кабановъ совершенно безопасной. Мужественно нападая на звѣря, цѣлыми стаями, онѣ такъ его занимали, что охотникъ подходилъ вплотную и стрѣлялъ въ упоръ.

Охота на тигровъ была очень опасна и не обходилась безъ жертвъ до пріѣзда въ Ташкентъ кн. Б., который примѣнилъ къ этой охотѣ ружья, стрѣляющія разрывными пулями.

Теперь я попытаюсь дать характеристику другого выдающегося человека. Капитанъ Z., получившій образцовое воспитаніе въ учебной воинской части, принялъ роту въ боевомъ баталіонѣ. Z. былъ безусловно честный человекъ, строгій, энергичный. Не суббота для человека, а человекъ для субботы—было принципомъ его управленія. На свою роту онъ смотрѣлъ, какъ на распутный сбродъ, и сталъ насаждать въ ней казарменные порядки, подобные тюремнымъ. Въ мирное время, фанатики дисциплины нерѣдко добиваются удивительныхъ эффектовъ, подобныхъ тѣмъ, которые показываются въ циркѣ. Такихъ командировъ боятся, слушаются и ненавидятъ, а недобрые чувства плохая гарантія для порядка и дисциплины. Къ тому же, пылкій Z. иногда позволялъ себѣ обзывать роту въ цѣломъ составѣ бранными словами въ родѣ: «арестанты, варнаки!» и пр., не считаясь ни съ личнымъ достоинствомъ, ни съ *l'esprit de corps* своихъ боевыхъ товарищей, а это уже являлось двойнымъ оскорбленіемъ. И вотъ, передъ экспедиціей солдаты громко заговорили: «первая пуля нашему ротному командиру!» Предостереженіе, переданное ему, онъ принялъ съ гордымъ презрѣніемъ. Въ походѣ пѣхотные офицеры ѣхали верхомъ; это было разумное отступленіе отъ порядковъ мирнаго времени. Офицеры ѣхали чаще всего въ головѣ колонны, а не на своемъ мѣстѣ. Z. въ походѣ шелъ пѣшкомъ передъ своей ротой. Солдаты раздражались, полагая, что Z. хочетъ вести ихъ по безводной пустынѣ церемоніальнымъ маршемъ. Однако, они скоро замѣтили, что онъ идетъ съ ними не для безполезнаго стѣсненія ихъ своимъ присутствіемъ, а по инымъ, болѣе разумнымъ соображеніямъ, и стали съ особеннымъ вниманіемъ приглядываться къ нелюбимому, но отнынѣ интересному командиру. По приходѣ на бивакъ офицеры располагались на своихъ складныхъ кроватяхъ, пили чай, обѣдали и т. д., предоставляя унтерамъ всѣ заботы о солдатскомъ отдыхѣ и пр., и въ этомъ не было ничего дурного потому, что солдаты великолѣпно обходились безъ офицера, призывая его, когда это нужно. Z. сначала самолично дѣлалъ всевозможныя распоряженія, контролировалъ ихъ исполненіе, а затѣмъ уже вспоминалъ о себѣ. Суровый, безъ дружелюбной улыбки, безъ привѣтливаго слова, безъ веселой шутки—что такъ привлекаетъ солдатскіе сердца—онъ, несмотря на свою усталость, шелъ провѣдать своихъ больныхъ и дѣлился молча съ ними своимъ чаемъ и сахаромъ такъ дѣловито, словно онъ раздавалъ казенный сапожный товаръ. Отношеніе къ нему солдатъ стало мѣняться: къ нему стали относиться со смѣшаннымъ чувствомъ недовѣрія, суевѣрнаго страха и невольнаго уваженія. Потомъ, въ малыхъ стычкахъ, въ полевыхъ дѣлахъ, на штурмахъ, въ схваткахъ на улицахъ непріятельскаго города, онъ всегда былъ впереди, спокойный, рѣшительный, безстрашный, распорядительный и особенно внимательный къ раненымъ. Это создавало ему извѣстность въ отрядѣ и объ немъ заговорили посторонніе солдаты: «Ну, и молодецъ же командиръ N роты!» Съ этого времени рота Z. стала гордиться своимъ командиромъ; да и самъ Z. можетъ быть незамѣтно для себя, а можетъ быть послѣ тяжелой душевной драмы, измѣнилъ своему прежнему credo. Люди такой категоріи, люди долга своеобразно понимаемаго, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, изъ Савла дѣлаются Павломъ.

Въ кружкѣ Пистолькорса господствовала полная свобода слова и неблагонамѣренныя рѣчи выслушивались сочувственно: почему же, въ самомъ дѣлѣ, за стаканомъ вина не «поговорить о меньшемъ братѣ, не погорячиться о добрѣ?» Радикальныя же политическія, а чаще экономическія разговоры велись не на людяхъ, а въ другомъ мѣстѣ въ тѣсной дружеской семьѣ; но и тутъ они были безплодны, оставаясь въ сферѣ благихъ пожеланій.

XI.

Распространяться о туркестанскихъ битвахъ послѣ Манчжурской кампаніи не приходится. Коканцы, Бухарцы, Туркмены нападали на наши маленькія отряды въ 2 или 3 тысячи человѣкъ большими нестройными массами въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Эти храбрые и лихіе наѣзники на превосходныхъ лошадяхъ были очень дурно вооружены и совсѣмъ неорганизованы. Въ полевыхъ дѣлахъ они были не стойки, въ укрѣпленныхъ городахъ держались упорнѣе. Старинныя, разнокалиберныя, гладкостѣнные, неповоротливыя пушки стрѣляли только ядрами да картечью. Безчисленные фальконеты шумѣли, но не поражали. Пѣхоты, плохо обученной и дурно вооруженной, было немного и она заблаговременно уходила, а если это ей не удавалось (напримѣръ при Зари-Булакѣ), то ложилась подъ нашей картечью. Большія кавалерійскія массы, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ и быстротою коней, окружали русскій отрядъ. Какъ черныя грозовыя тучи мчались со всѣхъ сторонъ на маленькія русскія группы эти конники и казалось, что надвигающаяся лавина сейчасъ обрушится и поглотитъ жалкую горсть людей; но эта горсть метала по всѣмъ направленіямъ молніи; картечь, гранаты, ракеты. Боевыя ракеты, оставлявшія за собой огненный слѣдъ, пугали лошадей и производили неописуемое смятеніе въ непріятельскихъ колоннахъ. Отбитая кавалерія быстро уносилась назадъ, и тогда артиллерія противника становилась легкою добычею. Послѣ одного такого дѣла (при Ирд-жарѣ), когда непріятельская артиллерія за завалами была нами взята, и нашъ батальонъ, батарея и нѣсколько сотенъ казаковъ получили приказаніе прослѣдовать впередъ и занять два большихъ лагеря, брошенныхъ бѣжавшимъ непріателемъ, нашъ командиръ полковникъ Пицимуки—начальникъ этого отряда—поставивъ гдѣ нужно было часовыхъ въ непріятельскихъ лагеряхъ, расположилъ свой отрядъ на позиціи внѣ этихъ лагерей. Тутъ ему доложили разъѣзды, что около лагеря бродитъ отборный и хорошо вооруженный отрядъ бухарскихъ кавалеристовъ, который назывался «безсмертными» (человѣкъ сто, вооруженныхъ двустолками и револьверами) и, что въ нѣсколькихъ верстахъ на пути непріятельскаго отступленія, медленно тянутся тяжелыя орудія, увезенныя непріателемъ заблаговременно съ позицій. Пицимуки, взявъ съ собою казаковъ, отправился впередъ, чтобы захватить пушки, а если возможно то и «безсмертныхъ», а меня назначилъ вмѣсто себя начальникомъ. Такъ какъ въ нашемъ отрядѣ были офицеры старше меня чинами, то я и полагалъ, что онъ меня оставилъ за командира нашего батальона, а начальство надъ авангардомъ, за его отъѣздомъ,

переходить къ старшему въ чинѣ. День былъ очень жаркій; съ ранняго утра мы ничего не ѣли; жажда насъ мучила, и я отпустилъ своихъ стрѣлковъ командами къ берегу Сыръ-Дарьи за водой. Вскорѣ мнѣ доложили, что казаки грабятъ бухарскій лагерь. Посланный туда офицеръ сообщилъ, что казаки берутъ только съѣстное, чай, разсыпанный по лагернымъ улицамъ, чайную посуду, да палатки, чтобы укрыться на сегодня отъ зноя. Кто знаетъ, какой тяжелый багажъ нести на себѣ въ походѣ пѣхотинецъ, тотъ пойметъ, что солдаты не въ силахъ унести съ собой еще и бухарскую палатку. Поэтому я и дозволилъ своимъ стрѣлкамъ взять по нѣсколько палатокъ на роту, да чаю на заварку, а скорѣ прибылъ къ намъ командующій войсками и въ свитѣ его комиссія для описи военной добычи. Генераль прослышалъ о разграбленіи лагеря и прибылъ для того, чтобы самолично учинить расправу надъ виновными. Мои объясненія онъ призналъ неосновательными и пригрозилъ мнѣ полевымъ судомъ за разграбленіе лагеря. У стрѣлковъ комиссія отобрала десятка два палатокъ, а у казаковъ, кромѣ палатокъ, нѣкоторое количество цѣннаго оружія и уздечекъ, украшенныхъ серебромъ и бирюзой и т. п. Ходатайство за меня начальника кавалеріи и вернушагося Пищимуки сначала встрѣчено было холодно, но когда начальникъ авангарда указалъ генералу на новые трофеи, т. е. на захваченныя имъ пушки и на кучку плѣнныхъ «безсмертныхъ», причемъ заявилъ, будто я съ своей ротой содѣйствовалъ этому плѣненію,—чего на самомъ дѣлѣ не было,—то командующій смягчился и рѣшилъ оставить безъ послѣдствія дѣло о разграбленіи лагеря, но пообѣщалъ вычеркнуть меня изъ наградныхъ списковъ.

Передъ штурмомъ надѣвали чистое бѣлье, и въ отрядѣ наступала жуткая тишина, только издали,—оттуда, гдѣ дѣлались штурмовыя лѣстницы,—долеталъ непріятный стукъ забиваемыхъ гвоздей, который подымалъ въ душѣ безпокойство: казалось, рядомъ сбивали большой гробъ, который завтра опустятъ въ братскую могилу. Штурму предшествовали разныя дѣйствія, рекогносцировка, постройка насыпи для батарей и ложементовъ для пѣхотнаго прикрытія, бомбардировка крѣпости, измѣреніе крѣпостного рва и т. д. Самое развитіе боя рѣдко совпадало съ диспозиціей. Напримѣръ, при штурмѣ Ходжента предполагалось, что правая, самая сильная колонна ворвется первая въ городъ и отворитъ Кленаускія ворота лѣвой колоннѣ; но правая колонна была отбита, а лѣвая сама овладѣла воротами. Предполагалось, что въ головѣ штурмующей колонны пойдутъ охотники съ лѣстницами, а на дѣлѣ колонна, пустившаяся бѣгомъ, обогнала охотниковъ медленно тавившихъ длинныя лѣстницы. Невысокая передовая стѣна была взята безъ труда и атакующіе, поднявшись на ту сторону рва, оказались передъ воротами между двумя башнями, изъ бойницъ которыхъ стрѣляли въ упоръ, а сверху летѣли камни и бревна. Сгоряча солдаты принялись разбивать ворота прикладами, но приклады безъ толку ломались; тогда вспомнили о шанцевомъ инструментѣ, забытомъ въ ложементахъ, и о лѣстницахъ, брошенныхъ, какъ оказалось, передъ первой стѣнкой. Такое упущеніе ставило атакующихъ въ чрезвычайно

опасное положеніе. Къ довершенію неурядицы начальникъ колонны былъ жестоко избитъ камнями; но этотъ опытный и славный воинъ съумѣлъ быстро возстановить порядокъ: охотниковъ оставилъ за первой стѣнкой, приказавъ имъ энергично обстрѣливать крѣпостныя бойницы, и немедленно отправилъ расторопныхъ людей за шанцовымъ инструментомъ въ ложементы. Раньше чѣмъ были доставлены лѣстницы, топоры и ломы, солдаты, съ помощью штыковъ вбитыхъ въ отвѣсную глинобитную стѣну, стали подыматься: они лѣпились какъ стрижи по всей стѣнѣ до зубцовъ. Обстрѣливаемые охотниками защитники крѣпости стали прятаться, а потому и хуже направлять огонь, камни и бревна. Перевѣшенное на верху стѣны для метанія бревна принималось отъ непріятеля и передавалось изъ рукъ въ руки и осторожно опускалось на землю, не задѣвая людей внизу. И въ тотъ моментъ, когда явились первые топоры и ломъ, которыми начали разбивать ворота, какому-то солдату пришло въ голову воспользоваться спущенными бревнами какъ тараномъ. Эти тараны дѣйствовали очень удачно, а главное, кипучая и дружная поголовная работа занимала всѣхъ и этимъ изглаживалась опасная мысль о неудачѣ съ ея роковыми послѣдствіями и, взамѣнъ неизбѣжнаго при неудачѣ недовѣрія къ командирамъ, явилась мысль, хотя и неясная для всѣхъ, о соединенныхъ усиліяхъ офицеровъ и подчиненныхъ, какъ о необходимомъ условіи не только для исправленія ошибки, но и для побѣды. И солдаты въ такихъ случаяхъ отличаются большей чуткостью, чѣмъ тѣ офицеры, которые склонны приписывать себѣ успѣхъ, а неудачу относить на счетъ солдатъ. И отношеніе солдатъ къ офицерамъ честно раздѣляющимъ съ ними труды и опасности съ одной стороны, и къ параднымъ командирамъ, дѣятельность которыхъ въ бою иногда слишкомъ стушевуется съ другой, рѣзко различное: за первыхъ они жертвуютъ жизнью, а вторыхъ третируютъ со скандальной дерзостью, которую вынести могутъ только люди отпѣтые.

Наконецъ въ проломанные ворота ворвалась колонна. По диспозиціи она должна была занять всѣ башни влѣво до Сырь-Дарьи, привести въ негодность непріятельскую артиллерію на стѣнахъ, сдать раненныхъ на берегу Дарьи въ баркасъ, посланный изъ вспомогательнаго отряда съ той стороны рѣки и двинуться оттуда кратчайшимъ путемъ къ цитадели на помощь къ третьей колоннѣ, назначенной захватить цитадель. Все это было легко исполнено, хотя на улицахъ приходилось брать баррикады, или лучше сказать земляныя насыпи солидной профили. Въ одномъ мѣстѣ, едва только голова колонны повернула въ широкую улицу, какъ съ большой баррикады послѣдовалъ залпъ изъ фальконетовъ и ружей. За одинъ моментъ передъ тѣмъ, солдатикъ изъ самыхъ незамѣтныхъ въ 4-ой ротѣ стрѣлковаго батальона, Сахаровъ оттолкнулъ своего ротнаго командира и прикрылъ его своимъ тѣломъ, а черезъ нѣсколько секундъ упалъ на его руки смертельно раненый. Жизнь этого офицера была куплена цѣною великой и благородной жертвы, на которую онъ добровольно не согласился бы. Понятно, что этотъ офицеръ считалъ себя потомъ всегда въ долгу передъ солдатами. Этотъ залпъ вывелъ изъ строя около десятка солдатъ потому, что непріятель сдѣлалъ ошибку: если бы колонна

втянулась въ улицу, то результатъ былъ бы несравненно губительнѣе. Зарядить вторично свое оружіе защитники баррикады не успѣли потому, что нѣсколько человѣкъ солдатъ инстинктивно, а можетъ быть и по разсчету, бросились бѣгомъ впередъ, увлекая за собой всю колонну: такимъ образомъ сильная баррикада была взята.

Описаніе другихъ битвъ было-бы повтореніемъ сказаннаго съ не большими варіаціями.

Я возвратился въ Россію уже въ штабъ-офицерскомъ чинѣ.

М. Ашенбреннеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Красные дни въ Нижнемъ-Новгородѣ ¹⁾.

I.

Лѣтній вечеръ 1905 года. На окраинѣ Сормова, на полянкѣ около больницы кучка народа. Съ каждой минутой толпа увеличивается. По дорогѣ тянутся къ ней группы мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Это митингъ. Говорить ораторъ. Кругомъ на землѣ сидятъ рабочіе; послѣдніе ряды слушателей стоятъ. У каждаго въ рукахъ зеленая вѣтка. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ въ сторонѣ дымятся костры. Это средства противъ надоедливыхъ комаровъ.

Ораторъ кончилъ. Аплодисменты. Поднимается другой. Рѣчи и споры тянутся до поздней ночи. Уже совсѣмъ стемнѣло. Погасли костры, и толпа сливается съ силуэтомъ деревьевъ. Только блестятъ въ темнотѣ огоньки папиросъ. Среди лѣтней тихой, прозрачной ночи—ясно и далеко слышенъ голосъ оратора.

Митингъ конченъ. Толпа встаетъ и, обнаживъ головы, поетъ прощальную пѣснь павшимъ борцамъ. Поютъ всѣ, дружно, хорошо спѣвшись. Потомъ затягиваютъ любимую: «Дружно, товарищи, въ ногу». Съ послѣдними аккордами толпа начинаетъ расходиться.

Попытки устроить митинги на лодкахъ и въ самомъ Сормовѣ въ апрѣлѣ 1905 года сопровождались вооруженными столкновениями съ полиціей и жертвами съ обѣихъ сторонъ. Зато съ мая (главнымъ образомъ, съ середины мая) митинги, сперва подъ предлогомъ обсужденія экономическихъ нуждъ, стали почти ежедневными. Полиція до іюльскихъ дней почти не дѣлала попытокъ разгонять ихъ. Свобода собраній и слова были завоеваны.

За два мѣсяца (середина мая—середина іюля) почти не было дня, чтобы на обычномъ мѣстѣ за больницей не собралась толпа. Сюда шли буквально всѣ сормовскіе жители всѣхъ возрастовъ, званій, состояній. Иногда въ дурную погоду собиралось нѣсколько десятковъ человѣкъ; кое-гдѣ открывались зонтики и несмотря на дождь, толпа терпѣливо, внимательно слушала оратора. Слишкомъ изголодались всѣ по свободному слову, чтобы пугаться ненастья. Въ другіе дни (особенно въ праздникъ, когда митингъ шелъ чуть не цѣлый день) пять-

¹⁾ Въ основѣ очерка лежатъ мои личныя воспоминанія, протѣренныя и дополненныя отчасти по разсказамъ товарищей, отчасти по мѣстнымъ газетамъ.

шесть тысячъ окружало оратора тѣсной массой. Выступали главнымъ образомъ представители социалдемократической партіи. Но мало-помалу сами присутствующіе стали брать слово. Говорили рабочіе о своихъ нуждахъ, манджурскіе солдаты рассказывали о притѣсненіяхъ на войнѣ, крестьяне жаловались на земельныя неурядицы. Аудиторія начала втягиваться въ дебаты. Митинги превратились въ дискуссіи. Нѣсколько разъ цѣлыми часами спорили представители партій социалдемократовъ и социалистовъ-революціонеровъ. И толпа внимательно слушала и горячо участвовала въ дебатахъ.

Цѣлый рядъ рѣчей былъ посвященъ обоснованію социалдемократической программы максимумъ и минимумъ и выясненію тактики социалдемократіи. Было прочитано нѣсколько лекцій въ систематическомъ порядкѣ. Рабочіе называли митинги своимъ «народнымъ университетомъ». Очень много вниманія было удѣлено злобамъ дня. Съ одной стороны—экономическимъ нуждамъ рабочихъ (въ это время какъ разъ бастовали нѣкоторые цехи и былъ остро поставленъ вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ)¹⁾, съ другой—политическому моменту. Ораторы съ номеромъ мѣстной газеты въ рукахъ комментировали происходящія событія. Въ нихъ не было недостатка: Цусима, депутація 6-го іюня, Лодзинская забастовка, «Красный броненосецъ», земскій сѣздъ.

Задачей митинговъ было не только дать извѣстное социалдемократическое образованіе, но и приучить освѣщать всѣ вопросы дня съ социалдемократической точки зрѣнія. Митинги замѣняли политическую газету.

Значеніе этой поры собраній было громадно. Партія *впервые* выступила открыто на широкой аренѣ. *Впервые* могла обратиться непосредственно къ незатронутымъ массамъ. Пропаганда и агитація вмѣсто кружковыхъ собраній передъ десяткомъ рабочихъ, стала вестись передъ тысячами. Социалдемократическое ученіе стало извѣстно всѣмъ, и близкимъ и роднымъ для очень многихъ.

Идейное вліяніе партіи не соотвѣтствовало ея организаціи. Организационное дѣло партіи стояло плохо. Въ ея средѣ шли разногласія. Какъ разъ лѣтомъ (въ іюнѣ—іюлѣ) возникла отдѣльная «меньшевистская» организація. Партія была расколота пополамъ. Агитація велась сообща. Организациія отдѣльно.

Въ Канавинѣ и Мелитовкѣ, которыя отдѣлены отъ города рѣкой, лѣтомъ установились почти такого же рода митинги, какъ и въ Сормовѣ. Населеніе этихъ мѣстностей почти исключительно пролетарское. Съ свободой собраній хуже всего дѣло обстояло въ городѣ. Открытыхъ митинговъ не было до самыхъ дней свободы. Нѣсколько малочисленныхъ массовокъ было организовано за городомъ. Это не удовлетворяло. Организациія стала пользоваться собраніями просвѣтительныхъ обществъ и всякихъ союзовъ, клубными вечерами и т. д., чтобы превращать дѣловыя собранія въ политическій митингъ. Такимъ путемъ было организовано довольно много митинговъ. Но все-таки

¹⁾ Одинъ или два раза былъ митингъ по этому вопросу въ церквахъ,—рабочіе сражались съ духовенствомъ.

это было не то что въ Сормовѣ. Это понятно. Въ городѣ не было крупныхъ фабрикъ. Большая часть организованныхъ рабочихъ вербовалась изъ ремесленниковъ, приказчиковъ и т. д. Сормово же представляло собою чисто пролетарскій поселокъ. Условія работы на тамошнихъ механическихъ заводахъ въ общемъ были очень хороши, особенно принимая во вниманіе дешевизну жизни ¹⁾. У рабочихъ было и время и возможность, какъ для саморазвитія, такъ и для общепартійной работы. Сормово числилось чуть не деревней: перепись 97 года его населеніе почему то причислила къ сельскому, а между тѣмъ многіе города могли бы позавидовать этому поселку.

Неудивительно, что Сормову принадлежала руководящая роль въ событіяхъ. Рѣшенія сормовичей всегда имѣли первое значеніе. Ихъ поведеніе оказывало вліяніе на поведеніе Канавина и города.

Сормовичей боялась администрація. При одномъ возгласѣ «сормовичи идутъ» бѣжала вразсыпную черная сотня. Одинъ слухъ, что въ случаѣ еврейскаго погрома придутъ сормовичи—парализовалъ «истинно-русскихъ людей».

Въ деревнѣ слово «сормовичъ» употреблялось по отношенію къ революціонерамъ вообще, оно было равнозначно словамъ «студентъ», «забастовщикъ», «соціалистъ». О смѣлости и рѣшительности сормовичей ходили чуть не легенды. Недаромъ горожане говорили, что въ Нижнемъ сормовичей можно сразу узнать по ихъ независимому виду, гордой поступи и т. д.

II.

Наступало 9-ое іюля—полугодовщина кровавого воскресенья. Партія усиленно готовилась къ однодневной всеобщей забастовкѣ. Шли митинги и собранія. Въ городѣ, кромѣ забастовки, было рѣшено устроить общій открытый митингъ около Народнаго Дома и попытаться отвоевать право собраній. Въ городѣ душой дѣла явилась городской организаторъ «Марья Петровна» (О. М. Генкина, убитая черной сотней въ Ивановѣ-Вознесенскѣ въ ноябрѣ 1905 года) ²⁾.

Забастовка въ общемъ удалась. Особенно дружно она прошла въ Сормовѣ, гдѣ было закрыто буквально все. Въ городѣ приходилось снимать. Днемъ у Народнаго Дома въ нѣсколько сотъ человѣкъ былъ митингъ. Развѣвались знамена, слышались рѣчи и пѣнье. Часть толпы демонстрантовъ прошла по улицамъ—было небольшое столкновеніе съ казаками и полиціей.

¹⁾ Больше четверти всѣхъ рабочихъ получали 60—70 и до 120 рублей въ мѣсяцъ, около половины—30—40 рублей; чернорабочіе получали 16—18 рублей; рабочее время продолжалось около 9 часовъ.

²⁾ О. М. начала работать въ Нижнемъ съ мая 1905 года. 10-го іюля она была на площади и едва спаслась отъ черной сотни на чердакѣ Народнаго Дома. Въ іюлѣ организовала побѣгъ одного товарища изъ больницы. Въ началѣ сентября была арестована и вышла освобожденная толпой 18-го октября. Помню наканунѣ ея отбѣзда изъ Нижняго, одинъ изъ товарищей рабочихъ шутиливо предостерегаетъ ее противъ Иванова-Вознесенска: «тамъ черносотенцы вась въ котель бросать». Черезъ нѣсколько дней пришла вѣсть о ея смерти.

Въ Сормовѣ была попытка разогнать митингъ, но, разойдясь, рабочіе собрались снова. До поздней ночи длился митингъ, привлечшій тысячи двѣ-три.

На слѣдующій день, въ воскресенье 10-го, въ Сормовѣ былъ обычный митингъ. Въ Нижнемъ митингъ не удался. Уже нѣсколько дней администрація готовилась. По трактирамъ шла черносотенная агитація. Въ городѣ были опредѣленно извѣстны имена руководителей.

И вотъ когда народъ сталъ собираться на митингъ къ Народному Дому, черная сотня набросилась на собравшихся. Часть рабочихъ защищалась и даже обратила черную сотню въ бѣгство, но тутъ явились на помощь казаки, и за черной сотней остался перевѣсъ. Собравшихся звѣрски избили. Потомъ черносотенцы разошлись группами по городу, сопровождаемые отрядами казаковъ и продолжали избіеніе отдѣльных лицъ—рабочихъ, учащихся и всякаго случайно подвернувшегося за то, что онъ носить шляпу, или очки, за то, что онъ кому нибудь напоминалъ рабочаго, интеллигента, студента и т. д.

Нѣсколько человѣкъ было убито, нѣсколько десятковъ ранено.

До ночи по городу слышалось улюлюканье, пьяные крики ура, битье стеколъ.

Городская дружина была малочисленна и не имѣла никакой возможности оказывать сопротивленіе. На слѣдующій день съ ранняго утра пріѣхало нѣсколько десятковъ сормовичей. Было организовано патрулированіе города. Въ этотъ день на группу сормовичей на Нижнемъ базарѣ напала толпа черной сотни и при содѣйствіи полиціи началось избіеніе. Сормовичи отстрѣливаясь направились къ пристанямъ. Часть изъ нихъ уѣхала. Нѣсколько человѣкъ были избиты и свезены въ больницу (а оттуда въ тюрьму), двое—Леонидъ Командинъ и Алексѣй Дмитріевъ убиты.

Вечеромъ того же дня въ Сормовѣ при попыткѣ полиціи разогнать митингъ была брошена бомба. Полиція обратилась въ бѣгство. А на слѣдующій день Андрей Ефремовъ былъ убитъ бомбой, которую онъ собирался бросить въ казаковъ.¹⁾

Послѣ этихъ событій черносотенныя избіенія прекратились, административный терроръ—продолжался. Митинги въ Сормовѣ и Канавинѣ стали энергично разгоняться. Ихъ пришлось перенести далеко отъ Сормова, они стали малочисленны и нерегулярны.

Въ субботу 16 въ Сормовѣ торжественно хоронили Командина и Дмитріева. Собралось все Сормово. Трупы везли изъ города. Толпа шла навстрѣчу. Развѣвались флаги. Слышалось пѣніе. На кладбищѣ не могли помѣститься всѣ, кто пришелъ. Тысячи стояли за оградой. Надъ могилой говорились рѣчи. Толпа плакала. Сормово не видало

¹⁾ Ефремовъ не былъ въ дружинѣ и пошелъ по своей инициативѣ подъ вліяніемъ событій въ городѣ. Нѣсколько разъ онъ натикался на патруль солдатъ, но ихъ онъ не хотѣлъ убивать. Когда онъ подходилъ къ казакамъ, его два раза окликнулъ часовой. Онъ сталъ перекладывать бомбу изъ руки въ руку и уронилъ ее.

такихъ грандіозныхъ похоронъ. Всѣ пришли сказать послѣднее прости погибшимъ товарищамъ.¹⁾

Какъ же проявила себя организація въ черные іюльскіе дни? Что дѣлалъ комитетъ? Онъ бездѣйствовалъ. Организація растерялась (я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, городъ). Она была подавлена неожиданнымъ происшедшимъ. Она не знала, что дѣлать. Она мучительно чувствовала свое безсиліе. Комитетъ не далъ никакихъ лозунговъ, и никакихъ директивъ. На этой почвѣ произошелъ конфликтъ периферіи съ комитетомъ: она обвиняла его въ бездѣятельности и т. д., и онъ былъ вынужденъ согласиться со всѣми обвиненіями. Партийные работники собирались случайно, чтобы выработать программу дѣйствій, но эти частныя собранія ни къ чему не приводили. Всѣ растерялись, всѣ были подавлены, нѣкоторые предлагали... приступить къ террористической борьбѣ и партизанскимъ выступленіямъ...

Никакой тактики выработано не было, и члены партіи дѣйствовали всякій на свой страхъ.

Только недѣли черезъ двѣ растерянность и дезорганизація начали проходить. И только въ концѣ іюля вышелъ листокъ о событіяхъ. Іюльскіе дни показали неподготовленность партіи къ активнымъ дѣйствіямъ, ея неумѣнье приспособляться къ перемѣнѣ обстоятельствъ, дать жизненные лозунги.

Октябрьская стачка не захватила Нижнего. Одна изъ основныхъ причинъ этого былъ расчетъ Сормовскаго завода. Въ началѣ августа заводъ былъ закрытъ на неопредѣленное время. Въ концѣ мѣсяца работы начали возобновляться, но значительная часть рабочихъ не была принята вновь. Благодаря этому, на заводѣ было пониженное настроеніе, и не представлялось почти фактической возможности забастовать. А безъ поддержки Сормова городъ былъ ноль. Въ серединѣ октября велась кое-какая агитація въ пользу присоединенія къ забастовкѣ, начиная съ 18 октября, но безъ успѣха.

Телеграммы о манифестѣ пришли 17-го ночью. Зазвонили телефоны. Буржуазія города поднимала съ постели своихъ знакомыхъ. Клубная публика, побросавъ карты, начала произносить тосты, поздравлять съ конституціей и пить шампанское. Часть партийныхъ работниковъ, еще ночью узнавъ о манифестѣ, выработывала программу дѣйствій на завтра. Въ рабочихъ кварталахъ было тихо. Буржуазія первая отпраздновала побѣду. Широкія массы населенія узнали о манифестѣ утромъ и днемъ 18-го.

Съ утра 18-го городъ принялъ необычный видъ. Всюду группы и толпы, обсуждающія манифестъ. Со всѣхъ улицъ и окраинъ народъ тянется на Благовѣщенскую площадь, къ Кремлю. Тамъ и сямъ рабочіе, разнося вѣсть о манифестѣ, снимаютъ съ работъ и зовутъ на

¹⁾ Андрей Ефремовъ преданно работалъ въ организаціи съ 1902 года; главнымъ образомъ организовалъ котельниковъ, работалъ немного и въ техникѣ; лѣтомъ 1905 года эвертично разпространялъ оружіе. Былъ въ сормовскомъ коллективѣ.

Леонидъ Командинъ работалъ съ 1901 года; свыше года провелъ въ тюрьмѣ, одно время былъ въ Нижегородскомъ комитетѣ; весной 1905 г. былъ раненъ при попыткѣ организовать митингъ. Былъ въ сормовскомъ коллективѣ.

Ал. Дмитріевъ еще совсемъ молодой парень, лѣтъ 18—19, въ организаціи съ конца 1904 г.; былъ очень активнымъ членомъ боев. дружины.

улицу. 11 часовъ утра. На площади уже нѣсколько тысячъ. Толпа все растетъ. Ораторъ (соціалдемократъ) взбирается на фундаментъ строящагося памятника Александра Второго:

«Граждане»...

Онъ говоритъ о побѣдѣ надъ самодержавіемъ. Первая рѣчь, которую слышитъ народъ, первое свободное слово—звучитъ предостереженіемъ противъ отступившаго, но не свергнутаго окончательно врага. Ораторъ убѣждаетъ не вѣрить бумажной конституціи, рѣзко критикуетъ манифестъ, призываетъ бороться дальше. Говоритъ другой, третій. Недовѣріе правительству, критика «свободъ», призывъ къ борьбѣ—такъ звучатъ основныя ноты первыхъ свободныхъ рѣчей. Другая тема рѣчей—свобода не дарована, а завоевана упорной борьбой рабочихъ. Ораторы призываютъ почтить память погибшихъ и привѣтствовать живыхъ. Толпа съ энтузіазмомъ встрѣчаетъ предложеніе. И въ эти же первые часы народныхъ митинговъ говорятъ о конечной цѣли пролетаріата—соціализмъ; конституціонной монархіи противопоставляютъ демократическую республику.

Митингъ продолжается. Флаговъ еще нѣтъ. Какой-либо организации митинговъ тоже. Выступаютъ главнымъ образомъ не профессиональные агитаторы, а рядовые работники партіи. (Почти исключительно соціалдемократы, мало соціалистовъ-революціонеровъ, ни одного кадета). Говорятъ рабочіе. Одинъ сормовичъ говоритъ съ удивительно простымъ, яснымъ и образнымъ краснорѣчіемъ. Стихийный подъемъ дѣлаетъ ораторовъ.

Толпа слушаетъ внимательно. Но она еще не разобралась въ томъ, что случилось. Она не воспринимаетъ соціалдемократическихъ лозунговъ,—демократической республики, соціализма. Кое-гдѣ замѣтно даже неудовольствіе противъ нападокъ на самодержавіе. Публика смотритъ на происходящее, какъ на какое-то новое, невиданное зрѣлище. Она не ориентировалась, и ошибка ораторовъ отчасти въ томъ, что они недостаточно чутко отнеслись къ этой растерянной, неподготовленной аудиторіи. (Я не разумѣю «простую» публику, въ первый день преобладала публика «чистая»).

Около часу—двухъ кто-то въ толпѣ бросаетъ лозунгъ: «къ тюрьмѣ!» (Ораторы упоминали о жертвахъ, о необходимости амнистіи). Толпа подхватываетъ. Нѣкоторые организованные рабочіе пытаются удержать это движеніе: толпа смѣшанная, рабочихъ мало, много женщинъ и подростковъ, да и не настолько грандіозна, чтобы разсчитывать на успѣхъ. Но ничего нельзя было подѣлать. Часть толпы направляется къ первой тюрьмѣ, часть ко второй. Остальные остаются или разбредаются по городу. Кадеты и кое-кто изъ публики пошли къ губернатору депутаціей съ просьбой объ освобожденіи.

Около женской тюрьмы довольно много народа, около мужской нѣсколько сотенъ. Требованіе толпы быстро удовлетворяютъ. Радостными криками встрѣчаютъ освобожденныхъ, обнимаютъ, жмутъ руки. Представители отъ толпы обходятъ всѣ камеры, чтобы проверить слова администраціи.

Отъ тюремъ идутъ назадъ на площадь. Кто-то затягиваетъ марсельезу. Подхватываютъ. А флаги? Гдѣ же красныя флаги? Флаги

импровизируютъ, обрывая бѣлыя и синія полосы отъ національныхъ флаговъ, развѣшанныхъ у домовъ. Съ этими узкими полосками кумача идетъ толпа. Городовые отдають честь, солдаты снимають фуражки. Какой-то старый генералъ обнажаетъ голову передъ знаменемъ пролетаріата.

На площади часовъ съ трехъ организуется грандіозный митингъ. Опять рѣчи, пѣнье. Крики ура. Надъ головой ораторовъ и среди толпы развиваются красныя знамена. А вдали виднѣются казаки. Ихъ скоро убрали. Но настроеніе все-таки тревожное. Одного возгласа «черная сотня», «казаки», достаточно, чтобы толпа побѣжала. Съ трудомъ удается прекратить панику. Одинъ разъ паника возникла при одномъ словѣ оратора «можетъ быть, на насъ набросится черная сотня откуда-нибудь изъ-за угла».

Часамъ къ пяти начинаютъ расходиться. Возникаетъ рядъ импровизированныхъ демонстрацій. Весь день на перекресткахъ и на площадяхъ идутъ толки, бесѣды, рѣчи. Городъ неузнаваемъ.

Вечеромъ въ театрѣ, въ Народномъ Домѣ, въ клубахъ митинги. Народу невѣроятно много. Значительная часть желающихъ не могла пробиться.

Въ тотъ же день вечеромъ въ одномъ изъ клубовъ происходило собраніе всѣхъ партійныхъ (обѣихъ фракцій) работниковъ города, и представителей отъ Сормова. Впервые собралось такое демократическое собраніе. При невѣроятной тѣснотѣ и духотѣ собраніе засѣдало до ночи. Основной вопросъ былъ о тактикѣ. Положеніе создалось новое, неожиданное; неудивительно, что многіе говорившіе переоцѣнивали событія и особенно сознательность массъ. Практическія предложенія были очень разнообразны. Одинъ товарищъ меньшевикъ предлагалъ немедленно завладѣть городскимъ самоуправленіемъ и организовать его на основѣ четырехчленной формулы. Сормовичи находили нужнымъ сейчасъ же открыть военныя дѣйствія и захватить оружіе. Нѣкоторые товарищи хотѣли приступить къ организаціи демократіи городской и сельской. При обсужденіи вопроса о партійной организаціи была брошена, но почти не нашла отклика, мысль организовать партію и примыкающихъ къ ней лицъ вокругъ клубовъ (черезъ нѣсколько дней клубы стали организоваться). Было рѣшено между прочимъ дѣйствовать въ выступленіяхъ совмѣстно обѣимъ фракціямъ. (Переговоры объ объединеніи велись и раньше, но Объединенный комитетъ возникъ, кажется, только 18); было рѣшено перенести организаціонную работу въ районы, разбить всѣхъ работниковъ между районами, и образовать въ каждомъ свой центръ; была избрана редакціонная коммисія. Прежде всего надо было использовать право собраній. На слѣдующій день былъ назначенъ митингъ на площади. Забастовку рѣшено продлить.

Около 12 часовъ ночи въ полутемной комнатѣ собралась редакціонная коммисія. Сидя на избирательныхъ ящикахъ за низкимъ столомъ съ огаркомъ, члены коммисіи составляли прокламацію «къ гражданамъ». Съ низу слышались звуки марсельезы (въ клубѣ шелъ спектакль). Писать пришлось на какой-то театральной афишѣ. Надо было спѣшить, чтобы къ утру прокламація была отпечатана въ 25

тыс. экземплярахъ. Это была первая прокламація, напечатанная въ легальной типографіи.

19-го манифестаціи превзошли все, что было наканунѣ. Если наканунѣ толпу можно было считать тысячами, то 19-го десятками тысячъ. Митингъ на площади въ 11 час. былъ назначенъ официально объединеннымъ Соціалъ-Демократическимъ Комитетомъ. Повсюду были расклеены призывы на митингъ и вмѣстѣ съ ними краткое извѣщеніе предупреждавшее черную сотню, что противъ всякихъ попытокъ устроить безчинства будутъ приняты суровыя мѣры.

На площади говорили сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Всюду виднѣлись громадныя знамена и плакаты съ надписями «демократическая республика», «да здравствуетъ социализмъ», «мы требуемъ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго избирательнаго права», «да здравствуетъ учредительное собраніе», и т. д., и т. д. Въ толпѣ преобладали рабочіе. Виднѣлись крестьяне, пріѣхавшіе изъ окрестностей. Изъ разныхъ частей города приходили одна за другой толпы съ знаменами, съ пѣніемъ.

Въ Сормовѣ утромъ былъ митингъ въ столовой, оттуда вся толпа двинулась на особомъ поѣздѣ въ городъ. Около 1—2 часовъ на благовѣщенской площади раздались крики «сормовичи идутъ». Вся толпа повертывается къ Зеленскому съѣзду. Тамъ тѣсной толпой въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, съ десятками флаговъ и плакатовъ, съ красными перевязями на шляпахъ и рукахъ, съ красными бантами на груди, идутъ сормовскіе рабочіе. Впереди духовой оркестръ, исполняющій марсельезу. За сормовичами тянется длиннымъ хвостомъ масса публики. Изъ толпы раздается единодушный крикъ привѣтствія: «Ура! Да здравствуютъ сормовичи! Ура! Ура!» Головы обнажены, машутъ шапками, платками. Вся площадь гремитъ. Въ лицѣ сормовичей городъ привѣтствуетъ рабочій классъ. Марсельезу подхватываютъ всѣ. Сормовскія знамена становятся рядомъ съ городскими. Двѣ толпы сливаются, перемѣшиваются. Вся площадь покрывается людьми. Митингъ продолжается. Настроеніе приподнятое. Нѣтъ и помину о паникѣ, которая повторялась не одинъ разъ до прихода сормовичей. Говорятъ сразу десятки ораторовъ. Для нихъ откуда-то появились бочки, скамейки. Среди толпы раздаютъ прокламаціи, продаются «пѣсни революціи», идутъ сборы на партію. Нѣсколько часовъ идетъ митингъ. Ораторы смѣняются одинъ за другимъ. Толпа ненасытна къ свободному слову.

Въ это же время засѣдаетъ Городская Дума. Какъ разъ подъ ея окнами происходила встрѣча сормовичей и народный митингъ. Не удивительно, что голова Меморскій осмѣливается въ своей рѣчи поругать и полицію, и казаковъ, не удивительно, что Дума постановляетъ «... ходатайствовать объ удаленіи казаковъ, ... просить объ амнистіи и отмѣнѣ исключительныхъ законовъ». Мало этого Дума почтила вставаніемъ погибшихъ борцовъ, рѣшила ассигновать 100 т. рублей на народный университетъ и принять содержаніе Народнаго Дома на думскій счетъ. «Мы должны дать свободному народу помѣщенія для его собраній»—говоритъ Меморскій. Впрочемъ народъ уже пользовался ими безъ разрѣшеній городского головы. Послѣ засѣданія нѣкоторые

гласные идутъ на площадь. Меморскій читаетъ толпѣ постановленія. Часть публики—вообще радостно настроенной—громко апплодируетъ городскому головѣ. Другая кричитъ и спрашиваетъ, почему Дума хотѣла удалить казаковъ, а не отказываетъ немедленно казакамъ въ помѣщеніи и пособіяхъ. Городской голова возражаетъ, «вѣдь и казаки люди», и спѣшитъ уйти съ площади.

Послѣ митинга, толпа въ порядкѣ, окружая цѣпью знамена и оркестръ, двинулась по Покровкѣ; другая, во главѣ съ сормовцами, по зеленскому съѣзду къ пристанямъ. Для сормовичей были приготовлены два волжскихъ парохода. До поздняго вечера тянулись толпы, развивались флаги, слышалось пѣніе. Вечеромъ снова были грандіозные митинги. Въ виду того, что кое-гдѣ забастовка вызвала недовольство мало сознательныхъ массъ и давала поводъ къ черносотенной агитаціи, рѣшено было прекратить принудительную забастовку 20-го. Кромѣ того партійные работники всюду при всякомъ скопленіи черносотенной публики вмѣшивались въ толпу и старались парализовать черносотенное настроеніе, что имъ и удавалось. 20-го начались работы почти вездѣ, кое-гдѣ бастовали и въ этотъ день. Газеты не выходили только 19 и 20. 21-го Нижегородскій Листокъ вышелъ съ крупной надписью на первой страницѣ «Да здравствуетъ свобода», а на 4-ой страницѣ мелко значилось «дозволено цензурой». Свобода была еще подъ опекой.

19-е положило рѣзкую печать на все дальнѣйшее. Прибытіе сормовичей и грандіозная демонстрація показали силу рабочихъ. Послѣ этихъ двухъ дней манифестацій, уличныхъ движеній въ широкихъ размѣрахъ не повторялось. Главная дѣятельность партіи свелась къ организаціи митинговъ.

4.

Октябрьскіе дни—были днями митинговъ. Ни одна изъ свободъ не была такъ широко использована какъ свобода собраній и слова; и ничто не имѣло такого колоссальнаго успѣха. Центромъ митинговъ все время былъ Народный Домъ. Часовъ съ 8-ми толпа сплошной массой начинаетъ тянуться черезъ турникеты. Около нихъ стоятъ лица отъ партіи, собирающія на дружины, на самооборону, на нужды организаціи, на работу въ деревнѣ и т. д. Здѣсь же продаются программы партіи, брошюры, раздаютъ прокламаціи. Скоро зала набита такъ, что нѣтъ возможности протолкаться даже черезъ проходы. Всѣ помѣщенія переполнены. Пора начинать. Выбираютъ предсѣдателя изъ членовъ социалдемократической партіи. Начинаются рѣчи. Во время перерывовъ толпа поетъ рабочія пѣсни. Одновременно въ столовой идетъ свой митингъ. Въ одномъ фойѣ собраніе партійныхъ работниковъ, въ другомъ—засѣданіе какого-нибудь профессиональнаго союза и т. д. Всѣ помѣщенія использованы. Часовъ въ 11—12 митингъ заканчивается, но иной разъ, особенно при дискуссіяхъ, толпа не расходится до поздней ночи. Все время напряженное вниманіе и образцовый порядокъ. Несмотря на всѣ попытки черносотенцевъ, ни разу не было паники.

Иногда, главнымъ образомъ въ декабрѣ въ моментъ забастовки электрической станціи, засѣданія носили фантастическій характеръ—въ громадномъ здании было совершенно темно и только кое-гдѣ горѣли свѣчи, сильно коптя, едва освѣщая лица собравшихся. И невольно вспоминалась французская революція съ ея засѣданіями клубовъ при мерцаніи салныхъ огарковъ.

На первыхъ порахъ митинги происходили въ двухъ трехъ мѣстахъ. Скоро кромѣ Народнаго Дома, двухъ общественныхъ клубовъ (а иногда трехъ) и театра—явилась возможность использовать рядъ городскихъ помѣщеній: зданія школъ, чайныхъ и столовыхъ, помѣщеніе городской библіотеки, «столбы» (на Милліонной) зданіе биржи и т. д. Митинги стали одновременно организоваться въ нѣсколькихъ мѣстахъ города. Партія старалась для каждого района найти свое помѣщеніе. Въ Сормовѣ центромъ собраній явилась народная столовая; кромѣ нея народные митинги происходили въ клубѣ служащихъ, школахъ и даже на берегу Волги (для судорабочихъ). Всего въ распоряженіи партіи было нѣсколько десятковъ помѣщеній разныхъ размѣровъ. О митингахъ извѣщали черезъ газеты, а въ Сормовѣ при посредствѣ особыхъ объявленій, расклеенныхъ повсюду. Митинги были въ нѣсколько десятковъ человѣкъ и въ нѣсколько тысячъ.

Митинги въ Народномъ Домѣ и въ Сормовѣ происходили сперва ежедневно. Потомъ разъ пять въ недѣлю. Число мелкихъ митинговъ невозможно подсчитать. Ихъ было въ одномъ городѣ много десятковъ. И всегда всѣ помѣщенія митинговъ были переполнены. Сотнямъ приходилось отказывать. Число участниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстно довольно точно, благодаря турникетамъ, регистрировавшимъ публику. Въ Народномъ Домѣ за двѣ недѣли съ 18 октября по 2 ноября перебывало около 30,000 человѣкъ. При такой посѣщаемости за все время свободъ число участниковъ митинговъ въ Народномъ Домѣ должно достигнуть по крайней мѣрѣ 100,000 человѣкъ. Извѣстно также, что съ 6 ноября по 5 декабря въ городскихъ помѣщеніяхъ на 25 митингахъ было около 12 съ половиной тысячъ человѣкъ.

Сормовская столовая часто собирала митинги въ нѣсколько тысячъ человѣкъ (иногда тысячъ 3—4). Общее число посѣщеній митинговъ въ городѣ, Канавинѣ и Сормовѣ при скромномъ расчетѣ придется опредѣлить въ 250—300 тыс. Замѣтимъ, что почти всѣ митинги были организованы социалдемократіей и всѣ помѣщенія были въ ея рукахъ. Кадеты организовали за все время едва ли два, три, да и то для интеллигенціи; социалисты-революціонеры устроили митинговъ 10 въ городѣ, въ Сормовѣ больше.

Сперва на митингахъ (въ городѣ) преобладали интеллигенты. Мало по малу процентъ рабочихъ увеличился. Партія приняла къ этому мѣры, устраивая иногда исключительно рабочіе митинги, куда пускали только по билетамъ, распространяемымъ партійными организаціями. Общій составъ публики былъ очень смѣшанный. И старики, и дѣти (въ началѣ ноября перестали пускать слишкомъ юныхъ), женщины, рабочіе, крестьяне, босяки, офицеры, солдаты, прокуроры и переодѣтые околоточные, черносотенцы и духовенство вплоть до ар-

хіерея. Иной разъ были спеціальныя митинги или представителей одной профессіи (желѣзнодорожниковъ, почтово-телеграфныхъ служащихъ, портныхъ, извозчиковъ, прислуги и т. д., и т. д.), или митинги женщинъ (въ Сормовѣ), митинги поляковъ, босяковъ (въ «Столбахъ» раза три-четыре въ недѣлю), рекрутовъ и учащихся среднихъ школъ.

Ораторами выступали представители партій (преимущественно социалдемократы, нѣсколько разъ социалисты-революціонеры и, кажется, всего раза два кадеты). Но значительную часть ораторовъ давала сама аудиторія. Такихъ самобытныхъ ораторовъ было гораздо больше. Надо замѣтить, что эти ораторы изъ толпы очень часто имѣли грандіозный успѣхъ среди публики, потому что говорили просто на доступныя житейскія темы. Выступаетъ солдатъ и говорить о бѣдствіяхъ въ Манчжуріи, объ испытанныхъ имъ притѣсненіяхъ. Говорить мужикъ о землѣ и земскомъ начальникѣ. Другой нападаетъ на поповъ, иллюстрируя рѣчь своими собственными мытарствами. Босякъ описываетъ положеніе золотой роты. Безработный проситъ помочь. Бастующій телеграфный чиновникъ или рабочій трамвая сообщаетъ о ходѣ забастовки. Говоритъ новобранецъ.

Этого рода доморощенные ораторы давали обычно любопытный конкретный матеріалъ, освѣщавшій рѣчь партійнаго оратора и воплощавшій его теоретическія разсужденія. Ораторъ изъ толпы былъ не оцѣнимъ для митинга. Онъ не разбирался въ вопросѣ, онъ не давалъ партійнаго освѣщенія, но зато онъ былъ неистощимымъ источникомъ агитаціоннаго матеріала. Сама жизнь подтверждала теорію. И надо признаться, мы часто слишкомъ теоретически говорили, слишкомъ теоретически подходили къ аудиторіи. Мы не умѣли конкретизировать. Партійные работники привыкли къ пропагандистскимъ кружкамъ и лекціонной системѣ. Имъ пришлось теперь наскоро передѣлываться въ агитаторовъ. Иногда наши ораторы, переоцѣнивая сознательность и революціонность аудиторіи, или были непонимаемы слушателями, или давали почву для черносотенной пропаганды. Надо было, начавъ съ безспорнаго положенія о вредѣ земскаго начальника, довести протестующую мысль до логическаго конца. Мы только современемъ научились этому. Сперва мы часто шли обратнымъ дедуктивнымъ путемъ. Послѣ первыхъ неудачныхъ шаговъ партійные ораторы сѣумѣли найти дорогу въ сердце темной массы. И часто полупьяная толпа черной сотни въ «манежѣ» безмолвно слушала рѣчи социалдемократовъ и восторженно принимала ихъ лозунги.

Третій рядъ ораторовъ — не партійные, но и не непосредственные. Ихъ было три, четыре. Они были радикальны, склонялись къ социалдемократической партіи, но теоретически невыдержанные, иной разъ говорили поразительно наивныя или нелѣпыя вещи. Интересенъ одинъ приказчикъ, искренній христіанинъ, который не одинъ разъ выступалъ противъ православнаго духовенства. Другіе боролись противъ національныхъ предрассудковъ или призывали къ объединенію всѣхъ партій, въ «Столбахъ» регулярно выступалъ, бывший учитель, босякъ съ темами на текущіе вопросы и мелкій пароходчикъ, воевавшій съ «красными».

Главной темой митинга были злобы дня. Освѣщеніе событій,

комментированіе правительственныхъ актовъ, и т. д. Одновременно шла и теоретическая пропаганда—излагали программу максимумъ и подробно всѣ пункты программы минимумъ, разбирали вопросы тактики. Иной разъ митингъ носилъ чисто агитаціонный характеръ, выносившій резолюціи и рѣшенія (напримѣръ, протестъ противъ назначенія Нейдгардта губернаторомъ, требованіе къ Думѣ объ образованіи народной милиціи, о бойкотѣ штрейкбрехеровъ трамвая и т. д.). Временами на митингахъ читались теоретическія лекціи. Съ 5 ноября началось специальное чтеніе лекцій для рабочихъ (по билетамъ). Была составлена лекторская коллегія и намѣчены слѣдующія темы (около половины и были прочитаны): 1) о социализмѣ, 2) о самодержавіи, 3) о свободахъ, 4) системы народнаго представительства, 5) мѣстное самоуправленіе, 6) финансовая система, 7) демократическая республика, 8) о рабочемъ днѣ, 9) государственное страхованіе рабочихъ, 10) аграрная программа, 11) исторія рабочаго и революціоннаго движенія въ Россіи, 12) международный характеръ рабочаго движенія, 13) милитаризмъ, 14) отдѣленіе церкви отъ государства, 15) національный вопросъ, 16) либералы. Послѣ лекціи бесѣдовали на тему дня. Лекціи были организованы въ народномъ домѣ, въ Сормовской столовой; нѣкоторыя были прочитаны и въ другихъ аудиторіяхъ. (Были еще организованы 3—4 платныя лекціи, преимущественно для интеллигенціи: социалисты-революціонеры устроили около трехъ, а кадеты, кажется, одну). Митинги довольно часто превращались въ дискуссіи представителей разныхъ партій, особенно социалдемократовъ и социаль-революціонеровъ, по аграрному вопросу. Разъ два сѣплялись съ кадетами. (Обычно кадеты на народныхъ митингахъ присутствовали, но не говорили). Были дискуссіи... съ черной сотней (о нихъ ниже). Особенно интересно было выступленіе духовенства. Товарищъ социалдемократъ читалъ лекцію объ отдѣленіи церкви отъ государства, оппонентами явились мѣстный архіерей и кое-кто изъ священниковъ. Вышелъ формальный бой, весьма печальный для защитниковъ православія — духовенство удалилось, не дождавшись конца. Аудиторія была на сторонѣ «красныхъ». Это, кажется, единственный въ Россіи примѣръ, чтобы архіерей присутствовалъ на социалдемократическомъ митингѣ, да еще вступалъ въ споръ съ представителями партіи.

Нѣкоторые митинги организовывались только для членовъ извѣстной профессіи и являлись учредительнымъ собраніемъ для профессиональныхъ союзовъ. Въ Сормовѣ митингъ иногда превращался въ народный судъ. Потомъ для суда былъ назначенъ одинъ день въ недѣлю. Судили двухъ мастеровъ — оба явились на судъ по требованію и принесли съ собою вороха писемъ и документовъ. Судъ постановилъ, чтобы мастера ушли съ завода. Судили шпионовъ: обычный приговоръ—выселеніе изъ Сормова.

Въ Сормовскій народный судъ скоро стали обращаться со всѣми нуждами. Ему жаловались женщины на дороговизну молока (былъ проведенъ своеобразный бойкотъ, урегулировавшій цѣны), къ нему обращались съ просьбами разобрать семейныя неурядицы, или... «отыскать пропавшаго мужа» и т. д. Судъ энергично боролся противъ тайной

продажи вина: рядъ шинковъ былъ закрытъ, вино конфисковано. Дѣло дошло до того, что самъ приставъ не разбиралъ жалобъ, а отправлялъ просителей въ рабочій судъ.

Агитація была поставлена въ общемъ очень широко и захватывала всѣ слои населенія, шла работа и среди солдатъ: они очень охотно посѣщали митинги. Запрещеніе начальства затормозило дѣло—приходилось переодѣваться, что не для всѣхъ было возможно. Среди солдатъ было организовано нѣсколько кружковъ (2, 3). Распространялись прокламаціи. (Кажется, четыре прокламаціи были специально для солдатъ—онѣ разошлись тысячахъ въ 20). Гораздо успѣшнѣе шла агитація среди новобранцевъ. Было нѣсколько митинговъ специально для нихъ. Во время призыва новобранцы расхаживали по улицамъ съ марсельезой. Въ самомъ воинскомъ присутствіи, несмотря на всѣ окрики начальства, пѣли марсельезу, открыто раздавали и расклеивали прокламаціи.

Не была забыта и деревня. И для нея настала пора митинговъ и демонстрацій; и тамъ появился красный флагъ и раздались звуки марсельезы. Было организовано много десятковъ митинговъ, на которыхъ присутствовало по 200—300 человекъ. Основой агитаціи явилось ознакомленіе населенія съ «манифестомъ 17-го октября». Во многихъ мѣстахъ только агитаторы впервые читали его населенію, такъ какъ власти его замалчивали. Ораторы выясняли, при какихъ условіяхъ данъ манифестъ, критиковали его, призывали къ борьбѣ. Обыкновенно митинги заканчивались принятіемъ резолюцій и приговоровъ объ учредительномъ собраніи, милиціи, отобраніи земель и т. д.

Особенно энергично велась агитація среди деревень около Сормова. Сормовичи съ флагами толпой обходили сосѣднія деревни и организовывали митинги и демонстраціи. За дни свободы окружная социал-демократическая организація значительно расширила связи, почти въ каждомъ уѣздномъ городѣ возникли группы, явившіяся центрами для уѣздовъ. Въ серединѣ декабря (на 18-ое) партія подготовляла крестьянскій съѣздъ въ Народномъ Домѣ. Онъ не могъ состояться изъ-за начавшихся репрессій¹⁾.

Среди крестьянъ было распространено около 120—150 тыс прокламацій. Вообще литературная дѣятельность организаціи оживилась со днями свободы. 18-го была избрана соединенная редакціонная группа (человекъ около 8-ми), которая собиралась первое время ежедневно, а потомъ раза 4 въ недѣлю. Появилась возможность пользоваться тѣмъ или инымъ путемъ легальными типографіями, поэтому работа могла итти довольно успѣшно, хотя все-таки часто (особенно въ декабрѣ) техника задерживала. За два мѣсяца (до середины декабря) было издано около 20 прокламацій болѣе, чѣмъ въ *трехстахъ* тысячахъ экземпляровъ. (Кромѣ того нѣкоторыя издала и перепечатала Сормовская организація). Припоминаются слѣдующія: первая—къ гражданамъ (25 тысячъ), къ солдатамъ (кажется три, въ томъ числѣ перепечатка

¹⁾ О дняхъ свободы въ нижегородскихъ деревняхъ см. статью, составленную на основаніи данныхъ окружной организаціи въ № 1 нижегородской газеты „Утро“ (1-го января 1906 г.).

письма матроса), къ офицерамъ, къ казакамъ, къ крестьянамъ (2—3 одна въ 50 тысячъ, другая въ 60 тысячъ), красное и бѣлое знамя, призы къ бойкоту трамвая, о выкупныхъ платежахъ, объ еврейскихъ и черносотенныхъ погромахъ (2), о забастовкѣ въ декабрѣ (2—3) программа партіи (около 25 тысячъ), пѣсни революціи (около 10—16 тысячъ), манифестъ объединенныхъ организацій о финансовомъ бойкотѣ (около 60 тысячъ экземпляровъ), долой Нейдгардта, и т. д. Въ декабрьскіе дни издавались бюллетени (по нѣскольку въ день) о ходѣ забастовки. Литературы все-таки не хватало, спросъ невозможно было удовлетворить. Препятствовалъ и недостатокъ средствъ. Правда, финансовыя дѣла партіи значительно улучшились въ сравненіи съ прошлымъ: явилась возможность собирать пожертвованія, организовывать лекціи и спектакли въ пользу партіи, но зато неимоვნно увеличились и расходы ¹⁾).

Значительную роль сыграло распространеніе петербургскихъ изданій— «Новой Жизни», «Начала», «Русской Газеты» и пр., которыя раздавались и продавались на митингахъ и на улицахъ, разносились подписчикамъ и т. д. Въ ноябрѣ возникла мысль объ изданіи своей газеты. (Приблизительно въ концѣ ноября вышелъ № 1 «Крестьянской Газеты» изданія крестьянской группы). Только 1-го января 1906 года вышелъ № 1 первой социалдемократической газеты въ Нижнемъ «Утро»—пытавшійся освѣтить результаты дней свободы и декабрьскаго пораженія. Въ тотъ же день № былъ конфискованъ, газета закрыта, а редакторъ поплатился трехъ мѣсячнымъ арестомъ по волѣ губернатора и 11 мѣсяцами тюремнаго заключенія по приговору судебной палаты.

За отсутствіемъ партійной газеты приходилось прибѣгать къ помощи мѣстной прессы. Она удѣляла довольно много мѣста партійнымъ дѣламъ, отчетамъ о митингахъ и собраніяхъ, резолюціямъ и т. д.

Въ декабрѣ, особенно послѣ неудачной забастовки, дѣло перемѣнилось: одна изъ газетъ стала нападать на социалдемократію, другая стала ее замалчивать.

Агитація имѣла громадное значеніе: она внесла въ голову сѣрой массы совершенно новыя понятія, направила работу мысли въ новое русло.

Поведеніе массы на митингахъ было удивительное. Когда слышались свистки—она протестовала «пусть не свистятъ, а выставляютъ оратора». Утомительные споры между социалдемократами и социалистами-революционерами она слушала съ безконечнымъ вниманіемъ до поздней ночи. Въ то время какъ интеллигенція смотрѣла на митинги какъ на интересное развлеченіе, масса рабочихъ, крестьянъ, солдатъ видѣла въ нихъ живое, непосредственное дѣло, близко ихъ задвигающее. Споры были для нихъ не простой игрой словъ, а глубокой борьбой за жизнь разныхъ слоевъ населенія. Митингъ сталъ имъ роднымъ, близкимъ,

¹⁾ Бюджетъ города (безъ Канавина и Сормова) достигъ за два мѣсяца 2 съ половиной тысячъ. (Въ первую недѣлю свободы партіей было получено тысяча рублей, во вторую 600 руб.—Въ обычное время годовой бюджетъ города (вмѣстѣ съ Сормовымъ) достигалъ 2 съ половиной—3 тыс.

Здѣсь они слышали впервые про всю неправду, какую испытывали. Здѣсь открывались ихъ глаза. Недаромъ такъ часто благодарили ораторовъ, пожимали имъ руки. Недаромъ съ такой жадностью бросались на прокламаціи.

Говорили про одного слѣпного старика: онъ былъ тяжело наказанъ въ 61 году за то, что призналъ обманомъ «волю», отнявшую землю у крѣпостныхъ. Теперь онъ ходилъ на митинги и говорилъ, что наконецъ-то пришла настоящая «волю». Онъ жадно ловилъ это слово у ораторовъ. И слѣпые глаза плакали отъ счастья.

Да, митинги производили потрясающее впечатлѣніе, особенно на сѣрую публику. И недаромъ къ товарищу предсѣдателю митинга въ Народномъ Домѣ такъ часто тянулись руки съ сѣрыми листами бумаги, исписанными жалобами, просьбами и ходатайствами. Какая-то женщина жаловалась на богача, лишившаго ее заработка и просила социалдемократическій комитетъ помочь ей. Другіе жаловались на думу. Третьи обращались съ просьбой о матеріальной помощи и т. д., и т. д. Одинъ разъ подана была громадная жалоба отъ мѣстныхъ солдатъ на притѣсненія начальства; просили защитить ихъ. Нѣсколько разъ приходили депутаціи отъ крестьянъ и ходоки отъ деревень. Депутаты излагали свои нужды, просили изложить имъ правду, спрашивали, что дѣлать, ждали помощи.

Слухи объ томъ, что въ Народномъ Домѣ происходитъ что-то необычайное шли по всей губерніи. Народный Домъ сталъ центромъ политической жизни. Крестьяне шли на митинги цѣлыми артелями, прїѣзжали изъ далекихъ уѣздовъ за сотни верстъ—полные надеждъ, съ жаждой узнать «всю правду».

Вся жизнь города приняла другой характеръ. И днемъ и ночью слышалась на улицахъ марсельеза. Всюду открыто говорили о злобахъ дня, открыто раздавали прокламаціи. Проходя ночью перекрестокъ можно было слышать, какъ извозчики на всю улицу спорили объ отвѣтственности министерства въ Западной Европѣ.

Митинги стали нервомъ города. Недаромъ черная сотня и администрація дѣлали попытки сорвать ихъ, грозили сжечь Народный Домъ и т. д. Въ виду этихъ слуховъ и угрозъ въ теченіе митинга помѣщеніе (особенно Народный Домъ) тщательно охранялось нѣсколькими десятками дружинниковъ, которые слѣдили и за порядкомъ собраній, стояли у входовъ, патрулировали. Предосторожности были не лишними: одинъ разъ во время митинга дружинники нашли среди декорацій человѣка съ бутылкой керосина за пазухой, пытавшагося поджечь домъ. Онъ былъ арестованъ и признался, что подкупленъ однимъ изъ вождей черной сотни. На слѣдующій день онъ былъ отпущенъ. Когда ему разъяснили задачи черной сотни и «красныхъ», онъ хотѣлъ итти убить черносотеннаго заправилу, и его едва удержали. Потомъ онъ часто посѣщалъ митинги.

Сборы на вооруженіе и образованіе дружинъ явились *прямымъ послѣдствіемъ черносотенной аштакціи*. У всѣхъ на памяти были іюльскіе дни, когда отсутствіе вооруженнаго отпора привело къ погрому. Главной задачей дружинниковъ была охрана митинговъ и ораторовъ отъ черной сотни. И, конечно, только страхъ передъ отпо-

ромъ удержалъ черную сотню отъ активныхъ дѣйствій. Парти́нная дружина города насчитывала около 30 человѣкъ, хорошо вооруженныхъ и обученныхъ. Къ ней примыкали такъ называемые «десятки», организованные главнымъ образомъ изъ парти́нныхъ людей—ихъ было человѣкъ 150; вооруженіе плохое (3—4 револьвера на десятку у остальныхъ кинжалы и т. п.). Въ городѣ кромѣ того была пресловутая тайная внѣпарти́нная боевая дружина или «централизація» (нѣсколько десятковъ человѣкъ). Она была очень недисциплинирована, очень случайна по составу. Парти́нная дружина не входила съ ней ни въ какое соглашеніе. Въ Сормовѣ была своя дружина человѣкъ въ 50—60 и милиція (человѣкъ 150—200). Въ Канавинѣ была дружина въ нѣсколько десятковъ человѣкъ.

На дружинниковъ выпала тяжелая работа и надо сказать они выполняли ее очень хорошо.

5.

Агитація будила массу. Организація должна была закрѣпить пробудившихся къ политической жизни въ сплоченные кадры. Организационный вопросъ сталъ передъ парти́ей. Но какъ организовать широкія массы, разъ сама парти́я не едина, разъ ея собственные ряды разстроены?

Неизбѣжность сліянія фракцій поэтому такъ остро ощущалась всѣми, что въ первый же день, какъ-то произвольно, состоялось объединенное засѣданіе всѣхъ членовъ парти́и. Объединенный комитетъ (вѣрнѣе—федеративный, такъ какъ онъ, объединялъ только верхи, а не организаціи цѣликомъ)—возникъ, кажется, утромъ 18-го. Было необходимо довести объединеніе до логическаго конца, но это совершилось уже въ началѣ декабря. «Низы» все время упорно стремились къ полному сліянію обѣихъ организацій. «Верхи» главнымъ образомъ большевики, настаивали на томъ, что пока возможно лишь объединеніе, а сліяніе произойдетъ лишь послѣ объединительнаго съѣзда (назначеннаго на 10 декабря).

Съ первыхъ же дней кромѣ общихъ собраній всѣхъ членовъ парти́и, возникла общая редакціонная комиссія, общая финансовая, общая группа лекторовъ и агитаторовъ; сообща организовывались митинги и т. д., и т. д. Но въ то же время у каждой фракціи была и отдѣльная жизнь. Были фракціонныя собранія, (напримѣръ, общія собранія всѣхъ членовъ фракціи, собиравшихся довольно часто), нѣкоторые клубы были по преимуществу меньшевистскіе, другіе большевистскіе (въ Сормовѣ это дѣленіе клубовъ было особенно рѣзко), нѣкоторые митинги и лекціи организовывались главнымъ образомъ большевиками, другіе меньшевиками и т. д. «Низы» (главнымъ образомъ городскіе) упорно стремились слиться и въ значительной степени подъ ихъ вліяніемъ 25 ноября собраніе большевиковъ въ городѣ приняло резолюцію «слиться независимо отъ съѣзда» путемъ «объединенія работъ на мѣстахъ и во всѣхъ функціяхъ». Аналогичную резолюцію приняли и меньшевики. 6 декабря общее собраніе въ Сормовѣ окончательно рѣшило немедленно слиться во всѣхъ частяхъ.

Канавинская организациа меньшевиковъ распустила себя и слилась съ большевистской. 10 декабря, окончательное рѣшеніе слиться было принято и въ городѣ. Наступившая стачка помѣшала осуществить сліяніе какъ слѣдуетъ.

Перестройка организации велась въ сторону ея демократизаціи и децентрализаціи. Съ перваго же дня появилось учрежденіе, до тѣхъ поръ неизвѣстное партіи—общее собраніе всѣхъ членовъ. Эти общія собранія созывались въ обычное время, приблизительно разъ въ недѣлю, для рѣшенія наиболѣе важныхъ вопросовъ. Демократическій принципъ былъ проведенъ всюду. Весь городъ былъ разбитъ на районы (кажется, на шесть) - во главѣ района стало районное собраніе всѣхъ членовъ партіи. Роль центра играло правленіе клуба, состоявшее изъ 7—10 и выбиравшееся всѣми членами даннаго района. Реорганизациа верховъ произошла позднѣе. Въ Сормовѣ въ началѣ декабря, кажется 6-го, былъ выбранъ руководящій коллективъ на основѣ четырехчленной формулы всѣми членами партіи (обѣихъ фракцій). Въ городѣ тоже въ началѣ декабря (около 10-го) была избрана центральная группа, но не на общемъ собраніи, а по клубамъ. Ея роль была назначительна. Главной причиной было то, что наряду съ этой группой существовалъ и объединенный комитетъ: функціи обоихъ учреждений не были разграничены достаточно отчетливо. Отсюда выходили неурядицы и конфликты. Реорганизациа «верховъ» такъ запоздала потому, что фактически руководящая роль съ октября перешла частью къ общему собранію, частью къ районамъ.

Наиболѣе характерной чертой организации было образованіе клубовъ. Мысль о нихъ явилась еще съ 18 октября, но первое возникновеніе ихъ относится къ началу ноября; особенно горячо принялись за нихъ съ середины ноября. Въ городѣ было около 6-ти клубовъ: центральный, похвалинскій, благовѣщенскій, базарный (потомъ слившійся съ похвалинскимъ), острожный и фабричный. Правильнѣе другихъ функционировали 3 первыхъ. Въ Сормовѣ было 4 клуба (меньшевистскій,—первый по времени, большевистскій, с.р.-овъ и женскій). Въ Канавинѣ—одинъ клубъ. Обычно для клубовъ нанималось особое помѣшеніе въ одну, двѣ комнаты, которыя обставлялись всякой сборной мебелью. Здѣсь устраивались читальня, библіотека, по вечерамъ происходили собранія, лекціи, засѣданія профессиональных союзовъ. Вся жизнь районовъ сосредоточивалась въ этихъ клубахъ. Члены партіи считались членами клуба, сочувствующіе записывались гостями-кандидатами и не имѣли рѣшающаго голоса. Возникновеніе клубовъ дало возможность урегулировать и упростить вступленіе въ члены партіи ¹⁾. И если митинги дали возможность широко развить агитацію, то клубы помогли организаціонному спло-

¹⁾ Членовъ партіи въ серединѣ декабря насчитывалось около 1400 человекъ. (Въ Сормовѣ, по регистраціи клубовъ, — 550 человекъ, большевиковъ и 450 меньшевиковъ; въ городѣ около 250 человекъ; въ Канавинѣ и Молиновѣ около 150 — 200). Насколько возросла партія за дни свободы видно, напримѣръ, изъ того, что въ серединѣ октября въ Сормовской организации насчитывалось 200 большевиковъ и 150 меньшевиковъ. Надо сознаться, что пріемъ новыхъ членовъ въ дни свободы былъ не всегда достаточно осмотрительнъ и строгъ.

ченію массъ. Сюда шли и члены партіи, сюда шель всякій сочувствующій, чтобы почитать «Новую Жизнь» или «Начало», поговорить, послушать. Клубы дали рабочимъ непосредственное дѣло. Если они рѣдко могли выступать на большихъ митингахъ, то здѣсь въ узкомъ кругу имъ предоставлялась возможность приложить и агитаціонныя способности и организаторскій талантъ. Здѣсь рабочій учился и училъ, здѣсь онъ былъ активенъ. Съ другой стороны—клубы очень помогли сближенію какъ рабочихъ между собой, такъ рабочихъ и интеллигентовъ. Создавалась атмосфера благопріятная для дружной общей работы и сплоченія. Наконецъ, децентрализованная работа повела къ гораздо болѣе успѣшному ходу дѣлъ, особенно, при извѣстномъ соревнованіи районовъ другъ передъ другомъ. Децентрализація приблизила партію къ массамъ. Дала возможность глубоко проникнуть въ самую гущу жизни. Митинги бросили искру въ широкія массы. Задача клубовъ была закрѣпить агитацію, углубить ее, разъяснить непонятое. Сочувствующаго партіи клубы превращали въ сознательнаго ея члена. Оторванныхъ отъ организаціи они спаивали въ одно цѣлое. Дни свободы были не только днями митинговъ, но и днями клубовъ.

Организація партіи сосредоточивается около клубовъ, организація широкихъ массъ около профессиональныхъ союзовъ. До октября, кромѣ союза приказчиковъ, въ сущности не было профессиональныхъ союзовъ. Союзы печатниковъ и судовыхъ рабочихъ не носили чисто пролетарскаго характера. Толчекъ къ профессиональному объединенію дали дни свободъ. Въ первыхъ числахъ ноября возникли первые профессиональные союзы: Сормовскій, а въ городѣ: Добровскій и Курбатовскій (всѣ три объединяли рабочихъ механическихъ заводовъ), Примѣръ былъ данъ. Весь ноябрь идетъ нервная организація союзовъ. Обычно дѣло устраивали такъ: созывался митингъ рабочихъ извѣстной профессіи, который при руководствѣ партійныхъ работниковъ клалъ начало союзу. За полтора мѣсяца (до середины декабря) возникли союзъ ткачей, портняжный союзъ, къ которому примкнули модистки и корсетницы, союзъ официантовъ, союзъ рабочихъ мукомольнаго дѣла, союзъ жестянниковъ, союзъ газетныхъ разнощиковъ, союзъ трамвайщиковъ, почтово-телеграфныхъ служащихъ, союзъ фонарщиковъ, рабочихъ винныхъ складовъ и т. д. Реорганизовались и расширились союзы приказчиковъ, печатниковъ, судовыхъ служащихъ. Организовывался союзъ домашней прислуги, поваровъ, извозчиковъ. Въ Сормовѣ созданъ женскій клубъ (150 человекъ), былъ рядъ женскихъ митинговъ. Даже среди босяковъ возникла мысль организовать союзъ. Нѣсколько митинговъ въ «Столбахъ», горячо обсуждали это предложеніе, было много сторонниковъ союза—но фактически онъ не возникалъ. Въ газетахъ каждый день печатались приглашенія на засѣданіе какого-нибудь профессиональнаго союза, уставы ихъ и т. д. На митингахъ рабочіе часто обращались къ предсѣдателю и ораторамъ съ просьбой «устроить союзъ», или указать къ кому имъ присоединиться. Двѣ самыхъ крупныхъ забастовки ¹⁾ въ дни свободы

¹⁾ Кромѣ нихъ съ 12 ноября бастовали: сормовская желѣзнодорожная вѣтвь, безъ успѣха; дни 3—4 въ ноябрѣ бастовали рабочіе виннаго склада и добились своего.

были вызваны преслѣдованіями профессиональныхъ союзовъ: забастовка трамвая (съ 14 ноября) и почтово-телеграфныхъ (кажется, съ 16 ноября). Обѣ тянулись около мѣсяца и вызвали общее сочувствіе и поддержку. Не одна сотня рублей была собрана на митингахъ и по листкамъ въ пользу бастующихъ. Къ сборамъ въ пользу рабочихъ събра публика была очень отзывчива. Часто шапка, пройдя по рядамъ, возвращалась къ предсѣдателю, наполненная мѣдной монетой (рублей на 10): рабочій помогалъ рабочему.

Профессиональное движеніе широко раскинулось, но не успѣло укорениться, такъ какъ большинство союзовъ просуществовало какихъ-нибудь двѣ, три недѣли. Въ началѣ декабря союзы соединились вмѣстѣ, образовавъ центральное бюро,—но наступившіе декабрскіе дни быстро разрушили значительную часть профессиональныхъ организаций.¹⁾

Значеніе союзнаго движенія состояло въ томъ, что оно внесло идею организациі въ самые темные слои населенія, и, сплачивая ихъ на почвѣ профессиональныхъ нуждъ, сблизило съ партіей.

За дни свободъ агитаціи была поставлена хорошо. Организациа слабо.—Послѣднее вполнѣ понятно.—Сама партія не составляла организационнаго цѣлаго. Она дѣлилась фракціонной враждой и, не будучи единой, не могла успѣшно объединять. Мало того организационный вопросъ не былъ рѣшеннымъ и безспорнымъ. У фракцій существовали разные взгляды на него, разное отношеніе, напримѣръ, къ профессиональнымъ союзамъ. Съ другой стороны, не было никакого широкаго опыта партійнаго строительства. Приходилось создавать новыя формы. Наконецъ сама партія находилась во время дней свободъ, въ состояніи постоянного организационнаго измѣненія. Федеративное объединеніе, мало по малу замѣнялось полнымъ сліяніемъ, централизмъ переходилъ путемъ ряда ступеней въ демократизмъ и т. д.

Дни свободъ не могли внести много новыхъ элементовъ въ постановку агитаціи—она только неизмѣримо расширилась. Напротивъ для организационнаго строительства являлась новая, нежданная ситуация. Приспособить агитацію было гораздо легче, чѣмъ перестроить организацию.

Да и среди фракцій постановка агитаціи не вызывала разногласія и могла успѣшно вестись сообща.

Въ ноябрѣ прошелъ слухъ объ назначеніи въ Нижній губернаторомъ Нейдгардта, извѣстнаго по Одессѣ. Партія выставила лозунгъ «дой Нейдгардта», и заявила, что она приметъ рѣшительныя мѣры включительно до бойкота и забастовокъ, если Нейдгардтъ пріѣдетъ въ городъ. Началась кампанія. Цѣлый рядъ митинговъ и собраній принялъ резолюціи противъ Нейдгардта. Въ газетахъ (въ серединѣ

¹⁾ Крѣпче другихъ былъ сормовскій союзъ. Здѣсь вообще работа пошла широкимъ размахомъ. Рабочіе очень скоро добились передачи въ свои руки столовой, явившейся центромъ партійной работы, а затѣмъ и школы. Школы были выстроены и содержались на счетъ рабочихъ, но находились въ завѣдываніи церковнаго попечительства. Борьба изъ за школы шла уже давно, и лишь въ октябрѣ увенчалась побѣдой—завѣдываніе школами перешло въ руки рабочей комиссіи, выбранной по цехамъ. Это завоеваніе рабочіе сохранили и послѣ декабря.

ноября) появлялся особый отдѣлъ, который помѣщалъ резолюціи и протесты противъ Нейдгардта. Какъ извѣстно, одесскій сатрапъ не пріѣзжалъ въ Нижній.

Ходъ событій поставилъ партію на первый планъ. Она не только просвѣщала и организовывала массы—она руководила. И въ этой области, пожалуй, дѣло обстояло хуже всего. Масса ждала отъ агитаторовъ не только слова, но и практическаго лозунга. Часто партійные работники оказывались къ этому совершенно не способными. Они не были политическими вождями. У нихъ не было опыта. Это особенно относится къ тѣмъ работникамъ, какихъ масса вынесла впередъ изъ своей среды. Они были тѣсно связаны съ широкими слоями, но зато они не были способны къ политическому руководству. Партія имѣла людей теоретически образованныхъ, но эти «верхи» были мало связаны съ массами, масса не считала ихъ своими. Партіи не доставало опыта, который дается долговременнымъ открытымъ существованіемъ.

Несмотря на эти неблагоприятныя условія, партія за два мѣсяца развила грандіозную дѣятельность, потребовавшую напряженія всѣхъ ея силъ.

6.

Грандіозность дѣятельности социалдемократіи особенно бросается въ глаза, если сравнить дѣятельность другихъ партій за то же время.

Въ Нижнемъ послѣ социалдемократовъ изъ политическихъ партій наибольшую энергію проявили... черносотенцы. Они организовались въ союзъ «бѣлое знамя», и вступили въ горячую борьбу съ «красными». До дней свободы они ознаменовали себя іюльскими избіеніями. Въ дни свободъ они избивали въ Арзамасѣ, въ Горбатовѣ. Балахнѣ, но въ городѣ они должны были временно измѣнить тактику. Здѣсь они явились парламентаріями. Правда ихъ практики открыто призывали къ избіеніямъ евреевъ и «красныхъ» и пытались выступать активно. Но большинство боролось главнымъ образомъ путемъ слова и печати. Первые «бѣлыя» рѣчи раздались 20 октября на собраніи въ ремесленной управѣ. Вечеромъ того же дня кучка бѣлознаменцевъ прошла по улицамъ. Жалкій видъ былъ у этой процессіи—изъ нѣсколькихъ десятковъ человекъ съ 3—4 флагами—въ сравненіи съ тѣмъ, что Нижній видѣлъ наканунѣ. 21-го бѣлознаменцы организовали демонстрацію солиднѣе. Архіерей отслужилъ молебенъ на площади и затѣмъ толпа двинулась по всему городу съ флагами (съ надписями «да здравствуетъ свобода», «Боже царя храни» и т. д.), хоругвями, иконами и пѣніемъ молитвъ и гимна. Но и на этотъ разъ было съ любопытствующими и «начальствующими» не больше полуторы тысячи. Въ тотъ же день въ городѣ появляются воззванія—съ призывами избивать. Въ другихъ городахъ—молебенъ и процессія, какъ правило, приводили къ погрому. Въ Нижнемъ этого не произошло. Причина—страхъ передъ сормовичами, передъ рабочими, которые только на дняхъ показали всѣмъ свою организованность и силу. Среди массы шелъ упор-

ный слухъ:—въ случаѣ погрома сормовичи обѣщали разгромить черносотенцевъ, это поневолѣ охлаждало пылъ. 22 и 23 манифестаціи «бѣлыхъ» повторились, но уже въ меньшихъ размѣрахъ. Имъ сопутствовали патрули солдатъ и полиціи. Партіей было рѣшено не мѣшать «бѣлымъ» прогуливаться, но въ случаѣ погрома оказать энергичное сопротивленіе.

Наступили дни митинговъ. «Бѣлые» переняли тактику «красныхъ» и организовали свои митинги въ манежѣ, которые собирались довольно часто. Тутъ выступали заправилы, вродѣ Хохлова, инженера Николаева, священника Орловскаго, фельдшера Шитова и другіе; тутъ же говорили ораторы бѣлаго знамени. Сюда же приходили социалдемократы. Митинги носили обычно удивительно безтолковый, хаотическій характеръ. Ораторовъ прерывали криками. Всѣ говорили заразъ. Пѣли гимны и молитвы. Потомъ опять поднимался крикъ и шумъ. Снова молитвы, пѣніе, ругань и т. д. Публика была смѣшанная, преобладала сѣрая: дворники, кучера, лавочники, босяки, часть профессиональных хулигановъ. По праздникамъ приходило много крестьянъ. Часто аудиторія горячо аплодировала «красному» и кричала его лозунги несмотря на всѣ старанія заправить этому воспрепятствовать. «Краснаго» слушали гораздо внимательнѣе. Царила тишина и публика толковала: «красные-то говорятъ хорошо».

21-го шелъ митингъ въ коммерческомъ клубѣ, организованный социалдемократами. Вдругъ вваливается группа лицъ съ бѣлыми и національными знаменами, съ бѣлыми бантами на груди, съ пѣніемъ, криками. Въ публикѣ переполохъ. Бѣлые идутъ на эстраду ставятъ свои знамена рядомъ съ красными. Начинается правильная дискуссія бѣлыхъ съ социалдемократами. Дискуссія повторялась много разъ и въ клубѣ и въ Народномъ Домѣ, и обычно кончалась тѣмъ, что бѣлые знаменосцы, не дождавшись конца, съ пѣніемъ «Спаси Господи» уходили. Но значительная часть оставалась, сбрасывала бѣлые значки и бросала бѣлые флаги. Скоро такіа демонстративныя хожденія «къ краснымъ» прекратились. Бѣлые испугались, какъ бы социалдемократы не переманили къ себѣ ихъ сторонниковъ.

Бѣлыми издавались прокламаціи, при этомъ они прибѣгали къ простому приему. Они списывали фразу за фразой социалдемократическую прокламацію, но мѣняли ея смыслъ на обратный: призывы «не вѣрьте правительству», «идите въ ряды социалдемократовъ»—замѣняли «правительству вѣрьте, идите въ ряды бѣлыхъ»—и т. д. Даже марсельеза была переведена на «бѣлый языкъ». Успѣха эти прокламаціи не имѣли.

Администрація, конечно, все время покровительствовала «бѣлому знамени» и въ декабрѣ изъ ея рядовъ губернаторомъ была организована, такъ называемая, «черносотенная гвардія» подъ руководствомъ офицеровъ. Губернаторъ утверждалъ, что она составлена изъ «лицъ вполне благонамѣренныхъ и хорошо мнѣ извѣстныхъ», поэтому тревога въ городѣ была понятна. Скоро поведеніе этой гвардіи, пропивавшей свое оружіе, заставило ее распустить. Въ сущности, борьба партій выразилась главнымъ образомъ въ борьбѣ бѣлыхъ и красныхъ.

Всѣ остальные подраздѣленія какъ-то стушевались; въ такой общей формѣ борьба стала понятной для самыхъ широкихъ массъ. Бѣлый флагъ явился олицетвореніемъ стараго режима, красный—новаго.

Агитація бѣлознаменцевъ заставила партію, съ одной стороны, пойти въ среду самыхъ сѣрыхъ и отсталыхъ элементовъ, съ другой—упростить и приблизить агитацію къ широкимъ массамъ. «Бѣлая» агитація помогла глубже забрести политикѣ. Самые темные элементы были втянуты въ борьбу красныхъ съ бѣлыми и старались рѣшить для себя вопросъ, какая партія чьи интересы защищаетъ.

Борьба съ черносотенной агитаціей выпала на долю главнымъ образомъ социалдемократіи и она очень успѣшно выполнила эту задачу. Ея агитаторы шли на черносотенные митинги, рядовые работники вмѣшивались въ толпу на улицѣ и агитировали, заводили бесѣды съ извозчиками, крестьянами и т. д., ходили по трактирамъ. Всюду велась горячая борьба. Буржуазія всполошившись отъ слуховъ о погромѣ—образовала (при думѣ) «умиротворительный комитетъ». Желаніе его было не столько ослабить бѣлыхъ, сколько сократить красныхъ. Онъ обращался къ краснымъ партіямъ съ просьбой не устраивать демонстрацій, сбавить тонъ и чуть-ли не прекратить митинги; затѣмъ онъ обратился съ воззваніемъ къ населенію и незамѣтно опочилъ.

Изъ другихъ партій проявляли себя социалисты-революціонеры (главнымъ образомъ въ Сормовѣ). Ихъ работа сводилась главнымъ образомъ къ агитаціи. Крупной роли они совершенно не играли, тѣмъ болѣе, что большую часть своихъ силъ они направили въ губернію.

Кадеты совершенно не были замѣтны.—22-го октября было первое собраніе членовъ партіи. 31-го первый митингъ организованный ими (не для широкихъ массъ, а исключительно для интеллигенціи). Позже они устроили одну—двѣ лекціи, нѣсколько партійныхъ собраній, но на народныхъ митингахъ не выступали вовсе (за 1—2 исключеніями). Они ограничились распространеніемъ 2—3 брошюръ. Ихъ политическая роль была ничтожна. Вліянія на массы—никакого. Другія буржуазныя партіи ничѣмъ себя не заявили.

Что касается буржуазіи вообще—ея поведеніе иллюстрировалъ городской голова. 19-го октября онъ говоритъ либеральную рѣчь, ругаетъ казаковъ и полицію, обращается на площади съ рѣчью къ народу и кричитъ, стоя подъ краснымъ флагомъ: «да здравствуетъ свобода». 20-го онъ благодаритъ рабочихъ городскихъ боенъ за то, что они не присоединились къ забастовкѣ. 22-го на нападки бѣлознаменцевъ отвѣчаетъ, что онъ «стоитъ подъ бѣлымъ знаменемъ, но готовъ встать и подъ краснымъ». Въ концѣ ноября онъ подноситъ адресъ и говоритъ благодарственную рѣчь губернатору. Вскорѣ онъ принимаетъ участіе въ составленіи черносотеннаго рѣшенія Городской Думы.

7.

Декабрьской забастовки совсѣмъ не ожидали. Всѣ были увѣрены, что послѣдній бой разгорится въ январѣ. Съ этимъ расчетомъ комитетъ издалъ прокламацію («Готовьтесь»)—гдѣ указывалъ на неизбѣж-

ность новаго массового выступленія. Прокламація была уже отпечатана въ тотъ моментъ, когда забастовка началась. Первые слухи пришли въ среду 7-го декабря, 8-го частью забастовала нижегородская дорога, но очень не дружно. Надвигавшіяся событія еще не ощущались. 9-го была лекція объ аграрномъ вопросѣ, на 14-е назначили митингъ въ память декабристовъ. Событія шли быстромъ темпомъ. 9-го окончательно остановились желѣзныя дороги, а въ тотъ же день Сормово рѣшило начать забастовку съ 12-го, а субботу посвятить ковкѣ оружія. Кажется, не одна сотня пудовъ желѣза ушла на пики, ножи, бомбы и т. д. Извѣстія изъ Сормова повліяли и на городъ. Агитація за забастовку началась еще 8-го. Она имѣла слабый успѣхъ. Вліяла и безработица и близость праздниковъ. Въ субботу 10-го былъ желѣзнодорожный митингъ, а вечеромъ общее собраніе партіи въ городской библиотекѣ. Настроеніе было нервное-приподнятое и въ то же время мрачное. Сообщали свѣдѣнія о настроеніи рабочихъ, числѣ и духѣ войскъ. Были прочитаны тревожныя телеграммы изъ Москвы. Какой то пустой возгласъ у дверей вызвалъ нелѣпую панику—шумъ, крики, толкотню. Эта паника подѣйствовала еще болѣе угнетающе, чѣмъ извѣстія. Если партійные работники такъ легко дезорганизуются отъ одного возгласа—не было надежды на успѣшное выступленіе. Общій характеръ сообщеній изъ районовъ, несмотря на невольный оптимизмъ ораторовъ, былъ очень печальный. Тѣмъ не менѣе, стачка была неизбежна. Она была назначена на 12-е. Всѣ понимали, что она будетъ только демонстраціей и продлится 2—3 дня. Въ воскресенье, 2-го на митингахъ (было собраніе профессиональныхъ союзовъ, съѣздъ судоводныхъ служащихъ и т. д.) приглашали примкнуть къ забастовкѣ. Приблизительно въ этотъ же день возникъ стачечный комитетъ изъ представителей партій (соціалдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ), и профессиональныхъ союзовъ. Попытокъ создать Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ не было. Забастовкой такимъ образомъ руководили объединенной комитетъ (бюллетени и воззванія выпускались отъ его имени), и, отчасти, стачечный. Они не всегда ладили—единства не было. Стачечный комитетъ, смѣшанный по составу (тутъ были представители и буржуазіи), не пользовался авторитетомъ, да и вообще мало проявлялъ себя.

12-го забастовка началась. Было рѣшено избѣгать насильственныхъ дѣйствій, разрѣшено торговать мелочнымъ лавкамъ. Часть крупныхъ заведеній сами бросили работу. Большую часть приходилось снимать. Въ этотъ день бастовали механическіе заводы (Добровскій, Курботовскій), винный складъ, типографіи, портняжныя мастерскія, папиросныя фабрики, нѣсколько столярныхъ и жестянныхъ мастерскихъ и т. д. Въ Канавинѣ и Молитовкѣ бастовали всѣ крупныя фабрики, заводы и мельницы.

13-го забастовка тянулась такъ же вяло. Приходилось почти всѣхъ снимать. Присоединились къ забастовкѣ городская управа, бани, винныя лавки, дрожжевая фабрика, нѣсколько жестянныхъ, кондитерскія, пивные склады, почто-телеграфная контора, учебныя заведенія. Въ Канавинѣ настроеніе было лучше, шли многочисленныя митинги на вокзалѣ.

Вечеромъ было общее собраніе партіи. Всталъ вопросъ о прекращеніи забастовки. Было очевидно, что настроенія нѣтъ. Чувствовалось уже черносотенное озлобленіе. Забастовка провалилась. Собраніе было вынуждено рѣшить, чтобы на слѣдующій день (въ среду 14-го) бастовали только желающіе. Рѣшили снимать только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть настроеніе, а съ четверга забастовку прекратить.

14-го фактически забастовка прекратилась. Почти всѣ принялись за работу. Продолжали бастовать Добровскаго и Курбатовскій заводы, типографіи—(газеты не выходили 13-го, 14-го, 15-го)—и нѣкоторыя мелкія заведенія. Тѣмъ временемъ губернаторъ началъ организовывать черносотенную милицію и объявилъ городъ на положеніи чрезвычайной охранны. Въ тотъ же день къ вечеру громадное зарево показалось надъ Сормовымъ. Горѣла столовая. Въ городѣ было тревожно-тихо. Ночью начались обыски и аресты (арестовано 22 человекъ: докторъ Н. А. Семашко, А. М. Летова, А. П. Невзорова, докторъ Либинъ, А. А. Яворскій и др.). Народный Домъ, Всесловный клубъ и городская бібліотека послѣ обыска были запечатаны. 15-го въ городѣ забастовка прекратилась окончательно.

Дни забастовки иначе прошли въ Канавинѣ. 14-го произошло столкновеніе толпы, собравшейся на митингъ съ черной сотней. Послѣ залпа дружинниковъ бѣлознаменцы, побросавъ оружіе, бѣжали. Въ тотъ же день начались неистовства казаковъ. Казаки разгоняли митинги, обстрѣливали дома, черносотенцы избивали прохожихъ. Были попытки построить баррикады.

Въ Сормовѣ забастовка началась съ 8-ми часовъ утра; въ понедѣльникъ послѣ митинга на заводѣ толпа пошла къ народной столовой. Туда не пустили. Полиція предложила немедленно («въ три минуты») разойтись. Организациія рѣшила подчиниться. Стали расходиться. Въ этотъ моментъ кто-то выстрѣлилъ. Казаки и полицейскіе открыли пальбу. Толпа разбѣжалась, оставивъ нѣсколько раненыхъ и убитыхъ (въ томъ числѣ былъ мальчикъ).

Затѣмъ начались неистовства. Казаки стрѣляли въ проходящихъ. Напали на домъ Чугурина. Въ нихъ была брошена бомба. На другой день съ ранняго утра толпа стала строить баррикады около училища Александра III. Было выстроено нѣсколько десятковъ баррикадъ на главной улицѣ и на прилегающихъ боковыхъ улицахъ и переулкахъ. За ними засѣло нѣсколько сотъ человекъ. Обыватели снабжали ихъ пищей. У осажденныхъ было нѣсколько ружей, (главнымъ образомъ охотничьихъ), револьверы, бомбы, много холоднаго оружія и двѣ самодѣльные пушки. 13-го происходила перестрѣлка. Казаки стояли далеко, до нихъ хватала только пушка (дѣйствовала только одна), вѣстрѣломъ которой, между прочимъ, былъ убитъ офицеръ. Происходили вылазки. Вечеромъ изъ города пришли двѣ пушки. 14-го началась бомбардировка. Послѣ первыхъ же выстрѣловъ (изъ нихъ одинъ убилъ шесть человекъ)—было рѣшено оставить баррикады, такъ какъ сопротивленіе было фактически невозможно. Баррикады были оставлены, все оружіе унесено. Артиллерія долго продолжала разстрѣливать пустыя баррикады. Потомъ пошли на штурмъ. Зало-

женные фугасы были взорваны, но раньше времени. Къ вечеру баррикады были въ ихъ рукахъ. Губернаторъ, немедленно приступилъ къ арестамъ.

Нѣсколько дней продолжались неистовства. Между прочимъ былъ убитъ арестованный рабочій Шимборскій. За декабрскіе дни въ Соромовѣ и Канавинѣ пострадало нѣсколько десятковъ чело-вѣкъ (около 15-ти чело-вѣкъ было убито).

Платонъ Лебедевъ.

Общество литературныхъ преній въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1837 года открыто было составившееся въ Петербургѣ 4-го января того же года „Общество литературныхъ преній“, цѣлью коего было развитіе умственныхъ способностей и распространеніе умственныхъ удовольствій.

Законы и правила этого общества были слѣдующіе:

1. Общество сіе будетъ именоваться „обществомъ литературныхъ преній“; цѣль его есть развитіе умственныхъ способностей.

2. Назначается ежемѣсячная подписка по 5 р.; сверхъ того каждый членъ, при вступленіи, долженъ внести 10 р.

3. При обществѣ избирается Секретарь, который будетъ обязанъ завѣдывать счетной частію общества, а также вести протоколы его дѣйствій и всѣми силами стараться объ успѣхѣ общества, пользуясь по сему правомъ участвовать въ преніяхъ.

4. Учреждается Комитетъ изъ 4-хъ лицъ, избираемыхъ изъ числа членовъ общества, который, вмѣстѣ съ Секретаремъ, долженъ наблюдать и пешихъ о пользахъ общества, пользуясь правомъ вводить дополнительные законы и постановленія, кои бы могли быть съ пользою приняты.

5. Комитетъ имѣть право назначать во всякое время чрезвычайное собраніе, какъ скоро польза общества того требуетъ; но онъ обязанъ предупредить о томъ, по крайней мѣрѣ, за недѣлю.

6. Комитетъ распускается каждыя 6 мѣсяцевъ въ общемъ собраніи, и въ томъ же засѣданіи общество приступаетъ къ учрежденію новаго Комитета изъ 4-хъ же лицъ, вмѣсто выбывшихъ.

7. Всѣ подлиски и деньги, слѣдующія обществу, принимаются Секретаремъ, который обязанъ подводить счета и давать объ оныхъ надлежащій отчетъ гг. членамъ.

8. Всѣ деньги, поступающія такимъ образомъ къ Секретарю, должны быть обращаемы на уплату чрезвычайныхъ издержекъ общества и на покупку книгъ (подъ руководствомъ Комитета), для употребленія Гг. членовъ.

9. Отчетныя книги Секретаря должны всегда быть открыты для членовъ, желающихъ оныя ревизовать.

10. Каждые 3 мѣсяца назначается общее собраніе членовъ для разсмотрѣнія состоянія и успѣховъ общества.

11. Такъ какъ цѣль общества есть развитіе умственныхъ способностей, то посему все, что клонится къ изощренію чувственныхъ склонностей, или какимъ бы то ни было образомъ поставляетъ препятствія къ достиженію

предполагаемой цѣли. строго запрещается, какъ на примѣръ: игра, излишнее употребленіе напитков и проч.

12. Въ каждомъ засѣданіи избирается президентъ для слѣдующаго засѣданія: онъ обязанъ смотрѣть за соблюденіемъ порядка и установленной для преній очереди; самъ же не принимаетъ никакого въ ономъ участія, развѣ въ томъ только случаѣ, если мнѣнія членовъ раздѣлены будутъ поровну, — тогда голосъ президента даетъ перевѣсъ.

13. Каждый членъ имѣетъ право приводить съ собою одного изъ своихъ пріятелей на вечернія засѣданія.

14. Никто изъ членовъ не имѣетъ права говорить о предложенномъ предметѣ болѣе 2-хъ разъ въ одномъ и томъ же засѣданіи, развѣ только съ разрѣшенія Президента.

15. Каждый членъ, желающій предложить о покупкѣ какой-либо книги, долженъ изъяснить свое желаніе въ одномъ изъ еженедѣльных засѣданій. Всѣ таковыя покупки будутъ дѣлаемы Секретаремъ подъ руководствомъ Комитета и никакія книги не будутъ покупаемы для общества иначе, какъ вслѣдствіе такового предложенія и съ согласія большинства голосовъ.

16. Когда кто изъ членовъ пожелаетъ предложить какой-либо предметъ на разсмотрѣніе общества, то онъ долженъ письменно предварить о томъ Секретаря, по крайней мѣрѣ за недѣлю и предлагаемые такимъ образомъ предметы должны быть разбираемы по очереди; Президентъ или Секретарь въ каждомъ засѣданіи опредѣляетъ занятія будущаго засѣданія.

17. Политическіе и до религіи относящіеся предметы ни подъ какимъ видомъ допускаемы быть не могутъ и всякія сочиненія, опыты и рѣчи о таковыхъ предметахъ будутъ почитаемы противозаконными и вредными для успѣха общества.

18. Никакія личности или оскорбительныя замѣчанія въ продолженіи засѣданія не дозволяются.

19. Присутствіе не менѣе 6-ти голосовъ почитается достаточнымъ для открытія совѣщанія.

20. Рѣшенія постановляются не иначе, какъ по большинству голосовъ а выборъ на должности по баллотировкѣ.

21. О всякомъ общемъ или частномъ собраніи, Секретарь долженъ объявить во время засѣданія за недѣлю и письменно извѣстить о томъ отсутствующихъ.

22. Всѣ книги принадлежащія обществу, хранятся у Секретаря, который и отвѣчаетъ за цѣлость ихъ.

23. Никто изъ членовъ не имѣетъ права удержать у себя книгу болѣе недѣли, въ противномъ случаѣ повиненъ заплатить 20 коп. пени за каждый день просроченный; въ случаѣ потери книги, покупается другая на счетъ потерявшаго ее.

24. Подписка принимается Секретаремъ отъ 1 до 7-го числа cadaго мѣсяца.

25. Въ случаѣ уничтоженія общества, счета будутъ представлены въ собраніи, особо для сего предмета назначенномъ, книги будутъ раздѣлены на столько равныхъ частей, сколько въ обществѣ будетъ находится членовъ, засѣдающихъ не менѣе 6-ти мѣсяцевъ и розыграны въ дотерю. Буде по уплатѣ всѣхъ нужныхъ расходовъ, у Секретаря еще остаются деньги, то дальнѣйшее ихъ употребленіе будетъ зависѣть отъ произвола общества.

26. Секретарь долженъ снабдить каждаго члена копіей съ законовъ Общества и буде кто изъ членовъ поступитъ въ противность онымъ, то повиненъ внести 2 р. пени за каждый проступокъ.

27. Если кто изъ членовъ будетъ задержанъ дѣлами, не позволяющими ему засѣдать, то онъ долженъ за 6 часовъ изустно или письменно увѣдомить о томъ секретаря (болѣзненные случаи исключаются).

28. Желаящій вступить въ члены общества долженъ быть предварительно предложенъ двумя членами, а выборъ производится по баллотировкѣ. Членами этого общества были: *Г. М. Брокенергъ, Л. Оттенъ, Дж. Сайверсъ, Дж. Кольманъ, А. Суанъ, Н. Интелманъ, А. Д. Гилико, Д. Витте, С. Н. Коллеръ* ¹⁾.

Предметы, о коихъ въ обществѣ было уже говорено:

„Полезно, или нѣтъ вводить въ употребленіе машины?

Талантъ есть ли даръ природный или пріобрѣтенный?

Вездѣ ли полезно установленіе обществъ воздержанія?

Должно ли предпочитать супружество холостой жизни?

Четыре опыта о временахъ года.

Дозволено ли самоубійство?

Казнь Маріи Королевы Шотландской можетъ ли почитаться справедливою со стороны Елисаветы?

Какое вліяніе имѣетъ на нравственность учрежденіе воспитательныхъ домовъ?“

Общество это, установленное безъ вѣдома правительства, существовало только 5 мѣсяцевъ, и членамъ онаго, по Высочайшему повелѣнію, объявлено, чтобы они не осмѣливались на будущее время составлять никакихъ тайныхъ обществъ.

¹⁾ Изъ разныхъ торговыхъ домовъ.

Изъ исторіи соціалдемократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году.

(Личныя воспоминанія).

Окончаніе ¹⁾).

IV.

Какъ же за все это время проходила и развивалась жизнь петербургской подпольной организаціи соціалдемократической партіи? Послѣ январскихъ событій центральнымъ комитетомъ партіи были командированы въ Петербургъ наиболѣе видные и опытные соціалдемократическіе дѣятели Россіи и мѣстная центральная группа по составу своему была, вѣроятно, самой выдающейся партійной организаціей въ Россіи. Интеллигентская периферія была также очень многочисленна: всѣхъ интеллигентовъ, принимавшихъ регулярное участіе въ агитаціонной и пропагандистской работѣ организаціи и въ ея техническихъ предпріятіяхъ, было не меньше 300. Чуткость и воспримчивость рабочихъ за это время подъ вліяніемъ начавшейся въ Россіи революціи и въ особенности историческихъ январскихъ дней, настолько увеличилась, желаніе разобраться въ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ важныхъ событіяхъ общественной жизни настолько было сильно, что рабочіе гораздо охотнѣе шли въ кружки и организаціи, чѣмъ когда-либо раньше. Такимъ образомъ создалась въ высшей степени благоприятная почва для соціалдемократической работы, и петербургская организація настолько выросла, что достигла небывалыхъ для подпольной организаціи размѣровъ. Число правильно функционировавшихъ кружковъ доходило до 250, не говоря уже о довольно частыхъ «летучкахъ» и «массовкахъ».

Очень скоро однако оказалось, что такіе размѣры были слишкомъ велики для подпольной организаціи, и что послѣдняя уже не въ состояніи была внести въ свою работу ни достаточной цѣльности, ни планомѣрности. Мало того. Обнаружилось такое противорѣчіе между провозглашаемыми задачами партіи и фактическимъ содержаніемъ ея

¹⁾ См. „Былое“. Апрель.

дѣятельности, что съ ростомъ партіи росли и ея центробѣжные, разлагающіе элементы, и организація, созданная съ большимъ трудомъ, оказалась крайне непрочной.

Главное содержаніе работы организаціи составляли пропаганда и агитація въ кружкахъ. Кружокъ представлялъ основную ячейку организаціи, поглощавшую почти всѣ ея силы: преимущественно кружковую работу объединяли и регулировали подрайонныя, районныя организаціи и агитаторскія собранія. Болѣе широкіе митинги на заводахъ или у ихъ воротъ, выступленія на легальныхъ собраніяхъ, были крайне рѣдкимъ явленіемъ. Такимъ образомъ по характеру своей дѣятельности, петербургская социалдемократическая организація и въ 1905 году продолжала представлять собой по преимуществу широко развѣтвленное тайное общество пропаганды социалдемократическихъ идей. Но въ виду того, что темпъ общественной жизни былъ въ это время гораздо болѣе быстрый, чѣмъ когда бы то ни было раньше, и что организація партіи, претендующей на роль руководителя рабочаго класса, не могла уже болѣе замкнуться въ своемъ собственномъ подпольномъ мірѣ и принуждена была реагировать на волнующіе всю Россію вопросы, кружки начинаютъ терять тотъ характеръ, который они имѣли раньше. О планомерной медлительной пропагандѣ уже не могло быть и рѣчи. Темы собесѣдованій и занятій въ кружкахъ стали диктоваться не опредѣленнымъ предварительно выработаннымъ планомъ занятій, какъ это было раньше, а самой, все болѣе и болѣе усложняющейся жизнью. Пропагандистъ, читавшій рядъ лекцій по социалистической теоріи и рабочему движенію, уступилъ мѣсто агитатору, ведущему бесѣду по современнымъ вопросамъ жизни, разъясняющему практическіе лозунги, вырабатываемые центральной организаціей и потому постоянно мѣняющему тему своихъ занятій. Такимъ образомъ организація начинаетъ терять свой характеръ пропагандистскаго общества и начинаетъ развивать дѣятельность, которая должна быть рассчитана не только на то, чтобы вліять на сознание отдѣльныхъ рабочихъ, но также и на то, чтобы оказывать воздѣйствіе на болѣе широкіе круги; другими словами, она обнаруживаетъ тенденцію превратиться въ политическую партію. Подпольный, кружковой характеръ партіи ставилъ, однако, этой тенденціи непреодолимые препятствія.

Въ самомъ дѣлѣ, если, измѣняя содержаніе работы этихъ кружковъ, партія дѣйствительно стремилась къ тому, чтобы лозунги ея претворились въ массовые дѣйствія,—ея агитаціонная работа въ кружкахъ имѣла бы *raison d'être* лишь въ томъ случаѣ, еслибы она могла рассчитывать, что изъ кружковъ ея лозунги распространятся въ болѣе широкихъ слояхъ пролетаріата. Но тогда подборъ членовъ кружковъ, какъ и вообще рекрутированіе рабочихъ въ партійныя организаціи, должны были бы совершаться на иныхъ основаніяхъ. Партія должна была бы включать въ себя дѣйствительно наиболѣе активные и инициативные, наиболѣе вліятельные и передовые элементы рабочихъ. Для этого партія должна была бы либо постоянно сталкиваться съ широкими рабочими массами и изъ нихъ привлекать ихъ естественныхъ вожаковъ, ихъ прирожденныхъ агитаторовъ. Либо партія должна была бы расширять свою дѣятельность на всю классовую борьбу проле-

таріата, и, завоевывая благодаря этому среди обширныхъ круговъ пролетаріата репутацію истинно рабочей организаціи, настоящей выразительницы рабочихъ интересовъ, сама бы естественно втягивала въ себя рабочихъ съ наиболѣе развитымъ общественнымъ чувствомъ и наиболѣе яснымъ классовымъ сознаниемъ. Извѣстно, что партія не дѣлала ни того, ни другого. Я уже указывалъ, что будучи подпольной пропагандистской организаціей, и въ соотвѣтствіи съ этимъ болѣе всего заботясь о чистотѣ своихъ принциповъ, она оставалась чуждой жизни широкихъ рабочихъ массъ и даже сторонилась отъ ихъ организаціонныхъ стремленій, проявившіяся въ гапоновскомъ движеніи. Съ другой стороны, ставя своей задачей исключительно политическую борьбу или правильнѣе пропаганду политической борьбы въ небольшихъ кругахъ рабочихъ, она для рабочей массы никогда не была своей пролетарской партіей. Поэтому рекрутированіе рабочихъ членовъ въ организацію зависѣло отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ. По большей части въ наши кружки и слѣдовательно вообще въ социалдемократическую организацію попадали рабочіе наиболѣе молодые, которые въ кружкахъ искали главнымъ образомъ знаній, удовлетворенія своихъ умственныхъ интересовъ и были недовольны всякимъ расширеніемъ задачъ организаціи, поскольку оно вредило пропагандистской дѣятельности въ кружкахъ. Тѣ же немногочисленные болѣе активные и зрѣлые элементы, которые привлекались теоретически провозглашаемыми задачами партіи—быть авангардомъ классовой борьбы пролетаріата и его руководителемъ—или быстро уходили изъ нея или же, оставаясь въ ней, выражали наоборотъ недовольство тѣмъ, что главные задачи партіи остаются на бумагѣ, а партія на самомъ дѣлѣ занимается пропагандой въ кружкахъ. Такимъ образомъ лишь только партійная организація нѣсколько разрасталась, въ ней должны были возникнуть тренія: создавалась оппозиція, которая, какъ мы видѣли, составлялась изъ двухъ частей, предъявлявшихъ партіи совершенно противоположныя требованія, но связанныя общимъ недовольствомъ.

Обыкновенно оппозиціонныхъ рабочихъ связывало также недовольство организаціоннымъ строеніемъ партіи. Извѣстно, что со времени побѣды направленія «Искры» надъ другимъ социалдемократическимъ теченіемъ, организаціонный демократизмъ сталъ синонимомъ хвостизма, оппортюнизма и тому подобныхъ грѣховъ. Демократическій принципъ былъ изгнанъ изъ организаціи почти повсюду. И слѣдуетъ сознаться, что въ обществѣ пропаганды,—каковымъ фактически партія всегда была,—общества, состоящаго изъ учителей-интеллигентовъ и учениковъ-рабочихъ, демократизмъ не является насущной необходимостью и проведеніе его снизу доверху было, пожалуй, и практически неосуществимо. Мудрено установить равенство правъ и обязанностей между интеллигентами членами руководящихъ организацій, переживавшими рядъ періодовъ партійной жизни, дѣятельно обсуждавшими массу теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, устраивавшихъ общепартійные и областные съѣзды и конференціи съ одной стороны, и рабочими партійныхъ низовъ, за крайне рѣдкими исключеніями, остававшимися совершенно чуждыми всей этой сравнительно богатой теоретической жизни партіи и выполнявшими лишь роль слушателей въ

кружках—съ другой стороны. И безъ сомнѣнія, правы были тѣ, которые говорили, что при реальныхъ задачахъ партійной дѣятельности демократизмъ превратится въ значительной степени лишь въ игру въ демократизмъ, а не можетъ быть дѣйствительнымъ проведеніемъ въ жизнь организаціонныхъ демократическихъ принциповъ. Они не отдавали себѣ однако отчета въ томъ, что вмѣстѣ съ отрицаніемъ демократизма произносится смертный приговоръ и вообще надъ возможностью социалдемократической партіи въ Россіи.

Меньшевики, у которыхъ, безъ сомнѣнія, сильнѣе было сознаніе ненормальности существованія рабочей партіи безъ широкихъ рабочихъ кадровъ и демократической партіи безъ демократическихъ принциповъ и съ безотвѣтственной передъ низами партійной бюрократіей во главѣ, въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ начали съ того, что объявили войну излишнему бюрократизму.

Но въ своихъ положительныхъ организаціонныхъ предложеніяхъ, въ конституціи, которую они предлагали дать партіи они снова, совершенно разумѣется безсознательно, шли по стопамъ «подпольной» бюрократіи. Дальше «законосовѣщательныхъ» учрежденій изъ партійныхъ низовъ, они не шли. Демократизмъ они замѣнили такъ называемымъ «принципомъ освѣдомленности». Въ своихъ организаціяхъ они требовали отъ всѣхъ членовъ руководящихъ группъ проведенія возможно полного освѣдомленія всѣхъ низовъ по всѣмъ вопросамъ партійной теоріи и практики. Всякія рѣшенія руководящихъ учрежденій должны были по возможности подробно и всесторонне обсуждаться въ районныхъ и подрайонныхъ организаціяхъ и даже въ кружкахъ. Но примутъ ли правящія сферы мнѣнія низовъ во вниманіе, и вообще каковы были формальныя права послѣднихъ, не было точно опредѣлено. Принималось за нѣчто вполне очевидное, что благоразумное руководящее учрежденіе, должно будетъ считаться съ мнѣніями низовъ и не приметъ рѣшеній, противорѣчащихъ желанію большинства партійныхъ членовъ, но строго опредѣленныхъ правъ, которыя гарантировали бы низамъ вліяніе на всю партійную работу и обязывали бы верхи выполнять ихъ рѣшенія, не было. Само собой разумѣется, что такая организаціонная непослѣдовательность, такая демократическая робость и половинчатость не могла не служить причиной постоянныхъ треній и недоразумѣній между рабочими низами и интеллигентными верхами партіи. Партійный «народъ» требовалъ законодательныхъ, и не хотѣлъ довольствоваться одними «законосовѣщательными» учрежденіями. Чтобы заключить аналогію между подпольной и надпольной бюрократіями, прибавлю, что когда впоследствии, послѣ октябрьской «конституціи» партія стала открытой и ввела въ свою организацію демократическій принципъ, петербургская меньшевистская группа рекомендовала двустепенное избирательное право при выборахъ делегатовъ на меньшевистскую конференцію, между прочимъ на томъ основаніи, что, какъ выразился одинъ изъ старыхъ членовъ партійной бюрократіи, «съ введеніемъ демократическаго принципа партія дѣлаетъ прыжокъ въ неизвѣстное» и потому ей приходится принять мѣры противъ того, чтобы на партійныя рѣшенія не получили рѣшающаго вліянія «люди незнакомые ни съ прошлымъ, ни съ настоящимъ партіи».

Оппозиція среди партійныхъ рабочихъ низовъ противъ центральныхъ учрежденій объединилась такимъ образомъ требованіемъ оздоровленія партіи посредствомъ ея демократизаціи. Всѣ партійныя бѣды, всѣ ея неудачи приписывались отсутствію демократизма, который сталъ для оппозиціи панацеей отъ всѣхъ золъ. Онъ связывалъ всѣхъ недовольныхъ партійной дѣятельностью, какъ ни противорѣчивы были другія требованія, предъявляемые ими партіи. Попытаюсь иллюстрировать развитія мной общія положенія о партійной жизни рассказомъ о своемъ опытѣ въ нарвскомъ и городскомъ районахъ Петербурга, которые занимали среднее положеніе между крайне оппозиционнымъ выборгскимъ райономъ и другими нѣсколько болѣе мирно настроенными районами.

«Командированъ» я былъ петербургской организаціей, въ нарвскій районъ, какъ я уже упомянулъ, послѣ январскихъ дней. Изъ небольшого состава партійныхъ рабочихъ наиболѣе выдающіеся были арестованы, и крошечная районная организація еще болѣе ослабѣла. Въ партійной организаціи было лишь 20—30 рабочихъ путиловскаго завода и 10—15—вагоностроительнаго завода за московской заставой, которая, какъ отдѣльный подрайонъ, входила въ нарвскій районъ. Первымъ дѣломъ было поэтому расширеніе контингента рабочихъ, подлежавшихъ постоянному вліянію партіи въ кружкахъ. Послѣ кратковременной усиленной работы какъ партійныхъ рабочихъ, такъ и интеллигентовъ-агитаторовъ, эта задача вполне удалась. Число кружковъ очень быстро значительно выросло. Максимальное число ихъ было 35—40 за нарвской и 20—25 за московской заставой, изъ которыхъ въ каждомъ было 5—8 рабочихъ. Кромѣ нихъ какъ за нарвской, такъ и за московской заставой былъ центральный или подрайонный кружокъ, состоявшій изъ 6—8 рабочихъ 1—2 интеллигентовъ-агитаторовъ и организатора района, члена петербургской центральной группы. Полагалось, что въ каждый пропагандистскій кружокъ долженъ входить членъ центрального кружка, который долженъ былъ освѣдомлять членовъ перваго кружка о партійныхъ дѣлахъ, обсуждавшихся въ районной и подрайонной организаціи, снабжать ихъ легальной и нелегальной литературой и доставлять для болѣе широкаго распространенія листки. Онъ же долженъ былъ давать отчеты въ центральномъ кружкѣ. Кромѣ подрайоновъ существовала еще очень вліятельная агитаторская коллегія, состоявшая изъ 15—20 агитаторовъ и пропагандистовъ. Представители центральныхъ подрайонныхъ кружковъ входили въ районное собраніе, руководившее всей партійной работой въ районѣ; въ него тоже входили представители агитаторской коллегіи и снова организаторъ района. Вся организація за все время своего существованія функционировала очень правильно и стройно, и, по всей вѣроятности, года 2—3 тому назадъ она считалась бы образцовой. Поскольку въ ней были недочеты, они преимущественно зависѣли отъ слишкомъ большихъ централизаторскихъ тенденцій, которыя пыталась, но не была въ состояніи, проводить съ пользой для дѣла руководящая петербургская группа. Отдѣльные районы имѣли напр. очень ограниченное право издавать листки, въ лучшемъ случаѣ они могли реагировать листками на районныя злобы

дня исключительно мѣстнаго характера, а такъ какъ центральная организація оказывалась не въ силахъ обслуживать всѣ районы, то листки были и рѣдки и въ недостаточномъ количествѣ. Кромѣ того содержаніе, а еще болѣе форма листовъ, вызвала вѣчное недовольство: по мнѣнію рабочихъ они были и не популярны, и слишкомъ рѣзки. Пробовали было рабочіе сами писать листки, и порой очень образные и сильные, но послѣдніе почему-то либо застрѣвали по пути въ редакцію и не появлялись въ свѣтъ, либо рабочіе не соглашались на предлагаемыя исправленія. Писатели-рабочіе обыкновенно оказывались очень самолюбивыми авторами и ихъ съ большимъ трудомъ удавалось заставить согласиться на измѣненія или поправки въ ихъ произведеніяхъ. Какъ бы то ни было, но листки были большимъ пунктомъ въ дѣятельности всей партійной организаціи въ Петербургѣ. Кружковая же дѣятельность не только въ указанномъ районѣ, но почти во всемъ Петербургѣ, была поставлена очень широко.

Послѣ январскихъ событій эта дѣятельность однако почти никого не удовлетворяла. Надежды на то, что намъ посредствомъ кружковъ удастся захватить значительные круги рабочихъ, уже давно исчезли. Кромѣ того недавнія массовыя событія намъ показали, что въ крупныхъ пролетарскихъ выступленіяхъ вожди рабочихъ менѣе всего черпаются изъ кружковъ. Напротивъ, оказалось даже, что мы своими кружками скорѣе отрываемъ рабочихъ отъ ихъ родной стихіи, настолько заполняемъ ихъ интересами кружка, подрайона, района, что они теряютъ чутье дѣйствительно пролетарской массовой борьбы. И для партійныхъ рабочихъ узкіе интересы партійной организаціи оттѣснили на задній планъ общіе интересы классовой борьбы. За нарвской заставой это проявилось очень опредѣленно и рѣзко, хотя, конечно, не вполнѣ сознавалось самими партійными рабочими. Если рабочіе центрального кружка и принимали участіе въ проведеніи стачекъ на путиловскомъ заводѣ, то менѣе всего они являлись руководителями или инициаторами ихъ. Въ стачкахъ они лишь шли—и часто безъ большого энтузіазма,—за общимъ теченіемъ и никогда сами не дѣлали попытокъ вносить болѣе широкіе лозунги. Они даже противились нерѣдко ихъ внесенію, такъ какъ вообще въ широкихъ выступленіяхъ считали вполнѣ естественнымъ оставаться пассивными: это было какъ бы дѣло, лежащее внѣ ихъ специальности. И въ этомъ отношеніи замѣчалось, за крайне рѣдкими исключеніями, постепенное ослабленіе интереса къ вопросамъ, лежащимъ внѣ сферы партійныхъ дѣлъ, по мѣрѣ того, какъ рабочіе болѣе продолжительное время оставались въ кружкахъ или переходили въ партійныя группы высшего порядка. Болѣе сильное стремленіе вмѣшаться и вліять на широкіе слои рабочихъ обнаруживали чаще всего рабочіе, только что привлеченные въ организацію и почти полная безучастность къ нимъ замѣтна была среди членовъ центрального рабочаго кружка. Когда началась кампанія, вызванная комиссіей Шидловскаго и появилась настоятельная необходимость вліять на рабочихъ, стоявшихъ внѣ кружковъ, организатору района лишь съ большимъ трудомъ и подъ сильнымъ, вызывавшимъ неудовольствіе давленіемъ, удавалось заставлять членовъ центрального кружка созывать массовки и летучки изъ не-

партийныхъ рабочихъ. Что касается агитаціи среди выборщиковъ и проведенія лозунговъ и заявленій центральной группы какъ среди нихъ, такъ и среди близко стоявшихъ къ нимъ рабочихъ, то эта работа почти цѣликомъ лежала на плечахъ организатора района, безъ какой-либо помощи со стороны «руководителей» рабочей группы района. Напротивъ члены послѣдней крайне неодобрительно смотрѣли на массовки и осуждали ихъ на томъ основаніи, что они могутъ вызвать провалы и аресты, такъ какъ на нихъ могли попасть люди, недостаточно извѣстные; они также предъявляли постоянныя претензіи къ организатору за то, что онъ выступаетъ на массовкахъ и «возится» съ выборными; благодаря этому онъ становился извѣстнымъ болѣе широкимъ кругамъ и тѣмъ опять-таки рисковалъ вызвать арестъ всего центрального кружка, на засѣданія котораго онъ долженъ былъ регулярно приходить. Мало того. Центральный кружокъ былъ недоволенъ тѣмъ, что изъ-за массовокъ и изъ-за иныхъ «постороннихъ непартийныхъ дѣлъ» запускатся такая важная партийная задача, какъ дѣло пропаганды, правильныя занятія въ самомъ центральномъ кружкѣ. Дѣло въ томъ, что на засѣданіяхъ центрального кружка, организаторъ, съ одной стороны, осуществляя меньшевистскій принципъ освѣдомленія всѣхъ членовъ партіи о всѣхъ партийныхъ дѣлахъ, и съ другой желая расширить горизонты передовыхъ рабочихъ, обыкновенно давалъ подробные отчеты и разъясненія о всякихъ рѣшеніяхъ центральныхъ мѣстныхъ и общепартийныхъ учреждений, и, какъ въ пропагандистскихъ кружкахъ, изъ-за этихъ злободневныхъ вопросовъ пренебрегалъ теоретическими занятіями въ центральномъ кружкѣ; причемъ постояннымъ припѣвомъ всѣхъ его бесѣдъ былъ призывъ къ самостоятельности рабочихъ, безъ которой партія существовать не можетъ. Всѣ эти объясненія выслушивались крайне охотно, особенно тѣ, которыя трактовали объ участіи рабочихъ въ обсужденіи и проведеніи всѣхъ партийныхъ рѣшеній. При этомъ рабочіе оказывались однако, послѣдовательнѣе меньшевистской руководящей организаціи и требовали и *формальныхъ* правъ, полного проведенія демократическаго принципа во всей организаціи сверху до низу. Къ сожалѣнію они соединяли съ этимъ вполнѣ справедливымъ требованіемъ упомянутыя уже стремленія низвести организацію на степень исключительной кружковщины. Главнымъ требованіемъ центрального кружка нарвскаго района была постановка систематическихъ регулярныхъ кружковыхъ занятій, и члены его были убѣждены, что это ихъ требованіе не выполняется потому, что въ партіи нѣтъ демократизма и у рабочихъ нѣтъ возможности провести своихъ желаній: съ введеніемъ демократизма окончательно должны были исчезнуть всѣ нежелательныя для нихъ элементы партийной дѣятельности.

Такимъ образомъ въ Петербургѣ повторилась уже давно пережитая партіей исторія: передовые партийные рабочіе настолько прониклись мелкими интересами своей организаціи и, благодаря этому, настолько удалились отъ общепролетарскаго движенія, что они ставили препятствія переходу партіи на болѣе высокую ступень. Въ то время когда кругомъ забастовочное движеніе уже начало расшатывать весь политическій режимъ, когда рабочій классъ активно сталъ реагиро-

вать на всѣ крупныя явленія общественной жизни, когда петербургская рабочая масса волновалась по поводу выборовъ въ комиссію Шидловскаго, которые на время сплачивали и объединяли вокругъ депутатовъ десятки тысячъ рабочихъ,—въ центральномъ рабочемъ кружкѣ нарвскаго района шли длинныя пренія о правахъ и обязанностяхъ партійныхъ низовъ, кружковъ, районныхъ группъ, объединявшихъ въ лучшемъ случаѣ нѣсколько сотъ крайне молодыхъ рабочихъ, изъ которыхъ не мало было подростковъ. Это была по истинѣ буря въ стаканѣ воды въ сравненіи съ наступающимъ общественнымъ ураганомъ, раскаты котораго уже носились по всей Россіи. И если съ одной стороны не подлежить сомнѣнію, что изгнаніе демократизма изъ партіи ничѣмъ не оправдывалось и не спасло ея ни отъ пониженія уровня руководящихъ организацій, ни даже отъ проникновенія въ партію нежелательныхъ въ конспиративномъ отношеніи элементовъ, то съ другой стороны указанная связь демократизма съ отсталыми тенденціями въ партіи должна была доказать всякому мыслящему человѣку, что не въ однихъ организаціонныхъ недочетахъ нашей партіи заключались основныя причины ея слабости и не въ одной реорганизациіи ея на демократическихъ началахъ слѣдовало искать источниковъ ея оздоровленія.

Какъ бы для доказательства отъ противнаго, центральному рабочему кружку за московской заставой удалось дѣйствительно стать рабочимъ авангардомъ и руководителемъ движенія въ этомъ районѣ. Онъ состоялъ изъ рабочихъ, лишь очень недавно присоединившихся къ партійной организаціи, не прошедшихъ длинной подготовительной кружковой школы и естественно выдвинувшихся въ процессѣ стачечнаго движенія. Всякаго вліятельнаго, самоотверженнаго и сознательнаго рабочаго они немедленно старались привлечь въ центральный кружокъ, не считая нужнымъ проводить его черезъ всѣ подготовительныя классы партіи. Это, конечно, противорѣчило партійнымъ организаціоннымъ принципамъ, на основаніи которыхъ лишь на организатора района возлагалась задача подбирать новыхъ членовъ въ центральный кружокъ, а у самихъ членовъ его этого права не было. Но при создавшихся отношеніяхъ за московской заставой, при широкой самодѣятельности, проявляемой центральнымъ кружкомъ, представлявшимъ плоть отъ плоти всей рабочей массы, это право было взято имъ, какъ нѣчто вполне естественное, и, я воображаю, какимъ смѣхомъ и непониманіемъ была бы встрѣчена претензія интеллигентнаго организатора заниматься подборомъ наиболѣе сознательныхъ рабочихъ въ рабочей средѣ, которой онъ не зналъ и среди заводской массы, въ которой онъ не жилъ. Организаціонные обычаи здѣсь создавались самой жизнью и теоретическихъ словопреній о демократизмѣ и выборномъ началѣ тамъ никогда не было. Вліяніе центрального кружка на заводскую жизнь, въ особенности, на порядки руководящаго завода этого района,—вагоностроительнаго—было громадное. Вопросъ о забастовкахъ обсуждался всегда предварительно въ кружкѣ и по его сигналу онъ начинался и кончался. Подъ его вліяніемъ на заводѣ былъ отвоеванъ рядъ существенныхъ улучшеній, съ администраціей завода постоянно велись правильные переговоры, регули-

ровавшие заводские порядки. Администрація вынуждена была терпѣть митинги на заводѣ, ѣздить къ градоначальнику отъ имени рабочихъ требовать освобожденія арестованныхъ, при сокращеніи заказовъ уменьшать рабочее время для всѣхъ рабочихъ, чтобы не рассчитывать части рабочихъ. Словомъ, были заложены серьезныя основанія для установленія на заводѣ конституціоннаго строя, въ борьбѣ за который главнымъ застрѣльщикомъ былъ партійный центральный кружокъ. Во время кампаніи по поводу комиссіи Шидловскаго часть выборныхъ была членами кружка, а остальные находились въ постоянныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Въ то же время расширялись и кружки, но эта работа центральнымъ кружкомъ выполнялись попутно: всѣ его интересы лежали на сторонѣ массоваго движенія.

V.

Послѣ прекращенія стачки, послѣдовавшей за отказомъ рабочихъ участвовать въ комиссіи Шидловскаго, въ рабочемъ движеніи наступало нѣкоторое затишье. Правда, стачки не прекращались, но онѣ были лишь частичныя, съ частными заводскими требованіями. Это продолжительное забастовочное движеніе, которое являлось продуктомъ чрезвычайно повышеннаго и нервнаго настроенія рабочихъ, вызываемаго независимо отъ чисто экономическихъ причинъ, какъ извѣстіями съ театра военныхъ дѣйствій, такъ и политическими актами правительства, указомъ 18 февраля, комиссіей министра финансовъ Коковцова по рабочему вопросу и др. сильно утомляли и обезсиливали рабочихъ. Соціалдемократическая организація съ своей стороны не считала необходимымъ останавливать стачекъ, такъ какъ и она находилась подъ влияніемъ тѣхъ же событій, и у нея настроеніе было такое же повышенное, она жадно ловила всякія проявленія революціонной энергіи массъ и полагала, что не дѣло соціалдемократіи задерживать ихъ и не давать имъ претвориться въ массовыя дѣйствія. Пользуясь однако сравнительнымъ затишьемъ, наступившимъ въ концѣ февраля, петербургская центральная группа посвящаетъ свои силы какъ укрѣпленію своей организаціи, такъ и дѣлу большаго теоретическаго и практическаго ея опредѣленія, внесенію въ свою работу большаго единства и планомѣрности.

Въ значительной степени подъ влияніемъ событій въ нарвскомъ районѣ, въ организаціи котораго, благодаря давленію рабочихъ и тайному «преступному» сочувствію организатора къ демократизму, онъ былъ допущенъ въ небольшой дозѣ, группа подвергается обсужденію вопросъ организаціонный. Демократизмъ былъ крайне робкій въ указанномъ районѣ и заключался лишь въ томъ, что районная организація состояла изъ лицъ, выбранныхъ центральными кружками и агитаторской коллегіей, а не подобранныхъ организаторомъ, но его было вполне достаточно, чтобы сильно встревожить центральную группу, которая почти единогласно и приняла рѣшеніе, что руководящимъ организаціоннымъ принципамъ долженъ быть подборъ, а не выборное начало. Остальная часть организаціоннаго плана не пред-

ставляла ничего новаго и приближалась къ описанному мной типу организаціи въ нарвскомъ районѣ.

Въ то же время группа начинаетъ выяснять и свою принципиальную и обще-тактическую фizioномію. Во время кампаніи, вызванной комиссіей Шидловскаго, въ Петербургѣ начинаетъ дѣйствовать энергичнѣе и большевистское теченіе. Я уже указывалъ, что если отвлечься отъ расхожденія по нѣкоторымъ второстепеннымъ организаціоннымъ деталямъ, въ началѣ крупныхъ разногласій между большевиками и меньшевиками не было. Открывшаяся однако бурная политическая жизнь Россіи, которая требовала опредѣленнаго къ себѣ отношенія отъ всякаго теченія, претендовавшаго на вліяніе на общественныя дѣла, заставила обѣ фракціи гораздо ярче и рѣзче раскрыть свою принципиальную сущность. И тогда скоро обнаружилось, что фракціи раздѣляютъ не мелкія организаціонныя разногласія, а глубоко различное пониманіе всей русской дѣйствительности, разногласіе по вопросу о ближайшемъ теченіи русской революціи и о задачахъ социалдемократической партіи. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на политическихъ взглядахъ большинства и меньшинства партіи, я ограничусь лишь краткими,—а потому и нѣсколько упрощенными,—указаніями, поскольку разногласія опредѣлили практическую дѣятельность социалдемократовъ въ Петербургѣ.

Руководящимъ тактическимъ положеніемъ большевиковъ того періода было то, что русская революція «уперлась въ возстаніе». По ихъ мнѣнію, лишь побѣдоносное возстаніе могло и должно было разрѣшить политическій кризисъ въ Россіи и потому въ тактикѣ социалдемократіи моментъ возстанія долженъ играть рѣшающую роль: важно лишь то, что способствуетъ и ускоряетъ возстаніе, откидывается все то, что способно такъ или иначе замедлить его наступленіе. На положеніе дѣлъ въ Россіи, создавшееся послѣ 9 января, она смотрѣла такъ, что всякое массовое выступленіе пролетаріата необходимо должно было перейти въ возстаніе, и потому при обсужденіи тѣхъ или иныхъ массовыхъ дѣйствій пролетаріата, слѣдовало по ихъ мнѣнію прежде всего поставить вопросъ: способенъ и готовъ ли пролетаріатъ къ возстанію, которое должно быть непремѣннымъ слѣдствіемъ его массовыхъ выступленій—и воздерживаться отъ послѣднихъ, если пролетаріатъ казался недостаточно подготовленнымъ къ возстанію. Революціонную же готовность и сознательность рабочихъ большевики въ общемъ оцѣнивали однако такъ высоко, что съ этой стороны они не видѣли никакихъ препятствій даже для немедленнаго возстанія, и потому готовность къ возстанію они рассматривали преимущественно съ технической точки зрѣнія. Этой точкой зрѣнія опредѣлялся и бойкотъ, предлагаемый большевиками по отношенію къ выборамъ въ комиссію Шидловскаго, и проповѣдь воздержанія отъ частичныхъ кампаній пролетаріата вообще и отъ перво-майскаго уличнаго выступленія въ частности. Пролетаріатъ долженъ не растрчивать своихъ силъ въ мелкихъ стычкахъ, а накапливать ихъ ко дню генеральнаго сраженія, всенароднаго возстанія. Я не стану распространяться здѣсь о чрезвычайно характерномъ для всего міровоззрѣнія этого крыла социалдемократической партіи отношеніи къ захвату власти, къ вре-

менному правительству, диктатурѣ пролетаріата и крестьянства, такъ какъ эти вопросы, хотя и имѣли вліяніе на содержаніе агитаціи и пропаганды, но какъ *pia desideria*, далекія отъ практической жизни, эти тактическія положенія опредѣляли лишь въ слабой степени отношеніе большевиковъ къ дѣйствительному рабочему движенію того періода.

Меньшевистская группа въ Петербургѣ, считая также неизбѣжнымъ возстаніе, разсматривала его однако, какъ результатъ длительного процесса, цѣлаго ряда выступленій, въ которыхъ боевая способность и сознательность пролетаріата постоянно растетъ вширь и вглубь. Хотя и у меньшевиковъ сильны были тенденціи переоцѣнивать революціонность рабочихъ массъ, но подготовку возстанія они понимали главнымъ образомъ, какъ популяризацию идеи неизбѣжности возстанія, популяризацию этой идеи не только пропагандой и агитаціей, но активнымъ реагированіемъ пролетаріата на наиболѣе крупныя событія дня, постоянной поддержкой и расширеніемъ стачечнаго движенія. Мы уже указывали на сильную педагогическую тенденцію въ тактикѣ меньшинства. Она проявлялась и по отношенію къ стачечному движенію: удачная стачка увеличить боевую готовность рабочихъ, неудачная — научить ихъ, что нужно вести борьбу противъ всего режима. Кромѣ того оба крыла социалдемократіи расходились, какъ я уже говорилъ, по вопросамъ, касающимся дальнѣйшаго хода русской революціи, и, слѣдовательно, меньшинство вкладывало иное идейное содержаніе въ свою агитацію и пропаганду.

Эти тактическія разногласія, опредѣляющія въ особенности различное отношеніе къ пролетарскимъ выступленіямъ того времени, дѣлали безрезультатными всякія попытки къ соглашеніямъ между большевиками и меньшевиками. Попытки эти дѣлались нѣсколько разъ подъ вліяніемъ какъ центрального комитета партіи, такъ и подъ давленіемъ рабочихъ низовъ, которые совершенно не разбирались въ разногласіяхъ и приписывали расколъ лишь интеллигентскимъ дрызгамъ. Разъ 2 образовывались федеративные комитеты изъ представителей большевистской и меньшевистской мѣстныхъ организацій съ чрезвычайно скромными задачами, но каждый разъ они быстро умирали, не принявши ни одного практическаго дѣла. Во всѣхъ этихъ попыткахъ къ примиренію меньшевистская организація, вѣроятно, какъ болѣе сильная, — обыкновенно шла гораздо дальше, предлагала вырабатывать сообща практическіе лозунги, выпускать общіе листки за подписью обѣихъ организацій, открыто заявляла, что она разсматриваетъ такія совмѣстныя дѣйствія, какъ подготовительные шаги для полного сліянія, но въ своихъ примирительныхъ тенденціяхъ не встрѣчала никакой взаимности. По мнѣнію большевиковъ, сліяніе могло быть слѣдствіемъ лишь партійнаго сѣзда, котораго они требовали уже давно: для соглашеній же по техническимъ и узко практическимъ вопросамъ были достаточны, по ихъ мнѣнію, правильныя сношенія между отдѣльными районными организаціями. При глубокомъ взаимномъ недоверіи меньшевики видѣли въ послѣднемъ предложеніи лишь попытки большевиковъ добраться до «ихъ» рабочихъ, чего ни въ коемъ случаѣ не слѣдовало допустить. По существу меньшевики были правы, такъ какъ

было непослѣдовательно отвергать соглашенія между центральными петербургскими организаціями и въ то же время предлагать таковыя между районами, но въ этой боязни меньшевиковъ допустить своихъ фракціонныхъ противниковъ къ «своимъ» рабочимъ заключалось не только недовѣрія къ большевикамъ, но еще больше недовѣрія къ сознательности своихъ рабочихъ.

И слѣдуетъ дѣйствительно сознаться, что партійные рабочіе, за исключеніемъ лишь отдѣльныхъ немногихъ единицъ, были совершенно чужды всѣмъ разногласіямъ, которыя раздѣляли оба крыла партіи. Въ этомъ отношеніи «законосовѣщательный» принципъ или принципъ «освѣдомленія» меньшевиковъ обнаружилъ свое полное банкротство. Несмотря на все искреннее желаніе руководящей группы дѣйствительно освѣдомлять рабочихъ по всѣмъ партійнымъ вопросамъ, и тѣмъ внести идейное единство въ «руководимую» ею организацію, это ей никогда не удавалось даже въ самой отдаленной степени. Къ тому же оказалось, какъ уже было указано, что подпольная организація, начиная съ извѣстныхъ размѣровъ теряетъ въ единствѣ и планомѣрности своей дѣятельности то, что она выигрываетъ въ своей величинѣ. Когда районы разрослись, оказалось очень скоро, что у меньшинства въ Петербургѣ была не одна организація, а, какъ тогда говорили, «федерация районныхъ организацій». Каждая районная организація жила своей собственной, лишь въ слабой степени связанной съ центромъ самостоятельной жизнью. Несмотря на запретъ, районы вынуждены были издавать свои районные листки на всякія темы, особенно когда стало ясно, что центральная организація не въ состояніи обслуживать всѣ свои вѣтви. Планы занятій въ кружкахъ въ каждомъ районѣ вырабатывались совершенно самостоятельно и рѣзко отличались другъ отъ друга въ разныхъ районахъ. Мало того. Въ большихъ районахъ даже отдѣльные подрайоны вели свою работу самостоятельно. Въ особенности широко разбросанный городской районъ въ этомъ отношеніи представлялъ невѣроятную путаницу. Въ однихъ кружкахъ интеллигентъ-агитаторъ читаетъ рабочимъ для назиданія рассказы и драмы Горькаго, въ другомъ передаетъ въ популярномъ изложеніи только что прочитанныя передовицы изъ «Сына Отечества» и «Нашей Жизни», въ третьихъ—проповѣдуетъ, что съ паденіемъ самодержавія всѣмъ бѣдамъ рабочихъ будетъ положенъ конецъ и т. д. Само собой разумѣется, что по вопросамъ, составлявшимъ предметъ преній въ партійной литературѣ, какъ то о временномъ правительствѣ, о ближайшей диктатурѣ пролетаріата и крестьянства и другіе, внутри организаціи существовали самыя противоположныя воззрѣнія, такъ какъ и въ самой центральной группѣ были представлены разныя теченія, и районы по большей части отражали взгляды своихъ организаторовъ.

Такимъ образомъ подтвердилось, что подпольный міръ можетъ существовать лишь при крайне ограниченныхъ рамкахъ своего количественнаго роста; какъ только онъ разрастается, онъ начинаетъ дезорганизовываться. Центральная группа предприняла рядъ мѣръ для того, чтобы укрѣпить идейную связь между отдѣльными частями организаціи. Дѣлается попытка устроить лекціи по тактическимъ вопросамъ для наиболѣе выдающихся рабочихъ всѣхъ районовъ. Созываются между-

районныя собранія, т. е. собранія изъ представителей всѣхъ районовъ для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, причемъ характерно, что представители эти должны были не выбираться представляемыми ими организаціями, а снова быть подобранными организаторами. На этихъ собраніяхъ читаются доклады о тактическихъ взглядахъ группы по волнующимъ въ то время партію вопросамъ. Пренія обнаруживаютъ указанную мной разногласицу, но проходятъ очень живо. Послѣ собранія у его участниковъ опять возникаетъ однако вопросъ о практическомъ вліяніи рѣшеній междурайонныхъ собраній на тактику группы. Представители районовъ не хотятъ довольствоваться ролью аудиторіи для ораторовъ группы, они желали бы практическихъ результатовъ своихъ обсужденій. Законосовѣщательныя учрежденія перестаютъ окончательно удовлетворять партійную периферію и партійные нѣзы. Другія начинанія меньшевистской группы наталкиваются на совершенно противоположнаго характера протестъ одной части интеллигентской периферіи, указывающей меньшевистской руководящей организаціи на то, что она превысила свои права и полномочія по отношенію къ общепартійнымъ центральнымъ учрежденіямъ. Этотъ протестъ возникъ по поводу рѣшенія центральной группы издавать мѣстный органъ. Для внесенія большаго единства въ свою организацію, а также для расширенія своего вліянія во внѣпартійныхъ рабочихъ кругахъ, центральная группа приняла рѣшеніе приступить къ изданію небольшого печатнаго органа. Когда это рѣшеніе было доведено до свѣдѣнія агитаторской коллегіи нарвскаго района, оно воскресило возраженія, явившіяся отголоскомъ еще первоначальныхъ «Искровскихъ» тенденцій. Группѣ указываютъ на всю опасность, которой изданіе специально петербургскаго органа грозитъ чистотѣ социалдемократическихъ принциповъ, возстанавливаются старые сектантскіе жупелы о принижающемъ вліяніи повседневной борьбы и о необходимости существованія органа вдали отъ поля битвы, который, далекій отъ соблазновъ жизни, одинъ въ состояніи съ достаточной принципиальной выдержанностью руководить партійной работой. Этотъ невѣроятный фактъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что онъ имѣлъ мѣсто уже послѣ 9 января, послѣ кампаніи по поводу комиссіи Шидловскаго и послѣ цѣлаго ряда попытокъ социалдемократической организаціи вмѣшаться и получить вліяніе на движеніе болѣе широкихъ пролетарскихъ массъ. Всѣ онѣ не могли однако окончательно заглушить сектантскаго страха передъ жизнью, столь присущаго всякой заговорщической подпольной организаціи.

Такимъ образомъ внутри меньшевистской организаціи вмѣстѣ съ ея ростомъ все болѣе развиваются подтачивающія ее силы; онѣ особенно усилились, когда въ мартѣ и апрѣлѣ на первую очередь выдвигается вопросъ о партійномъ съѣздѣ. Мы на немъ остановимся нѣсколько подробнѣе, такъ какъ онъ рельефно раскрываетъ массу противорѣчій, которыя заполнили жизнь социалдемократической организаціи.

Извѣстно, что не успѣла партія сорганизоваться на своемъ второмъ съѣздѣ въ 1903 году, какъ однимъ изъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ ея партійной жизни, яблокомъ раздора между фракціями сдѣлалась борьба за съѣздъ. И въ описываемомъ нами 1905 году эта

борьба никогда не сходила съ порядка дня. Въ это время всѣ общепартійныя центральныя учрежденія, центральный комитетъ, центральный органъ «Искра» и совѣтъ партіи находились въ рукахъ меньшевиковъ и всѣ попытки большевиковъ созвать третій съѣздъ терпѣли крушеніе, благодаря упорному сопротивленію центральныхъ учреждений.

Въ 1905 году большевистскія организациі, не порвавъ формально съ партіей, объединились въ отдѣльную общую организацию, выбрали свой объединяющій органъ, который назывался «бюро комитетовъ большинства» и рѣшили общими силами добиваться съѣзда. По ихъ требованію центральный комитетъ поставилъ на обсужденіе всѣхъ организаций вопросъ о ближайшемъ созывѣ съѣзда. Петербургская центральная группа высказалась за отсрочку съѣзда, мотивируя свое мнѣніе слѣдующими соображеніями. Желая, чтобы въ результатѣ съѣзда произошло дѣйствительное объединеніе, они рекомендуютъ, чтобы съѣзду предшествовала совѣщательная партійная конференція, которая подготовила бы порядокъ дня съѣзда. Кромѣ того, для болѣе правильнаго представительства партійныхъ организаций на съѣздѣ, а также для сближенія обоихъ теченій на самой работѣ, группа рекомендовала, чтобы за мѣсяцъ до съѣзда отдѣльныя, конкурирующія фракціонныя организациі одного и того же города были распущены и слились въ одну организацию, которая пошлетъ отъ себя своихъ представителей на съѣздъ въ соотвѣтствіи съ реальнымъ соотношеніемъ силъ обоихъ теченій. При обсужденіи вопроса о съѣздѣ произошелъ характерный инцидентъ, показавшій насколько въ партіи непопуляренъ даже непослѣдовательный демократизмъ. Одинъ членъ группы предложилъ, чтобы къ мотивамъ, дѣлающимъ необходимой отсрочку общепартійнаго съѣзда былъ присоединенъ еще слѣдующій. «Группа высказывается за отсрочку еще потому, что необходимо, чтобы на ближайшемъ съѣздѣ въ противоположность второму, были представлены не одни комитеты, не высшія организациі или даже отдѣльныя лица, а всѣ партійныя организациі. Поэтому порядокъ дня съѣзда долженъ предварительно обсуждаться подробно во всѣхъ партійныхъ низахъ, мнѣнія ихъ должны регистрироваться и доводиться до свѣдѣнія съѣзда. Только въ этомъ случаѣ съѣздъ приметъ свои рѣшенія на основаніи точнаго знанія общепартійнаго мнѣнія и будетъ его истиннымъ выразителемъ». Группа сначала хотѣла снять предложеніе съ очереди, какъ «нѣчто само собою разумѣющееся», но въ виду категорическаго требованія внесшаго предложенія проголосовать его, оно было принято только безъ историческаго его освѣщенія, т. е. безъ отрицательнаго отзыва о второмъ съѣздѣ. Какъ это, принятое положеніе, было примѣнено, будетъ показано ниже.

Не успѣло однако кончиться въ организациі голосованіе по вопросу о созывѣ съѣзда, какъ произошли обстоятельства, сильно ускорившія этотъ созывъ. Въ Москвѣ былъ арестованъ почти цѣликомъ центральный комитетъ партіи и благодаря этому создалось чрезвычайно характерное и поучительное положеніе дѣлъ. Могло показаться, что злая шутница—исторія хотѣла довести аналогію между надпольной и подпольной бюрократіями даже до второстепенныхъ подробностей. Послѣ ареста уцѣлѣлъ лишь одинъ членъ центральнаго комитета,

но этотъ единственный членъ имѣлъ по конституціи партіи право кооптировать весь остальной комитетъ по своему усмотрѣнію. Отъ него одного зависѣлъ такимъ образомъ составъ партійнаго министерства. А права этого министерства очень обширны. Достаточно будетъ указать что центральный комитетъ выступаетъ, какъ постоянный законный и полномочный представитель партіи. Онъ имѣетъ право издавать отъ имени партіи литературу и даже агитаціонные листки съ практическими лозунгами, и отказъ отъ ихъ распространенія мѣстной организаціей равносильнъ нарушенію партійной дисциплины. Въ мартѣ 1905 года напр., центральный комитетъ принималъ участіе въ конференціи россійскихъ національныхъ социалдемократическихъ партій, не привлекая къ предварительному обсужденію вопросовъ конференціи ни одной мѣстной организаціи, и безъ ихъ вѣдома отъ имени партіи заключалъ договоры и бралъ на себя обязательства. Такая вліятельная организація, какъ петербургская центральная группа, узнала о конференціи лишь изъ печати, и принятые на ней резолюціи были для нея уже *fait accompli*, непреложнымъ рѣшеніемъ. И такіе методы дѣйствія практиковались комитетомъ, болѣе демократическаго въ принципѣ меньшевисткаго направленія, несмотря на его позицію, вполне имъ сознаваемую, оторванность отъ практической работы на мѣстахъ какъ нѣчто, совершенно естественное и само собой разумѣющееся. И вотъ оказалось, что составъ этого руководящаго, имѣющаго формально рѣшающее вліяніе на общепартійную политику органа зависѣлъ отъ доброй или злой воли, отъ плохого или хорошаго разумѣнія одного лишь человѣка, и это въ такое время, когда внутри партіи боролись два теченія, имѣвшія совершенно противоположныя воззрѣнія по основнымъ вопросамъ партійной тактики. И опять таки злорадному року угодно было, чтобы этотъ единственный вершитель судебъ партійной политики представлялъ собою особу, отличающуюся неустойчивостью, неувѣренностью и шатаніями въ разныя стороны, между обоими теченіями. Само собой разумѣется, что эту столь важную партійную особу обѣ фракціи пытались всѣми силами привлечь на свою сторону, и пріобрѣсть на нее вліяніе. И какъ будто для того, чтобы даже слѣпому до очевидности доказать всю ненормальность и карикатурность создававшагося въ партіи положенія дѣлъ, въ упомянутой борьбѣ обѣихъ фракцій за вліяніе на надѣленнаго неограниченными полномочіями партійнаго человѣка, побѣдило большинство, т. е. не то теченіе, которое представляло партію до того времени. Такимъ образомъ по волѣ одного человѣка сразу мѣняется официальная руководящая политика социалдемократической партіи, поскольку она опредѣляется ея центральнымъ комитетомъ. Въ наиболѣе спорныхъ, злободневныхъ вопросахъ партійной тактики, по вопросамъ о захватѣ власти, о временномъ правительствѣ, а также по вопросу о первомайскомъ празднованіи, официальное мнѣніе партіи, представленное ея центральнымъ комитетомъ, сдѣлало оборотъ въ 180 градусовъ, и стало приближаться къ большевизму или, по крайней мѣрѣ, къ «болоту» (Троцкій и ему подобные). Центральный комитетъ также мѣняетъ свое мнѣніе о партійномъ съѣздѣ и рѣшаетъ его немедленный созывъ.

Петербургской меньшевистской организаціи пришлось, такимъ образомъ, немедленно начать готовиться къ сѣзду, и тутъ ей представлялся прекрасный случай доказать, какъ она практически примѣняетъ въ столь важномъ для партіи вопросѣ свой «законосовѣщательный» принципъ, и какъ она рассчитываетъ провести въ жизнь принятое ею положеніе, что сѣздъ долженъ представлять не одни руководящія учрежденія, а всѣхъ организованныхъ партійныхъ членовъ. Подготовка къ сѣзду однако показала, что когда нѣтъ въ реальной, кроющейся въ самомъ содержаніи работы, почвы для широкаго развитія самостоятельности массы партійныхъ членовъ, всякія, даже лучшія, пожеланія остаются на бумагѣ. Обсужденіе вопросовъ порядка дня сѣзда происходило лишь въ мѣстной центральной группѣ, отчасти оно было перенесено въ интеллигентскія агитаторскія группы. Что же касается партійныхъ рабочихъ, то до нихъ доходили лишь обрывки свѣдѣній какъ о самомъ сѣздѣ, такъ и о подлежащихъ его обсужденію вопросахъ. Приходится впрочемъ признаться, что большая часть этихъ вопросовъ была совершенно чужда массѣ партійныхъ рабочихъ и врядъ ли предварительное обсужденіе этихъ вопросовъ послѣдними въ чемъ либо замѣтно измѣнило бы принятія группой рѣшенія. На самыхъ рѣшеніяхъ я здѣсь не буду останавливаться, они въ общемъ совершенно совпадаютъ съ опубликованными резолюціями меньшевистской конференціи. Замѣчу лишь, что они обнаруживаютъ стремленіе бороться съ поднявшимся въ партіи голомъ бланкизмомъ и якобинизмомъ, порвать съ кружковымъ характеромъ партіи и распространить свою работу на начавшееся профессиональное движеніе, а въ организаціонномъ отношеніи—похвальное желаніе ввести въ партію возможно больше демократизма.

Но насколько эти рѣшенія были лишь «отъ ума», насколько дѣйствительная практика организаціи этому противорѣчили, насколько и меньшевистское теченіе было цѣликомъ проникнуто болѣзнями заговорщической организаціи, показываетъ рядъ практическихъ мѣръ, принятыхъ, наряду съ хорошими теоретическими рѣшеніями, той же меньшевистской петербургской организаціей,—мѣръ предназначенныхъ для усиленія на сѣздѣ во что бы ни стало меньшевистскаго представительства и для болѣе успѣшной борьбы съ большевиками. Въ виду того, что большевистскія организаціи выступали на сѣздѣ тѣсно сплоченными и объединенными, въ группѣ было предложено разослать делегатовъ по всей Россіи въ меньшевистскія организаціи для того, чтобы сговориться съ ними о тактикѣ на сѣздѣ, организовать въ одинъ блокъ на сѣздѣ, и стараться получить возможно больше мандатовъ. Это называлось громкимъ терминомъ «организаціи меньшевистскаго общественнаго мнѣнія». Напрасно отдѣльные члены группы указывали на то, что если приходится идти на сѣздъ, то это слѣдуетъ дѣлать не для того, чтобы снова превратить его въ арену борьбы между двумя фракціями, раздѣленными не только теоретическими разногласіями, но и продолжительной, наполненной безконечнымъ рядомъ личныхъ треній и дразгъ, взаимной борьбой. Напрасно указывалось группѣ на то, что рядъ новыхъ вопросовъ, возникшихъ въ эпоху революціоннаго подъема, вызвалъ среди социал-

демократовъ гораздо болѣе глубокія принципіальныя разногласія, которая не соотвѣтствуютъ прежнему организаціонному дѣленію на большевиковъ и меньшевиковъ. Еслибы эти вопросы были поставлены на съѣздѣ передъ делегатами, не сплотившимися раньше въ враждебные блоки, дѣйствующие и голосующіе по предварительному соглашенію, какъ одинъ человѣкъ, пренія по этимъ вопросамъ были бы дѣйствительно полезны и служили бы отраженіемъ существующихъ среди массы социалдемократическихъ работниковъ воззрѣній; и еслибы оказалось, что въ партіи дѣйствительно существуютъ непримиримыя разногласія, и расколъ былъ бы неизбеженъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, произошелъ бы на принципіальной почвѣ, «организация же общественнаго мнѣнія» фракцій способна лишь исказить характеръ преній, фальсифицировать дѣйствительное партійное общественное мнѣніе и вмѣсто принципіальныхъ разногласій на первый планъ выдвинуть старыя, наболѣвшія, и порой позорныя, партійныя язвы. Тѣ же одинокіе голоса указывали группѣ, что погоня за мандатами не только сама по себѣ довольно нечистоплотная вещь, но находится въ рѣзкомъ, кричащемъ противорѣчій съ хотя и слабыми, но все же демократическими тенденціями меньшинства, что лицо съ «пойманнымъ» мандатомъ, можетъ представлять лишь само себя, но отнюдь не организацію, имъ представляемую, что это есть замѣстительство самаго сквернаго пошиба. Всѣ эти голоса оказались однако „гласомъ вопіющаго въ пустыню“. Послѣ остроумнаго замѣчанія одного изъ „лидеровъ“ группы, что о погонѣ за мандатами не говорятъ, но ее практикуютъ, рѣшено было послать делегатовъ по Россіи, чтобы въ теченіе одной недѣли, остававшейся до поѣздки на съѣздъ, «организовать общественное мнѣніе», а главное, чтобы ловить мандаты, что отчасти и удалось.

Хотя всѣ эти подробности были лишь мало извѣстны широкой массѣ членовъ партіи, но самый способъ обсужденія вопросовъ съѣзда одной лишь центральной группой, при полномъ игнорированіи партійныхъ низовъ, способно было лишь усилить оппозицію меньшевистскихъ низовъ, которые объединялись требованіями демократическаго строенія партіи. Подготовка къ съѣзду доставила обильный матеріалъ оппозиціи для критики «законосовѣщательнаго» принципа, для иллюстраціи всей его демократической иллюзорности и безсодержательности и для обвиненія меньшевистской руководящей организаціи въ неискреннемъ отношеніи къ проповѣдуемымъ ею, для одной лишь видимости, демократическимъ симпатіямъ. Съ этого времени начинается процессъ объединенія и формированія оппозиціи, оппозиціонные элементы разныхъ районовъ начинаютъ сговариваться о принятіи общихъ шаговъ для давленія на руководящія сферы партіи. Такъ какъ оппозиція эта состояла изъ довольно разнообразныхъ и даже противорѣчивыхъ элементовъ, и объединялась лишь требованіемъ организаціоннаго демократизма, то послѣднему придавалась громадная роль и рѣшающее значеніе въ дѣлѣ оздоровленія партіи. Основныя причины ея сектантскаго, заговорщическаго и порой кликообразнаго характера,— подпольность организаціи, одностороннее содержаніе ея работы и опредѣляемая этимъ оторванность ея отъ массъ, — для оппо-

зиціи еще неясны. Понадобился снова громадный крахъ и страшное поражение партіи для того, чтобы съ одной стороны усилить, объединить и сдѣлать болѣе активной оппозицію, а съ другой расширить ея горизонты. Такимъ оздоровляющимъ, расчищающимъ мозгъ и будящимъ мысль и энергію, крахомъ и былъ первомайскій праздникъ 1905 г.

VI.

Одновременно съ подготовкой къ съѣзду въ центральной группѣ шло также обсужденіе характера празднованія перваго мая. Отношеніе къ нему различныхъ теченій социалдемократической партіи ясно слѣдуетъ изъ того, что было указано выше о взглядахъ этихъ теченій на дальнѣйшій ходъ русской революціи. Петербургскіе большевики вмѣстѣ съ близкимъ къ нимъ центральнымъ комитетамъ относились отрицательно ко всякой возможности массовыхъ выступленій пролетаріата до того момента, пока онъ не будетъ готовъ къ возстанію. Въ листкѣ, выпущенномъ петербургскимъ большевистскимъ комитетомъ, мы читаемъ: «Первое мая не можетъ быть, конечно, днемъ вооруженнаго возстанія. Вооруженныя возстанія нельзя назначать заранее. Мы поднимемъ оружіе неожиданно для нашихъ враговъ, выбравъ моментъ наибольшаго подъема народныхъ силъ и наибольшей растерянности правительства. Мирныя демонстраціи невозможны... Вооруженныя демонстраціи допустимы только, какъ начало вооруженнаго возстанія... Итакъ, товарищи, выйти перваго мая на улицу безоружнымъ было бы безумно, выйти вооруженнымъ, преждевременно». На этомъ основаніи петербургскій комитетъ призываетъ рабочихъ лишь на тайные митинги. Нужно при этомъ вспомнить, что призывать къ празднованію перваго мая прекращеніемъ работы было невозможно, такъ какъ первое мая 1905 года падало на воскресенье.

Приблизительно то же говоритъ о характерѣ празднованія перваго мая центральный комитетъ въ своемъ письмѣ, разосланномъ всѣмъ партійнымъ организаціямъ, «Послѣ января, читаемъ мы въ этомъ письмѣ, и всего того, что за нимъ слѣдовало, въ Петербургѣ не можетъ имѣть мѣсто общая, заранее подготовленная, организованная, предварительно оповѣщенная демонстрація, какъ таковая... При настоящихъ условіяхъ позвать на такую «демонстрацію» совершенно то же, что призвать петербургскій пролетаріатъ къ возстанію... Поэтому центральный комитетъ и совѣтуетъ звать массу не на вооруженную демонстрацію, а на митинги для того, чтобы обсудить вопросъ, что дѣлать дальше. При этомъ центральный комитетъ однако не отказывается отъ мысли, что эти митинги, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, могутъ перейти и въ демонстрацію и даже въ вооруженное возстаніе». Такимъ образомъ это теченіе остается совершенно вѣрнымъ своимъ общимъ тактическимъ взглядомъ. Русская революція «уперлась въ возстаніе», всякія выступленія, не обѣщающія перейти въ возстаніе, отвергаются, какъ излишняя трата революціонной энергіи, которую нужно не разсѣивать преждевременно въ мелкихъ массовыхъ дѣйствіяхъ, а, наоборотъ, задерживать, накапливать для благопріятнаго момента.

Меньшевистское теченіе, исходя изъ своихъ общихъ тактическихъ предпосылокъ, должно было прійти къ другимъ заключеніямъ. Для него революціонная энергія развивается въ процессъ пролетарской борьбы, проявляющейся въ цѣломъ рядѣ массовыхъ выступленій. Въ этихъ выступленіяхъ пролетарская масса пріучается къ революціоннымъ дѣйствіямъ. Мало того. Среди общаго демократическаго освободительнаго движенія чрезвычайно важно для классоваго и идейнаго самоопредѣленія пролетаріата его выступленіе именно подъ лозунгомъ общепролетарскаго майскаго праздника. Поэтому меньшевистская петербургская группа рѣшила призывать петербургскій пролетаріатъ къ «открытому уличному выступленію, не предрѣшая, въ какія формы оно выльется. Для насъ, пишетъ группа въ своемъ отвѣтѣ центральному комитету, цѣнно заявленіе широкими слоями пролетаріата въ этотъ день своихъ требованій, демонстрированіе готовности въ борьбѣ за нихъ».

Само собой однако разумѣется, что центральная группа рѣшилась звать рабочихъ Петербурга на уличное выступленіе не на основаніи лишь тактическихъ соображеній теоретическаго характера, а послѣ цѣлага ряда отчетовъ районныхъ дѣятелей о настроеніи рабочихъ. Въ этихъ отчетахъ настроеніе рабочихъ вырисовывалось хотя нѣсколько подавленнымъ и утомленнымъ непрекращавшейся стачечной борьбой, но въ то же время во всѣхъ районахъ было констатировано напряженное ожиданіе рабочими Первомайскихъ событій и возложеніе ими на этотъ день большихъ надеждъ. Рѣшено было по этому развить возможно болѣе интенсивную агитаціонную дѣятельность не только въ кружкахъ и другихъ партійныхъ организаціяхъ, но и созывать массовки, устраивать митинги на самыхъ заводахъ и у ихъ воротъ, выпускать возможно больше и чаще Первомайскіе листки. Вся же программа въ общемъ была выполнена такъ, какъ она предполагалась. Партійные рабочіе сначала встрѣтили рѣшеніе группы нѣсколько пассивно и не очень оптимистически, но по мѣрѣ того, какъ развѣтывалась агитація, настроеніе у нихъ подымалось, и въ то же время отчеты о настроеніи всей рабочей массы стали звучать бодрѣе. А Первомайская агитація дѣйствительно достигла небывалыхъ въ Петербургѣ размѣровъ. За Невской заставой въ теченіе послѣдней недѣли до перваго мая большіе заводскіе митинги не прекращались, за Нарвской заставой почти вся громадная заводская масса была остановлена по выходѣ изъ завода социалдемократическимъ ораторомъ, рѣчь котораго была встрѣчена общимъ сочувствіемъ, и явившаяся для того, чтобы разогнать толпу и арестовать агитатора, полиція была избита и обращена въ бѣгство, послѣ чего часть толпы устроила демонстрацію по петергофскому шоссе. Были также большіе заводскіе митинги и за Московской заставой, и на Выборгской сторонѣ и на Васильевскомъ островѣ. О предстоящемъ празднованіи говорили въ легальной прессѣ, подымались требованія по отношенію къ думѣ и многимъ легальнымъ союзамъ либеральныхъ профессій, чтобы они предоставили свои помѣщенія рабочимъ въ день перваго мая. Съ этимъ требованіемъ къ нѣкоторымъ союзамъ явились партійныя рабочія депутаціи, производившія повсюду сильное впечатлѣніе.

Въ виду этого повсюду констатированнаго подъема настроенія, центральная группа и выработала очень широкій и подробный планъ празднованія. Предполагалось, что рабочіе всякаго района будутъ созваны специальными листками на опредѣленное мѣсто, такихъ мѣстъ для всего Петербурга было указано семь, и въ случаѣ, если районные митинги или демонстраціи пройдутъ удачно, всѣ рабочіе должны будутъ направиться на одно мѣсто, чтобы заключить майское празднованіе одной общепетербургской демонстраціей. Въ каждомъ районѣ такъ же подробно обсуждалась программа дѣйствій, для защиты отъ полиціи назначались районныя вооруженныя дружины, причемъ, по обыкновенію, оружія оказалось крайне мало, подобраны были районныя штабныя квартиры, куда должны были стекаться свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ районѣ, была назначена для всего Петербурга квартира генеральнаго штаба, куда должны были быть направлены свѣдѣнія изъ всѣхъ районовъ и откуда долженъ былъ исходить сигналъ для общей мобилизаціи всѣхъ рабочихъ кадровъ на общую манифестацію. Назначены были также районные начальники, командированы штабные велосипедисты для развозки свѣдѣній, были подробно выработаны агитаторскія рѣчи въ видѣ «концентрическихъ круговъ», т. е. въ виду полной неизвѣстности, сколько можетъ продолжаться рѣчь до разгона собранія, она должна была быть построена такимъ образомъ, чтобы отдѣльныя части ея представляли вполнѣ законченное цѣлое, намѣченны, наконецъ, ораторы для каждого района, словомъ планъ кампаніи былъ разработанъ тщательно и детально.

Наступилъ день перваго мая, прогрессивныя легальныя газеты посвятили ему передовицы, полиція приняла надлежащія мѣры, мы всѣ, руководители, съ своей стороны приготовились, кто къ аресту, а кто къ разстрѣлу и... социалдемократическая организація потерпѣла небывалое даже въ ея исторіи пораженіе. Впослѣдствіи писали, что на улицу *вышли лишь организованные рабочіе*, но на основаніи моихъ наблюденій въ двухъ районахъ и свѣдѣній, полученныхъ изъ остальныхъ районовъ, *я рѣшаюсь утверждать, что и эта оцѣнка размотровъ уличнаго выступленія страдаетъ еще излишнимъ преувеличеніемъ*. Въ городскомъ районѣ напр., вышла лишь небольшая часть организованныхъ рабочихъ, главную же «массу» участниковъ «выступленія» составляли интеллигенты и интеллигентки, выполнявшіе въ партіи техническія функціи и ихъ знакомые. Приблизительно тоже было и на Васильевскомъ островѣ. Во всемъ Петербургѣ *въ майскомъ выступленіи принимало участіе тысячи полторы человекъ, изъ которыхъ около половины было не рабочихъ*.

Послѣдствіе этого неслыханнаго пораженія были, какъ и слѣдовало ожидать, очень благотѣльныя, если не для дальнѣйшихъ судьбъ партіи, то для всего рабочаго движенія. Неудача оказалась столь сильно дѣйствующимъ средствомъ, что отмахнуться отъ нея звонкими успокоительными фразами было не легко. Она заставила всѣхъ, какъ оппозицію, такъ и руководящія партійныя сферы Петербурга, подвергнуть коренному пересмотру всѣ свои „партійныя цѣнности“. Часть болѣе видныхъ партійныхъ рабочихъ не только была глубоко разочарована, но прямо возмущена неудачей партіи. И это возмущеніе

выражалось въ такихъ формахъ, которыя указывали, что въ своихъ взглядахъ на партію ея члены-работіе не далеко ушли отъ всего петербургскаго пролетаріата. Масса петербургскихъ рабочихъ, сочувственно слушающая социалдемократическихъ ораторовъ и охотно читавшая социалдемократическіе листки, смотрѣла на партію, какъ на нѣчто очень хорошее, самоотверженное и рабочелюбное, но считала ее не своимъ роднымъ рабочимъ дѣломъ, а чужимъ, интеллигентскимъ. Она крайне интересовалась партійными лозунгами, очень часто ихъ одобряла, но совсѣмъ не считала необходимымъ активно участвовать въ ихъ проведеніи. Работіе были искренно убѣждены, что партія сдѣлаетъ 1-го мая нѣчто большое и хорошее для нея, и сотнями разбѣжала на имперіалахъ конокъ по городу для того, чтобы любоваться сраженіемъ, которое социалдемократическая партія дастъ самодержавію, причемъ имъ даже въ голову часто не приходило, что ходъ и результатъ сраженія зависятъ отъ ихъ активнаго участія въ немъ. Когда первомайское сраженіе не состоялось за отсутствіемъ дѣйствующихъ армій, работіе смѣялись надъ партией, обманувшей ихъ надежды и надъ собственнымъ легковѣріемъ. «Партія рассказала имъ небылицы о своемъ могуществѣ, и они, дурни, ей повѣрили». И подобное отношеніе къ первомайскому пораженію, такой же злорадный смѣхъ былъ не только у массы безпартійныхъ рабочихъ, онъ встрѣчался и у рабочихъ старыхъ членовъ партіи. Последніе злились на своихъ агитаторовъ за то, что тѣ „наврали“ имъ, увѣривши, что партія приведетъ съ собой массы на первомайское уличное выступленіе. Были и такіе работіе, которые приписывали неудачу недостаточному вооруженію, но главная масса партійныхъ рабочихъ и эту неудачу, какъ и всѣ бѣды партіи, продолжала объяснять преобладаніемъ интеллигенціи въ партіи и отсутствіемъ въ ней демократичности и самодѣятельности рабочихъ. Всѣ оппозиціонные работіе Петербурга начинаютъ послѣ этого регулярно собираться для обсужденія и критики партійныхъ дѣлъ и для изысканія средствъ разрѣшенія партійнаго кризиса. Число участниковъ этихъ обсужденій росло съ каждымъ собраніемъ, вести дальше работу въ прежнемъ направленіи стало невозможнымъ, и центральная группа должна была вступить въ переговоры съ оппозиціей. Впрочемъ и въ самой центральной группѣ подъ влияніемъ тѣхъ же событій въ это время начался также коренной пересмотръ методовъ работы. Пишущій эти строки былъ посланъ центральной группой въ качествѣ ея представителя на одно собраніе оппозиціонныхъ рабочихъ, и ему пришлось выслушать не мало горькихъ истинъ по адресу „интеллигентской“ партіи. Собраніе происходило въ лѣсу. На немъ присутствовало около 70—80 наиболѣе выдающихся петербургскихъ партійныхъ рабочихъ. Все собраніе велось въ такомъ раздражительномъ, нетерпимомъ духѣ, наполнено было такой атмосферой недовѣрія къ партійнымъ руководителямъ и свидѣтельствовало о такой массѣ накопившейся у ея участниковъ злобы по отношенію къ своей партіи, что для меня еще до сихъ поръ остается неразрѣшимой загадкой, какъ партійная организація могла столько времени существовать и дѣйствовать безъ сравнительно крупныхъ трений. Какъ я уже неоднократно указывалъ, не-

довольство оппозиціи было направлено въ разныя и часто противоположныя стороны. Но одинъ мотивъ заглушалъ всѣ остальные: «мы же-лаемъ быть хозяевами въ нашей рабочей партіи, мы не желаемъ испол-нять въ ней однѣ техническія функціи. Пора положить конецъ кумов-ству, свившему себѣ гнѣздо въ партіи, при которомъ интеллигенты легко дѣлають въ ней карьеру. Единственнымъ выходомъ изъ создава-шагося позорнаго положенія партіи—это реорганизація ея на демо-кратическихъ началахъ. Выборное начало должно быть положено въ основу всей партійной организаціи сверху до низу».

Когда я попытался объяснить, что будучи приверженцемъ демо-кратизма и рекомендуя его немедленное введеніе, я все-таки не могу въ отсутствіи его видѣть основную причину всѣхъ партійныхъ золь вообще и послѣдней неудачи въ частности, что, по моему мнѣнію, организація есть элементъ производный и является лишь продуктомъ содержанія всей работы организаціи; когда я старался развить ту мысль, что самодѣятельность рабочихъ можетъ найти себѣ поле для своего развитія лишь въ широкой рабочей партіи, вѣдающей всѣ формы клас-совой борьбы, и совершенно неосуществима для большихъ круговъ рабочихъ въ такой односторонней и бѣдной содержаніемъ своей дѣя-тельности партіи, каковой до сихъ поръ являлась социалдемократія въ Россіи, мнѣ отвѣтили, что все это, быть можетъ, и вѣрно, но что раньше, чѣмъ говорить о содержаніи дѣятельности партіи, слѣдуетъ построить само ея зданіе. Впослѣдствіи участники собранія мнѣ со-знались, что на мои слова тогда смотрѣли лишь какъ на ловкій при-емъ отвлечь вниманіе рабочихъ отъ наиболѣе интересующихъ ихъ насущныхъ вопросовъ въ другую сторону. Культивировавшееся въ пар-тіи въ теченіе долгихъ лѣтъ недовѣріе къ рабочимъ приносило свои плоды въ видѣ такого же недовѣрія съ ихъ стороны къ партіи. Въ результатѣ собранія была единогласно принята резолюція, требующая проведенія въ партіи выборнаго начала.

Не стану я описывать еще массы другихъ характерныхъ для создавшихся въ партіи отношеній инцидентовъ, имѣвшихъ мѣсто на на этомъ собраніи. Безъ сомнѣнія, много несправедливаго было выска-зано на немъ по адресу партійной интеллигенціи, очень часто то, что составляетъ ея бѣду, было поставлено ей въ вину, то, что по несс-ходимости вытекало изъ неестественнаго ея положенія въ качествѣ руководящаго элемента чужой ей по интересамъ и психоло-гіи партіи, приписывалось сознательно эгоистическимъ мотивамъ, соображеніямъ, продиктованнымъ честолюбіемъ и желаніемъ коман-довать. Но рабочихъ не могло не шокировать прежде всего и больше всего то, что въ партіи, называвшей себя пролетарской, претендовав-шей на роль руководителя рабочаго класса въ его борьбѣ, поставившей своимъ девизомъ слова «освобожденіе рабочаго класса есть дѣло са-мого рабочаго класса»,—во всѣхъ ея руководящихъ органахъ засѣ-даютъ почти исключительно интеллигенты, на сѣздахъ судьбы партіи, ея принципы и тактику опредѣляютъ интеллигенты, даже въ качествѣ главы каждой районной организаціи назначается интеллигентъ. «Какъ только у насъ создается въ районѣ организація, говорилъ на упомяну-томъ собраніи одинъ рабочій, къ намъ немедленно посылаются откуда-то

интеллигентъ-царь. Безспорно, есть у насъ въ отдѣльныхъ районахъ и добрые цари, но за то есть и такіе, которые намъ пикнуть не даютъ. Но намъ не нужно ни добрыхъ, ни злыхъ царей, мы сами желаемъ править въ своей партіи, и мы должны заводить въ ней свои порядки. Пусть интеллигенты, которымъ они будутъ по душѣ, работаютъ у насъ въ партіи, а остальные пусть уйдутъ отъ насъ, имъ не мѣсто въ нашей партіи».

Съ этихъ общихъ собраній петербургскихъ рабочихъ оппозиція перекинулась въ отдѣльные районы и партійной работѣ грозила полная остановка. Вновь назначенный въ нарвскомъ районѣ организаторъ не былъ признанъ таковымъ рабочей районной группой не изъ личнаго недоброжелательства къ нему, а потому, что она отказывалась признавать какія либо должности, кромѣ выборныхъ.

На Васильевскомъ островѣ чрезвычайно популярный организаторъ натолкнулся на нежеланіе районнаго собранія выслушать отчетъ о меньшевистской конференціи. Намъ-то что за дѣло до того, что вы толковали на вашей конференціи,—услышалъ онъ,—мы не обсуждали вопросовъ конференціи и потому мы и не признаемъ ее своей». Въ выборгскомъ районѣ озлобленность наиболѣе передовыхъ рабочихъ противъ своей организаціи достигла такихъ размѣровъ, при которыхъ не только общая работа, но и всякія переговоры становились совершенно невыслымыми.

На ряду съ этой, хотя и объединенной общимъ организационнымъ требованіемъ, но въ общемъ довольно безтолковой, не глубокой и принципиально не единой оппозиціей, начинаютъ пробиваться среди членовъ социалдемократической организаціи болѣе опредѣленные теченія, которымъ пережитая неудача диктовала менѣе поверхностныя заключенія о прошломъ партіи и о ближайшихъ ея задачахъ. На агитаторскомъ собраніи городского района, послѣ долгихъ преній, обнаружилось, что въ партіи сохранилось не мало элементовъ, окончательно безнадѣжныхъ, для которыхъ исторія не писана, и которыхъ никакія событія ничему не могутъ научить, была принята слѣдующая резолюція, требующая значительнаго расширенія всего содержанія партійной работы: «Неудача празднованія перваго мая въ нынѣшнемъ году показала разобщенность между партійной организаціей и рабочей массой. Этотъ печальный фактъ заставилъ собраніе агитаторовъ городского района болѣе подробно остановиться на методахъ нашей работы. Обсудивъ этотъ вопросъ собраніе пришло къ слѣдующимъ выводамъ: 1) До сего времени борьба пролетаріата за свои непосредственныя нужды велась при слабомъ участіи социалдемократіи, отрывавшейся благодаря этому отъ жизни широкихъ массъ. 2) Въ виду того, что въ настоящее время одна подпольная работа не обезпечиваетъ партіи достаточнаго участія въ общеклассовой борьбѣ и отчасти ведетъ къ противопоставленію массы, какъ таковой, партіи, какъ нелегальной организаціи, послѣдней необходимо взять въ свои руки веденіе рабочими профессиональной борьбы на массовой почвѣ, строго связывая эту борьбу съ социалдемократическими задачами. 3) Для этой цѣли партіи необходимо не только принимать самое дѣятельное, непосредственное участіе въ существующихъ уже профессиональныхъ

союзахъ, кассахъ и т. п., но и брать на себя инициативу въ дѣлѣ созданія такихъ организацій, дающихъ возможность объединить болѣе широкія массы на почвѣ ихъ классовыхъ интересовъ. 4) Въ связи съ этимъ собраніе считаетъ нужнымъ подчеркнуть настоятельную необходимость сдѣлать новые дальнѣйшіе шаги по пути демократизаціи нашей партіи, обеспечивающей большую самостоятельность ея членовъ».

Эта резолюція встрѣтила сочувственный приѣмъ какъ въ центральной группѣ, такъ и въ отдѣльныхъ районахъ. Оторванность партіи отъ массы, заговорщической, кружковой характеръ ея организаціи и необходимость опереться на широкіе рабочіе союзы, ведущіе классовую борьбу пролетаріата во всѣхъ ея видахъ, находятъ все большее признаніе въ рядахъ партіи. Петербургская социал-демократическая организація, которая до того времени совершенно игнорировала начавшееся среди рабочихъ организаціонное движеніе на экономической почвѣ, начинаетъ имъ интересоваться и во многихъ районахъ беретъ на себя инициативу въ дѣлѣ организаціи профессиональных союзовъ. Отдѣльные члены принимаютъ участіе въ организовавшемся тогда союзѣ печатнаго дѣла, партійная организація способствуетъ созыву собраній часовщиковъ, рабочихъ по обработкѣ дерева, шапочниковъ, сапожниковъ, и нѣкоторые члены ея отдаются всецѣло работѣ въ профессиональныхъ организаціяхъ рабочихъ. На собраніи наиболѣе передовыхъ рабочихъ семянниковскаго завода членомъ центральной группы прочитывается рефератъ о цѣляхъ и задачахъ заводской кассы и обсуждаются практическія мѣры, необходимыя для ея созданія на указанномъ заводѣ. Дѣло доходитъ даже до того, что члены группы вмѣстѣ съ рабочими Обуховскаго завода подробно обсуждаютъ планъ образованія союза обуховскихъ рабочихъ на основѣ существовавшей на заводѣ «лампадной кружки». Последняя должна была служить поводомъ для распространенія среди рабочихъ идеи превращенія добровольныхъ и случайныхъ пожертвованій въ «кружку» въ регулярные взносы, и для попытки расширенія задачъ «лампадной кассы» за предѣлы одной лишь покупки масла до широкихъ задачъ заводскаго рабочаго союза. Обсуждается также возможность сплочиванія рабочихъ на заводахъ вокругъ ихъ старость. Вносятся также значительная перемѣна въ содержаніе агитаціонныхъ рѣчей. Такъ въ городскомъ районѣ созывается собраніе всѣхъ болѣе или менѣе сочувствующихъ социалдемократіи рабочихъ для совмѣстнаго обсужденія дальнѣйшихъ задачъ партіи. На собраніи, на которомъ присутствовало 150—180 рабочихъ, произносятся не обычныя для массовокъ взвинчивающія рѣчи, а наоборотъ самымъ недипломатическимъ образомъ раскрываются всѣ недочеты партійной дѣятельности и партійной организаціи, и проводится мысль, что лишь партія, объединяющая широкія рабочія массы и тѣсно связанная со всѣми формами классовой борьбы пролетаріата, имѣетъ право называться социалдемократической и рабочей. Въ заключеніе всѣмъ рабочимъ, участвовавшимъ на собраніи, предлагается совмѣстными силами обсудить вопросъ о дальнѣйшей постановкѣ партійной работы; все собраніе выбираетъ также представителей на обще-городское собраніе оппозиціонныхъ рабочихъ, о которомъ яговорилъ.

Во всѣхъ этихъ планахъ и благихъ пожеланіяхъ было безъ сомнѣнія мало опредѣленности, но они обнаруживаютъ рѣзкую перемену въ настроеніи социалдемократическихъ круговъ, признаніе необходимости покончить съ ненормальнымъ положеніемъ рабочей партіи далекой отъ общественныхъ интересовъ и борьбы пролетаріата. Довольно ярко изображаетъ настроеніе руководящей центральной группы одинъ изъ ея членовъ въ своемъ письмѣ въ «Искру», посланномъ недѣли 3 послѣ перво-майской неудачи. «Обычный типъ нашей политической организаци, — читаемъ мы въ этомъ письмѣ, — центральный кружокъ на заводѣ, стремящійся намѣтить возможно больше кружковъ по образу и подобию своему, только качествомъ пониже. Работая кружками, мы заранѣе исключаемъ этимъ возможность охватить широкіе круги пролетаріата (десятковъ тысячъ по кружкамъ не размѣститъ!) Признавая методомъ работы — твореніе возможно большаго числа политическихъ кружковъ, стремясь выдѣлить изъ нихъ всякаго улавливаемого нами рабочаго, мы отрываемъ его отъ массы, отъ ея жизни и даже какъ бы провоставляемъ ей. Не лучшіе слои рабочихъ вдвигаются въ наши организаци, а просто знакомые нашихъ рабочихъ. Въ нашихъ кружкахъ можно только учиться (и то плохо!) Потребности въ активной работѣ они не удовлетворяютъ. И хорошіе рабочіе гапоновцы (соц.-дем.) говорятъ: «зачѣмъ я къ вамъ пойду? я и такъ все это знаю». Дѣйствительно идти затѣмъ, чтобы «числиться за организаціей» — не велика штука. Въ итогъ у насъ преимущественно самый молодой, самый не вліятельный элементъ среди рабочихъ. «У васъ все молодятникъ» говорилъ рабочій гапоновецъ, «вы его раскаляете, а онъ васъ, а масса на рабочую партію, которая должна быть *ея*, смотритъ какъ на чужую, которая со стороны ей что-то хорошее хочетъ сдѣлать.» И дѣйствительно, масса напряженно ожидала перваго мая, предвидя что-то большое и хорошее для себя, но не отводя себѣ въ этомъ активной роли. И къ нашимъ митингамъ, разъ мы ихъ не связываемъ, такъ или иначе, съ активностью массъ, съ дѣлительнымъ къ нимъ интересомъ, отношеніе подчасъ, какъ къ какому-то занимательному перерыву въ работѣ. «Придетъ интеллигентъ на заводъ» говорилъ вдумчивый рабочій-социалдемократъ городского района, «прокричитъ всѣ свои «долой», и мы покричимъ, и уйдетъ. А намъ нужно не это; что вообще «долой» — извѣстно, а надо обсужденіе всего, разборъ всей жизни». И рабочіе таки показали, что они не считаютъ себя связанными сочувственными кликами на митингахъ: взяли и не вышли перваго мая. Какъ разбить рамки кружковщины, какъ измѣненіемъ методовъ работы привлечь всѣ лучшіе элементы рабочаго класса? Группа, не договорившись пока подробно, выдвигаетъ *иниціативу социалдемократовъ въ дѣлѣ профессиональныхъ организацій рабочихъ*. Явочнымъ порядкомъ оснужаемъ рабочіе союзы, заводскія кассы и т. п.; изъ демократическихъ организацій дадимъ рабочей массѣ выдвинуть своихъ вожаковъ, удовлетворимъ ихъ потребность въ активной борьбѣ; свяжемъ наши митинги съ предложеніями объ основаніи общества рабочихъ для борьбы за свое экономическое, политическое и духовное освобожденіе; серьезной постановкой руководства профессиональной борьбой, необходимость объединенія для ко-

торой уже сознана рабочими массами, создадимъ прочную основу для роста вліянія нашей партіи; на собраніяхъ обществъ, обсуждающихъ всѣ вопросы, интересующіе рабочаго, будемъ отбирать элементы, выдвигающіеся и годящіеся въ нашу боевую партійную политическую организацію, которая пусть представляетъ собой не хаотическое сборище полусознательныхъ, просто революціонно настроенныхъ рабочихъ, а сплоченіе рабочихъ-соціалдемократовъ, организовавшихся для подобной агитаціи, руководящихъ профессиональными союзами и заводскими кассами и опирающихся на нихъ.»

Трудно въ настоящее время опредѣлить, каково было бы дальнѣйшее естественное развитіе партійной организаціи и работы въ Петербургѣ, если бы оно не было внезапно прервано, хотя и нормальными въ Россіи, но посторонними причинами. Удалось-ли бы ей выбраться на торную дорогу среди той массы плановъ и мѣропріятій, которыми изобиловала тогдашняя жизнь всѣхъ мѣстныхъ партійныхъ организацій и которыя всѣ были проникнуты однимъ стремленіемъ:—связаться возможно тѣснѣе съ рабочей массой? Или старые, заговорщицкіе, подпольные консервативные навыки и традиціи взяли бы снова верхъ и опять потянулась бы старая кружковая, бѣдная содержаніемъ реальной дѣятельности и богатая фразеологіей, интеллигентская партійная дѣйствительность? Трудно въ настоящее время дать категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Дальнѣйшее развитіе партіи въ Петербургѣ дѣлаетъ однако, очень вѣроятнымъ предположеніе, что старыя тенденціи оказались бы, благодаря партійнымъ традиціямъ, сильнѣе новыхъ вѣяній и послѣднимъ предстояла въ партіи еще продолжительная борьба за свое существованіе. Хотя во многихъ резолюціяхъ, принятыхъ на меньшевистской конференціи, собиравшейся, какъ извѣстно, одновременно съ большевистскимъ 3-мъ съѣздомъ, вліяніе «новыхъ вѣяній» очень сильно замѣтно, но насколько они не глубоко проникли въ сознаніе руководящихъ практиковъ партіи, показали даже съ чрезмѣрной очевидностью дальнѣйшія событія партійной жизни въ Петербургѣ. Какъ будто для того, чтобы изгнать приверженцевъ партійнаго бюрократизма и противниковъ демократизма изъ ихъ послѣдняго убѣжища, и показать, что отсутствіе демократизма вредно для партіи даже въ конспиративномъ отношеніи и отнюдь не спасаетъ отъ порученія самыхъ отвѣтственныхъ функцій шпіонамъ и провокаторамъ, въ концѣ мая и началѣ іюня въ Петербургѣ начались массовые аресты среди меньшевиковъ. Скоро обнаружилось, что они были вызваны провокаціей: одна изъ самыхъ важныхъ и конспиративныхъ функцій, завѣдываніе техникой, была поручена провокатору Доброскокову, привезшему изъ-за границы хорошія рекомендаціи и потому сразу завоевавшему довѣріе. Приверженцы демократизма справедливо доказывали, что такіе уничтожающіе всякую пріемственность въ работѣ, вызываемые провокаціей, разгромы были бы менѣе возможны при выборномъ началѣ, при которомъ отвѣтственныя должности поручалась бы людямъ на основаніи дѣйствительныхъ, извѣстныхъ массѣ партійныхъ членовъ, заслугъ, а не на основаніи дружескихъ связей съ вліятельными лицами партіи. Какъ бы то ни было, съ разгромомъ партіи, особенно сильно пострадали представители

тѣхъ новыхъ тенденцій, о которыхъ я говорилъ. Почти вся центральная группа была арестована. И тогда, вопреки преобладающему желанію петербургскихъ партійныхъ членовъ, вопреки духу резолюцій меньшевистской конференціи, явилось 2—3 лица изъ-за границы, объявили себя руководящей группой, кооптировали кое-кого изъ новопріѣзжихъ «профессіональных» революціонеровъ и, пользуясь общей, вызванной разгромомъ дезорганизаціей, повели работу по стародавнимъ приемамъ. Правда, и эта организація существовала очень недолго. Тотъ же Доброскоковъ заставилъ и ее почти цѣликомъ сойти со сцены. И тогда, какъ бы для еще болѣе яркаго доказательства слабой связи партіи съ общественной жизнью, ненормальности ея развитія, въ которой не можетъ быть никакой пріемственности и въ которой самые неожиданные скачки и повороты вполне естественны, въ петербургскихъ партійныхъ кругахъ стали временно господствовать не разгромленные большевики. Впрочемъ, самостоятельная организаціонная работа въ пролетаріатѣ продолжалась и усиливалась. Рабочій классъ уже тогда начинаетъ самостоятельно процессъ использования нѣсколько болѣе свободныхъ политическихъ условій для своего классового объединенія. Не получая отъ непролетарской ни по своему составу, ни по своимъ тактическимъ приемамъ социалдемократической партіи, указаній ни относительно классовыхъ средствъ борьбы съ самодержавіемъ, ни относительно организаціи этой борьбы, пролетаріатъ въ дальнѣйшей своей борьбѣ руководился только своимъ классовымъ инстинктомъ. Рѣшающее истинно пролетарское средство борьбы съ самодержавіемъ—общая стачка—явилась не результатомъ указаній со стороны партіи, а продуктомъ стихійнаго классового творчества рабочихъ массъ. Лишь послѣ этого въ рабочемъ движеніи Россіи наступилъ новый періодъ.

С. И. Сомовъ.

Григорій Анфимовичъ Попко ¹⁾.

(12-го апрѣля 1852 г.—20-го марта 1885 г).

(Опытъ біографіи).

20-го марта 1885 г. въ 10^{1/2} часовъ вечера въ Нижне-Карійской каторжной тюрьмѣ для государственныхъ преступниковъ, послѣ тяжелой агоніи, скончался Г. А. Попко. Смерть его ни для кого не была неожиданностью, и всего менѣе для него самого. Года полтора онъ уже схватилъ сильный плевритъ, который перешелъ потомъ въ водянку. По мнѣнію лечившаго его товарища, Э. Веймара, всѣ эти болѣзненные явленія вытекали, впрочемъ, изъ одного: общаго туберкулеза. Крупный революціонеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне скромный и сдержанный, Попко не бросался въ глаза людямъ, поверхностно знавшимъ его, и теперь, вѣроятно, мало кому извѣстно, какую роль онъ игралъ въ русскомъ движеніи. Этой и безъ того сдержанной сильной натурѣ обстоятельства придали конспиративную закалку, и какъ характеристична въ этомъ смыслѣ его просьба, обращенная къ близкимъ товарищамъ: «если я буду бредить, говорить что-нибудь такое... революціонное, не давайте мнѣ». Смерть уже бросала на него свою тѣнь, а онъ все еще заботился о томъ, какъ-бы не проговориться, не сдѣлать безъ всякой надобности извѣстной какую-нибудь революціонную тайну...

¹⁾ Статья эта, написанная однимъ изъ ближайшихъ друзей Г. А. Попко, *Ростиславомъ Андреевичемъ Стеблинымъ-Каменскимъ*, была напечатана въ № 3 (1893 года) издававшихся „Группою старыхъ народовольцевъ“ заграницею сборниковъ, носившихъ названіе „Матеріалы для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія“. Напечатана она была тамъ *безъ подписи автора*, одного изъ крупныхъ революціонныхъ дѣятелей 70-хъ годовъ, перенесшаго каторгу и застрѣливагося въ Иркутскѣ въ 1893 г. Въ виду большой рѣдкости сборника, въ которомъ напечатана статья Стеблина-Каменскаго и несомнѣннаго историческаго интереса рассказываемыхъ авторомъ этой статьи событій, мы, по сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, воспроизводимъ ее на страницахъ нашего журнала.

Матеріалами для настоящаго очерка мнѣ служили: „Записки соціалиста“, помѣщавшіяся въ рукописномъ журналѣ „Кара“ 1881 и 1882 гг., авторомъ которыхъ былъ самъ Г. А. Попко, воспоминанія Г. А. объ убійствѣ Гейкинга, которыя предназначались для того же журнала, но были найдены неудобными для опубликованія близкими товарищами. Весьма много фактовъ изъ жизни покойнаго мнѣ сообщили П. Волошенко, А. Медвѣдевъ, Г. Фомичевъ и другіе.

Авторъ.

Мнѣ выпало на долю счастье близко знать покойнаго и я считаю долгомъ сообщить о немъ все, что знаю.

Среди Кубанскихъ степей раскинулась станица Тимашевка. Сюда были высланы Екатериной II остатки раззореннаго Запорожья и нѣсколько семей казаковъ Полтавской губерніи. Дѣдъ Г. А. Попко хорошо помнилъ свою родину Полтавщину, и Григорій сохранилъ изъ его разсказовъ смутныя воспоминанія о переселеніи и о жизни на родинѣ. По соглашенію со станицей дѣдъ Попко для одного изъ своихъ сыновей выбралъ должность священника. Окончивъ курсъ въ семинаріи, Анфимій былъ поставленъ священникомъ въ родной станицѣ. 12-го апрѣля 1852 г. у него родился первенецъ Григорій, болѣзненный и слабый мальчикъ. Скоро жена Анфимія, родивъ ему еще сына Антона, умерла. Отецъ Анфимій пилъ горькую, и когда Григорію было 8—9 лѣтъ, кончилъ жизнь самоубійствомъ, въ припадкѣ-ли бѣлой горячки, или просто потому, что ужъ очень горько стало жить на свѣтѣ. Григорій съ братомъ остались на рукахъ дѣда и дяди. Послѣдній служилъ въ казакѣхъ и своими недюжинными способностями пробилъ себѣ дорогу, дослужился до генеральскихъ эполетъ, былъ предводителемъ ставропольскаго дворянства и написалъ единственную, кажется, исторію Кубанскаго казачества. Впрочемъ, до смерти дѣда, дядя не имѣлъ ровно никакого вліянія на судьбу сиротъ и они росли подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ суроваго дѣда. Отсутствіе семьи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, отсутствіе нѣжныхъ материнскихъ заботъ, жизнь въ чужихъ людяхъ не могли не оказать своего вліянія на развитіе маленькаго Григорія. Онъ, какъ и большинство сиротъ, былъ серьезенъ не по лѣтамъ, болѣе сверстниковъ понималъ окружающую жизнь. Трагическая смерть отца навсегда оставила тяжелое воспоминаніе. «Я никогда не былъ ребенкомъ,—говорилъ грустно Попко—я рѣшительно не понимаю чувства любви къ матери».

Десяти или одиннадцати лѣтъ отдали Григорія въ бурсу. Болѣзненный, нервный мальчикъ учился хорошо, но отличался непокорнымъ, упрямымъ характеромъ. Много терпѣлъ онъ отъ семинарскаго начальства за этотъ «несчастный» характеръ. Уже тогда начало у него рости сочувствіе ко всему обиженному, обездоленному; уже тогда онъ держался передъ семинарскимъ начальствомъ гордо и независимо. На каникулы онъ пріѣзжалъ домой, но тутъ его сурово и холодно встрѣчалъ дѣдъ, и мальчикъ чувствовалъ себя дома такимъ-же чужимъ для всѣхъ, какъ и въ бурсѣ. Два, три года подъ-рядъ, въ лѣтнее время, проболѣлъ Григорій упорной лихорадкой, вытянулся и сталъ на видъ совсѣмъ взрослымъ. Что-то печальное, сосредоточенное было въ этомъ худомъ юношѣ съ апостольскимъ лицомъ.

Вторая половина 60-хъ годовъ для Ставропольской семинаріи ознаменовалась великими событіями. Въ замкнутую душную атмосферу пахнуло свѣжимъ воздухомъ: пріѣхали два молодые профессора изъ «новыхъ». Въ семинаріи началось броженіе. Собирались сходки; велись оживленные толки по поводу новыхъ идей, завезенныхъ молодыми учителями. Начались занятія естественными науками, чтеніе тогдашнихъ журналовъ, «Русскаго Слова», «Современника», популярныхъ естественно-научныхъ книгъ, книгъ, касающихся религіи, въ родѣ Штра-

уса, Ренана. Заводились на послѣдній семинарскій грошъ химическія лабораторіи. Шли разговоры о томъ, какъ честно жить, какъ приносить пользу людямъ. Однимъ словомъ, мысль лихорадочно заработала и въ бурсу проникли широкой струей идеи 60-хъ гг. Среди увлекавшихся новымъ словомъ видную роль игралъ юноша Попко.

Подъ вліяніемъ учителей и журнальныхъ статей, среди членовъ успѣваго образоваться кружка, къ которому принадлежалъ и Попко, родилась и созрѣла мысль бросить семинарію, основать на родинѣ земледѣльческую ассоціацію, обрабатывать землю своимъ трудомъ, прилагая всѣ улучшения и выводы науки; своимъ примѣромъ поднять народъ до умственного уровня самихъ пропагандистовъ и заставить его организоваться на точно такихъ же началахъ, на какихъ желали жить и члены кружка. Въ пылкомъ воображеніи ихъ уже рисовался рядъ ассоціацій, выросшихъ какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла; возставалъ фантастическій образъ реформированнаго ими міра; и съ вѣрой и энергіей они шли на новое дѣло. Но міръ легко было реформировать въ мечтахъ, а въ дѣйствительности, прежде всего, предстояла борьба, серьезная борьба съ семействомъ. Надо было бросить семинарію, а это было не такъ-то легко. Попко предстояло столкновение съ дѣдомъ, опекуномъ дядей, со всею станицей. Да и семинарское начальство сочло-бы такое увольнение позоромъ и безъ борьбы не согласилось-бы отпустить юношей. Трудно сказать, почему семья Попко не рѣшилась предпринять особенно крутыхъ мѣръ противъ Григорія. Вспоминая прошедшее, онъ и самъ удивлялся тому, что борьба кончилась сравнительно легкой побѣдой. Ему, правда, грозили и розгами, и тюрьмой, и тѣмъ, что съ голоду пропадетъ. Попко твердилъ одно: «не пустите волей, убѣгу!» Наконецъ, увѣщанія, угрозы, уговоры прекратились. Съ нимъ не говорилъ никто изъ домашнихъ, всѣ отвернулись отъ него, какъ отъ зачумленнаго... Надо было ѣхать. Передъ отъѣздомъ собралась вся семья, и дѣдъ торжественно проклялъ непокорнаго. Тяжело было на душѣ у юноши, когда онъ вышелъ изъ дому, ни съ кѣмъ не простившись, и, въ послѣдній разъ взглянувъ на окно, увидѣлъ торжественно-грозную фигуру дѣда. Его охватилъ суевѣрный ужасъ передъ страшнымъ проклятіемъ и долго онъ не могъ безъ ужаса вспоминать этой сцены.

«Была минута, когда я готовъ былъ вернуться и молить дѣда о возвратѣ благословенія, на вѣки нерушимаго—говорилъ Попко—но что-то мѣшало. Прошла эта страшная минута слабости, новая впечатлѣнія вытѣснили только-что пережитыя, и стало думатья о томъ, какое чудное будущее ждетъ насъ, впервые бросившихъ перчатку старому міру».

Однако дѣло этимъ не кончилось. Пришлось еще выслушать увѣщанія и угрозы семинарскаго начальства. Долго начальство замедляло выдачу нужныхъ документовъ; все думали, что Григорій побоится грознаго, разрисованнаго «адскими» красками будущаго: и голода, и холода, и тюрьмы, и геены огненной!

Одновременно съ Попко уволились изъ семинаріи пять человѣкъ. Всѣ они рѣшились основать земледѣльческую ассоціацію. Денегъ у нашихъ героев не было. Купить землю въ полную собственность не-

чего было и думать. На первое время юноши взяли въ аренду землю у отца одного изъ участниковъ предпріятія, но, какъ люди совершенно незнакомые съ практической стороной подобныхъ сдѣлокъ, ограничились словеснымъ неопредѣленнымъ условіемъ съ владѣльцемъ земли. Нельзя сказать, чтобы юноши были незнакомы съ сельскими работами. Но одно дѣло работать въ качествѣ балующагося паныча, другое дѣло, когда знаешь, что отъ успѣшности работы зависитъ и самое существованіе, а главное, что неуспѣшностью ея дискредитируешь завѣтную идею.

Счастье какъ будто улыбнулось мечтателямъ. Годъ выпалъ очень урожайный, и хлѣбъ только успѣвай убирать. По расчетамъ участниковъ, изъ барышей перваго года они могли и землю пріобрѣсти въ собственность, и прожить безбѣдно до слѣдующаго урожая. Но сметливый собственникъ воспользовался отсутствіемъ формальнаго условія и присвоилъ себѣ въ уплату аренды почти весь хлѣбъ. Это былъ жестокій ударъ. Первое лѣто показало и то, что мечтаній о примѣненіи научныхъ истинъ и усовершенствованій къ земледѣлю недостаточно; что нужно несравненно больше знаній теоретическихъ и практическихъ. Но юноши все еще крѣпко держались за предпріятіе. Правда, начали время отъ времени подниматься голоса, что нужно-де поучиться прежде чѣмъ дѣлать что-нибудь, что въ Россіи есть на то и специальное заведеніе; но такіе благоразумные голоса заглушались еще не остывшимъ энтузіазмомъ. Большинство думало такъ: время дорого, можно и учиться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исподволь осуществлять завѣтные планы; да и самое существованіе ихъ ассоціаціи, даже безъ агрономическихъ затѣй, уже полезно, ибо ясно говорить о возможности проведенія въ жизнь артельного начала...

На второе лѣто посыпались неудачи на бѣдныхъ мечтателей. Значительная часть сѣна сгорѣла, благодаря чьей-то неосторожности. Урожай былъ плохъ. Попко чуть не утонулъ во время бури на рѣкѣ, гдѣ неводили рыбу. Увлеченіе стало проходить, и благоразумные голоса скоро оказались въ большинствѣ. Конечно, отказаться сразу и окончательно отъ предпріятія теперь-же было неловко передъ посторонними, стыдно передъ своими. Попко упрямо сталъ на томъ, что опытъ не конченъ, что нужно идти до конца. Но большинство рѣшило бросить предпріятіе «до поры до времени» и отправить двухъ избранныхъ въ Петровско-Разумовскую академію, а когда тѣ окончатъ курсъ, снова возобновить опытъ. Однимъ изъ двухъ единогласно выбранныхъ былъ Попко. Для поступленія въ академію нужно было держать экзаменъ при семинаріи по нѣкоторымъ предметамъ. Попко снова явился въ Ставрополь; начальство обѣщало срѣзать его, но это не удалось. Попко выдержалъ экзаменъ и уѣхалъ въ Москву. Но средствъ къ жизни не было, и Попко въ незнакомомъ городѣ пришлось искать заработка. Вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось внимательно слѣдить за лекціями, много читать и учиться.

Незадолго передъ пріѣздомъ Григ. А. въ Москву разыгралась тамъ извѣстная Нечаевская исторія; много народу было арестовано, но движеніе не остановилось, и, по пріѣздѣ Попко, собираются сходки, обсуждаются вопросы о рефератахъ, о подборѣ книгъ для чтенія;

обсуждаются и теоретическіе вопросы. Попко изрѣдка бываетъ на сходкахъ, внимательно прислушивается къ рѣчамъ социалистовъ, но участія въ революціонныхъ дѣлахъ не принимаетъ. Здѣсь въ Москвѣ онъ познакомился съ блиставшей тогда А., въ послѣдствіи кончившей¹⁾ такъ позорно, съ Папинымъ, съ Фроленко; потомъ съ нѣкоторыми членами такъ называемаго Московскаго кружка, Грачевскимъ и друг. Почему Попко тогда же не принялъ участія въ революціонномъ дѣлѣ, онъ и самъ объяснить не могъ. Обязательство передъ участниками неудавшагося дѣла его не удерживало: тогда ясно стало уже и Попко, что дѣло провалилось окончательно; знакомые социалисты отнеслись къ Григ. А. хорошо, съ довѣріемъ; всѣ симпатіи Попко были на сторонѣ социализма. Но, несмотря на все это, Попко оставался внѣ теченія. Весьма вѣроятно, что его удерживала отъ окончательнаго присоединенія къ социалистическимъ кружкамъ врожденная осторожность, которая, впрочемъ, нисколько не исключала смѣлости и энергіи: онъ рѣшался на какое-нибудь дѣло не скоро, но, рѣшившись, уже шелъ до конца, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Теперь Попко предстоялъ рѣшительный шагъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, разъ ожегшись, онъ колебался именно потому, что боялся снова ожечься. Кромѣ того, онъ считалъ себя и негоднымъ къ новой дѣятельности: онъ думалъ сначала заняться изученіемъ общественныхъ наукъ, съ которыми не могъ познакомиться основательно ни въ семинарскій періодъ, ни теперь, когда всецѣло былъ поглощенъ предметами, которые преподавались въ Земледѣльческой академіи.

Такъ прошло два года. Предпріятіе семинаристовъ было окончательно похоронено: участники ассоціаціи, оставшіеся въ провинціи безъ поддержки болѣе сильныхъ и энергичныхъ товарищей, пали духомъ и написали имъ, что нечего и думать о продолженіи опыта. Такимъ образомъ руки Попко были развязаны, и онъ рѣшился переѣхать въ Одессу, гдѣ во второй половинѣ 1874 года онъ поступилъ въ университетъ, на юридическій факультетъ. Къ этому времени дѣдъ Попко уже умеръ, а дядя посмотрѣлъ на переходъ благосклонно и обѣщалъ помогать деньгами Григорію. Эта помощь дала Попко свободное время, которое иначе пошло-бы на добываніе хлѣба, а теперь всецѣло могло быть посвящено на подготовку и революціонную дѣятельность.

Въ Одессѣ Попко скоро по пріѣздѣ сближается съ Заславскимъ, этимъ замѣчательнымъ пропагандистомъ и организаторомъ среди рабочихъ. Съ этого времени Григ. А. является активнымъ революціоннымъ дѣятелемъ. До самаго ареста Заславскаго Попко—его дѣятельный помощникъ: онъ читаетъ лекціи рабочимъ, обучаетъ ихъ грамотѣ, устраиваетъ кассы, бібліотеки и беретъ на себя трудное и опасное дѣло перевозки книгъ изъ-за-границы. Ему приходится для устройства перевозки книгъ ѣздить въ Кишиневъ, на границу и жить тамъ въ ожиданіи возможности перевезти книги; приходится сходиться съ

¹⁾ Редакція не могла въ точности узнать, въ чемъ было дѣло, и потому рѣшила замѣнить полную фамилію пачальной буквой.

Примѣчаніе редакціи „Матеріаловъ“.

разными евреями-контрабандистами, рискуя каждую минуту быть преданнымъ. Уже въ первое время дѣятельности Попко проявляетъ основныя черты своего характера: онъ ведетъ себя такъ скромно, умно, осторожно, что, хотя принимаетъ участіе во всѣхъ предпріятіяхъ того времени и особенно тамъ, гдѣ опаснѣе, его фамилія остается неизвѣстной ни шпіонамъ, ни жандармамъ, въ то время какъ начались аресты по дѣлу Заславскаго и самъ Заславскій былъ арестованъ. Попко не только избѣжалъ ареста, но даже сохранилъ легальность: Тавлѣвъ, Толстоносовъ и другіе шпіоны—имъ-же имя легіонъ—знали только его кличку. Среди рабочихъ онъ пользовался рѣдкимъ для интеллигента уваженіемъ. Онъ не заискивалъ передъ ними, что случается сплошь да рядомъ, велъ себя сдержанно, ровно, закадычныхъ пріятелей не имѣлъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самые ярые протівники интеллигенціи изъ рабочихъ всегда хорошо отзывались о «Козьмѣ», «Грыцькѣ», о «Чернышовѣ» (клички Попко).

Послѣ ареста Заславскаго вся созданная имъ организація рушилась. Попко собираетъ остатки рабочихъ, не теряетъ ихъ ни на минуту изъ виду и, когда сбился новый кружокъ, снова втягиваетъ его въ дѣло. Въ числѣ этихъ остатковъ «Заславцевъ», между прочими, были: Игнатъ и Иванъ Ивичевичи, Григорій Иванченко... Попко знаетъ о замыслѣ убить шпіоновъ Толстоносова и Тавлѣва: Толстоносовъ ускользнулъ, а Тавлѣвъ чуть не всенародно былъ убитъ въ саду, на гуляньѣ.

Въ концѣ 1875 года идутъ переговоры одесскаго кружка о соединеніи съ такъ называемыми лавристами—организованной группой пропагандистовъ въ Петербургѣ. Это соединеніе происходитъ въ началѣ 1876 года. Рассказывать подробно о томъ, что въ то время дѣлалъ Попко, я не буду: для этого пришлось бы писать исторію революціоннаго движенія того времени. Попко дѣлалъ то же, что дѣлали другіе тогдашніе «пропагандисты». Онъ поѣхалъ по порученію своего кружка въ Питеръ за книгами, приобрѣлъ тамъ много знакомствъ и, между прочимъ, познакомился съ Д. А. Лизогубомъ.

Въ тѣ времена рѣзко обозначались два направленія среди русскихъ революціонеровъ: бунтарское и лавристское, или пропагандистское. По своимъ убѣжденіямъ Попко принадлежалъ къ лавристамъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ занималъ какъ бы нейтральное положеніе среди такъ часто враждовавшихъ направленій. Всякій пріѣзжающій, къ какой-бы фракціи ни принадлежалъ онъ, находилъ пріютъ и всяческую помощь у Попко; всякое порученіе Попко исполнялъ независимо отъ того, какъ думалъ и во что вѣрилъ поручающій. Но, само собою разумѣется, Попко былъ отнюдь не индифферентистъ, а человѣкъ съ вполне опредѣленной физіономіей. Многое онъ отрицалъ въ дѣятельности бунтарей, но вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ своимъ долгомъ помогать имъ,—и прежде всего потому, что они были враги русскаго правительства, какъ и самъ Попко, да и самыхъ идей ихъ онъ не отрицалъ ужъ такъ огульно и безапелляціонно, какъ это дѣлали правовѣрные лавристы. Знавшій и страстно любившій народъ, Попко рано или поздно долженъ былъ понять, что такіе лавристы, въ сущности, отрицаютъ народъ, что для нихъ центръ тяжести была лич-

ность, чистота ея, а не общество, не народъ и не дѣятельность во имя ихъ. А Попко, по симпатіямъ, по натурѣ былъ народникомъ и лишь во имя народа и для него одного онъ вступилъ на революціонный путь. Бунтарство же было народничествомъ, хотя народничествомъ одностороннимъ, не охватывавшимъ всей программы потомъ окончательно сложившагося народничества, которое и поглотило бунтарство, какъ цѣлое свою часть. Короче сказать, Попко незамѣтно для себя, переходилъ къ бунтарямъ, а въ средѣ лавристовъ его держалъ элементъ подвижничества: по своимъ привычкамъ въ теченіе всей своей жизни Г. А. былъ ригористъ, аскетъ; онъ и пошелъ вначалѣ за той группой, которая вносила элементъ безукоризненной личной чистоты въ свою общественную дѣятельность. Но скоро онъ понялъ, что эта группа не идетъ впередъ, не развивается, а застыла, залюбовавшись на собственную красоту... Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ понялъ, что можно исповѣдывать и иную теорію личной нравственности, чѣмъ исповѣдывали народники, и въ то же время въ практической дѣятельности идти рука объ руку съ ними. Но, главное, онъ былъ человѣкъ терпимый и мягкій. Терпимостью своей и мягкостью Попко отчасти и приобрѣлъ то вліяніе, которымъ пользовался среди товарищей,—говоря «отчасти», потому что не только этими качествами обуславливалось его вліяніе: о немъ слышались наилучшіе отзывы отъ самыхъ разнообразныхъ фракцій; ему всѣ довѣряли, хотя отлично понимали, что онъ принадлежитъ именно къ той, а не къ иной группѣ.

Къ концу 76 года народническое направленіе все болѣе и болѣе начинаетъ приобретать силу, какъ въ Питерѣ, такъ и на югѣ. На сѣверѣ тогда выросла даже цѣлая народническая организація, которая дала потомъ столько выдающихся дѣятелей; если не было такой же правильной, тѣсно-сплоченной организаціи на югѣ, то лишь благодаря разнымъ причинамъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто. Это все болѣе и болѣе приобретающее силу теченіе вызвало главнымъ образомъ Парижскій съѣздъ 1876 года. Дѣло въ томъ, что питерскіе лавристы просмотрѣли, что въ провинціальныхъ кружкахъ идетъ броженіе, просмотрѣли, а, можетъ быть, нарочно игнорировали его; «Впередъ»—органъ лавристовъ и органъ питерскій по преимуществу—не сумѣлъ отразить собой уже ясно обозначающагося новаго теченія. Этимъ были недовольны провинціалы, свои жалобы они и привезли въ Парижъ. Представителемъ интересовъ Кіева былъ избранъ К. И. Гриневичъ¹⁾, а представителемъ кружка одесситовъ—Г. А. Попко. Въ Парижъ они отправились вмѣстѣ изъ Кіева, куда Попко заѣхалъ за Гриневичемъ. Много новаго увидалъ и услыхалъ Попко за-границей; побывъ въ Парижѣ и въ Женевѣ, въ Вѣнѣ и во Львовѣ и очень любилъ вспоминать это путешествіе.

О самомъ съѣздѣ рассказывать не буду: результаты его извѣстны²⁾. Питерцы постарались, чтобы съѣздъ официальные свои

¹⁾ О немъ слѣдовало бы поговорить подробнѣе, но это—когда-нибудь потомъ.

²⁾ Припоминая разговоры, имѣвшіе мѣсто въ Парижѣ въ моемъ присутствіи, я не сохранилъ въ памяти никакихъ слѣдовъ разногласія между южанами и питерцами. Напротивъ, мнѣ казалось, что они дѣйствуютъ совершенно согласно. Такъ какъ для

работы кончилъ до прїѣзда представителей Кіева и Одессы. На возвратномъ пути Гриневиць и Попко остановились въ Львовѣ, имѣя въ виду устройство правильной доставки книгъ изъ-за границы. Гриневиць, не дождавшись транспорта книгъ, уѣхалъ и былъ арестованъ на границѣ. Попко остался и это спасло его отъ ареста. Между Гриневичемъ и Попко было условлено, что послѣдній выѣдетъ не раньше чѣмъ получитъ отъ Гриневича телеграмму изъ Кіева, но Попко перевезъ книги раньше полученія телеграммы; она-же пришла не отъ Гриневича, а отъ другихъ товарищей, и пришла въ то время, когда въ Львовѣ были арестованы С. Ястрембскій, А. П. Ч—нъ, Ляхоцкій и Павликъ. Такимъ образомъ Попко и здѣсь посчастливилось: ожидай онъ телеграммы, онъ былъ-бы арестованъ въ Львовѣ; поѣзжай онъ съ Гриневичемъ, его бы арестовали на границѣ. По прїѣздѣ въ Россію онъ отдалъ отчетъ кіевлянамъ и одесситамъ о сѣздѣ.

Съ этого времени кіевская и одесская группы совсѣмъ расходятся съ питерской группой пропагандистовъ. На югѣ съ возрастающимъ преобладаніемъ народничества начинается и соотвѣтственная дѣятельность: идутъ хлопоты о поселеніяхъ, дѣлаются попытки воспользоваться подходящимъ настроеніемъ массъ. Но нѣтъ ни строго выработанной программы дѣйствій, ни хорошо организованной группы.

Теперь виднымъ представителемъ народническаго движенія является и Попко. Въ деревню его влекутъ всѣ симпатіи: онъ знаетъ ее такой, какова она въ дѣйствительности. знаетъ и любитъ, вѣрить въ нее. На лѣто 77 года Г. А. ѣдетъ въ Тимашевку къ брату, который уже занялъ мѣсто священника въ своей станицѣ, сообразно желанію станицы и дѣда. Съ Гр. А. ѣдутъ двое изъ его товарищей. Цѣль этой поѣздки—выучиться сельскимъ работамъ, приглядѣться къ сельскимъ порядкамъ. Попко то и другое, конечно, хорошо было извѣстно а работалъ онъ лучше многихъ настоящихъ рабочихъ.

Тихо, мирно провели трое товарищей лѣто въ Тимашевкѣ, а въ то время въ Питерѣ произошло весьма важное событіе, повліявшее на всю дальнѣйшую судьбу Попко: Боголюбова подвергли тѣлесному наказанію. Узналъ объ этомъ Г. А., только когда вернулся изъ Тимашевки. Извѣстіе сначала его ошеломило; онъ нѣсколько дней не могъ придти въ себя и, лежа на кровати, постоянно повторялъ одно: «высѣкли... высѣкли...» Потомъ это подавленное состояніе прошло, и въ душѣ его, доселѣ мирно настроенной, заговорило страшно жгучее чувство—чувство мести! Вмѣстѣ съ желаніемъ отмстить за поправное достоинство человѣка, въ его сознаніи почти непосредственно выросла и мысль, что борьба съ врагомъ нужна не прежняя:

читателей 90-хъ годовъ и самый сѣздъ, и его результаты составляютъ очень древнюю исторію и едва ли могутъ считаться „извѣстными“, то замѣчу, что настроеніе участниковъ сѣзда относительно веденія дѣла „Впередъ“ было таково, что я долженъ былъ отказаться отъ редакторства. Миѣ неизвѣстно, насколько у южанъ встрѣтило сочувствіе ясно проявившееся направленіе питерцевъ концентрировать дѣло на пропагандѣ и на агитаціи въ „народѣ“, оставили въ сторонѣ „интеллигенцію“ и нежеланіе придать организаціи партіи „боевой“ характеръ.

Примѣчаніе П. Л. Лаврова, одного изъ редакторовъ „Матеріаловъ“.

требовались не поселенія, не мирныя рѣчи, а борьба на смерть, борьба безпощадная.

Когда Попко пріѣхалъ въ Одессу, тамъ шли оживленные толки по поводу расправы съ Боголюбовымъ; рѣшался вопросъ: что дѣлать, какъ отомстить за него? Попко зажигательныхъ рѣчей не говорилъ, наружно онъ былъ спокоенъ, безстрастно присутствовалъ на бурныхъ сходкахъ, но поѣхалъ въ Кіевъ, чтобы оттуда отправиться въ Петербургъ и отмстить дѣломъ. Не удивительно, что по пріѣздѣ въ Кіевъ онъ тѣсно сблизился съ компаніею бунтарей. Бунтари и раньше говорили о политическихъ убійствахъ; за ними были и факты подобного рода, а настроеніе Попко теперь какъ нельзя болѣе подходило къ настроенію ихъ. Попко не прямо поѣхалъ въ Питеръ, потому что предполагалъ среди бунтарей найти помощника для осуществленія задуманной мести. И онъ не ошибся въ своемъ предположеніи. Эта поѣздка совпадала еще съ другимъ переворотомъ въ мысляхъ Гр. А., переворотомъ, въ Одессѣ для самого Попко еще не совсѣмъ яснымъ, но который въ Кіевѣ скоро совсѣмъ опредѣлился: расправа съ Боголюбовымъ до того сильно подѣйствовала на Г. А., что онъ, до сихъ поръ горячій противникъ конституціи, переходитъ вдругъ въ ряды ея защитниковъ. Попко не могъ не видѣть, что при конституціонномъ образѣ правленія, предполагающемъ неостъемлемость нѣкоторыхъ правъ личности, врядъ-ли былъ-бы возможенъ такой фактъ, какъ расправа съ Боголюбовымъ. Далѣе для Попко, какъ для практическаго дѣятеля и тогда уже было ясно, что та работа, которая при абсолютизмѣ всецѣло ложится на активныхъ работниковъ революціи, именно пропаганда теоріи социализма, при существованіи конституціи отойдетъ отъ нихъ и перейдетъ къ мирнымъ теоретикамъ, тогда какъ настоящіе революціонеры направятъ всѣ силы на организацію среди самого народа, что не могло, конечно, не быть желательнымъ. Весь Кіевъ былъ полонъ впрочемъ, тогда разговорами о конституціи. Говорили о ней и либералы, и украинофилы, и просто студенты, и бунтари. Устроился даже клубъ специально... для разговоровъ о конституціи. Каждый возлагалъ на конституцію свои надежды; каждый говорилъ о ней, какъ о неизбѣжной, необходимой; и если-бы отъ количества сказанныхъ словъ зависѣлъ успѣхъ дѣла, то у насъ на Руси было-бы въ то время двадцать конституцій... Что касается Попко, то въ клубѣ онъ бывалъ, но разговоровъ тамъ не велъ; онъ бесѣдуетъ—и то осторожно—лишь съ отдѣльными личностями. Наконецъ Попко прямо поставилъ передъ Дм. А. Лизогубомъ и В. А. Осинскимъ вопросъ о террорѣ, какъ объ орудіи и мести и политическаго переустройства. И Осинскій, и Лизогубъ были согласны съ Попко, что терроръ необходимъ. Но какъ вести его? Открыто поражать намѣченное лицо не разсчитливо: погибнуть безстрашные борцы, а много-ли будетъ за ними такихъ-же? Пришли къ такому рѣшенію: наносить удары врагу революціонеры должны не открыто, а сохраняя себя по возможности. Такъ былъ рѣшенъ вопросъ о террорѣ, и первымъ на очередь было поставлено убійство Трепова. Кромѣ Лизогуба, Осинскаго, скоро приверженцами террористическаго направленія являются Иванъ и Игнатъ Ивичевичи, В. Свириденко, А. Брандтнеръ, А. Синтянинъ и еще нѣ-

сколько другихъ лицъ. Съ такими то незначительными силами рѣшились испробовать новое средство борьбы.

Незадолго до окончательныхъ переговоровъ Осинскаго, Попко и Лизогуба былъ открытъ заговоръ среди Чигиринскихъ крестьянъ и арестованы организаторы этого дѣла: Стефановичъ, Дейчъ, Бохановскій. У Бохановскаго въ карманѣ былъ найденъ ключъ отъ квартиры, гдѣ находились: типографія, оружіе и другія не менѣе важныя вещи. Пока жандармы рыскали по городу съ ключемъ и искали любопытную квартиру, товарищи арестованныхъ вынесли всѣ конспиративныя вещи, и въ числѣ этихъ смѣльчаковъ былъ и Попко. Только въ концѣ 77 года Гр. А. уѣхалъ въ Петербургъ съ однимъ изъ членовъ бунтарскаго кружка, согласившимся принять участіе въ предположенномъ убійствѣ Трепова. Этотъ членъ кружка игралъ одну изъ самыхъ видныхъ ролей въ послѣдующемъ движеніи.

Послѣ ареста чигиринскихъ дѣятелей зарождается въ головѣ Попко мысль, что однимъ изъ первыхъ кандидатовъ на смерть послѣ Трепова будетъ баронъ Гейкингъ, этотъ пресловутый либераль, адъютантъ выжившаго изъ ума Павлова. На первый взглядъ это покажется страннымъ: не разъ «баронъ» предупреждалъ объ обыскахъ, не разъ скрывалъ отъ прокурорскихъ глазъ найденныя запрещенныя книги. Однако дѣло объясняется просто. Изъ поведенія Гейкинга при арестѣ и слѣдствіи по чигиринскому дѣлу стало ясно, что Гейкингъ—либераль лишь по отношенію къ такимъ безобиднымъ фрондерамъ, какъ украинофилы, лавристы и проч. Но не то вышло, когда попались крупныя птицы. Гейкингъ зналъ очень многихъ изъ тогдашнихъ дѣятелей, зналъ, чего и отъ кого можно ожидать, и обыски и допросы производились съ такимъ знаніемъ текущихъ революціонныхъ дѣлъ, что стало ясно, какъ опасенъ будетъ при серьезномъ оборотѣ дѣлъ этотъ «либераль». Однако Боголюбовъ еще не отомщенъ и Попко ѣдетъ въ Питеръ.

Въ Петербургѣ къ предпріятію пріѣхавшихъ присоединяются двое изъ организаціи «Земли и Воли». Нанимается квартира на улицѣ, по которой часто ѣздитъ Треповъ, посредствомъ зеркалъ слѣдятъ за его проѣздами. Но пока идутъ окончательныя приготовления, неожиданно для всѣхъ раздается выстрѣлъ Засуличъ...

Во время пребыванія Попко въ Петербургѣ тамъ было сильное оживленіе: шелъ процессъ по дѣлу 193; каждый день, не ожидая конца процесса, притянутые къ нему отпускались на поруки изъ Петропавловки и изъ предварилки; понаѣхало много народа легальнаго и нелегальнаго изъ деревни, изъ-за-границы, читались рефераты, выяснялись программы; была затѣнена газета «Начало»; сходки происходили чуть не открыто.

Послѣ покушенія Засуличъ Попко уѣхалъ въ Кіевъ. Первымъ террористическимъ актомъ, исходившимъ отъ организаціи, созданной Попко, Лизогубомъ, Осинскимъ, было убійство въ Ростовѣ шпиона, рабочаго Никонова. По поводу этого убійства въ Петербургѣ были отпечатаны прокламаціи, и на этихъ прокламаціяхъ, расклеенныхъ одновременно въ Питерѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Кременчугѣ, и Курскѣ, въ первый разъ появилась печать Исполни-

тельного Комитета. Кстати, мысль объ этой печати возникла совершенно случайно на одной вечеринкѣ въ Кіевѣ; на этой вечеринкѣ были и Попко. Кто былъ на свободѣ въ 78 г., тотъ долженъ помнить, какую сенсацию произвела эта печать среди жандармеріи, и не только ея одной; а между тѣмъ, прикладывая эту печать первый разъ, никто не думалъ, что она способна надѣлать переполохъ.

Не помню, по какому поводу въ Кіевѣ были произведены многочисленные обыски. На этихъ обыскахъ отличался грубостью и нахальствомъ товарищъ прокурора Котляревскій. Отвѣтомъ на вызывающее поведеніе Котляревскаго были выстрѣлы въ него со стороны Ивана Ивичевича, Осинскаго и еще одного. По поводу этого второго террористическаго факта кружка террористовъ Попко расклеивалъ прокламаціи въ Одессѣ и чуть было не былъ арестованъ. Едва онъ наклеилъ прокламацію, какъ полицейскій сорвалъ ее и бросился по пятамъ за Попко; только благодаря какой-то случайности тотъ избѣжалъ ареста.

Вскорѣ послѣ покушенія на жизнь Котляревскаго, и косвенно именно вслѣдствіе этого покушенія, произошли извѣстные «безпорядки» въ Кіевскомъ университетѣ. Начался университетскій судъ, а потомъ аресты, высылки. Гейкингъ снова показалъ свои когти: люди высылались по его указаніямъ; всѣмъ стало видно, что Гейкингъ не даромъ велъ знакомства и заискивалъ передъ простодушными «радикалами». Тогда окончательно была рѣшена смерть Гейкинга, и Попко, несмотря на всѣ убѣжденія товарищей не брать на себя исполненіе этого приговора, все-таки взялся исполнить его. Всѣ, безъ исключенія, товарищи, знавшіе Попко, были убѣждены, что онъ беретъ дѣло не по силамъ, и не потому, что бы былъ трусъ, что бы, попавшись, могъ выдать своихъ товарищей—такія дикія мысли никому, конечно, и въ голову не приходили—но каждый зналъ, что такое дѣло, какъ убійство будетъ стоять страшной борьбы мягкому и гуманному Гр. А. Попко, котораго болѣе, чѣмъ кого бы то ни было, истерзаетъ, измучить смерть Гейкинга, какъ бы то ни былъ виновенъ послѣдній. Наконецъ, просто сомнѣвались въ ловкости и силѣ Попко, ибо человѣкъ онъ былъ не изъ крѣпкихъ, и боялись, что вмѣсто казни Гейкинга погибнетъ лучший товарищъ.

Несмотря на всѣ убѣжденія, Попко остался при своемъ рѣшеніи. Кромѣ него взялся за это дѣло и другой, принадлежавшій къ организаціи «Земли и Воли». Слѣдили они за Гейкингомъ поочередно, черезъ день. Такое напряженное состояніе нервовъ, какое бываетъ у человѣка, рѣшившагося на убійство, длиться долго не можетъ. Несмотря на самую твердую рѣшимость исполнить задуманное, хоть сколько-нибудь удобнаго случая не представлялось. Нѣсколько разъ слѣдившіе начинали отчаиваться въ успѣхѣхъ дѣла. Одновременно съ началомъ выслѣживанія Гейкинга затѣвалась исторія съ ключникомъ ¹⁾ для освобожденія въ кіевской тюрьмѣ. Попко зналъ всѣ подробности предпринимавшагося дѣла, обсуждалъ его вмѣстѣ съ

¹⁾ Освобожденіе М. Ф. Фроленко изъ кіевской тюрьмы Стефановича, Дейча и Бохановскаго. Ред.

другими, слѣдилъ за нимъ съ лихорадочнымъ вниманіемъ. Почти накануне освобожденія товарищей, печальный, измученный пережитымъ, Попко сидѣлъ съ однимъ изъ товарищей въ одномъ изъ кievскихъ скверовъ. Онъ, какъ и другіе, собирался уѣхать и до поры до времени бросить дѣло Гейкинга. Былъ поздній часъ. Вдругъ, почти касаясь сидѣвшихъ, весело болтая съ какимъ-то господиномъ, прошелъ Гейкингъ. За нимъ Попко въ этотъ день не слѣдилъ. «Сегодня или никогда», мелкается въ головѣ Попко. Онъ поспѣшно встаетъ изъ-за стола, уходитъ за только что прошедшими, догоняетъ Гейкинга и идетъ сзади тихо, опустивъ голову. «Нужно, нужно во что-бы то ни стало покончить. Такъ жить невозможно. Лучше сдѣлать отчаянную попытку, лучше сейчасъ быть арестованнымъ, чѣмъ жить съ невыносимой, постоянно гнетущей думой, что должно сдѣлать взятое на себя дѣло, что неисполненіе его тяжелымъ укоромъ ляжетъ на чести партіи, на чести моей.... Вѣдь взялся же я.... рѣшился! За чѣмъ колебаться и думать?».... Но раздумье все больше и больше овладѣваетъ имъ.... Вотъ онъ вынулъ кинжалъ. Обмотавъ руку платкомъ, онъ крѣпко держитъ его. Но не поднимается рука... А домъ Гейкинга уже близко.... Вотъ Гейкингъ садится на тумбу и оканчиваетъ свой веселый рассказъ.... Нужно или пройти мимо, или... Голова кружится у Попко, и онъ, почти не отдавая себѣ отчета, приближается къ сидящему и, проходя мимо, вонзаетъ ему въ бокъ кинжалъ. Только и помнитъ Попко, что кинжалъ вошелъ во что-то мягкое. Онъ ускоряетъ шаги и слышитъ слова барона: «я убить».... Попко почти бѣжитъ. «Держи, держи его!» раздается отчаянный крикъ. Слышенъ топотъ бѣгущихъ.... Попко теперь уже бѣжитъ, задыхаясь, въ гору, по разбросаннымъ мусору и кирпичамъ отъ строящихся домовъ.... Топотъ все слышнѣе, вотъ кто-то догоняетъ его, онъ слышитъ чье-то ускоренное дыханіе. Онъ вдругъ останавливается, оборачивается къ опѣшившему отъ неожиданности полицейскому, который тоже остановился, и, задыхаясь, произноситъ: «буду стрѣлять!» Потомъ, вздохнувъ всюю грудью, снова бѣжитъ, но полицейскій не отстаетъ. Вотъ Попко стрѣляетъ.... еще и еще... Вотъ какой-то человѣкъ бѣжитъ на перерѣзъ, хватается Попко за руку; въ рукахъ преслѣдователя остается платокъ... Попко стрѣляетъ въ упоръ. Тяжело, безъ крика, безъ звука падаетъ преслѣдователь. Но нѣтъ уже и силъ бѣжать, а погоня все ближе и ближе; голоса все отчетливѣе и отчетливѣе. Ноги едва передвигаются Попко спотыкается и падаетъ. Падая, онъ задѣваетъ чѣмъ-то взведенный курокъ, раздается выстрѣлъ, и револьверъ разряженъ. Обезсилѣвъ окончательно, Попко перелѣзаетъ черезъ заборъ перваго попавшагося дома. Къ счастью, домъ нежилой: его перестраиваютъ. Попко входитъ, садится въ самый темный уголъ и, безъ мысли, въ полномъ изнеможеніи, ждетъ... Нѣтъ силъ даже зарядить револьверъ.... Сидя здѣсь, онъ слышитъ, какъ пробѣгаетъ мимо погоня, слышитъ громкіе, взволнованные голоса преслѣдователей. Вдругъ вбѣгаетъ съ лаемъ собака, и съ лаемъ останавливается прямо противъ Попко... За ней входитъ кто-то останавливается немного поодаль и вытягиваетъ голову, будто вглядываясь въ тотъ уголъ, гдѣ сидитъ Попко. Этотъ убѣжденъ, что вслѣдъ за че-

ловѣкомъ явится погоня, и онъ будетъ арестованъ, но въ ту минуту у него было единственное желаніе: «все равно, лишь бы еще не бѣжать».... Неизвѣстный, постоявъ нѣсколько времени, повернулся и ушелъ. Замѣтилъ-ли онъ человѣка, сидящаго въ углу, и пошелъ позвать людей, или обезпокоенный уличнымъ шумомъ, просто навѣдался, все ли благополучно въ строящемся домѣ, неизвѣстно. Какъ только замолкли шаги незнакомца, Попко вылѣзъ изъ окна, осторожно перелѣзъ черезъ заборъ и пошелъ на квартиру. Опасность почти миновала, но тяжело было на сердцѣ Попко. Съ одной стороны ему стало легко: внутренній голосъ говорилъ ему, что онъ исполнилъ свой долгъ. Но съ другой, все назойливѣе и назойливѣе являлся рядъ мучительныхъ вопросовъ: заслуживалъ ли смерти Гейкинга? По какому праву онъ, Попко, рѣшился быть судьей? Кто далъ ему это право?... Всѣ эти вопросы были, конечно, давно рѣшены въ теоріи, но теперь они снова возставали въ душѣ и возставали неразрѣшенными. Попко казалось что онъ теперь преступникъ; что теперь онъ не въ состояніи будетъ и смотрѣть въ глаза людямъ... Правда, онъ раньше сочувствовалъ подобнымъ фактамъ, онъ оправдывалъ ихъ. Но одно дѣло—говорить, другое—сдѣлать.... Какъ ни какъ, онъ исполнилъ свой долгъ; онъ взялъ на себя тяжелое дѣло, самъ на своихъ плечахъ вынесъ его и теперь знаетъ, какъ тяжело поднять руку на человѣка. Много, много горькихъ, безотрадныхъ мыслей тѣснилось въ головѣ Попко, пока онъ шелъ къ своей квартирѣ. Долго стоялъ онъ у своихъ дверей, не въ силахъ будучи дернуть за звонокъ. Какой-то страхъ охватывалъ его при мысли явиться теперь передъ товарищами. «Исполнено»—только и сказалъ Попко въ эту ночь своимъ товарищамъ.

На другой день на лодкѣ, на Днѣпрѣ, были напечатаны прокламаціи объ убійствѣ Гейкинга. Я забылъ упомянуть, что въ началѣ 78 г. кружкомъ Попко была приобрѣтена маленькая типографія; въ ней-то и печатались тѣ прокламаціи, которыя появились въ 78 г. отъ Исполнительнаго Комитета. Прокламаціи же по поводу убійства Никонова и покушенія на Котляревскаго были отпечатаны въ Питерѣ, такъ какъ въ то время своей типографіи кружокъ еще не имѣлъ.

По отпечатаніи прокламацій почти всѣ террористы разлѣхались. Попко уѣхалъ въ Одессу. Близкіе товарищи, увидѣвъ пріѣхавшихъ изъ Кіева и узнавъ отъ нихъ объ убійствѣ Гейкинга, и не предполагали, что это убійство совершилъ Попко,—до того онъ былъ спокоенъ теперь. Предполагали, что это было дѣло одного изъ землевольцевъ, который сильно похудѣлъ и осунулся за это полное тревогъ и волненій житіе въ Кіевѣ. Впрочемъ, даже нѣкоторые кіевляне, знавшіе, кто взялся за это дѣло, думали, что совершилъ его все-таки другой слѣдившій, а не Попко. Всѣ, читавшіе газетныя сообщенія, были, конечно, далеки отъ мысли, чтобы такой слабый, неловкій человекъ, какъ Попко, могъ такъ умѣло, повидимому, хладнокровно совершить убійство, такъ блистательно и долго вести самозащиту. Рана Гейкинга оказалась смертельной и нанесена была, повидимому, очень смѣлой и опытной рукой; при бѣгствѣ были ранены два полицейскихъ и убитъ одинъ рабочій, взявшій наперерѣзъ убѣгавшему и уже было

схвативший его. Власти никакъ не могли прійти въ себя отъ удивленія, куда могъ скрыться убійца, котораго преслѣдовали по пятамъ; предполагали, что его ожидали на извѣстномъ мѣстѣ съ лошадыю... Часто, слушая разсказъ Попко объ этомъ дѣлѣ, читая его записки, въ которыхъ онъ изображалъ всѣ муки, вынесенныя имъ за эти страшные часы, я вспоминалъ разные quasi-психическіе анализы разныхъ *героевъ* въ историческихъ и не историческихъ романахъ: какъ все это далеко отъ правды и какъ блѣдно, если правдиво!...

Въ Одессѣ въ то время готовился побѣгъ Виктора Алексѣевича Малинки и Э. Студзинскаго. Попко, едва оправившись отъ кievскихъ происшествій, идетъ къ тюрьмѣ оказывать помощь бѣгущимъ. Вслѣдствіе того, что у бѣжавшихъ подломились доски, которыя они перекинули изъ оконъ камеры на тюремную ограду, побѣгъ не удался, и ожидавшіе ушли ни съ чѣмъ. Наступило лѣто 1878 г. Попко потянуло въ деревню, хотѣлось отдохнуть, успокоиться хоть сколько-нибудь; онъ и уѣхалъ въ деревню къ одному изъ товарищей, жившихъ въ Харьковской губ. Онъ зналъ, что въ Харьковѣ готовится освобожденіе одного изъ пяти осужденныхъ на каторгу по дѣлу 193-хъ, которыхъ должны были везти въ Печенѣжскую централку. Мысль объ освобожденіи кого-либо изъ осужденныхъ на каторгу зародилась еще во время «большаго процесса». Тогда хотѣли освободить И. Н. Мышкина, были сдѣланы и кое-какія приготовленія, но благодаря тому, что Мышкина провезли слишкомъ скоро послѣ суда, приготовленія не были окончены, и попытки освободить не было сдѣлано. Теперь организацію всего дѣла взяли на себя члены «Земли и Воли», но среди нихъ были участниками и южане-террористы (между прочимъ, Брандтнеръ и Синтянинъ). Попко пріѣхалъ въ Харьковъ на другой день послѣ неудавшейся попытки. Онъ пошелъ на квартиру А. Синтянина, узналъ о неудачѣ и въ тотъ же день уѣхалъ обратно. При отъѣздѣ же, на вокзалѣ, онъ былъ свидѣтелемъ ареста лучшаго своего товарища А. Медвѣдева. Нужно ли говорить, какъ тяжель былъ этотъ первый ударъ, первый арестъ члена того кружка 1878 г., который рѣшилъ посвятить свою жизнь террору.

Въ то время «террористы» успѣли уже заслужить всеобщее одобреніе, но это одобреніе главнымъ образомъ было пріобрѣтено «неуловимостью», успѣхомъ первыхъ шаговъ; свѣжихъ же силъ еще не было, и сказать тогда, что это направленіе жизненно, что будущее за нимъ—нельзя было. Тѣмъ не менѣе ясно было, что еще два-три удачныхъ факта—и успѣхъ обезпеченъ за дѣломъ. Понятно, какъ страшень былъ каждый арестъ для дорожившихъ этимъ дѣломъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, тогда думали. Уже въ то время начинали толковать о съѣздѣ. На этомъ съѣздѣ должна была быть выработана точная программа дѣйствій, а, главное, должно было произойти окончательное сплоченіе террористовъ, которые не принадлежали къ одному какому-либо кружку. Большинство ихъ было изъ одесскаго кружка, но также и изъ кружка «бунтарей», и изъ Харькова, изъ организаціи «Земли и Воли». Съѣздъ вначалѣ предполагался въ Одессѣ, въ августѣ 78 года, но, благодаря одесской демонстраціи и послѣдовавшему за ней погрому, не состоялся...

Григорій Анфимовичъ
ПОПКО.

Какъ извѣстно, послѣ самозащиты И. М. Ковальскаго было издано правительственное распоряженіе о томъ, чтобы за сопротивленіе властямъ судить военно-окружнымъ судомъ.

Въ Одессѣ, Харьковѣ, Кіевѣ шли разговоры о томъ, какъ отвѣтить правительству на случай примѣненія новаго распоряженія. Кандидатомъ на военно-окружной судъ былъ, конечно, Ив. М. Ковальскій. Предполагали устроить во время суда надъ Ковальскимъ вооруженную демонстрацію, но большинство отвергло этотъ неразсчетливый проектъ. Отвергъ этотъ проектъ и весь кружокъ Попко. Однако, демонстрація, помимо воли большинства, помимо воли самихъ участвовавшихъ въ ней, все-таки произошла. Дѣло вышло такъ: солдаты, которые разогнали толпу, шумѣвшую передъ судомъ, послѣ объявленія смертнаго приговора Ковальскому, пустили въ ходъ приклады и, наконецъ, стали стрѣлять. Нѣкоторые изъ тѣхъ, у кого были револьверы, на солдатскіе выстрѣлы и приклады отвѣтили выстрѣлами. Замѣчательно, что стрѣляли вовсе не тѣ, которые были за демонстрацію, а, наоборотъ, тѣ, которые были противъ нея, и стрѣляли не по заранѣ обдуманному намѣренію, а подъ вліяніемъ аффекта, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ солдатскихъ прикладовъ и двухъ убитыхъ товарищей. Сейчасъ же послѣ демонстраціи и власти, и бывшіе на мѣстѣ лица, преувеличили ея размѣры и значеніе. Въ преувеличенномъ видѣ извѣстіе дошло и до Попко, который былъ уже въ Кіевѣ. Онъ тотчасъ же пріѣхалъ въ Одессу. По пріѣздѣ туда Попко нѣсколько разъ былъ на квартирѣ Чубарова и даже ночевалъ тамъ. У Чубарова онъ встрѣтилъ двухъ бѣглыхъ изъ Николаева черноморскихъ флотскаго экипажа матросовъ—Михаила Скорнякова и Петра Никитина. Эта встрѣча и погубила Попко. Въ августѣ 78 г. въ одной изъ одесскихъ пивныхъ были арестованы шпіонами сошедшіеся на свиданіе Г. А. Попко, Д. А. Лизогубъ, А. П. Колтоновскій и А. А. Спандони. Попко и Колтоновскій были посажены въ часть.

Въ чистосердечныхъ, но далеко не правдивыхъ показаніяхъ такихъ господъ какъ Суворовъ, Скорняковъ, Никитинъ и Андрей Боломезъ квартира С. Ф. Чубарова сдѣлана была очагомъ революціи и самъ онъ чуть не генералиссимусомъ революціонныхъ армій. Неудивительно поэтому, что всякій, посѣщавшій этотъ очагъ, пріобрѣталъ въ глазахъ жандармовъ особую важность. Скорняковъ и А. Боломезъ признали Попко посѣщавшимъ квартиру Чубарова, и его, какъ «важнаго», перевели въ тюрьму и посадили въ одну изъ башенъ.

Г. А. былъ увѣренъ, что дѣло Гейкинга откроется, и потому пророчилъ себѣ сначала долгосрочную каторгу; но время шло, шла монотонная тюремная жизнь, разнообразившаяся лишь обычными «протестами», исторіями, бунтами, съ ихъ послѣдствіями—карцеромъ, «на хлѣбъ, на воду», и проч. И Попко все болѣе и болѣе убѣждался, что его ждетъ свобода.

Ходили слухи по городу, что выходъ Попко изъ тюрьмы главнымъ образомъ зависитъ отъ нахожденія поручителя, и ждали со дня на день пріѣзда его дядюшки-генерала, который долженъ былъ взять его на поруки.

Все это было до того вѣроятно, что Г. А. подалъ прошеніе въ

жандармское управленіе о томъ, чтобы ему была доставлена возможность держать экзамены на 4-ый курсъ. Все время пребыванія въ тюрьмѣ Попко зорко слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось на свободѣ, велъ дѣятельную переписку съ «вольными друзьями». Изъ ихъ писемъ онъ зналъ о проектахъ освободить А. Медвѣдева, о неудачныхъ попыткахъ сдѣлать это, зналъ онъ о намѣреніи убить харьковскаго губернатора Кропоткина ¹⁾. Зналъ Попко и о многихъ другихъ планахъ, намѣреніяхъ и неудавшихся попыткахъ товарищей въ подобномъ же родѣ.

Въ это время сидѣлъ въ Одесской тюрьмѣ студентъ Харьковскаго Ветеринарнаго Института Ѳеодоръ Курицынъ. Арестованъ онъ былъ въ началѣ 77 года по такъ называемому Елисаветградскому дѣлу. Сидѣлъ да посиживалъ Курицынъ въ Одесской тюрьмѣ, болталъ немного по своему дѣлу, однако первое время совсѣмъ мерзавцемъ его назвать было нельзя. Но вотъ «хронически» сидѣть надоѣло Курицыну и онъ предложилъ свои «услуги» жандармскому управленію. Особенно цѣнныхъ свѣдѣній Курицынъ не могъ дать о творящемся на свободѣ, но могъ предать только своихъ прежнихъ товарищей, что и сдѣлалъ: благодаря ему повѣсили Виктора Малинку и Ивана Дробязгина. Дабы сдѣлать услуги Курицына болѣе полезными, его сажаютъ въ одну камеру съ однимъ изъ вновь арестованныхъ по дѣлу Чубарова. Выборъ оказался какъ нельзя болѣе удачнымъ. Довѣрчивый и словоохотливый Н быстро сходится съ «Ѳедькой» и выкладываетъ ему все, что зналъ, а нерѣдко выдаетъ за дѣйствительность плоды собственнаго воображенія, благо оно еще не остыло... Онъ и себя не жалѣетъ и рисуетъ «ужаснымъ человѣкомъ». За довѣріе, за дружбу Ѳ. Курицынъ платилъ еженедѣльными рапортами въ жандармское управленіе, подъ видомъ «писемъ къ родителямъ». Узнали предательство Ѳ. Курицына не скоро, и потому приговоръ по Одесскому дѣлу былъ совершенно непонятенъ. Приписывали этотъ приговоръ показаніямъ А. Боломеза, Василя Веледницкаго, Суворова, а Курицына просмотрѣли. Н былъ знакомъ съ Григ. А. Попко, благоговѣлъ передъ нимъ и въ яркихъ краскахъ расписывалъ революціонныя добродѣтели Г. А. «другу». Къ счастью, Н мало зналъ о дѣлахъ Попко; зналъ только, что Попко принималъ участіе въ неудавшейся попыткѣ освободить Малинку и Студзинскаго, да что Попко—террористъ. «Попко—это самый умный, самый способный изъ террористовъ»—рекомендовалъ онъ Попко Курицыну. За хорошій отзывъ Н ждала Г. А. вѣчная каторга. На терроръ со стороны революціонной партіи правительство отвѣтило казнями, а послѣ покушенія Соловьева Россія была объявлена на военномъ положеніи.

Мало кто изъ сидящихъ въ Одесской тюрьмѣ думалъ о томъ, что дѣло, склеенное, сшитое на живую нитку, приметъ такой оборотъ, какой оно приняло; даже для мѣстныхъ властей его исходъ былъ

¹⁾ Это намѣреніе, впрочемъ, возникло задолго до исполненія его Гольденбергомъ: участь Кропоткина была рѣшена сейчасъ-же послѣ полученія изъ централки «За живо погребенныхъ», и дѣло было-бы выполнено непремѣнно и безъ Гольденберга.

не совѣмъ ожиданъ. За недѣлю до суда обвиняемымъ выдали обвинительный актъ, и по обвинительному акту Попко былъ изъ наименѣе скомпрометированныхъ. Во всемъ обвинительномъ актѣ противъ него только и значилось, что былъ-де онъ на квартирѣ Чубарова и говорилъ съ Владиміромъ (Свириденко) о подложныхъ документахъ, что онъ ночевалъ у «капитана», не имѣя собственной квартиры, что пріѣхавшій изъ Кіева «Владимірецъ» (Комовъ) однажды ночевалъ у Попко—да, кажется, и только. Попко отказался отъ всякаго участія въ судѣ; ни единого слова онъ не сказалъ въ свою защиту. Его приговорили къ вѣчной каторгѣ.

Осужденнымъ на смерть была оказана великая милость: имъ позволено было сидѣть до казни съ кѣмъ пожелаютъ изъ товарищей. Дм. А. Лизогубъ сидѣлъ съ Попко. Я уже говорилъ, что Лизогубъ одинъ изъ первыхъ принялъ предложеніе о террорѣ. Почти всецѣло на средства Лизогуба и жилъ сборный, немногочисленный кружокъ террористовъ 78 года. Тяжело было на душѣ Попко, тяжело ему было слышать, какъ Лизогубъ горячо скорбѣлъ о томъ, что ему не удалось совершить какого-нибудь террористическаго факта. Григ. А. чувствовалъ себя виноватымъ передъ Лизогубомъ: ему казалось, что какъ-будто Лизогубъ умираетъ вмѣсто него; что ему-бы, Попко, нужно быть казненнымъ. Невыносимо тяжело ему становилось, когда онъ вспоминалъ, что вотъ завтра полный жизни и энергіи человѣкъ станетъ бездыханнымъ трупомъ, и нѣтъ силъ человѣческихъ спасти его отъ смерти. Но наступилъ моментъ разставанія, и Попко холодно простился съ Лизогубомъ. Эту холодность Попко никогда не могъ простить себѣ, никогда не могъ безъ горькаго упрека вспомнить ее. Онъ говорилъ, что въ минуту разставанія ему не вѣрилось, что Лизогубъ умретъ: онъ хотѣлъ выразить кипѣвшее чувство, хотѣлъ сказать что-нибудь задушевное и хорошее и не «сумѣлъ». И, дѣйствительно, Попко не умѣлъ говорить о чувствахъ; говорилъ онъ о нихъ уже тогда, когда могъ объективно отнестись къ прошлому, т. е. когда самыя чувства, собственно говоря, не были уже чувствами. Былъ-ли въ претензіи Лизогубъ за холодность прощанія? Конечно, нѣтъ! Лизогубъ зналъ Попко не одинъ годъ; онъ зналъ, что Попко не говоритъ, а дѣлаетъ, что чувство святой злобы владѣетъ всѣмъ сердцемъ друга; зналъ—и цѣнилъ тотъ единственный поцѣлуй, который далъ ему Попко. Лизогубъ оставилъ Попко всѣ свои вещи, свое послѣднее прощаніе, обращенное ко всѣмъ товарищамъ, которое, я не знаю почему, не было напечатано въ свое время. Попко-же онъ оставилъ свой неписанный завѣтъ отмстить за смерть его, убить Панютина. Попко общался, и не его вина, что судьба не позволила ему исполнить общаннаго. До послѣднихъ дней своей жизни Попко думалъ о мести за смерть Лизогуба; и горько, горько скорбѣлъ онъ, когда Панютицъ умеръ своею смертью, а не отъ руки кого-либо изъ друзей Дмитрія Андреевича.

10-го августа были казнены Д. Лизогубъ, С. Чубаровъ и І. Давиденко въ Одессѣ; 11-го августа И. Логовенко и С. Виттенбергъ въ Николаевѣ. Въ сентябрѣ осужденные въ каторгу и на поселеніе были отправлены по желѣзной дорогѣ въ Москву. Они знали, что ихъ ве-

зуть въ Сибирь, и это казалось счастьемъ: все-же лучше Сибирь неизвѣстная, чѣмъ ужасы русскихъ централокъ.

Всю дорогу Попко мечталъ о побѣгѣ. Въ Красноярскѣ мелькнулъ лучъ надежды, но, благодаря неосторожности одного изъ знавшихъ о предстоящемъ побѣгѣ, начальство узнало о приготовленіяхъ, приняло мѣры и побѣгъ не удался. Бѣжать изъ Красноярской тюрьмы собралось 4—5 человекъ, и каждый изъ нихъ взялъ какое-либо обязательство. Попко взялъ на себя убійство Панютина. Въ Красноярскѣ-же изъ за какого-то тюремнаго недоразумѣнія произошелъ «бунтъ»: были желающіе устроить сопротивленіе, но дѣло кончилось трехдневной голодовкой, кандалами и наручнями. Въ декабрѣ 1879 года одесситы пришли въ Иркутскъ. Въ Иркутской тюрьмѣ сидѣли осужденные въ каторгу кіевляне и харьковцы, ожидая отправки на Кару. Нѣсколько человекъ изъ нихъ задумали побѣгъ и для этого рыли подкопъ изъ тюремной больницы въ чуланъ смотрительской квартиры. Подкопъ къ приходу одесской партіи почти былъ конченъ. Ожидали только нѣкоторыхъ свѣдѣній съ воли. Одинъ изъ желавшихъ бѣжать уступилъ свое мѣсто Попко. Въ февралѣ 80 года въ 10 часовъ вечера Попко, Яцевичъ, Иванченко («Неизвѣстный, раненный въ голову»), Оомичевъ, Березнюкъ (Тищенко) и Волошенко вышли изъ тюрьмы. На условленномъ мѣстѣ бѣжавшихъ ждалъ Владиміръ Дебагорій-Мокріевичъ; онъ имъ передалъ деньги, кое-какія вещи и нужныя свѣдѣнія. Планъ былъ идти на рѣку Иркутъ, на китайскую границу, но бѣжавшіе не разсчитали своихъ силъ. Хроническій голодъ съ самого Красноярска, благодаря тому, что свои деньги были истрачены на побѣгъ В. Избицкаго и Вл. Мокріевича, а на казенныя «кормовыя» при тогдашней дороговизнѣ только-только что можно было не умереть съ голоду ¹⁾, сидѣнье въ Иркутской тюрьмѣ почти безъ прогулокъ въ полутемной камерѣ, въ которой было набито нѣсколько десятковъ человекъ,—все это оказало вліяніе. Пройдя нѣсколько верстъ, Яцевичъ, Оомичевъ и Иванченко,—который передъ побѣгомъ былъ боленъ вдобавокъ тифомъ,—не могли дальше идти и рѣшились пойти прямо по тракту на Усолье; на другой день, еще до начала розысковъ, они были взяты въ первомъ-же кабацѣ, куда зашли отдохнуть и погрѣться. 7-го февраля бѣжало еще двое: Н. Позенъ и А. А. Калужный (мичманъ), а 8-го февраля, благодаря отпавкѣ на Кару «партіи», побѣгъ былъ открытъ. Попко, Тищенко, Волошенко шли по тайгѣ тихо, еле двигаясь, но все же шли. Не помню на какой день ихъ бѣгства, они встрѣтили какого-то человека, который сказалъ имъ, что онъ знаетъ, что они такіе—бѣглецы «государственные»,—но что онъ ихъ не выдастъ, и предлагаетъ имъ идти на Усолье (тамъ Александровская центральная каторжная тюрьма), гдѣ есть зимники, что въ какомъ нибудь зимникѣ они проживутъ до прекращенія розысковъ, а потомъ спокойно двинутся дальше. Ничего, конечно, не оставалось, какъ принять услуги неизвѣстнаго, который оказался бѣглымъ уголовнымъ.

¹⁾ Кормовыхъ было 14 коп. привилегированнымъ, 10 коп. непривилегированнымъ, а 1 ф. хлѣба стоилъ 7 коп.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Усолья, въ зимовкѣ, расположились бѣглецы... Провизію покупалъ уголовный; у нихъ было никуда негодное ружье и старая кляча, которая носила громкую кличку «Варвара», въ честь знаменитаго «Варвара», увезшаго убійцу Мезенцева. Зима 1879-80 г.г. была лютая, зимовье тѣсное, печь полуразрушенная; кругомъ глухая тайга. Но бѣжавшіе не унывали: они рубили дрова, стряпали, ходили за «Варваромъ», играли въ шахматы. Бывали минуты, когда Попко не сомнѣвался, что онъ доберется до Россіи. Денегъ у бѣглецовъ было мало, нужно было во что бы то ни стало раздобыть. Рѣшаютъ, что нужно ѣхать въ Тунку и взять денегъ у кого-либо изъ товарищей. Ъдутъ Волошенко и уголовный. Въ Тункѣ Волошенко оставляетъ уголовного на площади, а самъ идетъ разыскивать кого нибудь изъ ссыльныхъ. Попавъ къ товарищамъ, Волошенко заговорился, а уголовный, то-ли прельстившись великой платой за бѣжавшихъ, о которой слышалъ на пути, то-ли подумавъ что Волошенко его бросилъ,—пошелъ да и выдалъ, что въ Тунку пріѣхалъ Волошенко и что Попко и Березнюкъ скрываются тамъ-то. На другой день Попко и Березнюкъ были арестованы, а на третій очутились въ Иркутской тюрьмѣ, проживши на волѣ полтора мѣсяца.

Началась знакомая томительная жизнь впроголодь, безъ книгъ, безъ прогулокъ, въ одиночныхъ камерахъ. Начались допросы. Попко отказался отъ дачи показаній. Иногда въ корридорѣ надзиратели вели разговоръ о томъ, что скоро-де будутъ пороть государственныхъ преступниковъ за побѣгъ. Разговоръ этотъ велся нарочно такъ, чтобы заключенный его слышалъ. Нечего и говорить, что это все не могло настроить на веселый ладъ Г. А. Съ самаго дня поимки, Попко какъ и прочіе бѣглецы, былъ закованъ въ ручные и ножные кандалы. Особенно мучительны были наручни. Правда нѣтъ такихъ наручней, которыя нельзя было-бы снять, но надзиратели такъ зорко слѣдили, что снимать можно было только на ночь, да и то не всегда. Въ юлѣ или августѣ Г. Анф. былъ переведенъ въ секретный корридоръ, гдѣ помѣщались въ одной камерѣ, шаговъ 8 длины и 5—6 ширины, всѣ остальные бѣглецы. Начальство, большое и малое, всячески старалось досадить пытавшимся бѣжать: это были его личные враги,—за нихъ же оно получило чуть не высочайшій выговоръ. Придирки, всяческія униженія слѣдуютъ одно за другимъ вплоть до самыхъ грязныхъ мелочей, въ родѣ помѣхи удалять общепринятыми способами «парашку». Борьба арестантовъ съ начальствомъ по одному изъ подобныхъ поводовъ продолжалась мѣсяцъ слишкомъ и кончилась лишь отправкой бѣглецовъ на Кару. Положеніе было дѣйствительно ужасное, а тутъ еще имъ предлагаютъ идти въ полицію на медицинское освидѣтельство, способенъ-ли виновный выдержать наказаніе плетью. Идти въ полицію они отказывались. «Ну что же—хладнокровно говорилъ полиціимейстеръ ¹⁾»,—свидѣтельство-

¹⁾ Прозвище Грипка-катъ; фамилія Смирновъ, тотъ самый Смирновъ, которому, въ бытность его засѣдателемъ Маріинскаго округа, П. Патруева дала пощечину, тотъ самый, которому, въ бытность его исправникомъ въ В. Удинскѣ, далъ вторую пощечину Сиряковъ. Кто еще его билъ, не знаю, но что били много и часто, это несомнѣнно.

ваніе—простая формальность, можно и безъ него обойтись».... Въ одинъ прекрасный день врываются толпой солдаты въ камеру заключенныхъ, выводятъ ихъ по одиночкѣ и ведутъ въ полицію. Здѣсь читають приговоръ. Приговоръ оказался безъ плетей: не посмѣли! За побѣгъ Попко приговоренъ къ 3 годамъ тачки и весь срокъ каторги пробыть въ «испытуемыхъ», т. е. всѣ 20 лѣтъ просидѣть въ тюрьмѣ въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ, какъ это полагается по VI т. законовъ, тогда какъ уголовный, осужденный въ безсрочную каторгу, сидитъ въ тюрьмѣ по закону 11 лѣтъ, а кандалы носить $\frac{2}{3}$ этого срока. Тяжелое испытаніе кончилось! Почти полтора года прожили несчастные подъ дамокловымъ мечемъ.

Въ сентябрѣ пришли изъ Россіи партіи осужденныхъ на каторгу во второй половинѣ 79 и въ началѣ 80 г.... Скоро двинулись и на Кару. Вздохнули полной грудью бѣглецы, оставивъ за собою ужасный Иркутскъ. Все время пути на Кару Попко начиналъ думать снова о побѣгѣ, но денегъ было такъ мало, а опытъ былъ такъ поучителенъ, что въ концѣ концовъ побѣгъ откладывался до Кары.

15 сентября 80 г. Попко вмѣстѣ съ другими пріѣхалъ на Кару. Тамъ въ то время жилось сравнительно вольно. Были земляныя работы на открытомъ воздухѣ; къ работамъ никто не принуждалъ и работали, кто хотѣлъ и сколько хотѣлъ. Эти работы и поддерживали здоровье заключенныхъ, потому что пища и гигиеническія условія были не блестящи. Въ то время Попко еще лелѣялъ мечту о возможности массоваго побѣга при помощи людей изъ Россіи. Вслѣдствіе этой надежды первое время жизни на Карѣ онъ и не предпринималъ чего-либо, а занялся изученіемъ французскаго и англійскаго языковъ, чтеніемъ.... Такъ прошла зима.

Весна въ тюрьмѣ, въ ссылкѣ совсѣмъ не то, что на свободѣ. Весна для заключенныхъ—самое критическое время. Сколько безумныхъ плановъ, надеждъ рождалось весною! Сколько отчаянныхъ попытокъ! Весной 81-го года на Карѣ начались горячіе толки о побѣгѣ, и одинъ изъ самыхъ оживленныхъ центровъ подобныхъ толковъ были нары, гдѣ спалъ Попко.

Новая партія, пріѣхавшая во второй половинѣ февраля и состоявшая главнымъ образомъ изъ кіевлянъ по процессу Жукова и Игн. Иванова, настраивала еще больше на всякаго рода планы. Эта партія привезла массу новостей, отъ которыхъ и кровь быстрѣе текла въ жилахъ, и сердце скорѣе билось. Настроеніе большинства было бодрое. Революціонная партія гремѣла, и эхо ея дѣятельности достигло Карійской тюрьмы и наполняло душу заключенныхъ восторгомъ... Всякій несбыточный планъ казался возможнымъ. Страстно хотѣлось вырваться на свободу и приложить и свои руки къ великому дѣлу.

Въ маѣ мѣсяцѣ на Карѣ начались земляныя работы. Для государственныхъ преступниковъ было отведено особое мѣсто, гдѣ они должны были снимать пласты земли, торфа. Попко былъ однимъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ работниковъ: онъ работалъ для укрѣпленія силъ въ виду скораго побѣга. Въ то же время было нѣсколько попытокъ добыть оружіе, такъ какъ одинъ изъ плановъ побѣга былъ двинуться на проломъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но всѣ попытки окон-

чились неудачей. Выйти изъ тюрьмы думали черезъ подкопъ, но рыть его не рѣшались, такъ какъ предстоялъ переводъ въ новую тюрьму. 3 ноября 81 г. тюрьма и была переведена со средняго промысла на нижній.

По переходѣ въ новую тюрьму Попко поднималъ вопросъ среди своихъ близкихъ товарищей, не слѣдуетъ ли, не начиная приготовлений для массоваго побѣга, выпустить двухъ или трехъ человѣкъ для того, чтобы они и денегъ добыли, и помогли остальнымъ. Мысль о невозможности и безуспѣшности побѣга въ большемъ числѣ заразъ давно уже занимала Попко; онъ еще въ старой тюрьмѣ проводилъ ее. Но этотъ благоразумный планъ не нашелъ сосувствія среди группы Григ. А., и онъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей присталъ къ плану подкопа, начатаго уже нѣкоторыми отдѣльными лицами. Последнїя не составляли группы въ тѣсномъ смыслѣ, группы, которая была бы солидарна не только въ дѣлѣ сговора къ общему побѣгу, но и по убѣжденіямъ и планамъ дѣятельности въ будущемъ на свободѣ въ Россіи. Въ начатый подкопъ Попко не вѣрилъ; онъ былъ убѣжденъ, что начальство знаетъ о его существованіи, и присталъ къ нему только для того, чтобы отвести глаза начальству. «Принимаютъ участіе многіе; значитъ, только и есть одинъ подкопъ: такъ будетъ думать начальство»—говорилъ Попко.

Предположеніе Попко о томъ что начальство знаетъ о предпрїятіи, скоро подтвердилось. Тогда одновременно съ этимъ безнадежнымъ подкопомъ былъ начатъ другой, существованіе котораго держалось въ строгой тайнѣ. Душою этого дѣла были Попко и еще одинъ его близкій товарищъ. Они вдвоемъ придумали очень остроумный выходъ на чердакъ: потолокъ коридора былъ ниже потолка камеры, и, выпиливъ кусокъ бревна въ стѣнѣ камеры, можно было вылѣзть на чердакъ. Въ тюрьмѣ не было внутренняго караула; только при смѣнѣ часовыхъ и еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ заходили патрули на дворъ тюрьмы. Для предупрежденія о появленіи патруля заключенные ставили на чердакъ, у слуховаго окна, часового, въ рукѣ котораго была веревка, протянутая въ камеру къ звонку. Раздавался звонокъ, и работы прекращались. На чердакъ же стаскивали вырытую землю, разстилая ее ровными слоями и утаптывая такъ, чтобы незамѣтно было, что она свѣжая. Двѣ доски въ полу были вынуты, и вмѣсто гвоздей были ввинчены винты, совершенно похожіе на прежніе гвозди и державшіе доски не менѣе крѣпко, чѣмъ гвозди. Чтобы подкопъ не былъ открытъ и въ томъ случаѣ, если бы сорвали полъ, въ колодезь подкопа былъ вдѣланъ ящикъ, совершенно закрывавшій дыру; въ него насыпали точно такой же цементъ, какимъ была утрамбована и залита почва подъ поломъ. Дыра на чердакъ и самый подкопъ были такъ остроумно скрыты, что первую открыли только послѣ того какъ Овчинниковъ, знавшій о прорѣзѣ въ стѣнѣ, предалъ товарищей, а дыру въ подкопъ долго не могли найти и срыли чуть не всю землю подъ поломъ, пока отыскиали ее. Овчинниковъ зналъ, что подкопъ есть, но не зналъ—гдѣ именно. До предательства-же Овчинникова несмотря на тщательнѣйшіе обыски, ничего не подозрѣвали.

Въ февралѣ 82 г. снова пріѣхала партія каторжанъ изъ Россіи, и работы въ подкопѣ въ виду нѣкоторыхъ соображеній временно были прекращены. Новыя партіи, вполне понимая несбыточность мечты о массовомъ побѣгѣ, предложили средства бѣжать нѣкоторымъ лицамъ. Предпріятіе не удалось. Тогда пріѣхавшіе на свой страхъ и рискъ рѣшили выпустить двухъ человѣкъ. Однимъ изъ нихъ былъ И. Н. Мышкинъ, который долженъ былъ самъ выбрать себѣ спутника. Этимъ спутникомъ Мышкинъ предложилъ быть Попко. На несчастье ждали посѣщенія Галкина-Враскаго, и Попко, думая, что отсутствіе его, какъ прикованнаго къ тачкѣ, можетъ быть скоро замѣчено, отказался, хотя именно это была его давнишняя мечта. Нужно-ли говорить, что въ побѣгѣ Мышкина и Н. Г. Хрущева Попко принималъ горячее участіе?

Галкинъ-Врасскій остался недоволенъ тюремными порядками, и было рѣшено отнять «вольности», которыми пользовались каріецы; однако, сдѣлать это не рѣшались, пока сами заключенные не дали къ этому повода. 1-го мая былъ открытъ побѣгъ 8 человѣкъ; начались обыски, и начальство начало заговаривать, впрочемъ очень мягко, о предполагаемыхъ «нововведеніяхъ». Заключенные рѣзко заявили, что дѣлать эти «нововведенія» въ ихъ жизни они не позволяютъ. Было это заявлено по частному, собственно говоря, случаю. Бутановъ, помощникъ завѣдывающаго Нерчинскими рудниками, передалъ «предложеніе» Галкина побрить половину головы. Послѣдовалъ рѣзкій единодушный отказъ. Большинство рѣшило не позволить брить себя, хотя бы цѣною жизни, и какъ-то внезапно созрѣлъ безумный планъ: когда казаки ворвутся въ тюрьму, забаррикадировать всѣ входы и выходы и предать себя сожженію. Мысль была, конечно, страшная, тѣмъ не менѣе въ то время большинство было охвачено ею. Была собрана сходка. На этой сходкѣ были распредѣлены роли. Распорядителемъ былъ избранъ Д. М. Рогачевъ; однимъ изъ поджигателей Григ. А. Попко. Часовые по-смѣнно караулили на крышѣ и у входа въ тюрьму всякое движеніе непріятеля. По сигналу часовыхъ всѣ должны были собраться въ одну камеру, и тюрьма, подожженная съ разныхъ угловъ, вспыхнула бы словно спичка. Это неминуемо и случилось-бы, если-бы не Быдаринъ. Онъ улучилъ минуту, явился передъ начальствомъ и повѣдалъ, что думаетъ сдѣлать тюрьма. Начальство начало готовиться къ серьезному нападенію. Эти приготовленія и разстроили задуманное дѣло. Заключенные о нихъ не знали и думали, что начальство рѣшило уступить; думали такъ, конечно, главнымъ образомъ потому, что страшное нервное напряженіе утомило всѣхъ: «нервы устали», бдительность ослабла; явились и многочисленные противники плана и... 11 мая 500 казаковъ, ворвавшись раннимъ утромъ, застали всю тюрьму спящей. Сопротивленіе было оказано только единичными лицами, да и то больше принципиальное, а не такое, какое было бы, если-бы казаки ворвались, когда нервы были настроены высоко, когда смерть являлась чуть не счастьемъ...

«Главарей» отправили въ усть-карійскія одиночки; но среди нихъ не было Попко. Начальство считало его скромнымъ, а Быдаринъ, выдавшій планъ товарищей изъ-за страха сгорѣть вмѣстѣ съ ними, не

былъ способенъ дать истинную характеристику значенія Попко въ тюрьмѣ.

Въ самый день нападенія начальство и казаки отвели свое раздраженіе на арестантахъ, причинившихъ имъ столько хлопотъ: баталіонный командиръ Руденко, придравшись къ тому, что С. Бобоховъ не всталъ при его входѣ, бросился на заключенныхъ съ толпой казаковъ, и произошла дикая сцена избіенія прикладами безоружныхъ людей...

Тяжелое время наступило для тюрьмы послѣ 11 мая: отняты были всѣ вещи, постели, книги, вся «мебель»; отнято было право тратить собственные деньги на улучшение пищи; кормили вонючимъ мясомъ да знаменитой «баландой»; производились чуть не ежедневные обыски, провѣрки съ перекличкой по именному списку; прогулокъ не было. Тюрьму начали перестраивать: каждую камеру разбивали на три камеры и корридорчикъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ сопротивленіе «скопомъ»; парашки стояли въ камерѣ день и ночь. Потомъ пріѣхали жандармы съ Халтуринымъ во главѣ, начали брить. Всѣ были закованы въ ножные кандалы, а осужденные въ безсрочную каторгу и въ ручные. Тяжело было жить, но многимъ думалось, что страданія эти не безполезны, что уйдутъ по крайней мѣрѣ бѣжавшіе... Лопнула и эта надежда: всѣ восьмеро были пойманы. Мышкинъ и Хрущовъ были арестованы во Владивостокѣ въ то время, когда собирались уже сѣсть на пароходъ. Новое «начальство», легко отнявъ у заключенныхъ всѣ «вольности» тюрьмы, готовилось сдѣлать дальнѣйшій шагъ по пути приравненія государственныхъ преступниковъ съ уголовными: оно имѣло въ виду примѣнить тѣлесное наказаніе... Какъ первый опытъ этого «нововведенія», была произведена экзекуція надъ «quasi-государственнымъ» Цыпловымъ... Заключенные молчали, но уже въ то время Рогачевъ и др. вели агитацію среди товарищей за «голодовку»; переведенные изъ Усть Кары оттягивали ее по разнымъ соображеніямъ. Дѣло голодовки рѣшило само начальство: оно потребовало Овчинникова на освидѣтельствованіе къ доктору, освидѣтельствованіе-же, какъ извѣстно, производится передъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Ясно было, что это второй опытъ Халтурина... Чаша терпѣнія заключенныхъ переполнилась... 13 іюля они отказались отъ пищи. Отказался, конечно, и Г. А. Всѣ 12 дней голодовки онъ чувствовалъ постоянный позывъ къ пищѣ; у большинства-же голодавшихъ аппетитъ на второй-третій день совсѣмъ исчезалъ и кромѣ слабости, все возраставшей, кромѣ сознанія, что быстрыми шагами приближаешься къ смерти, никакихъ мученій не испытывали. 26 іюля «голодный бунтъ» кончился. Нельзя сказать, чтобы заключенные ничего не добились: примѣненіе тѣлеснаго наказанія надолго отошло въ область грознаго мифа, но кто знаетъ, на сколько лѣтъ сократилась жизнь каждого изъ голодавшихъ?

Послѣ голодовки разрѣшили опять прогулки. Попко, прикованный къ тачкѣ, не ходилъ гулять; онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ на нарахъ въ сырой и холодной камерѣ... Надежды на побѣгу, конечно, не было и Попко считалъ себя теперь на вѣки погребеннымъ. Онъ не потерялъ интереса къ тому, что творится на любимой и несчастной ро-

динѣ, а слѣдилъ лихорадочно за всѣмъ, что такъ или иначе касалось побѣдъ и поражений дорогого дѣла. Онъ не сдѣлался индифферентистомъ и въ такъ называемыхъ тюремныхъ дѣлахъ. Но мысль о томъ, что для него возврата нѣтъ, неотступно стояла передъ нимъ, и соответственно съ этимъ измѣнилось всегдашнее настроеніе Гр. А. Постоянная сосредоточенная грусть была написана на его лицѣ. Онъ не велъ уже одушевленныхъ бесѣдъ о томъ, что они будутъ дѣлать, когда воротятся въ Россію. И къ умственнымъ занятіямъ у него пропала охота. Правда, онъ читалъ, изучалъ нѣмецкій языкъ, но вяло, безцѣльно, такъ, лишь-бы что-нибудь дѣлать. «Къ чему заниматься? Для чего, когда возврата нѣтъ?» Попко сталъ съ этого времени и противникомъ побѣговъ, находя, что на бѣжавшихъ лежитъ слишкомъ тяжелая отвѣтственность за ухудшеніе положенія оставшихся товарищей. А жилось все не легче: одного увезли въ Шлиссельбургъ, 17 человѣкъ сидѣли въ одиночкѣ...

Лѣтомъ 83 г. Попко наконецъ слегъ...

13 января 1884 г. умеръ Д. М. Рогачевъ, близкій товарищъ и старый пріятель Попко. Все время болѣзни Рогачева Попко часто заводилъ разговоры объ умиравшемъ, возмущался, что живые такъ скоро забываютъ погибшихъ. Чаще и чаще онъ вспоминалъ свою родину. Кавказъ, югъ, дѣтство... Лѣтомъ 1884 г. Попко заболѣлъ водянкой. Все чаще онъ повторялъ: «если я и вылечусь теперь, я скоро все равно умру». Онъ просилъ товарищей отравить его, когда они будутъ увѣрены въ его близкой смерти. Онъ и самъ отравился бы, но боялся, что вслѣдствіе этого Веймару запретятъ лечить товарищей, отберутъ аптеку. Въ началѣ 1884 года начали приходить извѣщенія отъ пресловутой комиссіи о разныхъ смягченіяхъ. По дѣлу Попко не были сокращены вовсе сроки только тремъ: Г. А. Попко, М. И. Кутитонской и Андрею Баломезу. Всѣмъ остальнымъ сбавлено по трети, а нѣкоторымъ сроки сокращены весьма значительно.

Въ концѣ 84 г. Попко окончательно бросаетъ занятія; по цѣлымъ днямъ онъ лежитъ на больничной койкѣ. Каждый день у него лихорадка; желудокъ не варить; онъ гаснетъ видимо на глазахъ у всѣхъ; наконецъ, онъ глохнетъ...

22 марта 1885 года незадолго до того выпущенные въ вольную команду и трое изъ тюрьмы отнесли и сами зарыли трупъ Г. А. на тюремномъ кладбищѣ. Онъ похороненъ рядомъ съ Е. Семяновскимъ. Внизу лежатъ Д. Рогачевъ, В. Жуковъ и маленькій сынъ Ястрембскаго... Начальство хотѣло похоронить Попко «по христіански» съ попомъ, но Веймаръ, зная все отвращеніе покойнаго отъ подобныхъ обрядовъ, уговорилъ начальство не дѣлать этого. Согласно его желанію, Попко былъ похороненъ безъ всякихъ обрядовъ...

Григорій Анфимовичъ Попко нашелъ первый источникъ своего умственного и нравственного развитія въ статьяхъ Добролюбова, хотя, можетъ быть, въ это время недостаточно ясно понималъ его, подобно и многимъ другимъ своимъ современникамъ. Но онъ самостоятельно пошелъ дальше и изъ жизни вынесъ ту нравственную крѣпость, то строгое, неумолимое отношеніе къ себѣ, которое такъ высоко ста-

вило его надъ большинствомъ его товарищей. Съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ его стремленія, помыслы направились на переработку общественныхъ формъ во имя любви къ русскому народу. Эта любовь была въ немъ не прививная, а внесенная въ него самою жизнью, и для соглашенія поступковъ съ идеями ему не нужно было, подобно многимъ другимъ революціонерамъ, ломать себя, чтобы стать народникомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Но когда для службы дѣлу ему приходилось поступать противъ личныхъ влеченій и симпатій, онъ умѣлъ не колеблясь слѣдовать своему убѣжденію. Такъ онъ поступилъ въ дѣлѣ Гейкинга, какъ ни велики были при этомъ его личныя нравственныя страданія. Къ тому-же онъ обладалъ замѣчательнымъ политическимъ чутьемъ. Одинъ изъ первыхъ на югѣ онъ понялъ, на зло личнымъ симпатіямъ, что политическая свобода является необходимымъ условіемъ экономическаго улучшенія положенія русскаго народа. Когда приемы терроризма встали неизбѣжною задачею предъ умами русскихъ революціонеровъ, Попко явился однимъ изъ первыхъ для приложенія ихъ на дѣлѣ. Въ своихъ симпатіяхъ къ народу, нераздѣльныхъ отъ борьбы за политическую свободу. Гр. А. былъ провозвѣстникомъ Народной Воли, программу которой, уже будучи на каторгѣ, онъ воспринялъ всецѣло. Однако до конца дальнѣйшая борьба представлялась ему не въ формѣ политической революціонной дѣятельности, а, главнымъ образомъ, на почвѣ аграрнаго террора. Побудительнымъ мотивомъ всей его дѣятельности была любовь къ русскому народу, — не къ народу отвлеченному, созданному воображеніемъ, но къ народу живому, который такъ и чистъ, и великъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ бываетъ такъ слабъ, такъ грубъ и теменъ. Любимый разговоръ Г. А. былъ о народной жизни, о чертахъ народнаго характера, которыя сулятъ русскому народу великое будущее. Г. А. посвятилъ себя революціонной дѣятельности, потому что въ ней одной видѣлъ путь ко благу народа, и все приурочивалъ къ этой дѣятельности. Онъ читалъ, учился, работалъ, всегда имѣлъ въ виду, насколько то, что онъ дѣлаетъ, будетъ пригодно ему какъ революціонному дѣятелю. Именно поэтому онъ пріобрѣлъ массу мелкихъ практическихъ и техническихъ свѣдѣній, такъ что товарищамъ приходилось удивляться, откуда онъ все это знаетъ.

Что касается его теоретическаго міросозерцанія, то онъ вынесъ изъ семинаріи непримиримую ненависть къ православію, смотрѣлъ подозрительно на всякій мистическій или метафизическій элементъ, который могъ, по его мнѣнію, вести къ какому-либо примиренію съ этимъ ненавистнымъ ему воззрѣніемъ, и стоялъ всего ближе къ материалистическому позитивизму. Но въ его характерѣ преобладало не теоретическое направленіе, а непреклонная сила воли: онъ былъ особенно человѣкомъ дѣла.

Именно это преобладаніе жизни, энергіи надъ теоріей въ личности Г. А., можетъ быть, дѣлало его въ высшей степени терпимымъ къ чужимъ мнѣніямъ и поступкамъ при большой строгости къ самому себѣ и вызывало къ нему самыя теплыя симпатіи даже въ людяхъ, вовсе не расположенныхъ къ симпатическому настроенію, или прямо способныхъ къ подлымъ дѣламъ и къ предательству. Онъ защищалъ во всѣхъ случаяхъ право чело-

вѣка имѣть свое мнѣніе и поступать сообразно этому мнѣнію, хотя бы оно рѣзко расходилось съ тѣмъ, что онъ, Попко, считалъ обязательнымъ для себя. Самъ онъ отказывался давать показанія на слѣдствіи и на судѣ, прямо разорвалъ съ родными, имѣвшими въ виду «припасть къ стопамъ» царя съ «мольбою о смягченіи его участи», но съ большою терпимостью относился къ тѣмъ, которые на допросѣ отказывались отъ участія въ партіи, пытались выгородить себя отъ компрометирующихъ обстоятельствъ, и за которыхъ «хлопотали». Немногимъ людямъ, входившимъ съ нимъ въ личныя сношенія, Попко не внушалъ самыхъ теплыхъ симпатій. Характеристиченъ фактъ, что Попко часто жаловался на свое неумѣнье сходиться съ людьми и говорилъ, что дорого далъ-бы за это умѣнье, между тѣмъ какъ люди сами охотно къ нему привязывались. Горячо любимая имъ, дѣвушка, вполне раздѣлявшая его убѣжденія, готова была ѣхать за нимъ въ Сибирь; онъ на отрѣзъ отказался и на каторгѣ часто думалъ о томъ какъ бы привязанность къ нему не помѣшала ей всецѣло отдаться революціонному дѣлу. Но эта дѣвушка была достойна любви Гр. А. Даже предатель, выдавшій всѣхъ и имѣвшій полную возможность выдать Попко, умолчалъ о немъ, объясняя впоследствии это тѣмъ, что «любилъ его, хотя и не зналъ за что, такъ какъ былъ мало съ нимъ знакомъ».

Характеристическою чертою Попко была еще ненависть ко всякой рисовкѣ, ко всякому эффекту, ненависть доходившая даже до отреченія отъ прежнихъ поступковъ, въ которыхъ его личность неизбежно выступала болѣе или менѣе ярко на видъ; до крайней конфузливости въ рѣчи, какъ только его только его слова дѣлались предметомъ общаго вниманія и онъ самъ—невольнымъ центромъ собранія. По этому самому онъ не былъ ораторомъ; на сходкахъ и передъ незнакомыми людьми говорилъ не охотно и мало, а то и вовсе молчалъ. За то онъ умѣлъ слушать и, при этомъ, до крайности раздражался всякою попыткою другихъ рисоваться, бить на эффектъ.

Много еще могъ-бы я рассказать о покойномъ, но это было бы повтореніемъ сказаннаго. Мнѣ было-бы больно, если-бы эта характеристика моего друга показалась «похвальнымъ словомъ». Но что же дѣлать, когда характеръ, дѣла, весь онъ, милый и дорогой товарищъ возбуждаетъ во мнѣ только умиленіе, благоговѣніе, удивленіе...

Да простится мнѣ, если я въ этомъ очеркѣ жизни горячо любимаго товарища допустилъ какую-либо ошибку или неточность. Я желалъ сказать лишь правду, да и лгать мнѣ было не для чего, говоря о *такомъ* человѣкѣ, какимъ былъ Г. А. Попко...

Такіе люди гибнутъ, а такіе какъ Ѳед. Курицынъ . .

1).

Р. Стеблинъ-Каменскій.

1) Опускаемъ строки, направленные по адресу послѣдняго и вызывающія къ мщенію.

Западные друзья Герцена.

(Окончаніе)¹⁾.

Гарибальди

Отъ героевъ пера и слова мы переходимъ къ людямъ практической борьбы, къ итальянскимъ борцамъ за свободу. И хотя Герценъ по натурѣ и роду своей дѣятельности самъ принадлежалъ къ первымъ, но ни одинъ изъ нихъ не привлекалъ его къ себѣ такъ, какъ эти агитаторы, заговорщики и солдаты. Онъ высоко цѣнилъ Прудона, уважалъ Мишле, удивлялся таланту Гюго,—но влюбленъ онъ былъ въ Гарибальди и съ одушевленіемъ онъ говоритъ о дѣятельности Маццини, о характерѣ Орсини, о подвигахъ Пизакане и Чичероваккіо. Тутъ сказалось, разумѣется, и обычное обаяніе смѣлаго дѣла для всякой гамлетовской натуры, но были и другія причины. Какъ это ни странно, итальянскій народный характеръ, повидимому, ближе къ русскому, нежели какой-либо другой національный характеръ въ Европѣ, и точкой сходства—это можетъ показаться еще болѣе парадоксальнымъ—является какая-то простота, отсутствіе рисовки, честность чувства и его проявленія у обоихъ. Есть разница въ темпераментѣ, но и только; итальянецъ страстенъ—и тѣмъ увлекаетъ русскаго, тогда какъ французъ риториченъ и кажется фальшивымъ. Именно этой чертой психологическаго родства объясняется, вѣроятно, и то обстоятельство, что на поприщѣ революціонной дѣятельности русскіе сближаются съ итальянцами чрезвычайно легко и тѣсно: стоитъ вспомнить Бакунина, Льва Мечникова, Степняка. Да и вообще, ни одно освободительное движеніе не представляетъ такого сходства съ нашимъ—и по общему характеру, и по типамъ борцовъ,—какъ итальянское, при всемъ различіи между освобожденіемъ внѣшнимъ и внутреннимъ.

Но и помимо этихъ общихъ причинъ, самыя личности итальянскихъ друзей Герцена были таковы, что при одномъ перечисленіи ихъ именъ понятнымъ становится очарованіе, которое они производили на него. Они не только блещутъ всемірной славой, эти имена Гарибальди, Маццини, Орсини, Саффи,—звукъ ихъ именъ не только

¹⁾ См. „Былое“, апрѣль.

вызываетъ въ памяти картины необыкновенныхъ дѣлъ и необыкновенныхъ превратностей, безпримѣрнаго героизма и титанической борьбы: главное то, что ихъ образы сіяютъ въ прошломъ такой удивительной человѣческой красотой, передъ которой не меркнетъ развѣ только плеяда нашей «Народной Воли». Въ нихъ сочеталась великая духовная мощь съ необычайной чистотой характера; это были люди большого калибра, исключительно одаренные въ смыслѣ ума и воли, и вмѣстѣ—идеалисты чистѣйшей воды, такъ что вся сила была гармонически подчинена въ нихъ высокому стремленію духа, свѣтлой мечтѣ человѣческой. И все это во-внѣ было такъ строго и просто, такъ ласково и *трустно*, какъ пѣсни генуэзскихъ рыбаковъ. Ихъ дѣятельность была элементарна: заговоры, возстанія, походы; но мыслили они глубоко и сложно, и далеко заглядывали вдаль. Въ будни люди суроваго практическаго дѣла, они въ свободныя минуты оказывались на одномъ уровнѣ съ самыми передовыми умами вѣка,—и даже впереди многихъ, либо свободою духа, какъ Гарибальди, либо глубокою прозрѣніемъ, какъ Маццини. Такимъ образомъ, они и умственно были по плечу Герцену.

Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ Гарибальди, послѣдней легендарной личности въ исторіи Европы, народному герою, всю жизнь служившему свободѣ народовъ—въ родной Италіи, въ Южной Америкѣ, во Франціи, республиканцу и демократу до мозга костей; его Герценъ любилъ всего нѣжнѣе и восторженнѣе.

Они познакомились въ Лондонѣ въ 1854 году. Гарибальди было уже подъ пятьдесятъ. За нимъ было 20 лѣтъ борьбы и скитаній, смертный приговоръ и тысячи смертельныхъ опасностей, Южная Америка и геройская оборона Рима въ 49 году; онъ былъ кумиръ итальянскаго народа и герой въ глазахъ всего міра, его статуэтки продавались во всей Европѣ. Онъ опять провелъ теперь четыре года въ Южной Америкѣ, куда уѣхалъ послѣ потери Рима и любимой Аниты; весною 1854 г. онъ вернулся оттуда въ Европу, приведя изъ Бостона въ Лондонъ американскій корабль Commonwealth,—и тутъ то, въ Индійскихъ докахъ, Герценъ былъ представленъ ему Гаукомъ и Орсини.

Герценъ въ разныхъ мѣстахъ разсказалъ, какое впечатлѣніе простоты и силы произвелъ на него этотъ герой, «цѣликомъ взятый изъ Корнелія Непота», какъ они завтракали вчетверемъ въ его каютѣ, какъ Гарибальди въ тотъ же день, засидѣвшись поздно въ Лондонѣ, ночевалъ у Герцена, и на слѣдующій день пошелъ гулять съ Сашей, сыномъ Герцена, и съ прогулки принесъ къ обѣду сдѣланный въ городѣ дагерротипъ Саши. Ихъ раздѣляло, казалось-бы, непреодолимое пространство. Прошлое и дѣятельность—все было у нихъ различно. Одинъ—человѣкъ практическаго и грубаго дѣла, простой морякъ и вождь ополченій, другой—аристократъ по привычкамъ, человѣкъ мысли и нервъ, гибкій, тонкій, блестящій, изящный умъ... Значить, сильна же была въ обоихъ та общая черта, которая ихъ связала,—преданность дѣлу свободы, и, очевидно, прекрасна была въ своемъ существѣ, подъ внѣшнимъ блескомъ, личность Герцена, если такъ сразу, несмотря на всѣ различія, полюбилъ его мудрый и простой народный

герой Италиі! А что онъ полюбилъ его отъ души, объ этомъ свидѣтельствуя два письма Гарибальди, писанныя имъ Герцену тотчасъ послѣ этого перваго знакомства. Первое помѣчено: Лондонъ, 14 марта 1854. Повидимому, Саша Герценъ и Мальвида Мейзенбургъ (гувернантка дѣтей Герцена) посѣтили Гарибальди на его суднѣ, тогда какъ самъ Герценъ принужденъ былъ остаться дома. «Соотечественникъ», о которомъ говорится и въ этомъ, и въ слѣдующемъ письмѣ,—тотъ бѣглый русскій матросъ, котораго Гарибальди, по просьбѣ Герцена, нанялъ къ себѣ и который еще до отплытія сбѣжалъ съ корабля, бросивъ свои пожитки (Герценъ разсказалъ этотъ эпизодъ въ «Лондонской вольницѣ 50-хъ годовъ»).

«Дорогой Герценъ,—пишетъ Гарибальди ¹⁾.—Ваше нездоровье лишило меня удовольствія видѣть васъ, и я сержусь на него за это; надѣюсь, что оно смилостивилось и теперь уже оставило васъ. М-ле и Александръ сдѣлали все, чтобы оживить и украсить каюту Commonwealth'a. Вашъ соотечественникъ ведетъ себя прекрасно и я надѣюсь, что мы всегда будемъ друзьями. Мнѣ, конечно, нѣтъ надобности въ немъ, чтобы вспоминать васъ, но я чувствую къ нему расположеніе, потому что онъ отъ васъ. Если успѣю, то буду у васъ; во всякомъ случаѣ я вашъ другъ навѣки. Вашъ Дж. Гарибальди».

Второе письмо датировано 26-мъ марта; оно писано уже изъ Ньюкестля, куда, по пути къ берегамъ Италиі, Гарибальди зашелъ изъ Лондона за углемъ. «Какъ вы уже вѣрно знаете теперь, вашъ соотечественникъ остался въ Лондонѣ; признаюсь, это было мнѣ очень досадно. Часть его вещей осталась здѣсь, и я хотѣлъ бы знать, думаете-ли вы прислать его сюда, или я долженъ доставить вамъ его вещи? Напишите мнѣ вашъ адресъ; я не совсѣмъ увѣренъ въ немъ. Сердитесь ли вы на меня за то, что я не написалъ вамъ тотчасъ? Будьте терпѣливы. Я сердцемъ вашъ другъ. Что подѣлываетъ Александръ, любезная гувернантка и ваши прелестныя дѣвочки? Я надѣюсь увидѣться съ вами въ Ниццѣ, и это будетъ праздникомъ для меня. Прощайте, милый Герценъ, не забывайте вашего Дж. Гарибальди».

Но Герценъ надолго основался въ Лондонѣ, и они снова увидѣлись только десять лѣтъ спустя.

За этотъ промежутокъ они дважды обмѣнялись письмами. Первый разъ это было въ дни, равно памятные для обоихъ—въ апрѣлѣ 1861 года. Извѣстно, чѣмъ былъ 60-й годъ въ жизни Гарибальди и въ нераздѣльно слившейся тогда съ нею исторіи Италиі; въ этотъ годъ Гарибальди освободилъ пол-Италиі и, ставъ ея невѣнчаннымъ королемъ, такъ же просто отдалъ ненужную ему корону Виктору-Эммануилу, какъ на другой день послѣ коронованія послѣдняго рано утромъ отплылъ на Капреру съ мѣшкомъ нужныхъ ему для посѣва бобовъ. Это было въ ноябрѣ 1860 г., и въ январѣ слѣдующаго Герценъ писалъ: «Гарибальди сдѣлался еще больше «лицомъ изъ Корнелія Непота»; онъ такъ антично великъ въ своемъ хуторѣ, такъ простодушно, такъ чисто великъ, какъ описаніе Гомера, какъ грече-

¹⁾ Всѣ письма итальянскихъ друзей Герцена писаны по-французски, исключая одно письмо Гарибальди, 1863 г., писанное по-итальянски.

ская статуя. Нигдѣ ни риторики, ни декорацій, ни дипломатіи,—въ эпопеѣ онѣ были ненужны».

Въ мартѣ открылся въ Туринѣ первый парламентъ созданнаго имъ итальянскаго королевства, и въ началѣ апрѣля Гарибальди прибылъ въ Туринъ, чтобы занять свое мѣсто въ качествѣ депутата отъ Неаполя. Онъ только временно промѣнялъ мечъ на трибуну: онъ весь былъ во власти одной жгучей мысли—освободить Римъ.

И тутъ-то, тотчасъ по приѣздѣ въ Туринъ, узнавъ впервые о русскихъ событіяхъ—о тѣхъ варшавскихъ убійствахъ, которыми обогрѣны были руки, только что расковавшія русскихъ крестьянъ—онъ, еще до своего знаменитаго появленія въ парламентъ (первые дни въ Туринѣ онъ былъ прикованъ къ постели жестокимъ припадкомъ ревматизма и явился въ парламентъ только 18-го апрѣля)—уязвленный за русскій народъ и за Польшу, 13-го написалъ письмо Герцену, которое телеграфъ разнесъ по всему свѣту еще раньше, чѣмъ оно дошло до Герцена. Онъ писалъ: «Любезный Герценъ! Недавно слово освобожденія крестьянъ въ Россіи было принято съ восторгомъ и удивленіемъ всей Европой. Государь, начавшій и совершившій это великое дѣло, однимъ-ѣтимъ ужъ поставилъ себя въ числѣ величайшихъ благодѣтелей человѣчества. А теперь—я это говорю съ горестью—доброе дѣло запятнано невинной кровью. Теперь долгъ всѣхъ, которые рукоплескали великому поступку, поднять голосъ проклятія на совершителей отвратительнаго злодѣйства. Пусть вашъ журналъ, справедливо оцѣненный въ Россіи, передастъ слово сочувствія отъ народа итальянскаго несчастной и героической Польшѣ и слово благодарности тѣмъ храбрымъ воинамъ русскимъ, которые, какъ Поповъ, сложили свою саблю, чтобы не обречь ея въ крови народа; передайте съ тѣмъ вмѣстѣ крикъ негодованія народовъ европейскихъ противъ виновника гнусной бойни».

Герценъ напечаталъ это письмо въ ближайшемъ же номерѣ «Колокола» (отъ 1 мая) вмѣстѣ со своимъ отвѣтомъ, гдѣ присоединялъ свой голосъ къ проклятію Гарибальди.

Второй разъ это было въ концѣ 1863 г., въ разгаръ польскаго возстанія или, вѣрнѣе, жестокой расправы, слѣдовавшей за нимъ. 21 ноября Герценъ изъ Флоренціи обратился къ Гарибальди съ обширнымъ письмомъ, предназначеннымъ для печати и дѣйствительно напечатаннымъ нѣсколько позднѣе въ «Колоколѣ» (отъ 15 января 1864 г.). «Я собирался посѣтить васъ,—писалъ онъ;—мнѣ хотѣлось еще разъ пожать вашу руку съ глубокимъ уваженіемъ и полнымъ сочувствіемъ. Я слышалъ, что вы не забыли меня. Но обстоятельства устроились иначе, я покидаю Италію раньше чѣмъ думалъ, и хочу воспользоваться поѣздкой къ вамъ общаго друга нашего, чтобы посѣтить васъ письменно». Его письмо, говоритъ онъ, имѣетъ особую цѣль. Свирѣпость правительства, подлые крики газетъ и рукоплесканія деморализованной и обманутой толпы могутъ внушить Западу мысль, что всѣ толки о русскомъ освободительномъ движеніи были или преднамѣреннымъ обманомъ, или бредомъ больного воображенія: «Этого мы вынести не можемъ. Мы себя чувствуемъ слишкомъ живыми для того, чтобы позволить себя молча похоронить. И я пишу къ вамъ

для того, чтобъ свидѣтельствовать, что мы вовсе не умерли, что движеніе русское вовсе не подавлено и вообще по сущности своей неподавляемо». И сказать это онъ хочетъ именно ему, *мужу народовъ*, радѣтелю и кумиру народныхъ массъ: онъ, мужъ красной рубахи, не вправѣ не знать, что дѣлается въ темныхъ глубинахъ русскаго народнаго моря.—И дальше слѣдуетъ сжатый очеркъ «соціальной религіи русскаго народа»—сознанія права на землю—и обусловленнаго этой религіей неудержимаго процесса, первымъ этапомъ котораго было уничтоженіе крѣпостнаго права, вторымъ будетъ политическая эмансипація. Въ заключеніе Герценъ характеризуетъ отношеніе къ польскому возстанію различныхъ слоевъ русскаго общества; правительство дьявольской хитростью добилось того, что въ народѣ, сначала безусловно, вспыхнула ненависть противъ поляковъ: оно стало выдавать польское возстаніе за шляхтскій и католическій мятежъ, а себя самого—за защитника польскаго крестьянства и православія.

Гарибальди отвѣчалъ на это письмо 23 декабря съ Капреры, и отвѣчалъ такъ, какъ Герценъ, повидимому, не ожидалъ. «Я получилъ ваше дорогое письмо,—писалъ онъ;—для меня оно документъ. Да, Герценъ, вѣрю вамъ и знаю, что народъ русскій несчастенъ и имѣетъ высокія стремленія, какъ всѣ народы, и что онъ неповиненъ ни въ вилenskихъ истязаніяхъ, ни въ варшавскихъ висѣлицахъ; я знаю, что и на вашей родинѣ бродитъ духъ воли и будущаго, я помню многихъ офицеровъ, которые предпочли Сибирь и смерть преступному палачеству въ Польшѣ, святые имена Попова и Арнольда глубоко отпечатлѣлись въ памяти моей; ихъ имена будутъ повторять исторія вмѣстѣ съ именами ихъ товарищей по мученичеству. Но мнѣ кажется, что Польша, въ которой бичуютъ женщинъ и вѣшаютъ юношей, должна была бы возбудить состраданіе народа русскаго, по крайней мѣрѣ, въ той благородной части его, къ которой вы принадлежите, и въ ней возбудить протестъ болѣе торжественный, чѣмъ слова».—Эти строки обожгли Герцена неотразимой правдой, и въ статьѣ, которою онъ сопровождалъ отвѣтъ Гарибальди въ «Колоколѣ» (1 февраля 1864 г.), онъ писалъ, что при чтеніи ихъ у него навернулись горькія слезы стыда и боли. Заступникъ народовъ взглянулъ на дѣло практически—и задѣлъ страшно-болѣзненную струну въ душѣ Герцена.

Нѣтъ сомнѣнія, что нравственный обликъ и жизнь Гарибальди вообще возбуждали въ Герценѣ горькое чувство стыда и боли: ему, русскому лишему человека, такъ далеко оторванному отъ народа и такъ больно сознававшему эту оторванность, нельзя было не чувствовать зависти при видѣ дѣятеля истинно-народнаго, въ которомъ непосредственно и прямо циркулировали кровь и психика родныхъ народныхъ массъ. И далѣе: съ этимъ болѣзненнымъ чувствомъ своего соціального одиночества въ Герценѣ еще съ давнихъ лѣтъ, съ Москвы и Новгорода, соединялось горькое сознаніе, что практическое дѣло для него невозможно, что онъ на всю жизнь обреченъ только мыслить и писать; и несомнѣнно, что даже въ годы наибольшаго успѣха «Колокола», горечь практическаго безсилія не покидала Герцена. Вотъ почему онъ былъ влюбленъ въ Гарибальди, какъ ни въ кого изъ современныхъ ему борцовъ за свободу человѣчества. Въ его глазахъ Гари-

бальди былъ окруженъ двойнымъ ореоломъ—органическаго единства со своимъ народомъ, и *дѣйствѣннаго* служенія своей идеѣ.

Съ этой точки зрѣнія необыкновенно любопытенъ разсказъ Герцена о знаменитой поѣздкѣ Гарибальди въ Англію въ апрѣлѣ 1864 г., его великолѣпная *Camicia rossa*. Здѣсь все одинаково характерно: и какъ велъ себя Герценъ въ тѣ памятные дни, и какъ онъ разсказываетъ о нихъ. Онъ не видѣлъ Гарибальди съ того перваго свиданія въ 1854 году. Пріѣздъ итальянскаго героя, безпримѣрная въ англійской исторіи овація, которыхъ онъ сталъ предметомъ, были для Герцена какъ-бы личнымъ праздникомъ; онъ съ гордостью и восхищеніемъ описываетъ ихъ, и не устаетъ любоваться своимъ любимцемъ. Когда онъ говоритъ о личности Гарибальди, въ его голосѣ есть какой-то пѣтеть, вообще несвойственный ему: можно подумать, что Гарибальди въ его глазахъ—существо другой, высшей породы. Онъ жадно ищетъ въ его лицѣ «секретъ той силы», которая все покоряла ему—кучку рыбаковъ въ Ниццѣ, его пестрое войско въ походахъ, народныя массы всѣхъ странъ. Гарибальди задумался на минуту—«по его лицу, какъ тучи по морю, пробѣгаютъ какія-то мысли»; и это не просто мысли, хотя бы глубокія и сложныя,—нѣтъ: это душевныя движенія, невѣдомыя обыкновеннымъ людямъ, и глядя на его задумчивость, Герценъ спрашиваетъ себя: «ужасъ ли то передъ судьбами, лежащими на его плечахъ, передъ тѣмъ народнымъ *помазаніемъ*, отъ котораго онъ уже не можетъ отказаться? Сомнѣніе ли послѣ того, какъ онъ видѣлъ столько измѣнъ, столько паденій, столько слабыхъ людей? Искушеніе ли величія?..» Герценъ зналъ близко всѣхъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, но *такъ* онъ ни на кого не смотрѣлъ и ни о комъ не разсказываетъ. Въ своей восторженной влюбленности онъ доходитъ до восхищенія самымъ *костюмомъ* своего кумира, и дважды возвращается къ этому предмету: «Костюмъ его, скажу еще разъ, необыкновенно идетъ къ нему и необыкновенно изященъ; въ немъ нѣтъ ничего профессионально-солдатскаго и ничего буржуазнаго, онъ очень простъ и очень удобенъ», и т. д.

Да,—но этотъ костюмъ—символь: вотъ почему онъ восхищаетъ Герцена; «въ красной рубашкѣ народъ узнаетъ себя и своего». Гарибальди для Герцена—великій плебей, которому подобаешь и плебейское платье. Это просто человѣкъ, человѣкъ изъ народа, схватившійся за оружіе, чтобы прогнать разбойниковъ изъ отчужденнаго дома, и именно въ этомъ своемъ чувствѣ онъ слился съ народомъ и принялъ отъ него помазаніе, именно это поняла толпа «тѣмъ ясновидѣніемъ, тѣмъ откровеніемъ, которымъ нѣкогда римскіе рабы поняли непонятную тайну пришествія Христа и толпы страждущихъ и обремененныхъ, женщинъ и старцевъ, молились кресту казненнаго». Это можетъ показаться смѣшнымъ, но Герценъ даже ничтожное количество кражъ въ толпѣ при семи-часовомъ триумфальномъ вѣздѣ Гарибальди въ Лондонъ объясняетъ этой народностью Гарибальди: англійская толпа груба, сборища ея не обходятся безъ дракъ и, главное, многочисленныхъ кражъ,—но на этотъ разъ порядокъ былъ удивительный: «народъ понялъ, что это *его* праздникъ, что онъ чувствуетъ одного изъ *своихъ*, что онъ больше, чѣмъ свидѣтель».

Все время пребыванія Гарибальди въ Англіи Герценъ поглощенъ имъ однимъ. Культъ знаменитостей нисколько не былъ въ натурѣ Герцена,—напротивъ, обычно онъ склоненъ скорѣе къ ироніи и непочтительной остротѣ: это былъ у него своего рода *point d'honneur*, непринужденность свободомыслящаго человѣка. Но тутъ онъ оставилъ въ сторонѣ всѣ соображенія, даже почти самолюбіе; онъ бѣгаетъ за Гарибальди, какъ влюбленный мальчикъ, и потомъ безъ прикрасъ рассказываетъ это. На англійскомъ берегу Гарибальди высадили въ Соутгемптонѣ, откуда чрезъ нѣсколько дней долженъ былъ пріѣхать въ Лондонъ. Герцену невтерпѣжъ дожидаться, онъ бросается въ Соутгемптонъ; узнавъ, что Гарибальди уѣхалъ на о. Уайтъ, онъ спѣшитъ туда, попадаетъ въ Коусъ въ 9 час. вечера, ночуетъ въ отелѣ, на завтра встаетъ въ 6 час. и въ семь, наконецъ, добивается видѣть Гарибальди. Что ему собственно нужно было?—Онъ хотѣлъ предупредить Гарибальди о тѣхъ интригахъ, которыя ждутъ его на англійской почвѣ и цѣль которыхъ—очернить Маццини и пр. Но въ Лондонѣ было довольно итальянскихъ патріотовъ, друзей Гарибальди и Маццини, которые, конечно, не преминули бы это сдѣлать (напримѣръ, Саффи), и чужеплеменному Герцену, казалось бы, незачѣмъ было забѣгать и соваться въ чужія дѣла. Мало того; послѣ свиданія Герценъ заходитъ въ ресторанъ пообѣдать и, пробѣгая «Times», встрѣчаетъ въ немъ гадкую статью, полную восторговъ передъ Гарибальди и инсинуаций на Маццини; онъ требуетъ бумаги и пишетъ горячее письмо секретарю Гарибальди, прося его прочесть статью въ «Times» генералу: «Мнѣ 52 года,—пишетъ онъ въ этомъ письмѣ,—но признаюсь, что слезы негодованія навертываются на глазахъ при мысли объ этой несправедливости», и пр.—Кончился этотъ день тѣмъ, что обратно чрезъ Соутгемптонъ въ Лондонъ Герценъ попалъ ночью и, не найдя комнаты въ гостиницѣ, только въ 3-мъ часу ночи добрался до постели въ грязной комнатѣ какого-то французскаго ресторана. Герценъ жилъ тогда въ Теддингтонѣ, небольшомъ городкѣ, верстахъ въ 20 отъ Лондона.

Дальше: по пріѣздѣ Гарибальди въ Лондонъ Герцена осянута счастливая мысль—устроить у себя дома официальное примиреніе Гарибальди съ Маццини, пригласивъ обоихъ на обѣдъ. Согласіе обоихъ было получено,—но какихъ усилій стоило ему уладить это дѣло, какую борьбу пришлось ему выдержать съ окружающими Гарибальди, сколько дипломатическаго искусства пустить въ ходъ по мелочамъ! Онъ кое-что рассказываетъ, вдвое больше угадывается за его строками. А потомъ—это приглашеніе Ледрю-Роллена, котораго Гарибальди хотѣлъ видѣть, хлопоты по заказу обѣда, пріѣздъ Герцена въ Лондонъ за своимъ гостемъ, чтобы везти его къ себѣ и пр., и пр. Конечно, Герценъ искренно хотѣлъ помочь примиренію Гарибальди и Маццини; безъ сомнѣнія также онъ былъ правъ, когда, приглашая Гарибальди, говорилъ, что этотъ визитъ къ нему великаго человѣка будетъ ободреніемъ вообще для всѣхъ борцовъ за свободу въ Россіи; была тутъ, конечно, и доля тщеславія,—но главнымъ стимуломъ, несомнѣнно, было это обожаніе Гарибальди, о которомъ мы выше говорили. Въ домѣ Герцена Гарибальди пробылъ едва ли больше полутора часовъ, а

мѣсяцъ спустя Герценъ въ такихъ выраженіяхъ отзывался объ этомъ днѣ: «День этотъ удался необыкновенно и былъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ, безоблачныхъ и прекрасныхъ дней послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Въ немъ была удивительная ясность и полнота, въ немъ была эстетическая мѣра и законченность, очень рѣдко случающіяся... Такіе дни представляютъ вершины... дальше, выше, въ сторону—ничего, какъ въ пропѣтыхъ звукахъ, какъ въ распустившихся цвѣтахъ».

А на слѣдующій день послѣ посѣщенія, 18 апрѣля, Герценъ написалъ письмо къ Гарибальди, гдѣ говоритъ между прочимъ: «Вамъ я обязанъ лучшимъ днемъ моей зимы, днемъ ясности безусловной, и за то еще разъ обнимаю васъ съ пламенной благодарностью, съ глубокой любовью и безграничнымъ уваженіемъ» ¹⁾.

Есть что-то трогательное въ этомъ смиреніи и обожаніи, съ которыми великій русскій интеллигентъ-мыслитель преклонился предъ человѣкомъ *народа и дѣла*.

Они увидѣлись потомъ еще разъ, должно быть, мимолетно, въ февралѣ 1867 г. въ Венеціи, но объ этомъ свиданіи мы ничего не знаемъ.

М а ц ц и н и.

Легко представить себѣ, что передъ лицомъ Гарибальди, невольно сравнивая себя съ нимъ, Герценъ чувствовалъ себя маленькимъ и мелкимъ; эта великая плебейская простота и цѣльность, эта неподдѣльная наивность, которой онъ не перестаетъ восхищаться въ Гарибальди, словно уличали его самого, и ему, можетъ быть, становилось стыдно собственной сложности, самооглядки, рефлексіи.

Нѣчто подобное, но въ другомъ родѣ, переживалъ онъ, вѣроятно, и въ общеніи съ Мацини. Это былъ фанатикъ и аскетъ, челоуѣкъ непреклонной воли и страстной энергіи, съ горящими черными глазами на исхудаломъ лицѣ, весь устремленный на одну цѣль, о которомъ можно было сказать словами русскаго поэта:

Онъ зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть.

Этой единой упорной и пламенной думѣ онъ былъ обязанъ своимъ магическимъ вліяніемъ на людей, и она-то придавала такую красоту его образу. Если Гарибальди творилъ матеріалъ для эпоса, то Мацини самъ былъ *Symphonia heroica*.—Здѣсь было чему позавидовать. Самымъ своимъ существованіемъ Мацини создавалъ единство Италіи. Въ 1861 году, когда пол-Италіи уже было освобождено подвигами Гарибальди, но Римъ еще находился во власти папы, Герценъ въ прелестномъ художественномъ образѣ такъ опредѣлилъ роль Мацини: «Односторонній, вѣчно занятый одной идеей, вѣчно на стражѣ и готовый... Мацини не спитъ. День и ночь, ловя рыбу и ходя на охоту, ложась и вставая, Гарибальди и его сподвижники видятъ худую, печальную руку Мацини, указывающую на Римъ,—и

¹⁾ Въ тотъ же самый день, 18-го, Герценъ описалъ этотъ обѣдъ въ письмѣ къ сыну, Александру Александровичу, находившемуся тогда во Флоренціи; это письмо въ переводѣ было напечатано 24 апрѣля въ *Il Progresso*, № 24.

они пойдутъ туда!» По широтѣ и свободѣ ума Герценъ стоялъ несравненно выше Маццини, ему была жалка догматичность и ограниченность его идей о «религіи долга», объ «освобожденіи міра Италіей»; но, кто знаетъ,—чего не отдалъ бы онъ, будь на то его власть, за это могучее лучеиспусканіе индивидуальной воли, болѣе неотразимое, чѣмъ доводы самыхъ блестящихъ статей! Онъ многократно писалъ о Маццини, и каждый разъ въ его характеристикѣ рельефно выступаютъ двѣ черты, точно двѣ стороны монеты: манія, какъ несвобода духа, и манія, какъ нравственное величіе. Въ его глазахъ Маццини—человѣкъ, *одержимый* своей идеей, ея рабъ, но зато ея покоряющій массы. Онъ говоритъ объ его упорствѣ въ стремленіи къ единству Италіи: «Въ этомъ непреклонномъ постоянствѣ, въ этой вѣрѣ, идущей наперекоръ фактамъ, въ этой неутомимой дѣятельности, которую неудача только вызываетъ и подзадориваетъ, есть что-то великое и, если хотите, что-то безумное. Часто эта-то доля безумія и обуславливаетъ успѣхъ, она дѣйствуетъ на нервы народа, увлекаетъ его. Великій человѣкъ, дѣйствующій непосредственно, долженъ быть великимъ маньякомъ». Передавая свой разговоръ съ Маццини о Леопарди, онъ говоритъ, что отрицательное отношеніе Маццини къ этому замѣчательному поэту его не удивило: такому человѣку не могли быть понятны эти ядовитыя раздумья и сомнѣнія. Но Маццини напалъ на Леопарди съ ожесточеніемъ; «мнѣ было,—говоритъ Герценъ,—очень досадно; разумѣется, онъ на него очень сердился за то, что онъ ему не годился на пропаганду... Это возмутительное стѣсненіе личностей, подчиненіе ихъ категоріямъ, кадрамъ,—точно историческое развитіе—барщина, на которую сотскіе гонятъ, не спрашивая воли, слабого и крѣпкаго, желающаго и не желающаго». Но вотъ другой разговоръ—и другая сторона медали: первое свиданіе Герцена съ Маццини послѣ основанія итальянскаго королевства въ 1861 году. Маццини только-что вернулся изъ Неаполя, гдѣ Гарибальди вѣнчалъ двойной короной Виктора-Эммануила. Маццини не хотѣлъ довольствоваться полу-побѣдой: онъ требовалъ тотчасъ же похода на Римъ; это было неудобно и опасно, Гарибальди отвернулся отъ патріота-фанатика, пьемонтское правительство травило его, неаполитанская чернь, подстрекаемая агентами Кавура, подступала къ дому, гдѣ онъ жилъ, съ криками: «Смерть Маццини!»—и онъ вернулся въ Лондонъ, чтобы продолжать свой медленный и упорный подпокъ къ Риму. Герценъ видѣлся съ нимъ тотчасъ по возвращеніи. «Сердце щемило, когда я его увидѣлъ,—говоритъ Герценъ,—я все же ждалъ найти его грустнымъ, оскорбленнымъ въ своей любви»; но Маццини встрѣтилъ его восторженнымъ крикомъ: «итакъ, наконецъ-то сбывается!» и съ гордостью и любовью говорилъ о Гарибальди, объ освобождающейся Италіи. Герценъ повторяетъ: «Слушая его, я хотѣлъ поймать одну ноту, одинъ звукъ обиженного самолюбія, и не поймалъ». Характерно, что онъ искалъ этого; человѣку типа Маццини такая мысль и не пришла бы въ голову.

Герценъ познакомился съ Маццини въ Женевѣ въ 1849 году и видѣлся съ нимъ тогда раза два; потомъ, въ 1850 г., Маццини, тайно находясь во Франціи, присылалъ за нимъ, сообщилъ ему планъ основанія въ Лондонѣ международнаго комитета и спрашивалъ, согласится

ли онъ участвовать въ этомъ комитетѣ, какъ представитель русской демократіи; годъ спустя, осенью 1851 года, когда комитетъ былъ основанъ, они обмѣнялись по этому поводу письмами, причемъ Герценъ отклонилъ предложеніе Маццини ¹⁾. Осенью 1852 г., переселившись въ Лондонъ, онъ одинъ изъ первыхъ своихъ визитовъ сдѣлалъ Маццини, который, по его словамъ, принялъ самое теплое и дѣятельное участіе въ несчастіяхъ, постигшихъ за послѣдній годъ семью Герцена (притомъ, итальянскіе друзья Маццини поручили ему ознакомить послѣдняго съ положеніемъ дѣлъ въ Италіи, гдѣ Герценъ прожилъ передъ этимъ два года). Въ ближайшія десяти лѣтъ, живя оба въ Лондонѣ, они видѣлись довольно часто и во всякомъ случаѣ держались на дружеской ногѣ. Герценъ нѣсколько разъ отмѣчаетъ, что при встрѣчахъ Маццини протягивалъ ему *обѣ* руки; и сохранившіяся письма къ нему Маццини свидѣтельствуютъ о чувствѣ, которое можно назвать братской любовью въ истинѣ, и которое въ дни испытаній умѣло находить слова, полныя нѣжнаго и глубокаго участія.

Таково было письмо, которое Маццини послалъ Герцену 27 мая 1852 года, тотчасъ послѣ смерти Наталіи Александровны: Маццини былъ, повидимому, освѣдомленъ о семейной драмѣ, предшествовавшей ея концу. «Братъ мой,—писалъ онъ,—я только изъ газетъ узналъ о случившемся. Гаугъ больше не писалъ со смерти вашей Наталіи. Все это время я оставался въ неизвѣстности; теперь роковая вѣсть дошла до меня. Я не собираюсь васъ утѣшать; васъ могутъ утѣшить только Богъ да ваши дѣти. Я хочу только сказать вамъ, что страдаю за васъ и съ вами. Я понимаю всѣ ваши страданія,—больше того: я чувствую незаполняемую пустоту, чувствую ту черную тѣнь, которая ложится на всю жизнь и обрекаетъ на изгнаніе душу, какъ царь обрекъ на изгнаніе ваше тѣло. И когда насъ поражаетъ не рука судьбы, а рука человѣка, рука негодяя, что-нибудь, чего можно было избѣгнуть и что ускорило катастрофу,—тогда горечь во сто разъ горше, и безвѣріе отчаянія грозитъ человѣку. Я чувствую все это, и все-таки хочу сказать вамъ: мужайтесь! страдайте, но не падайте духомъ; каковы бы ни были ваши вѣрованія, страдайте такъ, какъ этого хотѣла бы она. Мнѣ всегда казалось, что смерть любимыхъ нами должна въ особенности дѣлать насъ лучшими. Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы мы могли впадать въ грѣхъ, въ косность, въ себялюбіе, когда между нами и будущимъ міромъ стоитъ ангелъ. Живетъ ли этотъ ангелъ только въ воспоминаніи, какъ вы думаете, или онъ живетъ и бодрствуетъ болѣе реально, какъ вѣрю я, вашъ долгъ тотъ же: дѣлать все, что могло бы вызвать улыбку на ея лицѣ, и не дѣлать ничего, что она при жизни осудила бы. Вотъ все, что я хотѣлъ напомнить вамъ, мой другъ, и крѣпко пожать вамъ руку въ знакъ уваженія и любви. Это—рукопожатіе человѣка, который хорошо знаетъ жизнь и ея скорби, который жаждалъ привязанностей и неизмѣнно видѣлъ ихъ крушеніе, который страдалъ и чувствуетъ чужое страданіе. Что вы думаете теперь предпринять? Гаугъ писалъ, что если несчастіе случится, вы уѣдете въ Америку. Не уѣзжайте туда!

¹⁾ Его письмо приведено въ гл. XL „Былого и Думъ“.

Останьтесь въ Европѣ, съ нами, старыми борцами. Что вы найдете въ Америкѣ? Свободу? Но развѣ она не съ вами? Задача въ томъ, чтобы создавать свободу гдѣ ея нѣтъ. Помогайте мнѣ въ этомъ. Вамъ, какъ и мнѣ, осталось одно—культъ великой идеи, культъ не созерцательный по-восточному, но по-европейски дѣйственный и стойкій безъ конца, до побѣды. Помогайте мнѣ и пріѣзжайте ко мнѣ, или поселитесь въ Швейцаріи; вы будете тамъ полезны и будете видѣть меня. Простите, мой другъ. Любите меня, какъ я люблю васъ».

Большая часть сохранившихся писемъ Маццини къ Герцену писаны въ Лондонѣ и адресованы здѣсь же, въ тѣ предмѣстья Лондона, гдѣ обыкновенно жилъ Герценъ; поэтому всѣ они помѣчены только днемъ недѣли, безъ указанія мѣсяца и года. Они очень хорошо рисуютъ отношенія и интересы, связывавшіе Герцена съ Маццини.

Вотъ рядъ писемъ Маццини, относящихся къ 1854 г., ко времени передъ самымъ началомъ Восточной войны; упоминаемый въ нихъ адресъ къ русскимъ солдатамъ—безъ сомнѣнія та прокламація, которая находится теперь на стр. 320—326-ой V тома женевского изданія сочиненій Герцена, подъ заглавіемъ: «Вольная русская община въ Лондонѣ—русскому воинству въ Польшѣ»: она помѣчена 26 марта 1854 г.

«Любезный Герценъ. Кошутъ пишетъ мнѣ, «что онъ беретъ переправить 50 или 100 экземпляровъ чрезъ Константинополь и столько же чрезъ Бѣлградъ, что онъ будетъ радъ васъ видѣть, если вы сдѣлаете ему честь посѣтить его, и что онъ хотѣлъ бы знать ваши соображенія о томъ, что, по вашему мнѣнію, можно было бы сдѣлать въ Россіи при предстоящемъ кризисѣ», и «что онъ былъ бы радъ знать содержаніе прокламацій, такъ какъ самъ не владѣетъ русскимъ языкомъ». Это все, теперь рѣшеніе за вами. Простите, тороплюсь. Вашъ другъ—Лосифъ». Здѣсь была рѣчь еще не о прокламаціи къ русскимъ солдатамъ въ Польшѣ, а о какой-то другой, предшествовавшей той. Вѣроятно спустя нѣсколько недѣль Маццини писалъ: «Кошутъ вамъ напишетъ. По его словамъ, все это произошло оттого, что вы не подписали внизу ваше имя, чтобы перенести его наверхъ. Если онъ извинится предъ вами въ письмѣ, будьте снисходительны къ нему: въ настоящую минуту необходимо, чтобы всѣ патріоты—русскіе, венгры, поляки, румыны—отбросили всякую частную мысль и служили всѣ одной—Добру. Работаете ли вы надъ вашимъ обращеніемъ къ русскимъ солдатамъ? Это какъ разъ то, что намъ нужно. Ваше предыдущее пошло частью чрезъ Константинополь, частью чрезъ Бѣлградъ, но съ каждымъ днемъ становится вѣроятнѣе, что загремятъ пушки. До свиданія. Простите, что не навѣщаю васъ; я заваленъ дѣломъ по горло. Вашъ братъ I. Маццини». Еще спустя короткое время писано третье письмо. «При первой возможности доставьте мнѣ рукописный экземпляръ вашей прекрасной прокламаціи къ русскимъ солдатамъ въ Польшѣ. Я предпочитаю, чтобы въ наши итальянскія газеты она попала отъ насъ, а не изъ «Nation». Велите переписать ее на тонкой бумагѣ, чтобы можно было послать ее по почтѣ». Дальше, намекая безъ сомнѣнія на предстоящую экспедицію Орсини, онъ пишетъ: «Мой другъ, минута торжественна. Я не говорю вамъ: «помогите мнѣ», но говорю: «постарайтесь найти какую-нибудь поддержку нашимъ друзьямъ». Имъ

дѣйствительно нужно—и это важно для насъ всѣхъ—послать нѣсколько человѣкъ. Было бы несчастіемъ, еслибы это имъ не удалось. Европейская демократія должна теперь сдѣлать крайнее усиліе или навсегда сложить оружіе.

Вотъ письмо типичнаго содержанія: просьба помочь вдовѣ итальянскаго эмигранта, хорошо знающей музыку и умирающей съ голода съ тремя дѣтьми. Вотъ просьба о сотрудничествѣ въ *Italia del Popolo* по части успѣховъ освободительной идеи въ Россіи. «Вы могли бы присылать по корреспонденціи каждый мѣсяцъ или каждыя три недѣли. Но если вы думаете, что моральный результатъ не окупить этого, пришлите по крайней мѣрѣ одну, чтобы доставить удовольствіе другу». Вотъ прекрасное, полное страсти письмо 1855 года, которымъ Мацини, приглашенный къ участию въ «Полярной Звѣздѣ», благословляя начинаніе Герцена. Въ статьѣ о Ворцелѣ Герценъ рассказываетъ, что вскорѣ по своемъ пріѣздѣ въ Лондонъ онъ по собственному почину предложилъ Мацини на итальянское дѣло, «которое—прибавляетъ онъ—мнѣ близко, какъ родное», одновременно десять процентовъ со своего дохода, что составило около 200 ф. ст. Слѣдующее письмо Мацини относится, повидимому, къ 1859 году. «Любезный другъ. Обращаюсь къ вамъ съ просьбой, не безъ смущенія, которое велитъ мнѣ преодолѣть безусловный долгъ. По причинамъ, которыя было бы бесполезно излагать здѣсь въ подробности, такъ какъ обращеніе мое къ вамъ носитъ чисто личный характеръ, но которыя до нѣкоторой степени должны быть вамъ ясны изъ положенія дѣлъ въ Италіи, мнѣ нужны деньги. Нѣсколько англичанъ, которые собираютъ ихъ для меня, хотѣли обратиться и къ вамъ; но я предпочитаю писать вамъ прямо. Хотите ли оказать мнѣ денежную поддержку на дѣло свободы въ размѣрѣ, какой найдете удобнымъ для себя? Это разъ навсегда; я никогда не повторю этой просьбы. Я колебался, но потомъ сказалъ себѣ, что еслибы вы потребовали отъ меня того же для Россіи, я далъ бы вамъ, что могъ бы,—и взялся за перо. Я не сдѣлалъ бы этого, если бы вы все еще теряли на вашихъ русскихъ изданіяхъ; но я знаю отъ васъ, что расходы покрываются и что Трюбнеръ уже получаетъ съ нихъ барышъ. Черкните мнѣ два слова и вѣрьте моей дружбѣ къ вамъ. I. М.»

Герценъ называлъ какъ-то Мацини аскетомъ итальянскаго освобожденія; такимъ и рисуется онъ въ рѣдкихъ своихъ письмахъ къ Герцену. Онъ велъ въ Лондонѣ замкнутый образъ жизни и жилъ единственно для своего дѣла. «Умоляю васъ,—пишетъ онъ однажды Герцену,—не дайте моего адреса никому безъ исключеній. Вы дали его Г., я просилъ Г. сохранить секретъ, и онъ это сдѣлаетъ, но другіе этого не сдѣлаютъ. Если политическіе фланеры начнутъ наводнять мое убѣжище—я погибшій человѣкъ. *Говорить о политикѣ* для меня отвратительно. Я печаленъ, мнѣ нужно одиночество,—вотъ почему я никогда не выхожу днемъ, а вечеромъ иду лишь два шага—къ Стансфильдамъ. Можетъ быть мое душевное состояніе трудно понять, но оно—фактъ. Необходимо, чтобы мое мѣстопробываніе оставалось тайной. Если вы случайно дали кому-нибудь мой адресъ, скажите тѣмъ людямъ, что я перемѣнилъ квартиру; я буду вамъ признателенъ.

Когда вы пишете мнѣ, адресуйте не на мое имя, а на имя С. Я не могу приѣхать въ Ричмондъ, но навѣщайте меня, когда бываете въ городѣ.» Другой разъ, благодаря Герцена за подарокъ (портретъ Ворцеля), Маццини пишетъ: «Я все надѣялся увидѣть васъ у Каролины Стансфильдъ, но тщетно. Вы замуровались въ вашей русской пропагандѣ, какъ я—въ моихъ попыткахъ дѣйствія въ Италіи. Но вы общали мнѣ время отъ времени писать письма объ отголоскахъ событій въ Россіи для *Italia del Popolo*, и написали только одно. Я никогда не выхожу изъ дома,—развѣ иногда часовъ въ 9 вечера въ пивную. Если бы я бывалъ гдѣ-нибудь, то былъ бы у васъ. Почему вы не бываете по пятницамъ у Каролины Стансфильдъ? Мы всѣ собираемся тамъ—Квадріо, я и еще 5—6 итальянцевъ.» Чѣмъ была для Маццини Италія, показываютъ слѣдующія строки изъ одного его письма къ Герцену: «Признаюсь вамъ, для меня загадка, какъ вы можете не понимать, что узелъ европейскаго вопроса находится сейчасъ въ Италіи,—сейчасъ или завтра, это безразлично. Тамъ будетъ разрушена австрійская имперія, тамъ будетъ низвергнуто папство, тамъ раздастся сигналъ къ разгрому Турціи, которая со всѣхъ сторонъ, половиною своего народонаселенія, связана съ Австріей. Не будь я итальянцемъ, я бы съ тѣмъ же одушевленіемъ посвятилъ себя итальянскому дѣлу. Это убѣжденіе и даетъ мнѣ смѣлость просить помощи у людей, преданныхъ, какъ вы, дѣлу европейской свободы; мнѣ кажется, что каждый изъ нихъ, какова бы ни была его спеціальная цѣль, долженъ принять участіе въ крестовомъ походѣ противъ Австріи и Бонапарта».

Между убѣжденіями Герцена и Маццини уже въ это время была цѣлая пропасть: весь поглощенный идеей политическаго освобожденія народовъ, Маццини враждебно относился къ социализму, который не только казался ему помѣхою этому дѣлу, но и глубоко претилъ его религиозному чувству. Отношеніе къ социализму вообще дѣлило тогдашнюю эмиграцію на два враждебныхъ стана, и если въ отдѣльных случаяхъ они соединялись для совмѣстныхъ дѣйствій, то не иначе, какъ на точно выговоренныхъ условіяхъ теоретической солидарности. Въ этомъ отношеніи любопытно одно недатированное письмо Маццини. «Любезный Герцень,—пишетъ онъ.—Я говорилъ съ Ледрю (Ролленомъ), и вотъ результатъ нашего разговора. Обнародовать воззваніе или адресъ къ Франціи за подписью трехъ или четырехъ членовъ, живущихъ въ Лондонѣ, значило бы до нѣкоторой степени обнаружить предъ французскимъ обществомъ тотъ недостатокъ активнаго единенія, который мы какъ разъ хотимъ устранить. Надо или ничего не дѣлать, или сдѣлать больше этого. Настоящимъ событіемъ, внушительнымъ актомъ, который взволновалъ бы общественное мнѣніе и поразилъ бы воображенія, было бы воззваніе, подписанное 20—24 именами, сплошь извѣстными и имѣющими какъ бы оффиціальныя характеръ въ глазахъ французскаго народа, какъ В. Гюго, Шельхеръ, Луи-Бланъ, Феликсъ Піа, Барбесъ, Шарра, Араго, Кинэ, 10—12 представителей провинцій, и т. п.—Итакъ, возможно ли это? Если кто-нибудь хочетъ и можетъ взяться за это, Ледрю Ролленъ съ радостью подпишетъ такое заявленіе. Практически наи-

лучшимъ способомъ было бы составить текстъ воззванія и разослать его въ копіяхъ для подписи. Собрать всѣхъ этихъ людей въ одномъ мѣстѣ немислимо. Есть ли кто-нибудь, кто взялся бы составить текстъ? Вы знаете, чтѣ Ледрю понимаетъ подъ общей почвой. Это показали наши коллективныя воззванія, и я устно изъяснилъ вамъ, о чемъ тутъ должна быть рѣчь. Свобода, республика, революція, не для какой-нибудь касты, а для всѣхъ и черезъ всѣхъ,—далѣе, солидарность народовъ, всемірная республика, священный союзъ народовъ и сверхъ всего реабилитация Франціи, находящейся теперь въ упадкѣ и униженіи: таковы должны быть основные пункты; во всемъ остальномъ каждый остается независимымъ. Еще разъ, осуществимо ли это? Ледрю готовъ участвовать, но только въ этихъ предѣлахъ. Манифестация неполная, мѣстная, которая походила бы на аффишированіе квадрумвирата или квинквевирата, ему не по душѣ, и я думаю, онъ правъ. Сообщите мнѣ ваше мнѣніе объ этомъ дѣлѣ».

Съ отъѣздомъ Герцена изъ Англіи сношенія между нимъ и Маццини повидимому прервались; изъ позднѣйшихъ лѣтъ сохранилось только одно письмо Маццини, писанное вѣроятно въ 1868 или 69 году, когда Маццини, отказавшись принять амністію, скитался и продолжалъ агитировать, упорно ожидая, когда Італія получитъ свой Римъ—и республику. «Любезный другъ,—пишетъ онъ,—я получилъ ваше милое письмо изъ Ниццы. Я былъ боленъ и не могъ видѣть Т., который проѣхалъ, не останавливаясь. Теперь больной или здоровый я долженъ уѣхать по требованію Сенъ-Готарской лиги, которой нужны итальянскіе капиталы. Я остался бы наперекоръ правительству, если бы у меня была цѣль; но я не люблю позировать моей скромной личностью; поэтому я уѣду куда нибудь, не слишкомъ далеко. Что бы они ни дѣлали, мы быстро поднимаемся къ республикѣ въ Італіи, и я чувствую потребность по мѣрѣ силъ помочь поставить локомотивъ на рельсы; разъ онъ станетъ на рельсы, найдется довольно людей, чтобы толкать его. Мое здоровье разрушено. Какъ подкопанное дерево, я стою, потому что стою, но первое дуновеніе вѣтра опрокинетъ меня; и если при моей жизни что-нибудь совершится въ Італіи, одна недѣля дѣятельности убьетъ меня. Да и пора; каждый годъ уносить кого-нибудь изъ моихъ друзей... И безпрестанно воспоминается мнѣ одинъ стихъ Оссіана, т. е. въ переводѣ Чезаротти:

*E sento gli anni bisbigliar passando:
Perchè canta costui? ¹⁾*

А пока—прошу васъ напомнить обо мнѣ вашимъ дочерямъ и г-жѣ Огаревой, которой я, повидимому, скоро надоѣлъ. Гдѣ она? Саффи почти мнѣ не пишутъ. Я ни одной минуты не вѣрилъ въ просьбу объ амністіи. Мы глубоко расходимся на религіозной почвѣ и частью даже на политической, и я сожалею объ этомъ; но я знаю васъ и никогда не сомнѣвался въ васъ съ точки зрѣнія характера. Я ни съ М., ни съ Кр., но національное чувство, даже доведенное до крайности,—залогъ польской побѣды; поэзія—другой залогъ. Что бы вы ни говорили, всѣ великія революціи

¹⁾ „Слышу, какъ годы шепчутъ, проходитъ: почему поетъ этотъ?“

въ Европѣ совершить національность; вы знаете, что это для меня—идея коллективной миссии, общаго долга,—и только. Безъ этой идеи возможны только рабскіе мятежи, спартанскія войны. Вы видите только социальный вопросъ; и я не хуже васъ чувствую, что основная цѣль—освобожденіе труда; но цѣль не совпадаетъ со средствомъ; ради социального вопроса, слава Богу, никогда не возникало крупной революціи. Я говорю «слава Богу», потому что въ такомъ движеніи доминировала бы корысть и оно дало бы намъ въ итогѣ буржуа въ блузахъ, новый эгоизмъ взамѣнъ стараго. Со времени Марафона всѣ великія событія вызывались національностью или религіей: англійская революція, сѣверо-американская, возстаніе Нидерландъ противъ Испаніи. Испаніи противъ Наполеона въ 1808 году, греческая революція и т. д. Но оставимъ это. Обнимемъ другъ друга во имя Свободы; это—не цѣль, но великая исходная точка. Пишите мнѣ время отъ времени; я хотѣлъ бы слѣдить за вами въ вашихъ скитаніяхъ, знатъ—въ Женевѣ ли вы или въ Брюсселѣ. Я стараюсь всегда читать что вы пишете. Вашъ І. Мацини».

Эти послѣдніе годы (Мацини умеръ въ 1872 г.) съ Мацини жилъ, дѣля его непреклонныя убѣжденія и судьбу, его вѣрный старый другъ Мауриціо Квадрио, тоже съ давнихъ лѣтъ пріятель Герцена и Огарева. Въ числѣ его уцѣлѣвшихъ писемъ къ Герцену есть три письма 1869 г., хорошо рисующія и самихъ этихъ старыхъ борцовъ, и ихъ позднюю симпатію къ Герцену. 29 ноября 1868 г. онъ пишетъ Герцену изъ Лугано: «Мы очень признательны Огареву и вамъ за добрую память, которую вы храните о насъ. Мы уже давно не имѣли прямыхъ извѣстій отъ васъ, но намъ было бы невозможно забыть такихъ людей и друзей, какъ вы, и ваши имена часто повторялись въ нашихъ бесѣдахъ. Впрочемъ, былъ и третій, который по временамъ являлся разсказывать намъ о васъ; это былъ «Колоколь»—*La Cloche*,—который, будучи всеязычнымъ, былъ понятенъ и Мацини.—Я радъ сообщить вамъ, что Мацини находится на пути къ выздоровленію. Онъ былъ серьезно боленъ и мы провели нѣсколько недѣль въ сильнѣйшемъ страхѣ. Онъ и теперь еще очень слабъ и ему трудно писать; вотъ почему онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за вашу добрую память». Однако въ концѣ письма Мацини написалъ нѣсколько словъ: «Благодарю васъ и Огарева отъ всего сердца за выраженіе вашей дружбы. Она мнѣ дорога. Я очень слабъ и не могу долго писать. Но я цѣню и люблю васъ. Іосифъ».—9 мая 1869 года Квадрио писалъ Герцену, опять изъ Лугано: «Мацини уже нѣсколько дней въ постели по причинѣ болѣзни, которая время отъ времени мучаетъ его. Она не такъ серьезна, какъ послѣдней осенью, но все-таки онъ принужденъ лежать въ постели и не можетъ писать. Онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за память и просить васъ напомнить о немъ вашей семьѣ и Огареву. Швейцарія сгибается передъ итальянскимъ королемъ и требуетъ отъ Мацини, чтобы онъ оставилъ территорію республики; какъ только онъ будетъ въ силахъ, онъ уѣдетъ назадъ въ Лондонъ. Римъ хочетъ избавиться отъ опасности, которою грозитъ ему Ганнибалъ...—Ни Мацини, ни я никогда, ни на минуту, не усумнились въ васъ или Огаревъ въ отношеніи борьбы за свободу, и когда до насъ дошли слухи

о вашемъ возвращеніи въ Россію, мы только смѣялись. Мы рады, что борьба не утомила васъ и что вы опять взялись за ваше славное перо. Не устали и мы, и ужъ, разумѣется, не пали духомъ, а будемъ стойки до конца».—Они до зимы пробыли въ Лугано. 2 октября М. А. Бакунинъ писалъ Огареву изъ Локарно: «Благодарю тебя за письмо къ молодцу старику Quadrio... Съ старикомъ мы пожалуй немного и поспорили, но легко, не слишкомъ углубляясь въ задорный вопросъ о Libertà и Socialismo. Онъ все такъ же крѣпокъ и здоровъ и все такъ же неутомимо и неугомонно работаетъ». Въ началѣ ноября Бакунинъ снова пріѣхалъ въ Лугано съ намѣреніемъ поселиться здѣсь, но не нашелъ подходящей квартиры и, по совѣту итальянскихъ друзей, рѣшилъ вернуться на зиму въ Локарно. Объ этомъ 6 ноября Квадрио пишетъ Герцену (или Огареву), выражая надежду, что климатъ Локарно, защищеннаго горами отъ сѣверныхъ вѣтровъ, окажется благопріятнѣе для Бакунина, нежели луганскій. «Бакунинъ привезъ мнѣ ваше письмо, и я благодарю васъ за память. Въ мои годы человѣкъ живетъ воспоминаніями, а хорошія хранитъ тщательно; а кто зналъ васъ, тотъ не можетъ не хранить память о васъ. Мнѣ 70-й годъ, и старость даетъ мнѣ себя чувствовать всѣми своими непріятными предостереженіями; но я могу работать, я сохранилъ мою вѣру въ торжество справедливости: она такъ же жива во мнѣ, какъ была въ 20 лѣтъ. У меня есть добрые друзья, которые меня любятъ, я бѣденъ, но доволенъ немногимъ,—мой закатъ озаренъ блѣднымъ солнечнымъ лучомъ, и я не могу пенять на свою долю». Эти послѣднія слова написаны по-итальянски, тогда какъ все письмо—французское; чтобы довершить многоязычность своего письма, Квадрио дальше выписываетъ на память по-русски, съ ошибками конечно, полдюжины стиховъ изъ «По улицѣ мостовой» и «Не садись на эту вѣтку». «Недавно,—прибавляетъ онъ, я взялъ басню о соловѣѣ и его клѣткѣ (кажется, Крылова) темою для статьи или проповѣди итальянцамъ, которые доверились злему охотнику—монархіи. Если моя болтовня васъ раздражаетъ, подумайте о моихъ 70 годахъ.—Нѣтъ, я не болтаю: это воспоминаетъ сердце; вотъ слово «соловей» напомнило мнѣ славнаго Соловьевича. Я видѣлъ его въ 1860 г. и полюбилъ его. И сердце мое наполняется печалью, потому что уже нѣтъ дорогого энтузіаста».

Дж. Медичи.

Лично, интимно, у Герцена за границей не было болѣе близкихъ и болѣе душевныхъ друзей, чѣмъ итальянскіе революціонеры,—не Гарибальди и не Маццини, слишкомъ индивидуальныя да и слишкомъ занятыя для частной дружбы, а люди второго ранга сравнительно съ тѣми, но крупные люди, чьи имена освобожденная Италія свято хранитъ въ своей памяти. Съ нѣкоторыми изъ нихъ Герценъ сблизился еще въ первую свою поѣздку въ Римъ, въ годъ революціи; но особенно тѣсно эти итальянскіе друзья сомкнулись вокругъ него въ 1850—52 гг., въ Ниццѣ и Генуѣ, и ихъ теплому участию онъ много былъ обязанъ въ несчастіяхъ, которыя такъ щедро

излились на него въ эти два года. Это были: Саффи, Мордини, Медичи, Пизакане, Козенцъ, Орсини и др. Со всѣми съ ними Герценъ остался въ дружбѣ до своей или ихъ смерти. Ихъ всѣхъ онъ сдѣлалъ намъ родными, чудно изваявъ ихъ нѣжно-печальные образы на страницахъ «Былого и Думъ».

Одна изъ самыхъ привлекательныхъ фигуръ между ними—Джакомо Медичи, сподвижникъ Гарибальди, бывший вождемъ римскихъ легионеровъ во время обороны Рима въ іюнѣ 1849 года, прославившійся геройской защитой Vascello. Этотъ воинъ и трибунъ былъ поэтъ и мечтатель, съ нѣжной душой, съ кроткими глазами, съ изящными манерами: такимъ изображаетъ его Герценъ. Они сблизились въ началѣ 50-хъ годовъ. Лѣтомъ 1852 года Герценъ, только что похоронившій жену и страшно потрясенный, провелъ съ Медичи нѣсколько недѣль въ Генуѣ. Онъ потомъ съ благодарностью вспоминалъ добро, которое сдѣлалъ ему тогда Медичи своимъ теплымъ и полнымъ такта участіемъ.

Вотъ письмо, которое написалъ ему Медичи 6 ноября того же года изъ Генуи въ Англію, куда незадолго передъ тѣмъ уѣхалъ Герценъ.

«Милый другъ, первое письмо, которое вы написали мнѣ изъ Лондона, дало мнѣ почти увѣренность, что я буду имѣть радость опять видѣть васъ въ Генуѣ. Теперь все измѣнилось—вы пишете объ Америкѣ! Не ѣздите туда, милый Герценъ, вернитесь сюда, у васъ здѣсь истинные друзья. Подумайте и о томъ, что наша боевая арена—Европа; если борьба начнется въ Италіи, мы братски подадимъ другъ другу руки, мы вмѣстѣ будемъ жить боевой, бурной жизнью; это будетъ новая жизнь для насъ, полная поэзіи и чувства, которая каждый мигъ будетъ напоминать намъ: ты—сильный. Тогда кончится эта нерѣшимость, гдѣ одни толкаютъ насъ направо, другіе налево, и гдѣ наша воля, имѣющая цѣль, гибнетъ въ бездѣйствіи.—Другъ С. говорилъ мнѣ о васъ; я знаю, какую помощь вы оказали нашей кассѣ, и отъ всего сердца благодарю васъ. Имѣте ли вы извѣстія объ Энгельсонѣ? Я довольно давно писалъ ему въ Женеву и удивляюсь, что нѣтъ отвѣта.—Козенцъ, Пизакане, Меццокаппо и др. поручили мнѣ передать вамъ ихъ привѣтъ; мы всѣ васъ любимъ, какъ брата».

Феличе Орсини.

Тогда же, въ 1851—52 г.г., сблизился Герценъ и съ Орсини, этимъ идеальнымъ типомъ карбонарія, однимъ изъ самыхъ безстрашныхъ людей среди богатыхъ безстрашіемъ героевъ освобожденія Италіи, сложившимъ голову на гильотинѣ въ 1858 году за неудачное покушеніе на Наполеона III. Въ тѣ трудные дни, въ Ниццѣ, и Орсини принялъ горячее участіе въ дѣлахъ Герцена.

Кто читалъ очеркъ Герцена объ Энгельсонѣ, тотъ помнитъ, конечно, эпизодъ размолвки между Герценомъ и Орсини. Въ двухъ словахъ эта исторія, довольно типичная для эмигрантскихъ круговъ, состояла въ слѣдующемъ. Въ Женевѣ распространился слухъ, что

Орсини—австрійскій шпіонъ. Это была, разумѣется, дикая нелѣпость; но вскорѣ затѣмъ чудесное спасеніе Орсини изъ крѣпости въ Мантуѣ (а онъ былъ посаженъ туда послѣ одной изъ своихъ безумныхъ попытокъ вызвать возстаніе въ Италіи) какъ-будто подтвердило эти нелѣпые толки. Какъ бы то ни было, Герценъ однажды въ разговорѣ передалъ этотъ слухъ Энгельсону, съ которымъ былъ тогда еще очень близокъ. Когда вскорѣ затѣмъ между ними произошелъ разрывъ, Энгельсонъ въ своей неврастенической страстности передалъ Орсини слова Герцена—и не какъ слухъ, а какъ утвержденіе, припутавъ сюда еще и Саффи. Орсини былъ, разумѣется, страшно уязвленъ, чуть было не вызвалъ на дуэль и Герцена, и Саффи, но послѣдніе объяснились съ нимъ, онъ назвалъ Энгельсона, и дѣло кончилось миромъ.

Тѣ письма, которыми обмѣнялись по этому поводу Орсини и Герценъ, сохранились. Вотъ письмо Орсини (8 сентября 1856 г.); оно написано на очень дурномъ французскомъ языкѣ:

«Милостивый государь. Мнѣ нужно разъясненіе, и я довѣряю вашему благородству и вашей чести, что вы объяснитесь со мною откровенно.

«Я мужчина; у меня есть опытъ, хотя добытый въ суровой школѣ; я питаю къ вамъ дружеское чувство и думаю, что доказалъ вамъ его со времени нашего знакомства въ Ниццѣ; это должно служить вамъ порукой, что я не способенъ затѣять скандалъ съ кѣмъ бы то ни было. Я узналъ, что въ декабрѣ 1854 г., какъ разъ когда я находился въ заключеніи въ Германштадтѣ, вы сказали ни болѣе ни менѣе, какъ *что я—австрійскій шпіонъ и на хорошемъ жалованьи*, и что вамъ это было передано г-мъ Саффи. Это сообщилъ мнѣ случайно одинъ изъ моихъ друзей, бывший нѣкогда вашимъ другомъ; я нисколько не сомнѣваюсь въ правильности его утвержденія, такъ какъ знаю его за благороднаго человѣка и такъ какъ, убѣждая меня не придавать значенія этому дѣлу, онъ въ то же время разрѣшилъ мнѣ воспользоваться его именемъ, если это понадобится.

«Я былъ крайне удивленъ. Бесѣдуя съ вами такъ искренно, какъ я привыкъ говорить со всѣми, я не могъ предполагать, что человѣкъ, подобный вамъ, который выдаетъ себя за главу партіи, который долженъ знать, что такое партія, и который называетъ себя моимъ другомъ,—повторяю, я не могъ допустить, чтобы вы оказались способны съ такой легкостью возвести обвиненіе въ *подлости* на меня, человѣка, который всю свою жизнь пренебрегалъ всякимъ общественнымъ положеніемъ, чтобы служить идеѣ и родинѣ, который приносилъ *реальныя*, а не *воображаемыя* жертвы, страдалъ въ тюрьмахъ, а не въ гостиницахъ и библіотекахъ. Но съ другой стороны я долженъ отчасти васъ извинить: это—дѣло г-на Саффи, вращающагося въ нашемъ кругу.

«Словомъ, необходимо, чтобы вы письменно заявили мнѣ, что именно Ауреліо Саффи сказалъ вамъ слова, повторенныя вами одному изъ вашихъ друзей, котораго я обязываюсь тотчасъ назвать по вашему требованію.

«Я хочу разобрать это дѣло, хочу открыть источникъ, откуда

оно произошло, хочу видѣть то тайное и темное, что есть въ нѣдрахъ нашей собственной партіи. Это мой долгъ по отношенію ко мнѣ самому, къ моимъ друзьямъ, готовымъ отдать за меня жизнь, и къ самой партіи, которой я членъ.

«Полагаюсь на вашу честь, что вы совершенно ясно объясните мнѣ то, что я имѣю право знать: пока прошу васъ пожать руку вашему другу, который съ вами, и вѣрить моему уваженію и дружбѣ».

Герценъ немедленно отвѣчалъ (9 сентября):

«Милостивый государь. Вы безусловно вправѣ поставить мнѣ предлагаемый вами вопросъ. Такъ вотъ до чего дошли ненависть и клевета! Я понялъ, отъ кого вы слышали фразу, о которой рѣчь.

«Я завтра переѣзжаю со всей семьей въ Путней, дайте мнѣ два дня срока, и я объясню вамъ все, пока же могу васъ увѣрить моей честью, что никогда ни Саффи, ни я не придавали вѣры чему-либо, что могло бы набросить тѣнь на васъ.

«Я сдѣлаю все возможное, чтобы раскрыть эту интригу. Я готовъ представить самое формальное опроверженіе въ присутствіи какихъ угодно свидѣтелей. Я прошу у васъ только два дня, и пока немного довѣрія.

«При первой возможности я побываю у васъ утромъ.

«Огаревъ проситъ меня передать вамъ его привѣтъ и жметъ вашу руку. Въ заключеніе искренно благодарю васъ за довѣріе, которое вы оказали мнѣ своимъ письмомъ».

Черезъ два дня Саффи и Герценъ явились къ Орсини съ объясненіемъ, которымъ и кончилось дѣло.

С а ф ф и.

Еще одинъ прекрасный образъ, увѣковѣченный для насъ Герценомъ,—Маркъ Аврелій Саффи. Въ 1849 году, въ періодъ кратковременнаго существованія римской республики, онъ входилъ въ составъ тріумвирата, управлявшаго Римомъ (вмѣстѣ съ Маццини и Армеллини), и завѣдывалъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Съ начала 50-хъ годовъ и онъ жилъ въ Англіи; онъ, кажется, состоялъ преподавателемъ въ одномъ изъ оксфордскихъ колледжей. Въ домѣ Герцена онъ былъ какъ родной, при ближайшемъ участіи Герцена и Огаревыхъ состоялась его женитьба. ¹⁾ Его письма къ Герцену чаруютъ спокойной простотой и душевностью тона, но по содержанію они не представляютъ интереса. Приведу изъ нихъ только одно, характеризующее Саффи и его отношеніе къ Герцену. «Дорогой Герценъ,—пишетъ онъ 4 ноября 1853 года изъ Оксфорда.—Пишу вамъ два слова, чтобы изъ глубины моего уединенія напомнить о себѣ вашей дружеской памяти. Я здѣсь одинокъ и печаленъ, городокъ этотъ ветхъ и далекъ отъ всякаго дуновенія жизни и будущаго. Это городъ монашескій. Здѣшніе колледжи—монастыри, гдѣ ѣдятъ и душатъ мысль и совѣсть подъ заплесневѣлыми формулами королевской церкви. Однако здѣсь есть

¹⁾ См. „Воспоминанія Н. А. Огаревой-Тучковой, М., 1903, стр. 133—135.

нѣсколько юношей съ душой, способной любить и предчувствовать,— и въ этихъ душахъ можетъ совершаться революція, какой старая Англія и не подозрѣваетъ. Съ ними я могу еще кое-когда разговаривать на человѣческомъ языкѣ. Послѣ этой мрачной картины вы спросите меня, почему я заточилъ себя въ этотъ моральный Шильонскій замокъ. Причина въ слѣдующемъ,—она нѣсколько матеріальна, но отъ того не менѣе вѣска: я даю здѣсь уроки и тѣмъ могу избавить мою мать отъ денежныхъ жертвъ, которыя были бы ей тяжелы при экономическихъ условіяхъ, въ какихъ она находится. Все остальное время совершенно въ моемъ распоряженіи, и это одиночество было мнѣ, можетъ быть, даже необходимо. Послѣ того какъ человѣкъ долгіе годы участвовалъ во внѣшнихъ кризисахъ жизни, полезно немного сосредоточиться и стать на независимую точку зрѣнія, чтобы правильнѣе судить о вещахъ. Именно это и дѣлаетъ мнѣ пріятнымъ мое пребываніе въ Оксфордѣ, несмотря на его дурныя стороны».

Венгры.—Нѣмцы.—Карлейль.—Торэ.

У наслѣдниковъ А. И. Герцена хранится составленный имъ самимъ альбомъ автографовъ, гдѣ вклеены по одному или по нѣсколько писемъ къ нему его знаменитѣйшихъ современниковъ. Отъ многихъ онъ и получилъ только по одному письму, да и тѣ по содержанію не представляютъ интереса. Они любопытны только для характеристики той атмосферы многостороннихъ связей и общей симпатіи лучшихъ людей его времени, которою былъ окруженъ Герценъ въ изгнаніи. Кошутъ письмомъ, исполненнымъ уваженія, рекомендуетъ ему какого-то артиллериста; другой знаменитый боецъ за освобожденіе Венгріи, Клапка, знакомитъ его письменно съ однимъ изъ своихъ боевыхъ товарищей; Фрейлигратъ извѣщаетъ его о приѣздѣ Клапки въ Лондонъ; швейцарскій революціонеръ и президентъ Джемсъ Фази пріятельской записочкой назначаетъ ему свиданіе; Карлъ Шурцъ, участникъ баденскаго возстанія и освободитель Кинкеля, позднѣе сенаторъ и министръ внутр. дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ, недавно умершій,—въ 1855 г. пишетъ Герцену въ Лондонѣ, что принужденъ внезапно уѣхать въ Мальвернъ и оттуда назадъ въ Америку: «Вы не примете это за исполненіе простой формальности,—пишетъ онъ,—если я скажу вамъ, какой большой радостью было для меня сблизиться съ вами. Я всей душой надѣюсь, что этотъ мой короткій приѣздъ сюда не будетъ послѣднимъ. Какъ я слышалъ, ваше рѣшеніе оставить Англію въ этомъ году нельзя считать окончательнымъ, итакъ, я можетъ быть еще застаю васъ здѣсь по возвращеніи изъ Америки. Во всякомъ случаѣ, мы еще встрѣтимся когда-нибудь въ жизни и будемъ рады другъ другу». Здѣсь-же—то письмо Карлейля, которое Герценъ самъ напечаталъ въ пятой книжкѣ «Полярной Звѣзды».

Въ заключеніе приведу въ выдержкахъ письмо одного забытаго теперь французскаго радикальнаго журналиста, тоже эмигранта въ Лондонѣ—Торэ, писанное въ концѣ 1852 года. Герценъ зналъ Торэ

еще изъ Парижа; тонъ письма, какъ увидить читатель, совершенно пріятельскій. Это письмо замѣчательно прежде всего, какъ превосходный образчикъ того космополитически-революціоннаго настроенія, которое царило тогда въ европейской эмиграціи и которое такъ сильно отразилось на Герценѣ¹⁾; затѣмъ любопытенъ и отзывъ книжкѣ Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» (она вышла въ 1851 г.).

«Любезный Герценъ, я только-что съ величайшимъ интересомъ прочиталъ вашу книгу, проливающую яркій свѣтъ на Восточную Европу, которая несомнѣнно будетъ играть главную роль въ революціи 19-го столѣтія. Франція и западная часть Европы, кажущаяся центромъ или, по крайней мѣрѣ, боевой ареной революціи, живуть въ неизъяснимой и роковой апатіи и невѣжествѣ межъ двухъ элементовъ, которыхъ онѣ не понимаютъ и которые между тѣмъ представляютъ собою оба конца революціонной цѣпи,—между Россіей и Америкой.

«Древняя міровая традиція учить насъ, что человѣчество подвигается на земномъ шарѣ съ Востока на Западъ; это очевидный фактъ, обладающій всей достовѣрностью историческаго закона: Индія, Персія, Египетъ, Этрурія, Греція, Римъ—тутъ вся исторія древности. Человѣчество воспламеняется о свѣточъ Востока и безпрестанно оборачивается, чтобы передать свѣтъ Западу. Оно, можетъ быть, уже не разъ обошло земной шаръ. Болѣе пятнадцати лѣтъ назадъ я смутно выразилъ въ «Encyclopédie Nouvelle» эту идею, которая подтверждается и уясняется всѣми современными событиями. Итакъ, что-же стануть дѣлать по ту сторону океана всѣ эти милліоны европейскихъ эмигрантовъ? Что дѣлала здѣсь Россія въ началѣ этого вѣка и какая роль предназначена ей въ предстоящей великой разрухѣ? Бѣдные революціонеры, видящіе только узкій кругъ Франціи и смежныхъ съ нею странъ, только небольшую, теперь распавшуюся кучку народностей, которая составляла раньше католическій міръ, мечутся болѣзненно и слѣпо, такъ какъ не охватываютъ взоромъ всю совокупность революціи. Такъ называемая «европейская демократія», хотя и кажется обширной, все еще погружена въ обособленность и эгоизмъ. Предразсудки ревниваго національнаго чувства и высокомѣрной цивилизаціи все еще мѣшаютъ имъ подняться на высоту дѣйствительно всемірной, общечеловѣческой мысли,—потому что теперь рѣчь идетъ именно о человѣчествѣ. Теперь преобразуется весь старый укладъ жизни—религіозный, политическій, экономическій,—какъ въ эпоху римскаго упадка, всѣ народы захвачены этимъ процессомъ перерожденія, и каждый имѣетъ сказать какое-нибудь слово, чтобы разрѣшить загадку и побѣдить сфинкса.

«Въ этомъ отношеніи ваша книга драгоценна и совершенно нова. Въ ней равно отразились историкъ и философъ, политикъ и истинный революціонеръ. Было бы въ высокой степени полезно, если бы всѣ, у кого есть идеи, такимъ же образомъ слагали ихъ на алтарь всеобщей революціи. Апостолы и борцы, разсѣянные по всѣмъ

¹⁾ См. нашу статью „Герценъ и Западъ“ въ „Рус. Мысли“ 1907, мартъ.

путямъ гоненіями стараго міра, могли бы достигнуть истины и побѣды, если бы соединили свои умы и свое мужество. Но мы сидимъ, забывшись, каждый въ своей крохотной кельѣ, вмѣсто того, чтобы сложить въ одинъ великій священный костеръ всѣ наши яркіе факелы. Почему мы не передаемъ другъ другу тѣ знанія, которыя мы приобрѣли ученіемъ и размысленіемъ? Вѣдь каждый изъ насъ стоитъ на другой точкѣ зрѣнія, каждому его національность, воспитаніе и жизненный опытъ дали иныя способности, другое призваніе. Революціонеры могли бы теперь образовать одинъ большой соборъ, гдѣ были-бы представлены всѣ отдѣльныя ноты человѣческой жизни и гдѣ, безъ сомнѣнія, онѣ обрѣли бы свою гармонію...

«Какимъ же способомъ можно сблизить идеи и освѣтить ихъ одну другою? Какъ организовать взаимное обученіе обширной политической богемы, блуждающей въ изгнаніи и призванной со временемъ обучить народы? Какъ жаль, что мы не пользуемся, по крайней мѣрѣ, нашими встрѣчами внѣ нашихъ отчизнъ, чтобы приуготовить ту общую отчизну, которую мы ищемъ,—свободу и истину! Среди временныхъ неудачъ революціи и социализма больше всего огорчаетъ меня мысль, что всѣ эти побѣжденные нынѣшняго дня не укрѣпляются, чтобы побѣдить въ близкомъ будущемъ. Отдѣльныя личности и народы рискуютъ впасть въ тѣ-же ошибки, которыя только-что поглотили безслѣдно столько жертвъ, столько страданій и героизма. Если бы социализмъ былъ понятъ въ своей всеобщности, онъ спасъ бы будущую революцію. Но, къ несчастію, большинство революціонеровъ не заботится о томъ, чтобы что-нибудь понять.

«...Ваша книга меня поразила. Въ то время какъ Франція и западная часть Европы составляютъ свои крохотные революціонные проекты, въ то время какъ наиболѣе смѣлые мыслители революціи включаютъ въ движеніе будущаго три или четыре народа, какъ напримѣръ Францію, Италію, Германію,—и считаютъ, что это уже очень много съ ихъ стороны, а на Россію смотрятъ лишь какъ на врага,—вы вдругъ заявляете: «Осторожнѣй! Насъ здѣсь *пятьдесятъ милліоновъ*, тоже людей! Въ вашихъ глазахъ мы не больше, какъ угроза. Но вы ошибаетесь; революція, которой вы считаете себя представителями, гораздо шире: ея охвачено все человѣчество! И мы, кого вы называете варварами, мы такъ-же близки къ истинѣ, какъ вы, образованные. Мы, можемъ быть, ближе къ социализму, чѣмъ вы. У насъ нѣтъ, какъ у васъ, массы учреждений, которыя стѣсняли бы насъ, и, наоборотъ, у насъ много старыхъ учреждений, наивныхъ и зачаточныхъ, которыя легче могутъ быть обращены на службу новому, нежели вся мишура вашей цивилизаціи. Вы воображаете себя великими философами, и не знаете даже того, что вотъ уже тридцать лѣтъ наша страна служить ареною борьбы для всѣхъ вашихъ идей и кладбищемъ для борцовъ и героевъ, которые страдали и умерли за эту-же истину». Вотъ что вы открываете западнымъ революціонерамъ, которые и не подозрѣвали, что ихъ дѣло имѣетъ такіе размѣры. Потому-то и было бы полезно, чтобы такую книгу, какъ ваша, прочитали всѣ безпокойные умы, ищущіе смыслъ и средства революціи, всѣ впавшіе въ уныніе, которые въ виду частичнаго и временнаго пораженія не догадываются, что рево-

люція неотвратима и что она оживетъ всюду, каковы бы ни были промахи и ошибки людей, неумѣлость и трусость партій.

«Теперь позвольте мнѣ также сказать вамъ, что ваша книга недостаточно ясна для людей не посвященныхъ заранѣе въ столь мало извѣстную исторію Россіи. Вы удивительно схватили глубокія черты, характеризующія вашъ народъ и его традиціи, предрасполагающія его къ новизнѣ; но для воспитанія читателя были бы нужны болѣе систематическое изложеніе и болѣе выпуклый анализъ. При небольшомъ усилии эта книга могла бы стать моральной исторіей и живымъ портретомъ Россіи, а въ настоящемъ своемъ видѣ она заставляетъ обо многомъ догадываться, потому что авторъ считаетъ своего читателя уже освѣдомленнымъ и внушаетъ желаніе узнать все. Пишите же другія книги: у васъ есть много о чемъ намъ разсказать. Сожалѣю, что у меня нѣтъ газеты или журнала, которые были-бы мнѣ открыты: я непременно напечаталъ-бы изложеніе вашихъ «Революціонныхъ идей въ Россіи».

М. Гершензонъ.

Изъ „Обзора важнѣйшихъ дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ за 1894 г.“ ¹⁾.

I.

Цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, производившихся въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, установлено, что лица, руководившія противоправительственнымъ движеніемъ, сознавая, что одною изъ причинъ неуспѣха революціонной дѣятельности является рознь, существующая между отдѣльными противоправительственными кружками, благодаря различію программъ и взглядовъ на пути и способы борьбы, и рассчитывая общими силами и совмѣстною дѣятельностью оживить революціонное движеніе, стали въ послѣдніе годы направлять свои стремленія къ объединенію всѣхъ кружковъ и лицъ, сочувствующихъ этому движенію. Въ сихъ видахъ составлялись разнаго рода программы, при которыхъ возможно было бы такое сліяніе. Попытка къ объединенію со стороны кружка конституціоналистовъ, выступившихъ въ 1888 году съ печатнымъ органомъ «Самоуправленіе», какъ извѣстно, не имѣла успѣха. Послѣ этого группа народниковъ-бунтарей, во главѣ съ литераторомъ Астыревымъ, воспользовавшись постигшими Россію неурожаемъ и холерой, дѣятельно распространяла изданную за-границей брошюру «Всероссійское разореніе», а въ началѣ 1892 года выпустила напечатанное въ подпольной летучей типографіи и составленное самимъ Астыревымъ воззваніе, озаглавленное «Письмо къ голодающимъ крестьянамъ». Въ то же время группа, такъ называемыхъ, «народовольцевъ», издала старую свою программу и рядъ воззваній: «Свободное слово», «Отъ группы народовольцевъ», два номера «Летучихъ Листковъ» и брошюры: «Къ десятилѣтію коронаціи» и «Братцы-товарищи». Всѣ эти попытки не имѣли, однако-же, практическихъ результатовъ и не повлекли за собою особо вредныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что многіе участники своевременно были арестованы. Между тѣмъ, осенью 1893 года были получены агентурныя свѣдѣнія, указывавшія на новое соглашеніе, состоявшееся между нѣкоторыми лицами, проживавшими въ г.г. Москвѣ и Орлѣ, опытными въ револю-

¹⁾ См. примѣчаніе въ мартовской книжкѣ за текущій годъ, стр. 239.

ціонної діяльності, і привлекавшимися уже кь дознаніямъ, создать вновь організацію, примиряющую разрозненные противоправительственные элементы, и, съ этою цѣлю, выработавъ особую политическую программу, заняться широкимъ ея распространіемъ путемъ печатной пропаганды, для чего и приступить кь устройству типографіи. Какъ на инициаторовъ этого дѣла агентурныя свѣдѣнія указывали на дворянина Николая Тютчева ¹⁾, служившаго въ то время въ контролѣ Орлово-Грязской жел. дор., сынъ купца Марка Натансона ²⁾ и проживавшаго въ г. Рузѣ литератора Петра Николаева ³⁾. Первые свѣдѣнія объ образовавшемся въ Орлѣ тѣсно сплоченномъ кружкѣ неблагонадежныхъ лицъ были получены еще весною 1893 года, когда при производствѣ въ г. Харьковѣ дознанія по дѣлу водворенія изъ-заграницы революціонныхъ изданій, по обыску у одного изъ обвиняемыхъ было обнаружено письмо служившаго въ Орлѣ, въ контролѣ желѣзной дороги, дворянина Юрія Кулябко, указавшее на политическую его неблагонадежность и, такъ какъ по произведенному у него обыску оказалось значительное количество революціонныхъ изданій, то онъ былъ привлеченъ кь дознанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ у Кулябко была отобрана переписка, указывавшая на то, что среди служащихъ въ контролѣ Орловско-Грязской жел. дор. существовалъ, еще во время нахождения управленія этой дороги въ Саратовѣ, занимавшійся политическими вопросами тайный кружокъ, составленный по преимуществу изъ лицъ, привлекавшихся по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, который съ переводомъ управленія и контроля дороги въ Орелъ усилился присоединеніемъ кь нему новыхъ членовъ, занявшихъ выдающееся положеніе въ кружкѣ. Такими лицами, находившимися въ постоянномъ между собою общеніи, въ числѣ другихъ являлись служившіе частью въ контролѣ Орловско-Грязской жел. дороги, частью въ статистическомъ отдѣленіи орловской губернской земской управы, потомственный почетный гражданинъ Александръ Геденовскій ⁴⁾ бомбардиръ

¹⁾ Дворянинъ Николай Сергѣевъ Тютчевъ привлекался въ 1875 г. кь дознанію въ Кіевѣ по дѣлу распространенія среди крестьянъ революціонныхъ изданій. Означенное дѣло было по отношенію кь нему производствомъ прекращено. Въ 1878 г. Тютчевъ вновь привлекался кь дознанію въ лиду прикосновенности кь дѣлу покушенія на жизнь крестьянина Бѣланова, заподозрѣннаго въ шпіонствѣ, и былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь, гдѣ и оставался до 1887 года.

²⁾ Сынъ купца Маркъ Андреевъ Натансонъ былъ высланъ въ 1872 г. изъ С.П.Б. подъ гласный надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію за попытку организовать кружокъ съ цѣлю распространенія революціонныхъ изданій. Въ 1878 г. за принадлежность кь преступному сообществу, носившему названіе „Общество друзей“, Натансонъ былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь, гдѣ и былъ оставленъ до 1887 г.

³⁾ Дворянинъ Петръ Николаевъ за принадлежность кь преступному сообществу „Организация“ былъ присужденъ приговоромъ Верховно-Уголовнаго Суда отъ 24 Сентября 1866 г., по лишеніи правъ состоянія, кь ссылкѣ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ. Въ 1888 г. Николаевъ привлекался кь дознанію въ Москвѣ по дѣлу укрывательства нелегальнаго Зодотова и разсылки журнала „Самоуправленіе“. Означенное дѣло было по отношенію кь Николаеву производствомъ прекращено.

⁴⁾ Пот. поч. гражд. Александръ Васильевъ Геденовскій привлекался въ 1886 г. кь дознанію по дѣлу Ярославскаго революціоннаго кружка и былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ Западную Сибирь на три года.

запаса артиллеріи Сергѣй Сотниковъ ¹⁾, бомбардиръ запаса арміи, изъ московскихъ мѣщанъ, Анатолій Сазоновъ ²⁾, мѣщанинъ Михаилъ Ромасевъ, онъ-же Ромасѣвъ ³⁾, сынъ колониста, бывшій студентъ Петровской академіи Генрихъ Клингъ ⁴⁾, сынъ крестьянина, бывшій студентъ Кіевскаго университета Василій Башмачниковъ ⁵⁾, сынъ чиновника Иванъ Зосимовъ Поповъ, кандидатъ правъ Иванъ Львовъ и впослѣдствіи поселившіеся въ Орлѣ вышеназванные Тютчевъ и Натансонъ; за исключеніемъ Львова, всѣ остальные лица привлекались уже къ дѣламъ политическаго характера. Хотя по произведеннымъ, въ виду результата обыска у Кулябко, обыскамъ у большинства членовъ кружка и не было получено данныхъ для привлеченія ихъ къ дознанію, но указанія эти послужили основаніемъ для производства негласнаго разслѣдованія. Осенью 1893 г. имѣлись уже вполнѣ опредѣленные агентурныя указанія на то, что члены Орловскаго кружка вступили въ сношенія съ представителями московскихъ кружковъ, организовавъ, для совмѣстной революціонной дѣятельности, сообщество, которому присвоили наименованіе «соціально-революціонная партія Народнаго Права», и что представители московскихъ кружковъ, въ свою очередь получая подпольныя изданія изъ С.-Петербурга, завязали въ тѣхъ-же цѣляхъ сношенія съ организованнымъ будто бы, въ С.-Петербургѣ кружкомъ «группы народовольцевъ». Эти указанія, подтверждавшіяся ранѣе имѣвшимися свѣдѣніями, между прочимъ о томъ, что въ іюлѣ 1893 года Тютчевъ провелъ два дня въ г. Рузѣ у Николаева, что затѣмъ Николаевъ въ ноябрѣ того же года пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ имѣлъ свиданія съ студентами московскаго университета Викторомъ и Владиміромъ Черновыми и Евгеніемъ Яковлевымъ и что 14-го того-же ноября въ

¹⁾ Поч. гражд. Сергѣй Васильевъ Сотниковъ привлекался въ 1883 г. къ дознанію по дѣлу Московскаго революціоннаго кружка и былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Западную Сибирь на 3 года. Въ 1890 г. Сотниковъ вновь привлекался къ дознанію въ С.-Петербургѣ по дѣлу записей Рейнштейна и былъ подвергнутъ тюремному заключенію на шесть мѣсяцевъ.

²⁾ Запасн. бомбардиръ изъ мѣщанъ Анатолій Владиміровъ Сазоновъ привлекался въ 1885 г. къ дознанію при Таврическомъ губернскаго жанд. упр. по дѣлу храненія и распространенія революціонныхъ изданій, по вѣнѣніи въ наказаніе времени предварительнаго содержанія подъ стражею, былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Западную Сибирь срокомъ на три года. Въ 1890 г. Сазоновъ вновь привлекался къ дознанію по дѣлу террористическаго кружка и былъ подвергнутъ тюремному заключенію на одинъ годъ и гласному надзору полиціи въ избранномъ мѣстѣ жительства на два года.

³⁾ Мѣщанинъ Михаилъ Антоновъ Ромасевъ, онъ-же Ромасѣвъ, привлекался въ 1879 г. къ дознанію въ Кіевѣ по дѣлу принадлежности къ революціонному сообществу и былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь, гдѣ и оставленъ до 1886 года.

⁴⁾ Бывшій студентъ Петровской земледѣльческой академіи Генрихъ Петровъ Клингъ привлекался въ 1886 г. къ дознанію по дѣлу Московскаго революціоннаго кружка и былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь на пять лѣтъ.

⁵⁾ Башмачниковъ, Василій Васильевъ, привлекался въ 1885 г. къ дознанію по дѣлу организаціи въ Кіевѣ рабочаго революціоннаго кружка и былъ подчиненъ гласному надзору на три года въ мѣстностей, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны.

квартирѣ Ивана Львова происходила, обставленная предосторожностями, сходка, на которой присутствовало до 20 человекъ,—вызвали необходимость принятія со стороны департамента полиціи особыхъ мѣръ наблюденія за поименованными лицами. Наблюденіе это, съ одной стороны, установило сношеніе членовъ московско-орловской группы съ лицами, заподозрѣнными уже въ то время въ противоправительственной дѣятельности въ С.-Петербургѣ, и послужило къ обнаруженію организованной революціонной группы, съ другой, привело къ открытію мѣста нахождения подпольной типографіи, устроенной московско-орловской группой. Такъ, наблюденіемъ было установлено, что въ началѣ декабря 1893 года въ С.-Петербургѣ пріѣзжалъ Викторъ Черновъ и, проживъ безъ прописки нѣсколько дней, имѣлъ свиданія съ студентами С.-Петербургскаго университета Александромъ и Андреемъ Никитинскими и Максимомъ Келлеромъ, состоявшими подъ наблюденіемъ по подозрѣнію въ преступной пропагандѣ среди рабочихъ, причемъ вмѣстѣ съ Александромъ Никитинскимъ посѣтилъ квартиру проживавшихъ совмѣстно, въ д. № 14 по Захарьевской улицѣ, студентовъ военно-медицинской академіи Михаила Сущинскаго, Николая Бѣлецкаго и Ивана Галецкаго. Съ другой стороны, при наблюденіи за московско-орловскимъ кружкомъ было, между прочимъ, установлено, что 18 февраля 1894 г. на ст. Сумы, Харьковско-Николаевской ж. д. прибылъ Евгеній Яковлевъ и, получивъ по дубликату накладной за № 59 доставленные въ Сумы за мѣсяцъ передъ тѣмъ со станціи Грязи, Козлово Воронежской ж. д. бывшимъ студентомъ московскаго университета Александромъ Максимовымъ два мѣста багажа, вѣсомъ ящикъ въ 5 п. 10 ф. и корзину въ 4 п. 15 ф. перевезъ этотъ грузъ, обозначенный машинными частями, на пассажирскую станцію и въ тотъ же день сдалъ кладъ большою скоростью подъ квитанцію за № 371 до ст. Курскъ и съ этимъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Сумъ. 19-го февраля, въ 4 ч. утра, по прибытіи на ст. Курскъ, Яковлевъ передалъ квитанцію поджидавшему его на вокзалѣ Михаилу Ромасеву, а самъ отправился въ Орелъ; Ромасевъ же въ 5 час. вечера явился на вокзалъ и, предъявивъ переданную ему Яковлевымъ квитанцію, получилъ и сдалъ грузъ до ст. Орелъ, куда выѣхалъ съ тѣмъ же поѣздомъ. Встрѣченный въ Орлѣ Николаемъ Тютчевымъ, Маркомъ Натансономъ и Иваномъ Львовымъ, при ближайшемъ наблюденіи со стороны послѣдняго, Ромасевъ принялъ и отправилъ тотъ же грузъ по Орлово-Витебской желѣзной дорогѣ въ г. Смоленскъ. Того же 19-го февраля вечеромъ въ г. Орлѣ въ квартирѣ Натансона, проживавшаго совмѣстно съ женой своей Варварой ¹⁾ состоялась многочленная сходка, въ которой принимали участіе Тютчевъ, Гедеоновскій, Львовъ, Поповъ, Сазоновъ, Клигъ, бывшій классный наставникъ Алексѣй Пѣшехоновъ, дочь чиновника Екатерина

¹⁾ Приговоромъ 14-го марта 1877 года Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Варвара Натансонъ, рожденная Александрова, за государственное преступленіе лишена всѣхъ особенныхъ правъ и сослана на житье въ Иркутскую губ., но затѣмъ къ ней былъ примѣненъ Всемилостивѣйшій манифестъ 15 го мая 1883 года, въ силу коего она получала права повсемѣстнаго жительства, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній.

Троицкая и служащіе въ статистическомъ отдѣленіи Орловской губернской земской управы Александръ Мартыновъ и Василій Башмашниковъ, всего около 30 человѣкъ, причемъ собраніе это отъ наружнаго наблюденія оберегалось Тютчевымъ, Поповымъ и Башмашниковымъ. Между тѣмъ, прибывъ 20-го февраля въ Смоленскъ, Ромасевъ отправился на Петропавловскую улицу, въ домъ Островскаго и, приблизительно часъ спустя, возвратился на вокзалъ съ ломовымъ извозчикомъ, на котораго нагрузилъ оба мѣста багажа и доставилъ ихъ въ вышеупомянутый домъ. Въ 6-мъ часу вечера онъ вышелъ изъ этого дома и съ первымъ отходящимъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Смоленска.

21-го февраля, не доѣзжая ст. Орель, Ромасевъ сошелъ съ поѣзда на Кромской платформѣ и, взявъ извозчика, отправился въ городъ въ квартиру Марка Натансона, у котораго въ это время находились Иванъ Зосимовъ Поповъ и Александръ Гедеоновскій. Вслѣдъ затѣмъ къ Натансону пришли Тютчевъ и дочь чиновника Марія Жирякова ¹⁾ и, взявъ дорожныя вещи Ромасева, отвезли ихъ къ себѣ на квартиру, а Ромасевъ пошелъ къ Тютчеву, у котораго и ночевалъ. 22-го февраля онъ вновь выѣхалъ въ Смоленскъ, имѣя при себѣ завернутый въ красное одѣяло твердый предметъ кубической формы, который 23-го февраля доставилъ также въ домъ Островскаго и, по истеченіи 6 часовъ, выбылъ изъ Смоленска. Въ тотъ же день Натансонъ выѣхалъ въ Москву и послѣ свиданія съ Николаевымъ отправился въ мѣсто новаго своего служенія (Контроль Николаевской желѣзной дороги) въ С.-Петербургъ.

По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ домѣ Островскаго въ г. Смоленскѣ въ описанное время проживалъ по паспорту на имя дворянина Дмитрія Окунева мужчина лѣтъ 35 и при немъ двѣ женщины, одна—подъ видомъ жены, другая—кухарка; что Окуневъ появился въ Смоленскѣ въ январѣ 1894 г., заявивъ, что прибылъ съ юга, и первоначально жилъ въ гостинницѣ Лондонъ, затѣмъ въ д. Дойникова, по Рѣзницкому переулку, въ сообществѣ одной женщины въ качествѣ кухарки, а въ началѣ февраля нанялъ домъ Островскаго, гдѣ съ тѣхъ поръ и поселился. Въ концѣ февраля 1894 г., вслѣдъ за возвращеніемъ Яковлева въ Москву, послѣ свиданія съ нимъ, происшедшаго 24-го февраля, прибылъ также въ Смоленскъ, жившій въ послѣднее время въ Москвѣ безъ занятій, мѣщанинъ г. Сигнаха, Тифлисской губ., Андрей Лежава. Съ этого времени начинаются постоянныя свиданія Лежавы съ Окуневымъ, обставленныя предосторожностями и устраивавшіяся обыкновенно по вечерамъ въ отдаленныхъ частяхъ города. 21-го марта въ Смоленскъ прибылъ Яковлевъ и доставилъ Лежавѣ привезенные имъ съ собой изъ Москвы 2 чемодана и 2 ящика. Въ тотъ же день вечеромъ Лежава имѣлъ на улицѣ свиданіе съ Окуневымъ, а на слѣдующій день Окуневъ съ женой посѣтили Лежаву и увезли съ собой доставленные Яковлевымъ вещи. Кромѣ свиданій съ Окуневымъ, Лежава поддерживалъ сношенія съ служащимъ въ Смо-

¹⁾ Жирякова привлекалась въ 1887 г. къ дознанію по дѣлу Ярославскаго революціоннаго кружка и по Высочайшему повелѣнію 25-го ноября 1887 г. была выслана въ сѣверо-восточныя уѣзды Вологодской губ. на три года.

ленской губернской земской управѣ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Сергѣемъ Смирновымъ ¹⁾. 6-го апрѣля прибылъ изъ Орла въ Смоленскъ Александръ Геденовскій и видѣлся сначала съ Лежавой, при посредствѣ Сергѣя Смирнова, а затѣмъ посѣтилъ Окунева и въ тотъ-же день возвратился въ Орель. Вслѣдъ за нимъ, 7-го апрѣля, выѣхалъ изъ Смоленска въ Харьковъ Андрей Лежава. Между тѣмъ, при наблюдении за Яковлевымъ было установлено, что, со времени возвращенія изъ Курска въ Москву, онъ имѣлъ частыя свиданія съ Викторомъ и Владиміромъ Черновыми и сестрой ихъ фельдшерницей Надеждой Черновой. Особенно часто видѣлся онъ съ Владиміромъ Черновымъ, а также съ дочерью чиновника Любовью Лебедевой; 22 марта прямо съ вокзала онъ зашелъ къ Любови Лебедевой куда явился и Владиміръ Черновъ. Затѣмъ, 23 марта получивъ черезъ посредство воспитанника Московской земледѣльческой школы Владиміра Жданова, съ вокзала чемоданъ, онъ чемоданъ этотъ доставилъ Любови Лебедевой, къ которой явились Владиміръ Черновъ и ученикъ Земледѣльческой школы Иванъ Куманинъ; послѣдній уходя имѣлъ при себѣ свертокъ. 1-го и 3 апрѣля Яковлевъ имѣлъ свиданія съ Петромъ Николаевымъ, 1-го апрѣля одновременно съ нимъ были у Николаева и братья Черновы, а 3 апрѣля онъ былъ у Николаева вмѣстѣ съ Лебедевой; 4 и 6 апрѣля было замѣчено посѣщеніе Яковлевымъ мебелированныхъ комнатъ «Америка», на Воздвиженкѣ, и выходъ его оттуда со свертками, которые затѣмъ 4 апрѣля онъ передалъ въ квартирѣ Любови Лебедевой Владиміру Чернову, а 6 апрѣля—въ мебелированныхъ комнатахъ «Надежда» Куманину. 11 апрѣля Яковлевъ выѣзжалъ въ Харьковъ и, прибывъ туда 13 апрѣля, въ 6 ч. утра, около 9 часовъ утра имѣлъ въ желѣзнодорожномъ саду, при конспиративной обстановкѣ, непродолжительное свиданіе съ проживающимъ въ Харьковѣ бывшимъ административно-ссылнымъ Николаемъ Михайловымъ Флеровымъ ²⁾. Въ 3 часа дня на томъ-же мѣстѣ Яковлевъ опять видѣлся съ Флеровымъ и затѣмъ оба они направились въ Богуновскій переулокъ, гдѣ Флеровъ разстался съ Яковлевымъ и зашелъ въ д. № 11-й, графа О'Руркъ, въ квартиру № 7. которую занимали состоявшія подъ особымъ надзоромъ полиціи, дочери бывшаго доцента Харьковскаго Университета Анна Сыцяно и Марія, по мужу Ослопова ³⁾. Яковлевъ же пошелъ на вокзалъ и, получивъ изъ багажного отдѣленія свой чемоданъ, перевезъ его въ Петербургъ.

¹⁾ Смирновъ привлекался одновременно съ Троицкой къ дознанію по дѣлу Ярославскаго революціоннаго кружка и былъ высланъ въ Западную Сибирь на три года.

²⁾ Мѣщанинъ Николай Михайловъ Флеровъ привлекался въ 1884 г. къ дознанію въ С.-Петербургѣ по дѣлу принадлежности къ революціонному сообществу и былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Западную Сибирь на пять лѣтъ.

³⁾ Сыцяно Марія Іосифовна, по мужу Ослопова, привлекалась къ дознанію въ 1884 г. по дѣлу „Краснаго Креста Народной Воли“ и была подчинена гласному надзору полиціи на 3 года въ мѣстѣ жительства отца—г. Харьковѣ. Въ 1889 г. Сыцяно привлекалась вновь къ дознанію по дѣлу Харьковскаго Народовольческаго кружка и была выслана подъ гласный надзоръ полиціи въ Западную Сибирь на 3 года.

Сыцяно Анна Іосифовна привлекалась въ 1879 г. къ дознанію въ Харьковѣ по дѣлу мѣстнаго революціоннаго кружка. Дознаніе это въ отношеніи Сыцяно было производствомъ прекращено.

скую гостиницу, находящуюся на Лопаньской набережной, послѣ чего также отправился въ квартиру Сыцяно, куда, почти одновременно съ нимъ, пришелъ какой-то студентъ Харьковскаго технологическаго института. Спустя часъ, Яковлевъ вышелъ изъ дома О'Руркъ и отправился въ Петербургскую гостиницу, а вскорѣ послѣ его ухода изъ того же дома вышли упомянутый технологъ и Флеровъ; изъ нихъ послѣдній направился въ номеръ къ Яковлеву. Того же числа въ 11 ч. 29 м. вечера Яковлевъ выѣхалъ въ Орелъ, гдѣ видѣлся съ Львовымъ, и 14 апрѣля возвратился въ Москву, а на слѣдующій день Владиміръ Черновъ, послѣ свиданія съ Яковлевымъ, выѣхалъ въ Смоленскъ, гдѣ провель 6 часовъ у Окунева и, возвратясь 17 апрѣля въ Москву, заѣхалъ къ Надеждѣ Лебедевой, у которой оставилъ бѣлую корзину, вѣсомъ въ 2 пуда.

Въ то время, какъ Яковлевъ 20 марта отправился въ Смоленскъ, Тютчевъ выѣхалъ въ Харьковъ; по пути къ нему присоединилась Екатерина Троицкая. Остановившись въ гостиницѣ Бенони, онъ на слѣдующій день искалъ вмѣстѣ съ Троицкой квартиру и 23 марта одинъ возвратился въ Орелъ. 3 апрѣля онъ вторично ѣздилъ въ Харьковъ.

Учрежденное одновременно въ С.-Петербургѣ наблюдение за Сущинскимъ и Келлеромъ привело къ установленію частыхъ посѣщеній, какъ этими лицами, такъ и студентомъ военно-медицинской академіи Николаемъ Бѣлецкимъ, студентомъ С.-Петербургскаго университета Борисомъ Зотовымъ, прослушавшимъ въ этомъ университетѣ курсъ Александромъ Федуловымъ, а также дѣйствительнымъ студентомъ сельскаго хозяйства Львомъ Чермакомъ, квартиры привлекавшагося въ 1885 г. по дѣлу Воронежскаго революціоннаго кружка прапорщика запаса арміи Михаила Александрова ¹⁾, проживавшаго совместно съ женой Екатериной Михайловой, по Поварскому пер. въ д. № 12. Лица эти бывали у Александрова не только порозно, но собирались и вмѣстѣ, принимая особыя мѣры предосторожности, дабы не обратить на себя вниманіе полиціи. Такъ, 1 февраля 1894 г., въ 7 ч. вечера къ Михаилу Александрову пришелъ Михаилъ Келлеръ, а послѣ его ухода явились сначала Александръ Федуловъ; черезъ 20 м. Борисъ Зотовъ, затѣмъ въ 9 ч. 10 м. вечера Михаилъ Сущинскій, и лица эти оставались у Александровыхъ до поздней ночи, причемъ разошлись въ такомъ порядкѣ: Федуловъ въ 12 ч. 5 м., Сущинскій въ 12 ч. 45 м. и послѣднимъ ушелъ Зотовъ въ 1 ч. 20 м. пополуночи. 4-го февраля Михаилъ Александровъ посѣтилъ Зотова. 6-го февраля въ 11 ч. утра изъ квартиры Александрова вышелъ Чермакъ, а въ 1 ч. 15 м.—Зотовъ, имѣя при себѣ свертокъ, завернутый въ газетную бумагу и обвязанный бичевкою; 9 февраля Александровъ провель у Зотова съ 6 ч. до 11 ч. вечера; 12 февраля Александровъ съ Зотовымъ были въ д. № 11 по Захарьевской улицѣ, у Сучинскаго; 21 февраля въ 7 ч. вечера въ квартирѣ студента С.-Петербургскаго университета Павла Скабичевскаго, замѣ-

¹⁾ Прапорщикъ запаса арміи Михаилъ Степановъ Александровъ привлекался въ 1885 г. къ дознанію по дѣлу Воронежскаго революціоннаго кружка и былъ подвергнутъ тюремному заключенію на четыре мѣсяца и гласному надзору полиціи на два года внѣ жѣстностей, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны.

ченнаго въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Келлеромъ и Александромъ Никитинскимъ, собрались Михаилъ Александровъ съ женою, Александръ Никитинскій, Келлеръ, Сушинскій, студентъ военно-медицинской академіи Иванъ Галецкій и Зотовъ; собравшіеся разошлись въ 12-мъ часу ночи; 26 февраля въ квартирѣ Зотова собрались Михаилъ Александровъ, Сушинскій, Александръ Федуловъ, Левъ Чермакъ. Въ то же время наблюденіемъ было установлено посѣщеніе Михаиломъ Александровымъ, Сушинскимъ, Николаемъ Бѣлецкимъ, Келлеромъ и нѣкоторыми другими лицами рабочихъ.

Такъ какъ получавшіяся одновременно агентурныя свѣдѣнія указывали, съ одной стороны, что названныя лица усиленно занимаются революціонною пропагандою въ рабочей средѣ, выпустивъ изданную ими для рабочихъ газету подъ названіемъ «Рабочій Сборникъ № 1», а съ другой,—что Московско-Орловская группа, отпечатавъ въ организованной ею въ г. Смоленскѣ типографіи программу свою, намѣревается, для дальнѣйшей работы, перевести типографію въ другую мѣстность—въ видахъ недопущенія развитія дѣятельности этихъ сообществъ, 21 апрѣля 1894 г. было возбуждено, при С.-Петербургскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи, дознаніе, начавшееся рядомъ обысковъ, произведенныхъ одновременно въ г.г. Смоленскъ, Орлѣ, Харьковѣ, Москвѣ и С.-Петербургѣ у всѣхъ, намѣченныхъ наблюденіемъ лицъ. Обыски эти вполне подтвердили изложенныя агентурныя свѣдѣнія и приведенные результаты наблюденія, а дальнѣйшее дознаніе привело къ полному раскрытію связанной между собой преступной дѣятельности обнаруженныхъ кружковъ и лицъ.

Такъ, по обыскамъ у лицъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ дѣятельности Московско-Орловской группы, найдены въ большомъ количествѣ революціонныя изданія, при чемъ въ Москвѣ у Виктора Чернова оказался цѣлый складъ разныхъ революціонныхъ сочиненій на русскомъ и польскомъ языкахъ, печатныхъ, литографированныхъ, гектографированныхъ и рукописныхъ, въ томъ числѣ программъ разныхъ революціонныхъ организацій; у Надежды Лебедевой обнаружены двѣ корзины и особая связка, наполненная разными печатными, гектографированными, литографированными и рукописными революціонными изданіями старой «партіи Народной Воли», польской партіи «Пролетаріатъ», польской социалистической партіи и между ними болѣе 1000 экз. брошюры, озаглавленной «Насущный вопросъ», изд. «партіи Народнаго Права» и 100 экз. издаваемой кружкомъ эмигрантовъ въ Парижѣ революціонной газеты «Русскій Рабочій» № 1 ¹⁾; у Ивана Куманина найдено болѣе 2000 экз. воззванія, озаглавленного «Манифестъ социально-революціонной партіи Народнаго Права»; у Владиміра Чернова и потомственного почетнаго гражданина Алексѣя Александрова, проживавшаго въ квартирѣ сестры своей Варвары Натансонъ, оказались экземпляры того-же воззванія; у Владиміра и Любови Лебедевыхъ и Надежды Черновой и ветеринарнаго врача Константина

¹⁾ Редакцію этого журнала составляютъ Н. Кашицевъ, Евгеній Степановъ, Алексѣй Тепловъ, Георгій Бекъ, Софія Шейнцисъ: самый-же номеръ набирался въ квартирѣ рабочаго Соломона Раппопорта.

Шамарина, обысканнаго въ виду сношеній съ Черновымъ и Николаевымъ, отобраны также преступныя изданія. Но самые серьезные результаты далъ обыскъ въ Смоленскѣ, гдѣ въ домѣ Островскаго были задержаны проживавшіе тамъ нелегально по паспортамъ, оказавшимися подложными, мужчина и двѣ женщины, назвавшіеся прибывшими на обыскъ чинамъ полиціи: мужчиною—Дмитріемъ Окуневымъ и женщины—Анфисой Клочковой и Лукеріей Денисенковой; въ квартирѣ-же ихъ обнаружена полная тайная типографія, уложенная для перевозки въ корзину и сундукъ, большое количество типографской бумаги, воззваніе «Манифестъ соціально-революціонной партіи Народнаго Права», 78 экз. брошюры «Насущный вопросъ», приготовленная для печатанія переводная статья Дж. Кенана «Голосъ за народъ» и три личныхъ документа: свидѣтельство, выданное изъ Уфимскаго дворянскаго депутатскаго собранія, 18-го іюня 1880 г. за № 354, на имя сына дворянина Дмитрія Окунева, свидѣтельство, выданное изъ Воронежской городской управы, 16 декабря 1892 г., за № 5967, на имя жены потомственнаго почетнаго гражданина Анфисы Клочковой и плакатный паспортъ, выданный 20 мая 1893 г. за № 125, изъ Верхнесыроватскаго волостного правленія, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, на имя крестьянки Лукерьи Денисенковой. Наконецъ, въ г. Харьковѣ, у Лежавы оказалось около трехъ пудовъ типографской бумаги.

Вышеприведенный «Манифестъ соціально-революціонной партіи Народнаго Права, на которомъ значится, что онъ отпечатанъ въ «типографіи партіи Народнаго Права» 19 февраля 1894 г., представляя собою программу обнаруженнаго подъ этимъ именемъ сообщества и въ сжатой формѣ соотвѣтствуя содержанію, значащейся изданною въ той-же типографіи въ 1894 году, брошюры «Насущный вопросъ» гласитъ слѣдующее:

„Въ жизни государствъ бываютъ моменты, когда на первый планъ, отодвигая всѣ интересы, какъ бы существенны они ни были сами по себѣ, выступаетъ одинъ только вопросъ, отъ разрѣшенія котораго въ ту или иную сторону зависятъ дальнѣйшія судьбы народа. Такой моментъ переживаетъ въ настоящее время Россія и такимъ вопросомъ, опредѣляющимъ будущую судьбу ея, является вопросъ о необходимости политической свободы. Самодержавіе, въ политикѣ Александра III, получившее наиболѣе яркое свое выраженіе при олицетвореніи, съ неопровержимой ясностью доказало свое безсиліе создать такой общественный и государственный строй, который обезпечилъ бы правильное развитіе духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны. Направленіе настоящаго царствованія, рѣзко выразившееся, какъ въ реформахъ послѣднихъ годовъ, въ видѣ учрежденія земскихъ начальниковъ и ограниченія мѣстнаго самоуправленія, такъ и въ систематической поддержкѣ капиталистическаго производства, показываетъ, что правительство неуклонно продолжаетъ политику административнаго произвола и сословно-классовыхъ интересовъ, всецѣло игнорируя вполнѣ назрѣвшіе вопросы, какъ государственной, такъ и народной жизни. Результатомъ такой политики явились общественная деморализація и экономическій упадокъ страны, предотвратить гибельныя послѣдствія и развитіе которыхъ правительство уже не можетъ. Та часть русскаго

общества, которая ~~явно~~ представляет себѣ всю опасность современнаго положенія, не видитъ иного выхода, какъ рѣшительный поворотъ въ сторону политики народныхъ правъ и интересовъ, что можетъ быть достигнуто только путемъ непосредственнаго участія страны въ дѣлахъ управленія, т. е. замѣною самодержавія установленіемъ свободныхъ представительныхъ учреждений.

Такъ какъ нѣтъ и не можетъ быть надежды на то, что правительство добровольно вступитъ на указанный путь, то народу остается одно—противопоставить организованную силу общественнаго мнѣнія правительственной косности и узкимъ интересамъ самодержавія. Созданіе такой силы и имѣть въ виду партія Народнаго Права.

По мнѣнію партіи, понятіе о народномъ правѣ включаетъ въ себѣ, какъ понятіе о политической свободѣ, такъ и понятіе о правѣ народа на обезпеченіе его матеріальныхъ интересовъ на началахъ организациі народного производства. Гарантіями этого права въ глазахъ партіи служатъ:

представительное управленіе на началахъ всеобщаго голосованія;
свобода вѣроисповѣданій;
независимость суда;
свобода печати;
свобода собраний и ассоціацій;
неприкосновенность личности и правъ ея, какъ человѣка.

Въ виду того, что Россія не есть однородное цѣлое, а очень сложное политическое тѣло, необходимымъ условіемъ политической свободы является признаніе права на политическое самоопредѣленіе за всѣми національностями и областями, входящими въ составъ ея.

Такъ понимая народное право, партія ставитъ своей задачей объединеніе всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ страны и организацію такой активной силы, которая всѣми доступными ей реальными и матеріальными средствами добьется бы освобожденія отъ современнаго политическаго гнета самодержавія и обезпечила бы за всѣми права человѣка и гражданина.

Будучи глубоко убѣждена, что ея стремленія вполне соответствуютъ истиннымъ потребностямъ историческаго момента, партія надѣется, что призывъ ея найдетъ горячій откликъ въ сердцахъ тѣхъ, кто не потерялъ еще чувства своего человѣческаго достоинства, въ комъ самодержавіе не вытравило сознанія своихъ гражданскихъ правъ, кто измученъ гнетомъ господствующаго произвола и насилія, кому дороги интересы родины и высшихъ идеаловъ правды и справедливости“.

Такова программа этой партіи, въ которой вовсе не указаны способы достиженія предъявляемыхъ требованій. Между тѣмъ самое нахожденіе по обыскамъ, рядомъ съ изданіями новаго кружка, также изданій такихъ революціонныхъ сообществъ, какъ старая партія «Народной Воли» и польская партія «Пролетаріатъ», притомъ въ значительномъ числѣ экземпляровъ, пріобрѣтенныхъ, очевидно, въ видахъ пропаганды, лишь подтверждаетъ имѣвшіяся агентурныя свѣдѣнія о томъ, что новый кружокъ умышленно въ программѣ своей опустилъ указанія на способы достиженія своихъ требованій, въ дѣйствительности же имѣлъ въ виду въ ближайшемъ будущемъ выступить съ цѣлымъ рядомъ террористическихъ фактовъ.

Задержанные въ Смоленскѣ по подложнымъ паспортамъ лица

оказались: мужчина—бывшій административно-ссылный Михаилъ Монцевичъ, а проживавшія съ нимъ женщины—подъ видомъ жены и по паспорту Клочковой,—дочь коллежскаго ассесора Людмила Александрова, а въ качествѣ кухарки, по паспорту Денисенковой—дворянка Надежда Фоякова. Дѣйствительный студентъ Варшавскаго университета Михаилъ Антоновичъ Монцевичъ, изъ крестьянъ Гродненской губерніи, въ концѣ 1885 года былъ привлеченъ къ дознанію въ г. Варшавѣ по дѣлу польскаго революціоннаго сообщества «Пролетаріатъ», въ которомъ, наравнѣ съ Маріей Богушевичъ и Іосифомъ Разумѣйчикомъ, игралъ первостепенную роль, при чемъ, между прочимъ, участвовалъ въ устройствѣ тайной типографіи на Сѣнной улицѣ въ г. Варшавѣ и, дѣятельно занимаясь пропагандой и агитаціею среди рабочихъ, водворилъ изъ-за границы въ Варшаву транспортъ революціонныхъ изданій. Въ 1887 г. Монцевичъ былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь, срокомъ на 5 лѣтъ, по отбытіи наказанія проживалъ сначала въ Самарѣ, а съ іюня 1893 г. поселился въ Орлѣ.

Дочь коллежскаго ассесора Людмила Александрова и дочь коллежскаго совѣтника Надежда Фоякова ¹⁾ были также извѣстны раньше по сношеніямъ съ лицами неблагонадежными въ политическомъ отношеніи.

Допрошенная по существу обнаруженныхъ по настоящему дѣлу данныхъ, Надежда Фоякова отказалась отъ всякихъ показаній. Обвиняемый Михаилъ Монцевичъ показалъ, что, выходя изъ положенія о необходимости политической свободы и раздѣляя въ этомъ отношеніи программу партіи «Народнаго Права», онъ въ началѣ января 1894 г., подъ фамиліею Окунева, поселился въ Смоленскѣ для занятій въ устроенной тамъ типографіи и отпечаталъ брошюру «Насущный вопросъ»; Людмила же Александрова признала принадлежность свою къ партіи «Народнаго Права», стремящейся по ея словамъ, къ достиженію политической свободы и ставящей минимальной цѣлью ограниченіе самодержавія и устройство народнаго представительства и показала, что приняла сдѣланное ей предложеніе участвовать въ дѣлахъ этой партіи. При дальнѣйшемъ производствѣ дознанія обвиняемый Евгений Яковлевъ, признавая виновность свою въ принадлежности къ социальнo-революціонной партіи «Народнаго Права», объяснилъ, что, сдѣлавшись членомъ этого сообщества въ октябрѣ 1893 г. онъ, съ нѣкоторыми другими членами, участвовалъ въ составленіи воззванія «Манифестъ социальнo-революціонной партіи народнаго права» и брошюры «Насущный вопросъ»; затѣмъ, получивъ порученіе принять въ Сумахъ доставленные изъ Грязей два мѣста съ принадлежностями типографіи, онъ 18 февраля выѣхалъ въ Сумы, принялъ, по переданной ему квитанціи, съ товарной станціи ящики и корзину, перевезъ ихъ на вокзалъ желѣзной дороги и сдалъ до г. Курска, куда прибылъ и самъ 19 февраля около 5 ч. утра; встрѣченный на вокзалѣ Михаиломъ Ромасевымъ, онъ передалъ послѣднему

¹⁾ Фоякова—сестра привлекавшагося въ 1892 г. къ дознанію въ СПб. Антонина Фоякова.

квитанцію на вещи. Послѣ сего онъ велъ черезъ посредство Андрея Лежавы всѣ сношенія съ типографіей, устроенной въ Смоленскѣ, и когда въ началѣ марта ему передано было два тюка (около 1500 экз.) съ воззваніемъ „Манифестъ“¹⁾, онъ помѣстилъ ихъ на храненіе въ меблированныхъ комнатахъ «Америка»; затѣмъ, узнавъ, что въ Смоленскѣ готовы остальные экземпляры Манифеста и что тамъ нужна бумага, купилъ таковую и 20 марта вечеромъ, взявъ съ Рязанскаго вокзала ящикъ съ рамами для типографскаго станка, выѣхалъ въ Смоленскъ, куда прибылъ 21 марта, остановился въ гостиницѣ Лондонъ, гдѣ прописался подъ фамилією Васильева, доставилъ Лежавѣ привезенныя съ собой вещи и, получивъ отъ него еще два тюка съ «Манифестомъ» и брошюрой «Насущный вопросъ», въ тотъ же день выѣхалъ изъ Смоленска. По прибытіи въ Москву, онъ оставилъ чемоданъ на вокзалѣ и заѣхалъ къ Любови Лебедевой, условился съ нею относительно помѣщенія изданій въ безопасномъ мѣстѣ и 23 марта доставилъ чемоданъ въ квартиру Лебедевой, у которой его ожидали уже Владиміръ Черновъ и Иванъ Куманинъ. Послѣднему онъ передалъ одинъ тюкъ; затѣмъ, въ первыхъ числахъ апрѣля онъ взялъ хранившіеся въ меблированныхъ комнатахъ «Америка» тюки съ «Манифестомъ» для помѣщенія ихъ въ иныхъ мѣстахъ, и одинъ изъ тюковъ 6 апрѣля передалъ черезъ Владиміра Лебедева на храненіе тому же Куманину. Наконецъ, получивъ порученіе доставить въ Харьковъ для немедленнаго распространенія въ разныхъ городахъ отпечатанныхъ въ Смоленской типографіи изданій, онъ взялъ 1000 экземпляровъ «Манифеста» отъ Куманина и 500 экз. брошюры «Насущный вопросъ» и 11 апрѣля съ этими изданіями отправился въ Харьковъ, куда прибылъ 13 апрѣля и имѣлъ, въ желѣзнодорожномъ садикѣ, свиданіе съ Николаемъ Флеровымъ, чтобы узнать отъ него адресъ лица, которому долженъ былъ передать привезенныя изданія. Флерову, онъ далъ письмо, адресованное нѣкому Павлу Ивановичу и затѣмъ взялъ съ вокзала свои вещи и перевезъ въ номеръ Петербургской гостиницы, послѣ чего зашелъ къ Ослоповой, гдѣ видѣлся опять съ Флеровымъ. Передавъ изданія указанному Флеровымъ лицу, онъ въ тотъ же день вечеромъ выѣхалъ изъ Харькова, посѣтивъ по пути въ Орлѣ Ивана Львова, Варвару Натансонъ и Сотникова, и 15 апрѣля возвратился въ Москву. Тутъ онъ узналъ, что остальные экземпляры брошюры «Насущный вопросъ» готовы и что дѣятельность типографіи въ Смоленскѣ должна быть прекращена. Считая неудобнымъ ѣхать въ Смоленскъ сейчасъ послѣ поѣздки въ Харьковъ, онъ просилъ Владиміра Чернова отправиться туда за изданіями брошюры «Насущный вопросъ» и, сообщивъ ему адресъ типографіи и пароль: «Уйди, не то ты погибнешь», поручилъ передать, чтобы участники типографіи поспѣшили оставить Смоленскъ. 15 апрѣля Черновъ выѣхалъ въ Смоленскъ и 17 возвратился въ Москву, привезъ съ собой 1100 экземпляровъ брошюры «Насущный вопросъ», которые и были помѣщены, по указанію Любови Лебедевой, въ квар-

¹⁾ Изданіе это было доставлено, повидимому, обвиняемой Маріей Жиряковой, которая въ это время возвратилась изъ Смоленска.

тирѣ сестры ея Надежды, жившей въ больницѣ св. Ольги. Затѣмъ, по поводу нахождения у Надежды Лебедевой транспорта революціонныхъ изданій, въ которомъ оказалось 100 экз. газеты «Русскій Рабочій», Яковлевъ показалъ, что, по просьбѣ одного лица, онъ согласился принять на храненіе транспортъ революціонныхъ изданій, доставленный изъ-за границы въ апрѣлѣ 1894 года и поручилъ получить таковой ученику Московской земледѣльческой школы Владиміру Жданову, но о томъ, что Ждановымъ транспортъ полученъ и помѣщенъ у Надежды Лебедевой, ему извѣстно не было.

Относительно организациі и цѣлей сообщества, а также состава членовъ его, Яковлевъ далѣе показалъ, что партія «Народнаго Права» относилась отрицательно, будто-бы, къ террористической дѣятельности и ставила основною цѣлью своей организаціи общественнаго движенія съ рядомъ требованій къ существующему Правительству, для чего предполагалось самое широкое распространеніе литературы партіи: за изданіемъ воззванія «Манифестъ» и брошюры «Насущный вопросъ» должно было слѣдовать изданіе журнала или газеты, подъ названіемъ «Народное Право» или «Вѣстникъ Народнаго Права». Определеннаго мѣстопребыванія партія не имѣла, число же членовъ ея было ограничено, по словамъ Яковлева, не болѣе десяти; жили они не въ одномъ какомъ нибудь определенномъ городѣ, а въ разныхъ городахъ, причемъ вели между собой сношенія посредствомъ такъ называемыхъ сертификатовъ, сдѣланныхъ изъ простой бумаги или карточекъ съ какой нибудь вырѣзкой. Средства же партія получала путемъ пожертвованій и за время своего существованія израсходовала около 1000 р., въ томъ числѣ Яковлевъ израсходовалъ 200 р., изъ коихъ 100 р. далъ Лежавѣ и 100 р. передалъ Владиміру Чернову.

Въ заключеніе Яковлевъ, отказываясь указать членовъ этого сообщества, кромѣ Лежавы, Людмилы Александровой и Фоняковой, вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что Тютчевъ, Натансонъ, Геденовскій и Троицкая знали о существованіи партіи, изъ нихъ Троицкая оказывала услуги партіи покупая мебель для типографіи, а обвиняемому Петру Николаеву было извѣстно объ изданіи «Манифеста», который Яковлевъ ему показывалъ, спрашивая его мнѣнія. Обвиняемый Андрей Лежава призналъ, что принадлежалъ къ революціонному сообществу, поставившему свою задачею добиться свободы слова и печати. Утверждая вмѣстѣ съ тѣмъ, будто бы, не зналъ, что сообщество это называлось «партіею Народнаго Права», онъ далѣе объяснилъ, что прибылъ изъ Москвы въ Смоленскъ, имѣя двѣ цѣли; пріискать себѣ какое нибудь мѣсто и оказывать содѣйствіе тайной типографіи, путемъ доставленія типографской бумаги и передачи ея лицу, завѣдывающему типографіею, и что онъ зналъ, что въ этой типографіи должна быть напечатана програмная статья. 7 апрѣля онъ выѣхалъ изъ Смоленска, направляясь на родину въ Тифлисъ, но принужденъ былъ остановиться въ Харьковѣ за недостаткомъ денегъ, присылку которыхъ и ожидалъ. Отказываясь засимъ указать лицъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ по своей преступной дѣятельности, и дать болѣе подробныя разъясненія о сей послѣдней, Лежава призналъ, что былъ знакомъ въ Смоленскѣ только съ обвиняемымъ Сергѣемъ

Смирновымъ, заявивъ, что познакомился съ нимъ, зайдя въ Губернскую Земскую Управу для полученія тамъ занятій.

Обвиняемый Владиміръ Черновъ отрицалъ принадлежность свою къ партіи Народнаго Права и призналъ лишь, что оказалъ партіи этой нѣкоторыя услуги. При этомъ онъ объяснилъ, что всегда относился скептически ко всякаго рода попыткамъ непосредственнаго воздѣйствія на политическій строй Россіи, считалъ народное возстаніе невозможнымъ и отрицалъ терроръ помимо нравственныхъ соображеній, также какъ средство не достигающее цѣли и неизбѣжно влекущее за собой реакцію. Но онъ придаетъ большое значеніе вопросу о политическомъ преобразованіи Россіи, въ духѣ конституціонной монархіи и находитъ, что этотъ вопросъ назрѣлъ и требуетъ настойчиваго разрѣшенія и потому, когда въ началѣ марта 1894 г. Яковлевъ сообщилъ ему, что организовался кружокъ Народнаго Права, который, отрицая прежнюю программу партіи Народной Воли съ ея терроромъ, на мѣсто террора выдвигаетъ серьезную борьбу словомъ, пробужденіе политическаго и общественнаго самосознанія, онъ проникся сочувствіемъ къ этому кружку и предложилъ Яковлеву свои услуги и такъ какъ Яковлевъ просилъ его подыскать надежное мѣсто для храненія изданій этого кружка, то онъ обратился за содѣйствіемъ къ своей невѣстѣ Любви Лебедевой. «Манифестъ» произвелъ на него хорошее впечатлѣніе, вслѣдствіе чего, когда Яковлевъ предложилъ ему поѣздки въ Смоленскъ за брошюрой «Насущный вопросъ», онъ согласился. Монцевичу онъ передалъ 100 р. и рекомендовалъ немедленно выѣхать изъ Смоленска. Получивъ затѣмъ отъ Монцевича корзину съ изданіями, онъ доставилъ ее съ вокзала въ квартиру Надежды Лебедевой.

Изложенныя объясненія являются, однако, далеко не соответствующими обнаруженной дознаніемъ дѣятельности привлеченныхъ къ дѣлу обвиняемыхъ. Такъ, выяснено, что въ началѣ января 1894 г., вскорѣ послѣ пріѣзда Монцевича въ Смоленскъ, туда прибыли также Тютчевъ, Гедеоновскій и Львовъ; съ этими лицами Монцевичъ явился въ домъ Дойникова для найма квартиры и вслѣдъ за отъѣздомъ Тютчева изъ Смоленска прибыла сначала туда же Жирякова и помѣстилась въ домѣ Дойникова вмѣстѣ съ Монцевичемъ, а затѣмъ, въ началѣ февраля, въ тотъ же домъ прибыла Людмила Александрова, послѣ чего Монцевичъ переселился съ ними 8 февраля въ домъ Островскаго. Когда помѣщеніе для типографіи было окончательно устроено и предстояла перевозка типографскихъ принадлежностей, Яковлевъ, отправляясь въ Сумы, предварительно заѣхалъ къ Тютчеву, и, возвращаясь изъ Курска послѣ сдачи типографіи Ромасеву, вновь посѣтилъ Тютчева, а также Натансона.

Въ началѣ марта Жирякова, оказавшаяся непригодной для роли кухарки, оставила Смоленскъ и на ея мѣсто прибыла Надежда Фонякова, которая поселилась съ названными лицами подъ именемъ и по паспорту Денисенковой. Жирякова, какъ оказывается, была послана въ Смоленскъ для участія въ работахъ означенной типографіи Тютчевымъ и снабжена имъ денежными на эту поѣздки средствами; Людмила Александрова, передъ самымъ пріѣздомъ своимъ въ Смо-

ленскѣ, посѣтила въ Орлѣ Тютчева; паспортъ на имя Денисенковой ранѣе находился у Тютчева и, повидимому, тотъ же Тютчевъ склонилъ къ участію въ типографіи и обвиняемаго Монцевича, котораго зналъ еще по ссылкѣ и съ которымъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ въ Орлѣ въ то время, когда планъ организаціи типографіи созрѣлъ. Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ приводитъ къ заключенію, что инициатива организаціи въ Смоленскѣ подпольной типографіи принадлежала, несомнѣнно, Тютчеву и что всѣ лица, принимавшія участіе въ перевозкѣ этой типографіи и прикосновенныя къ ней, какъ-то: Владиміръ Черновъ, Екатерина Троицкая, Гедеоновскій, Львовъ и Натансонъ, у котораго по обыску оказался притомъ сертификатъ, установленный для сношеній только членовъ партіи между собой,—являлись сообщниками Тютчева въ качествѣ членовъ обнаруженнаго сообщества «партіи Народнаго Права».

Въясненныя относительно обвиняемаго Петра Николаева данныя свидѣтельствуютъ, что онъ былъ, повидимому, освѣдомленъ о дѣятельности и планахъ сообщества, такъ какъ находился въ сношеніяхъ съ Тютчевымъ, Натансономъ и др. наиболѣе дѣятельными членами сообщества и, вѣроятно, принималъ участіе въ составленіи «Манифеста», что до нѣкоторой степени подтверждается и показаніемъ по этому поводу Яковлева.

Что же касается остальныхъ, упоминаемыхъ въ показаніи Яковлева лицъ, то дознаніемъ установлены близкія отношенія къ Яковлеву и Владиміру Чернову обвиняемыхъ Владиміра, Надежды и Любви Лебедевыхъ, Владиміра Жданова и Алексѣя Александрова и—къ Гедеоновскому—Сергѣя Смирнова, причемъ дѣятельность ихъ выразилась въ сознательномъ содѣйствіи членамъ сообщества въ качествѣ пособниковъ.

Такимъ же пособникомъ былъ и вышеупомянутый Флеровъ, принявшій отъ Яковлева для распространенія изданія сообщества. При разслѣдованіи по этому поводу въ г. Харьковѣ, наблюденіемъ было установлено, что послѣ отъѣзда Яковлева, Флеровъ имѣлъ постоянныя сношенія съ поднадзорными—Анной Сыцанко и сестрой ея Маріей, по мужу Ослоповой, съ состоявшими подъ наблюденіемъ, въ виду политической неблагонадежности, Владиміромъ Синицкимъ и бывшимъ студентомъ Харьковскаго университета Александромъ Мироновымъ (Абрамомъ Мейеровымъ) Гольденбергомъ ¹⁾, которые нерѣдко собирались въ квартирѣ Ослоповой. 31 мая, 1 и 3 іюня ту же квартиру посѣтилъ технологъ, который былъ у Ослоповой одновременно съ Яковлевымъ, оказавшійся студентомъ Харьковскаго Технологическаго Института Яковомъ Жидковымъ. 4 іюля Флеровъ имѣлъ въ желѣзнодорожномъ саду свиданіе съ только что прибывшими въ Харьковъ студентами военно-медицинской академіи Мартыномъ Войчинскимъ и Василиемъ Хижняковымъ.

Одновременно съ производствомъ этого разслѣдованія, въ Де-

¹⁾ Мѣщанинъ Александръ Гольденбергъ привлекался въ 1884 г. къ дознанію по дѣлу Харьковскаго Народовольческаго кружка и былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ Западную Сибирь на 3 года.

партаментѣ Полиціи были получены свѣдѣнія, что проживавшая въ г. Цюрихѣ дочь священника Вѣра Величкина, обратившая на себя вниманіе сношеніями съ русскими эмигрантами народовольческаго направленія, намѣревается въ непродолжительномъ времени, возвратиться въ Россію вмѣстѣ съ проживавшимъ также въ Цюрихѣ братомъ поименованныхъ Сыцянокъ Владиміромъ Сыцянко. Въ виду сего было учреждено наблюденіе за возвращеніемъ ея изъ-за границы. 19 іюля 1894 г. Вѣра Величкина прибыла въ Москву вмѣстѣ съ Владиміромъ Сыцянко и оба они переѣхали въ село Пушкино, гдѣ проживаетъ ея семья. 30 іюля Владиміръ Сыцянко прибылъ въ Харьковъ, поселился у Ослоповой, а 23 августа, вмѣстѣ съ послѣдней, выбылъ въ Москву, гдѣ они поселились въ квартирѣ Величкиныхъ.

На основаніи этихъ данныхъ въ ночь на 4 октября 1894 г. были подвергнуты обыскамъ какъ поименованныя лица, такъ и состоявшіе въ сношеніяхъ съ Синицкимъ—служащій въ управленіи Харьковско-Николаевской желѣзной дороги мѣщанинъ Карпъ Съѣдинъ и—съ Ослоповой дворянка Олимпія Кнаке. При этомъ обнаружены у Кнаке 15 экземпляровъ воззванія «Манифестъ соціально-революціонной партіи «Народнаго Права», 5 экземпляровъ брошюры «Насущный вопросъ», у Съѣдина—пишущая машина системы Ремингтонъ, а у сожителя его дворянина Іеронима Росновскаго по одному экземпляру означенныхъ изданій. По обыску въ Москвѣ, въ квартирѣ Вѣры Величкиной, проживавшей въ домѣ своихъ родителей, совмѣстно съ братомъ, студентомъ Московскаго университета Николаемъ, сестрою Клавдіей, Владиміромъ Сыцянко, и Маріей Ослоповой были найдены также изданія партіи «Народнаго Права» «Манифестъ» и «Насущный вопросъ». Кромѣ того, какъ и въ этой послѣдней квартирѣ, такъ и у Кнаке и у Гольденберга обнаружены разные революціонныя сочиненія; у Флерова же оказался лишь одинъ экземпляръ воспроизведеннаго на пишущей машинѣ Ремингтона сочиненія Л. Толстого «Царствіе Божіе внутри васъ» и экземпляръ сочиненія Шефле на польскомъ языкѣ. Привлеченные къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ всѣ названныя лица не признали себя виновными въ принадлежности къ сообществу партіи «Народнаго Права». Обвиняемый Флеровъ подтвердилъ лишь показаніе Яковлева, отказавшись указать лицо, которому были переданы доставленныя Яковлевымъ изданія; остальные отрицали знакомство съ Яковлевымъ.

Между тѣмъ сознаніемъ Флерова вполне установленъ фактъ посѣщенія Яковлевымъ 13 апрѣля 1894 г. квартиры Ослоповой и далѣе выяснено, что Ослопова успѣла завязать сношенія съ обвиняемой Екатериной Троицкой, несмотря на кратковременность пребыванія послѣдней въ Харьковѣ, и что она была знакома также съ обвиняемой Олимпіей Кнаке. Не отрицая этого послѣдняго обстоятельства, Кнаке показала что, бывая въ домѣ Ослоповой, она встрѣчала тамъ Гольденберга и Синицкаго, а затѣмъ познакомилась съ Карпомъ Съѣдинымъ, служившимъ совмѣстно съ Синицкимъ въ управленіи Харьковско-Николаевской жел. дор., и съ товарищемъ Съѣдина по Харьковскому ветеринарному институту Казиміромъ Піотровскимъ¹⁾.

¹⁾ Піотровскій выбылъ за границу до привлеченія къ дѣлу.

Отъ Съѣдина и Піотровскаго она и получила всѣ отобранныя у нея, по обыску изданія. Сначала Казиміръ Піотровскій далъ ей двѣ пачки изданій партіи «Народнаго Права», но затѣмъ взялъ все обратно и оставилъ только то число экземпляровъ «Манифеста» и брошюры «Насущный вопросъ», которые у нея оказались; всѣ же остальные преступныя сочиненія далъ ей Съѣдинъ. Войчинскій и Хижняковъ, согласно съ показаніемъ Флерова, показали что преступныхъ сочиненій отъ него не получали и что познакомились съ нимъ, будучи проѣздомъ въ Харьковъ, изъ любопытства видѣть человѣка, о которомъ слышали, что онъ много испыталъ. По словамъ этихъ обвиняемыхъ, Флеровъ при свиданіи велъ съ ними только теоретическій разговоръ на темы о социаль-демократическомъ направленіи студенчества, о новомъ направленіи, стремящемся къ достиженію политической свободы и т. д.

Изъ показаній обвиняемыхъ Вѣры и Клавдіи Величкиныхъ и Владиміра Сыцянка выяснено, что преступныя изданія, оказавшіяся въ квартирѣ Величкиныхъ, принадлежали обвиняемому Николаю Величкину, и что Вѣра Величкина, въ бытность свою за границей, познакомившись съ эмигрантомъ Владиміромъ Бурцевымъ и согласившись на предложеніе послѣдняго помѣщать въ выходящемъ въ Лондонѣ «Листкѣ фонда вольной русской прессы» извѣстія, которыя не могутъ быть оглашены въ Россіи, отправила для напечатанія въ редакцію означеннаго революціоннаго листка полученную ею отъ класснаго художника Митрофана Алехина ¹⁾ статью тенденціознаго содержания о причинахъ ареста и смерти Дрожжина ²⁾.

Въ то время, какъ Московско-Орловская группа, именовавшаяся «партіей Народнаго Права», организовавъ въ Смоленскѣ типографію, печатала и затѣмъ приступила къ распространенію своей программы, наблюденіе и агентура въ С.-Петербургѣ установили существованіе здѣсь революціоннаго кружка, присвоившаго себѣ названіе «Группы Народовольцевъ», который, поставивъ ближайшей своей задачей создать рабочую революціонную организацію, направилъ свою дѣятельность на словесную пропаганду среди рабочихъ революціонныхъ идей на сходкахъ и на распространеніе среди рабочихъ соотвѣтственныхъ сочиненій въ духѣ старой народвольческой программы. Въ этихъ видахъ лица, руководившія этимъ дѣломъ, являлись въ рабочихъ костюмахъ, подъ вымышленными именами на квартиры, занимаемыя рабочими, и бесѣдуя съ ними объ ихъ нуждахъ, отношеніи къ нимъ мастеровъ и фабрикантовъ, снабжая ихъ преступными сочиненіями, возбуждали этимъ путемъ въ рабочихъ недовольство ихъ положеніемъ

¹⁾ Митрофанъ Алехинъ привлеченъ къ дознанію при Виленскомъ губ. жанд. упр.

²⁾ Бывшій сельскій учитель Евдокимъ Никитичъ Дрожжинъ привлекался въ 1890 г. къ дознанію при Курскомъ губ. жанд. упр. по дѣлу распространенія революціонныхъ изданій и подлежалъ высылкѣ подъ надзоръ полиціи въ Иркутскую губ. на три года, съ тѣмъ, чтобы мѣра эта была приведена въ исполненіе по отбитіи Дрожжинымъ наказанія за совершенное воинское преступленіе (отдача на два года въ дисциплинарный баталіонъ) и исключеніи изъ военной службы. Послѣ того Дрожжинъ былъ три раза судимъ за дисциплинарныя проступки и по приговору суда оставленъ въ дисциплинарномъ баталіонѣ до 1904 г. 27 января 1893 г. Дрожжинъ умеръ въ Вознесенской губ. тюрьмѣ, гдѣ содержался, какъ признанный негоднымъ для военной службы.

и тѣмъ изъ нихъ, которые оказывались подходящими, предлагали соединять рабочихъ въ кружки. Изъ числа этихъ лицъ выдѣлялись въ особенности носившіе клички: «Петра Петровича», «Василія Ивановича», «Василія Михайловича», «Владимира Ивановича» и «Володи Рыжого». Въ виду указаній на связь дѣятельности этого кружка съ кружкомъ «партіи Народнаго Права», и имѣвшихся свѣдѣніи объ изданіи Петербургской группой народовольцевъ брошюры «Рабочій Сборникъ № 1» и готовившемся выпускѣ № 2-го одновременно съ обысками въ Москвѣ, Орлѣ и Смоленскѣ, были произведены обыски и въ С.-Петербургѣ, по которымъ найдены въ большомъ количествѣ революціонныя изданія: такъ у прапорщика запаса арміи Михаила *Александрова* и его жены Екатерины Михайловой отобраны газета «Русскій Рабочій № 1» и разныя рукописи революціоннаго содержанія, повидимому, подготовленныя къ печати, которыя въ моментъ прибытія полиціи для обыска Екатерина Александрова пыталась сжечь; въ общей квартирѣ студентовъ Военно-Медицинской Академіи Михаила *Сущинскаго*, Николая *Бѣлецкаго* и Ивана *Галецкаго*, въ домѣ № 11 по Захарьевской улицѣ, оказались печатная народовольческая программа, брошюры: «Къ десятилѣтію коронаціи» и «Братцы-товарищи» — изданіе Группы Народовольцевъ, 8 экз. брошюры «Рабочій Сборникъ № 1» и разныя другія гектографированныя и литографированныя брошюры и рукописи революціоннаго содержанія, принадлежности гектографа и обложки, тождественныя съ тѣми, въ которыхъ сброшюрованы «Рабочій Сборникъ»; у проживавшаго въ томъ же домѣ студента Военно-Медицинской академіи Ивана *Фуделя* оказался цѣлый складъ революціонныхъ сочиненій, въ томъ числѣ и изданія Группы Народовольцевъ: такіе же склады обнаружены и у слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ Екатерины *Журавлевой*, подвергнутой обыску, въ виду установленныхъ наблюденіемъ сношеній ея съ Сущинскимъ, и въ г. Казани — у студента военно-медицинской академіи Дмитрія *Крамера*, жившаго въ одной квартирѣ съ поименованными Сущинскимъ, Бѣleckимъ и Галецкимъ и выбывшаго изъ С.П.Б. незадолго до обысковъ; у студента С.П.Б. Университета Павла *Скабичевскаго* отобраны 31 экз., гектографированной брошюры «Рѣчь Мышкина» и рукопись революціоннаго содержанія, подготовленная для печати; у студента Военно-Медицинской Академіи Владимира *Павелко*, прибывшаго на квартиру Сущинскаго въ моментъ производства обыска, лично при немъ оказались пишущая машина и 2 экз. «Рабочаго сборника № 1», а у сожителя его студента С.П.Б. Университета Петра *Малюш* большое количество революціонныхъ изданій, частью воспроизведенныхъ на гектографѣ. Наконецъ, у студента С.П.Б. Университета Константина *Иванова* и студента С.П.Б. Технологическаго Института Виктора *Окольскаго*, въ общей ихъ квартирѣ, кромѣ большого количества печатныхъ и гектографированныхъ революціонныхъ изданій, оказались рукописи, подготовленные для «Рабочаго Сборника № 2».

Вышеприведенные результаты обысковъ прежде всего подтверждали связь, существующую между «группой народовольцевъ» и кружкомъ «партіи Народнаго Права», такъ какъ по обыскамъ у членовъ этого послѣдняго кружка (Виктора Чернова, а также у Надежды

Лебедевой) оказались въ большомъ количествѣ изданія группы народольцевъ («Братцы—товарищи», «Первое письмо къ голодающимъ крестьянамъ», брошюра «Хитрая механика», отгектографированная и усиленно распространявшаяся въ послѣднее время среди рабочихъ въ СПБ.,—«Отчетъ общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ», тождественный съ найденнымъ у Крамера), у Михаила же Александрова оказалась газета «Русскій рабочий», 100 экземпляровъ которой впервые обнаружены по сему дѣлу при обыскѣ у Надежды Лебедевой. Нахожденіе у Виктора Чернова (повидимому, принимавшаго участіе въ составленіи изданій партіи «Народнаго Права» наравнѣ съ Яковлевымъ, Николаевымъ и другими членами этого кружка) изданій Группы Народольцевъ позволяетъ усмотрѣть и дѣйствительную, повидимому, цѣль пріѣзда Чернова въ декабрѣ мѣсяцѣ 1893 г. въ СПБ., какъ делегата кружка «партіи Народнаго Права». Въ то же время обстоятельство это объясняетъ просьбу Чернова, обращенную къ Александру Никитинскому свести его съ Сушинскимъ, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что черезъ посредство сего послѣдняго и были пріобрѣтены кружкомъ партіи «Народнаго Права» изданія Группы Народольцевъ, очевидно, для дальнѣйшаго распространенія ихъ въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи.

При ближайшемъ разсмотрѣніи вещественныхъ доказательствъ, отобранныхъ въ подпольной типографіи въ Смоленскѣ, возникло подозрѣніе, что подложный паспортъ, съ которымъ была задержана обвиняемая Людмила Александрова, былъ переданъ въ революціонную среду потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Иваномъ *Прозоровскимъ*. Основаніемъ къ сему послужило то обстоятельство, что паспортъ этотъ значился выданнымъ изъ Воронежской Городской Управы, гдѣ въ то время служилъ Прозоровскій—товарищъ Михаила Александрова по гимназіи, извѣстный по прежней своей революціонной дѣятельности и находившійся въ ссылкѣ за государственное преступленіе. Хотя разслѣдованіемъ по этому поводу и было установлено, что Прозоровскій до послѣдняго времени не прерывалъ сношеній съ обвиняемымъ Михаиломъ Александровымъ, а также получились указанія на знакомство Прозоровскаго съ Людмилой Александровой, но дознаніемъ не обнаружено, однако, достаточныхъ данныхъ, подтверждающихъ вышеприведенное предположеніе о передачѣ Прозоровскимъ паспорта. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Прозоровскій отрицалъ всякія преступныя сношенія съ названными лицами.

Непосредственными сношеніями съ рабочими и распространеніемъ между ними старыхъ революціонныхъ сочиненій не ограничивалась дѣятельность обнаруженной группы. Обеспечиваясь предоставленіемъ рабочимъ въ цѣляхъ той же пропаганды, популярной газеты, они, какъ указано выше, при помощи рабочихъ составили и выпустили «Рабочій Сборникъ № 1». Въ изданіи этомъ они старались также возбудить въ рабочихъ сознаніе неудовлетворительности ихъ положенія и необходимости измѣненія существующаго государственнаго и общественнаго строя. Такъ, статья, озаглавленная «Внутреннее Обозрѣніе», помѣщенная въ № 1 «Рабочаго Сборника», указывая, что мѣры прави-

тельства разоряють народъ, оканчивается слѣдующими словами: «Пора понять, что такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока народъ, выведенный изъ терпѣнія, не смететъ это правительство вмѣстѣ съ шайкой приспѣшниковъ съ лица земли».

На основаніи собственнаго сознанія Зотова и отчасти Окольскаго, Михаила Александрова, Павла Скабичевскаго и нѣкоторыхъ рабочихъ, результатовъ обысковъ и другихъ данныхъ дознанія и наблюденія за членами Группы Народовольцевъ, необходимо прійти къ заключенію, что въ составленіи и печатаніи «Рабочаго Сборника» принимали участіе Михаилъ Александровъ, Борисъ Зотовъ ¹⁾, Константинъ Ивановъ, Викторъ Окольскій, Михаилъ Сушинскій, Иванъ Галецкій, Николай Бѣлецкій и Павелъ Скабичевскій, причемъ самое печатаніе № 1, «Рабочаго Сборника» производилось, повидимому, въ квартирѣ Михаила Сушинскаго, на пишущей машинѣ, доставленной Владиміромъ *Павелко*, гимназическимъ товарищемъ Николая Бѣleckаго.

Изъ показаній обвиняемыхъ, старавшихся вообще отрицать или умалить свою виновность, слѣдуетъ отмѣтить: Михаилъ Александровъ показалъ, что изъ сочувствія революціонному движенію онъ оказывалъ содѣйствіе лицамъ, которыя, занимаясь такою дѣятельностью, обращались къ его помощи, и что посему онъ согласился изложить въ болѣе простой формѣ брошюру Энгельса о социализмѣ въ Германіи и статью о министерствѣ земледѣлія (найденную у Скабичевскаго), зная, что статьи эти предназначаются для «Рабочаго Сборника»; съ рабочими онъ былъ знакомъ, но цѣль такого знакомства объяснить отказался; о мѣстѣ нахождения сестры своей, Людмилы Александровой, въ послѣднее время, будто-бы, не зналъ.

Максимъ Келлеръ,—что посѣщалъ Михаила Александрова, съ цѣлью полученія отъ него нелегальныхъ сочиненій, и, познакомившись у него, съ Николаемъ Бѣлецкимъ, бывалъ у послѣдняго, видѣлъ у него брошюру «Рабочій Сборникъ»; съ Бѣлецкимъ, а затѣмъ и самъ, нѣсколько разъ посѣтилъ рабочихъ, желая познакомиться съ ихъ бытомъ, но революціонною пропагандою въ ихъ средѣ, будто-бы, не занимался; о цѣли пріѣзда Виктора Чернова въ С.-Петербургъ не зналъ.

Михаилъ Сушинскій,—что по предложенію одного товарища изъ любопытства посѣтилъ нѣсколько разъ рабочихъ.

Василій Браудо,—что заводилъ знакомства съ рабочими только для того, чтобы узнать ихъ духовную и матеріальную жизнь и при случаѣ быть имъ полезнымъ своими познаніями; при свиданіяхъ съ ними читалъ имъ иногда сочиненія Добролюбова и Писарева и сообщалъ свѣдѣнія о природѣ, исторіи и литературѣ: наконецъ,

Александръ Никитинскій утверждалъ, что не зналъ о цѣли пріѣзда Чернова въ С.-Петербургъ и что былъ съ послѣднимъ у Сушинскаго только для того, чтобы вмѣстѣ покутить.

Наряду съ изложенными результатами обысковъ среди руководителей обнаруженной группы, по обыскамъ у рабочихъ, замѣченныхъ по наблюденію въ сношеніяхъ съ ними, были также найдены

¹⁾ Зотовъ 29-го января 1895 года умеръ.

изданія Группы Народовольцевъ «Рабочій Сборникъ № 1» (у рабочаго Петра *Иванова*), разныя сочиненія и рукописи тенденціознаго и преступнаго содержанія (у рабочихъ *Кейзера*, *Фунтикова*, *Норинскаго*, *Фишера*), отчетъ какой-то кассы (у рабочаго Дениса *Розенфельда*) и не отправленное по назначенію письмо на имя Николая Богданова ¹⁾), въ Воронежѣ, за подписью «Черномазый», указывавшее на существованіе въ С.-Петербургѣ тайнаго кружка среди рабочихъ.

Изложенными вещественными доказательствами и показаніями многихъ сознавшихся обвиняемыхъ изъ лицъ рабочаго класса и, въ особенности рабочихъ Никандра Никифорова ²⁾, Никиты Тарасова, Григорія Иванова, по прозванію Штрипана, Ивана Медова, Михаила Сурулева (онъ же Хорьковъ), Сергѣя Смирнова и Матвѣя Фишера, установлено, что соціально-революціонная пропаганда среди рабочихъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ систематически ведется въ послѣдніе годы лицами интеллигентнаго класса, преимущественно учащеюся молодежью высшихъ учебныхъ заведеній. При производствѣ дознаній въ 1892 и 1893 г.г. были уже серьезныя указанія на существованіе среди рабочихъ революціонныхъ кружковъ и на преступную дѣятельность нѣкоей швеи Наталіи, которая чрезъ посредство Егора Афанасьева ввела студента Николаева Сивохина ³⁾ для занятій въ одинъ изъ такихъ кружковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, были получены указанія на участіе агитаціи между рабочими интеллигента, носившаго кличку «Петра Петровича». Принятыми мѣрами выяснено, что личности эти—первая—мѣщанка Наталія Александрова *Григорьева*, а «Петръ Петровичъ» вышеупомянутый прапорщикъ запаса арміи Михаилъ Александровъ ⁴⁾.

Хотя рядъ обысковъ, произведенныхъ въ то время въ рабочей средѣ и аресты нѣкоторыхъ руководителей и пріостановили временно пропаганду, но вскорѣ явились новые агитаторы, которые, сойдясь съ Александровымъ и образовавъ кружокъ, присвоившій себѣ названіе «Группы Народовольцевъ», стали широко распространять среди рабочихъ революціонныя идеи. Такими дѣятельными членами обнаруженаго сообщества Группы Народовольцевъ, принявшими на себя непосредственную роль агитаторовъ-пропагандистовъ среди рабочихъ, кромѣ Александрова, были студенты военно-медицинской академіи Михаилъ *Сущинскій* и Николай *Бѣлецкій*, окончившій курсъ Спб. университета Василій *Браудо*, студенты Спб. университета Борисъ *Зотовъ*, Константинъ *Ивановъ* и Максимъ *Келлеръ*; ближайшими же пособниками ихъ были Наталія *Григорьева* и дезинфекторъ городской барачной больницы Александръ *Фадѣевъ*, по обыску у котораго оказались печатныя революціонныя изданія и подготовленная, очевидно, для печатанія

¹⁾ Николай Богдановъ привлекался въ 1891 г. въ С.-Петербургѣ по дѣлу рабочаго революціоннаго кружка.

²⁾ Никандръ Никифоровъ привлекался къ дознанію по дѣлу революціонныхъ кружковъ, обнаруженныхъ въ Спб. въ 1892 г. Обз. 17.

³⁾ Сивохинъ и Егоръ Афанасьевъ привлекались къ тому же дознанію въ 1892 г. Обз. 17.

⁴⁾ Михаилъ Александровъ привлекался въ 1885 г. къ дознанію по дѣлу Воронежскаго революціоннаго кружка и по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 7 янв. 1887 г. былъ подвергнутъ 4-мѣсячному тюремному заключенію и, по отбытію наказанія, проживалъ нѣкоторое время въ Воронежѣ, а затѣмъ поселился въ Спб.

рукописная статья такого же содержания. Къ болѣе дѣятельнымъ изъ числа этихъ лицъ по даннымъ дознанія должны быть отнесены первые пятеро. Революціонная дѣятельность среди рабочихъ Михаила Александрова начинается съ весны 1882 г., когда Наталія Григорьева познакомила его съ рабочимъ Григоріемъ Ивановымъ (Штрипаномъ) и ввела въ кружокъ, собиравшійся въ квартирѣ рабочаго Никиты Тарасова. Съ тѣхъ поръ Михаилъ Александровъ, называвшійся между рабочими также «Василіемъ Ивановичемъ», посѣщалъ этотъ кружокъ еженедѣльно по воскресеньямъ, указывая рабочимъ на необходимость самообразованія и снабжая ихъ революціонными изданіями, а черезъ полтора мѣсяца вмѣсто себя привелъ въ этотъ кружокъ Михаила Сущинскаго. Введенный въ рабочую среду также Наталією Григорьевой, Сущинскій, дѣятельно организовалъ рабочіе кружки. Появляясь на устраиваемыхъ имъ сходкахъ въ разныхъ кружкахъ то подъ именемъ «Василія Тимофѣевича», то подъ кличкою «Василія Михайловича», одинъ и въ сопровожденіи Михаила Александрова, Николая Бѣлецкаго (носившаго кличку «Владимира Ивановича») и Бориса Зотова (извѣстнаго между рабочими подъ именемъ «Николая Ивановича»). Сущинскій и названныя лица, а также Константинъ Ивановъ, знакомый рабочимъ подъ именемъ «Мишки» и «Михаила Яковлевича», сравнивали положеніе русскаго рабочаго съ положеніемъ рабочихъ за-границею, и, указывая имъ, что русскій рабочій больше работаетъ, но меньше получаетъ, и что все имъ сдѣланное идетъ на пользу фабриканта, учили ихъ устраивать стачки и забастовки, поясняя, что только этимъ путемъ можно добиться уступокъ отъ фабрикантовъ; далѣе, они говорили что фабриканты оттого сильны, что правительство позволяетъ имъ мучить народъ, что поэтому надо переимѣнить правительство, сдѣлать такъ, какъ въ Соединенныхъ штатахъ С. Америки: собраться большими партіями и возстать; тогда, поясняли они, и у насъ будетъ другой—выборный Царь, для того же, чтобы добиться всего этого рабочіе должны были объединяться въ кружки, устраивать кассы на случай стачекъ и забастовокъ, а при окрѣпнувшей организаціи произвести народное возстаніе для ниспроверженія существующаго правительства. По окончаніи сходокъ, лица эти давали обыкновенно хозяину квартиры революціонныя изданія для раздачи рабочимъ, при чемъ болѣе другихъ распространялись брошюры «Хитрая механика», «Письмо къ голодающимъ крестьянамъ», «Варленъ передъ судомъ исправительной полиціи. «Ежегодный всемірный праздникъ рабочихъ», а въ послѣднее время «Рабочій Сборникъ № 1», «Братцы - товарищи» и др. кромѣ того, Бѣлецкій выписывалъ для своихъ кружковъ газету «Русская жизнь». Для сходокъ нанимались иногда спеціальныя квартиры на средства этихъ лицъ. Такъ, Михаилъ Александровъ далъ рабочему Сурулеву 8 р. на наемъ квартиры, рабочій Трофимъ Нефедовъ получилъ отъ Николая Бѣлецкаго для той же цѣли 30 р. между прочимъ, рабочій Матвѣй *Фишеръ* показалъ на допросѣ, что Сущинскій, встрѣтивъ его весною 1893 г. въ Петровскомъ паркѣ, подошелъ къ нему, хотя не былъ тогда еще съ нимъ знакомъ, и завелъ рѣчь о заработной платѣ. Потомъ онъ зашелъ къ нему и сталъ указывать на неудовлетворительность государственнаго

строю въ Россіи и необходимость ниспроверженія его насильственнымъ путемъ, заявивъ, что переворотъ этотъ произведетъ «Народовольческая партія», къ которой онъ принадлежитъ, а затѣмъ сталъ просить познакомить его съ рабочими, вслѣдствіе чего *Фишеръ* познакомилъ его съ рабочими Норинскимъ и Кейзеромъ. Весной 1894 г. состоялась сходка въ квартирѣ Фишера, на которую явились Сушинскій, Михаилъ Александровъ и Зотовъ, и тутъ они объявили, что существуетъ организація, которая рѣшилась путемъ народнаго возстанія ниспровергнуть существующій въ Россіи государственный строй, и предложили имъ вступить въ эту организацію. Узнавъ о стачкѣ на Воронинской мануфактурѣ, Сушинскій счелъ нужнымъ появиться тамъ и составилъ протестъ отъ имени рабочихъ, помѣщенный затѣмъ въ «Рабочемъ Сборникѣ № 1». Обвиняемый рабочій Петръ Морозовъ показалъ, что въ январѣ или февралѣ, 1894 г. въ портерной, находящейся на Шлиссельбургскомъ проспектѣ, къ нему присталъ незнакомый ему до того Сушинскій съ просьбой выпить и затѣмъ предложилъ организовать рабочій кружокъ съ цѣлью пропаганды, общая для занятій являться самъ и присылать своихъ товарищей. При этой встрѣчѣ, Сушинскій далъ Морозову «Письмо къ голодающимъ крестьянамъ».

Браудо появился среди рабочихъ впервые также въ 1892 г. Въ то время онъ посѣщалъ Тарасова и проводилъ тѣ же революціонныя идеи, какъ и прочіе вышеназванные агитаторы, снабжая его такими же преступными изданіями; затѣмъ онъ посѣщалъ кружокъ Никиты Тарасова (Самсоніевскій проспектъ, д. № 62), гдѣ былъ извѣстенъ подъ кличками «Владимира Ивановича», «Жидка», и «Володи Рыжаго». Осенью 1893 г. онъ привелъ въ трактиръ Чугунова, по Шлиссельбургскому проспекту новаго интеллигента «Михаила Ивановича», оказавшагося Максимомъ *Келлеромъ*, и познакомилъ его съ рабочими Тарасовымъ и Сурулевымъ, съ которыми Келлеръ имѣлъ три свиданія въ трактирѣ, подъ названіемъ «Бережки», при чемъ при одномъ изъ свиданій далъ и воззваніе «Братцы-товарищи»; онъ же имѣлъ свой кружокъ рабочихъ, на Выборгской сторонѣ. Оставленный при общихъ арестахъ въ розыскныхъ цѣляхъ на свободѣ, Браудо выбылъ изъ СПб. для отбытія воинской повинности въ Рязанскую губ., но, по возвращеніи осенью 1894 въ СПб., сталъ продолжать свою преступную дѣятельность въ виду чего и былъ арестованъ 17 марта 1895 г.

Результатомъ такой дѣятельности поименованныхъ лицъ явилось широкое развитіе революціонныхъ кружковъ среди рабочихъ и вполне правильная ихъ организація; составлялись они рабочими, причемъ составившій данный кружокъ выбирался прочими членами кружка въ качествѣ кружкового представителя. Нѣсколько же кружковъ по мѣсту ихъ нахожденія имѣли «группового представителя», который доставлялъ въ кружокъ революціонныя изданія, получаемыя отъ руководителя, и велъ съ послѣдними непосредственныя сношенія. Съ участниковъ кружковъ производились сборы въ кассу взаимопомощи, которая пополнялась также пожертвованіями, дѣлаемыми лицами руководившими революціонной пропагандою, и средствами получаемыми отъ устраиваемыхъ лотерей. Выше изложено, что по обыску у Розенфельда былъ отобранъ рукописный отчетъ кассы за январь,—апрѣль

1894 г. Въ отчетѣ этомъ въ отдѣлѣ «приходъ» значится, между прочимъ, въ поступленіи: «отъ рабочихъ 46 р. 5 к., отъ розыгрыша лотереи 50 р., отъ интеллигенціи на квартиру 16 р.», а въ отдѣлѣ «расходъ» указаны выдачи: «высланнымъ рабочимъ 41 р., вышедшимъ изъ заключенія 50 р., на квартиру для кружка 16 р., выслано книгъ заключеннымъ въ тюрьмахъ рабочимъ на 12 р.» По этому поводу обвиняемый Фишеръ показалъ, что отчетъ этотъ былъ имъ полученъ отъ Сушинскаго для снятія 3 копій, которыя онъ и передалъ Сушинскому, одинъ же экземпляръ далъ Розенфельду, при полученіи отъ послѣдняго пожертвованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фишеръ сознался, что въ декабрѣ 1893 г. онъ организовалъ для революціонныхъ цѣлей кассу въ составъ которой, въ числѣ другихъ рабочихъ, вошли Кейзеръ и Норинскій, собираемая же суммы расходовались на предметы, значащіеся въ приведенномъ выше отчетѣ. Послѣ общей сходки въ Волковскомъ лѣсу, происходившей въ іюнѣ 1892 г., организованной въ видахъ объединенія существовавшихъ уже въ то время рабочихъ кружковъ, многіе рабочіе, первоначально являвшіеся лишь простыми посѣтителями сходокъ, стали сами составлять кружки, предоставлять свои квартиры для сходокъ, заниматься распространеніемъ революціонныхъ изданій и вербовать товарищей въ кружки, образовавшіеся въ Шлиссельбургскомъ участкѣ, на Выборгской и Петербургской сторонахъ, на Васильевскомъ островѣ и въ другихъ мѣстностяхъ. Такими рабочими, вполнѣ проникшимися революціонными идеями, изъ числа привлеченныхъ къ сему дѣлу обвиняемыхъ являлись: Петръ *Морозовъ*, Андрей *Норинскій*, онъ же Фокинъ (групповые представители: Морозовъ—кружковъ за Невской заставой, Фохтъ—на Петербургской сторонѣ), Матвѣй *Фишеръ*, Сергѣй *Фунтиковъ*, Андрей *Богдановъ*, Федоръ *Козловъ*, Михаилъ *Сурулевъ*, Іоганъ *Кейзеръ*, Трофимъ *Нефедовъ*, Иванъ *Медовъ*, Никандръ *Никифоровъ*, Никита *Тарасовъ*, Сергѣй *Грининъ* (привелъ къ рабочему Дмитрію Бѣлякову Михаила Сушинскаго), Яковъ Ивановъ *Балодъ* (по прозванію Болтусъ), Петръ *Ивановъ*, Григорій *Ивановъ-Штрипанъ*, Анна *Егорова* (уговорила Федора Козлова составить кружокъ), Афанасій *Васильевъ* (свелъ Медова съ Николаемъ Бѣлецкимъ, который затѣмъ и сталъ посѣщать кружокъ Медова), Яковъ *Маіоровъ* (участвовалъ на сходкѣ въ Волковомъ лѣсу) и Сергѣй *Смирновъ*. Наконецъ, сюда же должна быть отнесена Наталія *Григорьева*, являвшаяся групповою представительницею на Выборгской сторонѣ. По даннымъ дознанія Наталія Григорьева, по обыску у которой оказалось значительное количество революціонныхъ изданій, скрываясь отъ преслѣдованія по упомянутому выше дѣлу рабочей пропаганды 1892 г., не прерывала, однако же, сношенія съ революціонной средой вплоть до ареста своего послѣдовавшаго 10-го сентября 1894 г. въ Нарвѣ. Проживая нѣкоторое время въ Воронежѣ, она находилась въ сношеніяхъ съ упомянутымъ Николаемъ Богдановымъ (привлеченнымъ тоже къ дѣлу), а находясь въ Нарвѣ пыталась и тамъ образовывать кружокъ народовольцевъ. Сообщая объ этомъ рабочему Егору Афанасьеву, она говорила ему, что старалась проникнуть въ эстонское общество, но что это не удалось ей по незнанію языка. Къ организованнымъ кружкамъ примкнули рабочіе Герасимъ *Вороновъ*, Логинъ *Желабинъ* (авторъ упомя-

нутаго письма къ Николаю Богданову), Михаилъ *Ксенофоновъ*, по прозванію Князевъ, Никифоръ *Евстифьевъ*, Илья *Выборновъ* (участвовалъ въ сходкѣ въ Волковомъ лѣсу), Григорій Ивановъ *Ивановъ*, Илья *Костинъ* (находившійся въ сношеніяхъ съ Наталіей Григорьевой), Леонтій *Куколенко*, онъ же Куколейкинъ, Иванъ *Бѣловъ*, Лаврентій *Шиловскій* ¹⁾ и Андрей *Илларионовъ*, по прозванію Лапоха.

Насколько сильно было вліяніе революціонной пропаганды на рабочихъ, видно изъ того что обвиняемый Фишеръ, по собственному признанію, нѣсколько разъ обращался къ рабочимъ Балтійскаго завода, гдѣ служилъ, съ рѣчью, въ которой указывалъ на недостатокъ заработной платы и несовершенство фабричнаго законодательства, касающагося найма и штрафовъ, и что нѣкоторые рабочіе, по предложенію Зотова, Бѣлецкаго и другихъ руководителей, стали переписывать или даже сочинять революціонныя статьи для «Рабочаго Сборника». Такъ, у рабочаго Петра Иванова оказалась написанная для этой брошюры статья по поводу столкновенія рабочихъ на Кениговской фабрикѣ; по обыску у Александрова оказалось стихотвореніе «Къ друзьямъ», переписанное обвиняемымъ Медовымъ, а у сего послѣдняго—статья условія работы на ткацкихъ фабрикахъ и два стихотворенія, переписанныя имъ изъ тетради, взятой у рабочаго Штрипана для Бѣлецкаго (оказавшіяся помѣщенными въ «Рабочемъ Сборникѣ» № 1), у рабочаго Фунтикова найдена рукопись озаглавленная «что такое товаръ»; по имѣющимся агентурнымъ свѣдѣніямъ, воззваніе «Братцы-товарищи» было составлено обвиняемымъ Кейзеромъ и передано послѣднимъ въ рукописи Сушинскому; у обвиняемой Анны Егоровой найдены собственноручно составленныя ею рукописи противоправительственнаго содержанія; у обвиняемаго Никиты Тарасова оказалась по обыску рукописная программа для собиранія свѣдѣній о дѣятельности на фабрикахъ и отношеніи администраціи къ рабочимъ

¹⁾ Лаврентій Шиловскій 11-го апрѣля 1894 года умеръ.

Отрывки изъ воспоминаній.

Вспомнивая старину, я недавно сидѣлъ у одного извѣстнаго литератора, побывавшаго какъ и я грѣшный, въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири. „Одно время, сказалъ этотъ маститый писатель, подъ влияніемъ теоріи Бакунина, интеллигенція искала прозелитовъ среди тюремнаго люда“.

Не берусь за другихъ говорить, можетъ быть, это было и такъ. Я и мои близкіе друзья находились внѣ влияния Бакунина. Воспитывались мы непосредственно подъ впечатлѣніемъ русской легальной литературы и тѣмъ не менѣе я удѣлялъ большое вниманіе тюремному люду. Пропаганда эта выходила естественнымъ образомъ.

Вся наша народническая практика была мимолетна. Скоро насъ, всѣхъ пропагандистовъ, засадили по тюрьмамъ. Мнѣ пришлось просидѣть до суда четыре года. Судился я по Большому процессу (193-хъ). Попадъ въ Сибирь на житье, я и тамъ два раза былъ арестованъ, и каждый разъ сидѣнье мое продолжалось по полтора года. Оба мои послѣдніе аресты кончились новыми ссылками, уже административнымъ порядкомъ; первая—въ Иркутскую губернію, вторая—въ Якутскую область. Прибавьте сюда длинный этапный путь. Два раза приходилось на два мѣсяца останавливаться по тюрьмамъ, въ Красноярскѣ и въ Якутскѣ. Въ самой ссылкѣ сибирской трудно было не наткнуться на тюремный людъ, вѣдь Сибирь пропитана тюремной атмосферой. Не забываете, что мы провели свои лучшіе годы въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ, годы, когда хотѣлось такъ сильно жить, когда потребность въ пропагандѣ стояла на первомъ планѣ, и мы, естественно, направили свою пропаганду на окружающій насъ міръ. Мы не только пропагандировали арестантовъ, мы не останавливались даже и передъ жандармами. Въ Одессѣ, гдѣ впервые я сидѣлъ въ заключеніи, жандармскій полковникъ Кнопъ не довѣрялъ тюремной администраціи, а потому ежедневно приходили въ тюрьму два жандарма, которые и были нашими полными хозяевами, но, въ концѣ-концовъ, мы съ ними очень подружились, они носили съ воли намъ письма и оказывали всевозможныя услуги. Нѣкоторые изъ нихъ трогательно привязались къ намъ. Какъ живой стоитъ передъ глазами жандармскій унтеръ-офицеръ Орловъ. Прощаясь съ нами, онъ клялся никогда не забывать насъ.

Въ то время нравы были патріархальныя, я говорю о провинціи. Хотя сидѣлъ я въ одиночной камерѣ, но я безпрепятственно по цѣлымъ днямъ велъ бесѣды, сидя на окнѣ съ уголовными арестантами. Однажды, мое вниманіе было привлечено ссорой между арестантами. Нѣсколько человѣкъ играли въ орлянку, во время игры они поссорились, а ссора кончилась дракой, причемъ потерпѣвшій оказался крестьяниномъ, отъ котораго вѣяло полемъ и деревней. Съ окровавленной фizioноміей онъ ревѣлъ, какъ ребенокъ,—„шпана“ же надъ нимъ издѣвалась. Мнѣ сразу бросился въ глаза этотъ здоровенный Никита. Я почувалъ, что онъ не свой въ тюремномъ мірѣ. Вскорѣ я съ нимъ познакомился. Обвинялся онъ въ конокрадствѣ. Какъ его грѣхъ попуталъ, я такъ и до сихъ поръ не могу понять. Дѣло въ томъ, что Никита Всеволодскій тогда былъ сильно задѣтъ штундизмомъ; помимо этого, Никита былъ чрезвычайно глубокой человѣкъ. Впослѣдствіи онъ былъ сосланъ, какъ политическій ссыльный въ городъ Енисейскъ, и тамъ сдѣлался любимцемъ всей политической ссылки; отличался онъ тамъ въ особенности своимъ трудолюбіемъ и своей глубокой идейностью. Знакомство наше перешло въ дружбу, общая почва, на которой мы сходились, было Евангеліе. Какъ ни привлекателенъ былъ для меня тогда штундизмъ, однако чувствовалось, что между мною и имъ лежитъ нѣчто, не позволяющее намъ вполне понимать другъ друга. Признаться, часто онъ ставилъ меня втупикъ, когда обращался ко мнѣ за разъясненіемъ непонятныхъ ему мѣстъ изъ Апокалипсиса. Мы какъ бы говорили на разныхъ языкахъ, хотя сердца наши взаимно притягивались. Наконецъ случай помогъ мнѣ перевести Никиту на мою почву. У меня оказался новый сосѣдъ. Что можетъ быть интереснѣе для заключенныхъ, какъ привозъ съ воли новаго сосѣда? Увы на этотъ разъ мой новый сосѣдъ меня разочаровалъ. Когда смотритель тюрьмы съ надзирателемъ удалились и въ корридорѣ моемъ воцарилась тишина, я сталъ громко звать сосѣда къ дверямъ, отвѣта не было, въ сосѣдней же камерѣ раздавались быстрые шаги очевидно нервнаго человѣка. Лишь черезъ два часа мнѣ удалось вызвать сосѣда къ дверямъ. На мои вопросы я вдругъ услышалъ къ моему ужасу нервный голосъ безумнаго человѣка: „Я знаю меня посадили сюда съ научной цѣлью, я сижу здѣсь въ антропологическомъ кабинетѣ, съ окна кабинета я долженъ изучать человѣческіе типы. Что же, я для науки готовъ страдать, но пусть же позволяютъ моей женѣ и дочери посѣщать меня“.. Я съ нѣмымъ ужасомъ слушалъ эти безумныя рѣчи.. „Вотъ, продолжалъ онъ, слышите меня зовутъ къ телеграфу, вѣдь камера моя соединена телеграфомъ съ университетомъ“. Помню сцену, оставшуюся на вѣки въ моей памяти: Заславскаго, такъ звали моего сосѣда, черезъ два дня позвали въ контору, онъ отказался идти, тогда пришла за нимъ цѣлая орава надзирателей съ тюремнымъ смотрителемъ во главѣ. Его взяли подъ руки и повели; несчастный же упираясь, безъ шапки, кричалъ душу раздирающимъ голосомъ. Несмотря на его помѣшательство на

Заславскаго находили минуты просвѣщенія, и тогда съ большимъ удовольствіемъ слушалъ я его въ высшей степени логическую рѣчь. Въ Одессѣ онъ основалъ рабочій кружокъ; кружокъ этотъ имѣлъ, насколько припоминаю, свою тайную типографію. Все шло хорошо, связи расширялись, но по обыкновенію явился провокаторъ и весь кружокъ былъ захваченъ. Заславскій былъ арестованъ въ 1875 году и прежде чѣмъ заключить въ тюремный замокъ, его содержали нѣсколько мѣсяцевъ въ арестномъ домѣ, гдѣ онъ и успѣлъ сойти съума. Нельзя сказать, чтобы сосѣдство такое было бы особенно пріятно, въ тюрьмѣ и безъ того были у меня разстроены нервы, а тутъ приходилось выслушивать безумныя рѣчи сумасшедшаго. Впослѣдствіи, кажется въ 1877 году, я его встрѣтилъ въ С.-Петербургѣ въ домѣ предварительнаго заключенія. Онъ впалъ тогда въ полнѣйшій тихій идиотизмъ. Тѣмъ не менѣе, его судили и приговорили къ каторжнымъ работамъ. Онъ умеръ въ домѣ умалишенныхъ. Тогдашній смотритель одесской тюрьмы Зубачевскій, боясь, чтобы Заславскій ночью не наложилъ на себя руки, помѣщалъ на ночь въ камеру Заславскаго двухъ уголовныхъ арестантовъ. Я воспользовался этимъ и при посредствѣ арестантскаго старосты, былъ на ночь помѣщенъ въ камеру Заславскаго мой Никита съ другимъ арестантомъ. Почти цѣлую ночь былъ слышенъ неумолкаемый говоръ въ сосѣдней камерѣ. Въ то время, какъ товарищъ Никиты вскорѣ уснулъ крѣпкимъ сномъ, Никита все время внимательно слушалъ рѣчь Заславскаго. На утро послѣ повѣрки подходитъ къ моей камерѣ Никита и съ восторгомъ говоритъ: „И що це за человекъ, вин усе знае, не дурно же вин в ночи все на зирки дивится“. Оказывается Заславскій прочиталъ ему цѣлую лекцію. Съ тѣхъ поръ мой Никита сталъ постепенно переходить на болѣе рacionales почву. Апокалипсисъ все болѣе и болѣе отодвигался въ сторону. Мой милый, дорогой Никита, какія отрадныя минуты ты доставлялъ мнѣ въ моей тюремной жизни! Въ 1876 году, однако я съ нимъ долженъ былъ разстаться. Меня съ другими товарищами увезли въ Питеръ. О Никитѣ я было позабылъ, и только въ Сибири я узналъ, что Никита Всеволодскій по выходѣ изъ тюрьмы сошелся близко на волѣ съ „политиками“ и сдѣлался рьянымъ пропагандистомъ; былъ арестованъ и сосланъ въ городъ Енисейскъ, гдѣ пробылъ три года. И какъ я уже выше сказалъ, онъ былъ любимцемъ всей политической енисейской ссылки.

Другой уголовный арестантъ, котораго мы тоже пропагандировали былъ нѣкто Пилаевъ. Это былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ человекъ. Пилаевъ былъ настоящимъ завсегдатаемъ тюрьмы. За два года моего пребыванія въ одесской тюрьмѣ, онъ нѣсколько разъ освобождался, и опять приводился въ тюрьму. Въ тюрьмѣ онъ велъ дѣятельную жизнь; выражаясь арестантскимъ языкомъ Пилаевъ былъ „фартовымъ“ человекомъ. Будучи хорошимъ специалистомъ, — рѣзчикъ печатей — онъ зарабатывалъ въ тюрьмѣ хорошія деньги, но кромѣ того Пилаевъ былъ счастливымъ картежнымъ игрокомъ. Несмотря на всю свою дѣловитость, онъ любилъ мно-

го читать и увлекался романами. Въ его натурѣ вообще таилось много романтизма. Мнѣ кажется, нами, политическими, онъ увлекся, какъ страничкой интереснаго романа. Тогда мнѣ, казалось, что „Московский“, таково было его тюремное прозвище, воспринимаетъ наши идеи лишь поверхностно. Дѣйствительность однако показала, что я былъ не совѣтъ правъ. Пилаевъ, по выходѣ изъ тюрьмы, сошелся близко съ одесскими радикалами, и во второй половинѣ 70-хъ годовъ былъ сосланъ, какъ политическій ссыльный, въ Восточную Сибирь. Въ ссылкѣ онъ дѣлалъ попытку къ побѣгу, былъ пойманъ и просидѣлъ долго въ Верхотенской тюрьмѣ. По моимъ справкамъ велъ тамъ безукоризненную жизнь, даже не игралъ въ карты съ арестантами, но впоследствии, поселившись въ городѣ Киренскѣ Иркутской губерніи, имѣлъ какія-то недоразумѣнія съ политическими ссыльными. Трудно требовать, чтобы человѣкъ, прошедшій черезъ школу разной уголовщины, могъ бы вполне слиться съ нашимъ братомъ, „политикомъ“. Со мной въ ссылкѣ онъ велъ длинную переписку. Изъ писемъ его я видѣлъ, какъ сильно угнетали Пилаева, выше упомянутыя недоразумѣнія. Въ 1895 году, почти черезъ 20 лѣтъ послѣ нашей разлуки, я его посѣтилъ въ городѣ Киренскѣ. „Ну, сказалъ я ему, узнавайте меня!“ Долго онъ всматривался и все-таки не могъ узнать меня. И только когда я ему напомнилъ нѣкоторыя сцены изъ одесской тюремной жизни, онъ узналъ меня и бросился ко мнѣ въ объятія. Въ гостяхъ я прожилъ у него нѣсколько дней. Мнѣ, показалось, что онъ составленъ изъ смѣси хорошаго и дурнаго. Рядомъ съ вполне выработанными интеллигентными потребностями, у него проглядывала страсть къ золотискательству. Каждое лѣто онъ отправлялся на золотыя прииски, искать своего счастья. Однако ворочусь къ прежнему разсказу. Сидя въ одесской тюрьмѣ, мы не ограничивались пропагандой среди единичныхъ личностей. Одинъ изъ насъ, Ч. писалъ длинныя статьи, которыя читались сообща въ общихъ арестантскихъ камерахъ. И это дѣлалось, повторяю не подъ вліяніемъ идей Бакунина. Между нами въ одесской тюрьмѣ не было ни одного бакуниста. Сильна была тогда потребность вносить свое „я“ въ окружающую насъ жизнь. Потребность эта насъ душила, и если бы стѣны могли слушать, мы бы и стѣнамъ проповѣдовали истину и справедливость. Нельзя сказать, чтобы мы не имѣли нѣкотораго успѣха среди уголовныхъ арестантовъ. Однако успѣхъ этотъ коренился не столько въ нашихъ идеяхъ, которыя остались въ большинствѣ случаевъ непонятными. Нѣтъ, не наши идеи заражали арестантовъ. Мы какъ личности, одухотворенныя идеями, дѣйствовали своей экзальтированностью на эти грубыя сердца, и находились среди нихъ такіе, которые готовы были идти изъ за насъ въ огонь и воду. Объ одномъ изъ такихъ я ниже и разскажу. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ судился нѣкто Гармановъ за грабежъ. Судъ присяжныхъ засѣдателей присудилъ его къ каторжнымъ работамъ. Послѣ прочтенія приговора онъ всталъ на судъ, и обращаясь къ судьямъ поклонился

имъ отомстить. Возмущенный судъ ходатайствовалъ передъ министромъ юстиціи подвергнуть Гарманова наказанію плетью. Ходатайство суда было уважено. Послѣ позорнаго наказанія его отправили въ центральную тюрьму близъ Харькова. Тамъ посадили его рядомъ съ политическимъ каторжникомъ Папинымъ „по Долгушинскому дѣлу“. Какъ опытный арестантъ онъ сумѣлъ войти съ нимъ въ сношенія, и Папинъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Отъ него онъ выучилъ нѣсколько революціонныхъ пѣсенъ. Съ тѣхъ поръ у него запала завѣтная мечта: облизиться съ революціонерами. Просидѣвъ нѣкоторое время въ централкѣ, Гармановъ пошелъ этапнымъ порядкомъ въ сибирскіе рудники. По дорогѣ онъ смѣнялся. Это было въ 1878 году. Въ это время послѣ 4-хъ годичнаго, одиночнаго заключенія, насъ (меня, Чудновскаго и Чернявскаго) только что привезли въ Сибирь на житье, по приговору особаго присутствія сената, (дѣло 193-хъ) и поселили въ городѣ Ялуторовскѣ, Тобольской губерніи. Вскорѣ къ намъ прибыла Афанасьева (по дѣлу Ковальскаго). Наняли мы общую квартиру и потянулась у насъ однообразная скучная ссыльная жизнь. Напуганное администраціей, такъ называемое ялуторовское общество, насъ сторонилось. Мы оказались въ безвоздушномъ пространствѣ. Впослѣдствіи, послѣ долгаго опыта ссыльной, сибирской жизни, (проживъ въ ней около 20 лѣтъ), я прекрасно уживался съ обывателями, и находилъ между ними друзей. Но тогда мы всѣ были новички,—мы не сумѣли ориентироваться въ окружающей насъ обстановкѣ. Единственно переписка съ товарищами доставляла намъ удовольствіе, да и та была отравлена, такъ какъ вся наша переписка переходила черезъ цензуру мѣстнаго исправника. Настроение было скверное. Приходилось, какъ о славномъ времени вспоминать о пребываніи въ тюрьмѣ. И вотъ въ одно холодное зимнее утро къ намъ приходитъ геркулесова роста человѣкъ,—это и былъ Гармановъ. Онъ рассказываетъ о всемъ своемъ прошломъ. Рассказываетъ и о первомъ своемъ знакомствѣ съ Папинымъ. Между прочимъ, онъ намъ передавалъ съ какимъ удивленіемъ узналъ, что сосѣдь его по камерѣ, Папинъ, попалъ въ центральную тюрьму не за разбой или грабежъ, а за безкорыстное желаніе просвѣтить свой народъ. Въ концѣ-концовъ гость предлагаетъ намъ свои услуги. Искренній тонъ его насъ подкупилъ. Да къ тому же намъ сильно желалось, что-нибудь дѣлать на пользу своихъ идей. Немного колебавшись, мы приняли его предложеніе. Сначала мы его посылали въ Екатеринбургъ и Пермь, онъ аккуратно исполнилъ наше порученіе. Наконецъ, мы посылаемъ его за нелегальной литературой въ самый Питеръ. Большихъ денегъ онъ намъ не стоилъ, ибо всѣ свои путешествія онъ совершалъ пѣшкомъ. Когда у него не хватало денегъ, онъ становился на поденную работу. Выпроводивъ его въ Питеръ, мы долго его ждали и, наконецъ, стали его забывать. Лишь весной этого 1906 года, я встрѣтился случайно съ человѣкомъ, у котораго Гармановъ скрывался въ Питерѣ. Приходъ пѣшехода изъ самыхъ нѣдръ сибирскихъ, всѣхъ

заинтересовать, и на него ходили смотрѣть, какъ на чудо. Но такъ какъ тогда ожидался Соловьевскій выстрѣлъ, то его поставились отправить скорѣй обратно въ Сибирь. Задержалъ его длинный пѣшеходный путь. Ранней весной 1879 года, въ одно прекрасное утро, является нашъ посолъ изъ Питера съ „Землей и Волей“ и другой нелегальной литературой. Вы только представьте нашу радость. Въ наше время, когда легальная литература не смѣла касаться вопросовъ, которые насъ тогда интересовали, нелегальщина имѣла особое значеніе. Какъ было не подѣлиться съ товарищами, жившими въ другихъ городахъ Тобольской губерніи? Отдохнувъ немного у насъ, нашъ агентъ беретъ часть нелегальщины и обходитъ города: Ишимъ, Тару и Тюкалинскъ. Цыпловъ (таковой онъ былъ по фальшивому паспорту) справился и здѣсь великолѣпно, вездѣ побывавъ, всѣхъ снабдилъ нелегальщиной, и воротился опять къ намъ. Нужно было снабдить еще одинъ городъ литературой: городъ Курганъ. Снаряжаемъ снова нашего пѣшехода. Помню очень хорошо, какъ раннимъ утромъ я выпускалъ съ нашей квартиры Цыплова. Не воображалъ я въ ту минуту, что надъ всѣми нами виситъ гроза.

Какъ видно частыя посѣщенія насъ Цыпловымъ обратили вниманіе кого слѣдуетъ. Полиція нашла нужнымъ подослать къ намъ провокатора; прикинувшись сочувствующимъ нашимъ идеямъ, этотъ послѣдній приобрѣлъ наше полное довѣріе. Вообще осторожностью мы тогда не отличались. За нѣсколько дней до краха мы всѣ, взявъ съ собою Цыплова, пошли встрѣчать 1-ое мая въ лѣсъ. Къ нашему огорченію мы тамъ наткнулись на гуляющихъ ялаторовскихъ обывателей. Будь это трезвая компанія, она бы сама отошла отъ насъ подальше. Пьяные же обыватели, а въ особенности пьяные чиновники, сильно краснѣютъ, дѣлаются не только либералами, но даже радикалами. Находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ Бахуса, страпчій (нѣчто въ родѣ товарища прокурора при старомъ судопроизводствѣ) увидя насъ, пришелъ знакомиться съ нами. „Вы, началъ онъ, думаете зачѣмъ сюда присланы! Насъ дураковъ учить, вотъ цѣль вашей ссылки“. Взявъ насъ подъ руки онъ сталъ пѣть пѣсню поэта Михайлова:

„Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Я бы, братья, заключилъ
И надежды и проклятія
Вмѣстѣ съ вами раздѣлить“.

А черезъ нѣсколько дней картина мѣняется. Страпчій долженъ былъ присутствовать при нашемъ допросѣ. По выходѣ изъ нашей квартиры, Цыплова догоняетъ тройка. Поровнявшись съ нимъ, сидящіе на тройкѣ предлагаютъ подвести его; тотъ ничего не подозрѣвая сѣлъ, но тутъ онъ по нѣкоторымъ симптомамъ, почувялъ что-то недоброе для себя. Подъѣхавъ къ деревнѣ, онъ быстро соскакиваетъ съ телѣги, входитъ въ близъ стоящую избу и начинастъ нанимать подводу до ближайшаго села. Спасаться было однако поздно, сидящіе на тройкѣ созываютъ народъ. Нѣ-

сколько человекъ вошло въ избу, гдѣ находился Цыпловъ; сзади его ударили пощипомъ по головѣ, Цыпловъ пошатнулся, на него накинулись нѣсколько человекъ, но тотъ все таки успѣлъ выстрѣлить изъ револьвера и ранить одного нападающаго въ руку. Револьверъ былъ вырванъ изъ рукъ Цыплова, и тутъ началась бойня. Вили его такъ, какъ обыкновенно бьютъ сибирскіе крестьяне (челдоны) своихъ враговъ бродягъ-варнаковъ. Избитаго до полусмерти, связаннаго по рукамъ и ногамъ кладутъ на телѣгу и отвозятъ въ городъ Ялуторовскъ. Конечно, весь его багажъ былъ найденъ при немъ. Тотчасъ же берутся и за насъ грѣшныхъ; арестовываютъ и отвозятъ въ тюрьму. Вскорѣ измученнаго, больного закованнаго по рукамъ и ногамъ Цыплова отправляютъ въ Тобольскій тюремный замокъ, гдѣ его держатъ совершенно отъ всѣхъ изолированно. За вооруженное сопротивление его судятъ военнымъ судомъ и приговариваютъ къ смертной казни. Двадцать дней ждалъ онъ конфирмаціи генераль-губернатора Западной Сибири. Смертная казнь генераль-губернаторомъ была замѣнена каторжной работой на нѣсколько лѣтъ, кажется на 8-мъ. Несмотря на полную изолированность, несмотря на жестокий приговоръ, онъ никого не запуталъ и никого не выдалъ, а могъ бы при желаніи это сдѣлать. Вѣдь онъ былъ въ Питерѣ, въ Перми и Екатеринбургѣ, почти во всѣхъ городахъ Тобольской губерніи. Случайно встрѣтившись съ Владиміромъ Галактіоновичемъ Короленко, я услышалъ такой отъ него рассказъ: „изъ всѣхъ уголовныхъ арестантовъ, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать, я одного только видѣлъ глубоко преданнаго политическимъ“. Оказалось онъ имѣлъ въ виду Цыплова. Встрѣтились они въ 1881 году въ Красноярской тюрьмѣ. Короленко шелъ въ Якутскую область, Цыпловъ на каторгу. „Разъ,—разсказывалъ Короленко,—встрѣчается мнѣ въ тюремномъ дворѣ Цыпловъ, весь блѣдный дрожащимъ голосомъ, онъ схватываетъ меня за руку и говоритъ шепотомъ: „Владиміръ Галактіоновичъ, вѣдь на волѣ былъ!“ Оказывается слѣдующее: въ суматохѣ Цыплову удалось какъ то проскользнуть незамѣтно за ворота тюрьмы. Какъ опытному арестанту, ему ничего не стоило бы скрыться, но Цыпловъ несмотря на весь соблазнъ воротился опять въ тюрьму. Въ это время подготавлился побѣгъ политическихъ каторжанъ изъ Красноярской тюрьмы.

Побѣгъ Цыплова могъ бы обратить вниманіе администраціи тюрьмы и случайно могла быть открыта подготовительная работа къ вышеупомянутому побѣгу. Это опасеніе и заставило Цыплова воротиться опять въ тюрьму.

Добравшись до Карты, Цыпловъ былъ помѣщенъ въ политическое отдѣленіе. Очутившись среди интеллигентныхъ людей, онъ скоро заскучалъ, почувствовалъ онъ тамъ себя одинокимъ (чужимъ), и въ концѣ концовъ раскрылъ свое прошлое и перевелся въ уголовное отдѣленіе. Тамъ онъ, говорятъ, пустился во всѣ тяжкія арестантской жизни. Въ памяти у политическихъ каторжанъ остался рассказъ Цыплова изъ своего прошлаго. „Воро-

чался я изъ Екатеринбургa и счастливый мнѣ попался было случай, ограбить одну богатѣйшую купчиху. Эхъ случись бы это раньше... А тогда убѣжденія мнѣ больше не позволяли“...

По увозѣ Цыплова изъ Ялуторовской тюрьмы, скоро и насъ (меня, Чудновскаго и Чернявскихъ мужа и жену) развезли по тюрьмамъ Тобольской губерніи. Чудновскаго отправили въ Курганскую тюрьму, Чернявскихъ въ Ишимскую, а меня въ Туринскую. Передъ отправкой, по распоряженію тобольскаго губернатора, насъ всѣхъ мужчинъ заковали въ ножные кандалы, которые по прибытіи на мѣста должны были быть сняты. Я выразилъ ялуторовскому исправнику свое опасеніе, какъ бы меня тамъ туринская администрація, не отказалась бы расковать. Ялуторовскій исправникъ, обратившись къ жандармскому унтеръ-офицеру сказалъ: „по прибытію въ Туринскъ, скажи чтобы его тамъ расковали“.

Бодро и весело летѣла тройка удалая и везла меня въ Туринскъ, но не весело было у меня на сердцѣ... Быть заключеннымъ въ тюрьмѣ далекаго городишки, быть совершенно одинокимъ, отрѣзаннымъ рѣшительно отъ всего живого... Перспектива не радостная. Вызываютъ моменты въ жизни каждаго человѣка, которые остаются на вѣки въ памяти. И до сихъ поръ помню я превосходно тѣ мысли, которыя мною овладѣли подъ звонъ немолкаемаго колокольчика. Моя мысль ушла тогда въ мое прошлое. Вспоминались мнѣ счастливые, дѣтскіе годы. Сынъ состоятельнаго помѣщика, наслаждался всѣми благами жизни, и никакими вопросами не задавался. И могъ ли я тогда себя представить, закованнымъ въ ножные кандалы? Отъ дѣтскихъ лѣтъ, вдругъ мысль моя перешла на тотъ періодъ жизни моей, когда я мучился мыслями кающагося дворянина. И я воспрянулъ духомъ. Кандалы, одиночное заключеніе, развѣ всѣ эти внѣшнія невзгоды могутъ сравняться съ тѣми муками, которыя происходятъ отъ внутренняго разлада съ самимъ собой? И въ ту минуту, я почувствовалъ себя какъ бы счастливымъ. А тройка все летѣла впередъ. Вотъ мы наконецъ подъѣзжаемъ къ городу Туринску, — издали видна моя будущая квартира. И опять невольно сжалось мое сердце. По прибытіи въ Туринскъ, меня ввели въ полицейское управленіе передъ грозныя очи туринскаго исправника. Закованный, беззащитный стоялъ я передъ возсѣдающимъ на креслѣ исправникомъ. Приведшій меня жандармскій унтеръ-офицеръ обратился къ туринскому исправнику: „Ваше Высокородіе, Его Высокородіе ялуторовскій исправникъ приказали по прибытіи въ Туринскъ ихъ расковать“. — „Скажи твоему ялуторовскому исправнику, громовымъ голосомъ провозгласилъ туринскій исправникъ, что онъ тамъ въ Ялуторовскѣ хозяинъ, а я здѣсь хозяинъ въ Туринскѣ“.

И повели меня пѣшкомъ въ оковахъ по городу Туринску въ тюремный замокъ. Держали меня въ оковахъ цѣлыхъ 1 1/2 мѣсяца. Писалъ я во всѣ правительственныя инстанціи прошенія. Наконецъ, по требованію тобольскаго губернатора, меня раско-

вали. Когда меня заперли въ одиночную камеру туринскаго замка, я облегченно вздохнулъ, мнѣ такъ хотѣлось быть наединѣ съ самимъ собою. Однако не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ по камерѣ, какъ къ дверямъ моей камеры подошелъ одинъ изъ уголовныхъ арестантовъ. Онъ предложилъ мнѣ табакъ, булки и старался показывать все свое сочувствіе. Вообще уголовные арестанты оказываютъ большое вниманіе секретнымъ заключеннымъ. Черезъ недѣлю послѣ моего привода въ туринскую тюрьму, приводятъ въ кандалахъ двухъ уголовныхъ преступниковъ, и сажаютъ какъ и меня въ одиночныя камеры. Новые секретные арестанты оказались убійцами.

Забрались они въ одну туринскую церковь съ цѣлью грабежа, но сторожъ помѣшалъ; чтобы спасти себя, они тутъ же въ церкви убиваютъ сторожа. Это однако не спасло ихъ: ихъ все-таки арестовали. Одного изъ нихъ посадили въ камеру, окно которой выходило на мою сторону, такъ что я могъ съ нимъ переговариваться; съ другимъ же я этого дѣлать не могъ, такъ какъ окно камеры его выходило на противоположную сторону двора. Но между собою они могли бесѣдовать другъ съ другомъ черезъ двери. Съ однимъ изъ нихъ я скоро познакомился. Товарищъ моего сосѣда сталъ уговаривать его не вести бесѣды со мной. „Онъ, говорилъ онъ, политическіе всѣ безбожники, Бога не признаютъ и ты погубишь свою душу, бесѣдуя съ нимъ“. Будь мой сосѣдъ въ другихъ условіяхъ, быть можетъ товарищъ и устранилъ бы его, но словоохотливому парню не съ кѣмъ было, окромѣ какъ со мной разговаривать, и я все больше и больше сходилъ съ нимъ. Его товарищъ, человѣкъ изъ духовнаго званія, побывавшій въ бурсѣ, тѣмъ временемъ окружилъ себя душевнеспасительными религіознаго содержанія книгами, не переставалъ между прочимъ уговаривать своего товарища, не вести разговоры со мною. Вскорѣ принципиальнаго врага моего переводятъ въ камеру, окно которой выходило также на мою сторону. Такимъ образомъ, всѣ мы втроемъ могли бесѣдовать между собою. Зная настроеніе моего новаго сосѣда, я былъ насторожѣ. Вскорѣ и съ нимъ я познакомился. Сперва, какъ я, такъ и мой новый сосѣдъ избѣгали затрагивать больныхъ мѣстъ нашихъ разногласій. Нужно упомянуть объ одномъ обстоятельстве, которое сильно подкупило моего принципиальнаго врага въ мою пользу. Сынъ состоятельныхъ родителей, я получалъ ежемесячно 40 рублей. Одинокое заключеніе не помѣшало мнѣ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ уголовными арестантами. Тратить на себя деньги, имѣя кругомъ себя голодные рты, у меня не хватало духа. Тратить же деньги на всю туринскую тюрьму мнѣ не хотѣлось, такъ какъ у меня были въ ссылкѣ и въ другихъ тюрьмахъ товарищи, очень нуждающіеся и къ тому же больные. Поэтому каждый мѣсяцъ по полученіи денегъ, я оставлялъ себѣ изъ нихъ самое незначительное количество, которое хватало бы мнѣ лишь на чай и сахаръ, остальное я сейчасъ же отправлялъ моимъ товарищамъ. Такое употребленіе моихъ денегъ стало

извѣстнымъ, не только въ тюрьмѣ, но и въ городѣ Туринскѣ. Когда я со своими сосѣдами ближе сошелся, я предложилъ имъ раздѣлится съ ними мои скудныя средства, которые я оставлялъ для себя. Такъ какъ чай былъ для насъ не по карману, то вмѣсто него мы пили цикорій. Въ это же время я сталъ учить словоохотливаго сосѣда моего грамотѣ. Несмотря на постепенно установившіеся дружескія отношенія между нами, минутами стали возникать у насъ обостренные принципиальные споры. Однажды, коснувшись формальной стороны религіозныхъ обрядовъ, я сильно поссорился съ моимъ новымъ сосѣдомъ, онъ назвалъ меня безбожникомъ и пересталъ со мной разговаривать. Ссора наша продолжалась двое сутокъ. Послѣ этого сношенія наши опять возобновились. Чувствовалось, какъ съ каждымъ днемъ, принципиальный врагъ мой становился къ моимъ взглядамъ все болѣе терпимымъ. Какъ то я ему далъ книгу Лекки „Исторія развитія раціонализма въ Европѣ“, книга эта произвела на него сильное впечатлѣніе. Прочитавъ эту книгу, онъ сталъ у меня просить такую, которая разсказывала бы ему съ „самаго начала“. Я далъ ему сочиненіе Писарева „Популяризація Дарвина“. Писаревъ произвелъ еще большее впечатлѣніе.

Разъ лежу я на кровати въ своей камерѣ, и слышу какъ разговариваютъ мои сосѣды между собою: „Эхъ братъ, какія хорошія книги я прочиталъ. И дураки же мы были съ тобою. Теперь, если мнѣ удастся убѣжать съ каторги, я первымъ дѣломъ ограблю какого нибудь купчину, а потомъ съ деньгами поѣду въ городъ, гдѣ живутъ студенты. Найму студента, пусть онъ меня учить съ самаго начала“. Не знаю удалось ли ему исполнить свой планъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора ихъ обоихъ отправили въ каторжныя работы. Я трогательно, по братски, съ ними простился.

Послѣднія событія выдвинули на арену русской жизни такихъ героевъ дня, какъ Мины, Дубасовы, Риманы, Ренненкампы, Сиверсы и Орловы.

Они затмили своей славой дѣянія своихъ отцовъ. Безпристрастная исторія оцѣнитъ ихъ подвиги по заслугамъ. Новсетаки, вспоминая свое прошлое, я утверждаю, что нашему брату, отщепенцу 70-хъ и 80-хъ годовъ, жилось не сладко. И передовому теперешнему поколѣнію не испытать больше тѣхъ адскихъ мукъ, которыя мы тогда переносили. Нынѣшняго передового дѣятеля окружаетъ сочувствующая его идеямъ атмосфера. На міру, говорятъ, и смерть красна. Да, наконецъ, теперь ясно для каждаго, куда ведетъ политика нашихъ бюрократовъ. Теперешніе борцы за освободительное движеніе не чувствуютъ свою одинокость. Ничего подобнаго не было въ наше время. Трудящаяся масса не успѣла тогда насъ узнать, а потому относилась къ намъ индифферентно; образованное же общество, хотя и сочувствовало намъ, но безсильное и трусливое, оно свое сочувствіе прятало внутрь себя такъ глубоко, что намъ отъ этого было ни тепло, ни холодно. Въ мрачныхъ казематахъ невольно на насъ находили мучитель-

ния минуты сомнѣнія. Въ головѣ мелькали мысли, приводившія насъ въ дрожь, вслухъ мы даже ихъ рѣдко высказывали: „да полно, нужны ли всѣ эти наши страданія!“ Заунывно съ дрожью въ голосъ я распѣвалъ тогда пѣсню: „О, долго цѣни роковыя съ раменъ отчизны не спадутъ, столѣтѣя грозно протекутъ и не пробудится Россія“.

Наступали угрюмые, сумрачные 80-ые года. Отовсюду вѣяло холодомъ, могильнымъ запахомъ. Въ разгарѣ реакціи въ 1888 году я снова былъ арестованъ въ Сибирѣ. По моему дѣлу былъ тогда арестованъ въ Туринскѣ, Тобольской губерніи, политическій ссыльный Константинъ Стери, теперешній видный членъ румынской Палаты Депутатовъ. Однажды къ нему въ камеру заходить Тобольскій губернский прокуроръ и ехидно замѣчаетъ: ну, вотъ прочитайте произведеніе вашего славнаго Льва Тихомирова. При этихъ словахъ, онъ вручаетъ Стери „Московскія Вѣдомости“ со статей Льва Тихомирова. Имя послѣдняго цѣнилось высоко въ революціонныхъ кругахъ. Сидя въ тюрьмѣ далекаго сибирскаго города, Стери ничего не зналъ о той эволюціи, которая совершилась въ головѣ Тихомирова. Левъ Тихомировъ извѣстенъ былъ Стери, какъ редакторъ революціоннаго органа „Вѣстникъ Народной Воли.“ Статья Тихомирова, какъ громомъ поразила Стери, и онъ, не долго думая, по уходѣ прокурора вѣшается; къ счастью, веревка не выдержала грузнаго тѣла Стери, и онъ съ грохотомъ срывается съ петли. На шумъ прибѣгаетъ тюремный надзиратель и застаетъ Стери въ безчувственномъ состояніи.

Да, то были тяжелыя времена, дай Богъ, чтобы они больше не повторялись. Гдѣ же должны мы были искать себѣ поддержки?

Наши убѣжденія—вотъ та опора, которая насъ поддерживала въ минуту жизни трудной. Мы были тогда глубоко вѣрующими людьми; и вотъ почему, какая бы обстановка насъ ни окружала, мы искали въ ней себѣ приверженцевъ. И никто не имѣетъ права бросить намъ упрекъ за то, что мы находили себѣ прозелитовъ среди воровъ и разбойниковъ. Воспитанные на русской гуманитарной литературѣ, мы глубоко вѣрили въ человѣка и находили его всюду. Правда мы временами походили на Донъ-Кихотовъ, но, понимая въ широкомъ смыслѣ, не Донъ-Кихотство ли спасло всѣ лучшія силы въ нашемъ обществѣ. Ибо все „здравомыслящее“, всѣ такъ называемые уравнившеныя погружались тогда въ житейскую практику, которая въ то время вывѣтривала всѣ лучшія идеальныя стороны человѣка. И въ лучшемъ случаѣ, русская житейская практика выдвигала на поверхность благонамѣренныхъ Пшотльцевъ.

Краткія свѣдѣнія о Стери. Дегаевщина, а за нимъ арестъ Лопатина, смели послѣдніе остатки народовольческой организаціи. Въ числѣ арестованныхъ былъ въ 1885 году студентъ Новороссійскаго университета Константинъ Стери, и сосланъ былъ 1886 году въ Курганъ, Тобольской губерніи. Тамъ онъ имѣлъ столкновеніе съ мѣстной администраціей, за что былъ тобольскимъ губернаторомъ переведенъ на сѣверъ въ городъ Туринскъ. Въ то время,

между нами, ссыльными Тобольской губерніи, назрѣла идея объединить политическихъ ссыльныхъ посредствомъ гектографированнаго журнала. Инициаторомъ этого дѣла былъ Стери. Въ 1887 году въ Туринскѣ онъ вмѣстѣ съ другими ссыльными выпустилъ гектографированный журналъ. Нѣсколько экземпляровъ было послано въ Восточную Сибирь, но по дорогѣ посылку вскрыли, и началось дѣло. Стери былъ арестованъ вмѣстѣ съ другими соучастниками и сосланъ въ Енисейскую губернію. По окончаніи срока ссылки, онъ возвратился на родину, но тамъ на родинѣ, стояла тогда еще удушливая атмосфера; то было время конца царствованія Александра III-го. Тяжелый гнетъ самодержавнаго строя такъ сильно давилъ людей, что имъ, а въ томъ числѣ и Стери, казался соблазнительнымъ даже государственный строй такой страны, какъ Румыніа. Стери, — румынъ по происхожденію, покинулъ Россію и уѣхалъ на новую свою родину, Румынію. Вотъ что мнѣ передавало лицо, вполне заслуживающее довѣрія о Стери, котораго оно видѣло въ Румыніи: воспитанный на русской литературѣ, Стери попалъ въ полуварварскую страну, въ которой внѣшнія формы конституціоннаго государства не совсѣмъ соответствуютъ внутреннему содержанію.

Такъ называемое культурное общество въ Румыніи пропитано себялюбивыми, узко эгоистическими классовыми тенденціями. Малая интеллигентность общества даетъ себя знать на каждомъ шагѣ. Нигдѣ въ мірѣ не развито такое отчаянное юдофобство, какъ въ Румыніи.

Сначала Стери примкнулъ къ румынской социаль-демократической партіи, во главѣ которой стояли тогда русскіе эмигранты.

Но, понятно, въ полуварварской странѣ, гдѣ къ тому же промышленность совсѣмъ не развита, социаль-демократическая дѣятельность не могла имѣть широкаго простора.

Стери же, уѣхавъ изъ Россіи, именно и жаждалъ этого простора. Онъ вышелъ изъ социаль-демократической партіи, примкнулъ къ либеральной румынской партіи и былъ избранъ въ депутаты румынскаго парламента.

Однако, дѣйствительность показала всю ошибочность расчетовъ Стери. Его товарищами въ борьбѣ, члены либеральной партіи, оказались до мозга костей пропитанными узко эгоистическими вождельніями, и были способны лишь на одно мелкое политиканство.

Воротись Стери изъ Сибиріи въ Россію нѣсколькими годами позже, когда наша несчастная родина стала пробуждаться, онъ бы остался въ Россіи и былъ бы въ ней полезнымъ дѣятелемъ.

Мнѣ передавали, что рѣчи Стери имѣли большой успѣхъ въ румынской палатѣ депутатовъ, что даже при румынскомъ дворѣ обращено было на него вниманіе и его стали приглашать на аудіенціи къ королю. Тѣмъ не менѣе, мнѣ прежній, искренній, прямодушный, далекій отъ какихъ бы то ни было компромисовъ

Константинъ Стери былъ болѣе по душѣ, — тотъ Стери, на котораго такъ трагически отразилась перемѣна фронта Льва Тихомирова.

Нѣсколько словъ, по поводу Льва Тихомирова. Ни одинъ фактъ прежней современной жизни не могъ такъ удручающе на насъ повліять, какъ появленіе на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ имени Льва Тихомирова. Приходилось мнѣ встрѣчать людей, переболѣвшихъ внутренне въ ссылкѣ и на каторгѣ. Одни дѣлались индифферентистами, другіе вырабатывали себѣ новыя міровозрѣнія, третьи, безъ всякой болѣзненной внутренней ломки опускались до уровня простого обывателя. Нельзя сказать, чтобы встрѣча съ такими людьми доставляла большое удовольствіе. Въ 1894 году я встрѣтился, напримѣръ, съ однимъ моимъ товарищемъ по Петропавловской крѣпости. Когда-то я съ нимъ бунтовалъ въ крѣпости. Какъ теперь помню, какъ я изъ окна моей камеры кричалъ Сашкѣ Л. и спрашивалъ, начинать ли бить стекла. Всегда веселый и предпримчивый онъ мнѣ казался тогда идеальнымъ человѣкомъ. Въ домѣ предварительнаго заключенія онъ сблизился особенно близко съ Муравскимъ. Съ любовью всегда смотрѣлъ я, какъ старецъ Митрофанъ Муравскій, побывавшій уже 6 лѣтъ въ каторжныхъ работахъ, велъ интимную бесѣду съ юнымъ Сашкой Л. Былъ Сашка Л. также друженъ и съ Катей Брешковской. Обыкновенно, когда встрѣчаешься со старымъ товарищемъ, сейчасъ же начинаются воспоминанія о прошломъ. Но тутъ, при встрѣчи съ Сашкой, я пріумолкъ, такъ какъ почувствовалъ, что передъ мной сидитъ человѣкъ, много внутренне перестрадавшій въ ссылкѣ и на каторгѣ, и что воспоминанія о прошломъ причиняютъ ему одно страданіе. Отъ прежняго Сашки ничего не осталось, но все-таки чувствовалось, что Сашка остался навсегда человѣкомъ, неспособнымъ ни на какія утробныя подлости.

Левъ Тихомировъ, конечно, могъ измѣнить свои убѣжденія, это его личное право, но засѣсть въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“, — это уже понять трудно. Кстати, расскажу здѣсь о *встрѣчѣ* моего товарища по ссылкѣ Лебедева съ Львомъ Тихомировымъ.

Въ 1887 году присланъ былъ къ намъ, въ Ялutorовскъ, въ ссылку Лебедевъ (бывшій воронежскій семинаристъ). Недолго онъ пробылъ въ Ялutorовскѣ. Разъ съ двумя своими товарищами, Молдавскимъ и Орловымъ, отправился онъ на ночь ловить рыбу на берегъ рѣки Тобола. На другой день полицейскій, обходя квартиры ссыльныхъ, узналъ, что вышеупомянутые ссыльные съ вечера ушли куда-то и, о ужасъ, не ночевали дома. Поднялась тревога. Исправникъ тотчасъ телеграфируетъ тобольскому губернатору о такомъ важномъ происшествіи, тотъ въ свою очередь телеграфируетъ исправнику: поймать бѣглецовъ и выслать ихъ въ Тобольскъ. Поймать ихъ не стоило большого труда. Забравши съ собою провизію, мнимые бѣглецы наслаждались природой на берегу рѣки Тобола. Тамъ ихъ погоня и нашла. По

точному приказанію начальства, любителей рыбной ловли отправили сейчас же въ Tobольскъ, а оттуда губернаторъ выслать ихъ въ одинъ изъ самыхъ сѣверныхъ городовъ—Сургутъ. Городъ этотъ служилъ какъ бы карцеромъ для тобольской губерніи, куда губернаторъ ссылалъ непокорныхъ политическихъ ссыльныхъ. Но и изъ этого гибельнаго мѣста вышеупомянутый Лебедевъ на сей разъ дѣйствительно убѣжалъ. Въ это время въ Россіи ходили уже упорные недобрые слухи о Левѣ Тихомировѣ. Лебедевъ такъ былъ пораженъ этими слухами, что не хотѣлъ вѣрить имъ. Ему захотѣлось лично побесѣдовать съ Тихомировымъ. Онъ эмигрируетъ, пріѣзжаетъ въ Парижъ. Тамъ, узнавъ адресъ Льва Тихомирова, отправился къ послѣднему. Съ трепетомъ онъ подходилъ къ квартирѣ Тихомирова. На звонокъ дверь отворилъ самъ Левъ. Когда Лебедевъ объявилъ цѣль своего прихода, тотъ сталъ на него кричать: „Оставьте меня въ покоѣ, я всѣмъ уже объявилъ, что не хочу больше имѣть дѣло съ вашимъ братомъ“. Какъ ошпаренный, вылетѣлъ Лебедевъ съ квартиры Тихомирова.

Вскорѣ оба какъ Левъ Тихомировъ, такъ Лебедевъ очутились въ Россіи. Первый засѣлъ на Страстномъ бульварѣ, въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, второй былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму, а потомъ высланъ административнымъ порядкомъ въ самое отдаленное сѣверное мѣсто Якутской области, Булунъ (при впаденіи Лены въ Ледовитый океанъ), куда до него ни одинъ ссыльный не ссылался.

Такимъ образомъ, добродѣтель награждается, а порокъ карается. Одно несомнѣнно, Левъ Тихомировъ представляетъ изъ себя историческую личность, и какъ таковая, она должна занять мѣсто на страницахъ историческаго журнала „Былое“. Можно смѣло сказать, что въ концѣ 80-ыхъ годовъ ни одно письмо ссыльнаго не обходилось безъ упоминанія его имени. Ни одинъ разговоръ въ ссылкѣ не начинался и не кончался безъ упоминанія о немъ. И, я думаю, историческому журналу „Былое“ интересно было бы прослѣдить, какое впечатлѣніе на политическихъ ссыльныхъ произвелъ переходъ Льва Тихомирова во вражій станъ.

Въ 1899 году я встрѣтился съ однимъ товарищемъ по ссылкѣ, Т.; онъ оказался землякомъ Льва Тихомирова, зналъ его съ дѣтскихъ лѣтъ. „Я,—сказалъ онъ мнѣ,—не допускаю чтобы Левъ Тихомировъ совершилъ сознательную измѣну, я увѣренъ въ искренности его, просто человекъ надорвался“. Насъ, ссыльныхъ, это объясненіе не удовлетворило. Мы, ссыльные, видели всякіе виды, встрѣчали мы и надорванныхъ людей. Мы были тогда подъ впечатлѣніемъ тихомировской статьи: „Въ мірѣ мерзостей и запустеній“, помѣщенной въ „Вѣстникъ Народной Воли“, въ которой въ яркихъ краскахъ разобрана была „Дегаевщина“. Въ памяти также были и его статьи въ легальномъ журналѣ „Дѣло“.

И, вдругъ, дорогое для насъ имя видѣтъ на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“...

Какъ утѣшеніе, намъ въ послѣдствіи стали говорить:

„Левъ Тихомировъ никого не выдалъ“. Плохое утѣшеніе.

Развѣ, отвѣчали мы, Левъ Тихомировъ не сталъ во главѣ газеты, которая нѣсколько десятковъ лѣтъ не брезгала простымъ сыскомъ?

Да, намъ бывшимъ ссыльнымъ памятно ренегатство Тихомирова... Выброшенные за бортъ русской общественной жизни, мы, ссыльные, и тамъ, въ далекой Сибири, сумѣли пріобщиться къ общественной жизни и быть полезными для своей пострадавшей родины.

Выше я уже показалъ, что мы даже въ сырыхъ и темныхъ казематахъ не сидѣли сложа руки, что мы и тамъ старались вносить лучъ свѣта въ темное царство. Понятно, послѣ этого не могли же мы сидѣть въ Сибири на рѣкахъ Вавилонскихъ и только плакать.

Оторванные отъ русской жизни, юныя силы молодой Россіи были поселены по городамъ и весямъ далекой окраины группами отъ десяти до тридцати и болѣе человѣкъ. Группы эти сперва жили совершенно изолированной жизнью, не соприкасаясь съ окружающею ихъ жизнью Сибири. Такая изолированность вызывала аномальныя явленія, люди, такъ сказать, жарились въ своемъ собственномъ соку. Пристекали разныя некрасивыя, печальныя, внутреннія исторіи. Тѣ личные недостатки, которые при широкой общественной работѣ сглаживаются, въ узко кружковой жизни, бросались въ особенности въ глаза, пріувеличивались. Нужно сказать правду, мы, ссыльные, нерѣдко больше страдали отъ этихъ внутреннихъ исторій, нежели отъ вѣшняго гнета. Бывали случаи, когда исторіи кончались самоубійствами, какъ это было въ Ялуторовскѣ.

Вскорѣ однако все измѣнилось къ лучшему. Мы начали присматриваться къ окружающею насъ сибирской жизни. И радости, и печали окружающихъ насъ людей стали намъ дороги. Мало-помалу ссыльные кружки превратились въ культурные центры далекой Сибири. Въ каждомъ такомъ центрѣ находился или врачъ изъ ссыльныхъ, весь отдавшійся страждущему люду, или педагогъ, воспитавшій не одного сибирскаго юношу.

Мѣстные отдѣлы Географическаго общества, Восточно-сибирскій и Западно-сибирскій, не обходились безъ работъ ссыльныхъ. Ими же предпринимались ученые экспедиціи, напр., Якутская на средства Сибирякова. Главный же рычагъ, при посредствѣ котораго мы, ссыльные, стали играть замѣтную роль въ окружающею насъ жизни, была печать. Въ Томскѣ въ началѣ 80-хъ годовъ начала издаваться „Сибирская Газета“. Руководителями ея были ссыльные, Феликсъ Волховской и Соломонъ Чудновскій. Такъ какъ вся Сибирь была тогда наполнена политическими ссыльными, то понятно въ „Сибирской Газетѣ“ легко можно было заручиться мѣстными интеллигентными корреспондентами. Ни одинъ замѣтный фактъ сибирской жизни не ускользалъ отъ глазъ талантливаго обозрѣвателя сибирской жизни.

Феликсъ Волховской, еженедѣльно въ фельетонѣ дѣлая какъ-бы прогулку по сибирской тайгѣ, остро высмѣивалъ мѣстныхъ

Держимордовых и Колупаевыхъ; высмѣивалъ такъ, что и придраться нельзя было, такъ какъ не упоминалъ ни имени Держиморды, ни мѣста. Напримѣръ, Тобольскъ, въ которомъ находился тогда губернаторъ Лисогорскій, назывался Плѣшогорскимъ. Незамѣтнымъ образомъ политическіе ссыльные заняли мѣсто прокурорскаго надзора. Мѣстные акулы и самодержцы стали съ опаской поглядывать въ сторону ссыльныхъ. Всѣ же обиженные, униженные и оскорбленные, тайкомъ крадучись, приходили къ намъ съ жалобами, фактами, обличительными документами. Корреспонденціи повліяли благотворно и на насъ самихъ. Мы стали чувствовать себя не отчужденными отъ окружающей насъ жизни. По необходимости мы должны были зорко присматриваться къ людямъ и порядкамъ захолустныхъ городковъ и весей.

Правда, нерѣдко страдали отъ этого наши бока, но гдѣ же наша не пропадала? За то мы сохраняли живую душу и способность къ активной борьбѣ.

Въ то время, какъ тамъ, за Ураломъ, въ Европейской Россіи, догорала послѣдняя активная борьба народовольцевъ и стала возникать „толстовщина“, а въ покойной „Недѣлѣ“ стать молоть Емеля свою недѣлю, мы, ссыльные, въ Сибири не складывали своего знамени борьбы.

Будущій историкъ Сибири долженъ остановиться на роли политическихъ ссыльныхъ въ этой отдаленной окраинѣ. Имя хотя бы такого человѣка, какъ Феликсъ Волховской, не останется безъ должнаго вниманія этимъ историкомъ.

Сергѣй Жебуневъ.

Изъ моего революціоннаго прошлаго.

(Очеркъ первый).

На первыхъ порахъ ¹⁾).

Я, и по отцу, и по матери, нахожусь въ родствѣ съ крестьянствомъ. Въ силу этого я болѣе, чѣмъ большинство современной мнѣ революціонной молодежи былъ знакомъ съ невзгодами жизни русскаго крестьянства. По матери мои родственники крестьяне уже на моей памяти освободились отъ крѣпостного ига. Мнѣ съ ранняго дѣтства приходилось слышать и отъ моей матери и отъ родственниковъ крестьянъ о всѣхъ прелестяхъ крѣпостного права въ Россіи. Кромѣ того, отецъ мой въ годы моего ранняго дѣтства былъ дякомъ въ крѣпостной деревнѣ Глафировкѣ и мнѣ своими глазами приходилось видѣть въ дѣтствѣ много возмутительныхъ сценъ и предъ крыльцомъ барской конторы и предъ окнами барскаго дома, гдѣ съ правильностью достойной лучшей участи всѣмъ, провинившимся въ продолженіи недѣли, по воскресеньямъ дѣлалось отеческое внушеніе при помощи розогъ и плетей. Намъ, своимъ дѣтямъ, наша мать съ печалью на лицѣ рассказывала, какъ дѣдушка, въ возрастѣ 75-лѣтнемъ, умеръ подъ плетями, подвергнутый этому наказанію своимъ помѣщикомъ. Помню я свою деревню и въ тотъ историческій моментъ, когда прошелъ слухъ о

¹⁾ Я предпосылаю нѣсколько словъ къ тому ряду статей, которыя я задумалъ написать въ журналѣ „Былое“. Дѣлаю это въ тѣхъ видахъ, чтобы читатель напередъ зналъ, что онъ найдетъ въ нихъ. Это будутъ мои воспомнанія съ начала моего знакомства съ освободительнымъ движеніемъ 70-хъ годовъ вплоть до выхода моего изъ Шлиссельбургской крѣпости. Лично о себѣ я буду говорить лишь попутно, въ связи съ тѣмъ, чего я былъ свидѣтелемъ и въ чемъ непосредственно принималъ участіе. Главною же задачей моей будетъ познакомить читателей „Былого“ съ развивающимся революціоннымъ движеніемъ 70-хъ годовъ, съ лицами, принимавшими въ немъ участіе, съ которыми я лично сталкивался въ томъ или другомъ актѣ освободительнаго движенія. Кратко говоря, — это будетъ не біографія моя, а рассказъ о тѣхъ событіяхъ, которыхъ я былъ очевидцемъ или знаю о нихъ со словъ людей, принимавшихъ участіе въ нихъ. Называю этотъ рядъ статей такъ: „Изъ моего революціоннаго прошлаго“. Огдѣльные главы будутъ носить свои названія сообразно содержанию ихъ. Напередъ говорю читателю, что хронологія въ этихъ статьяхъ — самый слабый пунктъ. Предо мною развертывается цѣлый рядъ картинъ изъ этого прошлаго, но часто я только могу сказать, что это было, весной, зимой, лѣтомъ, осенью. Но все же я, если не совершенно точно буду обозначать дату того или другаго событія, то годъ все же точно будетъ указанъ.

волѣ среди крестьянъ. Передъ какимъ-то праздникомъ усыпались пескомъ аллеи у барскаго дома. Мы дѣти, какъ обыкновенно это бываетъ, стояли и смотрѣли на работу крестьянъ. Одинъ изъ крестьянъ взявъ съ воза на лопату песку, обратился ко мнѣ со словами: «смотри, хлопче, якъ добрі люде сіють хлѣбъ» и сталъ разсѣвать горстью песокъ, какъ сѣютъ зерно по нивѣ. «Учись, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, а то, якъ отпустятъ насъ на волю, самому придется хлѣборобить!» Всего въ 12 верстахъ отъ деревни, гдѣ мой отецъ дьяконствовалъ, въ деревнѣ Сазанлокъ, было усмиреніе крестьянъ во время освобожденія на волю и хотъ самъ я не видѣлъ и не слышалъ залповъ въ толпу, но слышалъ разсказы объ этомъ въ родномъ домѣ. Словомъ, я въ моемъ дѣтствѣ прибрѣлъ достаточно матеріала о жизни крестьянъ и имѣлъ настолько вѣрное о ней представленіе, чтобы относиться съ искренней симпатіей къ движенію 70-хъ годовъ во имя народа. И тѣмъ не менѣе, а можетъ быть и именно потому, что грань между мной и безправнымъ мужикомъ легла дальше,—я на первыхъ порахъ моего студенчества долго отбивался отъ освободительнаго движенія, которое захватывало каждого юношу съ чуткой душой къ чужому горю. Помню, когда, прослушавъ первый курсъ медико-хирургической академіи, проживъ каникулы въ домѣ отца, который былъ уже въ это время священникомъ въ деревнѣ Самарскѣ, я выѣзжалъ вновь изъ дома въ Петербургъ и моя старшая сестра, которую я во время каникулъ познакомилъ съ тѣмъ, что происходило въ то время въ студенческой средѣ и вообще въ Петербургѣ среди молодежи, провожая меня, сказала: «смотри, братъ, будь остороженъ, не попадайся!»,—то я, успокаивая ее, говорилъ вполнѣ искренно: «не безпокойся! Разъ ужъ я взялъ быка за рога, то выпустить ихъ изъ рукъ—не выпущу!» И дѣйствительно, первые два года моего студенчества я интересовался освободительнымъ движеніемъ между дѣломъ. Главной цѣлью моей было окончить курсъ тѣхъ наукъ, которымъ я посвятилъ себя и которыя были моей мечтой на семинарской скамьѣ. Зачѣмъ я находилъ нужнымъ добиться докторскаго диплома,—отвѣта опредѣленнаго на этотъ вопросъ я не давалъ себѣ. Я никогда не ставилъ себѣ вопроса,—а чтожъ потомъ, когда я получу докторскій дипломъ, что тогда буду дѣлать? Я чувствовалъ себя неловко, когда этотъ вопросъ возникалъ въ моемъ умѣ и вотъ почему. Проѣзжая изъ Петербурга на родину, я по дорогѣ заѣхалъ въ деревню Никитовку, Бахмутскаго уѣзда, родину моего отца, къ моимъ родственникамъ крестьянамъ. На вопросы ихъ, что я дѣлаю въ Петербургѣ, чему учусь, я разсказывалъ, что учусь на доктора.—«Ну, значитъ,—сказалъ мнѣ дядя отца, мой двоюродный дѣдъ,—довольно сурово, мнѣ казалась,—окончишь науку, мы, крестьяне будемъ тебѣ платить за то, что ты будешь насъ потрошить». Съ тѣхъ поръ, когда я ставилъ себѣ этотъ вопросъ, я вспоминалъ своего суроваго дѣда, который обтесываніе мельничныхъ жернововъ, чѣмъ онъ занимался, мнѣ казалось, представлялъ себѣ болѣе благороднымъ дѣломъ. Такъ этотъ вопросъ все время моего студенчества оставался нерѣшеннымъ. И когда въ мою душу врывались вопросы, которые волновали умы молодежи и я задумывался надъ ними, рѣшалъ въ какое отношеніе къ

происходящему вокруг меня я стану, я кончалъ тѣмъ, что успокаивался на такомъ отвѣтѣ: прежде всего нужно завоевать свою независимость, а потомъ уже думать о другихъ. Отвѣтъ такой понятно само собой не успокаивалъ меня и тѣмъ менѣе мѣшалъ мнѣ посѣщать собранія молодежи, гдѣ обсуждались вопросы, которые ставила жизнь и литература, гдѣ читались рефераты по общественнымъ вопросамъ, читалась литература, полученная контрабанднымъ путемъ изъ заграницы. Первый кружокъ такого характера, въ которомъ я считался въ числѣ членовъ, собирался по Кронверскому проспекту, въ квартирѣ Кибальчича. Въ кружкѣ этомъ была выработана программа по общественнымъ вопросамъ, по которой каждый членъ кружка бралъ по своему выбору ту или другую общественную тему и готовилъ рефератъ. По воскресеньямъ и четвергамъ эти рефераты читались, обсуждались; обсуждения эти почасту переходили въ бурныя пренія, затягивавшіяся за полночь. Второй кружокъ въ этомъ родѣ образовали екатеринославцы и астраханцы на Петербургской сторонѣ, по Большой Дворянской улицѣ, домъ № 13-й. Внутри двора мы наняли квартиру въ 4 комнаты съ кухней и основали здѣсь такъ называемую студенческую квартиру и столовую для приходящихъ студентовъ. Столовая наша была довольно обширная комната и въ ней по вечерамъ собирались сходки. Сначала сходки эти состояли изъ студентовъ близко другъ друга знающихъ; но когда молва разошлась среди радикальной молодежи о благодатномъ уголкѣ для сходокъ, наша квартира превратилась въ общее мѣсто для сходокъ. Собирались тутъ иногда и очень многолюдныя сходки. Здѣсь часто читалъ и Каблецъ свои рефераты, извѣстный потомъ въ литературномъ мірѣ подъ псевдонимомъ Юзова. Здѣсь же раздавался кличъ въ народъ, разбирались программы Лаврова, или вѣрнѣе программа журнала «Впередъ», Бакунина, Ткачева и пр. Кромѣ того квартира эта была справочнымъ пунктомъ для прїѣзжавшихъ изъ провинціи, а въ концѣ концовъ и мѣстомъ для ночлега прїѣзжавшихъ въ Питеръ изъ провинціи радикаловъ. Тутъ были и изъ Кіева, и изъ Харькова, и изъ Ростова. Часто приходилось ложиться при одномъ составѣ ночлежниковъ и вставать при втрое увеличенномъ ихъ составѣ. Всякій, не имѣющій опредѣленной квартиры, заворачивалъ на Большую Дворянскую, въ д. № 13-й. Наша квартира даже стала извѣстной Колышкину, извѣстному въ то время начальнику секретнаго отдѣленія. Былъ выпущенъ изъ тюрьмы нѣкто, извѣстный въ радикальномъ мірѣ подъ именемъ «Дѣдушки», фамилія его, если мнѣ не измѣняетъ, Харламовъ. За неимѣніемъ мѣста ночлега, онъ пришелъ переночевать къ намъ. На другой день по какому-то поводу ему пришлось имѣть дѣло съ этимъ самымъ Колышкинымъ и услышать отъ него: «Вотъ видите, только васъ выпустили изъ тюрьмы, а вы ужъ сегодня ночевали въ притонѣ на Большой Дворянской улицѣ. Такимъ образомъ я незамѣтно для себя втягивался въ круговоротъ царящаго тогда надъ молодыми умами общественнаго движенія. Помнится мнѣ одинъ эпизодъ, который глубоко задѣлъ мое честолюбіе. Въ это время я уже въ достаточной степени былъ захваченъ общественнымъ движеніемъ, но пока все-таки я еще усердно занимался и по академіи. Мой товарищъ по

квартирѣ Рудаковъ и я, сверхъ обязательныхъ занятій по практической гистологіи въ микроскопическомъ залѣ, рѣшили еще заниматься при кабинетѣ профессора Жварыкина съ микроскопомъ. Работали мы съ нимъ въ комнатѣ рядомъ съ заломъ для практическихъ занятій студентовъ. Въ одно время, когда шли въ микроскопическомъ залѣ занятія по паталогической анатоміи 3 го курса, и одинъ изъ моихъ знакомыхъ студентовъ 3-го курса вошелъ въ ту комнату, гдѣ я занимался, я какъ разъ въ это время имѣлъ на предметномъ стеклѣ такъ называемый дондерса разрѣзъ соединительной ткани. Препаратъ мнѣ очень удался и я предложилъ моему знакомому посмотреть въ мой микроскопъ. Онъ посмотрѣлъ и, уходя обратно въ залу, у самыхъ дверей, якобы обращаясь къ своимъ товарищамъ, а въ дѣйствительности имѣя въ виду меня, сказалъ: на 2-мъ только еще курсѣ, а изъ-за дондерсаленты не видить ничего, что происходитъ вокругъ. Послѣ этого я въ этотъ день больше не могъ заниматься, пришелъ домой взволнованный и сконфуженный. Мнѣ казалось, что всякій студентъ, при встрѣчѣ со мной, то же самое думаетъ обо мнѣ. Мнѣ казалось, что въ глазахъ постороннихъ я такой же чудакъ, каковымъ былъ въ моихъ глазахъ Груберъ, когда однажды, показывая мнѣ, какъ нужно отпрепарировать *vena suphena*, обозвалъ дуракомъ солдата за то, что тотъ, не зная направленіе этой вены, не умѣлъ выжать кровь изъ вены и теръ тряпкой совсѣмъ не тамъ, гдѣ проходила эта вена. Когда Груберъ сказалъ: дуракъ, не знаетъ, гдѣ *vena suphena*, и самъ, взявши тряпку, сталъ вытирать, я удивленно переводилъ свои глаза съ Грубера на солдата и обратно и думалъ про себя: неужели же Груберъ находится въ невѣдѣніи, что русскіе крестьяне, поставлявшіе исключительно солдатъ до 74-го года въ Россіи, анатоміи не изучаютъ. Прошу у читателя извиненія за это отступленіе. Я имѣлъ въ виду, упомянувъ здѣсь объ этомъ эпизодѣ, показать читателю, въ какой мѣрѣ въ глазахъ студенчества того времени царили общественные вопросы, если студентъ медикъ 3-го курса ставитъ ихъ на первомъ планѣ, а затѣмъ уже науки его специальности. Такъ я жилъ 2 года въ борьбѣ съ самимъ собой: я хотѣлъ окончить курсъ, а меня втягивало общественное теченіе. Въ такомъ душевномъ равновѣсіи я перешелъ на третій курсъ. Въ одно время утромъ, когда я собирался въ академію, приходитъ ко мнѣ Петръ Петровичъ Воскресенскій и говоритъ мнѣ, что одинъ нелегальный нуждается въ ночлѣгѣ, и что пока будетъ ему подыскана болѣе безопасная квартира, нельзя ли будетъ ему сегодня переночевать у меня въ комнатѣ. Въ это время я жилъ на Нижегородской улицѣ, недалеко отъ академіи, въ компаніи астраханцевъ. Я указалъ мою комнату П. П.—чу, прибавивъ, что иду на лекцію, и что въ случаѣ раньше, чѣмъ я возвращусь, онъ приведетъ его, то пусть занимаетъ вотъ эту мою комнату. Я совершенно не ожидалъ, какой сюрпризъ ждалъ меня и отправился, куда собрался раньше. Возвратившись вечеромъ, я увидалъ на моей кровати спящимъ моего товарища по духовному училищу Емельянова, извѣстнаго публикѣ подъ фамиліей Боголюбова, того самаго Боголюбова, надъ которымъ варварски надругался въ домѣ предварительнаго заключенія Треповъ. Этого Алешу Емельянова, из-

вѣстнаго подѣ именемъ овцы въ духовномъ училищѣ за его кротость, я не видѣлъ лѣтъ 6-ть. Мы вмѣстѣ были въ Новочеркасскомъ духовномъ училищѣ, онъ въ Новочеркасскѣ же и остался, а я перешелъ въ духовную семинарію въ Екатеринославъ. Изъ его разсказа о времени, въ которое мы другъ друга не видали, я узналъ, что онъ, по окончаніи духовной семинаріи, поступилъ въ харьковскій ветеринарный институтъ и вскорѣ же по поступленіи бросилъ его и отправился въ народъ. Прошелъ въ качествѣ рабочаго изъ Ростова на Дону до Калача, прошелъ по Волгѣ, былъ на Кавказѣ. Разсказалъ мнѣ много сценъ изъ своихъ столкновеній съ народомъ во время его путешествія. Предо мной стоялъ теперь уже совсѣмъ не тотъ Алеша, котораго я зналъ въ Новочеркасскомъ духовномъ училищѣ. Явился же сейчасть онъ въ Петербургъ изъ Воронежской губерніи, Новохоперскаго уѣзда, деревни Пески, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Мозговымъ велъ не безъ успѣха пропаганду. Но нагрянули жандармы, и онъ, Андреичъ, какъ онъ назывался въ революціонной средѣ, воспользовался услугами крестьянъ и бѣжалъ, а Мозговой, служившій въ Пескахъ въ качествѣ волостного писаря, не желая переходить въ нелегальное положеніе и надѣясь на то, что найденныя при арестѣ нѣкоторыя книжки—вполнѣ легальныя,—которыя они читали крестьянамъ, не столь важное преступленіе, не захотѣлъ скрыться изъ Песковъ и за свое довѣріе теперь сидѣлъ въ тюрьмѣ. Многое въ эту ночь мы съ Андреичемъ переговорили, переговорили по душѣ, какъ старые товарищи, такъ нечаянно другъ съ другомъ вновь встрѣтившіеся. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ и въ это лѣто отправиться на Волгу, приглашалъ и меня туда же. Но я все еще не рѣшался окончательно разрѣшить гамлетовское быть или не быть. Мнѣ все еще жаль было разстаться съ моими мечтами окончить курсъ медико-хирургической академіи, но, съ другой стороны, я ясно понималъ, что я не могу оставаться простымъ свидѣтелемъ того общественнаго призыва въ народъ, который звучалъ среди лучшей молодежи того времени. Я все еще думалъ совмѣстить общественную мою дѣятельность съ желаніемъ продолжать мои занятія по академіи, все еще думалъ поймать двухъ зайцевъ. Лѣто 75 года съ раздвоенной душой я провелъ въ домѣ отца въ деревнѣ, гдѣ усиленно занимался химіей и гистологіей, и въ то же время предо мной неотвязно стоялъ вопросъ: какъ же быть мнѣ дальше съ вопросами, которые все настойчивѣй требовали отъ меня отвѣта на нихъ. У меня прожили съ недѣлю въ это же лѣто Андреичъ и Валерьянъ Осинскій. Валерьянъ Андреичъ Осинскій тоже рвался въ народъ, но удерживало его другое, чѣмъ меня. Онъ въ это время былъ секретаремъ городской ростовской управы и не могъ бросить этого мѣста потому, что образовавшійся въ Ростовѣ кружокъ считалъ его болѣе полезнымъ для дѣла на мѣстѣ секретаря, чѣмъ въ народѣ. По окончаніи каникулъ я возвратился въ Петербургъ довольно поздно. Въ Петербургѣ еще продолжала существовать квартира на Большой Дворянской улицѣ. Характеръ ея продолжалъ оставаться тѣмъ же. Она въ этомъ году сдѣлалась узломъ нѣсколькихъ революціонныхъ группъ молодежи. Сюда тянули: такъ называемый центръ, представителемъ котораго были Марія Николаевна Ошанина и Марія Васильевна Лаврова, стоявшія за программу

дѣятельности Ткачева и извѣстные среди революціонеровъ подъ названіемъ ткачевцевъ или набатчиковъ; такъ называемая группа Владыкина, или бунтари, затѣмъ молодая группа студентовъ университета, во главѣ которой были Георгій Преображенскій и Леонидъ Булановъ. Этотъ моментъ въ моей жизни былъ моментомъ, если не перелома, то надлома. Правда, я еще числился въ числѣ студентовъ академіи, но группа, въ которой я состоялъ членомъ, имѣла уже многихъ изъ своихъ членовъ, работающихъ въ народѣ и состояла къ нимъ въ обязательство дѣловыхъ отношенійхъ. Въ народѣ были: Андреичъ, Титычъ, Гартманъ, Быковцевъ, Медвѣдевъ, и нашей обязанностью было доставлять имъ денежныя средства, литературу и пр., и если кто-либо изъ нихъ пріѣзжалъ по какому-либо дѣлу въ Петербургъ, то поступалъ въ качествѣ жильца къ намъ. Мы же всѣ, остававшіеся еще въ Петербургѣ, подготавливались къ предстоящей намъ революціонной дѣятельности. Съ этой цѣлью у насъ была устроена на Петербургской сторонѣ столярная мастерская, гдѣ мы учились работать, и куда по воскресеньямъ приходилъ знакомый столяръ-рабочій учить насъ этому ремеслу. Наша же группа устроила въ Колпино на артельныхъ началахъ изъ Колпинскихъ рабочихъ слесарную мастерскую, съ цѣлью занятій съ рабочими. Руководилъ этими занятіями въ Колпино съ рабочими я. Я знакомилъ рабочихъ съ экономическимъ ученіемъ Маркса. Для этой цѣли я переселился въ Колпино и помѣстился въ семьѣ старика кузнеца, сынъ котораго Ефимъ былъ однимъ изъ рабочихъ основанной нами мастерской. Съ первыми главами Капитала Маркса я знакомилъ ихъ по компиляціи Капитала Мостамъ, не большой, но хорошо написанной примѣнительно къ пониманію рабочаго книжкѣ. Переводилъ для меня эту книжку Мурашкинцевъ. Вторую же половину Капитала Маркса, которая не облечена въ метафизическую оболочку, рабочіе легко понимали и при чтеніи въ подлинникѣ. Я прожилъ съ этой цѣлью въ Колпинѣ, начиная съ первыхъ чиселъ ноября, вплоть до апрѣля. Весной вся наша компанія рѣшила отправиться въ народъ. Нужно сказать читателю, что время конца 75 года и начала 76 было временемъ разочарованія въ тѣхъ надеждахъ, съ которыми революціонная молодежь двинулась въ народъ. Выработанная теоретически, на основѣ социалистическихъ принциповъ программа, безъ всякаго отношенія къ тому, что представляла жизнь, потерпѣла крушеніе. Въ лучшемъ случаѣ, удавалось только завоевывать симпатіи деревни; но надежды на то, что пропаганда вызоветъ деревенскій народъ на активную борьбу или, по крайней мѣрѣ, вдохнетъ въ крестьянство вѣру въ то, что такая борьба дастъ плодотворные результаты,—такія надежды не оправдались. Крестьянинъ слушалъ революціонера точно такъ же, какъ онъ слушаетъ батюшку, проповѣдывающаго ему о царствѣ небесномъ, и послѣ прослушанной проповѣди, какъ только переходилъ порогъ церкви, жилъ точно такъ же, какъ онъ жилъ и до проповѣди. Многіе побывавшіе въ народѣ вынесли на этотъ счетъ такое убѣжденіе. Мнѣ рассказывалъ, напр., Осипъ Васильевичъ Аптекманъ о своей пропагандѣ въ деревнѣ, гдѣ онъ былъ фельдшеромъ—вотъ что по этому поводу. «Собрались, говорилъ О. В. какъ-то въ воскресенье ко мнѣ въ избѣ разъ крестьяне,

я и началъ держать къ нимъ рѣчь. Всѣ слушали меня, какъ мнѣ казалось, по крайней мѣрѣ, съ большимъ интересомъ. Я подкупленный такимъ вниманіемъ къ тому, что я говорилъ, все съ большимъ и большимъ воодушевленіемъ и энергіей говорилъ имъ о плачевномъ положеніи людей труда, говорилъ о томъ, что все, чѣмъ живетъ Россія, всѣ богатства ея результатъ мозолистыхъ рукъ русскаго рабочаго, что всѣ остальные сословія—дворянство, духовенство и вообще всѣ правящіе люди и купечество—живутъ на счетъ рабочихъ и крестьянъ. Затѣмъ нарисовалъ предъ ними картину будущаго строя на социалистическихъ началахъ. Все это слушалось съ большимъ вниманіемъ. Кончилъ, всѣ вздохнули умиленно. Я въ восторгѣ, что произвелъ должное впечатлѣніе. Но зато какъ же былъ и огорошенъ, когда послѣ непродолжительнаго молчанія одинъ почтенный старикъ, очень, на видъ, симпатичный, котораго я къ тому же недавно вызволилъ отъ лихорадки и который, мнѣ казалось, слушалъ съ особеннымъ напряженіемъ вниманія, сказалъ мнѣ: умный ты человѣкъ, О. В., скажи же, пожалуйста, а что будетъ на томъ свѣтѣ? Тутъ я понялъ, сказалъ мнѣ О. В., съ горечью понялъ, каковы результаты моей пламенной рѣчи! Не выдержалъ я характера и съ сердцемъ отвѣтилъ ему: какой тебѣ еще тотъ свѣтъ понадобился,—довольно тебѣ и этого, чтобъ не думать еще о другомъ такомъ же!» Возвратившіеся изъ народа піонеры съ такими впечатлѣніями стали уже говорить о пересмотрѣ и измѣненіи программы соотвѣтственно указаніямъ опыта. Въ это время появлялись и на нашей квартирѣ побывавшіе въ народѣ и уже критически относившіеся къ прежней программѣ. Здѣсь я въ первый разъ встрѣтилъ Александра Дмитріевича Михайлова, С. А. Харизоменова, Ив. Ѳ. Фесенко, помимо людей нашего кружка, стоявшихъ тоже за пересмотръ программы; и вотъ они-то и были первыми ласточками новой весны, повѣявшей среди революціонеровъ. Они первые поставили на очередь въ революціонной средѣ Петербурга такіе вопросы, отвѣты на которые дали въ результатъ программу Земли и Воли, принятую въ 76 году большинствомъ тогдашней молодежи. Мы, второе наслоеніе революціонной почвы, создавали свои взгляды на дѣятельность, руководясь тѣми коррективами, которые вынесли изъ опыта первые піонеры въ народѣ. Мы видѣли разочаровавшимися нашихъ предшественниковъ въ народѣ, но разочарованіе это было здоровымъ разочарованіемъ. Они разочаровались въ средствахъ борьбы, необходимость же борьбы съ поработившимъ народъ правительствомъ стояла внѣ сомнѣнія и, мы, собиравшіеся въ народъ по стопамъ нашихъ предшественниковъ, шли туда не съ остывшими порывами, а наоборотъ, съ революціонной энергіей, если позволено такъ выразиться, повышенной сравнительно съ прошлымъ. Помню, въ это самое время въ первый разъ на нашей квартирѣ появились Баранниковъ и Rogozovъ еще въ мундирахъ юнкеровъ Павловскаго училища. Не помню хорошо, по какому поводу у насъ въ квартирѣ собралась многолюдная сходка, чуть ли не по поводу возникшей полемики между Лавровымъ и Ткачевымъ; появленіе брошюры Ткачева очень взбудоражило революціонные круги, хотя адептовъ пріобрѣло ему мало. Впускалъ по билетамъ на сходку я.

Открываю двери, и предо мной два сильныхъ и мускулистыхъ молодыхъ человѣка, которые сначала, при первой встрѣчѣ въ дверяхъ, нѣсколько меня смутили, ибо я подумалъ—жандармы,—но сейчасъ же, получивъ отъ нихъ билетъ на входъ, призналъ въ нихъ юнкеровъ Павловскаго училища и впустилъ. Это было въ первый разъ, что Баранниковъ появился на радикальной сходкѣ, а мѣсяцъ спустя онъ сложилъ на Невѣ у проруби всѣ свои военные доспѣхи. умерши для русской солдатчины, воскресъ для революціоннаго дѣла подъ именемъ Семена. Этотъ моментъ въ нашемъ революціонномъ движеніи, пожалуй, нужно отмѣтить какъ моментъ особенно повышеннаго революціоннаго напряженія. Не взирая на то, что въ это время готовился процессъ 193-хъ и что двинувшійся въ народъ первый призывъ революціонеровъ почти весь былъ брошенъ въ тюрьмы, мы второй призывъ, еще съ большой энергіей рвались въ народъ. Для характеристики этого момента я забѣгу немного впередъ и расскажу, съ какой энергіей и съ какимъ пренебреженіемъ къ риску своей судьбой относились явившіеся изъ Питера въ Ростовъ тѣ, которые шли на смѣну томившимся въ тюрьмахъ. Мы въ Ростовѣ жили въ квартирѣ Льва Николаевича Гартмана, служившаго тогда въ Азовско-Донскомъ коммерческомъ банкѣ. Отсюда человѣкъ пять отправились на базаръ, чтобъ купить крестьянскій костюмъ, переодѣвшись въ который отправляться въ народъ. Помню въ числѣ отправившихся на базаръ былъ Баранниковъ и Хотинскій. Являются въ лавку еврея, торговца крестьянскимъ хламомъ и ни мало не стѣсняясь, снимаютъ ботинки и брюки и примѣряютъ шаравары, коты и пр. Конечно, такіе необычные покупатели подобныхъ продуктовъ російской промышленности не мало удивили продавца еврея и онъ сталъ дѣлиться своими впечатлѣніями съ своимъ сосѣдомъ, продавцемъ такихъ же товаровъ на еврейскомъ жаргонѣ. «Посмотри, посмотри-ка, какая у него на головѣ шапка! Зачѣмъ ему лапти;—что ты думаешь?». «А зачѣмъ мнѣ думать, зачѣмъ тебѣ знать, на что ему лапти? Онъ покупаетъ, ты продаешь, что тебѣ еще нужно!...». Среди покупателей былъ еврей Хотинскій, который понималъ, какое удивленіе они вызвали у торговцевъ евреевъ. Покупатели нисколько не смущались тѣмъ, что о нихъ могутъ подумать, купили, что имъ было нужно, сложили въ мѣшокъ и отправились опять къ Гартману, гдѣ переодѣвшись въ купленный костюмъ отправились пѣши въ качествѣ косарей на работы въ Мелитопольскій уѣздъ. Мелитопольскій уѣздъ былъ однимъ изъ пунктовъ пропаганды. Брату студента Хотинскаго, содержавшему почту между Мелитополемъ и Бердянскомъ было поручено засѣять 10 десятинъ земли, уборку которыхъ мы намѣревались произвести сами съ цѣлью научиться земледѣльческимъ работамъ. Организацию этихъ работъ взялъ на себя Быковцевъ. Мелитопольская группа земледѣльцевъ состояла исключительно изъ мужчинъ. Другая же группа, состоявшая изъ мужскаго и женскаго персонала, отправлялась на работы въ Ростовскій уѣздъ, гдѣ взялся руководить этимъ дѣломъ мой братъ Илья Поповъ. Весной 76 года я отправился въ Харьковъ, гдѣ долженъ былъ застать Быковцева, откуда, переодѣвшись соотвѣтственно, вмѣстѣ съ Быковцевымъ отправиться въ Мелитополь, чтобы поступить въ качествѣ ям-

щика на службу къ брату Хотинскаго до времени уборки хлѣба и затѣмъ вызвать группу лицъ, согласившихся убирать хлѣбъ и нанять ихъ, якобы на работы къ Хотинскому. Пріѣхавъ въ Харьковъ, я не засталъ тамъ Быковцева,—онъ почему то долженъ былъ поспѣшить на мѣсто предполагаемыхъ работъ,—но въ Харьковѣ онъ оставилъ для меня адресъ и наставленіе, какъ его найти въ Мелитополѣ. Наставленіе было такое: пріѣхавъ въ Мелитополь, найти тамъ домашняго учителя въ одномъ еврейскомъ семействѣ и онъ уже сведетъ меня съ Быковцевымъ. Съ небольшимъ запасомъ денегъ, достаточнымъ лишь на проѣздъ и харчи и съ паспортомъ въ карманѣ на имя крестьянина Павленко, я отправился въ Мелитополь. Нашелъ домъ по примѣтамъ, которыми меня снабдили въ Харьковѣ, вошелъ въ этотъ домъ, поворотилъ направо въ первую дверь и вошелъ въ предполагаемую комнату учителя. Но въ комнатѣ не оказалось никого. Бросившаяся мнѣ въ глаза этажерка съ книгами и единственная койка, убѣдили меня въ томъ, что я не ошибся и попалъ именно въ комнату учителя. Расположился и сталъ ждать прихода учителя,—думаю себѣ, куда-нибудь ушелъ временно. Какъ же я былъ удрученъ, когда чрезъ какихъ-нибудь полчаса, вошла въ комнату, гдѣ я сидѣлъ въ ожиданіи учителя, дама, очевидно хозяйка дома и на мой вопросъ,—туда ли я попалъ и могу ли надѣяться увидѣть учителя такого то, отвѣтила мнѣ, что это дѣйствительно комната репетитора моихъ дѣтей, но такъ какъ онъ тоже еврей и у нихъ, евреевъ теперь праздники пасха, то онъ уѣхалъ въ Бердянскъ и проживетъ тамъ дней нѣсколько, а можетъ быть и всю недѣлю. Положеніе мое было безвыходное. Въ моемъ карманѣ только и было какихъ-нибудь рубль съ копейками, да фальшивый паспортъ. Очевидно безвыходность моего положенія такъ ясно отразилась на моемъ лицѣ, что дама легко прочитала это и сказала: но это нисколько не мѣшаетъ вамъ расположиться въ комнатѣ нашего репетитора и подождать его пріѣзда. Ничего другого мнѣ не оставалось въ моемъ положеніи и я воспользовался предложеніемъ неизвѣстной мнѣ дамы, поблагодарилъ ее и заявилъ, что я такъ и сдѣлаю, ибо ѣхать, думалъ я, въ Бердянскъ съ рискомъ и тамъ также его не застать, перспектива еще болѣе непріятная, чѣмъ та, въ которой я сейчасъ нахожусь. Такимъ образомъ я расположился въ домѣ людей мнѣ совершенно неизвѣстныхъ, съ небольшимъ запасомъ денегъ. Жду день—другой, не замѣчая, что дѣлается вокругъ, волнуясь тѣмъ, а что какъ этотъ учитель проживетъ въ самомъ дѣлѣ всѣ дни праздника въ Бердянскѣ, а быть можетъ, по какимъ дѣламъ и еще куда уѣдетъ,—что мнѣ дѣлать? Между тѣмъ моя хозяйка вошла въ мое положеніе и принимала мѣры вывести меня изъ него. Къ счастью моему Хотинскій, по пути изъ Петербурга въ Ростовъ, забѣхалъ къ себѣ домой, въ Мелитополь. Хозяйка моя, родственница его, сообщила ему о своемъ неожиданномъ гостѣ и вотъ Хотинскій и вызволилъ меня изъ бѣды. Но это случилось два дня спустя послѣ моего пріѣзда въ Мелитополь. До этого же времени, я чувствовалъ себя такъ, какъ чувствовалъ потомъ, когда меня арестовали въ Кіевѣ въ первые дни. Всталъ я утромъ на другой день по пріѣздѣ и, помня хорошо, что всякій человѣкъ вставши пьетъ чай или, по крайней мѣрѣ,

завтракаетъ, я обратился къ кухаркѣ, русской, довольно суровой пожилой, женщинѣ и попросилъ ее купить мнѣ молока и хлѣба къ завтраку и въ отвѣтъ на просьбу получилъ довольно не любезный отвѣтъ, что этого здѣсь нельзя, такъ какъ у евреевъ во время этого праздника никакого хлѣба въ комнату вносить не полагается и что въ эти дни въ еврейскомъ домѣ ничего не дозволяется кушать, кромѣ мацы. Хорошо еще, что кухарка на мою просьбу отвѣтила громко, такъ что ея хозяйка слышала ея отказъ въ моей просьбѣ и сказала изъ своей комнаты: «ничего Алена,—купи что нужно,» а то, пожалуй бы, пришлось идти завтракать на базаръ, ибо гостинница была мнѣ не по карману. Словомъ, мой первый дебютъ въ народъ, былъ первымъ блиномъ комомъ. Наконецъ души моей терзанія кончились. Явился ко мнѣ Хотинскій, призналъ во мнѣ товарища по дѣлу, снабдилъ деньгами и успокоилъ меня, сказавъ, что здѣсь я могу спокойно себѣ жить пока не явится Быковцевъ, который, вѣроятно, на дняхъ будетъ здѣсь и что я долженъ искать его у амбаровъ, гдѣ онъ обыкновенно пребываетъ, когда появляется въ Мелитополѣ. Послѣ этого я сдѣлался настоящимъ гостемъ въ этомъ домѣ, гдѣ до сихъ поръ былъ подъ сомнѣніемъ не то другъ, не то врагъ учителя. Откровенно говоря, думали обо мнѣ на двое: то ли я радикалъ такой же, какъ ея учитель и Хотинскій, или, быть можетъ, шпіонъ и по меньшей мѣрѣ, человѣкъ подлежащій удостовѣренію его личности. Съ момента же удостовѣренія моей личности ко мнѣ по временамъ заходила въ комнату моя хозяйка, приглашала обѣдать и чай пить. Дѣти же ея, Анюта и мальчикъ Саша, постоянно вертѣлись у меня въ комнатѣ. Теперь ужъ и хозяева знали, кого мнѣ нужно, не потому, конечно, что Хотинскій сообщалъ ей, что мнѣ нужно у амбаровъ для ссыпки хлѣба встрѣтить Быковцева, а потому, что я только и зналъ дорогу отъ амбаровъ къ дому, гдѣ я жилъ, и обратно. Почитаю, почитаю какую-нибудь изъ книжекъ, взятыхъ съ этажерки, и пройду къ амбарамъ, присматриваясь, нѣтъ ли среди рабочихъ Быковцева. Приходилось заниматься этимъ въ продолженіе дня нѣсколько разъ и немудрено, что хозяйка моя поняла, что я съ кѣмъ то жду встрѣчи у амбаровъ. На четвертый день моего пребыванія въ Мелитополѣ, не успѣлъ еще умыться, какъ вбѣгаетъ ко мнѣ Анюта и лукаво говоритъ мнѣ: «тамъ подъ амбаромъ какой то человѣкъ лежитъ, а Саша боится его,—я говорю ему: зачѣмъ бояться, можетъ быть, ему кого-нибудь нужно видѣть!» Я вышелъ и въ этотъ разъ нашелъ Быковцева. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ пойдетъ за городъ къ кладбищу, и просилъ, чтобъ я съ Хотинскимъ пришли къ нему туда же. Здѣсь, на кладбищѣ, еще одна неожиданность, граничащая съ неудачей, постигла меня. Я ѣхалъ въ Мелитополь занять мѣсто ящика, какъ мы о томъ условились съ Быковцевымъ, а здѣсь узнаю, что онъ предложилъ мѣсто ящика Бранднеру или, какъ онъ извѣстенъ былъ у насъ, Нѣмцу, и что мнѣ поэтому тоже нужно отправляться въ Ростовъ и оттуда уже ко времени уборки хлѣба придти вмѣстѣ съ компаніей, найти Бранднера или его Быковцева и наняться на работу къ Хотинскому. Мнѣ ничего не оставалось, какъ возвратиться вмѣстѣ съ Хотинскимъ въ Ростовъ, гдѣ я уже засталъ въ

сборѣ компанію собиравшуюся на работы въ Мелитополь, о сборахъ которой я уже сказалъ выше. Я во второй разъ уже не попалъ въ Мелитополь, ибо захватилъ гдѣ-то лихорадку и отправился въ свою семью лечиться. Знаю только, что работы въ Мелитополѣ сошли благополучно. Были конечно шереховатости, но скорѣе комическаго, чѣмъ трагическаго характера. Напримѣръ, мнѣ рассказывали, что крестьяне ломали голову надъ тѣмъ, что за люди эти Богъ вѣсть откуда взявшіеся косари, очевидно въ первый разъ въ жизни взявшіе въ руки косу и грабли? Кромѣ того, такъ какъ задачей этой работающей компаніи на полѣ близъ Мелитополя было лишь научиться сельскимъ работамъ, подъ руководствомъ такихъ людей, какъ Быковцевъ, съ дѣтства знакомый съ этимъ трудомъ, то она не считала нужнымъ симулировать заправскихъ рабочихъ и не заставляла себя выходить на работы одновременно съ выходомъ на работы по сосѣдству работающихъ настоящихъ рабочихъ и послѣ немногихъ первыхъ дней работы съ особымъ рвеніемъ, не сообразивъ, что имъ, какъ не привычнымъ къ физическому труду, не такъ-то легко дается трудъ съ косою подъ горячимъ солнцемъ юга, быстро спасовали, въ особенности, послѣ того, какъ иронизировалъ Быковцевъ, когда одинъ изъ косцовъ, Иванъ Левитскій, на предложеніе вставать на работы заявилъ: ей-ей не могу, у меня ровно ребро зашло за ребро, такъ болятъ спина и правый бокъ. Вотъ это все вмѣстѣ взятое:—и поздній выходъ на работу, около 8 часовъ, когда ужъ настоящіе рабочіе идутъ завтракать, и все другое, что работающую интеллигенцію у Энгельгарда въ Батищевѣ дало поводъ крестьянамъ назвать тонконогими, все это, говорю, вмѣстѣ взятое заставляло и сосѣднихъ крестьянъ опредѣлить,—къ какой категоріи рабочихъ отнести земледѣльцевъ на мелитопольскомъ полѣ, невѣдомо откуда то взявшихся и, говорятъ, что сосѣди крестьяне рѣшили: «шо то, мабудъ, заграничны вермены», т. е. заграничные армяне. Совсѣмъ не такъ гладко сошла затѣя научиться земледѣльческимъ работамъ ростовской компаніи, гдѣ организаторомъ работъ былъ мой братъ Илья, осужденный потомъ по процессу демонстрацій на Казанской площади въ ссылку въ Сибирь. Дѣло началось съ того, что эти земледѣльцы смутили станового пристава. Пріѣхалъ онъ къ моему отцу и ведетъ съ нимъ такую рѣчь за рюмкой сантуринскаго, я же, лежа въ сосѣдней комнатѣ въ лихорадкѣ, и слушаю: «скажите мнѣ, батюшка, началъ становой, ну я понимаю, говорятъ, графиня Воронцова своими руками и копала, и полола, словомъ занималась чернымъ трудомъ, это, я понимаю, дѣлала она для спасенія души,—скажемъ такъ: богоугоднымъ дѣломъ занимались. Ну а вотъ у Ильи Родіоновича работаютъ въ полѣ студенты и дѣвицы какія-то,—это чѣмъ объяснить?»—«Какіе же какіе-то, возражаетъ становому отецъ, тамъ работаетъ и моя дочь, товарки ея по гимназіи, студенты—товарищи сына Ильи и имъ знакомыя студентки, и я не понимаю, что васъ удивляетъ, Іосифъ Васильевичъ? Для меня ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго. Я даже, смотря на нихъ, радуюсь, думаю, пусть себѣ поработають на свѣжемъ воздухѣ, запасаются на зиму силами. Вѣдь въ Петербургѣ то въ сырыхъ квартирахъ здоровья не наживешь, ну,

и пусть нашъ благодатный югъ освѣжить ихъ здоровье». «Нѣтъ, отецъ Родіонъ, это не то. Вотъ отправлюсь я туда самъ, возьму косу и пусть-ка они отъ пѣтуховъ до пѣтуховъ потянутъ за мной,—не бось скоро бросили бы».—«А вы, Іосифъ Васильевичъ, когда-нибудь косили?»—спрашиваетъ становой отецъ. «Нѣтъ, не приходилось, да ужъ ради этого понатужился бы», отвѣтилъ становой.—«Ну, такъ я вамъ, Іосифъ Васильевичъ, не совѣтую, ибо не только отъ зари до зари, какъ поютъ студенты наши, а и одну ручку (рядъ захватываемый косой въ одинъ разъ на разстояніи десятины вдоль или поперекъ, смотря, какъ идутъ косцы) не одолѣть вамъ».—Такую рѣчь велъ съ моимъ отцомъ становой. И такъ какъ становой не договаривалъ до конца, то со-стороны и выходило, что они говорили на разныхъ языкахъ. Не предубѣжденному человѣку, каковымъ былъ мой отецъ, просто казалось, что становой находилъ трудъ земледѣльческій не подходящимъ для учащейся молодежи, отецъ же мой не соглашался съ нимъ и только. На этомъ, однако, дѣло не остановилось. Изъ среды работающихъ студентки Богомазъ, Конопля, двѣ сестры Товбичъ и Бутенко, нанимали въ нашей деревнѣ крестьянскую избу, гдѣ и жили. Въ одно время когда барышни были въ полѣ, приходитъ къ ихъ хозяйкѣ повсѣмъ признакамъ гороховое пальто изъ Ростова и просить хозяйку, пока придетъ поѣздъ изъ Владикавказа въ Ростовъ, напоить его чаемъ. Хозяйка отвѣчаетъ, что у нея самовара своего нѣтъ, а самоваромъ барышень она не смѣетъ безъ ихъ позволенія распорядиться. На это таинственный человѣкъ говоритъ ей, что въ сущности ему не такъ чай нуженъ, какъ онъ желалъ бы познакомиться съ барышнями, и что, если бы она, бабушка, помогла ему познакомиться съ ними, то онъ бы ее щедро отблагодарилъ. Тутъ ужъ, очевидно, произошло *qui pro quo*. Строгая бабушка, не подозрѣвая истинныхъ намѣреній гороховаго пальто, и заподозрѣвъ его въ иныхъ видахъ на любимыхъ ею барышень, заговорила и инымъ языкомъ. «Отправляйся,—сказала старуха,—виткиль пришовъ, боя тобѣ такихъ барышень покажу, шо ты не втрапишь куди й тикать». И вооруженная скалкой, которой она что-то дѣлала въ это время, подступила къ нему и еще разъ подтвердила, чтобъ онъ убирался. «Це не таки барышни, як ты думаешъ свой скаридной головой». «Да, я знаю бабушка, что это не такія барышни»..., началъ было увѣрять старушку таинственный посѣтитель, но старушка его прервала и сказала: «а знаешь, такъ тобѣ лучше. Иди собѣ виткиль пришовъ, покиль я не посчитала тобѣ ребра». Оказалось и новый подходъ не удался смущенному начальству появленіемъ на полѣ студентовъ и студентокъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ все больше становилось яснымъ, что начальство не въ шутку заходило около необычайныхъ рабочихъ на полѣ, близъ деревни Самарска. Въ одно время приходитъ еще одна старуха, поле семьи которой было сосѣднимъ съ полемъ, гдѣ работали наши студенты и студентки, и говоритъ отцу: «не знаю, батюшка, съ чего и начать, зачѣмъ я пришла къ вамъ!»—И рассказываетъ, что къ нимъ приходилъ какой-то солдатъ наниматься на работу. Стали они ладиться съ сыномъ, сказала старушка, а солдатъ и говоритъ, что онъ собственно не работы ищетъ, а такъ, чтобъ ему только проживать

у нихъ. Чѣмъ дальше говорилъ солдатъ, тѣмъ, по словамъ старухи, становилось яснымъ, что ему нужно было бы понаблюдать за людьми, работающими на батюшкиномъ полѣ, не дѣлаютъ ли они фальшивыхъ денегъ? «Такъ то вінъ сказавъ моему сыну, батюшка! Сынъ мій, правда, сказавъ ему,—чі мы жъ таки не знаємо Родіоновичей, щобъ таке про нихъ говорити? А вінъ такъ таки и сказавъ: въ томъ то и діло, шо вы ихъ не знаете.» Поговорила я съ сыномъ и кажу собі : хоть по всему видно, шо тутъ якась брехня, бо мы-жъ бачимъ и все то у насъ на глазахъ,—а все жъ, думаю, треба сказать батюшки, бо потомъ, чего оборонъ боже, якъ лихо стрясется, батюшка не выговоривъ бы намъ: бачъ знали, а не сказали мені! Въ концѣ концовъ, вѣроятно, убѣдившись въ томъ, что всякіе аллюры ни къ чему не приводятъ, начальство рѣшило дѣйствовать напрямикъ. Братъ Гартмана, начальникъ телеграфной конторы въ Новочеркасскѣ, сообщилъ нашимъ въ Ростовъ о томъ, что между управленіями ростовскимъ жандармскимъ и донскимъ воинскимъ идутъ переговоры о необходимости произвести обыскъ у сына священника, работающаго на землѣ принадлежащей Войску Донскому. Тогда г. Ростовъ былъ уѣзднымъ городомъ Екатеринославской губерніи. Деревня наша находилась въ Ростовскомъ уѣздѣ, земля же на которой работали братья съ компаніей взята была въ аренду у казака донской области. Вотъ почему и понадобились эти переговоры между ростовскимъ жандармскимъ управленіемъ и воинскимъ управленіемъ Земли Войска Донского.—Я все еще былъ боленъ и находился въ домѣ моего отца. Вдругъ вижу къ дому подъѣзжаетъ извозчичья пролетка,—что-то необычайное, ибо Самарскъ находится въ 35 верстахъ отъ Ростова по Владикавказской желѣзной дорогѣ и къ тому въ самой деревнѣ станція. Приѣхалъ Осипичъ, ведшій въ это время дѣла среди ростовскихъ рабочихъ, и говоритъ, что приѣхалъ на извозчикѣ, чтобъ предупредить объ обыскѣ, ибо, можетъ быть, съ 6-ти часовымъ поѣздомъ нагрянутъ жандармы и нужно все компрометирующее припрятать. А вѣдь въ наше время предѣлы недозволеннаго были широки. Сюда входили и рѣчи Лассаля и Капиталъ Маркса, не говорю ужъ о политической экономіи Милля съ примѣчаніями Чернышевскаго и многое другое. Обладатели всего этого смѣло могли рассчитывать на нѣсколько лѣтъ каторги. Пошелъ я съ сестрой на злополучную квартиру необычайныхъ самарскихъ жильцовъ и все въ этомъ родѣ, что тамъ оказалось, припрятали мы въ болѣе безопасное мѣсто. Затѣмъ отправилъ гонца съ письмомъ къ брату на поле, посоветовалъ нашимъ рабочимъ не возвращаться въ Самарскъ, а прямо отправиться пароходомъ въ Таганрогъ и по желѣз. дорогѣ оттуда, кто куда желаетъ. Съ 6-ти часовымъ поѣздомъ на Владикавказъ изъ Ростова прибыли въ Самарскъ жандармы во главѣ съ начальникомъ ростовскаго жандармскаго управленія, но ихъ появленіе въ Самарскѣ обнаружилось лишь въ томъ, что они выкупались въ купальнѣ, принадлежащей служащимъ желѣзной дороги и дальше этого они не пошли. Утромъ на другой день я отправился на станцію въ надеждѣ что либо узнать тамъ о намѣреніяхъ жандармовъ. Идти на станцію нужно было мимо дома моей тетки. Поравнявшись съ домомъ моей тетки, я увидѣлъ ее

на крыльцѣ подзывавшую знакомъ руки подойти къ ней. Подхожу и она начинаетъ съ того, что говоритъ: «Знаешь, вѣдь нашихъ барышень арестовали». Это было почти невѣроятнымъ и я спросилъ ее, откуда она знаетъ объ этомъ. Она рассказала мнѣ слѣдующее: Приходила ко мнѣ старуха Тыркалка, у которой по случаю ремонта желѣзно-дорожной станціи квартировалъ временно начальникъ станціи и сказала мнѣ такъ: «Пришелъ, говоритъ, мой баринъ, ходитъ по комнатѣ и одно: ахъ, Боже мой, ахъ, Боже мой! Я и спрашиваю у него,—что то вы такъ, баринъ, убиваетесь? А онъ и сказываетъ, что тѣхъ барышень, что работали у Ильи Родіоновича на полѣ, арестовали. За что-жъ то ихъ, баринъ, арестовали,—спрашиваетъ Тыркалка. А за то отвѣтилъ ей начальникъ станціи, что онѣ читали книжки, гдѣ про васъ, крестьянъ написано. Отто-жъ! Чи вжешь, баринъ, про насъ и въ книжкахъ писать нельзя, спрашиваетъ старуха. Выходитъ, значитъ, бабушка, что нельзя». Какъ это ни казалось страннымъ, такъ какъ посланный въ поле привезъ письмо, что всѣ кромѣ Александры Дмитріевны Товбичъ уѣхали въ Таганрогъ, тѣмъ не менѣ фактъ на лицо,—свидѣтельство начальника станціи. Отправляюсь на станцію и узнаю отъ начальника станціи, что со станціи Степной, Владикавказской желѣзной дороги, дѣйствительно, по словамъ кондукторовъ отправлены въ отдѣльномъ вагонѣ арестованныя наши работницы подъ строгимъ секретомъ въ Ростовъ и что на нашей станціи ни въ вагонъ, ни близко подойти къ вагону никому не позволялось. Возвратившаяся съ поля А. Д. Товбичъ тоже сообщила, что что-то сенсационное произошло на полѣ около станціи Степной, но что это, по всей вѣроятности, не имѣетъ никакого отношенія къ нашимъ, ибо наши уѣхали въ совершенно противоположномъ направленіи. Оставалось одно—ждать дальнѣйшихъ свѣдѣній. И вотъ на другой день прошелъ такой слухъ: пріѣхавшіе жандармы, узнавъ о томъ, что интересующіе ихъ земледѣльцы въ полѣ, рѣшили арестовать ихъ на мѣстѣ преступленія. Наши дамы на работы не особенно переряжались и только замѣняли шляпы платками, повязывая ихъ такъ, какъ повязываютъ дончихи. Это обстоятельство и ввело жандармовъ въ заблужденіе. Они вмѣсто нигилистовъ-пропагандистовъ, за которыми они охотились, арестовали шедшихъ на работу 4 дѣвушекъ казачекъ, что обнаружилось уже въ Ростовѣ, такъ какъ дѣвушки были изъ станицы Елизаветинской, находящейся въ 30 верстахъ отъ Ростова, откуда и были вызваны ихъ отцы, чтобъ удостовѣрить, что онѣ дѣйствительно казачки, какъ они сообщили при ихъ арестѣ, а не пропагандитски, поселившіяся въ Самарскѣ и работавшія на полѣ брата. Вѣсть объ этомъ дошла и до насъ въ Самарскѣ и конечно послужила предметомъ для толковъ объ этомъ и вполне заслуженнаго смѣха надъ такой непростительной для жандармовъ ошибкой. Но все же продолжать работы на полѣ, конечно, было невозможно и компанія разѣхалась, въ томъ числѣ и мой братъ, организаторъ и работы уже заканчивалъ мой второй братъ безъ всякаго соблазна для жандармовъ, ибо работали уже настоящіе рабочіе, а не студентки и студенты, явившіеся изъ Петербурга. Остался только я одинъ, все еще не избавившійся отъ лихорадки. Въ концѣ лѣта меня больного посѣтили Осинскій и Андреичъ. Въ этотъ годъ

Осинскій тоже покидалъ Ростовъ, изъ котораго, какъ я уже говорилъ онъ давно рвался, но ему все еще мы не совѣтовали бросать мѣсто секретаря въ ростовской городской управѣ. Ибо при помощи его можно было во всякое время помѣстить въ городскую управу чело-вѣка изъ нашей революціонной среды. Его положеніе какъ секретаря городской управы было совсѣмъ иное, чѣмъ положеніе секретаря какой-либо другой городской управы. Семья Осинскихъ среди дворянства Ростовскаго уѣзда занимала видное мѣсто и, благодаря этому, его рекомендація, была рекомендаціею не только секретаря управы. Въ ростовской управѣ многіе изъ состава служащихъ въ это время сочувственно относились къ революціонному движенію. Городскимъ головой былъ въ это время Кривошеинъ, тотъ Кривошеинъ, который потомъ какими-то судьбами попалъ въ министры путей сообщенія, Судя по словамъ Осинскаго, Кривошеинъ былъ далеко не умный чело-вѣкъ, такъ что мнѣ было странно узнать въ Шлиссельбургѣ, что онъ достигъ портфеля министра; но, какъ сказалъ нашъ знаменитый Ще-дринъ, что русскій чело-вѣкъ среди жандармовъ—жандармъ, среди ли-бераловъ—либераль, то и Кривошеинъ, по словамъ Осинскаго,—правда ироническимъ словамъ,—любилъ похвалиться, что не даромъ же онъ учился гдѣ то въ Парижѣ и, конечно, вполнѣ понимаетъ и до нѣко-торой степени сочувствуетъ стремленіямъ современной молодежи, если эти стремленія не переходятъ извѣстныхъ предѣловъ. Каковы эти предѣлы, это можно судить опять-таки, по той ироніи, съ какой Осинскій передавалъ мнѣ о разговорѣ его съ предсѣдателемъ земской управы С., что было бы не дурно издавать заграничный конституціон-ный органъ и что въ Ростовѣ нашлись бы люди тому сочувствующие,—причемъ указывалъ и на Кривошеина раздѣляющаго такое мнѣніе, которые бы дали на это и денежныя средства, но само собой понятно, еслибъ рискъ такого предпріятія взялъ-бы на себя кто-нибудь другой а не С. и раздѣляющіе его мнѣніе люди. Дошло до жандармскихъ ушей, что, пользуясь покровительствомъ Осинскаго въ управѣ прію-тились неблагонадежные элементы. Понятно Кривошеинъ, хоть и съ реверансами, заявилъ Осинскому, что онъ, какъ представитель города, допустить этого не можетъ, а какъ хорошій знакомый Осинскаго, совѣтовалъ Осинскому покинуть совсѣмъ Ростовъ. Такимъ образомъ Осинскій могъ свободно располагать собой и вотъ онъ, Андреичъ и я собрались въ домѣ моего отца и обсуждали тѣ коррективы къ старой программѣ дѣятельности, какіе по указанію опыта должны быть сдѣланы. Вопросъ о пересмотрѣ программы все больше и больше занималъ умы лицъ освободительнаго движенія на-шего времени. Уже въ эту осень собравшіеся въ Петербургѣ предста-вители отдѣльныхъ кружковъ опредѣленно формулировали основныя положенія, которыя вошли въ программу «Земли и Воли». Въ 1877 году съѣздъ революціонеровъ въ Петербургѣ былъ ранній, сравнительно съ предыдущими годами. Съѣхались пересмотрѣть старую программу и на основаніи опыта выработать новую. До сего времени существовали отдѣльные, независимые одинъ отъ другого кружки, теперь же боль-шинство революціонныхъ дѣятелей стремились къ тому, чтобы создать организацію, которая объединила бы разрозненные кружки подъ од-

нимъ знаменемъ. Кружокъ бывшихъ Чайковцевъ и кружокъ безъ опредѣленнаго названія, но имѣвшій своихъ представителей во многихъ мѣстахъ провинціи, напр., въ одномъ Ростовѣ были его представителями: Гартманъ, Осинскій, Андреичъ, Матвѣичъ, Титычъ и пр., послужили главными составными элементами организациі «Земли и Воли». Старая программа, рекомендовавшая проповѣдь принциповъ социализма въ деревнѣ, замѣнена была программой протестовъ на почвѣ жизненныхъ интересовъ деревни. Задачей представителей организациі было отыскивать въ народѣ протестующіе элементы и на почвѣ, создающей эти элементы, призывать народъ къ активной борьбѣ. Сообразно теоретической программѣ, программа практическая основателями организациі въ общихъ штрихахъ была намѣчена въ такомъ видѣ. Организациі «Земли и Воли», состоитъ изъ группы народниковъ, которые должны были селиться въ районахъ Россіи, на которые наиболѣе можно было надѣяться, что они дадутъ протестующіе элементы или въ силу исторической традиціи, какъ Волга, Донъ, Уралъ, или на почвѣ сектанства. Вотъ почему послѣ того, какъ была закончена организациі «Земли и Воли», представители народнической группы организациі двинулись для поселенія на Волгу, гдѣ центромъ былъ Саратовъ, и на Донъ, гдѣ центральнымъ пунктомъ былъ Ростовъ. Вторая группа организациі «Земли и Воли» называлась группой дезорганизаторовъ, носящей характеръ летучей группы организациі. Ея задачей была дезорганизациі правительства. Въ протестахъ, возникшихъ на почвѣ аграрныхъ или правовыхъ насилій надъ деревенскимъ населеніемъ, дезорганизаторы должны были являться мстителями особенно усердствующихъ администраторовъ. Во главѣ организациі стоялъ основной кружокъ, изъ членовъ котораго избиралось бюро въ количествѣ 3-хъ человекъ. Членами основного кружка стали тѣ, кто непосредственно участвовалъ въ выработкѣ программы, а затѣмъ большинствомъ членовъ основного кружка, по предложенію одного изъ нихъ или нѣсколькихъ, принимались въ основной кружокъ новые его члены. Бюро распоряжалось денежными средствами организациі, на его обязанности лежало сноситься со всѣми поселившимися въ народѣ и съ дезорганизаторской группой. Въ каждой образованной вновь группѣ въ провинціи долженъ былъ быть одинъ изъ членовъ основного кружка, такъ же точно и въ группѣ дезорганизаторовъ. Съ ними и сносилось центральное бюро организациі. Послѣ того, какъ организациі «Земли и Воли» была болѣе или менѣе закончена, основнымъ кружкомъ было рѣшено объявить во всеобщее свѣдѣніе о народившейся вновь организациі «Земли и Воли» демонстраціей на какойнибудь изъ площадей города Петербурга. Въ мое пребываніе въ Петербургѣ сдѣлано было двѣ попытки въ этомъ направленіи. Было объявлено среди учащейся молодежи и среди петербургскихъ рабочихъ о демонстраціи на площади Исаакіевского Собора, куда приглашались на какой то молебень или панихиду. Въ одинъ день тамъ подъ такимъ предлогомъ собралась молодежь, но, кажется, въ виду того, что рабочихъ явилось на площадь менѣе, чѣмъ разсчитывали организаторы демонстраціи, собравшаяся молодежь разошлась, и демонстраціі была отложена. То же повторилось и еще разъ. Вскорѣ потомъ

я былъ командированъ въ Астрахань, гдѣ въ это время проживалъ въ виду раздѣла наслѣдства нѣкто Мартынъ Герасимовичъ Гостинцевъ, обѣщавшій удѣлить кое что изъ полученнаго имъ наслѣдства на дѣло нашей организациі. Въ Астрахани въ это время проживали принадлежавшіе къ организациі «Земли и Воли» Баранниковъ, извѣстный подъ именемъ Семена и Медвѣдевъ или Матвѣичъ. Я нѣсколько останавлиюсь здѣсь на личности Баранникова и скажу нѣсколько словъ о немъ съ того времени, какъ онъ прямо изъ Павловскаго училища отправился въ народъ,—это послужитъ матерьяломъ для характеристики Баранникова. Баранниковъ съ мелитопольской фермы, гдѣ онъ былъ тоже въ числѣ «якихъ-то заграничныхъ верменъ» отправился въ Ростовъ на Дону. Здѣсь я видѣлъ его вмѣстѣ съ Быковцевымъ за Дономъ, въ такъ называемомъ по-мѣстному займищѣ (мѣсто, заливаемое въ разливы Дона) у амбаровъ моекъ, гдѣ Баранниковъ сказалъ мнѣ, что онъ намѣревается наняться на рыбныя ловли въ станицѣ Елисаветинской, Земли Войска Донскаго; это было приблизительно въ концѣ іюля. Въ концѣ ноября я встрѣтилъ его вновь въ Астрахани. Нужно помнить читателю, что приблизительно въ декабрѣ или январѣ 76 года Баранниковъ въ первый разъ появился на сходкѣ на Большой Дворянской улицѣ. Молодой человѣкъ изъ богатой дворянской семьи, онъ прямо безъ всякихъ переходовъ и подготовки ринулся въ народъ. Говорятъ, что когда онъ въ первый разъ въ качествѣ рабочаго въ Мелитополѣ нашелъ въ своей рубахѣ вшей, то былъ крайне удивленъ, увидѣвъ бѣлыхъ блохъ и только отъ своихъ товарищей, работавшихъ тамъ вмѣстѣ съ нимъ узналъ, что это вши, а не блохи. Выйдя на свиданіе за Донъ съ Быковцевымъ и Баранниковымъ, я увидѣлъ такую сцену: Быковцевъ убилъ змѣю и, взявъ ее за хвостъ бѣгалъ за Баранниковымъ, который удиралъ отъ него во всѣ лопатки, что называется, не въ состояніи побороть свою брезгливость къ змѣѣ. На вопросъ мой: что это за препровожденіе времени? Быковцевъ, смѣясь, ствѣтилъ: «подготавливаю его въ народъ. Бойтся змѣи, что за народникъ изъ него!» И вотъ этотъ баричъ, не умѣвшій отличить вши отъ блохи и брезгавшій змѣей, нанимается въ рыбаки въ забродѣ, какъ говорятъ на Дону. Онъ рассказывалъ мнѣ о своей роли въ качествѣ рыбалки въ Астрахани при встрѣчѣ вотъ что. «Сѣли мы нѣсколько человѣкъ на баркасъ подъ предводительствомъ хозяина казака ѣхать забрасывать неводъ. Дали и мнѣ два весла, но такъ какъ я отроду въ первый разъ взялъ ихъ въ руки, то понятно какъ я былъ въ качествѣ гребца на баркасѣ. Хозяинъ самой настоящей русской руганью обругалъ меня и назначилъ меня работникомъ около лошадей. Взялся я за лошадей. Велитъ хозяинъ запречь лошадей. Иду, беру хомутъ, надѣваю его клещами къ груди лошади, ужъ я и такъ и этакъ, говорилъ Баранниковъ поворачивалъ хомутъ на шеѣ лошади, но шлеи никакъ не поддѣну подъ хвостъ,—коротка думаю. Такъ я провозился долго, но безуспѣшно. Ждалъ-ждалъ мой хозяинъ, приходитъ, видитъ мои тщетныя усилія и со словами: гдѣ ты родился и гдѣ тебя крестили, что и хомута не умѣешь надѣть на лошадь сталъ запрягать самъ. Несмотря на то, что я объяснилъ ему свое неумѣнье запречь лошадь тѣмъ, что, молъ, у насъ ѣздятъ на волахъ, тѣмъ не

менѣе хозяинъ разсчиталъ меня». Послѣ такой неудачи въ качествѣ рыбалки, онъ, кажется, вмѣстѣ съ Андреичемъ отправился вверхъ по Дону до Калача, а оттуда въ Царицынъ и такимъ образомъ очутился въ Астрахани. Въ Астрахани нанялся въ кузнечную мастерскую въ качествѣ молотобойца, къ какому-то Смирнову, какъ теперь помню. Ну тутъ его вызволила его атлетическая фигура и хозяинъ дорожилъ имъ. Но Боже, что представляло его тѣло, когда онъ по субботамъ вечеромъ приходилъ на квартиру и переодѣвался на воскресенье въ чистое бѣлье. Все тѣло было изборождено продольными и поперечными кровавыми струпами. Это такъ его донимали въ кузницѣ вши,—рабочіе въ числѣ 12 человекъ спали въ комнатѣ при кузницѣ, гдѣ, по словамъ Баранникова, вши кишѣли кишмя, какъ говорится. Тѣло молодое, выхоленное и вотъ вши и набросились на него. Тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ себя именинникомъ, что наконецъ то онъ сдѣлался заправскимъ рабочимъ. Пищу, вспоминаю,—какую суровую школу прошелъ Баранниковъ и не могу не сказать здѣсь же, что много было героическихъ натуръ въ движеніи 70 хъ годовъ, но по героизму съ Баранниковымъ не могу никого сравнить. Покончивъ денежныя дѣла съ М. Г. Гостинцевымъ и сговорившись съ нимъ, что по окончаніи дѣла о наслѣдствѣ, онъ переѣдетъ въ Ростовъ на-Дону, мнѣ ничего не оставалось дѣлать въ Астрахани и къ тому же нужно было ѣхать въ Питеръ, чтобъ освѣдомить бюро о томъ, въ какомъ положеніи дѣло съ наслѣдствомъ принадлежавшаго къ основному кружку М. Г. Въ это время Матвѣичъ и крестьянинъ Нижегородской губерніи, служившій въ Астрахани капельдинеромъ въ театрѣ, собирались на родину Ефима (имя капельдинера) въ Макарьевскій уѣздъ. Задумали они ѣхать такъ: купить пару саней и пару лошадей и на однѣ сани нагрузить рыбу, а на другихъ ѣхать самими. Я рѣшилъ ѣхать съ ними. Отецъ Ефима, человекъ свѣдующій въ покупкѣ лошадей, купилъ пару лошадей и пару саней и мы отправились вверхъ по Волгѣ по льду въ качествѣ астраханскихъ приказчиковъ, отправляющихся на родину и захватившихъ съ собой на родину изъ Астрахани рыбы. Я съ ними ѣхалъ только до Царицына, а они въ Макарьевскій уѣздъ на родину Ефима. Путешествіе это было въ высшей степени поучительно. Мы пристали къ одному обозу съ рыбой и ѣхали такимъ образомъ въ обществѣ крестьянъ-извозчиковъ. Пропаганду насчетъ земли и воли вели не стѣсняясь, ибо наше положеніе приказчиковъ было въ высшей степени благодарное. Извозчики относились къ намъ, какъ къ людямъ болѣе ихъ свѣдущимъ въ томъ, что дѣлается въ Россіи, съ полнымъ довѣріемъ. На кормежкѣ лошадей и на ночлегахъ тоже встрѣтили благодарную почву. Не знаю какъ теперь, но въ то время на разстояніи пути отъ Астрахани до Царицына, общество крестьянъ тѣхъ деревень, что мы проѣхали не позволяли у себя открывать постоянные дворы частнымъ лицамъ, а извозчики поочередно заѣзжали во дворы крестьянъ. Бывало подѣзжаешь къ деревнѣ и десятскіе разводятъ по дворамъ извозчиковъ. Такимъ образомъ, мы и на ночлегахъ бывали въ кругу крестьянъ. Въ первый разъ въ деревнѣ Соляное Озеро я читалъ въ крестьянской избѣ «Хитрую Механику». Злобой дня въ деревнѣ въ это время былъ недавно введенный налогъ на соль, чѣмъ

деревня была возмущена, ибо добыча соли была воспрещена, почему насъ и слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, понимали безъ всякихъ разъясненій и вполне соглашались съ авторомъ, что правитель-ство дѣйствительно подвело хитрую механику. Въ этотъ же разъ въ Астрахани были заведены сношенія съ деревней Никольское, Царевскаго уѣзда, въ которой, судя по газетамъ, въ началѣ сентября этого года были волненія. Въ это время деревня Никольское вела войну съ только что введеннымъ закономъ о рыбныхъ ловляхъ и крестьяне вступали въ активную борьбу съ надзирателями рыбныхъ ловлей. Былъ случай въ наше пребываніе въ Астрахани такой: надзиратель во главѣ объѣзчиковъ калмыковъ на запретномъ пространствѣ водъ захватилъ сѣти крестьянъ дер. Никольской. Въ деревнѣ ударили въ набатъ и крестьяне бросились выручать своего односельчанина. Догнавъ сани, на которыхъ увозили сѣти и поверхъ которыхъ сидѣлъ надзиратель, они опрокинули сани съ сѣтями и такимъ образомъ задушили подъ сѣтями надзирателя. Интересно было при этомъ поведеніе объѣзчиковъ калмыковъ. Когда они увидѣли, что грозитъ бѣда и имъ, они сказали надзирателю, — «ну теперь, баринъ, ты самъ, какъ знаешь!» и съ этими словами разбѣжались. Съ этой же деревни въ это время снаряжался ходокъ съ прошеніемъ объ отпѣнѣ тяжелаго для крестьянъ закона о рыбныхъ ловляхъ. Мы свели знакомство съ этимъ ходокомъ и, по приглашенію его, намѣревались поселиться около этой деревни въ качествѣ лѣсныхъ объѣзчиковъ, что и общалъ намъ устроить знакомый намъ и сочувствующій дѣлу революціонеровъ губернской лѣсничій въ Астраханской губерніи. Интересна была наша встрѣча съ этими ходокомъ. Встрѣча состоялась въ квартирѣ лѣсничаго же. Мы собрались и ждемъ. Приходитъ почтенный старикъ крестьянинъ, поздоровались мы съ нимъ, онъ разсказалъ намъ, что происходило сейчасъ въ рыбномъ комитетѣ, гдѣ онъ состоялъ членомъ отъ крестьянъ. «Прямо говоря,—говорилъ онъ,—намъ тамъ слова сказать не даютъ! Началь говорить, а мнѣ сейчасъ ты, говорятъ, помни, что ты не въ кабакъ пришелъ и всякихъ глупостей не разсказывай! Это то мнѣ говорятъ, который, не помню, былъ ли когда въ кабацѣ, развѣ можетъ быть въ молодые мои годы. У меня не водка на умѣ, а какъ помочь міру,—вотъ что у меня на умѣ. Былъ какъ-то разъ у губернатора тоже все потому же, что намъ никакъ нельзя жить съ этими рыбными законами, а онъ вмѣсто того, чтобъ облегченіе какое намъ положить по закону, сталъ лаять и грозилъ въ тюрьму посадить, если буду смущать крестьянъ». Между прочимъ увидѣлъ этотъ ходокъ на стѣнѣ портретъ Шевченко и, вѣроятно, его вниманіе привлекъ костюмъ, въ которомъ снятъ Шевченко, похожій на костюмъ крестьянской. Спрашиваетъ,—кто такой это старикъ? Мы отрекомендовали ему Шевченка, какъ ходока отъ малороссійскихъ крестьянъ, который былъ за это сосланъ въ царствованіе Николая. «Вотъ она то правда къ чему приводитъ», сказалъ онъ. На наше предостереженіе, что и съ нимъ также могутъ поступить, онъ отвѣтилъ: «пушай, но я ужъ не отступлюсь, разъ взялся. Ужъ тамъ что будетъ, а ужъ я рѣшилъ, забралъ руки мірянъ, надо идти до конца. А что будетъ, Господу будетъ извѣстно и пускай онъ, Господь насъ и рассудитъ».—Деревня

Никольское вполне представляла почву для той дѣятельности, къ которой призывала программа «Земли и Воли», но пока такое дѣло было еще не по силамъ нашей молодой организаціи. Тѣмъ не менѣе я ѣхалъ въ Петербургъ съ предложеніемъ направить поселеніе въ Царевскій уѣздъ Астраханской губерніи, имѣя въ виду главнымъ образомъ Андреича (Боголюбова) который, по мнѣнію моему, только и могъ взяться за организацію такого дѣла. Оно было ему и по характеру, да онъ и гораздо больше былъ опытенъ въ веденіи дѣлъ съ крестьянствомъ, умѣлъ говорить съ ними. Но пріѣзжаю въ Питерь и узнаю, что на-дняхъ только произошла демонстрація на Казанской площади и что братъ мой и Андреичъ были арестованы по дѣлу этой демонстраціи. Считаю нужнымъ сказать здѣсь, что Боголюбовъ не участвовалъ въ демонстраціи хотя и былъ приговоренъ за участіе въ ней къ 15 годамъ каторги. Рѣшено было членами основного кружка, что лица, исполняющія опредѣленныя функции по организаціи, на площадь не должны были выходить. Андреичъ, во избѣжаніе соблазна, въ часы опредѣленные для демонстраціи, занятъ былъ другимъ, именно, онъ въ это время отправился учиться стрѣлять въ тиръ. Возвращаясь оттуда на одномъ изъ угловъ Невскаго проспекта, послѣ того какъ на Казанской площади все успокоилось, онъ сталъ спрашивать о томъ, что произошло на Казанской площади сегодня и въ это время по указанію кого то изъ толпы посыльныхъ, былъ арестованъ, револьверъ найденный при немъ, послужилъ достаточной уликой противъ личности задержаннаго. Точно также и мой братъ, не долженъ былъ участвовать въ демонстраціи. Андреичъ и мой братъ затѣвали что-то въ родѣ Клѣточникова при секретномъ отдѣленіи. Насколько это я знаю со словъ жены брата, Александры Дмитріевны, братъ ходилъ къ Колышкину и предлагалъ ему свои услуги въ качествѣ агента, но, вѣроятно, это сдѣлано было такъ неумѣло, что, когда при арестѣ мой братъ заявилъ себя агентомъ секретнаго отдѣленія и, отказавшись отъ дальнѣйшихъ разъясненій своей личности, сослался на то, что дальнѣйшее разъясненіе могутъ получить о немъ въ секретномъ отдѣленіи, то этотъ маневръ со стороны брата послужилъ лишь тому, что далъ время его женѣ убрать съ квартиры паспортный столъ, организуемый имъ съ Андреичемъ, Колышкинъ же далъ о немъ такой отзывъ: дѣйствительно къ нему заходилъ студентъ Художественной академіи и предлагалъ ему свои услуги, далъ нѣсколько, оказавшихся по провѣркѣ ложными, сообщеній и я пришелъ къ заключенію, что Поповъ ведетъ себя въ этомъ отношеніи неискренно и отнесся къ нему съ недоувѣріемъ. Вышелъ же мой братъ вмѣстѣ съ своей женой на Невскій, чтобы въ качествѣ гуляющаго видѣть своими глазами происходящее на Казанской площади, но не выдержалъ и бросился въ толпу помогать демонстрантамъ въ свалкѣ происшедшей между ними и полиціей. Изъ Петербурга, куда я явился изъ Астрахани, чтобъ предложить поселеніе близъ деревни Никольской, пришлось отправиться въ Ростовъ, чтобъ сообщить въ семьѣ объ арестѣ брата, отправить въ Петербургъ для свиданій съ братомъ мать и самому остаться въ Ростовѣ, чтобъ замѣнить собой роль Осинскаго по отношенію къ работавшимъ въ Ростовѣ среди рабочихъ. Но мнѣ

пришлось вновь отправиться въ Петербургъ, не помню сейчасъ почему, на короткое время. Побывалъ на процессѣ такъ называемомъ 50-ти, который произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ на этотъ годъ я оставался въ Ростовѣ вмѣстѣ съ Титычемъ, представителями организаціи «Земля и Воля». Въ Ростовѣ въ это время дѣло съ рабочими было поставлено очень хорошо. У насъ было знакомство среди рабочихъ и въ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги и на заводахъ Грагама и Фронштейна. Кромѣ того мы имѣли въ своей мѣстной ростовской организаціи нѣсколько человѣкъ изъ плотничной артели и среди приказчиковъ. Въ Ростова наша же организація вела дѣло на Грушевскихъ шахтахъ. На заводѣ Грагама вся почти администрація оказывала намъ услуги по пропагандѣ среди рабочихъ этого завода. Вообще революціонеры въ Ростовѣ сравнительно съ другими провинціальными городами находились въ очень хорошихъ условіяхъ. Помню пріѣхалъ въ Ростовъ Александръ Васильевичъ Сентянинъ и прямо со студенческой скамьи настойчиво выражалъ желаніе поступить на заводъ рабочимъ. Отправился я къ управляющему заводомъ Грагама переговорить съ нимъ, нельзя ли хоть бесплатно помѣстити на заводѣ одного студента въ качествѣ рабочаго, при чемъ не скрылъ отъ него, что въ работѣ онъ столько же знаетъ, сколько всякій студентъ. Управляющій сказалъ на это, — «зачѣмъ же бесплатно, пусть Грагамъ оплачиваетъ пропаганду среди его рабочихъ!» и помѣстилъ Сентянина съ платой въ день полтора рубля. Среди населенія предмѣстья Ростова Темерники, среди служащихъ на заводѣ и приказчиковъ торговыхъ заведеній мы были очень популярны. Разъ сидимъ мы съ Титычемъ у меня на квартирѣ, отворяется дверь и подъ предводительствомъ одного изъ знакомыхъ въ торговомъ мірѣ входитъ три новыхъ. Поздоровались, сѣли. Одинъ изъ вновь пришедшихъ обращается со словами къ намъ, что вотъ, молъ, пришли поучаться и ужъ будьте такъ добры, не откажите. На первыхъ порахъ мы были даже сконфужены такимъ лестнымъ мнѣніемъ о насъ сложившемся въ этой средѣ и только ихъ искренность и ихъ неподдѣльное желаніе познакомиться съ социалистическимъ ученіемъ изгладило первое впечатлѣніе неловкости. Мы были въ достаточной степени популярны въ такой средѣ, въ которой мы и не думали, что о насъ что-либо знаютъ. Существовала, какъ я уже говорилъ у насъ квартира специально для пріѣзжающихъ въ Ростовъ, чтобы отсюда, переодѣвшись отправляться въ народъ. Вотъ однажды, когда въ рядъ на полу лежало человѣкъ 5 въ крестьянскомъ платьѣ, входитъ хозяйка, домъ который мы нанимали подъ квартиру, и, обратившись къ Быковцеву, подаетъ ему повѣстку о полученіи на ее имя денегъ въ почтовой конторѣ и проситъ написать на ней, что предъявительница дѣйствительно то лицо. «А то платить не хотѣлось бы, поясняетъ хозяйка, а вотъ вы напишите, а ужъ въ полицію засвидѣтельствуютъ и все тутъ». Быковцевъ, притворяя изъ себя заправскаго крестьянина, сказалъ ей, что онъ неграмотный и писать не умѣетъ. «Ну, вотъ не умѣете, кто-жъ тогда и умѣетъ писать, если вы не умѣете». Быковцевъ смущенный такимъ мнѣніемъ о немъ, сталъ увѣрять хозяйку, что онъ простой человѣкъ и совершенно безгра-

мотный. Но хозяйка въ свою очередь говорить ему: «ну, будетъ вамъ, напишите, пожалуйста, развѣ я не знаю кто вы такіе!» И каково же наше было смущеніе, когда на вопросъ Быковцева,—кто же мы, по ея мнѣнію, мѣщанка города Ростова, наша хозяйка, сказала ему: «вы пропагандисты?!» Ничего другого не оставалось дѣлать послѣ этого Быковцеву, какъ достать спрятанную отъ постороннихъ глазъ чернильницу и исполнить просьбу хозяйки. Повторилось подобное же и на другой квартирѣ, гдѣ Титычъ, Севастьянъ Ильяшенко, крестьянинъ, судившійся потомъ вмѣстѣ со мной въ Кіевѣ, и Хотинскій жили въ качествѣ сапожниковъ и гдѣ въ ихъ сапожной мастерской собирались сходки рабочихъ. Квартира эта помѣщалась на Казанской улицѣ, переименованной теперь въ Пушкинскую. Собрались мы какъ-то разъ на сходку; Титычъ читалъ лекцію имъ,—рабочихъ собралось довольно, привелъ нашъ дѣдушка, Журавлевъ, и плотниковъ своей артели. Дѣло было лѣтомъ а потому окна, выходившія на улицу были открыты. Послѣ лекціи велись общія бесѣды. Поглощенные въ бесѣдахъ интересомъ дѣла, мы забыли о всякихъ предосторожностяхъ и не стѣснялись въ бесѣдахъ тѣмъ или другимъ словомъ, которое въ присутствіи постороннихъ не произносилось обыкновенно. Входитъ хозяинъ дома, въ которомъ происходили сходки и говорить: «а вотъ я пришелъ васъ пожурить, господа!»—За что?—спрашиваемъ.—«Да какъ же собрались, громко говорятъ и окна открыли на улицу,—сказалъ хозяинъ.—На бѣду подслушаетъ какой-нибудь проходящій полицейскій, вотъ и цѣлуйтесь тогда съ нимъ». Конечно мы стали увѣрять хозяина, что бояться намъ некого и не за что, мы люди законные, имѣемъ паспорта, живемъ, никого не обижаемъ, а зарабатываемъ сами себѣ на хлѣбъ. «Ну полно, полно, господа,—отвѣтилъ намъ хозяинъ на наши увѣренія въ нашей законности,—отвѣчать-то есть за что, какъ пронохаетъ полиція, да жандармы! Я пришелъ по-сосѣдски дать совѣтъ, быть осторожнѣй! А затѣмъ извиняюсь и прошу принять и меня въ гости и послушать о чемъ у васъ рѣчь,—вѣдь такой же и я рабочій человекъ!» Съ этого дня у жильцовъ съ хозяевами установились дружескія отношенія и, какъ потомъ ниже читатель увидитъ, хозяева помогли одному, изъ своихъ жильцовъ избѣжать жандармскихъ рукъ. Въ Ростовѣ въ это время мы представляли достаточную силу, чтобъ даже вступать въ борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ. Въ 77 году шла война за освобожденіе болгаръ. Въ ростовскомъ театрѣ по поводу этого стали послѣ спектакля пѣть «Боже Царя», причемъ публика стояла съ открытыми головами и, хочешь—не хочешь, слушала. Сдѣлай это разъ-два, быть можетъ, это и прошло бы себѣ, а нѣкоторые, вѣроятно, и съ удовольствіемъ прослушали, но вѣдь у насъ въ Россіи мѣры не знаютъ вообще, а если еще при этомъ и начальству это нравится, то тогда ужъ подавно. Такъ было и въ этотъ разъ: пропѣли разъ, другой и наконецъ безпредѣльно. Среди публики стали проявляться признаки неудовольствія, по поводу пріѣвшагося изъ дня въ день одного и того же «Боже Царя». Среди радикальной публики изъ рабочаго міра и приказчиковъ состоялось рѣшеніе положить конецъ этой безцеремонно навязываемой обязанности всякій день выслушивать одно и то же. Собрались мы въ лѣтнемъ саду въ театрѣ и

только музыка заиграла, какъ поднялся топотъ и крикъ «камаринскаго! камаринскаго!» Оркестръ сначала немного поупорствовалъ, но нужно полагать и ему это занятіе безпредѣльно надоѣло и онъ остановился. А когда публика ободренная первой побѣдой еще больше подняла шумъ и крики: камаринскаго, камаринскаго!,—то и камаринскаго сыграли. Послѣ этого патриотическое ханжество было снято съ очереди дня. На Темерникѣ, рабочемъ центрѣ города Ростова, у насъ было много знакомствъ не только съ мужскимъ, но и женскимъ персоналомъ. Это между прочимъ очень интересно отмѣтить здѣсь. Разъ рабочіе поставили намъ на видъ, что вотъ, молъ, мы мужчины и читаемъ, и съ нами и занятія ведутся, а наши жены стоятъ въ сторонѣ,—придешь домой, хотѣлось бы подѣлиться съ женой своими мыслями,—начнешь это, она: «а что я тамъ знаю!» Вишь вотъ вы тамъ собираетесь, читаете, а мы только одно и знаемъ сварить вамъ обѣдъ, да дѣтей нянчить! «Вы бы,—стали просить рабочіе,—подыскали женщину, которая занималась съ нашими женами». За это дѣло взялись двѣ дамы: Аптекманъ, городская акушерка и нѣкая Нина, не помню ее фамилію по отцу,—жена Новицкаго, извѣстнаго въ революціонномъ мірѣ подъ именемъ Митрошки. Но особенно крупной фигурой среди нашихъ знакомыхъ въ мірѣ рабочихъ былъ дѣдушка. Не помню, кто его отыскалъ гдѣ-то на базарѣ, кажется Гартманъ. По профессіи этотъ почтенный старикъ Журавлевъ былъ плотникъ. До знакомства съ нами онъ отыскивалъ правую вѣру, а потомъ сдѣлался социалистомъ. Вѣру въ православную церковь, по его словамъ, у него поколебало слѣдующее обстоятельство. Онъ былъ крѣпостнымъ помѣщика, на сестрѣ его хотѣлъ жениться крестьянинъ ихъ деревни, его другъ, почему-то на бракъ друга съ его сестрой не послѣдовало согласія ихъ помѣщика. Онъ и его другъ бѣжали отъ помѣщика въ надеждѣ, пристроившись гдѣ-нибудь, выписать сестру и пожениться вопреки помѣщику. Но вотъ въ дорогѣ его другъ умираетъ. Журавлевъ говорилъ, что онъ съ своимъ другомъ жилъ душа въ душу и, когда другъ его умеръ, онъ хотѣлъ его похоронить не такъ какъ обыкновенно хоронятъ бродячій людъ, т. е. снести на кладбище, зарыть, а потомъ при случаѣ батюшка запечатаетъ, какъ говорятъ. Ему хотѣлось похоронить друга по всѣмъ правиламъ православной церкви. Но оказалось, что для этого одного желанія еще недостаточно,—нужно еще имѣть деньги. А денегъ то у Журавлева было всего на всего 3 руб. Нуженъ былъ гробъ, вѣнчикъ, свѣчи, да самому Журавлеву нужно было сколько-нибудь имѣть про запасъ. «Просилъ я, просилъ этого попа, рассказывалъ Журавлевъ,—онъ все свое дай 3 рубля, похоронимъ, какъ ты хочешь, а нѣтъ снеси на кладбище, въ воскресенье отпою и запечатаю. Бился, бился, просилъ его такъ, нѣтъ онъ свое да и только. Снесъ я его сердечнаго, зарыли и закопали въ землю. Больно это стало моему сердцу, повѣствовалъ Журавлевъ,—и сталъ я это думать: какъ же это такъ, богатаго вонъ какъ хоронятъ, а бѣднаго просто закопаютъ какъ какую-нибудь падаль! Долго я думалъ надъ этимъ: неужели церковь наша есть ложь? Не ѣмъ, не пью, такъ вотъ ровно гвоздь кто въ голову мнѣ вколотилъ,—томить меня эта мысль, да только. Почитай дня три такъ

это было со мной, выпытывалъ я, значить, мысль мою и вотъ на меня нашло просвѣтленіе и съ тѣхъ поръ мнѣ стало ясно, что церковь наша есть ложь». Съ тѣхъ поръ Журавлевъ все искалъ правой вѣры. Былъ онъ и въ Турціи у некрасовцевъ, и на Кавказѣ, и на Волгѣ. «Посмотришь это,—говорилъ Журавлевъ—сначала какъ будто вѣра и хорошая, справедливая, а больше приглядишься и опять что-нибудь покажется не какъ бы нужно было, не такъ какъ требуетъ душа моя и опять я пошелъ себѣ въ другое мѣсто.—все ишу, думаю, есть же гдѣ-нибудь настоящая, правая вѣра». Журавлевъ былъ не только идейный человѣкъ, но и въ высшей степени идеально нравственная натура. Его впечатлительную душу волновало то, мимо чего обыкновенные люди не замѣчая проходили. На Пасху, помню, приходитъ Журавлевъ къ намъ въ гости, но вмѣсто праздничнаго вида, лицо его было взволнованное, грустное и, похристосовавшись съ нами, онъ печально началъ. «Посмотришь это, и думаешь: люди—тѣ-же звѣри! Сейчасъ вотъ, идучи къ вамъ, вижу,—грызутся двѣ собаки и мальчикъ науськиваетъ. Выскакиваетъ потомъ изъ воротъ человѣкъ уже взрослый и чтобъ сказать парнишкѣ хорошими словами, онъ облаялъ его всякими скверными словами, схватилъ за вихры... Тѣфу! думаю себѣ: собаки грызутся и люди, глядя на нихъ, тѣмъ же слѣдомъ! Ничѣмъ не лучше по мнѣ, этотъ человѣкъ собаки». Бесѣды для Журавлева на собраніяхъ рабочихъ были лучшей духовной пищей и только, когда эти бесѣды принимали очень бурный характеръ, онъ нѣсколько бывалъ удрученъ и обращался къ публикѣ съ просьбой говорить мирно, по хорошему. Въ это время среди интеллигентныхъ питерскихъ рабочихъ образовался кружокъ, который проповѣдовалъ, что рабочіе сами должны взять свое дѣло въ руки, что руководство интеллигенціи рабочими явленіе ненормальное и нужно, чтобъ интеллигенція, какъ пришедшая въ рабочую среду извнѣ и незнающая этой среды, играла бы въ этой средѣ не руководящую, а посредствующую роль: доставляла бы рабочей средѣ образовательныя средства и средства матерьяльныя, а организаціонныя работы и руководство рабочими—это дѣло самихъ ужъ рабочихъ. Изъ членовъ этого кружка прибылъ нѣкто Бачинъ и въ Ростовъ съ тѣмъ, чтобъ познакомить Ростовскихъ рабочихъ съ своей программой. Обратился онъ къ намъ, чтобъ мы познакомили его съ рабочими, дабы онъ могъ изложить имъ свою программу. Мы собрали сходку, на которой Бачинъ и выступилъ съ критикой ненормальнаго положенія въ рабочей средѣ интеллигенціи. Бачинъ человѣкъ горячаго темперамента, сталъ довольно рѣзко говорить на сходкѣ о самозванствѣ интеллигенціи въ рабочей средѣ и предлагалъ ростовскимъ рабочимъ положить предѣлы этой ненормальности, ограничить предѣлы дѣятельности интеллигенціи опредѣленными функціями, дать понять интеллигенціи, что рабочее дѣло должно быть всецѣло въ рукахъ рабочихъ. Титычъ, руководившій рабочимъ дѣломъ, ограничивался только тѣмъ, что иронически дѣлалъ то или другое замѣчаніе, вообще же предоставилъ самимъ рабочимъ быть судьей между Бачиномъ и интеллигенціей. Нашъ дѣдушка былъ возмущенъ рѣчью Бачина и сказалъ: «пріѣхалъ ты, Богъ тебя знаетъ откуда, и заводишь у насъ ссоры! Было у насъ все мирно, по хорошему, слу-

шали, что намъ говорили люди больше насъ знающіе и никакого самозванства не видѣли отъ нихъ, какъ ты говоришь. Я прямо скажу: дѣло не въ томъ, кто такой ты или кто такой вотъ они, какъ ты сказалъ, интеллигенція,—дѣло братъ въ человѣкѣ, а хорошіе люди всюду бываютъ, такъ же, братъ, и между рабочими куда такъ много худыхъ людей. Ты говори намъ дѣло, поучи насъ, если ты больше насъ знаешь, мы тебя послушаемъ и поблагодаримъ, а разстраивать нашу компанію—за чѣмъ-же?» Тѣмъ дѣло и кончилось. Бачинъ скоро послѣ этого уѣхалъ. Вѣроятно теперь Журавлевъ уже умеръ; но на Карѣ я получилъ свѣдѣнія отъ Александра Лукашевича, что Журавлевъ былъ отправленъ въ ссылку въ Тунку вмѣстѣ съ женой и дочерью. По словамъ Лукашевича, онъ остался такимъ же социалистомъ какимъ я зналъ его въ Ростовѣ. У него во время побѣга изъ Иркутской тюрьмы 9-ти (Попко, Яцевичъ, Березнюкъ, Оомичевъ, Волошенко, Орловъ, Григорій рабочій—фамилии не помню,—Колюжный, девятаго не помню) скрывался Волошенко нѣкоторое время, когда онъ изъ тайги, гдѣ проживалъ онъ, Попко и Березнюкъ у одного Сибирика на заимкѣ, отправился въ Тунку за деньгами и тамъ его пребываніе было открыто, какимъ то образомъ, полиціей. Былъ еще въ Ростовѣ, преданный дѣлу революціи инструментальщикъ Жучковскій, въ семьѣ котораго на Темерникѣ имѣли пристанище революціонеры. Онъ тоже въ числѣ многихъ, о чѣмъ рѣчь впереди, былъ высланъ въ Восточную Сибирь. Ростовъ былъ главнымъ пунктомъ, въ которомъ молодежь, пріѣзжавшая изъ университетскихъ городовъ, получала революціонное крещеніе и отправлялась въ народъ. Съ этой цѣлью нанималась квартира, гдѣ переодѣвались и шли въ народъ и куда возвращались изъ народа. Дѣлалось это очень просто, какъ о томъ я уже выше говорилъ. Пріѣзжалъ студентъ изъ Питера или Харькова на эту квартиру, переодѣвался соотвѣтственно сезону, бралъ свиту или чепанъ, составлялась компанія и въ путь. Помню явились въ Ростовъ изъ Питера два юныхъ студента: Балабуха и другой, если память мнѣ не измѣнила, Масловцевъ. Въ народъ желаемъ идти. — Отлично. Отправляются изъ Ростова то ли въ Ейскъ, то ли Екатеринодаръ. Кубанской области и устраиваются тамъ чебанами (пастухами овецъ). Городъ Ейскъ былъ мѣстомъ, откуда мы получали паспортные бланки. Казначеемъ здѣсь былъ свой человѣкъ. Невдали отъ Ейска была нѣмецкая колонія. Вотъ отъ имени Шульца этой колоніи мы и получали въ казначействѣ паспортные бланки. Въ тѣсномъ союзѣ съ Ростовомъ были ближайшіе города, для которыхъ онъ служилъ центромъ: Новочеркасскъ, Екатеринодаръ, Ейскъ и пр. Я уже говорилъ, что на Грушевскихъ шахтахъ у насъ были заведены сношенія. Тамъ работалъ Быковцевъ. Сначала ему приходилось на саночкахъ на четверенькахъ возить по проходкамъ уголь, но потомъ онъ, какъ пропагаторъ, былъ избавленъ отъ этого труда рабочими и его главнымъ дѣломъ стало читать книжки въ шахтахъ. По деревнямъ кое-гдѣ были разбросаны учителя народныхъ училищъ, которые приносили къ Ростовскому кружку общерусской организаціи «Земли и Воли». Въ Василе-Петровской волости проживали въ качествѣ земскихъ фельдшерницъ: Марія Николаевна Ошанина и Екатерина Дмитріевна

Сергѣева, жена Тихомирова, М. Н. представительница въ это время, такъ называемаго центра Ткачевцевъ была слишкомъ выдающеюся личностью, чтобъ представители организациі Земли и Воли не замѣчали ея и не стремились привлечь ее въ свою организацию. Знакомство съ Маріей Николаевной давно у насъ было и она оказывала нашей организациі услуги, хоть и не раздѣляла мнѣнія представителей организациі и главнымъ образомъ она не раздѣляла надеждъ землевольцевъ на народъ. Наконецъ Осинскому и мнѣ удалось убѣдить М. Н. поѣхать къ намъ въ Ростовъ и поселиться въ качествѣ фельдшерницы въ Василе-Петровской волости. При всемъ своемъ предубѣжденіи противъ мужика, она въ лицѣ старосты этой волости встрѣтила крестьянина Жабскаго, которымъ, по ея словамъ, она была очарована. Какъ то я пріѣхалъ къ ней, она пользовалась въ это время среди крестьянъ уже большой любовью. На мой вопросъ, какъ казался ей народъ?—отвѣтила: во всякомъ случаѣ могу сказать вамъ, что не ожидала встрѣтить такихъ умныхъ мужиковъ, каковы ваши мужики; здѣшніе крестьяне далеко болѣе развиты, чѣмъ, напр., наши орловцы и скажу прямо, еслибъ всѣ крестьяне были такіе, какъ Жабскій, волостной старшина нашъ, то и я стала бы народницей. «Какой умница этотъ Жабскій!»—говорила М. Н. Съ нимъ можно съ такимъ удовольствіемъ говорить обо всемъ, съ какимъ не со всякимъ интеллигентнымъ человѣкомъ». Между прочимъ, она рассказала мнѣ слѣдующее, случившееся съ ней. Сосѣдніе помѣщики, насколько помню Пеленкины, и одинъ изъ нихъ даже студентъ медико-хирургической академіи въ нетрезвомъ довольно видѣ явились къ ней подъ предлогомъ нужды въ медицинской помощи кому-то изъ нихъ. Увидѣвъ, что на умѣ у нихъ далеко не медицинская помощь, а нѣчто другое,—просто молодые господа хотѣли осчастливить своими любезностями сельскую фельдшерницу, М. Н. ушла отъ нихъ въ другую комнату и заперла за собой дверь на крючекъ. Но, очевидно, гости не привыкли останавливаться передъ запертой дверью и начали ломиться въ нее. «Я просто находилась въ безвыходномъ положеніи,—говорила М. Н., но выручилъ меня Жабскій». Жабскій, замѣтивъ, что гости что-то недоброе затѣваютъ, вошелъ въ квартиру М. Н. и, убѣдившись, что его подозрѣнія оправдались, сказалъ гостямъ: «вотъ видите, господа, вы люди образованные и считаетесь благородными; а я вотъ и мужикъ, но долженъ вамъ сказать, что вы поступаете неблагородно съ нашей фельдшерницей. Вѣдь вы не знаете, что за человѣкъ наша фельдшерница, а поступаете такъ, какъ будто вы ее хорошо знаете. Я васъ прошу оставить въ покоѣ нашу фельдшерницу, а то придется позвать сотскихъ и васъ отсюда вывести силой». Такимъ образомъ господа были выворены. Студентъ Борисевичъ, знакомый Маріи Николаевны, узнавъ о подвигѣ своего однокурсника, общалъ въ аудиторіи въ присутствіи его сообщить товарищамъ о томъ, какъ крестьянинъ Жабскій училъ порядочности студента по отношенію къ женщинѣ; но не знаю уже, чѣмъ кончилось это дѣло. Теперь, почти послѣ 30 лѣтъ отсутствія изъ моего родного края, куда я въ числѣ другихъ явился съ призывомъ къ народу, сбросить съ себя иго рабства, я безъ всякаго самообольщенія могу сказать, что наша дѣятельность

оставила слѣды въ народѣ. Тому доказательство на лицо. Въ Ростовской тюрьмѣ вмѣстѣ съ Ладыженскимъ сидѣлъ одинъ крестьянинъ Василе-Петровской волости и рассказывалъ ему о томъ, что онъ помнитъ о нашей дѣятельности, и заключилъ рассказъ свой такъ: «посіялы воны добре зерно, бач яки тепер дружни всходи». Или вотъ: на Пасху я поѣхалъ къ моей сестрѣ въ гости на своихъ лошадахъ верстъ за сто отъ Ростова. По дорогѣ покормить лошадей я заѣхалъ въ одну крестьянскую избу. Войдя въ комнату, я замѣтилъ этажерку съ брошюрами изданій Донской Рѣчи, Молота и т. д. Сталъ пересматривать брошюры и дивиться такой небывальшинѣ въ наше время. Подходить ко мнѣ крестьянинъ, хозяинъ избы, и говоритъ: «любопытствуете книжечками?»—Да,—отвѣчаю ему. «Постойте, отъ я вамъ покажу одну—«Нагорная проповѣдь» звется. Вотъ книжка, всімъ книжкамъ книжка!» Поискалъ,—книжки не оказалось. Нема,—сказалъ онъ,—мабуть сынъ взявъ съ собой почитать кому». Разговорились. Онъ спросилъ, куда и откуда їду? Отвѣтилъ ему, что їду изъ хутора Олексія Родіоновича.—«Знаю, знаю хуторъ Олексія Родіоновича. А де тепер той его братъ, що сидівъ въ якійсь-то крѣпости?» Отвѣчаю, что онъ живетъ въ Ростовѣ у матери. Но со мной былъ мой племянникъ, гимназистъ, который тутъ же и сказалъ,—да это онъ самый и есть. Нужно было видѣть, какое впечатлѣніе произвело это открытіе на этого крестьянина. «Біжи швидче, Анютка, скажи брату, щобъ шовъ до дому,—бач якого дождались гостя! Та винъ, якъ узнае, що бувъ у насъ М. Р. и винъ его не бачивъ, то и батькови не простить.» Скоро пришелъ и сынъ, но объ этомъ пока несвоевременно говорить. Обстоятельства какъ въ Ростовѣ, такъ и въ окрестности Ростова сложились довольно благоприятно для насъ по тѣмъ временамъ. Недалеко отъ Ростова, въ Землѣ Войска Донского были хутора, владѣльцы которыхъ были моими знакомыми съ дѣтства. Пользуясь ихъ опытностью, мы завели хуторъ, владѣльцемъ котораго былъ Гостинцевъ, мой товарищъ по академіи и тоже принадлежалъ къ организаціи «Земли и Воли». Хуторъ этотъ былъ мѣстомъ, гдѣ можно было укрыться и людямъ нашей организаціи на время усиленнаго розыска ихъ и всего другого, что въ то время носило характеръ нелегальщины. Здѣсь одно время скрывался и Мирскій послѣ покушенія на Дрентельна. Окрестные хуторяне, хотя всего-на-всего только хорошіе мои знакомые, но все же они знали, кто мы за люди, и умѣли держать языки за зубами, какъ говорится. Въ Ростовѣ семья Осинскихъ, два брата которой были членами земской управы, тоже готова всегда была оказать намъ услуги. Угольный складъ моего хорошаго знакомаго былъ справочнымъ бюро для прїѣзжавшихъ въ Ростовъ. Благодаря всему этому, дѣла организаціи «Земли и Воли» въ Ростовѣ были поставлены сравнительно хорошо. Многолюдныя сходки рабочихъ собирались за городомъ на открытомъ воздухѣ лѣтомъ. Такъ революціонная дѣятельность развивалась въ Ростовѣ непрерывно, безъ всякихъ погромовъ, начавшись еще гораздо раньше, чѣмъ я принялъ въ ней участіе. Правда Гартманъ, принадлежавшій къ ростовскому кружку одно время былъ арестованъ, но онъ арестованъ былъ внѣ Ростова въ Екатери-

нодарѣ и его арестъ не отразился на дѣлахъ ростовскихъ. Намъ, ростовцамъ, освобожденіе Гартмана изъ тюрьмы стоило лишь того, что мы послали туда одного человѣка, Быковцева, которому очень скоро удалось сдать Гартмана на поруки одному батюшкѣ и Гартманъ потомъ уѣхалъ изъ Екатеринодара въ Саратовъ. Но вотъ наконецъ жандармы добрались до насъ. Въ одинъ день подходитъ къ окну моей квартиры мой отецъ и таинственно вызываетъ меня. Вышелъ я. Отецъ приглашаетъ меня пройтись съ нимъ. По дорогѣ онъ сообщаетъ мнѣ, что онъ видѣлся сейчасъ съ однимъ священникомъ и тотъ ему сообщилъ, что на одномъ вечерѣ за картами начальникъ ростовскаго жандармскаго управленія говорилъ, что въ Ростовѣ ведется противоправительственная пропаганда, и что на-дняхъ предстоитъ арестъ намѣченныхъ имъ лицъ. Въ томъ числѣ называлъ и тебя,—закончилъ отецъ. Узнавъ объ этомъ, мы тотъ же день рѣшили закрыть квартиры: мою и сапожную мастерскую. Хозяйка квартиры Титыча съ того дня, какъ явился къ намъ съ совѣтомъ хозяинъ вестидѣла по-осторожнѣй, были своими людьми, и только благодаря этому Ильяшенко, оставшійся послѣднимъ въ квартирѣ, чтобы забрать оставшіяся мелочи, избѣжалъ рукъ жандармовъ. Въ тотъ моментъ, когда Ильяшенко былъ въ домѣ хозяина, чтобы расплатиться съ нимъ, хозяйка квартиры увидѣла въ окно пришедшихъ гостей-жандармовъ, она указала Ильяшенко кладовую, гдѣ онъ могъ спрятаться, и вышла навстрѣчу гостямъ. Жандармы спросили у ней, кто живетъ у нихъ во флигелѣ? Имъ хозяйка отвѣтила, что жили какихъ-то 3 сапожника, но вчера вечеромъ съѣхали. «Говорили, ѣдутъ въ Харьковъ»,—добавила хозяйка. Жандармы отправились въ пустыя комнаты флигеля, тщательно осмотрѣли ихъ, подняли нѣсколько клочковъ изорванной бумаги и съ тѣмъ вышли. Постояли въ раздумьи на дворѣ, еще разъ спросили,—«вы говорите они уѣхали въ Харьковъ?» На что хозяйка еще разъ сказала: «да, они говорили, что уѣзжаютъ въ Харьковъ». Ушли. Пересидѣвшій въ кладовой Ильяшенко по приходѣ рассказалъ намъ о случившемся сейчасъ на бывшей квартирѣ сапожниковъ. Я, Хотинскій и Титычъ разѣхались скоро въ разныя стороны. Титычъ уѣхалъ, кажется, въ Екатеринодаръ, я и Хотинскій—въ Питеръ. Въ Ростовѣ остался пока одинъ Сентянинъ, какъ человѣкъ, еще не при-слѣдуемый жандармами и спокойно все еще работавшій на заводѣ Грагама. Вскорѣ послѣ этого произошелъ разгромъ въ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги. Разгромъ былъ произведенъ по доносу Никонова, рѣшетника по профессіи, убитого, кажется, въ Ростовѣ въ тотъ же годъ, помнится, въ ноябрѣ. Арестъ рабочихъ въ мастерскихъ Влад. жел. дороги произведенъ былъ такъ: къ концу работъ явились у воротъ мастерскихъ жандармы и по указанію Никонова арестовывали выходившихъ рабочихъ изъ мастерскихъ. Всѣхъ арестованныхъ рабочихъ было человѣкъ 50. Сколько потомъ ихъ выпустили и сколько отправили въ ссылку, не знаю. Изъ высланныхъ въ этотъ разъ изъ Ростова рабочихъ я встрѣтилъ по дорогѣ на Кару; въ Красноярскѣ, въ Читѣ и, какъ я уже узналъ на Карѣ, въ Тункѣ жили нѣкоторые изъ высланныхъ изъ Ростова рабочихъ. Съ этого времени въ Ростовѣ я бывалъ только проѣздомъ

и уже считался въ числѣ нелегальныхъ, по крайней мѣрѣ въ самомъ Ростовѣ.

Послѣ разгрома въ Ростовѣ я еще разъ взялся за медицину. Я былъ бы уже второй годъ на 3-мъ курсѣ, и мнѣ нужно было или взять свои документы изъ академіи, или перейти на 4-й курсъ. Я и рѣшилъ использовать свое пребываніе въ Питерѣ и подготовиться къ переходному экзамену на 4 й курсъ. Но и на этотъ разъ мои намѣренія остались только намѣреніями.

Конецъ 77 и начало 78 годовъ было временемъ вновь намѣчающагося поворота въ революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ. Расправа неудобозабываемаго Трепова, отца столь прославившагося въ настоящее время сына, съ Боголюбовымъ, приговореннымъ къ 15 годамъ каторги за демонстрацію на Казанской площади, въ которой, какъ я уже сказалъ выше, онъ не участвовалъ, взволновала умы не однихъ революціонеровъ, но и всего общества, что ясно доказывается тѣмъ, что судъ присяжныхъ засѣдателей оправдалъ В. И. Засуличъ. Стали раздаваться среди революціонеровъ слова мести по адресу варвара. Съ юга пріѣхали люди съ специальной цѣлью отомстить Трепову за дикую расправу съ товарищемъ по дѣлу: Осинскій, который изъ Петербурга отправился въ качествѣ представителя «Земли и Воли», Ф—ко, Попко и В—ко. Было предложено нѣсколько плановъ этой мести, которые одинъ за другимъ были сданы въ архивъ. Наконецъ, В. И. взяла на себя актъ мести. Подробно объ этомъ я не говорю, ибо не принималъ лично участія въ этомъ дѣлѣ, и думаю, что это удобнѣе сдѣлать людямъ близко, стоявшимъ къ дѣлу. Я не зналъ, что должно было случиться даже въ день выстрѣла В. И., но Оболеншевъ явился ко мнѣ и сказалъ, что нужно будетъ продѣлать сейчасъ вотъ что: написать заявленіе объ утерѣ паспорта на имя канцеляріи градоначальника и отнести часовъ около 11—12 и подъ этимъ предлогомъ подождать тамъ съ подачей. Я написалъ и отправился. Подхожу къ канцеляріи градоначальника и замѣчаю необычную сумятицу у входа. Пытаюсь пройти въ канцелярію, меня не пропускаютъ. Говорю, что пришелъ подать заявленіе объ утерѣ паспорта, мнѣ на это отвѣчаютъ: теперь не до этого, идите себѣ, послѣ придете. Проскользнулъ какой-то высшій чинъ, что-то спросилъ у швейцара, отвѣтъ швейцара былъ: самого князя. Недоумѣваю, да и теперь не понимаю, почему швейцаръ называлъ Трепова княземъ, развѣ, быть можетъ, среди своихъ онъ слылъ за князя. Наконецъ, потерявъ надежду проникнуть въ канцелярію, я думалъ уже идти домой. Только-что поворотился, чтобъ идти, вижу вышедшаго изъ кареты профессора академіи, хирурга Корженевскаго, котораго, спѣшно подошедшій какой-то чинъ полицейскій, просилъ поскорѣй пожаловать. Я сталъ догадываться въ чемъ дѣло и остался подождать, что будетъ дальше. Разъясненія скоро послѣдовали со стороны швейцара. Онъ сообщалъ, очевидно, своимъ знакомымъ сосѣдямъ: «самъ князь раненъ! Какая-то барышня пришла съ револьверомъ подъ мантильей, говоритъ, прошеніе желаю подать самому Трепову. ну, а потомъ оказалось вотъ что,—выпала изъ револьвера». Услышавъ это, я рѣшилъ, что больше оставаться мнѣ здѣсь не нужно, да и не безопасно. Значить, спросилъ я швейцара

по этому случаю сегодня приѣма не будетъ въ канцеляріи? «Надо полагать, что въ постели онъ васъ не приметъ, сами должны понимать»,—съ достоинствомъ отвѣтилъ мнѣ швейцарь.—Я отправился въ одну конспиративную квартиру, гдѣ я условился съ Оболеншевымъ встрѣтиться, рассказалъ ему то, чему я былъ свидѣтелемъ у подѣзда канцеляріи градоначальника, и только тогда онъ сказалъ мнѣ, что случилось. Отсюда я отправился въ академію, ибо зналъ, что у Корженевского на 4-мъ курсѣ должна быть лекція, и что, быть можетъ, возвратившись отъ Трепова, Корженевскій сообщить что-нибудь о случившемся. Корженевскій уже читалъ лекцію, когда я пришелъ. Отъ студентовъ же потомъ узналъ, что Корженевскій сообщилъ имъ, что какая-то студентка медицинскихъ курсовъ (хотя В. И. на самомъ дѣлѣ таковой не была) выстрѣлила въ Трепова, причинивъ ему рану въ животъ, и что онъ думаетъ, что этотъ поступокъ студентки бросить худую тѣнь на женскіе медицинскіе курсы. Опасенія профессора не оправдались, какъ оказалось потомъ, и на поступокъ В. И. не всѣ такъ взглянули, какъ почтенный хирургъ. Подъ впечатлѣніемъ случившагося я вспомнилъ своего босяка Алексѣя, о которомъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ «Былого» ¹⁾, и подумалъ: вотъ какъ тебѣ, Алексѣй, на твой вопросъ:—какой же будетъ вашъ отвѣтъ Трепову—отвѣтила В. И. Выстрѣлъ В. И. былъ призывомъ въ революціонномъ мірѣ на новый путь борьбы. Такъ, мнѣ кажется, многіе революціонеры нашего времени его поняли. Въ этотъ годъ вновь появился среди насъ и Кибальчичъ, просидѣвъ годъ въ крѣпости, куда онъ попалъ по доносу одного священника за пропаганду среди крестьянъ во время каникулъ. Расскажу объ этомъ первомъ арестѣ Кибальчича. Я выше уже говорилъ, что Кибальчичъ былъ однимъ изъ членовъ того кружка, въ которомъ впервые состоялъ и я членомъ. Съ этого времени мое знакомство съ нимъ не прерывалось вплоть до его перваго ареста. Сіужу я какъ то въ студенческой бібліотекѣ, подходитъ ко мнѣ взволнованный Кибальчичъ и говоритъ мнѣ, что сейчасъ онъ отъ Пескова (инспекторъ Академіи, гвардіи майоръ), который сообщилъ ему, что о немъ справлялись изъ полиціи и что ему нужно побывать у себя на квартирѣ. «Пойдемъ со мной, сказалъ Кибальчичъ, заберешь у меня тюкъ съ нелегальными книгами, привезенными только вчера вечеромъ ко мнѣ одной барыней. Можетъ быть ее прослѣдили и тогда, пожалуй, произведутъ и у меня обыскъ». Отправились мы. Я все еще жилъ на Большой Дворянской улицѣ, а онъ тоже на Петербургской сторонѣ, не помню какъ называется улица, идущая отъ Троицкаго собора вдоль Невы. Подходимъ къ его квартирѣ и замѣчаемъ у воротъ дома, гдѣ онъ квартировалъ, карету и снующихъ полицейскихъ. Ясно, у него обыскъ. Говорю ему, что мы опоздали и что ему предстоитъ тюрьма, если онъ пойдетъ домой. Онъ рѣшилъ идти, а я отправился къ себѣ домой и сообщилъ дома, о происходящемъ сейчасъ у Кибальчича. Спустя часа полтора, я отправился на квартиру, чтобы узнать чѣмъ кончилось дѣло. Вхожу во дворъ и вижу на крыльцѣ одного изъ домовъ во дворѣ собрались жильцы и

¹⁾ Августъ. „Земля и Воля“ наканунѣ Воронежскаго съѣзда.

дворникъ что-то рассказываетъ своимъ жильцамъ, очевидно, о случившемся въ каменномъ домѣ, выходящемъ на улицу окнами, гдѣ жилъ Кибальчичъ. Подхожу къ дворнику, спрашиваю квартиру Кибальчича и въ отвѣтъ получаю: «сгорѣлъ вашъ Кибальчичъ,—уходите, а то какъ бы и съ вами того-же не случилось. У него много кое-чего нашли и прибавивъ тихо: тамъ у него сидитъ и лучше идите себѣ съ Богомъ»,—посоветовалъ мнѣ дворникъ. Я, конечно, поспѣшилъ воспользоваться добрымъ совѣтомъ и отправился сообщить печальную новость. Кибальчичъ просидѣлъ въ крѣпости полный годъ. И вотъ теперь онъ вышелъ изъ тюрьмы. Тюрьма произвела на Кибальчича свое вліяніе. Сейчасъ я представляю себѣ двухъ извѣстныхъ мнѣ Кибальчичей, одного до тюрьмы и другого послѣ тюрьмы. Правда, Кибальчичъ никогда, вѣроятно, не отличался веселымъ нравомъ и всегда былъ человѣкомъ ровнымъ. Но до тюрьмы, онъ любилъ принимать участіе въ преніяхъ, даже, быть можетъ, мечталъ руководить людьми. Послѣ тюрьмѣ, кромѣ пожатія руки, дружеской привѣтливой улыбки, мнѣ ничего не помнится, когда я думаю о немъ. При короткихъ встрѣчахъ на конспиративныхъ квартирахъ, если онъ не могъ что либо получить сейчасъ, зачѣмъ приходилъ, онъ изображалъ молчаливую фигуру. Такимъ я его помню, когда онъ на средства, отпускаемыя организаціей З. и В. изучилъ химію и свойства динамита. Такимъ онъ сохранился въ моихъ воспоминаніяхъ, когда онъ въ Одессѣ, снабдивъ меня динамитомъ и запалами въ декабрѣ 79 года, давалъ наставленіе мнѣ объ обращеніи съ врученными вещами. Даже на шутки товарищей надъ нимъ, онъ отвѣчалъ только улыбкой. Я хочу всѣмъ этимъ сказать, что Кибальчичъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто понялъ выстрѣлъ В. И., какъ призывъ на новый путь борьбы. Со времени своего выхода изъ Петропавловской крѣпости и вплоть до готовившагося взрыва въ ноябрѣ 79 года на Московско-Курской желѣзной дорогѣ, Кибальчичъ въ тиши и, конечно, небогато обставленнаго кабинета ученаго, терпѣливо изучалъ химію, имѣя въ виду строго опредѣленную цѣль,—вооружить русскую революцію динамитомъ. Думаю, что такіе ученые были рѣдкостью въ исторіи наукъ, если только они были гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Удивительно право, что послѣ такихъ примѣровъ все еще находятся люди, которые считаютъ веревку и военно-полевые суды верхомъ политической мудрости въ борьбѣ съ революціей. Въ этомъ же году, въ концѣ марта или началѣ апрѣля былъ освобожденъ изъ Литовскаго замка въ Петербургѣ Прѣсняковъ. Я не знаю зарегистрировано ли въ воспоминаніяхъ кого-либо это освобожденіе, — освобожденіе, по смѣлости не уступающее освобожденію Кропоткина. Оно совершено при помощи того же Варвара. Въ субботу, когда обыкновенно въ русскихъ тюрьмахъ бываютъ бани, въ пролеткѣ, запряженной Варваромъ, подѣхали къ Литовскому замку два революціонера, одинъ въ качествѣ кучера, другой — сѣдока. Прѣсняковъ объ этомъ зналъ и былъ снабженъ нюхательнымъ табакомъ. Проходя въ баню, онъ засыпалъ табакомъ глаза провожавшему его въ баню надзирателю и, бросившись на улицу чрезъ открытую калитку, сѣлъ рядомъ съ сѣдокомъ въ пролетку. Очевидно Прѣснякову не совсѣмъ удалось засыпать табакомъ глаза надзирателю, ибо над-

зритель побѣжалъ догонять Прѣснякова и, когда Прѣсняковъ сѣлъ, надзиратель налегъ на крыло пролетки. Пролетка накренилась даже въ эту сторону и грозила перевернуться, когда Варваръ тронулъ съ мѣста полной рысью. Это вѣроятно и случилось бы, если-бъ сидѣвшій рядомъ съ Прѣсняковымъ Хотинскій не ударилъ его по рукамъ кистенемъ и тѣмъ не заставилъ надзирателя взять свои руки съ пролетки прочь. Разъ это было сдѣлано, на Варвара можно было положитьсь,—Варваръ умчалъ пролетку съ сѣдоками. Такимъ образомъ среди бѣла дня Прѣсняковъ былъ взятъ изъ Литовскаго замка. На Пескахъ была приготовлена квартира, куда и привезенъ былъ Прѣсняковъ. При помощи краски передѣлали его изъ блондина въ bruneta и затѣмъ, когда прошло нѣсколько дней и полиція помирилась съ фактомъ побѣга, Прѣсняковъ уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ его я видѣлъ въ послѣдній разъ въ іюлѣ 79 года. Это освобожденіе произвело впечатлѣніе на публику. На другой день одинъ изъ выпущенныхъ по процессу 123-хъ принесъ намъ, какъ заслуженную дань, пасхальный куличъ. Помнится, это былъ Фишеръ. Въ это же время была и стачка рабочихъ на Тортоновской хлопчатобумажной фабрикѣ, стачка кончившаяся демонстративнымъ шествіемъ рабочихъ для подачи прошенія наслѣднику, т. е. Александру III. Землевольты, воспользовавшись возникшими неудовольствіями между рабочими этой фабрики и управляющимъ, впервые организовали рабочихъ для активной борьбы. Вели эту стачку Г. В. Плехановъ, Николай Лопатинъ и я. Сказать объ этой стачкѣ нужно уже по тому одному, что организаторы этой стачки впервые имѣли дѣло не съ отдѣльными лицами изъ рабочей среды, какъ это было до сихъ поръ въ сношеніяхъ интеллигенціи съ рабочими, а съ массой и поэтому, вѣроятно, стачка эта пользовалась большой популярностью среди интеллигенціи петербургской, включая и людей стоящихъ вдали отъ революціонныхъ круговъ ея. Мнѣ Г. В. сообщилъ, что на фабрикѣ Тортонъ произошелъ конфликтъ, чѣмъ можно воспользоваться, организовать стачку и вызвать рабочихъ на улицу подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, словомъ устроить демонстрацію, что составляло тогда главную цѣль организаціи по мнѣнію ея членовъ. Обсуждая съ нимъ тѣ способы, какими можно было бы вызвать рабочихъ на улицу, мы остановились на подачѣ прошенія наслѣднику... Подачу прошеній на имя царя и членовъ царской фамиліи землевольты разсматривали какъ самое удобное средство разрушить авторитетъ власти. Не знаю, почему Александръ III въ бытность свою наслѣдникомъ пользовался популярностью среди народа и вообще рабочаго люда Петербурга. О немъ ходила молва, что онъ защитникъ народа. Думаю, что самое вѣроятное объясненіе этому то, что когда ждешь тщетно отъ однихъ, то охотно переносишь свои надежды на другихъ. Такъ ли—не такъ, но среди рабочихъ тортоновской фабрики идея подать прошеніе наслѣднику всѣмъ наличнымъ составомъ рабочихъ фабрики, была принята охотно и безъ всякихъ колебаній. Рабочіе фабрики Тортонъ, какъ, вѣроятно, и рабочіе другихъ фабрикъ жили артелями, человѣкъ по 20-ть. Въ одну изъ такихъ артелей мы и отправились. При входѣ въ помещеніе артели мы застали горячій споръ между тѣми, кто былъ

за стачку и противниками стачки. Противниками стачки были главным образом семейные рабочие. По крайней мере при первом же нашем знакомстве с настроением умов рабочих, нам постоянно приходилось слышать от безсемейных рабочих, что главным тормазом для стачки служат семейные рабочие. И безсемейные рабочие это понимали, ибо приходилось слышать от них: «нам то что, мы не там, так в другом месте заработаем себя на хлеб, а семейный куда подается». На это тормозящее обстоятельство стачки мы и обратили главное внимание. Не помню хорошо, кто из нас Г. В. ли или я был представлен рабочей массой, как адвокат. В качестве агитатора среди рабочих и под видом рабочего действовал Н. Лопатин. Несколько раз назначался день стачки, но приступить к стачке все как-то не рожались. Съ вечера как будто стачка решена безповоротно, а наступить завтра, рабочие собрались на фабрику и приступили к работам. Но, наконец, в одно утро, когда рабочие собрались на работы, один из рабочих, совершенно неизвестный до сего времени нам, агитирующим за стачку, потушил газ на фабрике, надфел свою красную рубаху на рукоятку какого то помела и с криком ура! вывел рабочих из фабрики. Таким образом, стачка началась. Мы немедленно же этого рабочего снабдили деньгами и предложили уехать из Питера, чтобы арест его не произвел деморализующего влияния на стачечников. Затем Лопатин, стоя на куче угля во дворе фабрики, поддерживал настроение рабочих. В своих речах он главным образом успокаивал семейных, заявляя им, что нуждающимся оказывает помощь «Земля и Воля» и люди сочувствующие рабочим. Он предложил, чтобы рабочие из своей среды избрали комитет, которому и будут выдаваться средства для распределения между нуждающимися рабочими. Лопатин в роли рабочего агитатора на куче угля, находившейся посреди двора фабрики, был совершенно другим человеком в глазах знавших его раньше. Рабочим он с первого своего выступления в роли агитатора очень понравился. Раз собиралась сходка рабочих на дворе, то рабочие сейчас же вызывали на импровизированную кафедру Николая. В тот же день в газету «Новости» была отправлена статья о стачке на фабрике Тортон. На другой день газетчик, жена которого была кухаркой в той артели, куда мы явились в первый раз с Г. В., принес газету со статьей о стачке. То обстоятельство, что о стачке их напечатано в газетах ободряло еще больше рабочих. Среди толпы была уверенность, что теперь уж их дело трудно будет замять директору фабрики, ибо теперь уж их дело известно всем. На второй или третий день стачки явился на фабрику градоначальник Зуров, убеждал рабочих прекратить стачку в противном случае грозил их выслать на родину. Рабочие стояли на своем, — требовали прибавки жалованья и удаления директора фабрики. Вечером предместье фабрики кишело шпионами, которых рабочие называли пауками и шпильщиками, в большинстве подростков, охотились за пауками, бросали в них камнями. Вдруг слышится в воздух: «ребята пауки! Камнями его,

камнями». Написали прошение на имя наследника, Лопатинъ прочелъ его рабочимъ съ своей кафедры, прошение было одобрено и рѣшено идти къ наследнику толпой съ прошеніемъ. Толпа двинулась къ Аничкину дворцу, гдѣ жилъ наследникъ. Я шелъ по тротуару Невскаго проспекта, на одномъ углу стоялъ продавецъ спичекъ съ лоткомъ и на вопросы недоумѣвающей публики въ виду двигавшейся массы, говорилъ: «это тортоновскіе рабочіе, значитъ, донялъ аспидъ. Рабочіе зря не пойдутъ,—это не студенты, чтобъ зря бунтовать». Солидно одѣтый господинъ, по виду похожій на пріѣзжаго изъ провинціи помѣщика, можетъ быть отецъ студента, вступился за студентовъ и сказалъ продавцу спичекъ: «почему, старина, ты думаешь, что студенты зря бунтуютъ? Вотъ ты рабочій человѣкъ, тебѣ извѣстна жизнь рабочихъ и ты потому знаешь, что рабочій зря не станетъ бунтовать. Вотъ, если бы также хорошо зналъ жизнь студентовъ, то ты бы, вѣроятно, не сталъ говорить, что студенты зря бунтуютъ. У всякаго, старикъ, есть свое дѣло, свои нужды и каждый по своему старается защищать свои интересы,—зря никто не станетъ объ стѣну головой биться». «Можетъ ваша правда, баринъ, отвѣтилъ старикъ съ лоткомъ а только я знаю этихъ аспидовъ фабрикантовъ, самъ на себѣ испыталъ, какъ они надъ нашимъ братомъ измываются. Тоже и я былъ фабричнымъ, потому и говорю, баринъ, что, рабочій зря не станетъ бунтовать». Наконецъ толпа подошла къ дворцу. Прискакалъ моментально Зуровъ, спросилъ,—что нужно и на заявленіе рабочихъ, что пришли подать прошеніе наследнику,—сказалъ, хорошо, я доложу его высочеству и отправился во дворецъ, доложить наследнику объ ихъ желаніи. Докладывалъ или нѣтъ Зуровъ наследнику, но вышелъ вновь къ рабочимъ, сказалъ, что наследникъ приказалъ ему принять отъ нихъ прошеніе. Затѣмъ попросилъ остаться 6-ти человѣкамъ, стоявшимъ рядомъ съ подавшимъ прошеніе, а прочіихъ просилъ расходиться по домамъ. Толпа обратно двинулась на фабрику. Наше положеніе, какъ агитаторовъ, было чрезвычайно затруднительнымъ. Какъ быть дальше? Мы рассчитывали на то, что рабочихъ не допустятъ къ дворцу и намъ оставалось тогда сказать рабочимъ, что въ виду такого отношенія къ нимъ начальства, имъ остается только рассчитывать на себя и предложить имъ продолжать стачку. Это было бы для насъ тѣмъ лучше, что въ продолженіе стачки на фабрикѣ Тортона, рабочіе другихъ фабрикъ черезъ земляковъ своихъ были подробно освѣдомлены о происходящемъ у Тортона и на нѣкоторыхъ фабрикахъ шла среди рабочихъ агитація о поддержкѣ Тортоновскихъ рабочихъ, своихъ товарищей. А вышло, что прошеніе принято, причемъ Зуровъ обѣщалъ рабочимъ, что жалоба ихъ будетъ разсмотрѣна и все, что можно будетъ сдѣлать въ ихъ пользу, будетъ сдѣлано. Рабочіе въ массѣ, конечно, придавали этимъ обѣщаніемъ отъ имени наследника большое значеніе. Можно ли было при такихъ сложившихся условіяхъ рассчитывать подвинуть рабочихъ на дальнѣйшій протестъ, на требованіе освободить задержанныхъ товарищей? На это было трудно рассчитывать. И дѣйствительно, когда мы по приходѣ сейчасъ же предложили чрезъ спродигандированныхъ рабочихъ: требовать освобожденія заложниковъ, то въ отвѣтъ получили: что нельзя

же зря требовать, а нужно подождать, что будетъ дальше. Таково мнѣніе массы. Въ виду такого отвѣта, легко было предвидѣть, что рабочіе подождали бы, подождали результатовъ прошенія, да и приняли бы за работу. Ожиданіе въ такихъ случаяхъ слишкомъ расхолаживающее средство, особенно, если имъ пообѣщали сдѣлать кое-какія уступки. Но очевидно дѣло представлялось иначе Зурову и онъ, не зная, — въ какой тупикъ попали мы, ограничился лишь тѣмъ, что попытался у оставленныхъ имъ рабочихъ выпытать о тѣхъ людяхъ, которые подбиваютъ ихъ рабочихъ на воспрещенный закономъ дѣйствія. Сказалъ имъ, что только доброта наслѣдника заставила его такъ отнестись къ нимъ и онъ все же принялъ ихъ прошеніе, а въ сущности закономъ подача прошеній скопомъ строго воспрещается. Говорилъ имъ о томъ, что есть злонамѣренные люди, враги царя и отечества, которые и пользуются довѣріемъ рабочихъ, но въ сущности они враги ихъ и добиваются только своихъ преступныхъ цѣлей. Совѣтовалъ имъ, если они знаютъ такихъ людей, напримѣръ того, кто писалъ имъ прошеніе, выдать властямъ. Но такъ какъ и самъ подававшій и взятые съ нимъ 5 человекъ, были спропандированы и въ достаточной степени разбирались между своими врагами и своими друзьями, то Зурову ничего отъ нихъ не удалось добиться и онъ еще разъ обѣщалъ имъ, что все, что можно будетъ, его высочество обѣщаль сдѣлать, совѣтовалъ имъ положиться на его обѣщанія, успокоиться и приступить къ работамъ. Такъ окончилась эта первая рабочая стачка, организованная «Землей и Волей». Во всякомъ случаѣ эту стачку можно считать впервые проложенной тропой русскими революціонерами въ массу рабочихъ. До сего времени революціонеры вели дѣло не съ массой, какъ я уже говорилъ а пріобрѣтали знакомства съ единичными представителями рабочихъ, которыхъ группировали въ кружки и вели среди нихъ занятія и такіе рабочіе даже иронически въ массѣ назывались студентами. Потомъ я уже не былъ свидѣтелемъ развивавшагося рабочаго движенія въ Петербургѣ; но на другой годъ на той же Тортоновской фабрикѣ повторилось тоже самое. Рабочіе этой фабрики тоже были выведены на улицу, — не знаю, — подъ тѣмъ же ли предлогомъ подачи прошенія кому либо или другимъ. Но на этотъ разъ они были разогнаны казацкими нагайками. Я узналъ о второй стачкѣ на фабрикѣ Тортонна по пути на Кару, когда къ нашей партіи въ Красноярскѣ присоединили троихъ рабочихъ, высылаемыхъ за эту стачку въ ссылку въ Сибирь. Среди нихъ было два моихъ знакомыхъ по первой стачкѣ. Они мнѣ и рассказали объ этой стачкѣ и демонстративномъ шествіи по улицамъ съ краснымъ знаменемъ. Но моя память мало сохранила изъ ихъ разсказа о подробностяхъ этой рабочей демонстраціи. Помню только, что рабочимъ казаки преградили путь у Аничкина моста и разсѣяли ихъ, причемъ многихъ избили нагайками. Остается еще мнѣ сказать о томъ горячемъ участіи учащейся молодежи, которое она проявила во время этой стачки. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга производились сборы въ пользу стачечниковъ и было собрано достаточно средствъ, чтобъ поддержать семейныхъ и вообще нуждающихся рабочихъ стачечниковъ. Вотъ эпизодъ свидѣтельствующій о томъ энтузіазмѣ, который про-

явила учащаяся молодежь къ этой стачкѣ. Пришелъ я въ одну изъ артелей рабочихъ, и здѣсь Лопатинъ конспиративно сообщилъ, что приходили лавристы и приглашали представителей отъ рабочихъ на сходку, чтобъ изъ словъ самихъ рабочихъ узнать о ходѣ и цѣли стачки. «Я думаю,—сказалъ мнѣ Лопатинъ,—что нужно этому помѣшать, ибо какъ бы лавристы не испортили всего дѣла». Нужно сказать, что такъ называемые лавристы представляли партію, которая начала уже эволюционировать, хоть и въ другую сторону, именно въ сторону германской программы социаль-демократовъ, но еще сохранила методу веденія дѣлъ среди рабочихъ по программѣ «Впередъ», т. е. ограничивалась пропагандой идеи своей программы. Упрекали лавристы землевольцевъ въ томъ, что они призываютъ къ протесту, мало придавая значенія тому,—сознательно ли рабочіе идутъ на протестъ, или нѣтъ. Кратко, землевольцы думали, что въ борьбѣ лишь рабочіе вырабатываютъ классовое сознаніе, лавристы же думали путемъ пропаганды привить рабочимъ такое сознаніе. Я находилъ, что ставить преграду предложенію, которое они сдѣлали рабочимъ, неудобно, и съ тремя рабочими отправился на сходку. Когда мы вошли въ помѣщеніе, гдѣ собралась сходка, три комнаты квартиры были биткомъ набиты молодежью. Я предложилъ рабочимъ пройти впередъ, самъ остался у дверей той комнаты, куда мы вошли. Рабочихъ усадили на почетное мѣсто и вокругъ ихъ образовалось тѣсное кольцо изъ студентокъ и студентовъ. Рабочіе, засыпанные съ разныхъ сторонъ вопросами, сначала еще кое-какъ отвѣчали, но въ непривычной обстановкѣ чувствовали себя не по себѣ, конфузились и наконецъ до того растерялись, что на предлагаемые имъ вопросы, указывая на меня, говорили осаждавшимъ ихъ вопросами: «спросите вотъ у нихъ: они все знаютъ, они тамъ съ нами». И немудрено было не растеряться. Одна барышня подаетъ имъ чай, другая стоитъ передъ ними съ лоткомъ съ хлѣбомъ и угощаетъ ихъ, и рядомъ съ этимъ со всѣхъ сторонъ засыпаютъ ихъ вопросами о стачкѣ. Помню, одинъ изъ рабочихъ подъ напоромъ съ одной стороны расточаемыхъ любезностей, и съ другой—засыпанный вопросами, выпустилъ изъ рукъ незамѣтно для себя картузъ, и одна барышня, поднявъ его, очистивъ отъ пыли, сказала ему: «позвольте,—я вашъ картузъ вотъ тутъ, на вѣшалкѣ повѣшу»,—то я, все это наблюдая со стороны, подумалъ про себя: еслибъ эта барышня предложила повѣсить его самого на вѣшалкѣ, то едва ли бы онъ былъ болѣе смущенъ, чѣмъ онъ сейчасъ смущенъ ея любезностью. Я рѣшилъ вызвать рабочихъ изъ этого труднаго положенія и сказалъ: «Г.г.! намъ пора идти, ибо сейчасъ должно быть собраніе рабочихъ на фабрику». Въ отвѣтъ на это со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы: «нужны ли деньги?» Грушевская, еще молодая очень барышня, фамилію которой я и узналъ только на этой сходкѣ, вытряхнувъ на столъ изъ сухарницы хлѣбъ, стала собирать на стачку. Никто, кажется, не пропустилъ мимо себя эту барышню, не бросивъ ей въ сухарницу, по меньшей мѣрѣ, рубль; бросали кольца, цѣпи отъ часовъ и пр. Это дѣлали студентки и студенты, изъ которыхъ большинство сами питались чаемъ и колбасой. Дорогой я спросилъ: «ну, какъ же вамъ показалось въ гостяхъ у студентовъ?»—Очевидно, со-

чувствіе молодежи такъ ярко выразилось на этой сходкѣ, что рабочие, несмотря на смущеніе свое въ непривычной средѣ, были глубоко тронуты видѣннымъ и слышаннымъ на этомъ собраніи молодежи. «Непривычно все это намъ, а все же какіе душевные господа студенты. Вотъ бы всѣмъ такъ жить, хорошо бы было!» Таковъ выпалъ тотъ годъ, который я рѣшилъ было использовать для занятій въ академіи и, понятно, что онъ былъ далеко не подходящимъ для мирнаго изученія медицины. Я побывалъ на лекціяхъ не болѣе десяти разъ, и когда наступили экзамены, я чувствовалъ себя совершенно неподготовленнымъ къ нимъ. Марія Николаевна и ея сестра Наталья Николаевна усердно убѣждали меня идти и все же держать экзамены. Я уступилъ ихъ настояніямъ. Но на пути съ ихъ квартиры, которая была на большой Невкѣ, рядомъ съ Георгіевской общиной, въ академію остановился въ раздумьи на Самсоньевскомъ мосту и думалъ, стоитъ ли при всемъ моемъ невѣжествѣ въ тѣхъ наукахъ, по которымъ мнѣ предстоитъ держать экзаменъ, идти экзаменоваться? И вотъ, опершись на перила Самсоньевскаго моста и смотря въ мутныя волны Невы, я окончательно рѣшилъ, что двухъ дѣлъ въ одно и то же время нельзя дѣлать, и что нужно однимъ пожертвовать для другого. Я и пожертвовалъ академіей для революціонной дѣятельности, взялъ мои документы изъ академіи и отправилъ ихъ на храненіе моей матери. Съ этихъ поръ я былъ только революціонеромъ.

М. Поповъ.

„Добролюбовская“ демонстрація.

17-го ноября 1886 г. въ С.-Петербурѣ.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Напечатанная въ февральской книжкѣ журнала „Былое“ за 1907 г. „добролюбовская“ прокламація, напоминающая о событіи, имѣвшемъ мѣсто въ Петербургѣ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, можетъ подать, мнѣ кажется, поводъ къ не совсѣмъ правильному истолкованію настроенія, господствовавшаго среди участниковъ „добролюбовской“ демонстраціи, и истинныхъ мотивовъ, руководившихъ ея организаторами. Будучи въ то время студентомъ петербургскаго университета, пишущій эти строки, самъ принимавшій нѣкоторое участіе въ заблаговременномъ и тайномъ оповѣщеніи товарищей о подготовлявшейся манифестаціи на могилѣ Добролюбова и участвовавшій въ ней съ самаго ея начала до конца, попытается возстановить факты, имѣвшіе мѣсто въ день 17 ноября и представляющіе характеръ и смыслъ „добролюбовской“ демонстраціи въ нѣсколько иномъ освѣщеніи.

Авторы прокламаціи совершенно правильно утверждаютъ, что мы (я говорю главнымъ образомъ о студенческой молодежи, составлявшей большинство демонстрантовъ), хотѣли воспользоваться правомъ служить панихиду, но они ошибаются, когда говорятъ, что *только* этимъ правомъ мы и хотѣли воспользоваться; что рѣшено было „не придавать панихидѣ характера противоправительственной демонстраціи“. Правда, у насъ не было принято и обратнаго рѣшенія. Но вѣроятность превращенія панихиды въ политическую антиправительственную манифестацію молчаливо допускалась всѣми, и предшествовавшая ей агитація среди учащейся молодежи заранѣе къ ней подготовила. Къ тому же и время было такое, когда долго сдерживаемое тисками самодержавнаго гнета протестующее настроеніе революціоннаго студенчества могло именно въ подобнаго рода манифестаціи найти удобный случай, чтобы прорваться, наконецъ, наружу. Да и само правительство, въ сущности, было совершенно право, взглянувъ на чествованіе памяти Добролюбова, какъ на актъ, если не прямо, то косвенно направленный противъ него.

Вспомнимъ, что дѣло происходило въ эпоху печальной памяти 80-хъ годовъ; въ эпоху, отмѣченную печатью самой мрачной реакціи, пытавшейся задавить въ Россіи всякое проявленіе живой общественной мысли и самодѣятельности и сопровождавшейся глубокимъ упадкомъ общественно-политическаго настроенія, наступившимъ вслѣдъ за разгромомъ партіи „Народной Воли“. Каждая попытка не только со стороны революціонной молодежи, но и со стороны мирной оппозиціи самымъ безпощаднымъ образомъ подавлялась правительствомъ Александра III. Понятно, поэтому, что, когда учащаяся молодежь и присоединившіеся къ ней представители интеллигенціи, профессора и литераторы, среди которыхъ можно было замѣтить покойныхъ О. Ѳ. Миллера, А. Н. Пышина и др., задумали 17 ноября 1886, въ день 25-лѣтней годовщины смерти Добролюбова напомнить русскому обществу о свѣтломъ образѣ великаго публициста, завѣщавшаго намъ идею борьбы за свободу и счастье народа и чествовать память его панихидой и возложеніемъ вѣнковъ на его могилу на Волковомъ кладбищѣ, правительство, заранѣе провѣдавшее о готовящемся чествованіи, тщательно скрывавшемся до послѣдней минуты, взглянуло на него, какъ на новое пробужденіе революціоннаго духа и приняло свои обычные полицейскія мѣры.

Съ самаго утра 17 ноября толпы учащейся молодежи, студентовъ и курейстокъ, начали сходиться съ вѣнками въ рукахъ къ вагонамъ конки, ведущимъ по направленію къ Волкову кладбищу. Мѣста въ вагонахъ брались съ бою, такъ какъ въ виду ожидавшагося громаднаго наплыва публики, каждый старался заранѣе добраться до кладбища, чтобы занять мѣсто ближе къ могилѣ знаменитаго писателя. Но всѣ эти хлопоты оказались напрасными, ибо прибывшіе встрѣтили у входа на кладбище сильный нарядъ полиціи, не позволявшей имъ проникнуть во внутрь.

Между тѣмъ вагоны конки продолжали каждыя 5-10 минутъ подвозить десятки людей, все болѣе и болѣе увеличивавшихъ собою толпу, собравшуюся у воротъ кладбища. Переговоры съ полиціей ни къ чему не приводили. Рѣшено было отправить депутатовъ къ градоначальнику Грессеру, чтобы убѣдить его отпереть ворота. Тотъ рѣшительно воспритивился этому. Но въ концѣ-концовъ полиція сдѣлала маленькую уступку и пропустила небольшую депутацію съ вѣнками для возложенія ихъ на могилу Добролюбова. Оставшіеся же передъ рѣшеткой стройно прошли „Вѣчную память“.

Но уже раздраженные грубымъ вмѣшательствомъ полиціи, манифестанты не могли болѣе скрывать закипѣвшее въ нихъ чувство протеста, которое и не замедлило вылиться въ форму открытой политической демонстраціи. Послышались звуки революціонныхъ пѣсенъ и гимновъ; одинъ изъ участниковъ демонстраціи, бывшій тогда студентомъ военно-медицинской академіи, д-ръ Фейтъ (недавно осужденный по дѣлу совѣта рабочихъ депутатовъ) взобрался на фонарь и произнесъ передъ толпой и на глазахъ смущенной полиціи рѣчь политическаго характера.

Послѣ возвращенія депутаціи съ могилы рѣшено было всей толпою двинуться къ Казанскому собору и тамъ отслужить панихиду. Конвоируемая полиціей, многочисленная толпа демонстрантовъ подъ громкіе звуки революціонныхъ пѣсень, смѣнявшихся провозглашеніемъ „Многая лѣта“ жившимъ еще въ то время великимъ изгнанникомъ П. Л. Лаврову и Н. Г. Чернышевскому, направилась по Лиговскому каналу (нынѣ Лиговская улица) къ Невскому, возбуждая интересъ и любопытство уличной публики неожиданностью и необычайностью происходящаго. Первая кратковременная остановка демонстрантовъ произошла въ моментъ появленія Грессера, выѣхавшаго навстрѣчу толпѣ. Выйдя изъ своихъ саней, онъ думалъ остановить ее словами увѣщанія и убѣдить ее разойтись. Но, послѣ минутнаго замѣшательства, вся толпа, охваченная однимъ чувствомъ возмущенія, начала наступать на градоначальника, который быстро ретировался подъ дружнымъ натискомъ демонстрантовъ и поспѣшно умчался въ поджидавшихъ его саняхъ.

Въ первыхъ рядахъ наступавшихъ находился, между прочимъ, казненный полгода спустя послѣ этого событія по дѣлу 1-го марта 1887 года А. И. Ульяновъ. Всегда рѣзко реагировавшій на всякое проявленіе полицейскаго произвола, онъ при видѣ Грессера пришелъ въ крайне возбужденное состояніе и съ крикомъ: „долой его!“ вмѣстѣ съ другими ринулся впередъ, увлекая за собою сестру, съ которою онъ все время демонстративнаго шествія шелъ подъ руку.

Послѣ исчезновенія Грессера демонстранты подъ звуки тѣхъ же революціонныхъ пѣсень продолжали свой путь. Подходя уже къ Знаменской площади, они замѣтили приближавшійся имъ навстрѣчу отрядъ конныхъ казаковъ, вооруженныхъ пиками. Врѣзавшись въ узкое пространство между сплошною линіею домовъ съ одной стороны и набережной незасыпаннаго еще въ то время канала съ другой, казаки подѣхали вплотную къ двигавшейся толпѣ, которая и вынуждена была остановиться, оказавшись замкнутой и въ арріергардѣ цѣпью конвоировавшихъ ее полицейскихъ. Несмотря на отвратительный мокрый осенній день, несмотря на то, что большинство демонстрантовъ были на ногахъ съ самаго утра, настроеніе у большинства было бодрое и приподнятое. Нѣкоторые изъ демонстрантовъ, стоявшіе впереди, у мордъ казачьихъ лошадей, обращались къ казакамъ съ импровизированными рѣчами, въ которыхъ напоминали имъ объ ихъ бывшихъ вольнолюбивыхъ, демократическихъ традиціяхъ и стыдили тою ролью, въ которой они выступаютъ теперь, становясь слѣпымъ орудіемъ деспотизма и произвола, и на лицахъ нныхъ казаковъ, подѣ влияніемъ юншеской рѣчи, появлялась то благодушная улыбка, то едва уловимая тѣнь стыдливости, изъ-за которой сквозило сознаніе характера навязанной имъ обязанности.

Становилось темно. Моросилъ мелкій осенній дождикъ, кропившій продолжавшихъ стоять среди улицы проголодавшихся и продрогшихъ манифестантовъ; а Грессеръ, повидимому изъ ме-

сти за слишкомъ шумную встрѣчу, оказанную ему при первомъ появленіи его передъ толпой, не торопились отдавать распоряженіе объ освобожденіи арестованныхъ изъ цѣпи окружавшихъ ихъ казаковъ и полицейскихъ. Но вотъ, наконецъ, явился онъ и самъ. На этотъ разъ онъ вошелъ въ толпу храбро и самоувѣренно подъ защитою цѣлой свиты полицейскихъ. Изъ сосѣдняго дома принесли простой деревянный столъ и табуретъ, на который Грессеръ сѣлъ. Затѣмъ онъ предложилъ демонстрантамъ расходиться, выходя изъ цѣпи по одному. Публика, отчасти опасаясь быть арестованною поодиночкѣ, отчасти же желая довести свой протестъ до конца, потребовала отъ него, чтобы онъ удалилъ полицію и предоставилъ ей расходиться по домамъ, какъ ей будетъ угодно. Но градоначальникъ на это не согласился, настаивая на выполненіи предложеннаго имъ условія. Публика, съ своей стороны также упорствовала. Наступилъ моментъ выжиданія, смѣнившійся минутой колебанія и завершившійся, наконецъ, отступленіемъ большинства демонстрантовъ, изнуренныхъ цѣлымъ, днемъ голода и усталости. Но все же подобралась небольшая кучка демонстрантовъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, которые не хотѣли расходиться иначе, какъ всѣ вмѣстѣ. На этотъ разъ пришлось отступить уже полиціи, и упорствующіе, окруженные до тѣхъ поръ тѣснымъ кольцомъ полицейскихъ, были освобождены и отпущены всѣ сразу. Уходя съ мѣста плѣненія небольшими группами въ два-три человѣка, мы нѣкоторое время кружили по улицамъ Петербурга и, убѣдившись, что ни явная, ни тайная полиція насъ не преслѣдуетъ, разошлись по домамъ. Въ день демонстраціи полиція задержала всего нѣсколько человѣкъ, между прочимъ, бывшихъ въ то время студентовъ петербургскаго университета прис. повѣреннаго Мандельштама и проф. Тугана-Барановскаго, которые были освобождены поздно вечеромъ того же дня. Но въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней по поводу „Добролюбовской демонстраціи“ среди студентовъ производились обыски и аресты, во многихъ случаяхъ, закончившіеся высылкою изъ Петербурга.

М. Брагинскій.

З а м ѣ т к а.

Въ концѣ моихъ „Дѣла давно минувшихъ дней“, № 3 „Былого“, я привелъ характерный случай възбалмошности енисейскаго губернатора Замятнина, не давшаго г. Мерло докончить своихъ научныхъ наблюденій въ устьяхъ Енисея. Нынѣ я получилъ письмо отъ г. Мерло, которое отчасти дополняетъ, отчасти поправляетъ мой рассказъ. Экспедиція, въ которой находился г. Мерло, была снаряжена по предложенію ген.-губ. Корсакова Вост.-Сиб. отдѣломъ географ. общества; г. Мерло заведывалъ хозяйственной частью и производилъ метеорологическія наблюденія. Экспедиція тронулась изъ Енисейска въ половинѣ мая 66 г. на баркѣ, буксируемой пароходомъ. Шаповъ остался въ окрестностяхъ Туруханска для изученія инородцевъ; его сопровождала жена. Въ Дудинкѣ (около 500 верстъ ниже Туруханска) присоединились къ экспедиціи Ф. Б. Шмидтъ, командированный академіей наукъ для осмотра и принятія мѣръ къ сохраненію мамонта, якобы найденнаго юраками въ тундрѣ. Въ концѣ іюня экспедиція достигла Бреховскихъ острововъ, что въ лиманѣ Енисея; эти острова обычная лѣтняя стоянка судовъ енисейскихъ рыбопромышленниковъ. Здѣсь экспедиція разбилась: г. Мерло повернулъ немного на югъ и въ началѣ августа устроилъ въ селеніи Толстомъ Носу метеорологическую станцію. По времени, всѣ члены экспедиціи, далеко не закончивъ своихъ обследованій (мамонтъ не оказалось) въ ту же навигацію направились обратно, а г. Мерло согласился остаться на два года; средствами онъ былъ обезпеченъ только на одинъ годъ. Но Шмидтъ и И. А. Лопатинъ надѣялись добыть необходимую прибавку или отъ академіи наукъ, или отъ вост.-сибир. отдѣла. Ни то, ни другое не удалось; зато казаки, братья Сотниковы (настоящіе хозяева всего края) согласились снабдить г. Мерло необходимыми средствами на второй годъ. И дѣйствительно, Сотниковы въ іюлѣ 67 г. все приготовили для продолжительной поѣздки г. Мерло въ тундру; но вышло иначе. Вдругъ появился нарочный отъ Туруханскаго засѣдателя съ предписаніемъ отъ губернатора,—отправиться г. Мерло съ первымъ пароходомъ въ Енисейскъ, а оттуда въ Еловскую волость, мѣсто причисленія г. Мерло. Въ сентябрѣ г. Мерло прибылъ въ Енисейскъ и тамъ нашелъ губернатора; естественно, г. Мерло отправился къ нему для объясненія такого неожиданнаго оборота дѣла. И вотъ что ему сказалъ губернаторъ:—„ну, извините, я не понималъ; вост. сиб. отдѣлъ обратился ко мнѣ, какъ своему сочлену и губернатору, съ просьбой оказать содѣйствіе къ вашему обратному выѣзду; я и далъ распоряженіе, не зная о вашихъ намѣреніяхъ“.

Такъ объяснялъ Замятнинъ. Но я въ Красноярскѣ слышалъ о передугѣ губернатора, что г. Мерло находится внѣ полицейскаго надзора, бумага сибирскаго отдѣла именно наведла его на это. Да и распоряженіе отправить г. Мерло въ Еловскую волость въ извѣстной степени подтверждаетъ мое указаніе.

Г. Мерло передалъ Замятнину дневникъ метеорологическихъ наблюденій и отчетность, для пересылки куда слѣдуетъ; а Замятнинъ любезно согласился дозволить ему проживаніе въ Енисейскѣ.

Л. Пантелѣевъ.

Письмо въ редакцію.

С. Т. Чудновскій въ своемъ письмѣ въ редакцію „Былого“ (1907 г. мартъ, стр. 308) утверждаетъ, что въ XI главѣ очерка „Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу (193-хъ)“ я придалъ неправильное освѣщеніе народническому движенію вообще и въ частности допустилъ ошибку, сказавъ, что ни одинъ изъ лавровцевъ не былъ привлеченъ къ процессу 193-хъ. Если авторъ письма былъ, можетъ быть, единственнымъ лавровцемъ, участвовавшимъ въ процессѣ, то я охотно каюсь въ своей ошибкѣ. Я собственно говоря, имѣлъ въ виду не лицъ, только раздѣляющихъ въ большей или меньшей степени взгляды Лаврова, а убѣжденныхъ сторонниковъ Лавровской платформы, поскольку она противопологалась анархизму. Я не только во время процесса, но и теперь не считаю Чудновскаго такимъ активнымъ лавровцемъ, но совершенно отчетливо представлялъ и представляю, что онъ никогда не былъ анархистомъ. Точно такъ же я зналъ, что ни Волховскій, ни братья Жебуневы и многіе другіе изъ участниковъ процесса не сочувствовали анархическому ученію. Объ этомъ я, кажется, ясно выразился въ своемъ очеркѣ (ноябрь, глава VII стр. 37 и слѣдующія). Такимъ образомъ категорическое утвержденіе Чудновскаго, „что и привлекавшіеся къ тому же процессу 193-хъ А. И. Желябовъ, Ф. В. Волховской, С. А. и В. А. Жебуневы и нѣкоторые другіе къ анархистамъ не примыкали“, не только не опровергаетъ, но скорѣе подтверждаетъ все, что сказано мною въ VII главѣ и другихъ мѣстахъ очерка. Перехожу теперь къ наиболее важному возраженію, что я неправильно освѣтилъ весь характеръ движенія 70-хъ годовъ. Повидимому Чудновскій не согласенъ съ тѣмъ, что я характеризую движеніе, какъ революціонное, а не чисто народническое. Въ подтвержденіе своего взгляда я привелъ въ своемъ очеркѣ достаточно фактовъ и не могу отступить отъ этого взгляда ни на іоту. Быть можетъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ я допустилъ неправильное истолкованіе фактовъ—ошибки всегда возможны,—поэтому я вполне присоединяюсь къ призыву уважаемаго мною С. Т. Чудновскаго, обращенному къ народникамъ (я бы сказалъ семидесятникамъ) прійти мнѣ на помощь въ исправленіи сдѣланной мною характеристики движенія. Въ своемъ очеркѣ я поставилъ широкую задачу—дать цѣльный взглядъ на движеніе 70-хъ годовъ, и если въ какомъ нибудь отношеніи я не справился съ этой задачей, то надѣюсь читатель проститъ мнѣ невольныя ошибки. Я буду вполне удовлетворенъ, если мой очеркъ вызоветъ рядъ статей, которыя дадутъ полную исторію семидесятыхъ годовъ, составившихъ крупную эпоху въ развитіи общественнаго и особенно революціоннаго міросозерцанія не только интеллигенціи, но и народа.

Старикъ.

27 марта
1907 г.

Историческая бібліографія.

Записки князя С. П. Трубецкого. Изданіе его дочерей. С.-Петербургъ. 1907 г.

Записки князя Трубецкого напечатаны были въ первый разъ въ Лондонѣ Герценомъ въ 1863 году. Второе изданіе ихъ вышло въ Лейпцигѣ въ 1874 году¹⁾. Съ этого изданія онѣ были перепечатаны въ 1905 г. въ журналъ „Всемирный Вѣстникъ“ (оттиски изъ журнала выпущены были въ отдѣльную продажу).

Новое изданіе, по счету четвертое, напечатано съ подлинной рукописи автора, и значительно отличается отъ прежнихъ, печатавшихся по копіи, доставленной Герцену. Главное, цѣнное отличіе его,—впервые появляющіяся 20 страницъ Записокъ, на которыхъ разсказана вкратцѣ исторія тайныхъ обществъ декабристовъ, начиная съ перваго по времени „Общества истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ общества“, или Союза Спасенія. На этихъ страницахъ—нѣсколько любопытныхъ данныхъ, которыя не встрѣчаются въ другихъ источникахъ по исторіи декабристовъ. Такова, напримѣръ, дата основанія перваго Общества: *9-е февраля*. Князь Трубецкой, вѣроятно, по связи съ какими-нибудь личными дѣлами, хорошо запомнилъ эту дату; онъ одинаково указываетъ ее и въ своихъ воспоминаніяхъ, начатыхъ въ Сибири, и въ своихъ показаніяхъ. И тамъ, и здѣсь онъ одинаково ошибается въ годъ, относя первое возникновеніе общества къ 1816-му году (стр. 12). Изъ показаній Пестеля и другихъ декабристовъ несомнѣнно, что Общество образовалось въ самомъ началѣ 1817-го года; по словамъ Пестеля—въ январѣ 1817 года. Сопоставляя эти извѣстія съ записками Трубецкого, датой возникновенія перваго Общества декабристовъ надо принять *9 февраля 1817 года*.

Главная часть Записокъ Трубецкого, разсказъ его о слѣдствіи, напечатана въ новомъ изданіи одинаково со старыми; страницы 33—78 новаго изданія совпадаютъ болѣею частью дословно съ страницами 10—80 лейпцигскаго изданія. Вступленіе же къ этимъ запискамъ, содержащее въ себѣ замѣчанія о царствованіи Александра I и разсказъ о междоусловіи, печатается въ новомъ изданіи съ значительными отмѣнами противъ прежнихъ изданій. Это вступленіе сохранилось въ бумагахъ князя Трубецкого въ нѣсколькихъ черновыхъ наброскахъ, написанныхъ въ разное время; одни и тѣ же факты изложены въ этихъ наброскахъ неодинаково; князь Трубецкой, видимо, нѣсколько разъ передѣлывалъ свое вступленіе и не далъ ему окончательной отдѣлки. Въ старомъ изданіи эта часть Записокъ была напечатана частью въ концѣ, подъ названіемъ „Отрывки“, частью же въ примѣчаніяхъ къ Запискамъ. Въ новомъ изданіи она цѣликомъ выдѣлена въ конецъ подъ заглавіемъ: „Прибавленіе къ запискамъ кн. С. П. Т.“ Эти прибавленія изданы не вполне удовле-

¹⁾ Записки князя Трубецкого (съ приложеніями). Лейпцигъ. 1874. J. L. Kasprovyč. 1874. Denkwürdigkeiten des Fürsten Trubetzkoi.

творительно. Редакторъ заботился о томъ, чтобы составить изъ различныхъ набросковъ связный рассказъ, и рѣшилъ пропустить нѣкоторыя страницы рукописи, и отдѣльныя фразы и замѣчанія разныхъ редакцій. Мы не находимъ въ новомъ изданіи 3 хъ съ половиной страницъ, лейпцигскаго изданія, любопытныхъ замѣчаній князя Трубецкого объ историкахъ возстанія 14 декабря и о книгѣ барона Корфа, начинающихся словами: „Все, что писано до сихъ поръ о дняхъ, предшествовавшихъ вступленію на престолъ покойнаго государя Николая Павловича, не имѣетъ для меня и тѣни справедливости“. (стр. 85—88 лейпцигскаго изданія). Кромѣ этихъ страницъ пропущены въ новомъ изданіи и нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія князя Трубецкого, имѣющія большое значеніе для исторической оцѣнки его записокъ. На страницахъ 27—28-й новаго изданія напечатанъ интересный рассказъ князя Трубецкого о томъ, какъ Николай Павловичъ предъявилъ свои права на престолъ еще въ тотъ день, какъ узналъ о бѣдѣ Александра I и какъ графъ Милорадовичъ „рѣшительно отказалъ ему въ содѣйствіи“. Въ старомъ изданіи мы находимъ тотъ же самый рассказъ въ нѣсколько распространенной редакціи и съ слѣдующимъ началомъ: „Я былъ коротко знакомъ съ д. с. с. Федоромъ Петровичемъ Опочининымъ. Пріѣхавъ къ нему 25 ноября, послѣ разговора о тревожныхъ вѣстяхъ, привезенныхъ вчерашнимъ курьеромъ, онъ мнѣ сказалъ, что великій князь Николай“ и т. д. При изданіи записокъ, само собою разумѣется, никакъ нельзя пропускать такихъ важныхъ замѣчаній, указывающихъ на источникъ свѣдѣній автора. Редакторъ новаго изданія, правда, не дѣлалъ такихъ пропусковъ произвольно, но онъ, выбравъ одну редакцію этого рассказа, оставилъ безъ вниманія листокъ съ другою, болѣе полной редакціей того же рассказа, и не нашелъ нужнымъ напечатать ее или въ примѣчаніяхъ или въ добавленіяхъ.

Нельзя не пожалѣть о пропускѣ вариантовъ къ рассказу князя Трубецкого объ отношеніи различныхъ классовъ общества къ двумъ претендентамъ на престолъ: Константину и Николаю. Въ нихъ встрѣчаются поучительныя противорѣчія, которыя заставляютъ историка съ большой осторожностью отнестись къ нѣкоторымъ частямъ рассказа. Противорѣчіе есть уже и въ текстѣ записокъ новаго изданія. На стр. 27 сказано категорически: „*Дворъ хотѣлъ Николая*“, а на страницѣ 33-й не менѣе категорически: „*Только нѣкоторая часть двора* предпочитала имѣть императоромъ Николая“. Въ вариантѣ, извѣстномъ изъ стараго изданія, сказано опять иначе: „Однакожъ *большая часть высшаго круга* желала имѣть императоромъ Николая“, подъ высшимъ кругомъ здѣсь разумѣется тотъ же дворъ, потому что желаніе это мотивируется надеждою, „что при немъ дворъ возвысится“ и рассказъ заключается словами: „такъ говорили придворные“. (стр. 5—6 примѣч.). Въ четвертомъ вариантѣ, также опущенномъ въ новомъ изданіи (стр. 109—110 стараго изданія), сказано „придворные желали Николая“, и указаны другіе мотивы: что „съ нимъ не будетъ никакихъ измѣненій при дворѣ, что все останутся на своихъ мѣстахъ“.—Въ новомъ изданіи на стр. 87-й сказано: „Одни военные искренно желали, чтобы Константинъ остался императоромъ. Имъ молодые великіе князья надоели“. Опущенный вариантъ даетъ интересное поясненіе о солдатахъ: „Военные рѣшительно были все за Константина, какъ офицеры такъ и простые солдаты. Последніе говорили, что Константину служить можно, а молодымъ князьямъ нельзя; такъ уже они опротивѣли всѣмъ военнымъ въ продолженіи командованія своего гвардейскими дивизіями“.

Редакторъ новаго изданія, стараясь изъ отдѣльныхъ отрывковъ составить связный разсказъ, не избѣжалъ при этомъ нѣкоторыхъ ошибокъ. На страницѣ 91-й 15 строкъ отъ словъ „Общество не имѣло опоры въ старшихъ чинахъ гвардіи“—несомнѣнно напечатаны не на мѣстѣ, безъ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ изложеніемъ. Этотъ отрывокъ—объ отношеніи гвардіи къ заговору тайнаго общества относится къ разсказу о томъ же на стр. 85—86. Здѣсь же онъ безсвязно прерываетъ разсужденіе князя Трубецкого о самоотверженности декабристовъ. „Они—говоритъ авторъ—давно уже обрекли себя служенію отечества и презрѣли страхъ безславія“. Вслѣдъ за этими словами должны слѣдовать непосредственно, минуя указанный отрывокъ, разсужденія Трубецкого о способности людей къ самопожертвованію (отъ словъ: „Сколь человѣкъ ни бываетъ привязанъ къ жизни“).

Подобное произвольное соединеніе различныхъ отрывковъ можно замѣтить и въ другихъ мѣстахъ новаго изданія. Герценъ сдѣлалъ гораздо лучше, напечатать эти черновые наброски въ видѣ „Отрывковъ“, наглядно отдѣливъ одинъ отъ другого чертою.

Къ новому изданію приложены статьи Б. Н. Чичерина „Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія“ и статья неизвѣстнаго автора „Мысли объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи“. Эти статьи занимаютъ 2/5 всей книги. Присоединены онѣ къ запискамъ потому, какъ заявляетъ З. С. Свербеева, что онѣ „нашлись въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого, писанныя его рукою“. Основаніе—очень недостаточное. Повидимому, первоначально статьи эти считались принадлежащими автору записокъ (ср. „Русскія Вѣдомости“ 1906 г. № 312, фельетонъ В. Е. Якушкина).

На разборѣ записокъ по существу я останавливаться не буду. Приведу лишь изъ слѣдственнаго дѣла о декабристахъ небольшія справки къ тѣмъ мѣстамъ записокъ, гдѣ князь Трубецкой говоритъ о допросахъ и очныхъ ставкахъ. Князь Трубецкой въ запискахъ подчеркиваетъ свою осторожность въ показаніяхъ на другихъ лицъ. Подлинныя же дѣла слѣдствія показываютъ наоборотъ, что онъ старался всячески доказать свою откровенность, и не останавливался предъ уликою другихъ. О своей очной ставкѣ съ Батенковымъ, князь Трубецкой говоритъ, что на вопросъ о принадлежности его къ тайному обществу онъ отозвался, что не можетъ доказать его принадлежности къ обществу, что „не знаетъ, чтобы кто его когда принялъ“, что „самъ никогда не говорилъ съ нимъ объ обществѣ“ и т. д. Въ собственноручномъ же его отвѣтѣ читаемъ слѣдующее: „Разсужденія его (Батенкова), по мнѣнію моему, не могли быть иначе дѣланы, какъ при извѣстности ему существованія тайнаго общества и въслѣдствіе довѣренности моею къ нему и участія его въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ общества; ибо невѣроятно, чтобы Рыльцевъ, познакомивъ Батенкова со мной, не сказалъ ему, что я членъ общества. А о намѣреніи воспользоваться обстоятельствами для введенія конституціонной монархіи Батенковъ зналъ“ (дѣло Гос. Арх. I № 359).

Разсказъ князя Трубецкого объ очной ставкѣ его съ С. М. Семеновымъ въ общемъ подтверждается бумагами архива, но тонъ отвѣтовъ, судя по этимъ бумагамъ, былъ иной. Князь Трубецкой утверждаетъ, что на вопросы комитета о принадлежности Семенова къ обществу, онъ дважды отвѣчалъ: „утвердительно сказать не могу, принадлежитъ ли онъ къ обществу“. На слѣдственный комитетъ эта очная ставка произвела другое впечатлѣніе. Въ журналъ комитета отъ 13 января 1836 г. записано было, что Трубецкой „уличалъ его (Семенова) въ

принадлежности къ тайному обществу, однако онъ по явному упорству въ томъ не сознался". И самъ кн. Трубецкой тотчасъ по возвращеніи въ казематъ послѣ очной ставки съ Семеновымъ поспѣшилъ письменно оправдаться предъ комитетомъ въ томъ, что онъ „не умѣлъ уличить“ Семенова: „Осмѣливаюсь всепокорнѣе просить Комитетъ—писаль онъ—войти въ разсужденіе, что я не иначе могу уличить многихъ изъ членовъ, какъ ссылкой на другихъ членовъ же. Подозрительнымъ показалось такъ же то, что я измѣнился въ голосъ, при видѣ г. Семенова; я смѣю представить, что свойственно человѣку почувствовать жалость къ другому (особенно когда имѣешь причины быть ему благодарнымъ, какъ я имѣлъ честь объяснить комитету) видя, что онъ губить себя ненужнымъ запирательствомъ“ (Гос. Арх. I № 67).

На стр. 53-й князь Трубецкой приводитъ одинъ изъ вопросовъ, заданныхъ ему слѣдственнымъ комитетомъ, въ такой формѣ: „Кто вызвался нанести ударъ, по моему предложенію, царствующему императору“. Тутъ память ему измѣнила; подчеркнутыхъ словъ въ вопросѣ не было. Вопросъ этотъ былъ сформулированъ такъ: „Кто вызвался и кто назначенъ былъ нанести ударъ государю и овладѣть дворцомъ, и вообще какой былъ сдѣланъ распорядокъ о дѣйствіяхъ 14-го декабря?“ Трубецкой отвѣтилъ на это такъ: „Кто вызвался и кто назначенъ былъ нанести ударъ государю императору совершенно не знаю... Тотъ или тѣ, кои показали, что я требовалъ, чтобы государь императоръ былъ принесенъ на жертву, должны знать если я кого на сіе ужасное дѣло и назначилъ; если я онаго требовалъ, то вѣроятно, и назначалъ кого-нибудь для исполненія... Не могу никакъ предполагать, чтобы кто рѣшился меня оклеветать, или умышленно невѣрно показать на меня“ (дѣло № 333 л. 71). Въ запискахъ (с. 53) этотъ отвѣтъ изложенъ совершенно иначе, но смыслъ его переданъ вѣрно.

Н. П. Сильванскій.

М. В. Довнаръ-Запольскій. *Тайное общество декабристовъ*. М. 1906. Въ книгѣ г. Довнара-Запольскаго есть много блестящихъ страницъ; это тѣ страницы, гдѣ говоритъ не авторъ, а говорятъ сами декабристы. Мѣткія и сильныя слова Пестеля смѣняются содержательнымъ при всей его сдержанности разсказомъ Никиты Муравьева; живые діалоги Рытѣева—пламеннымъ краснорѣчіемъ Каховскаго, страстными и безпощадными изліяніями Поджіо. Среди декабристовъ было много людей, писавшихъ превосходно. Историкъ ихъ тайнаго общества всегда будетъ грозить опасность, что его собственныя слова потусквѣютъ предъ блескомъ показаній и записокъ, служащихъ источникомъ его описаній и разсужденій. Г. Довнаръ-Запольскій и къ этому драгоценному матеріалу, и къ значительной темѣ работы: полное обзорѣніе заговора и возстанія декабристовъ—отнесся безъ должнаго уваженія. Поспѣшность работы ввела его въ многія заблужденія.

„Строя свой обширный планъ путемъ логическихъ умозаключеній,—писать авторъ—Пестель, *быть можетъ, сознавалъ силу своего ума. Въ этомъ отношеніи онъ былъ сыномъ своего времени*“. „Сознаніе силы своего ума“ является здѣсь—по точному смыслу словъ автора—отличительнымъ признакомъ времени Пестеля!

Говоря объ образованіи Пестелемъ южнаго общества и перечисляя всѣхъ его ближайшихъ сотрудниковъ г. Д-Запольскій весьма опредѣленно говоритъ: „Таковыми сотрудниками оказались: князь Волконскій, ... В. Л. Давидовъ, Сергій Муравьевъ-Апостолъ, Михаилъ Бестужевъ-Рюмин“, и продолжаетъ: „Съ этими

миами, уже состоявшими членами Союза Благоденствія, Пестель успѣлъ сговориться до кievскихъ контрактовъ 1822 года. Въ этомъ году *названные лица* съѣхались на контракты и *тутъ къ нимъ присоединились Сергій Муравьевъ-Апостолъ*“. Сергій Муравьевъ-Апостолъ, такимъ образомъ присоединяется къ „названнымъ лицамъ“,—а въ числѣ ихъ и къ самому себѣ. Изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что на кievскихъ контрактахъ 1822 года Михаила Вестужева-Рюмина не было (одинъ изъ четырехъ „названныхъ лицъ“), потому что онъ появился впервые на контрактахъ 1823 года.

Когда автору приходится въ разныхъ мѣстахъ книги касаться одного и того же факта, онъ каждый разъ импровизируетъ новое его объясненіе. Такъ, напримѣръ, говоря въ трехъ разныхъ главахъ о письмѣ Матвѣя Муравьева-Апостола къ брату его Сергѣю (написанномъ въ ноябрѣ 1822 года), онъ даетъ ему три разныхъ объясненія, исключаяющихъ одно другое. На стр. 206-й г. Д.-Запольскій на основаніи этого письма пространно разсуждаетъ о „постоянныхъ колебаніяхъ“ Матвѣя Муравьева-Апостола о „странной“ двойственности въ его характерѣ: „То онъ строитъ планы покушенія на жизнь государя, то *вдругъ* пишетъ своему брату Сергѣю письмо и представляетъ ему дѣла Общества въ совершенно безнадежномъ видѣ и въ мрачныхъ чертахъ представляетъ честолюбивые замыслы отдѣльныхъ его членовъ. И это письмо онъ пишетъ почти въ самый разгаръ своей дѣятельности въ дѣлахъ общества. Такъ странно въ немъ сочетались и качества дѣятельнаго члена Общества и недоверіе къ его успѣхамъ и даже къ поставленной имъ цѣли“. Читаемъ дальше, и на стр. 250-й узнаемъ, что Матвѣй Муравьевъ написалъ это безнадежное письмо къ брату не потому, что вообще всегда колебался, и не потому, что въ немъ странно сочетались разные качества, а потому, что въ этотъ опредѣленный моментъ, „охладѣлъ и къ Пестелю, и къ дѣлу общества“; охладѣлъ же онъ также по опредѣленной причинѣ, потому что „Пестель въ Петербургѣ произвелъ на него непріятное впечатлѣніе“, и въ подтвержденіе этого, авторъ цитируетъ его письмо къ брату ¹⁾. Здѣсь авторъ категорично заявляетъ, что Матвѣй Муравьевъ „охладѣлъ и къ Пестелю и къ дѣлу общества“. Читаемъ дальше, и на стр. 315, находимъ противоположное, не менѣе категорическое заявленіе, что „его недоверіе и холодность относились *не къ членамъ Общества, но къ лицу*, которое стояло во главѣ его“, то есть къ Пестелю, какъ сказано тутъ же.

Николай Тургеневъ, въ своемъ разборѣ донесенія слѣдственной комиссіи упрекалъ составителя донесенія въ томъ, что онъ, съ цѣляхъ обвиненія, преувеличилъ организованность Союза Благоденствія и формальное значеніе совѣщаній членовъ союза, что онъ строилъ обвиненія на простыхъ разговорахъ членовъ Общества, что онъ бесѣды ихъ превращалъ въ правильныя совѣщанія. Кто былъ правъ, Тургеневъ или Влудовъ, писавшій донесеніе? Гдѣ кончались простые разговоры и гдѣ начинались совѣщанія и постановленія общества, обязывавшія членовъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ? Это несомнѣнно основной вопросъ исторіи Союза Благоденствія, какъ и всякаго тайнаго общества. Г-нъ же Довнаръ Запольскій, обсуждая такой важный вопросъ, какъ принятіе Об-

¹⁾ На этой страницѣ, (250-й), авторъ объясняетъ охлажденіе Муравьева тѣмъ, что Пестель произвелъ на него непріятное впечатлѣніе во время своего пребыванія въ Петербургѣ, то есть въ концѣ 1824 г. На страницѣ же 232-й авторъ говоритъ, что „холодность“ Муравьева, замѣченная Пестелемъ до сентября 1824 года, была одной изъ причинъ, побудившихъ его предпринять поѣздку въ Петербургъ.

ществомъ республиканской формы правленія рѣшается утверждать, что это „не имѣетъ большой важности“. „дебатировался ли этотъ вопросъ въ формальномъ засѣданіи Коронной Думы или же является простымъ обмѣномъ мнѣній въ средѣ членовъ основателей Общества“¹⁾.

Не придавая важности внимательному разслѣдованію этого вопроса, г. Д. Запольскій гораздо больше графа Блудова преувеличилъ формальное значеніе нѣкоторыхъ совѣщаній членовъ Общества. Бесѣды и разговоры онъ, гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе Блудова, превращаетъ въ правильныя совѣщанія и рѣшенія общества—въ формальныя переговоры и въ „дипломатическія миссіи“ по строго установленной „программѣ“. При этомъ иногда, какъ напримѣръ въ описаніи поѣздки Пестеля въ Петербургъ въ 1824 году, всѣ его сложныя соображенія о „переговорахъ“ и „дипломатическихъ миссіяхъ“ оказываются построенными на пескѣ. „Пестель—пишетъ онъ—ѣхалъ (въ Петербургъ) для переговоровъ не одинъ. Передъ нимъ туда же отправился полковникъ Повало-Швейковский. Когда Пестель былъ уже въ Петербургъ, туда же пріѣхалъ кн. Волконскій. Всѣ трое явились въ Петербургъ въ разное время вѣроятно, въ цѣлихъ предосторожности, чтобы не обратить на себя вниманія полиціи. Надо думать, что поѣздка была такъ обставлена Пестелемъ не безъ расчета. Въ Петербургъ явились начальники 4-хъ полковъ южной арміи, что должно было бы импонировать на капитановъ и поручиковъ Сѣвернаго Общества... Съ другой стороны. Пестеля упрекали въ диктатурѣ: присутствіе сочленовъ должноствовало дать отпоръ такимъ мнѣніямъ. Наконецъ, каждый изъ пріѣхавшихъ велъ дѣло переговоровъ преимущественно съ однимъ изъ директоровъ Сѣвернаго Общества: Швейковский—съ Трубецкимъ, Волконскій—съ Оболенскимъ; Пестель на себя рѣшился принять удары критики со стороны Н. Муравьева“.

Всѣ эти соображенія о разныхъ тонкихъ расчетахъ Пестеля построены на невѣрномъ основаніи. Князь Волконскій, какъ видно изъ показаній его самого, Оболенскаго и другихъ, пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1824 году не одновременно съ Пестелемъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ концѣ этого года²⁾. Г. Довнаръ-Запольскій неправильно приурочилъ его пріѣздъ въ Петербургъ ко времени пребыванія здѣсь Пестеля, потому что онъ и самую поѣздку Пестеля въ Петербургъ, имѣвшую такое важное значеніе въ исторіи Общества, датировалъ ошибочно, отнеся ее къ *концу* 1824 года. „Пестель пишетъ онъ—откладывалъ поѣздку почти до конца 1824 года (въ сентябрѣ онъ еще былъ въ Тульчинѣ)“³⁾. Въ этой датировкѣ онъ основывается только на томъ, что Пестель въ сентябрѣ былъ въ Тульчинѣ (какъ будто, Пестель не могъ къ этому времени уже вернуться изъ Петербурга), и упускаетъ изъ виду точныя данныя о времени его поѣздки въ Петербургъ, давно напечатанныя въ Русскомъ Архивѣ изъ семейныхъ бумагъ Пестелей: 6 марта 1824 года выѣхалъ изъ имѣнія отца, села Васильева, въ Петербургъ и 6 мая того же года вернулся въ это имѣніе, а 17 іюня (вѣрнѣе іюля) уѣхалъ въ Тульчинъ (Р. Архивъ, 1875, т. I, с. 419).

Князь Волконскій вовсе не пріѣзжалъ въ Петербургъ одновременно съ Пестелемъ (въ мартѣ, апрѣлѣ), а третій полковникъ южной арміи, Повало-

¹⁾ „Впрочемъ, большой важности не имѣетъ *вопросъ*,—дебатировался ли *этотъ вопросъ* (ст. 69).

²⁾ Волконскій пріѣзжалъ въ Петербургъ также въ концѣ 1823 года и уѣхалъ отсюда въ началѣ 1824 года, до пріѣзда Пестеля. (Гос. Арх. I В. 399, л. 84—85, отв. № 8).

Швейковский, прїѣхалъ сюда гораздо раньше Пестеля, уѣхалъ вскорѣ послѣ его прїѣзда, и онъ никакъ не могъ „вести дѣло переговоровъ съ однимъ изъ директоровъ Сѣвернаго Общества“ княземъ Трубецкимъ, по особой „программѣ дипломатической миссіи“ до прїѣзда Пестеля въ Петербургъ, потому что, какъ сообщаетъ самъ же г. Запольскій, Пестель только въ Петербургѣ принялъ его съ бояре южнаго общества, то есть „открылъ ему весь ходъ Южнаго Общества“. Пестель въ своихъ показаніяхъ категорически заявилъ, что „полковнику Швейковскому, ѣздившему въ Петербургъ, никакого порученія не было дано“, и мы не имѣемъ никакихъ основаній не вѣрить этому заявленію, потому что Пестель одновременно съ этимъ рассказываетъ о порученіяхъ, данныхъ имъ другимъ членамъ общества, ѣздившимъ въ Петербургъ ¹⁾. А Пovalo-Швейковский не менѣе категорично утверждалъ, что до свиданія въ Петербургѣ, онъ съ Пестелемъ „вовсе не былъ знакомъ и никогда не видѣлся“.

Крайняя поспѣшность работы г. Д. Запольскаго, мнѣ кажется, достаточно доказана этими примѣрами. Результаты этой работы таковы, что заключительная фраза автора: „Предъ нами прошла *исторія* Тайнаго Общества“ не можетъ не показаться претенціозной.

Н. П. Сильванскій.

Т. Шевченко. *Кобзарь*. Выданія „Общества имени Г. Г. Шевченко для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга“ та „Благотворительнаго Общества изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ“. С.-Петербургъ. 1907.

Наконецъ-то, спустя 46 лѣтъ послѣ смерти украинскаго поэта, котораго Боденштедтъ считалъ „величайшимъ поэтомъ славянскаго міра“, въ Россіи появляется полное, свободное отъ какихъ бы то ни было цензурныхъ умолчаній и искаженій изданіе его поэтическихъ произведеній.

Коммиссія, организовавшаяся съ цѣлью изданія „Кобзаря“ (въ составъ которой входили С. Афанасьевъ, Ѳ. Волкъ, М. Дубяга, Я. Забѣла, О. Лотоцкій, О. Русовъ, П. Саладиловъ и П. Стебницькій) поручили редакцію изданія г. В. Доманицкому, въ общемъ блестяще выполнившему порученіе, требовавшее на стойчиваго вниманія, детальнаго знакомства съ произведеніями поэта и его біографіей и чрезвычайно кропотливой работы надъ сличеніемъ наличныхъ текстовъ съ сохранившимися автографами поэта. Къ счастью, послѣдніе такъ бережно сохранялись его почитателями, что въ распоряженіи г. Доманицкаго оказалось 270 автографовъ и 18 копій съ нихъ (изъ послѣднихъ 8 исправленныхъ рукой Шевченко). Наравнѣ съ вышеупомянутыми автографами должно поставить экземпляръ „Чигиринскаго Кобзаря“ (изд. 1844 г.), Гайдамаковъ“ и „Гамаліи“, также собственноручно исправленный и дополненный самимъ Шевченко. Вслѣдствіе вышеуказаннаго счастливаго стеченія обстоятельствъ, изъ всѣхъ 215 поэтическихъ произведеній Шевченка, напечатанныхъ подъ редакціей г. Доманицкаго, *лишь 8 произведеній остались неопровергнутыми по автографамъ поэта въ той или иной формѣ*.

Особенную цѣнность изданію придаютъ новые матеріалы, добытые П. Е. Щеголевымъ и Я. П. Забѣлой изъ архива департамента полиціи (бывшаго „III отдѣленія“). Матеріалы эти покоились въ архивѣ болѣе 50 лѣтъ недоступ-

¹⁾ Повало-Швейковскому дано было порученіе въ Петербургъ, безъ вѣдома Пестеля, Сергіемъ Муравьевымъ—Апостоломъ: передать письма тремъ членамъ Сѣвернаго Общества (Рос. Арх., I В, № 404).

ными для обследованія, при чемъ среди нихъ были три рукописи Шевченко одна изъ нихъ, носящая заглавіе „Три літа“ и заключающая въ себѣ 24 стихотворенія (1844—1846 г.г.), съ очень важными вариантами; во второй, менѣе важной, такъ какъ она была предназначена для подачи въ цензуру, находятся стихотворенія конца 1846 и начала 1847 г.; и, наконецъ, третья, самая цѣнная рукопись, заключающая въ себѣ *полный* текстъ поэмы „Еретикъ“ или „Иванъ Гусъ“ (неизвѣстная до послѣдняго времени часть этой поэмы была напечатана П. Е. Щеголевымъ въ № 6 „Вылого“ за 1906 г.). Какъ извѣстно, текстъ этой поэмы считался утеряннымъ. Въ бумагахъ покойнаго Шафарика, въ формѣ „посланія“ къ которому была написана эта поэма, нашелся лишь небольшой отрывокъ, который и печатался въ прежнихъ заграничныхъ (пражскомъ и львовскомъ) изданіяхъ „Кобзаря“. Помимо этой поэмы, являющейся однимъ изъ перловъ поэзіи Шевченко и чрезвычайно важной для характеристики его міросозерцанія, въ настоящемъ изданіи впервые, на основаніи матеріаловъ, найденныхъ въ III-отдѣленскомъ архивѣ, напечатаны четыре неизвѣстныхъ до сихъ поръ произведенія Шевченко: „Сова“ (стр. 157), „Дівочі ночі“ (стр. 164), „Маленькій Марьяні“ (стр. 270), „Три літа“ (стр. 280).

Впервые также напечатаны въ Россіи тексты такихъ поэмовъ, которыя раньше печатались лишь въ заграничныхъ изданіяхъ: „Сонъ“, „Кавказъ“, „Холодный боръ“ и цѣлой массы стихотвореній (входившихъ вмѣстѣ съ вышеупомянутыми поэмами въ составъ II тома пражскаго изданія „Кобзаря“, недопущеннаго цензурой къ обращенію въ Россію).

Теперь остается лишь пожелать, чтобы вслѣдъ за этимъ превосходнымъ изданіемъ „Кобзаря“ не было замедлено появленіе столь же тщательно и съ такой же любовью къ дѣлу обработанной біографіи великаго украинскаго поэта. Вслѣдствіе цензурныхъ условій недавняго времени всѣ попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, (включая и очень цѣнную по собраннымъ матеріаламъ біографію Шевченко, написанную покойнымъ Конисскимъ), страдали неполнотой и недоговоренностью. Даже обстоятельный критическій разборъ произведеній Шевченко, вслѣдствіе тѣхъ же условій, былъ совершенно невозможенъ и единственной выдающейся работой этого рода является блестящая статья покойнаго М. П. Драгоманова (Шевченко, украинфилы и социализмъ), погребенная въ одномъ изъ томовъ издававшейся въ Женевѣ „Громады“, и мало кому извѣстная.

В. Батуринскій.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

- Библиотека „Свѣточа“:
Пр Овсяннико-Куликовскій. Гоголь. СПБ. 1907. Ц. 1 р.
Н. И. Карѣевъ. Теорія личности П. Л. Лаврова. 1907. Ц. 30 к.
С. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій ч. I. Штундистъ Пав. Руденко. Съ воспоминаніями Кропоткина. СПБ. 1907. Ц. 1 р.
П. Кропоткинъ. Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Изд. Т—ва „Знаніе“. СПБ. Ц. 1 р. 1907.
А. Смоленскій. Земля — всему трудящемуся народу. Ц. 2 к. СПБ. 1907.
Жоржъ Вейль. Исторія республиканской партіи во Франціи съ 1814 — 1870 г. Перев. съ франц. Л. Шишко. Изд. Скирмунта. 1906 г. Ц. 2 р.
К—во „Свободная Пресса“:
Всев. Ильчинскій. Перлы к-д-ой тактики. СПБ. 1907. Ц. 20 к.
Записки бѣглаго каторжника Петра Симакова. Суторская каторга. СПБ. 1907. Ц. 20 к.
Новая литература № 3—4. 1907.
Обзоры текущей популярной литературы. Вып. I. 1907. Ц. 15 к. Изд. Библиот. Ком. Кіевск. Об—ва грамотности.
Противъ смертной казни. Изд. 2-ое дополненное. Сборникъ статей подъ ред. М. Н. Гернета, О. Б. Голдовскаго и И. Н. Сахарова. М. 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.
К—во „Посредникъ“:
Новыя произведенія Л. Н. Толстого. Вып. II. Божеское и человѣческое. Ц. 25 к. М. 1907.
Джонъ Дьюи. Школа и общество. Ц. 30 к.
Ө. Поступаевъ. У земли и у котла. Пѣсни трудовой жизни. Ц. 20 к.
Темный. Наслѣдство. Ц. 30 к.
Ө. Поступаевъ. Жена рабочаго. Ц. 2 к.
Наживинъ. На высотѣ. Ц. 2 к.
Благодѣтели. Ц. 2 к.
Генри Джорджъ. Земельный вопросъ, его сущность и его единственное рѣшеніе. Пер. съ англ. С. Д. Николаева. Ц. 10 к.
Горбуновъ-Посадовъ. Братская кровь. Ц. 3 к.
Библиотека для дѣтей Горбунова-Посадова:
Друзья-пріятели. Ц. 25 к.
Шалуны. Ц. 30 к.
Снѣгурка. Ц. 30 к.
Теремокъ мышки. Ц. 30.
Черезъ рѣчку. Ц. 40 к.
Любимая книжка. Ц. 40 к.
Лѣсные звѣри. Ц. 40 к.
Желѣзная дорога. Ц. 40 к.
Первые цвѣточки. Ц. 12 к.
Рождественскій подарокъ. Ц. 15 к.
С. Заварянь. Экономическія условія Карабага и голодъ 1906—1907. Перев съ арм. СПБ. 1907. Ц. 30 к. Изд. Армян. Культ. Союза въ Баку.

К—во „Донская Рѣчь“:

С. А. Савинкова. На волосъ отъ казни. Рост. на Дону. Ц. 10 к. 1907.

Танъ. Коронація въ Колымскѣ. Ц. 5 к.

М. Р. Поповъ. Къ біографіи И. Н. Мышкина. Ц. 5 к.

Хайимъ Гершковичъ. К—во „Къ свѣту“. Ц. 5 к.

100 лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу. По П. Мемановскому, Л. Кульчицкому и др. под. ред. Ю. Подвинскаго. Москва. 1907. Ц. 1 р. К—во „Молодая Польша“.

Исторія Россіи въ XIX в. вып. I. СПб. 1907. Ц. 1 р. 35 к. Изд. Т—ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К^о“. 1906.

„Русская Историческая Библіотека“:

А. В. Тырковъ. Къ событію 1 марта 1881 года. Ц. 8 коп. Ростовъ на Дону. 1907.

Анд. Ив. Желябовъ и С. Л. Перовская (Біографическіе очерки) съ пред. В. Бурцева. 1907. Ц. 15 к.

Литература партіи „Народной Воли“ вып. I. Ц. 1 р. 1907. вып. II. 1907. Ц. 1 р.

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. I, изд. Саблина. М. 1907. Ц. 2 р.

Б. Разинъ. Физика для народа. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Ц. 50 к.

К—во „Вѣрный Путь“:

А. Зиминъ. Церковь и государство. Ц. 7 к.

В. Василевичъ. Записки депутатовъ второй Государст. Думы. Ц. 4 к.

А. Николаевъ. Народная газета. Ц. 4 к.

Ежегодникъ внѣшкольнаго образованія, вып. I. подъ ред., В. И. Чернолускаго. Ц. 1 р. Изд. Т-ва И. Д. Сытина.

Михаилъ Павловичъ (Волонтеръ). Соціалистическое движеніе на западѣ Европы. (Итоги и перспективы) Рефератъ К-во „Новый Міръ“ Ц. 20 к.

Волонтеръ (М. Павловичъ). Регулярная армія или народная милиція? К-во „Воля“. Ц. 6 к.

Дисциплинарное Дѣло о присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощникахъ, пытавшихся въ октябрѣ 1905 г. прекратить занятія въ Кіевскомъ Окружномъ Судѣ. Кіевъ. 1907. Библіотека „Общественной Пользы“.

Н. Н. Полянской. Стачки рабочихъ и уголовный законъ. СПб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

А. Я. Ефименко. Истрорія Украйны и ея народа. Съ портретами и рисунками. СПб. 1907. Ц. 50 к.

Остроумно изобрѣтательный идальго Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Пер. съ исп. М. В. Ватсонъ. Ц. за двѣ части 7 р. Изд. Ф. Павленкова. 1907.

Рота № 1. 25 мар. 1907 г. Изд. Вил. Орг. Воен. Союза солдатъ и матросовъ.

Сигналь № 1 мартъ 1907 г. Органъ Всерос. жел.-дор. союза Полѣсс. ж. д.

Борьба № 2 Москов. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 5 апр. 1907 г.

Приложеніе къ № 1 „Народной Арміи“. Изд. Всеросс. Военнаго Союза.

Солдатская газета № 6 и 7. Изд. Пет. Ком. п. с.-р. мартъ 1907 г.

Партійныя Извѣстія № 5 и 6 Изд. Ц. К. п. с.-р. мартъ 1907 г.

Земля и Воля № 2 и № 3 мартъ 1907. (Крестьянская газета). Изд. Ц. К.

п. с.-р.

Трудъ № 11. Изд. П. К. и Совѣта Раб. Союза пар. с.-р. мартъ 1907.

Военный Листокъ № 12 и № 13 (апр. 1907 г.). Орг. Всеросс. Союза солдатъ и матросовъ одесскаго окр. и черномор. флота. Изд. Тавр. Союза п. с.-р.

Солдатская Мысль № 2. Орг. Всерос. Воен. Союза. Изд. Тиф. Союз п. с.-р. Мартъ 1907 г.

Думское Эхо № 2. Изд. Севаст. Ком. п. с.-р. 7 апр. 1907 г.

Солдатская недѣля. № 1 февр. 1907. Изд. Тиф. Ком. п. с.-р.

Сѣверный рабочій. № 7 и № 8 (4 и 18 марта 1907). Орг. Костр. Окр.

Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Молодость № 2. Полтав. союзъ учащ. п. с.-р. 8 марта 1907.

Южный рабочій № 1. 2 апр. 1907. Одесскій Ком. п. с.-р.

Крестьянинъ и рабочій № 4. Мартъ 1907. Орг. Уфим. Раб. Союза п. с.-р.

Молоть № 2 и № 3. Изд. Бакин. орг. п. с.-р.

№ 5.

- Соціалістъ-Револуціонеръ № 1 и 2 (мартъ и апрѣль 1907 г.). Изд. Тамб. Ком. п. с.-р.
- Представителю Воен. Судох. Орг. п. с.-р. Вл. Вас. Евреину отъ Ц. Б. В. С. О. п. с.-р.
- Первое мая 1907 г. Ц. Б. Воен. Суд. Орг. п. с.-р.
- Навигация открылась... Ц. Б. Воен. Суд. Орг. п. с.-р.
- 3 листка Барнаульскихъ приказчиковъ. Мартъ, 1907.
- 5 листовъ (№№ 20, 22, 24, 25, 26) Барнаульск. К. Р. С.-Д. Р. П., Мартъ 1907 г.
- Отчетъ Бакин. О. П. С.-Р. за ноябрь 1906, февраль и мартъ 1907.
- Отчетъ Воен. Союза П. С.-Р. за сент., окт., ноябрь 1906.
- № 2 и № 3 Извѣст. и одинъ листокъ Стачечн. К-та Каспійск. моряковъ ^{21/3}—³/₄—07.
- Извѣщеніе и 2 листка Кокандск. К-та п. с.-р. за ноябрь 1906.
- Товарищи—крестьяне! Изд. Бѣлевск. груп. п. с.-р., 17—II—907.
- „Что дѣлать крестьянамъ“ (по поводу указа ⁹/₁₁ 906). Изд. Ц. К. П. С.-Р. Мартъ, 1907.
- 2 листка Читин. К-та п. с.-р. Мартъ, 1907.
- 9 листовъ Амурской группы р. с.-д. р. п., январь, 1907.
- 2 листка Виленск. К-та П. С.-Р., мартъ, 1907.
- 4 листка Союза Якутовъ, янв.—апрѣль. 1906.
- Уставъ и листокъ професс. союза почт.—тел. и телеф. служ. въ Тифлисѣ Изд. Тифл. К. п. с.-р.
- Ко всѣмъ рабочимъ Одесск. Ком. п. с.-р. 8 марта 1907.
- Евд. С. Царь и народъ. Москва, Изд. Прѣснен. Отд. Всероссійск. Русс. союза.
- Дм. Бодиско. Шабашъ сатаны въ Госуд. Думѣ. Москва. Унив. тип. Строс. Бульв. 1907.
- Летучій листокъ Благовѣщ. Ком. Сибир. Союза. Р. С.-Д. Р. П. № 3 мартъ 1907.
- 2 листка К-та Польскаго Союза Р. С.-Д. Р. П. „Паолей-Ціонъ“ (на евр. языкѣ).
- 4 листка Красноярскаго Ком. п. с.-р. февр.—апр. 1907.
- Отчетъ Красноярскаго Ком. п. с.-р. янв.—апр. 1907.
- Извѣщеніе Θεодоссійскаго Ком. п. с.-р. по поводу экспроприаціи ²⁰/₃. Мартъ 1907.
- „Первое мая“ и „Къ рабочимъ“ 2 листка Харьков. Ком. п. с.-р. апр. 1907.
- Различные матерьялы и листки къ исторіи движенія и организаціи учащихся среднеучебн. завед. СПб. 1905 г. Листки и изданія Сѣвернаго Союза учащихся средне-учеб. заведеній.
- Сонъ попа Ивана (переп. изъ „Солдат. Листка“). Изд. Вил. Ком. п. с.-р. Мартъ 1907.
- Присяга и отечество (рядового). Изд. Всероссійскаго союза солдатъ и матросовъ. Тип. Вил. Ком. п. с.-р. Мартъ 1907.
- Товарищи! (По поводу 1 мая). Тиф. Ком. п. с.-р.
- Ко всѣмъ рабочимъ! (Къ 1 мая). Ник. Ком. п. с.-р.
- 6 листовъ Барнаульск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. Апрѣль 1907.
- Отчетъ Барнаульскаго Ком. Р. С.-Д. Р. П. за мартъ 1907.
- Ко всѣмъ товарищамъ учащимся (по пов. 1 мая) Организація учащихся, п. с.-р. при Ростов. Ком.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ:

Отъ д-ра И. В. С. — 20 р. Изъ Решты (Персія) 17 р. Отъ группы учителей Пошехонскаго уѣз. Ярос. губ. для полит. ссыльн. учителей — 4 р. Изъ Бодайбо — 100 р. Изъ Юрьева — 50 р. Изъ Решты (Персія) — 24 р. Отъ служащихъ въ конторѣ Т-ва Амурскаго Пароходства для Нарым. и Туруханскаго края (изъ Благовѣщенска) 13 р. 18 к. и 38 р. 25 к. Отъ Маріи Никит. Волковой 15 р. Отъ кружка еврейскихъ женщинъ для Акатуя — 50 р.

Деньги переданы по назначенію.

Въ пользу голодающихъ:

Отъ д-ра И. В. С.—10 р. и ранѣе 2 раза по 10 р., всего 30 р. Изъ Решты.
(Персія) 2 р. 30 к. и 2 р. 50 к. всего 4 р. 80 к.

Деньги переданы въ состоящій при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ
Комитетъ по оказанію помощи голодающимъ.

О П Е Ч А Т К И.

Въ статью Н. С. Русанова «П. Л. Лавровъ», помѣщенную въ февральской книжкѣ «Былого» вкрались нѣкоторыя искажающія смыслъ опечатки, важнѣйшія изъ которыхъ здѣсь помѣщаются:

<i>Напечатано.</i>		<i>Должно быть.</i>
Стр. 246, строка	2 снизу: д'Аламберга.	д'Аламбера.
" 248, "	21 сверху: Въ 1887.	Въ 1837.
" 254, "	6 снизу (въ примѣчаніи): соціалистическую.	соціологическую.
" 261, "	8 сверху: покойнаго Е. И. Конради, участвовавшаго	покойною Е. И. Конради, участвовавшею
" 266, "	22 снизу: міровоззрѣніе	міровоззрѣніе
" " "	21 " трехстепенныхъ	третьестепенныхъ
" " "	15 " фенербазіанство	фейербахіанства
" 268, "	4 сверху: формулами	формами.
" 272, "	7 снизу (въ примѣчаніи): нигилистовъ	легалистовъ
" 276, "	16 сверху: созданной.	Соціальной
" 283, "	18 снизу: одобряя.	ободряя

ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 20.
Въ нихъ помѣщ.:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщений. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. **ТОМЪ ПЕРВЫЙ**. 1825—1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Цѣна 75 к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакціею и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева**. Цѣна 60 к.

4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева**. Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ пред. **В. Я. Богучарскаго**. Цѣна 50 к.

5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева**. Выпускъ 2-й. Цѣна 50 к.

6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ**. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. (1877 г. Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.). Цѣна 1 р.

7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сбор. подъ ред. **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. **ТОМЪ ТРЕТІЙ**. (1877 г. Процессъ 193-хъ и др.). Ц. 1 р.

8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Ц. 1 р.

9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Выпускъ первый. Ц. 1 р.

10) Тоже. Выпускъ второй. Ц. 1 р.

11) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго**. Ц. 30 к.

12) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 годъ. (изъ дѣлъ д-та полиціи). Ц. 50 к.

13) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біографіи. Съ пред. **В. Л. Бурцева**. Ц. 6 к.

14) Убіиство императора Павла. Разказы современниковъ. Редакція **П. Е. Щеголева**. Ц. 20 к.

15) Декабристъ Пестель передъ Вѣрховнымъ Уголовнымъ судомъ **Н. Павлова-Сильванскаго**. Ц. 70 к.

16) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская. Біографическіе очерки. Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева**. Ц. 10 к.

17) Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ. **Н. А. Виташевскаго**. Ц. 8 к.

18) Къ событію 1-го марта 1881 года. **А. В. Тырнова**. Ц. 8 к.

19) Шесть мѣсяцевъ военно-полевой юстиціи. **Н. И. Фалѣева**. Ц. 15 к.

20) „Земля и Воля“ 70-хъ годовъ. Воспоминанія **О. В. Аптекмана**. Ц. 85 к.

Вышедшія изданія продаются въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

„WIEDZA“ (Знаніе)

Общественно-политическій, популярно-научный и литературный еженедѣльникъ

издается на польскомъ языкѣ въ Вильнѣ съ 1 декабря 1906 г.

Предназначается для широкихъ сферъ читателей и удѣляетъ особое вниманіе нуждамъ и интересамъ рабочаго класса. Считая своей главной задачей помочь выработкѣ сознательнаго отношенія къ окружающему, помѣщаетъ статьи въ общедоступной формѣ по научнымъ и, въ особенности, общественно-политическимъ вопросамъ. Слѣдитъ за профессиональнымъ и культурно-просвѣтительнымъ движеніемъ рабочаго класса и разсматриваетъ съ точки зрѣнія его интересовъ современныя общественныя, политическія и національныя стремленія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой за годъ (съ 1 Декабря 1906 г. по 1 Января 1908)—4 руб.; съ 1 Апрѣля до конца года—3 руб.; за четверть года—1 руб.

Адресъ редакціи и конторы еженедѣльника „Wiedza“: Вильна, Витебская ул., № 1, проездъ 4.

ВЪ КОНЦѢ МАЯ ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ ПЕРВЫЙ НОМЕРЪ
ежемесячнаго общественнаго и политическаго журнала
„СОЮЗЪ ЖЕНЩИНЪ“.

Журналъ будетъ посвященъ вопросамъ, связаннымъ съ борьбою за равноправіе женщинъ и, главнымъ образомъ, за ея избирательныя права, какъ первый необходимый шагъ на пути къ ея освобожденію.

Журналъ будетъ выходить ежемесячными выпусками отъ 1 до 2 печатныхъ листовъ, въ два столбца.

Подписная цѣна за 6 выпусковъ (до 1 Января 1907 г.)—1 руб. съ доставкой и пересылкой. За границу—1 р. 50 к.

Адресъ редактора-издательницы: СПБ., Николаевская ул., № 84, кв. 9, Марья Александровна Чеховой.

Лица, интересующихся женскимъ вопросомъ и отдѣльными отраслями его какъ-то: положеніе женщинъ-работницъ и крестьянокъ, условія женскаго профессиональнаго и интеллигентнаго труда, женскія артилы и общества, исторія и литература женскаго движенія, женское движеніе на западѣ и въ Россіи, женское образованіе, политическія и гражданскія права женщинъ, проституція и т. д.—просятъ сообщать редактору свои адреса. Имъ будетъ высланъ пробный № журнала.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается новое изданіе

Т-ва И. Д. Сытина

ЕЖЕГОДНИКЪ ВНѢШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНІЯ

Подъ редакціей В. И. Чарнолускаго.

Выпускъ I.

Статьи, обзоры, очерки и матеріалы.—Очередныя задачи внѣшкольнаго образованія въ Россіи.—Лига образованія.—Народн. университеты.—Первый русский Сетлементъ.—Общества самообразованія.—Рабочіе союзы, потребителн. общества и народн. образованіе.—Взаимопомощь маленькихъ библіотекъ.—Музыкальныя библіотеки.—Просвѣтителн. общества и народн. библіотеки во Франціи, Германіи, Даніи, Норвегіи, Швеціи.—Общество французскихъ библіотекарей.—Организаціи библіотекъ и работниковъ литературы, искусства и книжнаго дѣла въ Россіи.—Народн. образованіе и организаціи молодежи; союзы бывшихъ учениковъ.—Внѣшкольн. образованіе, государств. бюджетъ и казенная винная торговля.—Внѣшкольн. образованіе, вѣдомство православно. исповѣданія и свободныя религіозныя организаціи.—Казенныя изданія и библіотечное дѣло.—Народн. образованіе въ наказахъ Госуд. Думѣ.—Систематическое домашнее чтеніе.—Народн. дома.—Рабочіе клубы.—Изъ дѣятельности русскихъ просвѣтителн. обществъ.—Международн. учрежденія по внѣшкольн. образованію.—Изъ хроники общественныхъ библіотекъ.—Уставы общественныхъ и народныхъ библіотекъ.—Музеи.—Народныя чтенія.—Земства, города и внѣшкольн. образованіе.—Разныя общества и учрежденія, касающіяся вопросовъ внѣшкольн. образованія.—Свобода печати въ административн. распоряженіяхъ.—Изъ внѣшкольнаго образованія въ Россіи и заграничій—**Законы, распоряженія и справочныя свѣдѣнія по внѣшкольн. образованію:** печать; собранія и съѣзды; публичн. лекціи; литературн. чтенія: общества и союзы; библіотеки; книжная торговля; театръ, концерты, вечера и др. увеселенія; уроки для взрослыхъ; выставки; лоттереи.—**Таблицы:** грамотность и образованіе населенія Россіи по первой всеобщей переписи населенія (9 таблицъ); о воскресныхъ школахъ, повторителн. классахъ, курсахъ для рабочихъ, народн. чтенійхъ и публичн. библіотекахъ при училищахъ вѣд. М—а Н. П.; статистика воскресныхъ школъ всѣхъ націй; грамотность населенія въ различныхъ странахъ.—**Списки:** справочно-библіографическіе указатели популярной литературы, книгъ для дѣтскаго чтенія и для школьныхъ библіотекъ (съ характеристиками); государственныя, земскія, городскія и общественныя библіотеки; музеи и картинныя галлерей; просвѣтителныя и педагогическія общества; общества народн. развлеченій; періодическія изданія по вопросамъ образованія; библіографич. журналы; фирмы наглядныхъ пособій.—**Библіографія:** общая русская библіографія; библіограф. работы по народн. образованію; библіографія внѣшкольн. образованія за 1906 г.

Цѣна 1 руб.

НОВЫЯ КНИГИ:

Изданія Е. и И. Леонтьевыхъ

А. НѢМОЕВСКІЙ. *Изъ подъ пыли вѣковъ. I, Сократъ.* Перев. Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 1 руб.

П.-Ж. ПРУДОНЪ. *Что такое Собственность?* Полный переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 75 к.

А. НѢМОЕВСКІЙ. *Заглавіе конфисковано.* Переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 1 руб.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НОВѢЙШАГО СОЦІАЛИЗМА

Н. Каутскаго, П. Лафарга, Н. Гуго, Э. Бернштейна

въ двухъ томахъ.

Переводъ Е. и И. ЛЕОНТЬЕВЫХЪ.

Съ предисловіемъ Н. Каутскаго къ этому русскому изд.

Спб., 1907. Цѣна 1 руб. 50 коп. за томъ.

Складъ изданій при типографіи М. М. Стасюлевича: СПБ. Вас. Остр. 5 лин., д. 28., продажа повсемѣстно въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Скидка книгопродавцамъ—25%.

„Библіотека Освободительной Борьбы“

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (Л. Мельшинъ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ отъ изданія поступитъ въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

№ 2:

М. Фроленко.

М И Л О С Т Ъ.

Цѣна 10 коп.

№ 3.

Вѣра Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна 20 коп.

Складъ изданій: 1) въ редакціи журнала «Былое», Знаменская, 19. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Лиговская ул., д. № 44. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.

3 8198 319 173 397

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO

